

#ONLINE-БЕСТСЕЛЕР

18+

Кристина Старк

#КРЫЛЬЯ

САМЫЕ НАШУМЕВШИЕ КНИГИ РУНЕТА

Annotation

Семнадцатилетняя Лика Вернер после покушения на ее жизнь обнаруживает, что в состоянии стресса может ненадолго перемещаться в тела других людей. Лика уверена, что сходит с ума, пока не встречает человека, который подозрительно хорошо осведомлен о такого рода «симптомах».

Захватывающий роман о любви на фоне восхитительных декораций: альпийские предгорья, мегаполисы Европы, улочки крымских городков, пейзажи Тибета и Саудовской Аравии. Роскошная жизнь швейцарской аристократии, тайные организации, закрытые школы, эксперименты над человеческой психикой, чувства, которым невозможно противостоять.

- [Кристина Старк](#)
 -
 -
 - [Часть I. Infragilis et tenera\[1\]](#)
 -
 -
 - [1. Перемещение](#)
 - [2. Спасаться от себя самой](#)
 - [3. Здесь, сейчас. наедине](#)
 - [4. Я знаю о тебе все](#)
 - [5. И, бога ради, проваливай](#)
 - [6. Прокатимся с ветерком](#)
 - [7. Что чувствуешь ты?](#)
 - [8. Зависимость](#)
 - [9. ВЕЧЕРИНКА](#)
 - [10. Хоть на край света](#)
 - [11. Обними меня настоящую](#)
 - [ЧАСТЬ II. Amantes sunt amentes\[10\]](#)
 -
 -
 - [1. Десультор](#)
 - [2. Эланоидес](#)
 - [3. Ловушки](#)
 - [4. Катарина](#)

- [5. KDP](#)
 - [6. Диомедея](#)
 - [7. Феликс](#)
 - [8. Лика](#)
 - [9. Демоны](#)
 - [10. Побег](#)
 - [11. Силентиум](#)
 - [12. Гнездо ангелов](#)
 - [13. Секретарша дьявола](#)
 - [14. Неофрон](#)
 - [15. Une fleur rebelle](#)
 - [16. Вкус безумия](#)
- [Часть III. Amor vincit omnia\[45\]](#)
 -
 -
 - [1. Ответь мне](#)
 - [2. Без страха и сомнений](#)
 - [3. Не эксперимент](#)
 - [4. LEX](#)
 - [5. Переполошить сонное царство](#)
 - [6. На небесах](#)
- [Эпилог](#)
- [Благодарности](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)

- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)

◦ [55](#)

Кристина Старк

Крылья

© К. Старк, 2015

© Shutterstock, Inc., фотография на обложке, 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2015

* * *

*Руслане и Каролине, моим чудесным дочерям.
Пусть в вашей жизни будет все, но в первую очередь
тот, кто подарит вам крылья.*

Часть I. Infragilis et tenera^[1]

*My body is a cage that keeps me From dancing with the
one I love But my mind holds the key^[2]*

– Sara Lov, «My Body Is a Cage»

– Если бы мы с вами были птицы, – как бы мы
взвились, как бы полетели... Так бы и утонули в этой
синеве... Но мы не птицы.

– А крылья могут у нас вырасти, – возразил я.

– Как?

– Поживите – узнаете. Есть чувства, которые
поднимают нас от земли. Не беспокойтесь, у вас будут
крылья.

– И. С. Тургенев, «Ася»

1. Перемещение

Не нервничать, не испытывать боль, страх и стресс, – каждое мое утро начинается с этой мантры. Вещью номер один в моей жизни стал пузырек с успокоительным. Я уже почти привыкла к своей болезни.

Меня зовут Лика. Мне семнадцать. И я до сих пор помню тот день, когда меня в первый раз выбросило...

* * *

Лето 2011 выдалось на редкость жарким. Мой город превратился в филиал ада на Земле: едкий раскаленный воздух, сочащийся смолой асфальт, красные люди с обгоревшими лицами. Машины и те, казалось, ползали по улицам медленно, как отравленные мухи.

Но мне повезло сбежать из адской духовки в тропический оазис. Всего неделю назад я устроилась работать в цветочный магазин. Я никогда не интересовалась ботаникой, флористикой, искусством упаковки и продаж, так что не сразу смогла вообразить себя в должности продавщицы в цветочном магазине... Но Ольга, владелица магазина, была приятельницей моей мачехи. Это раз. Потом, мне предложили неплохие деньги и расчет каждую неделю. Это два. Ну и три: я могла находиться среди буйной зелени с утра до вечера, и пусть там снаружи хоть градусники трескаются. Куда лучше, чем жарить картошку в «Макдональдсе»!

Мне сразу пришлось по душе все эти бутоны, сочные стебли, разноцветные рулоны упаковочной бумаги, все эти счастливые покупатели, предвкушающие праздник. Вот заскочил молодой парень и требует три порочно-красные розы. Наверно, он влюблен по уши... Интересно, они уже целовались или еще нет?

А вот две нарядные дамы почтенного возраста шепчутся в уголке. «Да-да, конечно, у нас есть камелии!» – подмигиваю я, как будто торгую камелиями с пеленок. Я бы ни за что не призналась, что всего три дня назад не смогла бы отличить камелию от пиона. Я представляю вечеринку почтенных дам, с букетами в плетеных корзинках, музыкой семидесятых и роскошным чаепитием. Будет миндальное печенье и черничное варенье в стеклянных вазочках! Ведь дамы в шляпках не пьют водку и не танцуют босиком на столах? «А вам какие камелии, белые или розовые? Конечно,

вы правы, белые смотрятся куда утонченней...»

– Лика, что бы я без тебя делала? – шепчет мне Ольга, провожая взглядом довольных посетительниц.

Она мне льстит. Я уверена, что мне можно найти замену в два счета. На этой земле полно таких девушек, как я: не слишком уверенных в себе, но всегда готовых прийти на помощь (особенно когда нужно отличить камелию от розы). Девушек со средним ростом, средним весом и весьма усредненным размером ноги. С темно-каштановыми волосами и глазами цвета мокрого асфальта. Звучит не слишком романтично, зато в точку.

– Лика, можешь уйти сегодня пораньше! – прокричала мне Ольга из подсобки.

– Это еще почему? – спросила я.

– Потому что пятница!

Стыдно признаться, но у меня не было особенных планов даже на такое священное время, как пятничный вечер. У меня не было ухажера, и я без энтузиазма относилась к ночным клубам. Я собиралась провести остаток дня дома в компании книжки и тарелки печенья. Анна, моя мачеха, знает триста пятьдесят рецептов печенья. А я люблю его есть. Может быть, поэтому мы отличная команда.

– Ах да! Пятница! Я и забыла, – я театрально хлопнула себя по лбу. – Спасибо, Оль... У меня как раз грандиозные планы на сегодняшний вечер.

– Свидание? – промурлыкала Ольга. – Кто этот счастливчик?

«Гарри Поттер».

Я решила дождаться еще одного покупателя, а потом с чистой совестью сбежать домой. Звякнул колокольчик над дверью. Очередной посетитель, мальчишка лет десяти, вытащил из ведерка пышную хризантему, уверенно подошел к прилавку и сунул мне мятый полтинник.

– Девочке? – улыбнулась я.

– Нет, бабушке, – серьезно ответил он.

– Ей понравится, – заверила я его, заворачивая цветок в слой целлофана и едва сдерживаясь, чтоб не потрепать его по волосам.

– Даже не знаю. Она на кладбище вообще-то, – пожал плечами он. – Год как уже.

Я прикусила язык и протянула ему сдачу.

– Классный, – кивнул он, когда я наклонилась к нему через прилавок.

– Что, прости? – переспросила я.

– Классный кулон, – он указал на серебристого ангела с распростертыми крыльями, болтающегося на моей цепочке. – Талисман?

– Вроде того.

– И как, защищает?

– Еще как. Однажды я воткнула его в глаз плохому парню.

Мальчишка рассмеялся. Но его смех вдруг заглушила лавина пронзительного звона: где-то недалеко только что вдребезги разлетелась витрина. Сгорая от любопытства, он рванул к двери и высунул голову наружу, а когда повернулся ко мне снова, то был бледен как мел, и едва не охрип от испуга:

– ГОТОВЬТЕ СВОЙ ТАЛИСМАН!

И он тут же исчез за дверью, унося ноги от какой-то неведомой опасности. Едва дверь захлопнулась, тут же раздался еще один взрыв крошащегося стекла.

– Что там такое? – Ольга вышла из подсобки с ведерком ирисов.

Я подбежала к витрине и прижалась лбом к стеклу, пытаюсь рассмотреть происходящее на улице, и в этот момент...

Два силуэта по ту сторону появились так внезапно, как умеют появляться только призраки. И убийцы. И если бы мне дали еще минуту, то я успела бы отступить, убежать, спрятаться, – но этой лишней минуты мне не дали. Чья-то рука подняла битую и обрушила ее на стекло...

* * *

Ольга закричала. Этот крик потом долго преследовал меня по ночам. Все остальное – как в тумане. Как будто меня окунули в таз с водой, и все звуки остались где-то далеко, над поверхностью.

Витрина просто взорвалась от мощного удара. Меня осыпало осколками стекла. Я свалилась на пол, проехавшись ладонями и коленками по стеклянной каше. Жаркое лето не оставило мне ни единого шанса: на мне не было никакой мало-мальски серьезной одежды, которая защитила бы тело от лавины осколков, – ни куртки, ни штанов, ни кроссовок, – только тонкий белый сарафан на бретельках и вьетнамки на хлипкой подошве.

Я попыталась встать, опираясь на локти и вытянув перед собой две окровавленные ладони. И вот тогда-то я услышала голос. Всего несколько слов, но они намертво врезались в мою память.

– *Крови много не бывает.*

Тот, кто их произнес, был молод, лет двадцать, не больше. Я не посмела заглянуть ему в лицо. Все, что запомнила – черная одежда и ботинки с истертыми от ударов носками. Я все еще стояла на четвереньках,

от ужаса не чувствуя, как осколки обжигают колени, когда этот огромный ботинок поддел меня под ребра, как какую-нибудь собачку, и отбросил к стене. Потом я узнала, что этот пинок стоил мне двух ребер.

Двое других были похожи на цепных псов, сорвавшихся с привязи: они прошлись по полкам битой – той самой, от которой разлетелась витрина, смели на пол охапки свежих цветов, облили все керосином из пластиковой бутылки и подожгли... На мое счастье, они очень спешили. Я боюсь думать о том, где я была бы сейчас, если бы у них было лишних хотя бы полчаса.

Я сидела на полу и таращилась на свое белое платье, на котором там и сям расцветали алые, как маки, пятна. «Я ранена. Это моя кровь. Такая алая... Кензо^[3], ей-богу, удавился бы от зависти», – почему-то подумала я. У меня не получалось встать. Боль в боку мешала дышать. Я кое-как вытащила самые крупные куски стекла из ладоней и икр и, движимая тем самым инстинктом, который заставляет жука залезать в щель, а мышь в норку, – поползла к прилавку.

Ольга больше не кричала. Трещали и плавились жалюзи на окнах, полыхали букеты сухоцвета, пол был усеян зеленой кашей из раздавленных цветов. С улицы неслись визги, вой сирен, звон рассыпающихся витрин. Я сидела за прилавком, кашляя от дыма, но боялась выползти наружу. Боль, паника, стук крови в висках, разноцветные мухи перед глазами – все смешалось в один сплошной водоворот, в который меня затягивало, как слепого щенка. Последнее, что я запомнила перед тем, как отключиться, – желтовато-зеленое, словно отлитое из парафина, лицо Ольги, лежащей под прилавком в полуметре от меня.

* * *

Папа сидел возле моей койки и читал мне вслух газеты, старательно пропуская все новости о бесчинствах бритоголовых в торговом квартале. Больше всего досталось китайским лавкам, татарским закусочным и суши-бару на Булгакова, который, поговаривали, принадлежал какому-то корейцу и который сожгли дотла. Невообразимое происшествие для нашего тихого и спокойного Симферополя. Все подробности я узнала позже – когда сняли бинты и я смогла держать в руках газету. Родители обсуждать произошедшее в моем присутствии категорически отказывались.

После происшествия меня с мистическим постоянством начали преследовать обрывки одного и того же кошмара. Словно подсознание

пыталось напомнить мне что-то, о чем я бессовестно забыла. Этот сон как будто записали на пленку и стабильно, раза два-три в неделю, крутили в моем «ночном кинозале». Начиналось все с того, что...

Я лежу в мокром красном плати под прилавком. Красный мне к лицу, бесспорно. Но это тот оттенок платье, с которым в реальной жизни лучшие дела не иметь. Мне кажется, что я умираю, ибо что-то поднимает меня в воздух. По сценарию это должен быть медленный восходящий поток, с потусторонним сиянием и голосами ангелов... Но нет. Меня поднимают с земли быстро, бесцеремонно, рывком. Я посылаю рукам и ногам сигналы, пытаюсь мычать «я живая, я еще тут», но сигналы теряются где-то на полпути, ноги и руки не работают, и все, на что способны голова и конечности, – предательски болтаться из стороны в сторону.

– Множественные ранения осколками, дышит, – говорит мой спаситель и кладет меня на носилки. Я открываю глаза и вижу Феликса.

Феликса! Во сне меня спасает Феликс, и я не перестаю удивляться невозможному сюжету этого сна. Феликс – мой сводный брат. Впрочем, «брат» – слишком большая честь для него. «Сын Анны, жены моего отца» – максимум, на что я согласна.

Мой отец и мать Феликса познакомились несколько лет назад, вскоре поженились и стали жить вместе. Мы все стали жить под одной крышей: папа, мачеха, я и Феликс. С Анной мы быстро нашли общий язык. Я таяла от ее утонченности и той непостижимой ловкости, которая позволяла ей превращать моего вечно утомленного и раздражительного отца в сияющего, довольного жизнью здоровяка. А вот Феликс... Сказать, что Феликс мне не нравился, – не сказать ничего.

Феликс был на пять лет старше меня и, по мнению Альки и Иды, моих близких друзей, «весьма ничего». Темноволосый, высокий, сухой, внешне очень похожий на мать и... совершенно омерзительный тип. Если бы меня попросили найти слова, наиболее ярко характеризующие его, я бы не задумываясь сказала: «лжец», «пройдоха», «кровосос». И на подвиги, вроде поиска моего бездыханного тела в эпицентре вооруженного погрома, он однозначно не был способен.

Но сны – тот сорт материи, который кройке не подлежит, поэтому...

Феликс укладывает меня на носилки и смотрит на меня хмуро, заботливо, напряженно. У него на голове краповый берет и серо-голубой камуфляж. И... крылья. Невероятно, но у него за спиной – два сложенных, гладких крыла!

– Феликс, – шепчу я, – да у тебя же крылья, Феликс! Прошу тебя, дай

мне их! Я их верну. Не испорчу, не порву, я обещаю!

А Феликс молчит. Глаза темнее маслин, скулы окаменели, кожа белая как бумага.

– Лика, не нужно, – просит он.

Но я сползаю с носилок и повисаю на нем, вцепившись в плечо. На плече нашивка: пикирующий орел с выпущенными когтями. «Феликс, мне нужны эти крылья больше всего на свете, понимаешь? – мой голос срывается до хриплого шепота. – Я же стану сильной! Сильной, быстрой и неумолимой! Как бумеранг, как сокол, как ангел возмездия...»

«Девчонка бредит», – где-то вспыхивает чужой голос и тут же меркнет.

«Кровопотеря... Перелом ребра... Сюда ее! Поехали! Эй, вторую тоже прихвати, рассечение на затылке, без сознания. Давайте булками шевелите, девчонка что-то мне совсем не нравится...» – голоса загораются и тут же угасают. Феликс молчит.

– У тебя есть минута-две, – наконец говорит он. – Потом крылья вернут тебя.

Как, уже?! Поворота головы мне достаточно, чтобы разглядеть развернутый веер перьев за правым плечом. Я приседаю и, словно подброшенная невидимой пружиной, – взвиваюсь ввысь. Крылья несут меня так быстро, что воздух начинает обтягивать тело, как полиэтилен. Голова вращается в плечи, слизистая глаз мгновенно пересыхает, я зажмуриваюсь и...

Просыпаюсь. Этот эпизод про Феликса снился мне чаще всего. Но был и другой.

Я сижу на узкой металлической скамье. Это полицейская машина: задняя ее часть, два на два, в которой перевозят задержанных. Передо мной металлическая решетка, отгораживающая сиденье водителя. Я никогда не была пассажиром подобных автомобилей, но обстановка не вызывает во мне ни удивления, ни страха. Я спокойна, я словно под завязку засыпана гравием и залита бетоном: биооболочка, а внутри – монолит. Меня не сломать.

Я не вижу своих рук, они за спиной. С браслетами на цепочке. Смотрю на свои колени, обтянутые черной синтетикой и на... свои черные ботинки, с истертыми от ударов носками.

Отчего-то мне становится радостно. «Крови много не бывает», – говорю я и двигаю задницу поближе к прутьям, обрамляющим сиденье водителя. «Крови много не...» – я упираюсь лбом в металлическую перекладину и...

Открываю глаза. Так заканчивался второй эпизод. С неизменным ощущением давящей на лоб железа, от которого не удавалось избавиться еще долгое время после пробуждения.

А потом снилось еще что-то... Но я никак не могла вспомнить, что.

* * *

– Как там Ольга?

– В порядке. Распродала то немного, что уцелело, и закрыла магазин.

– Жаль... Анна, как меня нашли? – спросила я у мачехи, стараясь, чтоб голос не выделял предательских виражей.

– Прикатил «Беркут», – начала она. – Кого успели, переловили, потом... приехали кареты скорой... Слушай, твой отец будет зол, если узнает, что мы об этом говорили. Может, ну их, эти разговоры? Давай-ка поешь.

– Да нормально все. «Беркут», значит...

Я вспомнила вышитого орла на плече Феликса-из-сна и поежилась.

– Мне часто снится, что меня выносит из того магазина Фел... человек в форме «Беркута».

– Так и было. Может, это не сон, а воспоминание. Ты иногда приходила в сознание. Наверняка что-то слышала и видела, – Анна говорила медленно, словно слова застревали у нее в горле. – Слушай, я приготовила для тебя цыпленка! Если ты сейчас же его не съешь, мне придется везти его обратно по этой жаре, а по приезде выбросить, смирившись с тем, что несчастная птица умерла зря и этот куст розмарина в нашем саду тоже отращивал ботву зря... Ну так что? Будешь есть?

– Буду! – выпалила я с деланной серьезностью, и мы обе рассмеялись. О чем я тут же пожалела, чувствуя вспышку боли в боку.

– Ты сказала, что кое-кого поймали? – Я поздно поняла, что снова гоню грозовую тучу в едва возникшую атмосферу непринужденности.

– Да, – буркнула Анна. Достала завернутый в салфетку нож и принялась пилить цыпленка.

– Он уже умер, – пошутила я и стала ждать ответную шутку. Но вдруг нож в руке Анны погрузился в жареное мясо по самую рукоятку и замер, она застыла на месте и выпалила:

– Не умер, он просто разбил голову. Поделом, Бог все видит.

– Что? – поперхнулась я.

Анна ошарашено поджала губы.

- Ты имела в виду... цыпленка, да? – наконец криво усмехнулась она.
- Да! А ты кого имела в виду?
- Слушай... Твой отец меня...
- Анна, пожалуйста...
- Разделает на части, – закончила она.

«По-жа-луй-ста», – повторила я одними губами. И она сдалась, выкатывая слова медленно, как валуны.

– Один из задержанных. Разбил себе голову о металлическую перегородку в машине. Очень сильно.

– Как? Случайно?

– Нет. Случайно так удариться невозможно! Он бился головой об эту... железку, пока его не оттянули и что-то не вкололи. Там черепно-мозговая и кровавое месиво вместо лица. Ох, зачем я все это рассказываю, твой отец меня закопает...

У меня перехватило дыхание.

«Крови много не бывает», – говорю я и двигаю задницу поближе к решетке, обрамляющей сиденье водителя. «Крови много...» – я упираюсь лбом в металлическую перекладину и...

– О...

И в эту секунду я вспомнила тот обрывок сна, который каждый раз ускользал от меня сразу же после пробуждения. Мои пальцы впились в матрас, комкая простыню.

«Не бывает...» – я откидываю голову назад и с молниеносным ускорением опускаю ее на металлическую балку. Первый удар рассекает кожу на лбу – алый ручей устремляется вниз, разделив лицо на два берега. Второй удар ломает нос. От боли и напряжения вздуваются вены на руках. Мое сознание готово выпрыгнуть из этого тела, но я почему-то уверена, что у меня еще есть... минута-две. А потом... крылья вернут меня.

– Лица, боже мой... Врача! – завопила Анна. – Ох я дура...

Мне стало трудно дышать, в глазах снова заплескали разноцветные точки. Это не он разбил себе голову. Это я разбила ему голову! Все случившееся в машине для арестантов – не было сном. Я действительно была там!

Меня нашли вскоре после того, как я потеряла сознание под прилавком. Я смотрела на спасающего меня человека в форме и видела перед собой Феликса. А потом я отключилась, и мое сознание «перепрыгнуло» в тело мужика в черных ботинках. Одна часть меня осознавала реальность произошедшего, а другая – большая – пыталась

выдать все происходящее за галлюцинацию на фоне травматического шока. Одна часть меня решила, что другой такой шанс для кровавой – во всех смыслах – мести больше не подвернется. Другая – сделала все, чтобы я не вспомнила об этом.

Я собрала свой ужасный пазл и теперь, предчувствуя скорое помешательство, не могла оторвать от него глаз.

* * *

Едва я встала на ноги после нападения, отцу предложили работу в Германии. Эта новость стала для меня полной неожиданностью. Мой папа, который днями и ночами пропадал в своей лаборатории, в подземелье какого-то (научно-исследовательского института) дракона, и о котором, как мне казалось, кроме меня и Анны, никто не вспоминает, – вдруг позарез понадобился кому-то аж в Германии. Если точнее, в Центре молекулярной биологии Хайдельбергского университета. (Мне, как примерной дочери, пришлось выучить назубок место новой «работы».)

Оказалось, папино имя было на слуху в научной среде. О чем я, наверно, знала бы, если бы хоть чуть-чуть соображала в генетике. Но, ясное дело, с генетикой я не дружила, а папа сообщать мне о своей крутости не считал нужным. В те драгоценные дни, когда он не сражался допоздна со своим «драконом», а мог провести время с семьей, – он предпочитал говорить не о работе, а о более важных вещах. Например, о том, есть ли у меня уже ухажер и не распускает ли он руки.

И тут вдруг эти немцы, выманивающие папу из подземелья в свои светлые, уютные лаборатории. Конечно, он не мог отказаться, не мог устоять. А нам с Анной не оставалось ничего другого, как радоваться вместе с ним, засунув подальше вопросы «надолго ли?», «а как же мы?» и «что же дальше?».

На семейном совете, за тарелкой дымящегося жаркого и бутылкой шампанского, было решено, что Анна не поедет с отцом в Германию. Останется в Симферополе еще на год, пока я не окончу школу, а Феликс – колледж.

О том, чтобы оставить «ребятишек» без присмотра, и речи не шло. Во многом благодаря Феликсу. На Феликса со спокойной душой можно было наклеить ярлык «трудный ребенок». «Ребенку» шел двадцать третий год, но трудностей все не убавлялось...

Отец уехал в Германию сразу же после первого звонка, когда я, торжественно разодетая в белоснежную рубашку и черные брюки (все что угодно, только бы скрыть свежие шрамы на руках и ногах), начала свой последний учебный год. Даже Феликс появился на торжественную линейку с тремя алыми розами наперевес. Меня бросало в дрожь от красных цветов после погрома; меня тошнило от самого Феликса, но я взяла букет с вежливой улыбкой, пока мои одноклассницы поедали Феликса глазами (почему девчонкам всегда нравятся отморозки?). Потом мы всей семьей отправились гулять в парк, ели мороженое и смеялись – пожалуй, это была последняя радужная страница в жизни нашей семьи. А потом все покатилося в пропасть.

Феликс и раньше без особого трепета относился к матери, но после отъезда моего отца словно с тормозов слетел. Я не раз видела его пьяным в компании друзей. До меня все чаще доходили слухи, что его компания развлекается не только алкоголем, но и наркотиками. Я отказывалась верить, пока однажды он не появился в наш дом с эти самыми «друзьями».

Анна тогда уехала на какой-то «цветочный» симпозиум в Ялту, учиться собственноручно опылять орхидеи. Развлекаться, в общем. Я коротала вечер на нашем старом диване, в компании огромной чашки чая и сериала «Во все тяжкие». И тут в двери повернулся ключ, и она бесцеремонно распахнулась. Звук был такой, как будто ее открыли, пнув ногой. Я вздрогнула и пролила на себя чай.

– А вот и моя дорогая сестричка, – хохотнул Феликс, вваливаясь в гостиную. Он выглядел странно, не так как обычно: движения, выражение лица, речь – все какое-то резкое, судорожное. Но больше всего меня поразили глаза: они казались почти черными в полумраке и смотрели на меня так, как будто видели впервые. Этот взгляд был невыносим.

За Феликсом в дом просочилось еще полдюжины парней – шумные, горластые, бесцеремонные. Бритые затылки, бутылки пива в руках. Непрошенная свора гончих псов в моей тихой, домашней реальности. Наверно, так чувствуют себя лисята, когда в нору спускают фокстерьеров. Один из типов зажег сигарету, стоя прямо посреди гостиной! А у нас тут сроду никто не курил!

Я выключила телек, отставила чашку и встала:

– Эй, потуши сигарету.

– А то что? – ухмыльнулся тот, обнажая ряд мелких, прямо-таки

рыбьих зубов. У наглеца были желтовато-белые волосы, прыщавая бледная кожа и бесцветные глаза. То ли летнее солнце отказывалось прикасаться к нему, то ли он выползал из своей пещеры исключительно по ночам.

Я перевела глаза на Феликса. Тот стоял и улыбался, наслаждаясь моим замешательством.

– А то я звоню Анне и отцу, – рассердилась я (лисята тоже умеют кусаться!).

– Вано, гаси никотин, а не то канарейка выключет тебе глазки, – буркнул Феликс, пытаясь скорчить серьезную мину, но было понятно, что он едва не лопадется со смеху.

Тип погасил сигарету, но прежде, испытывая мои нервы и глядя на меня с пугающей насмешкой, выпустил в потолок синюю струю дыма.

Не нужно было быть профессором, чтобы по этим расширенным зрачкам и несвязной речи понять, что мне лучше убраться в свою комнату, запереть дверь на максимум оборотов и сидеть тихо. Шесть двадцатилетних лбов под кайфом – не лучшая компания для школьницы, экстремальный опыт которой заканчивался на нескольких выкуренных в школьном туалете сигаретах.

Я ничего не сказала Анне, о чем потом неоднократно жалела. Возможно, тогда было еще не поздно. Возможно, отец смог бы задействовать свои связи и не дать пасынку ступить на кривую дорожку. А дорожка и в самом деле оказалась очень кривой.

* * *

Феликс учился в автотранспортном колледже. «Учился» – это громко сказано, «числился» – в самый раз. Пока в результате не был отчислен за проваленную сессию.

Когда все вылилось наружу, Феликс перестал появляться дома. Анна звонила ему каждый день, ездила в общежитие, в котором он когда-то жил, но так ни разу и не застала его там. Знал бы этот отморозок, сколько слез она пролила.

А потом телефон Феликса начал постоянно пребывать вне зоны сети. Анна обратилась в милицию, начались поиски. Перетрясли всех его друзей и знакомых. Отец неоднократно приезжал поддержать Анну. Он даже подумывал огорчить немцев и вернуться в Симферополь, но Анна была категорически против. Уехать в Германию она тоже отказывалась, до последнего надеясь на то, что Феликс однажды постучит в дверь.

Анна была полностью сломлена. У куска мяса, пропущенного через мясорубку, и то было больше душевной стойкости и веры в лучшее, чем было у нее. По вечерам после уроков я готовила Анне ужин, читала и укладывала спать, как маленького ребенка. Она буквально на глазах становилась тоньше и бескровней. Ее пожирала сильнейшая депрессия.

Каждый день я клялась себе, что, если когда-нибудь живой и невредимый Феликс предстанет передо мной – я живого места на нем не оставлю.

* * *

Год близился к концу. О Феликсе ничего не было известно вот уже несколько месяцев. Отец намекнул мне, что неплохо бы взяться за немецкий язык, а потом, чем черт не шутит, поступить в университет в Германии. Одним словом, озадачил.

Я еще не представляла толком, чем бы мне хотелось заниматься в жизни, не хотела изучать немецкий, не хотела уезжать из любимого города. Однако, как ни крути, чувствовала острую потребность уехать поближе к отцу, быть рядом и увезти к нему Анну. Этот вихрь противоречий сводил меня с ума...

В остальном жизнь снова нащупала прежнее русло и теперь, капля за каплей, возвращалась в него. Казалось, еще день-два, и станет совсем легко. Однако это предвкушение было преждевременным...

* * *

Найти репетитора по немецкому не составило труда. Я просто открыла газету, пробежалась глазами по списку имен и вдруг увидела то, что надо. Имени было достаточно! Хельга Адольфовна! Человек с таким именем просто обязан был знать немецкий в совершенстве.

Интуиция не подвела. Хельга оказалась пожилой арийской дивой с тщательно уложенными седыми волосами и в свои шестьдесят с небольшим отличалась невероятной энергией и свежестью. Словно последние лет двадцать пролежала в криокамере. Ну или, по крайней мере, ежедневно пропускала по стаканчику эликсира молодости. Я даже представить не могла, что такие люди водятся в нашем запущенном городишке.

Как-то в субботу утром, за несколько дней до Нового года, я отправилась в гости к Хельге за очередной порцией зубодробительной германской лексики. Снег шел всю ночь, густо засыпал подоконники, а сад вообще превратился в заколдованный лес из сказок про Нарнию. В доме витал запах корицы и лимонных корок: Анна все утро пекла печенье, и я даже успела стянуть у нее несколько штук перед отъездом.

Маршрутка до Маршала Жукова, и вот я на месте, звоню в дверь, стягивая на ходу куртку и вытряхивая мокрый снег из капюшона. Щелкнул замок, дверь беззвучно открылась, и я, постукивая каблуками, шагнула в полумрак гостиной. К моему удивлению, вместо Хельги передо мной стоял незнакомый рыжеволосый тип в красной толстовке. Я напряглась. В голове завертелся рой самых мрачных подозрений: разве у Хельги были родственники? разве этот тип годится ей в приятели? разве он похож на какого-нибудь сантехника или компьютерного мастера? Нет, нет и нет – вот ответы на все эти вопросы! Мне конец. Этот тип залез в квартиру, уколошил Хельгу, которая наверняка сейчас лежит где-нибудь в ванне с проломленным черепом, и вот теперь... МНЕ КОНЕЦ!

– К-кто вы?

Он прищурился, как будто не совсем расслышал мой вопрос, а в следующую секунду случилось то, что заставило меня покраснеть до корней волос.

– Ich heiße Stefan^[4], – начал он на чистейшем немецком языке. Он говорил так легко и быстро, что я едва успела разобрать: «Я внук Хельги. Ей нездоровилось в последнее время, и она решила, что провести новогодние каникулы в санатории – отличная идея. Мне жаль, что бабуля не успела предупредить тебя».

– Ага. Понятно, – промямлила я, мечтая сквозь землю провалиться. И желательно поглубже.

Он рассмеялся, с удовольствием наблюдая за моей реакцией и лицом, медленно превращающимся в красный помидор. И тут, когда глаза окончательно привыкли к полумраку гостиной, а сердце перестало бешено колотиться, я заметила, что он не намного старше меня, хотя значительно выше и заметно шире в плечах. Он чем-то смахивал на английского принца Гарри: румянец на щеках и насмешливые глаза. Клянусь, уже через три минуты после нашего знакомства я не могла понять, как меня угораздило принять его за грабителя. *«Да я просто чокнутая истеричка, наверно, в этом все дело».*

– Лика, – представилась я. – Хельга Адольфовна – мой репетитор по немецкому.

– Я знаю, – сказал он, взял мою куртку и сунул ее в шкаф.
– А что с ней? Это серьезно? Я, наверно, тогда... пойду, – залепетала я, провожая взглядом одежду, только что скрывшуюся за лакированной дверцей.
– Да ничего серьезного. Я позанимаюсь с тобой, никаких проблем, – сказал он и повел меня в кабинет.

* * *

Я провела в гостях у Стефана целый день и даже не заметила, как стемнело. Он решил проводить меня до такси, когда я наконец собралась домой. А под козырьком подъезда неожиданно взял меня за руку и спросил:

– Что ты делаешь завтра?

Парней, с которыми я целовалась, можно было пересчитать на пальцах одной руки. И чаще всего их выбирала не я, а бутылочка, вертящаяся по кругу на школьных вечеринках, или рука ведущего в «кис-брысь-мяу». Эти поцелуи были ненастоящими, суррогатными, пластмассовыми. «Толик, или как тебя там, я тебя сейчас поцелую, только, бога ради, убери свой язык подальше», – вот что обычно жужжало в моей голове, когда малознакомое лицо наклонялось ко мне, обдавая запахом табака и мятной жвачки.

Но сейчас все мысли, как после взрыва, разнесло в стороны. Не осталось ничего, кроме чувства сладкой опьяняющей тревоги, словно я стояла на краю обрыва, смотрела вниз и знала, что еще мгновение – и я прыгну. Адреналин проникал в артерии, звуки улицы куда-то исчезли, мои пальцы переплелись с его пальцами.

Я подняла глаза.

– Стефан... – выдохнула я. Его имя скользнуло по моим губам мягко, глухо, как полоска бархата. Я плохо контролировала интонации голоса, и, кажется, его имя прозвучало как приглашение. Которое он, не раздумывая, принял. Его губы легли на мои, прижимаясь, обволакивая, стирая остатки прозрачной помады. Мне понравилась эта решительность. Я слушала бурю, которая поднималась во мне, и целовала этого парня так, как еще никого никогда, как вдруг...

Вдруг я почувствовала, что он остановился. Мои губы продолжали двигаться, но он не отвечал. Я расцепила пальцы, которые почему-то оказались сомкнутыми за его спиной, а не на плечах, открыла глаза и... застыла от ужаса.

Я стояла под козырьком подъезда и держала в объятиях *саму себя*. Я

держала в объятиях *свое тело*, которое было без сознания, руки которого только что безжизненно повисли, голова которого свесилась на бок, выронив из-за уха волну темных волос. Я, испуганная до смерти, находилась в теле Стефана, сжимая его руками – мое! – пустое, неподвижное тело.

* * *

Прошла то ли минута, то ли десять, а может быть, целая вечность. Я была ошеломлена каскадом новых ощущений: джинсы не обтягивают бедра, а сидят свободно, куртка на плечах непривычно тяжелая, на ногах невероятно удобные ботинки, гораздо удобней сапог на высоких каблуках.

«Господи милосердный! Я в теле Стефана!»

Снежный вихрь обдал нас снегом, сбивая с ног. Я еле-еле удержала на ногах тело Стефана и *свое* обмякшее тело. Я прижала его к стене, усиленно соображая, что делать дальше. Дышит ли *мое* тело, где сейчас сознание Стефана и – Матерь Божья! – вернусь ли я обратно?!

Из темноты вынырнули двое, прошли мимо и исчезли в глубине подъезда, даже не глянув в нашу сторону. Я представила, как мы выглядим со стороны: тип в толстой куртке жмет к стене какую-то черноволосую девицу, кого этим удивишь... Как только стих звук шагов, я схватила *свою* болтающуюся руку, чтобы нащупать пульс на запястье, и, к своему ужасу, не смогла его найти. Тогда трясущимися руками начала расстегивать молнию на *своей* куртке, пытаюсь добраться до горла и нащупать пульсацию сонной артерии. Прижалась ухом ко рту. Тихое дыхание коснулось моего виска, под пальцами на шее шевелился пульс. Я зажмурила глаза изо всех сил и зашептала, обращаясь ко всем святым и чертям сразу: «Пожалуйста, верните меня, я не хочу всего этого, пожалуйста, я не хочу...» и тут же провалилась в темноту, растекшуюся вокруг так неожиданно, словно кто-то щелкнул выключателем.

Мгновение спустя я почувствовала невероятное давление: что-то прижимало меня к стене так, что ребра едва не хрустели. Я открыла глаза и повторила в сотый раз: «Пожалуйста, я не хочу»...

Стефан стоял напротив, притиснув меня к стене и низко опустив голову. Одна его рука больно сжимала мое запястье, а другая все еще была на моем горле, впившись пальцами в ямки под подбородком... я еле дышала.

Он мгновенно отдернул руки, глядя на меня с тревогой, и был бел как

бумага. Он ничего не помнил. И ничего не понимал.

– Лика... – начал он. – Я, кажется...

Он был напуган не меньше моего. Но я была не в состоянии сказать ему то, что следовало: «ты не виноват, это все я», «ничего такого не случилось», «ты не сделал мне больно». Я вообще была не в состоянии говорить. Меня переполняло отчаяние. Если бы внутри меня существовал город, то сейчас его бы просто сровняли с землей, со всеми его домами, улицами и мостами... Его бы просто стерло с лица земли.

Твердь под ногами качнулась, как в лифте: я медленно погружалась в свой персональный ад.

* * *

Я бежала по темной улице, едва разбирая дорогу. Наверное, так летит сквозь лесную чащу перепуганная насмерть птица: не чувствуя усталости и боли, вне времени и пространства, без всяких мыслей – только хрип и хлопанье крыльев.

Дальше, дальше от этого места, где только что подо мной разверзлась земля и рука какого-то невидимого демона ухватила меня за лодыжку!

Я бежала, пока могла дышать, потом морозный воздух сделал свое дело: грудную клетку словно стеклом набили, и я рухнула на обледеневшую скамью в каком-то незнакомом парке. Дыши, Лика Вернер, дыши. Пейзаж, пространство, предметы – все постепенно начало обретать очертания. Черный металл скамейки, мой оранжево-красный шарф: один конец чудом цепляется за шею, другой – болтается у самой земли, разбитые ладони, разорванные на коленях джинсы...

Я – запертая в милицейской машине, в теле арестованного мужика, – это все было реальностью, все до последней детали! Тогда я смогла обмануть себя, смогла убедить себя, что все это было посттравматическим бредом, хотя и до чертиков реальным. Но не в этот раз.

Снег таял на шее и лице и сползал ледяными струями за шиворот. Слезы текли по щекам, так что, когда я наконец добралась домой, на моем бесцветном, распухшем лице не осталось ни капли косметики.

* * *

Две недели я провела дома, свалившись с такой ангиной, какой у меня

сроду не было: не могла ни есть, ни говорить. Анна, как цербер, никого ко мне не подпускала, даже самых близких подруг. Я не сопротивлялась. Александра все поймет, Ида все простит, я объясню им все. Если хватит слов...

Впрочем, однажды Анна все же принесла мне телефон. «Он очень просил», – призналась она, поправила одеяло и вышла. Я знала, что это Стефан, еще до того, как услышала голос.

– Я тогда наверно... вырубился. Мы целовались, а потом – ничего не помню. Вообще. Но у тебя было такое лицо, как будто случилось что-то ужасное... Мы можем встретиться?

– Нет, не могу, не получится, никак, – начала неумело отказываться я.

«Прости, Стефан... я не хочу никаких парней. Никаких встреч. Никаких разговоров. Ни сегодня, ни завтра, никогда. Потому что мне очень – ОЧЕНЬ! – страшно».

* * *

Зеркало не врало: я давно не выглядела так хреново. Блеклые, торчащие во все стороны волосы, бледная сухая кожа, кажущаяся еще более бледной на фоне волос, фиолетовые круги под глазами. И серые, нездорово тусклые глаза. «Мои свинцовые пули», – любил говорить о них папа, когда я приходила к нему, рассерженная или огорченная чем-то. Теперь максимум, на что эти глаза могли рассчитывать, – две старые оловянные пуговицы.

Ох, папа... Мысли об отце тут же придали мне сил. Нет, я не могу позволить себе сломаться. «Всему есть объяснение», – сказал бы он. Так и есть. Если это кошмар, мне нужно проснуться. Если это помешательство, мне нужен врач и банка разноцветных колес. Если я монстр, мне нужно научиться жить с этим.

2. Спасаться от себя самой

Говорят, что процесс принятия неизбежного состоит из пяти стадий: отрицание, гнев, торг, депрессия, принятие. Сначала ты качаешь головой, потом кричишь и бьешь об пол тарелки, затем пытаешься заключить сделку с судьбой, после пьешь антидепрессанты горстями и вот наконец падаешь в изнеможении, раскинув в стороны руки... Я и тут не вписалась в норму: стадии сменяли друг друга в хаотичном беспорядке, день за днем, месяц за месяцем. Декабрь, январь, февраль – вода, огонь, медные трубы. К концу зимы я смогла бы написать диссертацию на тему: «Как быть *вне себя*, не привлекая внимания окружающих». Теперь меня начало выбрасывать в школе.

Первый раз случился на уроке химии. Ничто не предвещало беды: класс мирно похрапывал, химичка разрисовывала доску формулами, Ида что-то шкрябала на клочке бумаги. И тут все пришло в движение: класс завертел головами, над нашей партой склонилась химичка и тут же гордо выпрямилась с трофеем в руке.

– Ковалевская! Что у нас тут?! Неужели что-то более важное, чем ковалентные связи? Так-так... – химичка развернула отобранную у Иды записку и громко откашлялась. – *Я тоже не могу перестать думать о тебе. Постоянно прокручиваю в голове нашу последнюю встречу...*

– О не-ет, – Ида прижала ладони к пылающим щекам. – Пожалуйста-а...

Ни один вменяемый человек не смог бы намеренно обидеть Иду: маленькая, хрупкая девушка с лицом фарфоровой куколочки. Да легче пнуть котенка, чем обидеть Иду. Но у химички кислотные пары давно выжгли зону умиления в мозгу.

– *Не представляешь, как мне хочется...* – продолжала химичка.

Я обернулась и встретилась глазами с сидящей позади Алькой. Она тоже была в бешенстве. Коротко стриженные каштановые волосы торчат во все стороны, как наэлектризованные, глаза опасно сузились, карандаш в руке вот-вот сломается. Она тоже не любила, когда пинают котят. Более того, сама могла отпинать кого угодно.

– *...сбежать с этой гребаной химии (ай-яй-яй, Ковалевская!) тесте с тобой и целоваться, пока...*

– Ну хватит! – вскочила я и – в следующее мгновение рухнула на парту.

Таких быстрых «перемещений» у меня еще не было. Я качнулась на каблуках старомодных туфель, опустила руку с запиской и протянула ее обратно Иде. Находиться в теле химички было все равно что сидеть в бабушкином платяном шкафу: запах лаванды, средства от моли и старых кожаных ремней.

– Сама не знаю, что со мной, – скрипучим голосом сказала я. – Прости меня, Ида. Иногда мы, взрослые, ведем себя как придурки. Конечно, я бы хотела, чтобы мои уроки химии не были такими нудными, но, боюсь, у меня нет таланта рассказывать интересно о неинтересных вещах. Зато я умею лезть в чужую личную жизнь!

Класс застыл от удивления, а потом лег от смеха. Мне удалось одним махом спасти от насмешек Иду и химичку – от коллективной ненависти. И никто даже не заметил, что голова Лики Вернер остаток урока лежала, посапывая, на парте.

Потом было происшествие на уроке физкультуры. Я так больно подвернула ногу, что в глазах потемнело. А когда темнота рассеялась, обнаружила, что сижу в мускулистом теле одноклассника Витьки Чижова, а пожелтевший от страха физрук пытается привести мое тело в чувство.

– Смотри, Вернер хлопнулась в обморок от боли, – ткнул меня в бок долговязый Гренкин и расплылся в идиотической улыбке. – Круто, да?

– Да пошел ты, – так мрачно прогрохотала я Витькиным басом, что Гренкина тут же как ветром сдуло.

Потом меня разочек «вытряхнуло» на биологии («Лику, голодные диеты – это очень, очень плохо для обмена веществ и вообще для организма!»), на уроке информатики («Откройте окно! Да не на компьютере! Настоящее окно! Вернер снова плохо...»), на уроке физики. («Ковалевская, сбегайте за медсестрой! А вы придержите Лику, чтобы не упала с парты. Все остальные тем временем решают такую задачу: Ковалевская бежит к медсестре по круглому коридору со скоростью двенадцать километров в час. Тело Ковалевской испытывает направленное к центру окружности постоянное центростремительное ускорение...»)

Вот тогда-то до меня наконец начало доходить, что пора бы успокоиться и взяться за дело с другого конца.

* * *

Я начала налегать на витамины «для мозга» и решила заняться укреплением нервной системы: побольше спать, поменьше психовать,

гулять побольше, зубрить поменьше. Надеюсь, что в мозгу вырастут те самые недостающие связи, которые помогут мне держать мое сознание внутри тела, как у всех нормальных людей. И по мере сил пыталась вывести закономерности, понять, *почему* меня выбрасывает, на какое время, на какое расстояние от родного тела... Люди с хроническими болезнями, как правило, знают о своих болячках все. То же самое предстояло сделать и мне. Я завела блокнотик, в котором старательно описывала каждый свой «прыжок», включая все, что ему предшествовало. Я решила разобраться раз и навсегда, что же служит спусковым крючком и как всему этому противостоять.

И однажды наконец разобралась.

Мне *просто* не нужно нервничать.

Мне *просто* нельзя испытывать боль.

* * *

Примерно в начале весны мне начал звонить кто-то незнакомый и настаивать на встрече со мной. Голос мне не нравился, и моя интуиция подсказывала мне, что от обладателя этого голоса лучше держаться подальше. Но он несколько раз упомянул Феликса, поэтому я не спешила бросать трубку, а внимательно слушала все, что говорил мне этот назойливый тип.

– Кто вы? Может быть, вы знаете, куда пропал Феликс?

– Может быть, и знаю, но это не телефонный разговор, Ликусик.

Меня передернуло от этого гадкого, вульгарного, бесцеремонного «Ликусик».

– Откуда вы знаете мое имя?

– Давай встретимся. Я скажу где.

– Феликс жив?

– Какая ты бойкая, мне это нравится, – проговорил мужик, и я тут же почувствовала, как мой завтрак настойчиво просится наружу.

– Послушайте, за любую информацию о Феликсе мои родители дадут большое вознаграждение, вам следует обратиться к ним, какой вам толк от меня?

– Давай ты придешь, и я удовлетворю твое любопытство.

Бр-р. Тут мне стало совсем не по себе. Я очень хотела получить хоть какую-то информацию о сводном брате, но чувствовала, что знакомые Феликса – это не те люди, с которыми мне стоит встречаться, и что цена,

заплаченная за эту информацию, может быть... слишком большой. Я бросила трубку и поежилась: меня вдруг захлестнула уверенность, что в этот момент человек на том конце провода разразился отборнейшими ругательствами.

* * *

Мы сбросили рюкзаки и уселись под тентом школьного кафе. Я, Алька и Ида. Три товарища, три мушкетера, три поросенка – ну, в общем, не разлей вода. Апрель был на исходе, впереди маячили выходные, домашкой особо не загрузили, до экзаменов была пропасть времени, так что жизнь представлялась вполне сахарной.

Алька дымил сигаретой, нервно оглядываясь по сторонам.

– Мой мамуслик открутит мне голову, если узнает... Нет, сначала открутит голову тому, кто продал мне пачку... Нет, сначала арестует его и отлупит электрошокером!

– Электрошокером не лупят, – поморщилась Ида.

– Моя мама лупит.

– Может, она просто не в курсе, как он работает?

Ида листала любимый учебник Сканави, черкая на полях карандашом. Она была похожа на фарфоровую куклу-блондинку ровно до тех пор, пока не открывала рот. В тот момент, когда она начинала говорить, становилось ясно, что у «куклы» внутри не вата с опилками, а как минимум операционная система «Андроид». Ида готовилась к поступлению на математический: три поколения математиков по папиной линии не оставили Идке ни единого шанса быть нормальным человеком. Даже мамателеведущая не смогла подправить дочери карму.

– Так, Вернер, что происходит, а? Выкладывай.

– А? Что? – встrepенулась я. Видимо, разговор об электрошокерах уже давно закончился.

– Лика, с тобой все нормально? – подключилась Ида. – Ходят слухи, что... Хотя понятно, что вероятность стремится к нулю...

– Ну? – я перестала жевать и уставилась на подруг в ожидании объяснений.

Те неловко переглянулись.

– Что за слухи еще?!

– Ну, в общем... Говорят, что... Лика, ты беременна? – последнее слово Алька выговорила почти беззвучно.

– Ч-чего? – поперхнулась я. – Что за бред?!
– Ну вот! – воскликнула Ида. – Я же говорила, стремится к нулю!
– Ну сама подумай. В обмороки хлопаешься что ни день, засыпаешь посреди уроков. От физры освободили вообще, – Алька склонила голову набок.

– Слушайте! – начала орать я, но тут же опустилась до шепота. – Я не беременна, понятно?

– Да понятно-понятно. Просто мы волнуемся. Сечешь? – примирительно сказала Ида. – Так что не кипятись.

– И выкладывай, что с тобой, – подытожила Алька.

Мне не хотелось врать тем немногим людям, которые продолжали бы любить меня, даже превратись я в чудовище Франкенштейна. Но этот секрет – *мой секрет* – был слишком невозможным, слишком ГИГАНТСКИМ для этой реальности. Достать из своего шкафа самый жуткий скелет, сдуть с него пыль и потрясти у подруг перед носом? Ну нет. Я набрала побольше воздуха в легкие.

– У меня болезнь, связанная с... нарушением кровообращения в мозге. Отсюда постоянные обмороки. Сначала нападение в магазине, потом Феликс пропал, я перенервничала, и вот болезнь активизировалась. А до этого не проявлялась, – сказала я, придумывая на ходу.

– Ты умрешь?! – испуганно прошептала Ида.

– Еще чего! По крайней мере не в обозримом будущем. Но мне теперь нельзя нервничать, сразу отключаюсь. А еще не выяснять отношения, не испытывать боль, не возбуждаться, не волноваться и... ой, все...

– А жить как? – возмутилась Алька и, видимо, тут же пожалела о сказанном.

– Не знаю, – я уронила лоб в ладони, пытаюсь не разреветься. – А еще меня достает по телефону какой-то мужик и просит встречи.

– Ух ты, – тут же переключилась на новую тему Ида. – Давно?

– Несколько недель.

– Как романтично!

– Не романтично. Если бы ты послушала этот голос, то поняла бы. Жуткий тип, без тормозов.

– Если будет доставать, накатывай в гости. Ты моей мамане, в отличие от Феликса, всегда нравилась, – подмигнула Алька.

– Спасибо. Но, надеюсь, до этого не дойдет.

Я не горела желанием снова столкнуться нос к носу с Алькиной матерью. Та работала следователем, вела дело о пропаже Феликса и успела изучить наше семейство вдоль и поперек. Деловая, допытливая,

бесцеремонная (теперь я знала, какой будет Алька, когда вырастет) – я не могла представить ее на кухне, в переднике, с поварешкой в руке. Только на «задании», с пистолетами в обеих руках. Хотя Алька божилась, что ее «мамуслик» отлично готовит и даже иногда занимается вязанием. «Вяжет жуликов. И носки», – говаривала Алька и при этом всегда ржала, как ненормальная.

– Имей в виду, анонимные звонки обычно ни к чему хорошему не приводят, – на этот раз Алька была серьезна.

– Откуда статистика? – захлопала ресницами Ида.

– Ну начинается! От человека, который всю жизнь с этими анонимными звонками разбирается, от моей мамани то есть! – взорвалась Алька.

– Проблема в том, что твоя мама работает только с отрицательными случаями, а положительные в глаза не видела. Потому что счастливые получатели анонимных звонков в милицию просто не обращаются, а просто весело проводят время. Адвокаты по бракоразводным делам небось тоже считают, что все браки ни к чему хорошему не приводят. Сечешь? То есть я хочу сказать, что для выводов надо обладать полной статистикой, а ею твоя мама вряд ли...

– Моя мама вряд ли – что?

Я откинулась на спинку стула и открыла банку лимонада: перепалки между Идой и Алькой стоили того, чтобы не пропустить ни единого слова. Так спорили бы операционная система «Андроид» и электрошокер.

* * *

Мне нужно было спастись от себя самой, сменить обстановку, вырваться из привычной среды. Поэтому когда Алька сообщила, что едет в Киев в гости к тете, мы с Идой решили упасть ей на хвост.

Романтику путешествия на поезде мало что может испортить. Даже если матрас тонкий, окна запылились, а у проводницы лицо как у тюремного надзирателя. Мы купили три билета в купе, скинулись вместе на четвертый, чтобы избавить себя от попутчиков, и, как только «надзирательница» проверила билеты, заперли двери купе и погрузились в долгожданное уединение.

Я нацепила наушники и включила музыку погромче, так что не сразу заметила, как Альхен что-то рассказывает с уморительным выражением лица, а Ида всюду давится смехом.

– Что? – не выдержала я и стащила наушники.
– Тут, говорят, Чижик на тебя запал.
– Бред, – отрезала я и начала заталкивать наушники обратно.
– А может, и не бред, – заржала Алька. – Мне Гренкин растрепал, что когда ты на физре в обморок хлопнулась, Чижов стоял мрачный, как терминатор, и чуть Гренкину по шее не навалил, когда тот... слишком развеселился.

Я засмеялась, вспоминая, как меня перекинуло в тело Чижова.

– Быть этого не может, только не Чижик.

– Я бы не делала выводов заранее, – многозначительно кашлянула Алька. – С ними всегда так: молчат-молчат, а потом ка-а-ак сносит крышу. И вот он уже весь твой, хватает тебя за руки, лезет с поцелуями...

Ида расхохоталась, а я примолкла, пришибленная внезапными воспоминаниями о Стефане и о том вечере – последнем вечере, когда можно было целовать парня, ни о чем не думая и ничего не опасаясь.

– Не имеет значения, – сказала я. – По ходу, с парнями все кончено.

– Да ну? Ты чего? – хором возмутились Алька с Идой.

Я уронила голову на подушку.

– Нет, правда. Я знаю наверняка, как только ко мне кто-нибудь прикоснется, со мной опять... опять начнется...

Алька забралась ко мне на верхнюю полку и вытянулась рядом.

– Думаешь, что грохнешься в обморок, как только какой-нибудь счастливчик поцелует тебя?

– Угу, – шмыгнула носом я.

– Зря. Они все такие неумехи. Думаю, что нужно очень постараться, чтобы довести тебя до обморока, Вернер. Ты же крепкий орешек! Ага, да, точно тебе говорю!

– Ты крепкий орешек, да, – отозвалась с нижней полки Ида, шурша страницами учебника по математике.

– Ты это кому? Мне или Сканами? – переспросила я, и мы хором рассмеялись.

* * *

Едва мы вылезли из вагона, с восторгом оглядывая столичный вокзал, как небо над головой словно разошлось по шву и город накрыл немилосердный, ледяной, пробирающий до костей ливень. Нам заранее и в голову не пришло, что весна в Киеве может быть совсем не такой, как весна

в Крыму! За что мы тут же поплатились, продрогнув на ледяном ветру и набрав полные сандалии воды.

А когда наконец добрались до Алькиной тетушки, то из трех цветущих крымских нимф превратились в трех посиневших мокрых куриц. От мейкапа, который мы старательно наводили все утро в поезде, на лицах осталось унылая серая мазня, старательно уложенные волосы превратились во взъерошенные гнезда, одежда вымокла насквозь. Впрочем, никто не расстроился. Мы были настроены решительно.

– Девчонки, садитесь пить чай. Кофе тоже есть, кому? – позвала нас Таня. – Да, не повезло вам с погодой.

Таня, Алькина тетя, «тетей» значилась чисто формально. Ей было всего около тридцати, а выглядела она максимум на двадцать пять. И, в отличие от Алькиной матери, не вызывала желания поскорее сбежать в другую комнату и спрятаться под кроватью. Наоборот. Вполне сгодилась бы за члена нашей банды. Длинные волосы, дерзкие глаза, легинсы и белая рубашка – этакая «вечная студентка». Одна из тех женщин, которые даже в пятьдесят будут выглядеть точно так же. Я была уверена, что Таня в отличие от сестры-криминалиста – человек искусства. Художница или актриса, поэтому немало удивилась, когда узнала, что ее профессия начисто лишена творчества и романтики: врач в клинической наркологической больнице.

– Да черт с ней, с погодой, мы поедем туда, где есть крыша над головой, – пожалала плечами Алька, набивая рот печеньем. – «Койот», надеюсь, все еще стоит на том же самом месте?

– Не знаю, сто лет там не была, – кивнула Таня. – И вообще в последнее время стало тянуть в места поспокойней, старею, что ли...

– Во-во, и работу бы тебе поспокойней. Чесслово, Тань, если бы меня заставили делать то, что делаешь ты... Все эти нарики... – начала было Алька.

– Они тоже люди, Александра, – перебила ее Таня. – И если не я, то кто? Впрочем, это уже не актуально. Я уволилась давно.

Алька, Ида и я разом перестали жевать.

– Мама не говорила тебе? Еще в ноябре прошлого года. После того, как на меня напал пациент...

– О боже! Офигеть! Ужас! – хором выдохнули мы.

– Все обошлось, но через пару дней я положила заявление на стол. Решила, что с меня хватит. Начала искать работу «поспокойней», как ты сказала. Пару месяцев не складывалось, а потом однажды достаю из ящика письмо. А в письме мое имя, фамилия, отчество, и приглашение пройти

собеседование на должность специалиста-нарколога в какой-то швейцарской реабилитационной клинике.

– Швейцарской? Ну-ну, – буркнула Алька. – Похоже на развод.

– Я тоже так подумала. Но все равно, думаю, позвоню, чем черт не шутит. Объяснилась кое-как на моем хреновом английском. Они попросили выслать резюме, спросили, согласна ли я переехать в Швейцарию в случае положительного ответа.

– Вау!

– Я отправила им резюме по электронной почте, а через три дня они перезвонили и сказали, что рады взять меня на работу и начнут оформлять официальное трудоустройство.

– Ух ты! Вау! Так бывает? – снова загалдели мы.

– Не знаю, мне до сих пор не верится.

Алька подняла стакан с чаем, словно собираясь сделать тост:

– Ладно, раз так – еще один повод хорошенько оттянуться сегодня! Тетя Таня, ты с нами?

– Ни за какие коврижки, – усмехнулась та, выглядывая в окно.

Дождь не прекращался. День утекал быстро, как песок сквозь пальцы, и когда мы наконец отогрелись, выпили кофе, выгладили одежду и припудрили носы – на дворе начало вечереть. Таня великодушно выдала нам по теплой куртке и благословила на ночное паломничество по столичным клубам. К утру мы планировали вернуться, чтобы поспать несколько часов перед воскресной вылазкой, и я бы не на шутку испугалась, если бы мне тогда сказали, в **каком** состоянии я вернусь обратно.

– Девочки, будьте поосторожней в городе, – очень серьезно сказала Таня, провожая нас на лестничную площадку. – Я понимаю, что опыт работника наркодиспансера – не самый репрезентативный, но все же. Смотрите по сторонам, держитесь вместе и никому не верьте.

* * *

Мы заблудились. Ида и Алька склонились над телефоном с открытой картой, как какие-нибудь колдуньи над горшком с зельем. Причем колдуньи были не очень смысленные, а горшок вышел из-под контроля и варил непонятно что.

– Ну и где же этот «Койот», будь он неладен! – выругалась Алька. – Откуда мы пришли?

– Кажется, оттуда.

Пока подружки пытались сориентироваться на местности, я подошла поближе к витрине книжного магазина, рассматривая рекламные плакаты. Цветочки и бабочки на плакате Сесилии Ахерн, суповой набор окровавленных конечностей на плакате Кинга, Джоан Роулинг все с тем же мальчиком на метле... И тут мой взгляд остановился на надписи «До встречи с тобой. Джоджо Мойес», я подняла глаза выше и перестала дышать. На плакате была изображена женская фигурка, тянущая руки к улетающей птице.

Я чувствовала странное головокружение. Как будто в меня только что залили огромный бокал вина. Я не могла оторвать взгляд от фигурки, казалось, еще чуть-чуть – и она подпрыгнет высоко-высоко, чтобы наконец поймать эту птицу.

– О боже, – я прикоснулась к картинке, положив руку на холодное стекло. Я отчетливо ощущала близость чего-то неизбежного или **кого-то** неизбежного. И этот кто-то неумолимо приближался.

– Лирика, что случилось?!

Я повернулась к подругам.

– У меня такое чувство, что он рядом.

– Кто он? – нахмурилась Алька.

– Тот, кто ловит птиц! – я ткнула пальцем в плакат. – Он ищет меня!

– Это конечно прекрасно, что тебя плющит и без валидола, но...

Ида схватила меня за руку:

– Но ты не птица, – строго сказала она.

– Но я могу помочь ему! Я тоже умею ловить птиц!

У меня не было ни минуты на лишние разговоры, я выдернула руку из Идиной ладони и пустилась бежать. Меня словно вела невидимая, натянутая в воздухе нить. Я не выбирала дорогу, дорога выбирала меня. И чем быстрее я бежала, тем отчетливее становилось предчувствие этой неизбежной встречи с тем, кто держал второй конец нити.

Я нырнула в какой-то переулок, добежала до безлюдного перекрестка, на секунду остановилась перед дорогой и тут же рванула вперед. Мои ноги оторвались от земли в рывке, и тут кто-то крепко схватил меня сзади за куртку. Я дернулась, пытаюсь вырваться, рука выпустила мою одежду, и я потеряла равновесие. Мои вытянутые, хватающие воздух руки, молниеносно приближающийся асфальт, оглушающий визг тормозов и крики моих подруг – вот то последнее, что я запомнила. Одновременно с этим меня выбросило.

* * *

«Щелк-щелк», – в голове клацнули выключателем. Я распахнула глаза.
– Сумасшедшая! – я с размаху ударила себя по лицу. – Ты только что угодила под машину! Вполне вероятно, что тебя уже нет! Тебя НЕТ!

Странное наваждение, приказывающее мне на автопилоте перемещаться в пространстве, вдруг оставило меня. Я рухнула на колени, обхватив руками свою... бритую голову! Осторожно ощупала взглядом тело, в котором была заперта: щуплые, сбитые мальчишечьи руки, рваные штаны, майка, синтетическая куртка... Все ясно. Городская шпана.

Я стояла посреди какой-то незнакомой улочки, придавленной с двух сторон многоэтажками. В отдалении мерцал синеватым светом фонарь. Где-то кто-то брэнчал на гитаре. Я не могла выпрыгнуть далеко! Обычно меня выбрасывало в кого-то неподалеку. Хотя никто не давал мне гарантию, что так будет всегда...

Я вертелась вокруг своей оси, в поисках каких-то ориентиров. Где я вообще и как далеко то место, где мое тело сейчас подпирает колесо какой-нибудь... Не думать, не думать, не думать об этом!

Я увидела впереди силуэт и рванула к нему навстречу:

– Книжный магазин! Подскажите!

Тетка с авоськой, шагавшая мне навстречу, вытянула в сторону руку:

– Туда, а потом направо. Молодец, мальчик, читай книжки.

Мои ноги едва касались земли.

* * *

Я притормозила всего один раз: когда увидела собственное тело на тротуаре темного безлюдного переулочка. Видимо, меня уже убрали с дороги и сложили по кусочкам, как мозаику. На дороге стоял внедорожник с мигающими аварийками, видимо, тот самый, которому не повезло наехать на меня. Надо мной склонились Ида и Алька, рядом с ними присели на корточки двое неизвестных: крохотная блондинка и бородатый мужик, – очевидно, пассажиры той самой машины. Они пытаются привести меня в чувство! И на тротуаре нет крови! Я бросилась к участливой четверке и присела с ними рядом, не без страха оглядывая свое тело с головы до ног...

– Как она? – спросила я, едва заметно дернувшись от тембра чужого голоса, вырвавшегося из горла. Ида окинула меня изучающим взглядом, все

остальные даже головы не повернули. Какой-то небезразличный паренек шел мимо, решил помочь, подумаешь.

– Ей сказочно повезло, что у крошки Изабеллы такая реакция. Еще несколько дюймов, и я бы раздавила ей голову, как орех, – сказала блондинка, тыча пальчиком в ссадину на *моей* щеке.

Я повернула голову и опешила. Рядом со мной сидела девочка, лет двенадцати-тринадцати на вид, и если бы не кроваво-красная помада и глаза, щедро подведенные дымчато-черным, я бы не дала ей больше десяти. Но она говорит, что... за рулем была она? Но она же ребенок! Нет, я наверно что-то не так поняла. И как этот идиот (я украдкой взглянула на бородатого мужика) разрешил ребенку сесть за руль?! Впрочем, стоит отдать этой крошке должное...

– Значит, машину вела ты? – как можно ровнее спросила я.

Девочка направила на меня огромные пронзительно-голубые глаза-прожекторы и ответила глубоким, низким, совершенно не детским голосом:

– Да. А что? Мне шестнадцать. Хотя все говорят, что я выгляжу... моложе. А вожу уж точно лучше, чем некоторые ходят. Она, эта ваша подружка, – больная, что ли?

– Изабелла, – одернул ее бородатый и снова наклонился к моему телу. Его руки старательно проверяли мой череп на предмет повреждений.

– Значит, она в порядке, да? – неуверенно подала голос Алька, которая все это время не выпускала *мою* безжизненную руку.

Незнакомец кивнул. Девчонка обменялась с ним взглядом и заговорила:

– Похоже на то. Пульс в норме, травм черепа нет, не считая ушиба лицевой кости. Она просто в отключке. Мы подкинем вас до ближайшей клиники, пусть проверят, может быть, сотрясение.

– Ну нет! – выкрикнула я. Четыре лица повернулись ко мне, как по команде. Если они увезут меня – *мое тем*, – а я останусь тут, то сможет ли моя душа вернуться? Сможет ли «прыгнуть» так далеко? А что если нет, что если есть... *ограниченный радиус действия*? Бежать за машиной? Проситься поехать с ними? Для меня в машине просто не будет места. А если бы и было... я сжала кулаки, костяшки на правой руке пару дней назад были ободраны и сейчас покрылись толстыми бурыми корками, на другой руке позванивал браслет с черепами. Меня – бритоголового пацана с разбитыми кулаками – никто не впустит в машину. Я сжала зубы. Нужно задержать их, пока я не «вернусь». А потом катайте меня по больницам до заворота кишок...

– В-вы уверены, что ее можно транспортировать? – задребезжала я,

срываясь на подростковый фальцет. – А что если у нее что-нибудь с позвоночником?

– Да, ее можно транспортировать, – отрезал мужик, за что я его тут же возненавидела. Тембр его голоса пробудил во мне какое-то странное смятение, но тогда, охваченная неистовой паникой, я не придавала этому значения.

Мужик тотчас поднял мое тело на руки, придерживая болтающуюся голову. Блондинка встала и пошла открывать заднюю дверцу. Я запаниковала.

– С чего такая уверенность? Ты врач, что ли? Я считаю, что нужно дожидаться скорую, – грубо заговорила я, выпрямляясь в полный рост.

– Да, он врач, можно и так сказать, – кивнула блондинка, разглядывая меня с ленивым любопытством. – Так что ей сегодня повезло вдвойне.

– Эй, какие-то проблемы? – раздраженно бросила мне Алька.

Мужик, к моей превеликой злости, вообще не обратил на меня никакого внимания, Ида с Алькой суетились вокруг и создавали видимость помощи, пока он без особых усилий переложил мое тело в машину.

– Я вам так благодарна, – сбивчиво начала Алька. Обычно таким голосом она говорила аккуратно перед тем, как разреветься.

Я была на взводе, мысли лихорадочно сменяли одна другую. Я хлопнула себя по карманам штанов, запустила в них руки: денег нет, но зато...

– Никто никуда не поедет, – объявила я, вытаскивая из кармана складной нож. Я даже задуматься не успела над тем, как высвободить лезвие, пальцы как будто действовали сами: привычным движением сжали его с двух сторон, и лезвие тут же выскочило. Я стояла с ножом в руке, опустив голову и приготовившись к борьбе. «Нужно задержать их. Их нужно задержать», – и больше никаких мыслей.

Бородатый, который уже был готов сесть в машину, остановился и уставился на меня. Меня снова охватило необъяснимое волнение, такое же, какое я испытала, впервые услышав его голос. Его сузившиеся от напряжения глаза в сумраке казались почти черными.

– В машину, – скомандовал он Альке и Иде, обходя автомобиль и загораживая их собой. Девчонки суетливо забились внутрь. Я не сводила с него глаз, он – с меня, и тут... Его подружка рассмеялась!

Я в недоумении перевела на нее взгляд: девчонка, в отличие от моих подружек, испуганно юркнувших в салон, и не думала прятаться: она прислонилась спиной к машине, сунула руки в кармашки своей крохотной курточки и... беззаботно улыбалась. Но вовсе не ее поведение было самым

странным в этой ситуации. Мужик, казалось, не удивился тому факту, что его малолетняя спутница не скрылась в машине. Как будто он... не боялся за нее! Он попросил Иду с Алькой залезть в машину, но, казалось, вовсе не переживал за белокурого ребенка, стоящего рядом с ним напротив вооруженного пацана!

Я сжала нож в руке, нутром ощущая, что здесь что-то не так. Бородатый мужик, ввергающий меня в необъяснимое волнение, и хрупкая девочка-подросток, улыбающаяся при виде головореза с ножом в руке.

– Эй, – едва слышно сказала она, опуская руку ему на плечо. – Ни к чему привлекать лишнее внимание.

Эти слова заметно подействовали на незнакомца. Секунду назад его глаза-угли были готовы прожечь во мне две аккуратные дырки, но теперь он заметно поостыл. Я замерла с ножом наперевес, не нарываясь, но и не отступая.

Девочка обошла машину и уселась за руль. Бородатый проводил ее взглядом, повернулся ко мне и сказал:

– Убери нож. У тебя три секунды.

Он стоял напротив, обжигающие глаза, темная рубашка, серебристая цепочка на шее...ив этот момент я узнала опасный сумрак этих глаз! Нож выскользнул из моей руки и звонко ударился об асфальт. Я зажмурилась. И открыла глаза снова. Нет, этого не может быть... Это или галлюцинация, или какая-то дурацкая шутка!

Передо мной стоял Феликс.

3. Здесь, сейчас. наедине

Как же так? Живой, невредимый, на новехонькой тачке, в компании смазливой девчонки – как будто у него не было и нет матери, жизнь которой после его исчезновения стала легко укладываться в две буквы: ад.

Конечно, это он. Только сгущающиеся сумерки и мое потрясение помешали мне узнать его раньше. Но какие-то крохотные звоночки в подсознании дрогнули сразу же, как только он заговорил. Сразу же, как только я увидела его... Ох, мерзавец!

– Ба, какие лица! Давненько не виделись, а, братан? – процедила я сквозь зубы.

И вот тогда его выдержка дала трещину: он занервничал. Нож в моей руке, которым я угрожала ему, испугал его не сильнее, чем палочка от мороженого. Но тот факт, что я узнала его, заставил его напрячься. Он явно был раздосадован тем, что обнаружил себя. Крайне раздосадован и зол.

Но что его злость в сравнении с моей. Мой сорт злости вырос на таких обильных слезах и разросся до такого невообразимого размера, что ствола вполне хватит на то, чтобы выпилить для тебя крест, Феликс. И приколотить тебя к нему, подонок. Какое счастье, что моя душа выбрала себе в качестве временного пристанища тело уличного головореза, а не какой-нибудь немощной старушки. Феликс не умел драться, я знала это. После своих ночных походов он не единожды приползал домой с разбитой головой, без денег и телефона.

Я рванула к нему. Сухое, жесткое, сбитое тело слушалось меня идеально, оно несомненно знало, что такое драка. Я была уверена, что Феликс даже увернуться не сможет, не говоря уже о достойном отпоре. Но моя рука не успела коснуться его лица. Он перехватил ее, вывернул запястье – и я, едва поняв, что произошло, получила тычок в спину, отлетела от машины и растянулась на тротуаре.

Феликс захлопнул за собой дверь, и машина тут же рванула с места. Я ринулась следом, разъяренная этим неожиданным отпором и обрадованная тем, что мне попало тело, которое было в состоянии драться, преследовать и бороться. Мои собственные ноги не умели бегать *так* быстро, так что впечатления были примерно такие же, как если бы я пересела с пони на машину стритрейсера.

Расстояние между мной и машиной неумолимо увеличивалось, пока она не притормозила на светофоре. Я бросилась вперед на максимуме

своих физических возможностей. Красный горел очень долго, но я все равно не успела их догнать: сначала перед глазами поплыла золотистая пыль, потом зрение стало туннельным, а когда несущие меня ноги подкосились и тело рухнуло на землю, – *меня* в нем уже не было.

* * *

Облегчение, накотившее на меня, было сродни тому, какое испытываешь, вернувшись после долгого путешествия в родную квартиру. Ах, не хватало разве что чашечки чая и пары шерстяных носков...

Я резко села и обернулась, вглядываясь в темноту. Тело, которое несколько секунд назад покорно выполняло все мои команды, лежало на тротуаре. Ох, бедняга... «Начинаешь использовать парней, Вернер, да еще таким жестоким образом?» – подал голос мой внутренний циник. Потом пацан медленно поднялся, ошарашенно оглядывая разорванную майку и штаны, развернулся и зашагал в противоположную сторону...

– Лика? – Ида заглянула мне в лицо и затрясла за плечи.

И только тогда я заметила, как жутко раскалывается голова и пульсируют от боли ободранные ладони и щека. Ох, как больно.

– Пришла в себя! – объявила Алька.

Феликс даже не обернулся.

– Как ты? Ты что-нибудь помнишь? Ты даже не представляешь, как напугала всех, – Ида прикладывала платок к моей разбитой скуле и старательно поправляла волосы.

– Я в порядке, – холодно ответила я. – И я все помню.

– Лика, мы едем в больницу... – начала Алька.

– Я не хочу в больницу. Я в норме, – отрезала я.

Девчонка за рулем посмотрела на меня в зеркало, презрительно сощулив глаза.

– Я бы на твоём месте не отказывалась, – подала голос она.

– Лика, прошу тебя, – зашептала Алька.

Я пропустила все это мимо ушей и, сжав челюсти, уставилась на Феликса. Да, я не сразу узнала его: он очень изменился, слегка отрастил волосы и бороду, одет теперь прилично, как... взрослый. Но он! Он не мог не узнать меня! Едва ли я разительно изменилась за этот год. Разве что подросла на сантиметр и прибавила в объеме груди, ха! Альку с Идой он наверняка узнал тоже. Однако предпочитает вести себя, будто видит нас впервые! Хочет подбросить меня до больницы, и поминай как звали!

Я снова сжала кулаки.

– Пока тебя не было, столько всего случилось. На нас чуть не напал какой-то псих, – зашептала Ида.

– Ничего себе! – изумилась я, не сводя взгляда с Феликса. – Чем же вы успели ему насолить? Отказались покатать на своей чудной машинке?

Ситуация до смешного напоминала какой-то паршивый ужастик: человек убегает от монстра, прячется в доме и совершенно не догадывается о том, что стоит ему закрыть дверь и обернуться – и он тут же столкнется с этим монстром лицом к лицу. Потому что стен для этого монстра нет.

– Если бы не он, – Алька кивнула на Феликса, – то даже не знаю, что б с нами было... Тот придурок и впрямь был какой-то взвинченный.

Я посмотрела на Альку. Она не узнает его. Как и Ида. Впрочем, они не так часто видели его и сейчас были слишком взволнованны, чтобы повнимательней присмотреться к этому...

– Офигеть! Супермен, да и только! – я не смогла сдержать нервный смешок. Алька и Ида испуганно уставились на меня. Я нагнулась поближе к блондинке.

– А вас хочу поблагодарить за то, что не наехали на меня! – с издевкой заявила я. – А то моя мамочка ужас бы как расстроилась. Наверно, почти так же, как в тот раз, когда пропал ее единственный сынок. Хотите послушать эту историю? Если, конечно, вы ее еще не слышали.

– Лика, что с тобой? – тряхнула меня Ида.

И тут Феликс наконец проснулся. Я ожидала от него какой угодно реакции, но только не такой. Он ответил, не оборачиваясь, совершенно спокойным и безучастным голосом:

– Спутанное сознание. Возможно, последствие травмы.

Я вздрогнула, как от пощечины:

– Хватит! Остановите машину!

– Лика, они хотят тебе помочь! – заговорила Алька. – Тебе нужна помощь, правда, послушай меня!

– ОСТАНОВИТЕ МАШИНУ!

Блондинка резко затормозила у обочины.

– А теперь все из машины вон! – завопила я, едва веря тому, что говорю.

Девчонка рассмеялась:

– Это что, угон?

Снова это ее угрожающее спокойствие. В ее поведении не было ничего детского. Так ведут себя только люди, которые переломали в драках не один десяток костей. Причем не своих. Феликс наконец обернулся и вперил в

меня свои таинственные, как сумерки, глаза. Я вжалась в сиденье от страха, но моя безудержная злость не позволяла мне дать задний ход.

– Мне нужно поговорить с ним, – я ткнула пальцем в Феликса. – Наедине.

– Расскажи это кому угодно, только не мне, поняла? – металлическим голосом произнесла девочка. Я спиной ощутила опасность, исходящую от этого ребенка, как исходит жар от распахнутой духовки. Ей-богу, мне бы не хотелось встретиться с ней в темном переулке. И это ощущение было очевидным и абсурдным одновременно.

Но отступить было некуда.

– Или я поговорю с ним – здесь, сейчас, наедине – и потом ежайте на все четыре стороны. Или меня придется вытаскивать отсюда силой, отпиливая от сиденья по кускам.

– О, восхитительная идея! – зашипела девочка.

Феликс повернулся к спутнице:

– Это не займет много времени.

Блондинка изумленно хлопнула ресницами и открыла от возмущения рот.

– Ты слишком много с ними возишься! – наконец выдавила она, тщательно подбирая слова, и выскользнула из машины, со всей дури хлопнув дверью. Альке с Идой повторять не пришлось: они быстро вылезли и отошли от машины.

Казалось, этот вечер не закончится никогда.

* * *

Я перебралась на водительское место: поближе к Феликсу, чтобы не лишиться себя удовольствия увидеть каждую эмоцию, каждое движение его мимики, когда я расскажу ему, какой же он негодяй...

– Теперь ты можешь перестать притворяться, что видишь меня первый раз в жизни. Фе-ликс, – сказала я, разрезая его имя на слоги.

Его лицо было непроницаемо, как гладь темного озера, таящего в себе неведомых монстров. Ах, как мне хотелось вытянуть за жабры парочку этих тварей, увидеть извивающийся кольцами испуг, клацающую зубами ярость... Но гладь оставалась спокойной, как будто ему нечего было скрывать, как будто ему нечего было бояться! Разве что на долю секунды его глаза напряженно вспыхнули, дрогнула бровь, или... или мне показалось?

– Не знаешь, с чего начать? Я помогу! Твоя мать – за что ты с ней так? Когда ты исчез, она едва пережила это! Каждый раз, когда о тебе заходит речь, она начинает плакать. Наверно, плачет и сейчас – ночи даются ей особенно тяжело, если без снотворного. Пока ты здесь катаешься на этой своей чертовой BMW и кадришь блондинок!

Только страх, что меня снова может «выбросить», не позволил мне разреветься в голос, хотя глаза нестерпимо жгло.

– Такому поступку может быть только одно веское оправдание – смерть. Мы с Анной уже почти научились не думать о том, что останки тебя, скорей всего, лежат где-нибудь в канаве или лесополосе. Но ты не мертв, Феликс, очень даже не мертв. Оказывается, ты жив, непростительно и оскорбительно жив!

Я подняла на него глаза, рассчитывая, что мне перепадет хоть подобие какого-то раскаяния или сожаления, но его лицо по-прежнему было равнодушным и отстраненным. И еще более равнодушными и отстраненными были его слова – слова, которые он наконец соизволил произнести:

– Я не тот человек, за которого ты меня приняла, – сказал он. – Ты ошиблась.

Я потеряла дар речи.

* * *

Я знала, что это уловка, это попытка сбить меня со следа, жалкий дешевый трюк. Пусть лепечет что угодно, сейчас я ткну его носом в кое-что и тогда послушаю, что он мне запоеет!

Прежде чем он понял, что я собираюсь сделать, я схватила его левую руку и вздернула рукав его рубашки выше локтя, обнажая загорелое предплечье. Прошлым летом, незадолго до исчезновения, Феликс наколот на руке ряд китайских иероглифов. Он так и не смог объяснить мне, что они означают, но ходил страшно счастливый, чуть ли не из штанов выпрыгивал. Наверно, ткнул пальцем в первую попавшуюся картинку в каталоге татуировщика, балбес.

– В чем прикол, если ты не знаешь значения? – помню, недоумевала я. – А что если они означают «жареная курица»? Или «я пукаю от молока». Встретишь какого-нибудь китайца, вот смеху будет.

– Скорее они означают «завали хлебoreзку», – отвечал Феликс.

Я была уверена, что обнаружу эти иероглифы на руке, поэтому мои

глаза полезли на лоб, когда их там не оказалось. «Неужели я перепутала руку?» – запаниковала я и схватилась за другую. Но и эта рука была чиста. Ни намек на то, что когда-то здесь был целый ряд черных закорючек.

Одновременно с этим еще две вещи поразили меня: его предплечья были широкими и твердыми, словно все время с момента пропажи Феликс безвылазно проторчал в спортзале и ел анаболики горстями. И второе: он не сопротивлялся моим попыткам отыскать улики на его руках. Он протянул мне обе руки, пока я нервно разглядывала их со всех сторон. Он не боялся, что я могу что-то найти.

Я выпустила его ладони и трясущимися руками начала расстегивать его рубашку. Было плевать, как это выглядит со стороны и что он может подумать. «Два шрама от падения с мотоцикла, два шрама...» – бубнила я про себя. Но их тоже не было! Я нахмурилась, пытаюсь восстановить в памяти местоположение каких-нибудь других «особых примет»: родинок или рубцов, разглядывала его лицо, руки, шею. Но никаких отметин на его теле не оказалось. Никаких! Он был спокоен и снисходительно позволял мне разглядывать его, словно я была ручной мартышкой или какой-нибудь недалекой туземкой, которая впервые увидела его, белого человека, и желала убедиться, что он так же реален, как и она сама..

– Этого не может быть, – прошептала я. – Это какой-то трюк. Ты словно пытаешься убедить меня в том, что я сумасшедшая? Что я не в состоянии идентифицировать голос и внешность человека, с которым несколько лет прожила в одном доме?!

– Скорее да, чем нет, это очевидно, – терпеливо ответил он. Как будто разговаривал с упрямым ребенком, пытающимся доказать какую-то откровенную глупость. – У меня нет оснований воспринимать всерьез особу, которая полчаса назад прыгнула под колеса моей машины и в дополнение ко всему этому неслабо ударила головой об асфальт.

– Не может быть, – повторила я, пропустив его колкости мимо ушей.

Меня вдруг посетила мысль о двойниках, о потерянных братьях-близнецах и прочих маловероятных розыгрышах судьбы. Человек, сидящий передо мной, несмотря на потрясающее внешнее сходство, и впрямь был мало похож на Феликса. Феликс был глуп, груб, болтлив и бестактен, а этот... Каждое слово – как кусок свинца, взгляд вызывает желание спрятаться, а эта молниеносная реакция... Я все еще помнила, как отлетела от машины на три метра, получив неслабый тычок в спину. А что если я и в самом деле обозналась? В последнее время у меня было предостаточно поводов считать себя сумасшедшей, не так ли?

Моя уверенность в том, что это Феликс, стала таять. И на этот раз мне

не удалось сдержаться: я уронила голову, глотая слезы. «О, Господи, дай мне сил взять себя в руки и выйти из машины этого лже-Феликса с как можно более спокойным лицом...» – взмолилась я, и тут Феликс снова заговорил.

– Мне жаль, – сказал он и привлек меня к себе! Белый человек сочувствующе обнимал жалкую рыдающую туземку, оплакивающую какое-то только ей понятное горе. Великодушный незнакомец успокаивал странную девчонку, совершенно случайно оказавшуюся в его машине.

Я притихла от неожиданности, уткнувшись лбом в его плечо.

Нет, это не Феликс. Тому не были знакомы ни жалость, ни сопереживание. Он никогда не проявлял никаких эмоций в отношении близких. Выказать сожаление, ободрить – такие функции не были прописаны в его внутренней «программе». Криво усмехнуться, скорчить лицо грустного клоуна – вот, пожалуй, и все, на что он был способен. А этот «новый» Феликс – *утешал* меня!

Во мне всколыхнулись странные противоречивые чувства, как... как в тот день, когда мое отвращение к Феликсу ненадолго поугасло.

Он тогда лежал пластом после очередного ночного приключения: наварлся на драку в каком-то клубе, приполз домой еле живой. Как же я его жалела... я сидела и редела над ним, обнимая его за перебинтованную шею и голову. Ему тогда сломали нос и основательно раскроили кожу на голове, до самой кости, от середины затылка до уха...

Боже праведный!

И тут мои глаза широко раскрылись. Шрам на затылке! Я совсем-совсем забыла о нем! А что если... Раз сходить с ума – то сходить до конца. «Пугать людей – так пугать!» – решительно добавил мой внутренний циник.

Я крепче прижалась к этому почти-Феликсу, обняла за шею правой рукой (он заметно напрягся), а левую – запустила в его волосы.

Сердце ударилось о ребра, головная боль утроила силу. Под моими пальцами, надежно укрытый от посторонних глаз темными прядями, в том самом месте, где я и ожидала его найти, – выгнулся серп длинного выпуклого шрама.

Он дернулся, он отпрянул, он резко схватил меня за запястье, выдергивая мои пальцы из своих волос, пытаясь стряхнуть с себя мои назойливые руки.

– Ты солгал! Ты солгал мне! Лжец, ублюдок, сукин сын! – зашипела я, выдирая свои запястья из его сжатых пальцев и страшно сожалея о своем хрупком телосложении. – Ты не человек, Феликс! В тебе нет ничего

человеческого! Если слезы матери, оплакивающей тебя, заботят тебя не больше, чем капли грязи, брызгающие на ботинки!

Я выкрикивала ругательства и так громко, что закладывало уши. А потом перед глазами заплясали разноцветные мухи. «Боже, только не сейчас, только не сейчас! – взмолилась я. – Он должен узнать, как сильно я его ненавижу!» я собрала остатки покидающих меня сил и выбросила вперед руку, сжатую в кулак.

Честно говоря, мне не приходилось драться, но однажды Алька затащила меня на двухмесячные курсы по самообороне, где тщедушные барышни учились раздавать апперкоты под руководством отставного десантника. Дай бог ему здоровья, ибо Феликс не успел отклониться! Удар оказался воплощением моих самых смелых ожиданий: точное попадание в переносицу и такой силы, что его голова откинулась назад. Мои пальцы обожгла резкая боль, и я начала стремительно проваливаться в темноту. *«Если твой нос когда-нибудь бил сломан, Почти-Феликс (а он был сломан!), то сейчас тебе придется несладко...»* Я еще ни разу не теряла сознания с более восхитительной мыслью.

* * *

Я сидела на корточках, подпирая спиной растущее у обочины дерево. В теле Иды. Алька хлопала по карманам в поисках сигарет.

– Да, я тоже думаю, надо все рассказать ее родителям. Лика сама не своя. Просто какая-то ходячая катастрофа, – буркнула Алька.

– Нет-нет-нет! Не вздумай!

«Предательница!»

– Две минуты назад ты сама предложила мне эту идею!

«Две предательницы!»

– Она никогда нас не простит, вот увидишь! – рявкнула я.

– Кто? Вернер не простит? Да она как Иисус в юбке – простит, потом догонит и еще раз простит.

Я не смогла сдержать смехок.

– Ты ее плохо знаешь. Она – темная лошадка, – пафосно сказала я.

Алька подкурила сигарету и нервно затянулась.

– Я не слезу сегодня с этой темной лошадки, пока она мне не расскажет, чем ей не угодил этот бородатый. Кстати, он мне кого-то до ужаса напоминает... Как будто я уже слышала этот голос.

«Ох, Альхен, лучше бы тебе и не вспоминать».

Я перевела взгляд на большой тонированный внедорожник, в котором сейчас лежало мое тело и в котором бедняжка Феликс сейчас наверняка корчился от боли, и меня снова начали душить слезы. Слезы бессилия, обиды и ярости. Подумать только, я только что сидела в этой чертовой машине рядом с человеком, о возвращении которого молилась все эти дни. А он, несмотря на то что сидел на расстоянии вытянутой руки, – продолжал оставаться бесконечно далеким и безвозвратно потерянным. Он не желал быть найденным. Он не хотел быть узанным. Он был жив только для себя, но мертв для всех нас..

Что ж, да будет так. Дело за малым: решить, как жить с *этим* дальше. Я понимала, что не смогу рассказать Анне об этой встрече. Неизвестность, дарящая надежду, всегда милосердней убийственной истины. Я не знала, прощу ли себя за это, но была убеждена, что пропавший без вести сын будет для Анны гораздо меньшей болью, чем сын сбежавший, презирующий, отрекшийся. Хватит с нее потрясений. Как только приду в себя – в самом прямом смысле, – побегу отсюда сломя голову, и пропади он пропадом, блудный сын, пропади он пропадом!

Мои горькие размышления были оборваны притормозившей у обочины машиной такси. Одновременно с этим дверь внедорожника распахнулась, и Феликс выскочил из машины. Какая прелесть – нос разбит, рубашка залита кровью! Как же это ты умудрился, дорогой? Он открыл дверь и одним рывком поднял с переднего сиденья мое безжизненное тело.

Мы с Алькой вскочили на ноги. Блондинка с равнодушным видом направилась к своей машине.

– Что с ней? Что случилось? Куда вы... – запаниковала Алька, подбегая к Феликсу.

– У нее снова обморок. Ей не помешало бы обследование, но дальше вы поедете сами. Я вызвал такси.

Прекрасная идея, Феликс, пожалуй, лучшая за этот вечер. Верни себе статус без вести пропавшего. На этот раз навсегда.

Алька придержала дверь такси, и Феликс уложил мое тело на заднее сиденье. Я забралась в машину и обняла свое тело за плечи. Очень хотелось реветь, но было жаль Идиных старательно накрашенных ресниц.

Алька что-то сказала Феликсу, должно быть, слова благодарности. Он сухо кивнул и скрылся в машине, где уже сидела, барабаня пальцами по баранке, его малолетняя спутница. Мгновение спустя все двери захлопнулись и две машины тронулись в разные стороны.

Минут через десять меня наконец перебросило обратно. Ида была возмущена тем, что задремала в самый неподходящий миг. Алька пыталась задавать мне какие-то вопросы относительно того, о чем мне так приспичило поговорить с незнакомцем и что, собственно, произошло в машине, но я только трясла головой и несла всякую чепуху, ссылаясь на ужасную резь в висках. Никто ни за что не должен узнать о том, кого мне преподнес этот город в коробочке с золотой ленточкой! Ни одна живая душа! Если это долетит до ушей Анны, она сойдет с ума.

Таксист подобрал нас до ближайшего травмпункта, где я получила свой рентген, пластырь и укол обезболивающего. К счастью, все кости были целы.

Мои попытки спихнуть Альку с Идой в соблазны ночного города с треском провалились, и мы все вернулись домой еще до полуночи. Таня ворковала над нами, как голубка, сварила какао и включила «Теорию большого взрыва» на телеке, чтоб нас всех немного отпустило. «Лика чуть не угодила под машину», – кратко объяснила Алька, и я была ей страшно благодарна за то, что она не стала выкладывать Тане подробности.

Потом мы погасили свет и улеглись на одной кровати, закутавшись каждая в свое одеялко – три укуклившиеся гусеницы в спичечном коробке. Ида сопела мне в правое ухо, Алька – в левое.

– Лика, что с тобой случилось возле книжного магазина? Ты была такая... странная. Куда ты побежала? – спросила Ида.

– Не знаю, как объяснить... – Я минуту подумала, обняв обеими руками мягкую, пахнущую лавандой подушку. – Так, наверно, птицы летят осенью на юг: без мыслей и причин, просто чувствуют, что нужно лететь, а иначе замерзнешь насмерть...

– Это, конечно, все занимательно, но ты чуть не угодила под машину, ты хоть поняла это? – сердито встряла в разговор Алька.

– Алька...

– Нет, правда! Что мне делать в следующий раз, если тебя снова кто-то потянет за ниточку?

– Не знаю. Просто нокаутируй меня, наверно.

– Я так и сделаю. И я не шучу, – привстала на локте Алька.

– Я тоже. В следующий раз ударь меня хорошенько. Только не в нос. Мне нравится мой красивый нос.

– Мне он тоже нравится, дуреха. Я ударю тебя в глаз.

- Только не сильно.
- Окей.

* * *

За завтраком страшилки вчерашнего дня начали потихоньку меркнуть. Выбросить из головы Феликса оказалось непосильной задачей, но ради подруг я старалась хотя бы внешне быть нормальной: мы давились булками, пили чай, шутили, у меня неплохо получалось, за исключением тех моментов, когда я непроизвольно сжимала под столом руку в кулак, а омлет пилила ножом гораздо более яростно, чем он того заслуживал.

Новый день охладил мозги и позволил мне по-новому взглянуть на ситуацию с Феликсом. Нервное потрясение и эмоции оказали мне медвежью услугу. Вчера высказать ему все, что я о нем думаю, надавать ему оплеух и вытолкать из своей жизни казалось самой лучшей и справедливой затеей. Но будь у меня второй шанс, я бы поступила иначе. Я бы умоляла его вернуться домой, хотя бы ненадолго – пусть бы сказал матери пару добрых слов. А потом пускай бы проваливал на все четыре стороны!

Но теперь было поздно мечтать об этом. Я сама выпустила Феликса из рук.

Остаток дня мы болтались по городу, фотографировались на фоне соборов и пытались наполнить голову хоть какими-то приятными воспоминаниями об этой поездке. И, надо сказать, к вечеру эта задача была успешно выполнена: на перрон мы притопали румяные, веселые, полные впечатлений и вареников из «Пузатой хаты».

Подали наш поезд. Ну вот и все. Еще чуть-чуть – и столица с ее пугающими приключениями канет в прошлое. Еще каких-то двенадцать часов, и я снова буду топтать ногами дорожки родного Симферополя, сидеть за своей партой, учить немецкий... И все будет как прежде.

Как будто ничего и не было.

Проводники медленно открывали двери вагонов, расправляли складные ступеньки.

- Сигарет пойду куплю, – сказала Алька, вручая мне свой рюкзак.
- А мне сборник sudoku! – подключилась Ида.
- Чего?
- Су-до-ку. Это такая головоломка с числами, в которой...
- Ох, Ковалевская, дай отдых своей гениальной голове. Я куплю тебе

бульварный журнал, считаешь про диеты, сплетни, кто с кем спит, кто какие тряпочки носит, м-м-м? Женщина ты будущая или кто?

– Купи женщине sudoku, и точка, – проворчала Ида.

– Лирика, есть мелочь?

Лезть за кошельком в сумку было лень, я запустила руки в карманы.

– Кстати, sudoku лучше, чем кроссворды, в том плане, что подключают логику, а вот кроссворды – только память, – ворковала Ида.

В карманах было пусто. Мой взгляд остановился на странном бумажном свитке, торчащем из нагрудного кармашка. Обычно я ничего в него не складывала, слишком уж он мал. Достала бумажку, развернула, приготовилась смять и выбросить...

Записка! Тонкая полоска гладкой бумаги, на которой незнакомым почерком написано несколько строк. Я пробежала их глазами, перечитала, перечитала вновь. Похоже, у меня снова галлюцинации.

«Мне показалось, что все, о чем ты говорила, – важно для тебя. Обстоятельства не способствовали спокойному разговору, но если ты сможешь держать себя в руках, можно встретиться и поговорить. Завтра, 22 апреля, в 7 вечера я буду ждать в ресторане гостиницы Heaven...»

Далее был написан адрес этой самой гостиницы. Без подписи в конце. Конечно! Он написал ее в машине, пока я была в отключке, и положил мне ее в карман.

– Вернер, не надо уже мелочи, – нетерпеливо бросила Алька. – Ще поезд без нас уедет.

– Без вас не уедет, а я... В общем, я остаюсь.

Я обвела подруг взглядом. Ида выгнула бровь, Алька склонила набок голову, по-видимому, не веря своим ушам. Сейчас мне мало не покажется.

* * *

– Что, снова кто-то потянул за ниточку? – выгнула бровь Алька.

«На этот раз не ниточка. Канат. Настоящий канат, черт побери!»

– Я не могу объяснить, но я должна остаться.

Я покосилась на электронное табло с ярко-зелеными цифрами. Уже начало восьмого, а пока я доберусь до места встречи, будет восемь. Он не станет ждать так долго! Господи, почему я не нашла записку раньше?!

– Ага, останешься, как же, – Алька шагнула ко мне и крепко вцепилась в локоть. Она была намерена затащить меня в этот проклятый поезд, даже

если придется нокаутировать меня прямо посреди перрона и втянуть в вагон за волосы. Выражение лица Иды тоже не предвещало ничего хорошего: «Помогу Альке тащить тебя в вагон за волосы, даже не сомневайся».

Я больше не могла позволить себе ни минуты.

– Мне не нужно ваше разрешение, понятно? Мне не пять лет! – взорвалась я, выдергивая свою руку из цепкой Алькиной ладони и стряхивая с локтя Иду. И рванула в сторону, выдирая себя из цепких объятий подруг. Те явно не ожидали от меня такой прыти: обе чуть не свалились с ног. А потом, в самый разгар нашей потасовки, сумка Иды слетела с ее плеча, шлепнулась наземь, и все вещи вывалились из нее. Дальше всех летел учебник Сканави, сверкая золотыми буквами на черной обложке. Он соскользнул с высокого бордюра и упал прямо на рельсы. И в следующее мгновение по этим самым рельсам медленно прокатился локомотив, обдав нас волной горячего воздуха и волоча за собой бесконечное число вагонов.

Мы окаменели, глядя, как на драгоценную книжку льется то ли солярка, то ли мазут с проезжающих мимо вагонов. Жуткое зрелище. Ида всхлипнула, потом медленно выпрямилась и повернулась ко мне.

– Я пас. Хочешь остаться – оставайся. Конечно, мы не можем держать тебя силой. Насилие всегда порождает насилие! – Ида еще раз громко всхлипнула. – И не забудь купить мне нового Сканави!

Алька встала с ней рядом, обняв за плечи:

– Нового Сканави, и звонишь нам каждый час и сообщаем, что с тобой все в порядке. Тогда я согласна сохранить тебе твой красивый нос, Вернер. Но если ты не будешь отчитываться, я клянусь, что поставлю на уши всю столицу! У моей мамани был роман с какой-то милицейской шишкой в Киеве, так что имей в виду, это будет легко и просто! А еще позвоню твоему отцу и расскажу ВСЕ, включая вчерашние обмороки и оленьи прыжки на трассу!

Я едва поверила своему счастью. Отпускают меня на все четыре стороны – и всего-то требовалось испортить книжку?

– Договорились! Звоню каждый час-полтора и отвечаю на все звонки!

Я сгребла их в охапку и уткнулась носом в брешь между их головами.

– Со мной ничего не случится, обещаю!

Секундой позже я неслась по перрону в направлении Южного вокзала.

Таксист изучил мою раскрасневшуюся физиономию поверх черных круглых очков (точь-в-точь кот Базилио) и заломил такую цену, за которую я в Симферополе смогла бы позволить себе лимузин. И бутылку шампанского на сдачу.

– Вы с ума сошли? – моргнула я.

Базилио тут же сбросил треть цены и стал божиться, что ровно через двадцать минут мои ноги войдут в гостиницу «Хэвен-или-как-ее-там», потому что он знает особые объездные пути, на которых никогда не бывает пробок и которые чуть ли не золотом покрыты вместо асфальта. «А в светофоры вставлены алмазы?» – хотела сострить я, но передумала: у меня не было времени торговаться. Я забила на заднее сиденье и стала считать минуты. Разжала кулак, развернула записку, перечитала еще раз.

Только сейчас я сообразила, что меня насторожило в ней с самого начала: в ней не было ни единой ошибки. А Феликс – тот Феликс, которого я знала, – с грамматикой был не в ладах.

На улице незаметно стемнело. Город открыл глаза: светодиоды фар, фонари, светофоры, окна домов. Все будто сопротивлялось сгущающимся сумеркам, но все попытки были заранее обречены на провал: небо чернело, силуэты деревьев становились контрастней, воздух пропитывался ночной свежестью и все больше становился похожим на воздух приморского городка.

Я плохо представляла направление движения, плохо ориентировалась в городе и совершенно не догадывалась о том, в каком районе сейчас нахожусь. Таксист, насвистывая, гнал машину по улицам, и надо отдать ему должное: ровно через двадцать минут машина остановилась у ступенек, подсвеченных невидимыми лампочками. «Прикатили!» – объявил водила. Я наспех расплатилась и выбежала из авто.

Мне пришлось задрать повыше голову: здание этой гостиницы было одним из самых высоких в этом городе. От верхнего этажа и впрямь, до небес недалеко. Я подскочила к стеклянной двери, сработали датчики движения, и она бесшумно открылась.

Я боялась, что меня завалят вопросами, прежде чем пустят в ресторан. Но силиконовая брюнетка на ресепшене тут же указала мне дорогу к ресторану, как только я обмолвилась, что у меня там «очень важная встреча». Что ни говори, в состоянии шока, я, как хамелеон, претерпевала нужные метаморфозы: начинала выглядеть презентабельно даже в кедах и куртке с искусственным мехом. Очень полезное умение, скажу я вам. Когда особенных талантов нет, радуешься и такому...

Пять метров пушистого ковра, еще одна дверь и я, нервно оглядываясь,

влетела в ресторан гостиницы.

Приглушенный золотистый свет заливал барную стойку с рядами разноцветных бутылок за ней, за лакированными столиками ужинали редкие постояльцы, повсюду громоздились вазоны с искусственными деревьями. Ох, мне понадобится целый час, чтобы отыскать Феликса в этом заколдованном лесу!

Я бросилась к бармену, полирующему салфеткой и без того сияющие стаканы:

– Парень, молодой, темноволосый. Ах да, с бородой. Высокий такой. Не появлялся? Он точно должен был ждать меня здесь!

Бармен пожал плечами и вернулся к своему стакану: у того было явно больше ослепительных граней, чем у меня. Я принялась осматривать зал. Глаза медленно привыкали к полумраку. Никого. Никого, похожего на Феликса. Зря. Все зря. Ну по крайней мере я сделала все, что могла. За исключением того, что не нашла вовремя чертову записку, которая все это время была буквально у меня под носом. Мне снова захотелось реветь.

Я повернулась к бармену:

– Виски без льда.

Тот стал разглядывать свой драгоценный стакан на просвет:

– Тебе уже есть восемнадцать?

– Конечно, – соврала я и послала ему фальшивую улыбочку, которая при конвертации в устную речь звучала бы примерно так: «Только попробуй усомниться в моем возрасте, идиот, и я засуну свой паспорт прямо тебе в глотку».

Но хитрая задница по ту сторону барной стойки не собиралась уступать.

– Могу предложить яблочный сок. Он выглядит ну совсем как виски. А если еще положить пару кубиков льда... М-м-м...

«Он что, флиртует со мной, король бутылок?»

– Подойдет, – зазвучал голос прямо у меня над ухом. Я поняла, кому он принадлежит, еще до того, как развернулась.

4. Я знаю о тебе все

Феликс очень изменился. Словно мы не виделись много-много лет. Стал массивнее, шире в плечах, даже как будто выше. На нем была черно-красная футболка с надписью Naayabusa и легкая куртка на молнии. Волосы лежали в небрежном беспорядке, как будто он только что снял мотоциклетный шлем или сушил их, гоняя на машине с открытым верхом. Короче, он выглядел отлично. Так что я даже пожалела, что не успела пригладить свои собственные волосы в холле перед зеркалом.

– А ты не очень-то пунктуальна, – заметил Феликс.

Я разглядывала его лицо, на котором теперь не было никакой бороды. И правда изменился до неузнаваемости. Загорелая кожа, высокий лоб, колкие карие глаза – под стать ироничной улыбке... «Надо было не только пригладить в холле волосы, но и подкрасить губы», – подумала я, испытывая при этом странное раздражение.

– А ты не очень-то сообразителен.

– То есть? – прищурился он.

– То есть можно было догадаться написать свой номер телефона на той бумажке!

– Не вижу в этом необходимости, – бросил он и, придерживая меня за локоть, повел подальше от барной стойки.

– Я обнаружила ее только на вокзале! – возмутилась я, едва за ним поспевая. – Сегодня собиралась вернуться домой. Почти залезла в вагон, и тут вдруг... Бросила без объяснений подруг, которые так и не поняли, что на меня нашло, поезд уехал без меня! Неужели нельзя было найти более цивилизованный способ для такого рода информации?

– Нельзя, – подтвердил он, и мне стало ясно, что никакого другого ответа на мой вопрос не последует.

Мы уселись друг напротив друга в дальнем углу зала, отрезанном от посторонних глаз искусственным деревом. Я нервничала и не знала, куда деть руки. А Феликс был совершенно спокоен, как будто съел целый пузырек успокоительного. Он откинулся на спинку стула, сунул руки в карманы и смотрел на меня так, словно забыл, зачем позвал меня сюда.

Я заметила, что пепельница пуста и на столе нет ни единого стакана. Феликс – *настоящий* Феликс – выкурил бы за час четверть пачки и накачался пивом. А этот... Впрочем, я уже начала привыкать к ошеломляющим несоответствиям между его старой и новой *версиями*. Если

бы на того Феликса, которого знала я, надели пристойную одежду, научили смотреть в самую душу и держать спину так, как будто ему принадлежала вся эта гостиница и весь мир в придачу, – вот тогда бы вышло что-то очень похожее на того человека, который сейчас сидел напротив. Впрочем, сути это не меняло: он как был бессовестным ублюдком, так им и остался. Если *тот* Феликс позволил себе бросить мать, то *этот* Феликс совершенно спокойно продолжал держать ее в неведении относительно того факта, что он жив, здоров и, судя по всему, вполне доволен жизнью.

У меня внутри клокотало целое море вопросов, но я не знала, с чего начать. Он тоже молчал и разглядывал меня, как будто видел впервые в жизни. Я набрала воздуха в легкие и сделала выпад:

– Так зачем ты предложил встретиться? Кажется, в машине мы все хорошо прояснили – слишком хорошо, чтобы хотелось встретиться вновь.

Я не без удовольствия посмотрела на его переносицу, на которой виднелась заметная ссадина и следы вчерашнего отека.

– Разве? – сказал Феликс. – А мне показалось, что там появилось больше вопросов, чем ответов.

Его аристократическое спокойствие стало действовать мне на нервы. Как он смеет вести себя, как невинный барашек на альпийской лужайке, пока его мать все эти месяцы чуть не...

– Да неужели? – кашлянула я. – И какие такие вопросы тебя беспокоят? Сколько ночей не спала твоя мать? Или сколько слез она пролила? Или...

– Слушай...

Его поза, взгляд, голос вдруг моментально изменились, он стремительно перегнулся ко мне через стол и сжал мои плечи. И это прикосновение вряд ли можно было назвать деликатным.

– У меня одно-единственное оправдание, и тебе придется им удовлетвориться.

– Ах, даже так? – презрительно хмыкнула я.

Но напряжение на его лице моментально убедило меня в том, что он не солжет, что все, что он сейчас скажет – правда.

– Я ничего не знаю... ничего не помню о том человеке, который был... Которым я был, – ответил он, тщательно подбирая слова.

Я окаменела. Руки Феликса соскользнули с моих плеч. Он снова откинулся на спинку стула, как шахматист, сделавший свой ход и теперь ждущий хода от противника.

– Ты имеешь в виду, что потерял память? Что-то типа амнезии? Серьезно?

Он кивнул, пристально изучая мою реакцию.

До этого момента, ослепленная злостью и отвращением, я просто не могла додуматься до такого простого объяснения. Да, это похоже на сюжетный поворот какого-то третьесортного мексиканского сериала, но это все объясняет! И его отчужденность, когда он впервые увидел меня, и тот факт, что он захотел увидеть меня снова и все прояснить. Однако...

– Хорошо, – сказала я. – Только вот одна неувязочка есть. Когда там в машине я узнала тебя и начала говорить о твоей матери – ты не захотел слушать! Сказал, что я ошиблась! Я уверена, что человек, потерявший память, не стал бы ничего отрицать и отнесся бы с большей радостью к найденному родственнику. Разве нет?!

Я правда не понимала. Если бы не моя настойчивость и его шрам на затылке – он бы просто подбросил меня до госпиталя и укатил прочь?

Феликс заговорил, и мне снова показалось, что он искренен. Удивительные метаморфозы, учитывая, что всего десять минут назад я была готова выцарапать ему глаза.

– Я был просто не готов к такой встрече.

– И собирался позволить мне уйти, чтобы больше никогда и ничего не узнать о твоей семье?

– В ту минуту да. Но потом, несомненно, пожалел бы об этом.

Во мне робко шевельнулась надежда. Я пыталась контролировать свой голос, но он задрожал, как старый велосипед на разбитой дороге:

– Значит ли это, что ты вернешься?

– Нет. Это исключено.

– Но Анна! Твоя мать! Она должна знать, что ты жив!

Он внутренне напрягся, как будто мысль о том, чтобы явиться домой, вызвала в нем сильнейший протест.

– Подумай сама, много ли утешения будет в том, что ее сын жив, но ничего не знает о ней? То, что сейчас связывает меня с ней, биологическая оболочка. Я не помню ничего из того, что обычно объединяет мать и сына или вообще близких людей. Нет ни любви, ни общих воспоминаний, никакого внутреннего трепета – ничего. Никакого остова, на который можно было бы нарастить ее уверенность в том, что ее сын действительно жив. Ты понимаешь?

Он сосредоточенно посмотрел на меня, как будто говорил на чужом ему языке и не был уверен, что смысл его слов доходит до меня. Мое ошарашенное лицо, должно быть, намекало именно на непонимание, хотя на самом деле я поразила тому, насколько точно и ясно он выражает свои чувства. Нет, это невозможно! Я верю, что за год можно научиться драться,

пристойно одеваться и даже оказывать первую помощь шагающим под колеса психопаткам, но разве возможно научиться так излагать свои мысли?

– Я понимаю тебя, – закивала я. – Ты хочешь знать, будет ли ей достаточно внешней оболочки, чтобы признать в тебе сына? Потому что внутри ты теперь... совсем другой.

– Можно и так сказать.

– Конечно, этого будет достаточно! И она приложит все усилия, чтобы помочь тебе все вспомнить! Как и я.

– Помочь вспомнить? О нет, спасибо. В этом нет необходимости.

Я запнулась.

– То есть... подожди. Ты не хочешь ничего вспоминать? Ничего не хочешь знать обо всех тех людях, которые любили тебя, и поддерживали, и...

– Именно.

– Но...

– Послушай, – он снова уставился на меня, – кажется, я должен пояснить. Мне жаль, что вы потеряли Феликса, или как там его звали. Мне жаль эту женщину, его мать, и все такое, но я – уже не он. Возможно, большинство потерявших память находятся в полнейшей дезориентации по поводу того, кто они есть. Но что касается меня, – я после этой... амнезии в полной мере ощущаю свое эго, в полной мере осознаю, что нынешний я – уже другая, совсем другая личность. И мне нет дела до моей прошлой жизни, до жизни того человека, Феликса. Мне нет дела до него и проблем, которые он после себя оставил.

Я съежилась в комок. Меня снова накрыло ощущение, что это двойник Феликса, который выглядит как он, имеет тот же тембр голоса и цвет глаз, но на самом деле это кто-то другой. И этот кто-то сейчас не в самом радужном настроении.

– Если ты не собираешься возвращаться, то зачем ты вообще позвал меня сюда? Зачем все это?

– Решил, что ты заслуживаешь знать немного больше, чем все остальные.

– Мне нужно выпить, – прошептала я. – Что-то в горле пересохло.

– Например? – беззаботно спросил Феликс, словно секунду назад мы обсуждали погоду или ранний прилет скворцов.

– Виски, – ледяным голосом сказала я.

– Виски, – повторил он подошедшей официантке. И тут же добавил, кивнув в мою сторону:

– И сок ребенку.

Официантка достала блокнотик и улыбнулась Феликсу самой игривой улыбкой из своего арсенала.

* * *

– Ребенок? – раздраженно прошипела я, как только официантка, виляя бедрами (юбка явно была ей мала), отошла от стола. – Где ты видишь тут ребенка?

– А сколько тебе? Пятнадцать? Шестнадцать?

По-видимому, мое искусство выглядеть презентабельно, взросло и деловому не действовало на Феликса. Он вообще не воспринимал меня всерьез!

– Не намного меньше, чем тебе!

– Да ну? – удивился Феликс. Похоже, он ждал пояснений.

– Мне семнадцать. А тебе всего-то двадцать два.

– Серьезно? Я был уверен, что мне... несколько больше, – задумчиво сказал он. – Чего еще я о себе не знаю?

И тут меня осенило. Ведь он ничего не знает не только обо мне, но и о себе! Интерес в его глазах заставил меня встрепетаться. Он ничего о себе не знает! Я лихорадочно соображала, какую из всего этого можно извлечь пользу.

– Слушай, – быстро заговорила я, оглядываясь по сторонам (наверно так выглядит дилер, толкающий экстази на дискотеках). – Я могу рассказать все, что знаю о тебе, все! В обмен на пустяк: ты приедешь к Анне, чтобы она просто смогла обнять тебя и наконец избавиться от своих кошмаров. Мы живем в Симферополе, это не займет много твоего времени, а потом езжай на все четыре стороны. Она отпустит тебя! Ей будет достаточно того, что ты жив и начал новую жизнь, и...

– Я сомневаюсь, – резко ответил Феликс (как будто у него своего экстази было валом).

– В ч-чем именно? В том, что она захочет отпустить тебя? Конечно, ей будет тяжело, но...

– Я сомневаюсь в том, что ты сможешь предоставить мне сколько-нибудь актуальную информацию обо мне самом.

– Феликс! Я прожила с тобой под одной крышей несколько лет! А после того как ты уехал, я кучу времени провожу рядом с твоей матерью! Я знаю о тебе ВСЕ!

Он какое-то время очень странно смотрел на меня: на его лице было написано сожаление с примесью насмешки, – и наконец выдал:

– Хорошо. По рукам.

Неужели мои догадки оказались верны и я нащупала те тайные рычаги, которые наконец заставят его поехать к матери? Я еле сдерживала щенячий восторг, который, впрочем, тут же сменился сильными подозрениями.

– Ты обещаешь? Если я расскажу тебе все о Феликсе, ты...

– Зачем же все. Мне достаточно лишь некоторых сведений.

– Все что угодно! Что ты хочешь знать?

Феликс придвинулся поближе, положил локти на стол, нервно прошелся пальцами по волосам. Его лицо превратилось в неподвижную маску, черты стали до неузнаваемости жесткими. Я смогла различить свое отражение в его зрачках – он смотрел на меня в упор, не моргая:

– Расскажи мне, как долго я сидел на героине, прежде чем дело закончилось передозировкой и клинической смертью, расскажи, как быстро я сообразил, что мертвые куда охотней расстаются со своими кошельками, чем живые. Да, все эти месяцы, пока меня не было, я грабил, а если мешали грабить – убивал. Ты наверно в курсе, что в столице полно непуганых богатеек? А грязную выручку спускал на наркотики. Но, может быть, ты знаешь обо мне еще что-нибудь существенное?

Сказанное оглушило меня, как удар топора. Я ощутила всеми позвонками, что это – не выдумки. Подкатила тошнота и ощущение полной дезориентации, словно меня только что сняли с карусели, на которой я провела много часов.

Оказывается, мы жили в разных мирах. Теперь я поняла, как смехотворно выглядели мои попытки затащить его в свою реальность: в мир школьных книжек и плачущих мам – из мира шприцев и патронов. Цыпленок пригласил стервятника поклевать зернышек в его сарае!

Я пришла в себя от легкого стука двух стаканов по поверхности стола. И пока Феликс разглядывал нижнее белье официантки в вырезе ее кофточки (та явно неслучайно наклонилась пониже), я схватила стакан с виски и сделала три больших глотка. По пищеводу внутрь потекло расплавленное тепло, краски мгновенно стали ярче, запахи – резче. *«Так-то лучше, Лика Вернер! Впишите в свое резюме: умею быстро пить крепкие напитки, пока не отобрали. И-хо-хо!»*

Сейчас перестанут трястись колени, я встану с этого проклятого стула, выйду из этого проклятого ресторана и буду бежать отсюда так быстро, как только смогу! На этот раз с меня точно хватит. С меня хватит!

– Что-нибудь еще? – проворковала официантка, обращаясь к Феликсу. Ох, знала бы эта курица, кому она строит глазки...

– Да! Счет! – рявкнула я.

Порылась в сумке, бросила на стол купюру покрупнее, игнорируя тот факт, что монстр все еще сидит напротив и внимательно на меня смотрит, вдруг потеряв интерес к лифчику официантки. Потом решительно встала и сделала шаг по направлению к выходу. В ту же секунду мои колени подкосились, как на хорошо смазанных шарнирах, углы обзора залило пульсирующей чернотой, и я отключилась.

* * *

– Я люблю тебя. В самый первый раз, когда я увидел тебя, я сказал себе: «Мы две половинки одного гамбургера»...

– Ч-что? – пробормотала я и открыла глаза.

– Я знаю, тебе нужно время, но я готов ждать сколько угодно.

Передо мной сидел совершенно незнакомый мужик: слегка пьяный, небритый и бесконечно счастливый – и чертил пальцем круги на моей ладони. Я покосилась на рыжий локон, щекотавший мне висок, на свою пухлую белую руку с огромными накладными когтями и на внушительную грудь, колыхавшуюся прямо под моим подбородком. Моя левая рука держала большой стакан пива «Карлсберг».

– Вот черт, – выругалась я, оглядываясь по сторонам. Снова выбросило! И в самый неподходящий момент. Но я все еще в ресторане гостиницы, хвала Всевышнему!

– Я знаю, – засмеялся мужик. – Я сам не ожидал, что ни хрена не смогу сопротивляться твоим чарам, Ленка!

«Приехали».

– Ты такой... лапуля, – выдавила я из вежливости, идиотически улыбаясь, – но мне надо... уйти.

Я отставила стакан, встала из-за стола и в ту же секунду поняла, что ноги не держат меня! «Ох, Лена, сколько же ты выпила?» Голова трещала, как орех под подошвой ботинка.

– Лен, я помогу! До туалета? – мой поклонник, пошатываясь, вскочил.

– Я сама! – взвизгнула я, стряхивая его руку, и потопала к барной стойке. От барной стойки я легко найду дорогу к своему телу!

И тут меня чуть не снесла с ног массивная фигура с безжизненным телом на руках: Феликс нес меня к выходу.

– Что с ней? Я могу помочь? – заплетающимся языком вымолвила я, загораживая ему дорогу к выходу.

– Вряд ли, – сказал он, игнорируя мой первый вопрос.

– М-может, все-таки нужна к-какая-то помо...

– Нет, спасибо! – рявкнул он, в два шага обошел меня и быстро зашагал к выходу.

Я ринулась за ним, задевая столы и натываясь на людей. В голове булькала каша, тошнило и шатало во все стороны. Я кое-как выползла на улицу и охнула: серебристая машина, которую я не успела толком рассмотреть, сверкнула в темноте габаритами и стремительно скрылась за поворотом. Бежать за тачкой, как в прошлый раз, я была не в состоянии. Я села на ступеньку и сжала голову руками. И что теперь?

– Ленка, вот ты где! Любовь моя!

Лапуля, запыхавшись, сел рядом.

– Мои откровения испугали тебя не на шутку?

Я поежилась от неожиданной уместности этой фразы. Толстяк приобнял меня и приложился губами к шее. *«Терпи, Вернер, ты не имеешь права дать Лапуле по морде. Во имя их с Ленкой светлой любви».*

– Прохладно. Я думаю, надо вернуться, – поежился он.

– Да... вернуться, – прошептала я, тяжело дыша. – Если я смогу.

– Ты о ступеньках? Сможешь, Ленусик, мы по одной ступенечке, потихоньку да залезем наверх, держись за меня, – заворковал Лапуля.

Меня шатало из стороны в сторону, в глазах двоилось.

– Раз, два, – я, кряхтя, влезла на первую ступеньку.

– Три, четыре, пять, шесть, – запел басом Лапуля, придерживая меня за талию. – Семь. Восемь. Девять...

А «десять» я не услышала.

* * *

Я открыла глаза и резко вдохнула. Река разноцветных ночных огней разбивалась о лобовое стекло, омывала машину с двух сторон и угасала где-то вне поля зрения.

Да! Моя душа умеет не только прыгать, но и летать! Я смогла вернуться в себя, преодолев нешуточное расстояние. Если скорость, с которой машина сейчас неслась по трассе, умножить на время, пока я была в отключке, то получится добрый десяток километров! (Общение с Ковалевской явно шло мне на пользу.) Впрочем, скачка эндорфинов

хватило всего на три секунды. Я сглотнула, все еще чувствуя горечь виски во рту. Пока у меня не слишком много поводов радоваться. Со мной рядом сидел наркоман и убийца. Нас связывали узы формального родства, но этот человек ничего об этом не помнил и не хотел вспоминать. Похоже, я только сейчас начала осознавать, во что вляпалась.

Я уловила боковым зрением его плечо, вытянутую руку и расслабленную ладонь на руле. Я первый раз видела, как Феликс ведет машину.

– Мне не стоило выкладывать все, прости. Я не думал, что дело дойдет до обморока, – сказал он, заметив, что я пришла в себя. – Ты была такой самоуверенной, убеждая меня, что все знаешь о нем... Я больше не знал, как тебя остановить.

Я смотрела прямо перед собой.

– Куда ты везешь меня? Ты сделаешь мне больно? – пробормотала я, хватая воздух в промежутках между словами. Я чувствовала, еще чуть-чуть, и у меня зашевелиятся волосы на голове.

– Что? – переспросил Феликс.

– Я не хочу умирать.

– Я не настолько плохо вожу машину, – отшутился он, но я не сразу сообразила, что это шутка. Панические нотки в моем голосе заставили его сбавить скорость, он повернулся ко мне:

– У тебя паранойя. Это раз. И тебе не стоило пить виски, это два.

– При чем тут паранойя?! Я всего лишь нахожусь в машине у человека, который способен убить! Если это правда, – в глубине души я все еще лелеяла крохотную надежду, что он просто все выдумал и сейчас признается в этом.

– Правда. Но она относится к тому, кем я был, – не ко мне. Я ничего об этом не помню. И к тому, что делали эти руки, не имею никакого отношения.

Феликс на секунду оторвал руки от руля, разворачивая их ладонями вверх.

– Ну да, может, у тебя есть еще нимб на батарейках? – не сдержалась я, хотя следовало бы. Этот новый, странный Феликс пугал меня до смерти.

– Нимб мне не к лицу. Еще вопросы?

«О да, много вопросов!»

– Откуда же ты знаешь о том, что сделал, если потом потерял память?

– Скажем так. Есть люди, которые помогли мне разузнать кое-что о себе.

Меня мучили противоречивые чувства: волнение, страх, интерес и

странное оцепенение. Как будто я вдруг повстречала соседского пса, которого не видела много лет, и теперь отчаянно пыталась вспомнить, кусается он или нет.

– Куда мы едем? – напряглась я. Машин стало совсем мало, куда-то пропали роскошные здания и витрины. Мы ехали по широкой трассе, по обе стороны от которой высились ровные ряды фонарей и деревьев.

– Домой.

– Я не хочу! – дернулась я.

– Домой к тебе. Кажется, сегодня вечером ты упустила свой поезд.

Я ошарашенно уставилась на него.

– Но ты не можешь знать куда!

– В Симферополь. Ты сама сказала, где живешь.

«К тебе домой. В Симферополь» – эти слова как будто повисли в воздухе. Мне понадобилось несколько долгих секунд, чтобы до конца осознать их смысл.

– И ты... ты покажешься Анне?

– Да, но это будет спектаклем, не более того. И завтра же я должен уехать.

Ох... Бояться кого-то до чертиков, но при этом испытывать благодарность – такого со мной еще не случалось.

– Не обязательно везти меня. Я могу доехать сама. Поездом.

– Все еще боишься?

– Очень, – выдавила я, втайне рассчитывая на то, что чистосердечное признание смягчит приговор.

– Ты в целости и сохранности доедешь домой. Я обещаю.

Что-то внутри меня перестало дергаться и клокотать, словно под кипящей кастрюлей убавили огонь.

– А если я передумаю, ты всегда можешь отправить меня в нокаут, вчера у тебя почти получилось.

Я почувствовала, как к лицу приливает кровь. Сейчас, зная, кто он есть на самом деле, у меня бы вряд ли хватило смелости ударить его. Человек в здравом уме не станет тыкать палкой в зверя.

– Учитывая т-твое прошлое, я думаю, это будет не самой лучшей затеей.

– Прекрати бояться меня, – повторил он, и мне отчего-то сразу захотелось поверить ему. Это его вновь приобретенное умение особенно настораживало меня. Заставь человека верить тебе – и сложно будет представить более легкую добычу: она будет танцевать под звуки затачиваемого ножа.

– И это не мое прошлое, а прошлое Феликса, – добавил он. – Так его звали?

Я кивнула и осмелилась спросить:

– А как зовешь себя ты?

Он какое-то время молчал, словно у него был десяток имен и сейчас он раздумывал, какое из них выбрать. И наконец, к моему разочарованию, сказал:

– Можешь звать меня как привыкла – Феликс.

– Нет, я хочу знать, – уперлась я. – Давай так: ты скажешь, как теперь зовут тебя, а я скажу, как зовут меня.

– Тебя зовут Лика.

Я уставилась на него с испугом.

– Вчера твои подруги неоднократно выкрикивали твое имя, пока ты была без сознания.

«Подруги!» Ох, я совсем забыла!

– Я должна каждый час звонить и отчитываться, что со мной все хорошо, – объяснила я. – Иначе мне конец.

– Пока ты была без сознания, он звонил несколько раз.

– Проклятье! – я наконец выкопала мобилку из недр сумки: восемь не отвеченных звонков от Альки! Я приложила телефон к уху и через несколько секунд начала терпеливо выслушивать Алькины вопли.

* * *

Алька была не на шутку перепугана и орала на меня добрых десять минут, причем используя такие выражения, какие я от нее слышала впервые.

– Где ты? – наконец спросила она, отдышавшись.

– Еду домой.

– Слава богу! А что, из Киева есть какие-то ночные поезда? Когда будешь?

Ох, если бы они знали, где я сейчас и с кем, мне было бы куда спокойней...

– Аля, слушай внимательно. Серебристое авто... – тихо начала я, собираясь выложить Альке подробное описание машины, в которой ехала. Если со мной что-то случится, они смогут найти того, кто видел меня в последний раз. Внутри снова забурился страх.

Мне показалось, что Феликс с неудовольствием посмотрел на меня.

– Скажи мне марку своей машины и регистрационный номер, – повернулась я к нему, не особо надеясь на внятный ответ. Наглость – второе счастье, и кроме нее, у меня сейчас больше ничего не было.

К моему изумлению, он спокойно назвал мне все буквы и цифры.

– Альхен, запиши, пожалуйста, это очень важно, – начала я и...

Запнулась.

– Лика! Говори! Что за серебристое авто?! – бушевала Алька в трубке.

Я оглянулась на Феликса. И в этот момент он тоже повернул голову и встретился со мной глазами, как будто говоря: «Хорошо подумай, прежде чем делать это».

– Я... – все слова вдруг застряли в горле. – Алекс, я считаю, что машина серебристо-серого цвета наилучшим образом подчеркнет цвет моих глаз! Запиши, чтоб я не забыла! Моя первая машина будет именно такой!

Алька заорала прямо в ухо:

– Вернер, ты что, пьяна?

– Есть немного, – сказала я, радуясь, что хоть что-то из сказанного будет чистой правдой.

– Держи телефон рядом! – прорычала Алька. – И не дай бог ты снова не будешь брать трубку!

– Нет-нет, Бог такого больше не допустит, – отшутилась я, запихнула телефон в сумку и уронила затылок на подголовник.

Феликс повернулся ко мне:

– На всякий случай собиралась описать ей машину? Почему передумала?

Я помолчала, уставившись в непроглядную темноту за окном. Это действие алкоголя или подобные жуткие мысли сами собой могли прийти в мою голову?

– Я не могу сдать им тебя. Если я завтра не приеду домой, то Алька поднимет на уши всю милицию в городе. Ее мать – следователь и из-под земли тебя достанет. Но Анна – она не переживет все это. Так что лучше пусть никто ничего не знает. Даже если это плохо для меня закончится...

Феликс затормозил так резко, что если б не ремень, то я бы непременно треснулась лбом об стекло. Машина остановилась, он повернулся ко мне и одарил очередным невыносимым, сумрачным взглядом:

– Послушай-ка. Мне осточертело видеть, как ты сидишь рядом и смотришь на меня, как на чудовище, готовое в любую секунду растерзать тебя в клочья. Я бы с удовольствием сейчас вернулся назад в город,

высадил тебя на вокзале, где бы ты не спеша выискивала билеты на ближайшие поезда, радостно тряслась по пятнадцать часов в вагоне и занималась прочими глупостями, но у меня слишком мало времени. Завтра утром я планирую быть в Симферополе, сделать все, о чем ты меня так просишь, и уже вечером отправиться в обратный путь. Поэтому вокзал отменяется, и я буду весьма благодарен, если ты перестанешь пороть всякую чушь и трястись, как эпилептик. Я не причиню тебе вреда! Что мне, черт возьми, сделать, чтобы ты наконец взяла себя в руки?

Феликс смотрел на меня с таким упреком, что я начала сомневаться, кто же из нас настоящее чудовище. Физическое и моральное истощение от приключений последних дней и тот факт, что я нахожусь ночью в машине человека, которого, как оказалось, совсем не знаю, – все это здорово проехалось по моей психике.

– Пожалуйста, я не хотела тебя злить, – пробормотала я, совсем потеряв голос от страха.

Кажется, Феликс ожидал от меня какого-то другого ответа и, не получив его, разозлился. Он вышел из машины, открыл мою дверь и, не особо церемонясь, вытащил за локоть наружу.

Ох, он же не собирается бросить меня на окраине города в такое время? Я знала, что при желании умею приводить людей в бешенство, но чтобы так быстро? Феликс обвел меня вокруг машины и ткнул пальцем в табличку с номерами.

– Быстро. Звони подруге и диктуй номер.

– Нет, – уперлась я.

– Или диктуешь номер, или я беру первого попавшегося попутчика.

– Зачем попутчика? – пискнула я и тут же ошарашенно замолкла. Я впервые разглядела машину снаружи: спортивная «ауди» оттенка... да ее словно облили жидким серебром. Я не была сильна в марках и моделях машин, но две вещи были ясны как божий день: во-первых, я еще никогда не видела ничего подобного, и, во-вторых, Феликс последние полгода времени даром не терял.

– С попутчиком тебе будет не так страшно, не так ли?

– Это смотря еще что за попутчик, – пробубнила я, с трудом отрывая глаза от машины.

– Я выберу кого-нибудь пострашнее. Кого-нибудь, кого бы ты смогла по-настоящему испугаться.

По моему лицу начала расползаться улыбка.

– И куда же ты посадишь третьего человека? Утрамбуешь в багажник?

– Да, – с наигранной решимостью сказал он. – Ты уже в курсе, я на

многое способен.

Я рассмеялась. Во мне что-то переломилось. Я вдруг осознала, что стою посреди совершенно пустой дороги, под завораживающим, усеянным звездами небом; и что человек, которого я давным-давно считала мертвым, стоит рядом со мной; и что у меня впереди целая – и единственная – ночь, когда я могу задать ему все свои вопросы и узнать, что же с ним случилось. Разве все это не стоит того, чтобы пренебречь своим страхом?

– Я не буду никому звонить, – вздохнула я и, помолчав, добавила: – И бояться тоже не буду.

Феликс продолжал недовольно смотреть на меня.

– Я обещаю.

Кажется, он не очень поверил, но внешне расслабился.

– Тебе придется пообещать мне еще две вещи.

Я наконец перестала таращиться на эту потрясающую машину и переключилась на Феликса.

– О моем возвращении никто, кроме твоей семьи, не должен узнать. Ни одна живая душа. Если это условие невыполнимо, то еще не поздно повернуть обратно.

– Я обещаю, – без колебаний сказала я. Что-что, а хранить секреты я умела.

– И второе: ты не будешь пытаться остановить меня, когда я решу уехать.

– А уехать ты намерен завтра же?

– Да.

Это условие мне совсем не понравилось, но я была не в том положении, чтобы спорить.

– Обещаю.

Я забралась в салон и, как только мы тронулись, повернулась к нему и задала первый вопрос из той тысячи, что вертелась у меня на языке:

– Феликс, откуда у тебя такая машина?

* * *

– Моя... новая семья располагает... некоторыми средствами, – ответил он, тщательно подбирая слова.

Я не ожидала, что слова «новая семья» так уколут мое сердце.

– Та юная блондинка – одна из них?

– Да.

Так вот оно что... Скорей всего, он удачно женился. А эта блондинка – его приемная дочь. Или... Да я скорее съем жука, чем поверю, что она – его жена.

– Она твоя жена?

– Нет!

Мне показалось, что он вот-вот рассмеется.

– Она скорее... сестра, – его голос был полон странного веселья.

Второй укол в сердце. Я боялась, что мой очередной вопрос пробьет в моем сердце дыру размером со спутниковую тарелку, но все же спросила:

– И у тебя есть новые мать и отец?

– Вместо параноидальных намеков ты решила добить меня вопросами личного характера? – поинтересовался он.

Я вдруг испугалась, что он больше не станет отвечать на мои вопросы, и залепетала, нервно теребя в руках ленту ремня:

– Феликс, пожалуйста. Ты не представляешь, как много я думала о том, что же с тобой случилось, как я хотела, чтобы ты объявился и весь этот кошмар закончился. И вот ты сидишь рядом, и у меня всего одна ночь, чтобы узнать хоть что-нибудь. Узнать, что произошло, кто те люди, которых ты теперь называешь семьей, чем ты живешь. Я обещаю, что никак не воспользуюсь этой информацией.

– Хорошо, – не сразу ответил он.

Я поглядывала на него уголком глаза и чувствовала, что это решение далось ему нелегко. Как будто он сжалился надо мной, уступил мне вопреки каким-то своим правилам. Я чувствовала и мысленно благодарила его за это.

– Несколько месяцев назад очнулся в частной наркологической клинике. Кто-то увидел меня в подъезде дома и вызвал скорую. У меня была передозировка и клиническая смерть, но, как видишь, вытащили. На тот момент я уже ничего не помнил о прошлой жизни... Мое лечение в клинике, как потом оказалось, оплачивали незнакомые мне люди. Изабелла – одна из них. Вот, пожалуй, и все.

Значит, все было гораздо хуже, чем я предполагала. Мы потеряли Феликса задолго до того, как он исчез.

– Почему они, эти люди, оплачивали твое лечение?

– Наверно им показалось, что я хороший человек, – усмехнулся он.

– Нет, серьезно!

– Я не знаю почему. Но факт остается фактом: они вытащили меня, и только благодаря им я сейчас здесь.

– И ничего за это не потребовали взамен? С чего бы им спасать тебя?

Он пожал плечами.

– Взамен? Ничего.

Я чувствовала, что он чего-то недоговаривает, но высказать ему свои подозрения значило оборвать те тонкие нити, которые наконец протянулись между нами. Я не хотела этого, мне еще о многом хотелось спросить.

– Куда делись твои татуировки?

– Ничего о них не знаю. Это их ты искала на моих руках?

– Угу, – еле слышно призналась я, вспоминая, как чуть не сорвала с него рубашку. – А что было потом? Каким образом ты столькому научился за несколько месяцев?

– Что ты понимаешь под «стольким»?

– Ну брось. Ты знаешь, о чем я. Водить машину, оказывать первую помощь, раздавать тумаки направо и налево. Как будто всю жизнь только этим и занимался. Все, что умеешь ты, – Феликс не умел!

– Когда он ушел из дома?

– А что? Ты пропал прошлой осенью. Примерно восемь месяцев назад.

– Ну, значит, у него было достаточно времени, чтобы всему этому научиться.

– Учиться?! Принимая во внимание твой рассказ, я думаю, у него были дела поинтересней, чем учиться – чему бы то ни было. Кажется, ты многого недоговариваешь.

Я повернулась к нему и сердито уставилась на него. Сейчас в нем не было ничего от Феликса. Волосы, лоб, сосредоточенный взгляд, нос, подбородок – я словно видела это все впервые. Такой знакомый и чужой одновременно. Таинственный, как сумерки, как темная вода. Он молчал.

– Феликс, я хочу большего, – начала упрашивать я.

Он вскинул брови.

– Ну я имею в виду, что... – засуетилась я, краснея, – что хочу больше подробностей.

– Я понял, – улыбнулся он, в открытую упиваясь моим смущением. – Однако – нет.

– Фели...

– Лирика, все это касается не только меня, но и моей семьи. Я волен делать со своими секретами все что захочу, но чужие обязан хранить. Я и так сказал больше, чем следовало.

Сразу два чувства полоснули по нервам: очередной укол ревности при упоминании его «новой семьи» и необъяснимое смущение – он первый раз обратился ко мне по имени.

Время близилось к полуночи, я изводила Феликса вопросами, но чем больше я спрашивала, тем меньше понимала. Его ответов, кусочков пазла, было слишком мало, чтобы нарисовать цельную картину его новой жизни. Что бы он ни говорил, моей первой реакцией всегда был внутренний протест: «Это слишком невероятно, чтобы быть правдой!» Но стоило мне посмотреть на него, и мой скепсис сходил на нет. Он вел машину – спокойный, сосредоточенный, безупречный. Именно безупречный, потому что его сложно было в чем-то упрекнуть. Хотя мне очень хотелось.

– Где ты живешь сейчас? Судя по номерам машины, не в Украине? Что это за такой красный ромбик с белым крестиком на твоём номерном знаке? – я начала новый этап допросов.

– Нет, хватит, – отмахнулся тот. – Теперь моя очередь. Пора бы рассказать что-то взамен.

– Зачем? Ты столько раз давал понять, как мы все тебе безразличны, что я не совсем понимаю, зачем тебе что-то рассказывать.

– Если бы были совсем безразличны, то я бы не мчал сейчас на другой конец страны сломя голову.

– Не мчал бы, однако оставаться не будешь тоже. Завтра покажешься Анне и сразу же уедешь, так? – вздохнула я. – Ты не собираешься тратить на это много своего времени?

– Даже если бы хотел остаться, то не смог бы.

С приближением минуты Икс я все больше начинала сомневаться в том, что Анна сможет просто взять и отпустить его. Почему, черт возьми, все всегда так сложно? Почему не бывает как в дурацких бразильских сериалах: он потерялся, потом нашелся, а потом все жили долго и счастливо...

– Значит, хочешь что-нибудь знать? Я учусь в одиннадцатом классе, мое имя ты знаешь, планов на будущее нет, талантов особенных нет, на здоровье не жалуюсь, – сказала я и отвернулась.

– Мне кажется, ты не до конца откровенна.

– Не до конца откровенна? Кто бы говорил, – буркнула я.

– Я о здоровье. Меньше чем за сутки ты успела три раза отключиться. И часто с тобой это происходит?

Что-что, а это мне меньше всего хотелось обсуждать с кем бы то ни было.

– Нет, – отрезала я.

– Ну же, не упрямься, если будешь хорошо себя вести, я разрешу тебе еще что-нибудь спросить, – шутливо сказал Феликс.

Но мое чувство юмора окончательно подбило себе ногу. Как обычно, когда разговор заходил о моих «обмороках».

– Это слишком личное, чтобы я могла выложить об этом фактически незнакомому человеку. Да и зачем тебе это знать? Волнуешься обо мне? Не поверю. Ради праздного любопытства? Тогда тем более не вижу смысла трепаться об этом.

– Ты обращалась к врачу? – оборвал он меня, пропустив мою тираду мимо ушей.

– Не думаю, что они смогут мне помочь, – отмахнулась я.

– Это не так безобидно, как может показаться на первый взгляд. Может свидетельствовать о нарушениях в мозговом кровообращении...

– За последние пару месяцев ты успел получить еще и медицинский диплом? – съязвила я.

– Просто поверь мне. С этим не шутят.

– Просто не лезь, хорошо? Как-нибудь сама разберусь.

Я сама удивилась своей грубости. Но его сердобольные советы меня и правда раздражали. Завтра он уедет, и мы больше никогда не встретимся, так зачем разыгрывать из себя заботливого родственника?

Но с другой стороны – я заставила себя дышать ровно – мне ведь совсем не сложно рассказать что-нибудь о себе, нам еще столько часов предстоит провести в машине, зачем нагнетать обстановку? Тем более что по большому счету в его советах нет ничего оскорбительного... Я вздохнула.

– Ладно, – сдалась я. – Эти... обмороки случаются часто. Чаще всего, когда я напугана, волнуюсь или чувствую боль. Когда уровень адреналина начинает зашкаливать, меня выбра... В общем... Я теряю сознание. Иногда мне кажется, что я смогла бы контролировать все это: дыхательная гимнастика, успокоительные и так далее, но на практике все не так просто. Особенно если случается что-то неожиданное. Никогда не знаешь заранее, переползет уровень адреналина допустимую отметку или мне повезет, и я останусь в сознании...

Я перевела на него глаза и поразились: впервые за все время нашего знакомства Феликс был по-настоящему озадачен.

– Ну что, доктор? Вы поможете мне? – ухмыльнулась я.

Он молчал. Казалось, теперь мы ненадолго поменялись ролями: я говорила всякие невероятные вещи, а он с трудом верил.

– Какие еще симптомы? – наконец спросил он.

– Больше ничего особенного, – я пожала плечами и отвела глаза. – Через некоторое время прихожу в себя. Пытаюсь забыть об этом и жить дальше.

И это все, что в моих силах, Феликс.

* * *

На часах было около трех ночи. Голова медленно наливалась свинцовой тяжестью.

– Ты собираешься вести машину всю ночь? – спросила я, сражаясь с подступающей сонливостью.

– Лимит твоих вопросов уже исчерпан, – улыбнулся он.

– Ах да, конечно. Но знай, что уснуть за рулем будет крайне подло с твоей стороны.

– Мое обещание доставить тебя домой в целости и сохранности – в силе.

– Все обещания в нашем мире – это всего лишь слова, – возразила я, закрывая глаза.

– Не мои, – просто и без всякого пафоса сказал он.

Мне снова захотелось повернуться к нему и прочитать все эмоции на его лице – все до единой. Обещания наркомана, убийцы, человека, ничего не помнящего о своей прошлой жизни, – о, безусловно им можно верить не больше, чем обещаниям душевнобольных или политиков, однако, вопреки воплям здравого смысла, я верила ему. Я повертела в голове эту странную, пугающую и одновременно умиротворенную мысль и провалилась в сон.

Несколько раз я просыпалась, не понимая, где нахожусь. Мягкий бархатный гул мотора был лучше любой колыбельной, кресло – неожиданно просторным, темнота – успокаивающей. Я поворачивала голову и видела, как Феликс сосредоточенно смотрит на дорогу, как тусклый свет приборной доски освещает его лицо. Что бы ни случилось со мной в будущем, эту ночь я запомню надолго или даже навсегда. Всего несколько часов назад я мечтала только о том, чтобы он ничего со мной не сделал. Теперь же не могла отделаться от мысли, что вряд ли я когда-нибудь буду находиться в более спокойном и безопасном месте.

5. И, бога ради, проваливай

– Тебя забыл спросить...

Ох, как затекли спина и шея...

– Смени тон, или разговор окончен.

И холодно. Где же чертово одеяло? Я сделала попытку перевернуться на бок и тут же заметила, что то, на чем я лежу, – даже отдаленно не напоминает кровать.

– Поступаю так, как считаю нужным, только и всего.

Я в машине Феликса! Мы едем домой!

– Да, она со мной.

Я перестала ерзать. Феликс говорил по телефону. Насколько гадко с моей стороны будет «проснуться» чуточку попозже? Я была уверена, что как только открою глаза, его телефонный разговор будет окончен, а мне так хотелось узнать о нем что-нибудь еще. Я заставила себя дышать ровно и не двигать глазами под закрытыми веками. Это была Изабелла, и, судя по воплям из трубки телефона, которые были слышны даже мне, она была в ярости от того, что собирался сделать Феликс. Она была категорически против того, чтобы он ехал в Симф.

– Ты хоть представляешь, чем это может грозить?! – орала она.

Я разбирала каждое слово, и чем дольше слушала, тем больше мне становилось не по себе.

– Мы не будем афишировать приезд, и я буду предельно осторожен, – раздраженно ответил Феликс.

Я наблюдала за ним из-под опущенных ресниц: внешне он был спокоен, разве что рука, намертво вцепившаяся в руль, выдавала напряжение.

– Мы?! Что еще за «мы»?! Говори только за себя, думай только о себе и обо всех них – в самую последнюю очередь! Иначе твои сантименты...

– Это не сантименты, это ответственность.

– Ответственность за что?! За то, чего ты не совершал?! Опомнись! Катрина вытрясла из тебя всю душу, и теперь ты решил наняться с каждым человечешкой, который перебежит тебе дорогу?! – взвизгнула трубка.

Рука Феликса вывернула руль, машина вильнула к обочине и резко затормозила. Все произошло так неожиданно, что я в ужасе распахнула глаза и резко села. Лента ремня сдавила грудь. Феликс вылетел из машины,

яростно захлопнув дверь и... Две вещи поразили меня: первый раз с момента нашей встречи я видела его с лицом, перекошенным от бешенства. Я уже наблюдала его раздражение и недовольство, но ярость – только сейчас. Казалось, от последней фразы его подружки у него в мозгу сгорели какие-то предохранители, и он забыл обо всем, включая меня. А второй удивительной вещью был не визуальный ряд, а то, что я услышала. Я не могла ошибиться, несмотря на всю невероятность происходящего: в машине, пока я была рядом, Феликс говорил с Изабеллой по-русски, но когда он выбрался из машины, то заговорил с ней на другом языке, и я сомневалась, что слышала это язык раньше.

Феликс отошел подальше от машины – я уже не разбирала слов и практически не слышала голоса, но, глядя на то, как он орет в трубку, я не сомневалась, что приличных выражений там мало.

Удручающее начало такого важного дня...

Я огляделась по сторонам. Солнце едва взошло, превратив небо на востоке в расплавленное золото. Было очень ветрено и сыро, над Перекопским заливом кружила стая белых птиц. Мы только что въехали в Крым, еще часа три-четыре, и будем дома. Я отправила бодрые эсэмэски Анне и подругам, спрятала телефон и посмотрела на Феликса. Он только что закончил говорить, верней орать, и теперь стоял спиной ко мне, засунув руки в карманы и глядя на залив. Я вздохнула, вылезла из машины и, дрожа от утреннего холода, потопала к нему.

– Извини за такое пробуждение, – сказал он, не оборачиваясь.

– Переживу. Ты в порядке?

Мой вопрос стал неожиданностью даже для меня самой. Такой незнакомый, далекий, чужой мне человек повздорил со своей подругой из-за совершенно неведомых мне разногласий. Пожалуй, надо было остаться в машине и сделать вид, что ничего не случилось, но меня охватило странное сопереживание.

Феликс повернулся ко мне и смерил взглядом. Утреннее солнце легло позолотой на его кожу, ветер взъерошил волосы, глаза больше не казались черными, какими я привыкла их видеть, – скорее были тепло-карими, как корица. Или молочный шоколад. Я первый раз видела его при свете дня, и он больше не казался мне ни зловещим, ни опасным. Скорее задумчивым и отрешенным.

– Ты в порядке? – повторила я.

– В полном, – ответил он.

– Кажется, она не одобряет эту поездку?

– Она просто очень волнуется за меня.

– Почему? Я не кусаюсь, – попробовала пошутить я.

Тень улыбки скользнула по его лицу.

– Дело не в тебе.

– А в чем тогда?

Он не ответил.

– Придорожная забегаловка и крепкий горячий кофе, как тебе такой сценарий? – Феликс развернулся и зашагал к машине.

– Прекрасный сценарий! – закричала я ему в след. – Только я же от тебя не отстану! Что может угрожать такому, как ты? Феликс!

Я побежала следом, забралась в машину и упрямо уставилась на него. Он молча вдавил ключ в зажигание и вырулил на трассу.

– Любой, кто узнал бы о твоём прошлом, предпочел бы не связываться с тобой, – заметила я.

– О, есть люди с диаметрально противоположными предпочтениями.

Это что он имеет в виду? Я открыла рот, готовясь задать еще пару десятков наводящих вопросов, и... тут же закрыла его. Конечно же. Как же я сразу не догадалась.

– Тебя ищут... – прошептала я. – Ты в розыске, да?

– Эта мысль должна была прийти к тебе в голову гораздо раньше.

* * *

Теперь мне многое прояснилось. Чистое безумие – разъезжать по стране в притягивающей взгляды машине, когда можно тихо-мирно сидеть дома под защитой своей новой и несомненно влиятельной «семьи». А возвращаться в город, где он может быть узнанным, – и того хуже. Феликс осознавал все это с самого начала и тем не менее согласился на эту поездку, которая не сулит ему ничего, кроме неприятностей. Учитывая патрульные посты, растущие вдоль дорог, как грибы. Конечно, они вряд ли опознают его, потому что ищут оборванного наркомана, с руками, покрытыми татуировками и полным чердаком гнили. В то время как Феликс ездит на дорогой машине, разговаривает, как препод риторики, и – не знаю, что с его совестью, но руки его чисты, как у младенца. Теперь это другой человек с несомненно другими документами. Они не возьмут его. Эта мысль заставила меня испытывать странное удовлетворение, так что мне даже пришлось одернуть себя. Я не имела никакого морального права радоваться тому, что убийца не наказан и вряд ли будет наказан. Но в то же время Феликс не мог вернуть того, кого убил, однако мог спасти от тихого

помешательства очень дорогого мне человека. И я хладнокровно выбирала второе. Я не допущу, чтобы его поймали до того, как он прижмет к себе Анну и скажет, что отныне с ним все хорошо. Он сделает это, а потом пусть проваливает на все четыре стороны, пусть его ищут, пусть сажают, пусть делают с ним что хотят. Мы с Анной уедем к отцу, и этот странный почти-Феликс больше никогда не сделает ей больно...

– Переживаешь очередной приступ паники? – спросил он, и в его вопросе не было насмешки.

– Да, – призналась я.

– Если нас остановят, будут проверять документы или что-то спрашивать, говори, что не знаешь меня, что едешь автостопом и села в эту машину полчаса назад. Это обезопасит тебя.

– Я переживаю не за себя.

– Вот как? Неужели за меня? – повернулся ко мне он.

– Я хочу, чтобы ты все-таки доехал до Анны и сделал то, что должен. Без ментов, без арестов и разбирательств, а потом езжай куда тебе вздумается, и будь что будет. И желательно каждому по заслугам его.

– А я уж было подумал, что тебе не все равно, что со мной будет, – хмыкнул он и вдруг сквозь его обычную мрачную сосредоточенность засветилась такая обезоруживающая непринужденность и мальчишеское разгильдяйство, что я открыла рот от изумления. Эту улыбку я видела впервые. Тот Феликс, которого я знала, **так** не улыбался – открыто, ярко, искренне. Я не смогла не улыбнуться в ответ. Ей-богу, как будто всех этих исчезновений и пугающих тайн никогда не было, как будто я сейчас сидела на сиденье школьного автобуса, по пути в какой-нибудь зоопарк, рядом с одноклассником, который подшучивал надо мной и всячески поддразнивал.

Наверное, я бы многое отдала, чтобы все было именно так. Никакой мистики в моей жизни. Никакого криминала в его жизни. И тогда кто знает, о чем бы мы сейчас говорили... Наивные мыслишки.

* * *

В придорожном кафе было чисто, тихо и совершенно пусто. Всюду дерево и льняные скатерти. Пахло кофе и свежими булочками. «Что, серьезно? – проснулся мой внутренний циник. – В придорожных забегаловках бывает так мило и симпатично? Если среди тысячи подобных заведений и нашлось бы приличное место, то это именно оно!» Заспанный официант принес меню с затертой позолотой.

– Что ты будешь есть? – спросил Феликс.

– Мне не хочется есть, разве что выпью кофе, – отвертелась я и потопала вслед за официантом, искренне надеясь, что Бог не обделил это место приличным туалетом. Тот кивнул мне на дверь с буквой «Ж», и уже минуту спустя я знакомясь со своим отражением в зеркале уборной. Выудила из сумки расческу, зубную щетку, влажные салфетки, подставила ладони под тонкую струю ледяной воды.

Тональный крем на синяки под глазами, и вот я снова похожа на здорового человека, который вдоволь спит и совсем не нервничает. Теперь ваша очередь, безобразно склеившиеся ресницы. «Какие бы кошмары ни терзали тебя по ночам, пусть утром никто не усомнится в том, что тебе всю ночь снились плюшевые мишки...» – любила говорить Анна, и я никогда не спорила. Потом аккуратно сняла со щеки пластырь: ссадина затянулась и почти не напоминала о себе.

Кто-то, орудуя черным маркером, нарисовал на зеркале разбитое сердце. Я затерла его пальцем, возвращая зеркалу первозданную чистоту. На часах было начало восьмого, Анна уже наверняка проснулась.

– Я везу тебе из Киева большой подарок, – пропела я, как только она взяла трубку.

– Жду с нетерпением! А я вот собираюсь к врачу, неважно себя чувствую. Если не застанешь меня дома, то знай: обед в холодильнике. Надеюсь, ты нормально ела эти дни?

– Еще как. Вот увидишь, какие я наела щеки на киевских тортах.

– Хорошо бы. Ты мало ешь.

– А ты много работаешь, – ответила я таким же нравоучительным тоном.

– Да, наверно перетрудилась вчера, ужасно болит рука и плечо.

– Я уверена, что когда ты увидишь мой сюрприз, то сразу обо всем забудешь.

Вот увидишь, так и будет...

Когда я вернулась в зал, на нашем столике уже стояли две тарелки с горячими бутербродами, кофе, сливки и шоколадный пирог на блюде.

– Смотрю, ты основательно проголодался, – заметила я.

Еда стояла нетронутой, как будто Феликс ждал моего возвращения.

– Я искренне надеюсь на твою помощь.

– Зря надеешься.

Завтраки давались мне с трудом. Наесться до отвала на ночь – это я могла легко, а вот утром любая еда казалась мне не более аппетитной, чем крем для обуви.

– Когда ты ела в последний раз? Часов двенадцать назад? – Феликс отхлебнул кофе и откинулся на спинку стула. Я не могла поверить, что он не спал всю ночь – от него так и веяло энергией.

– Ты хуже Анны...

– Если ты нормально поешь, я отвечу на любой твой вопрос, – выдал он, надкусывая бутерброд и подмигивая мне. Я поняла, что этот раунд мной тоже проигран.

Я проглотила горячий вкусный бутерброд с ветчиной и сыром, стараясь в упор не замечать его самодовольную улыбку, кофе тоже был на удивление хорош.

– Тебе не понравится мой вопрос, – честно призналась я, откладывая салфетку и опасаясь смотреть ему в глаза.

– Я уже начинаю привыкать, – отшутился он.

– Когда ты остановил машину и вышел, я проснулась и услышала, что ты заговорил с Изабеллой на другом языке? Что это был за язык и когда ты успел...

Феликс взъерошил волосы. Я застала его врасплох.

– Если не хочешь, то можешь не...

– Это латынь.

Он расплатился и встал из-за стола.

– Ты шутишь? – забормотала я. – На ней же никто не разговаривает!

– Я заметил.

Мы шли к выходу – верней, он шел, а я то и дело срывалась на бег, чтобы поспеть за ним. Ветер усилился. Темно-серое утреннее небо так и не посветлело, оно снижалось и раздувалось, все больше становясь похожим на обширную гематому. В придорожную пыль начали падать первые крупные капли.

– Дюра-лекс-сед-лекс^[5]. Что я сказала? – прищурилась я. Это была единственная фраза на латыни, которую я знала.

– У тебя ужасный акцент, – проворчал Феликс.

Это все, чего я смогла от него добиться. Он не собирался пускаться в дальнейшие объяснения, игнорируя мои просьбы и умоляющие взгляды. Я верила, что он мог вызубрить медицинскую латынь или заучить кучу крылатых выражений, но говорить на ней – это было что-то из области фантастики. Я все больше убеждалась, что здесь не обошлось без секты или тайной группировки. Слишком многое прямо или косвенно указывало на это, включая его упоминание о «новой семье», включая стоимость машин, на которых ездили он и Изабелла, и то, с какой неохотой он говорил о своей настоящей жизни...

Интересно, что было бы, встретиться я с этим человеком при каких-нибудь других обстоятельствах? Страх, настороженность, неприязнь – все это давно отступило, я украдкой смотрела на него и ощущала только необъяснимую тоску, какую обычно испытываешь, глядя на вечерний пейзаж в последний день летних каникул, – тоску по чему-то невероятно прекрасному, которое вот-вот уйдет, а ты не в силах его удержать.

* * *

Через полчаса нас накрыла гроза. Дорога стала блестящей и скользкой, как фольга, дальше десяти метров ничего не было видно. Феликс сбросил скорость. На лобовое стекло словно обрушилось цунами, дворники не справлялись – просто болтались в воде, как два весла. Рев стоял такой, что закладывало уши.

– У тебя есть какая-нибудь музыка? – спросила я.

– Да, – Феликс показал мне, как управлять аудиосистемой. – Выбери что-нибудь.

Я прошлась глазами по списку на дисплее, изучая названия папок. Рок, джаз, классическая музыка. Папки с именами незнакомых исполнителей. Сборники с названиями на непонятном языке, кажется, итальянский... Впечатляет, учитывая, что бывший Феликс слушал только русских рэпперов. Я почти запаниковала, но тут мой взгляд остановился на папке с именем «К». Всего одна буква, как просто. Я открыла ее и запустила первую песню в списке.

В воздухе повис мягкий аккорд фортепиано, и зазвучал голос женщины – глубокий и волнующий. «Я умею летать, но мне нужны его крылья...» – запела она.

Не знаю, у кого певица собиралась отнять крылья – у нее наверняка были свои собственные: этот голос мог принадлежать только ангелу. По спине поползли мурашки: в этой музыке было больше чувств, чем во всей той попсе, что я переслушала за последние полгода.

«Я могу любить, но мне нужно его сердце...»

Я повернулась к Феликсу, собираясь сообщить ему, что я в полном восторге, и... остановилась. Феликс выглядел так, как будто слышал не музыку, а скрежет гвоздя по стеклу. Окаменевшая челюсть и суженные от напряжения глаза. На шее нервно пульсировала жилка.

«Благослови тот день, когда он явился ко мне, крылья принесли его ко мне – мой ангел Габриэль...»

– Включить что-то другое? – робко спросила я.

Еще один полк мурашек прошагал вдоль позвоночника, как только до меня дошло, что Феликс не услышал меня. Он был где угодно, только не здесь.

– Феликс? – позвала я.

Он посмотрел на меня так, как посмотрел бы человек, который только что проснулся и еще не понял, где находится.

– Ты не в восторге от музыки?

– Слушай все, что тебе нравится, – туманно ответил он.

Если и существовало искусство уходить от прямого вопроса, то сейчас рядом со мной сидел его Мастер.

* * *

Ливень не прекращался. Видать, эти края чем-то сильно прогневили боженьку, если тот решил отрепетировать новый всемирный потоп. Мы ползли со скоростью улитки, видимость была отвратительная. И тут Феликс затормозил, пристраивая машину у обочины, и повернулся ко мне:

– Оставайся здесь, не выходи.

Я смотрелась в сплошную стену дождя и увидела впереди небольшой грузовик, включивший аварийные огни. Прежде чем я успела прикинуть, что к чему, Феликс открыл дверь и шагнул под проливной дождь.

Остаться здесь? С каких это пор я обязана выполнять его указания? Я была готова выпрыгнуть за ним, как вдруг заметила у обочины, сразу за грузовиком, груды искореженного железа, исходившую паром. О господи... Я пошарила глазами по сторонам: кроме грузовика со вспыхивающими аварийками, рядом больше никого не было – ни скорой, ни милиции. Какой-то человек пытался открыть дверь разбившейся машины, верней, выломать то, что когда-то было дверью. Я старалась не смотреть туда, где должны были быть люди, и серая завеса дождя здорово облегчала мне задание. Я видела только спину Феликса в черной футболке, вымокшей насквозь за считанные секунды. Он быстро шел к разбившейся машине, а потом я потеряла его из виду. Дождь хлынул с новой силой, я закрыла глаза, вслушиваясь в нарастающий ритм сердцебиения.

Хм, Феликс пошел туда с такой непоколебимой уверенностью, как будто всю жизнь только тем и занимался, что вытаскивал изувеченные тела из-под груд металла.

Я знала, что должна пойти туда следом за ним. Останавливало только

то, что толку от меня будет никакого: я просто потеряю сознание, как только увижу окровавленную плоть. И еще он сам попросил меня не выходить. Может, мне все-таки стоит выполнять его приказы? Иногда.

Я сидела в машине и ненавидела себя за все эти дешевые оправдания, пока там кто-то... умирал. Феликса не было уже минут десять, а мне казалось, что вечность. Внезапно сквозь вой стихии до меня долетел звук сирен – ну вот и тащатся машины скорой и милиции. От волнения стало трудно дышать: после того как я узнала, что он в розыске, от одного звука сирен мне становилось дурно. Сомнений больше не было. Я открыла дверь и помчала к разбитой машине.

Я почти добежала до места аварии, как вдруг мне навстречу из-за пелены дождя шагнула массивная фигура, схватила меня за руку и потащила обратно.

– Быстро в машину, – отчеканил Феликс. – Лика, я же просил...

Я забралась внутрь, промокая до нитки и продрогшая до мозга костей. Джинсы еще куда ни шло, а куртка и футболка – как будто только что из стиральной машины. Феликс сел за руль, с его волос капала вода. И как только за ним захлопнулась дверь, серый воздух прорезали красно-желтые отблески и на дороге показалась карета скорой.

– Они... умерли? – выдавила я надломленным голосом.

Из машины начали выскакивать люди в алых жилетах со светоотражающими полосами.

– Нет. Все будет в порядке, – расплывчато ответил Феликс. – Чего не скажешь о тебе, – тут же добавил он.

Я вытаращилась на него.

– Да-да, ты же промокла насквозь, – недовольно начал он, выкручивая температуру кондиционера на максимум. – Едем спасать мать, а по дороге угробим дочку, раздевайся.

– Что? – пискнула я.

– Ну или сиди мокрая, но тогда замерзнешь и заболеешь.

– На себя посмотри, – парировала я.

Он достал из-за сиденья тонкий свитер, который, видимо, приберег для себя, и протянул мне.

– Переодевайся.

– Нет, моя футболка скоро высохнет, – уперлась я.

– Даже не спорь, – отрезал он.

– И вообще, с чего вдруг такая забота? Интересно послушать.

– Интересно послушать, с какой такой стати ты понеслась за мной следом. Я же просил тебя оставаться...

– Волновалась за тебя! – вдруг выскочило из моего рта. Ох, если бы слова можно было проглотить обратно, я бы непременно это сделала.

В салоне повисла тишина.

– Вот и я волнуюсь за тебя, – сказал он и снова протянул мне свитер.

Я взяла его и замерла, медленно переваривая сказанное. Как мало мне иногда нужно для головокружения. Волнуется за меня, кто бы мог подумать.

Я начала стаскивать куртку и футболку и впервые в жизни пожалела, что не ношу лифчик. Я развернулась к Феликсу спиной и быстренько нырнула в свитер. Ткань, казалось, была сделана из шерсти молочных ягнят или даже... перьев новорожденных ангелов. Интересно, что это. Какой-нибудь кашемир? Как необычно было ощущать на себе чужую одежду. Более того – одежду парня.

Феликс смотрел в сторону, на фельдшеров, суесящихся за пеленой дождя, а потом начал стягивать мокрую футболку, подняв над головой руки. Я отвернулась, хотя, к моему стыду, это далось мне нелегко. Двух секунд созерцания его обнаженного торса мне было достаточно, чтобы впасть в ступор и начисто забыть о непогоде, о катастрофе, о наших пререканиях... я терпеть не могла женские романы и их героинь за ту пугающую легкость, с которой они теряли голову перед своими ухажерами. Их яичники всегда брали верх над головой и разумом. Последний женский роман, который всучила мне Ида, полетел в дальний угол после фразы «Она увидела, как он, по пояс голый, рубил дрова, и чуть не умерла от желания...». Но те чувства, что я испытала в тот момент, когда Феликс поднял вверх руки, стаскивая с себя промокшую футболку, настолько походили на чувства книжных героинь, что я тут же серьезно пала в собственных глазах. «Лирика Вернер, что с тобой?» – мысленно отчитала я себя. И – не смогла найти ни одного убедительного ответа.

«Она просто ни разу не видела раздетого парня так близко рядом с собой», – захихикал мой внутренний циник.

Посмейся мне еще.

Интересно, все люди разговаривают в мыслях сами с собой, или мне пора на обследование?

Феликс набросил на себя куртку, которую, в отличие от меня, предусмотрительно оставил в машине.

– Тепло? – спросил он.

– Угу, – кивнула я, балдея от обволакивающей меня теплоты и мягкости. – Так что там произошло? Есть жертвы?

Феликс помолчал, разглядывая узор капель на стекле.

– Хочешь узнать еще одну фразу на латыни?

Я перестала трясти волосами перед струей теплого воздуха из кондиционера. Какое неожиданное предложение.

– Давай, – кивнула я.

– Amantes sunt amentes. «Влюбленные – безумные», если перевести на твой язык... Представь, на латыни эти два слова отличаются всего одной буквой.

И он снова ушел в себя – туда, куда мне не было дороги.

«Твой язык, – шепнуло мне подсознание. – Он назвал русский “твоим языком”. Но не своим. Забавно?»

* * *

В начале десятого наша «ауди» взметнула пыль возле кирпичного забора моего дома. Я распахнула дверь и вышла из машины.

– Идем, – позвала я. – Вот это твой дом. Ты здесь вырос.

Пока я открывала решетчатые ворота, он захлопнул дверь машины и подошел ко мне, разглядывая дом. И тогда я, неизвестно откуда набравшись смелости, взяла его за руку и повела за собой.

Кажется, я впервые прикоснулась к Феликсу, не мечтая при этом нанести ему тяжелые телесные повреждения. Эта мысль была смешной, волнующей и восхитительной одновременно. Его ладонь была расслабленной и теплой – такой, что я испытала смущение за свои тонкие, вечно холодные пальцы.

Я вела Феликса за руку и не могла отделаться от мысли, что именно так я бы вела к родителям своего жениха. А потом мы бы долго болтали за бутылкой вина, смеялись и делились планами на будущее. Чудесно, но не в этот раз...

Мы в два шага преодолели ступеньки крыльца и вошли в дом.

– Ма-ам!

– Лика?! – отозвалась Анна откуда-то из кухни. – Наконец-то!

Я оглянулась на Феликса. Он стоял посреди гостиной, спокойный и невозмутимый, как горное озеро, чья гладь остается ровной, даже когда вокруг носятся высокогорные ветра.

– Ты знаешь, тебя не было всего пару дней, а я успела соскучиться... – засмеялась Анна и вошла в гостиную.

Есть вещи, которые не забываются. Их просто невозможно забыть. Память словно фотографирует их, а фотографию потом всегда держит под

рукой. Лицо Анны в тот момент, когда она вошла в гостиную, навсегда впечаталось в мою память: влажные глаза, дрожащие губы, белый как мел, лоб.

Я смотрела на нее и чувствовала, как слезы чертят на моих щеках две сырые дорожки. Она молча шагнула к сыну в объятия, и ее плечи затряслись от беззвучных рыданий. Какой маленькой и хрупкой казалась она в его руках...

Дрожащими руками я вытерла слезы и перевела замутненный взгляд с Анны на Феликса... И меня словно током прошибло: я ожидала увидеть все что угодно: равнодушие, театральную грусть, натянутое сочувствие, – но только не то, что увидела. На его лице была написана мучительная нечеловеческая боль – такая боль, словно никакой потери памяти не было и в помине, словно сейчас ее обнимал не чужак, а самый настоящий сын, который бесконечно сожалел обо всем случившемся.

– Мальчик мой, – выдохнула Анна и...

Я видела, как дернулся Феликс, резко отрывая голову от Анниного плеча и переводя обеспокоенный взгляд на ее лицо, и в ту же секунду поняла, что случилось ужасное: Анна обмякла в его руках, повисла как тряпичная кукла, уронив набок голову.

– Это обморок, да? Скажи, что это обморок! – запаниковала я.

Феликс склонился над Анной, прижимая пальцы к ее сонной артерии..

– Вызови скорую.

Я с трудом стряхнула с себя паническое оцепенение и бросилась к телефону, плохо справляясь с подкашивающимися ногами. Пока я кричала врачам в трубку адрес, Феликс исчез в проеме дверей и тут же вернулся обратно с небольшой сумкой. Анна уходила от меня.

* * *

– Скажи, что ты знаешь, что нужно делать, – пробормотала я и в следующую секунду убедилась, что ответ мне не нужен.

Он знал. И это потрясло меня не меньше, чем бледная, как снег, Анна, лежащая на полу. В той небольшой сумке, которую он принес из машины, было столько шприцев, что, казалось, хватило бы на наркопритон, а то и на целое отделение госпиталя. Феликс выхватил два шприца и в два щелчка сбросил с них колпачки. Невероятно, но он нашел у Анны вену быстрее, чем я бы нашла собственный нос, и быстро сделал ей инъекцию.

– Тенектеплаза, – сказал он, перехватив мой вопросительный взгляд. –

Восстановит кровоток, если он нарушен.

Я не смогла ничего ответить, просто сидела с открытым ртом, глядя на него, как на фокусника. Если бы Феликс вынул из кармана волшебную палочку и воскликнул «Алохомора!», я вряд ли смогла бы удивиться сильнее. Содержимое второго шприца – ярко-красная жидкость – тоже отправилось в вену.

– Иди сюда, помоги мне приподнять ее... Сможешь открыть окно?

* * *

В дом влетели фельдшеры, заполнив это крохотное домашнее пространство суетой, громкими голосами и горьким запахом лекарств. Как только все сообразили, что я и двух слов связать не могу, – они все переключились на Феликса, и тот начал объяснять им, что случилось, причем половину сказанных им слов я не понимала. «Тромболитики», «ангиозный», «гемодинамика» – все эти слова вылетали из его рта с такой же легкостью, как «аминь» – из моего. Я просто сидела, давилась слезами и держала Анну за руку, пока все они пытались предпринять что-то более действенное, чем мольбы.

Я почти залезла в машину скорой, вслед за носилками, и тут ко мне повернулась тетка-фельдшер, сдвинув на нос крохотные очки:

– Деточка, нашатыря дать понюхать? Что-то ты совсем бледная. В обмороки падаешь?

Обмороки! Я едва держалась на ногах от нервного потрясения, и отключиться в машине скорой было бы как раз в моем репертуаре. А если меня «перебросит» в кого-то из находящихся рядом врачей, то Анну некому будет спасать! Я выскочила из машины, как ошпаренная, и врезалась в Феликса, возникшего на моем пути.

– Я не могу ехать с ними. В карете скорой. Просто не могу. Можно мы поедем за ними на твоей машине? Пожалуйста...

Я почувствовала теплую руку на своем запястье.

– Успокойся, хорошо? Мы поедем за ними, – сказал он.

* * *

«Ауди» тронулась вслед за скорой.

– Утром Анна плохо себя чувствовала... – простонала я. – Я звонила

ей, когда мы остановились в кафе, и она сказала, что у нее очень болит рука. И плечо...

– Так бывает. Проблема в сердце, но болит не оно, а что-то рядом, – объяснил Феликс.

– Я должна была насторожиться, я должна была придержать лошадей... Ее сын чуть не убил ее, и я едва не закончила начатое..

– Это не твоя вина, – перебил меня он.

– В том месте, где мы завтракали, – там на зеркале было нарисовано разбитое сердце. Если бы я была внимательней к знакам судьбы, то всего этого...

– Нет никакой иной судьбы, кроме той, что творится в данный момент, – оборвал меня Феликс. – Если во всем искать знаки, то очень сложно будет думать головой и принимать разумные решения.

Сложно не согласиться... Конечно, в своих поступках я должна полагаться на себя и только на себя, но, господи, как же иногда хочется легких дорог и простых решений, подсказок и указателей на всех крутых поворотах – только чтобы переложить ответственность с себя на кого-то другого, на кого-то незримого.

– Неужели в твоей жизни никогда не случалось чего-то, что можно было бы назвать знаком свыше? – буркнула я, утирая распухший нос. – Никакой мистики?

– Нет, – не колеблясь ответил он.

Но его рука так сжала руль, что побелели пальцы.

* * *

Мы провели в больнице уже несколько часов, меня подкашивала страшная слабость от волнения и усталости. Я мысленно благодарила Феликса за то, что ему удалось правдами и неправдами впихнуть в меня утром завтрак, иначе я бы сейчас просто не смогла стоять. Врачи отказались пустить меня к Анне и посоветовали отправиться домой. Но как только мы вышли на порог больницы, мне позвонила Алька.

– Итоговая контрольная? Сегодня? – переспросила я. – Первый раз слышу!

– Приезжай! Если не ради своих оценок, то хотя бы ради класса. Ты наш счастливый талисман, Вернер.

– Чего?

– Не поверишь, но каждый раз, когда ты падаешь в обморок, учителя

становятся просто шелковые. Никогда не забуду, как химичка извинилась перед Идой и отдала записку! Да-да! А потом села на стул и загадочно улыбалась остаток урока, как Джоконда. Жаль, ты этого не видела...

Я сунула телефон в карман и повернулась к Феликсу.

– Через полчаса у нас большая контрольная. По математике. Мне стоит поехать...

Лицо Феликса ничего не выражало. Лед под загорелой кожей.

– Тебя подбросить до школы?

– Нет, тут совсем недалеко, я на маршрутке. Послушай, знаешь что? Я поеду в школу, а ты езжай к нам домой, что скажешь? Ты же помнишь дорогу? Тебе нужно поспать, сколько ты уже не спал? – и, не дожидаясь ответов на залп всех этих вопросов, я бросила ему связку ключей от нашего дома, которую его рука ловко перехватила в воздухе. – Я приеду часа через три-четыре! И пока он ничего не успел возразить, игнорируя легкое замешательство на его лице, я развернулась и побежала к остановке.

* * *

Когда я разделалась с контрольной, день уже близился к вечеру. Я смогла убедить Альку с Идой, что я в норме и все, что мне сейчас нужно, – просто выспаться и привести себя в порядок. О Феликсе, как я ему и обещала, не было сказано ни слова. Потом девчонки побрели к остановке, а я задержалась возле доски расписания.

– Ты Лика Вернер? Есть разговор.

Я обернулась и увидела перед собой Свету Мерцалову из параллельного класса. Света неофициально значилась первой красавицей в школе. Крашеная брюнетка с идеально отутюженными волосами и смуглым лицом: денег родителей хватало на круглогодичный морской загар. В самом деле красавица, разве что челюсть слегка тяжеловата. Губы были накрашены помадой такого пошло-розового цвета, что оставалось только удивляться, как школа не рухнула от такого оскорбления. За Светкиной спиной угрюмо помалкивали две ее не по годам развитые подруги: у обеих модельный рост и грудь третьего размера.

– Чтобы я тебя возле него больше не видела! – рявкнула Мерцалова, таращась на меня такими глазами, что все вопросы относительно происхождения ее фамилии мгновенно отпадали. – Он даже не посмотрит на тебя, ты недостаточно для него хороша, ты ничтожество, ты никто.

Я выпала в осадок. В такие нелепые ситуации я еще не попадала.

Неподалеку сидела небольшая компания и с интересом наблюдала, чем же все закончится.

– Думаешь, я не слышу все эти разговоры за моей спиной, как будто я слепая? – взвизгнула Светка, тыча в меня пальцем с двухсантиметровым ногтем.

– Ну и как слепота соотносится с отсутствием слуха? – зачем-то сказала я, прекрасно понимая, что вот-вот за каждую свою шуточку могу потерять клочок волос.

– Ты че, совсем больная? – подала голос одна из дылд. – Признай вину и прекрати вешаться на Чижа, плохо доходит?

Чижев! Вот оно что! С того самого дня, когда меня на пару минут перебросило в его тело и я чуть не треснула Гренкина за зубоскальство, – по школе ползали слухи о том, что он ко мне неравнодушен. Хотя Чижев все это время, ни о чем не подозревая, обхаживал Мерцалову.

– Можешь спать спокойно, Чижев не в моем вкусе, – сказала я, и, боюсь, это прозвучало как оскорбление, потому что брови Мерцаловой вдруг поползли вверх, а ярко-розовый рот расползся в кривой ухмылке. По-видимому, она просто не верила в существование особ, которые не мечтали бы переманить ее восхитительного Чижики под свое крылышко.

– Не в твоем вкусе? – закапала ядом Мерцалова. – А кто в твоем вкусе? Какой-нибудь хилый ботан на велосипеде?

Чижев был похож на атлета и ездил в школу на новенькой «тойоте» – очевидно, эти вещи Светка ценила в нем больше всего. Ее подружки тихонько давились от смеха.

«Какое твое собачье дело», – приготовилась сказать я, как вдруг...

Это было как в кино. Нет, в тысячу раз лучше. У школьного крыльца остановилась машина, один взгляд на которую обладал тем же эффектом, что и укол адреналина, – машина Феликса. С туповатой улыбкой и скачущим сердцем я смотрела, как он выходит из авто. Выражение лиц Мерцаловой и ее эскорта было достойно картины в позолоченной раме. Громкая компания неподалеку тоже притихла. Я отпихнула Светку с дороги и потопала к Феликсу, ускоряя шаг.

* * *

Эти двадцать шагов были самыми долгими в моей жизни. Вчера вечером – господи, это было только *вчера!* – во мне было столько страха, ненависти и злости, что хватило бы на очередную войну на Ближнем

Востоке. Сейчас же я шла к нему и знала, что когда наконец подойду, будет очень сложно не броситься к нему на шею. Скорость и характер этих перемен пугали меня. Большинство людей в моей жизни можно было сразу рассортировать по понятным категориям: это хороший человек, это плохой, вот свой парень, вот чужак. А Феликс не подпадал ни под одно определение. Или попадал под все сразу. Я не могла до конца понять, кто он, чего мне от него ждать, что за сердце стучит в его груди. Единственное, что не вызывало сомнений, – мое желание, чтобы этот раз, когда я шла ему навстречу, – не был последним.

Феликс стоял, прислонившись спиной к машине и засунув руки в карманы. В сотый раз я поймала себя на мысли, что в нем нет ничего от того Феликса, которого я когда-то знала. Я видела перед собой невероятно привлекательного темноволосого парня с сумрачными карими глазами, двухдневной щетиной, в рубашке с расстегнутым воротником, обнажающим загорелое горло, – и словно видела впервые. Это мой мозг, помня о его сегодняшнем подвиге, превратил его в божество, или он всегда был так хорош собой, и только отчаянная ненависть все это время мешала мне увидеть это?

Я остановилась перед ним, стараясь изобразить на лице самое непринужденное выражение, хотя сердце билось как чокнутое.

– Как ты узнал, что моя школа здесь?

– Увидел в доме твою тетрадь с указанием школы. Впрочем, я был уверен, что разминусь с тобой.

«Так и случилось бы, если б не...» – я оглянулась. Мерцалова стояла на том же самом месте с открытым ртом и выпученными глазами. Завтра обо мне поползут новые слухи.

Феликс открыл мне дверь машины и сел за руль.

– Почему ты приехал за мной?

– Как математика?

Мы одновременно задали друг другу вопросы и теперь оба, как обычно бывает, замолчали, боясь снова сказать что-нибудь в унисон.

– Если честно, ожидала чего-то попроще, – наконец ответила я.

На мой вопрос он отвечать, по-видимому, не собирался.

– Поспать удалось?

– Не совсем, – сухо бросил он.

– Жаль, выглядишь утомленным, – начала я. – Завтра нам предстоит сложный день. Я имею в виду Анну и...

– Лика, – перебил он меня.

Я перевела на него глаза и сообразила, что что-то не так. Он еще

никогда не обращался ко мне так резко.

– Мои планы не изменились. Я должен уехать сегодня.

Я вздрогнула, впившись пальцами в подлокотники.

– Я п-помню, что ты планировал уехать сегодня, но учитывая то, что произошло, я даже не предполагала, что ты не сможешь задержаться! Ты хоть понимаешь, что з-завтра она придет в себя и первым делом спросит о тебе! А мне сообщить ей, что у тебя нашлись... дела поважнее?! Или что ты хочешь, чтобы я ей сказала?!

Я замолчала, чувствуя, что еще чуть-чуть и разревусь.

– Я должен был напомнить тебе раньше, но решил не волновать тебя перед контрольной.

– О да! Спасибо за заботу! – выдохнула я и непроизвольно сжала кулаки. *«Господи, только бы не съездить ему по лицу! Он же за рулем».*

Феликс сосредоточенно смотрел на дорогу, я молча давилась слезами. Машину наполнила душераздирающая тишина.

– Хорошо! – гигантским усилием воли я заставила себя говорить спокойно. – Если не завтра, то когда? Когда ты сможешь вернуться и закончить начатое?

По отрешенности, написанной на его лице, я предположила, что ответ меня вряд ли обрадует.

– Я не уверен, что смогу вернуться, Лика.

Я не поверила, что действительно услышала это. Я, наверное, уснула на контрольной или в столовой, и мне снится кошмар.

– Феликс, отдай мне ключи, останови машину и, бога ради, проваливай! – заорала я, не в силах больше находиться с ним рядом.

Он остановился и протянул мне ключи от дома. Я вырвала связку из его руки, выскочила из машины и бросилась бежать. Мост, парк Таврического университета, деревья, скамейки, здание факультета филологии, хвойная аллея. В полном изнеможении я рухнула на какую-то обшарпанную скамейку и уронила голову в ладони. Сказки – они чаще всего заканчиваются, так толком и не начавшись. На землю опустились сумерки, такие же темные и всепоглощающие, как и те, что стояли в душе. Я медленно брела домой вдоль оживленной дороги.

Что бы Феликс ни вытворял, я не позволю себе сломаться. На какой-то миг мне показалось, что от него слишком многое зависит, что он чуть ли не ось, вокруг которой могла бы вращаться не только жизнь Анны, но и моя жизнь. Что он невероятно изменился и теперь не похож ни на одного человека на Земле. Но это не так. Он ничем не лучше тысяч других самоуверенных юнцов, разъезжающих на красивых тачках и корчащих из

себя центр Вселенной.

Я была так глубоко погружена в эти мысли, что когда возле меня притормозила обшарпанная красная девятка и загорелый улыбчивый парень спросил, не подвезти ли меня, – я не задумываясь села к нему в машину.

6. Прокатимся с ветерком

Я знала, что отчаявшиеся люди часто совершают еще безумные поступки просто потому, что им кажется, что хуже быть не может. Я знала, что горе способно заглушить голос рассудка и инстинкт самосохранения. Но я не думала, что это может случиться со мной.

– Дима, – представился незнакомец, резво обгоняя по встречной движущиеся впереди машины.

– Лика, – буркнула я.

– Мы уже в курсе, Ликусик! – раздалось с заднего сиденья.

Я обернулась и почувствовала, как зашевелились волоски на руках. Сзади сидел еще один мужик, и выражение на его лице было предельно ясным: отталкивающее плотоядное вождение.

«Ликусик». Я уже слышала это прозвище и этот голос. Неоднократно! Тот, кто сейчас сидел сзади, – уже добивался встречи со мной и вот наконец добился. Неужели он выслеживал меня, неужели ошивался возле моего дома, иначе как?!

– Спасибо, остановите здесь, вот мой квартал...

Машина, не сбавляя скорости, миновала поворот к моему дому.

– Уже? Да чего ты, Ликусик, ща прокатимся с ветерком, ты разве спешишь?

– Остановите, умоляю, я не хочу никуда ехать! – закричала я, запуская трясущуюся руку в сумку. Телефон – господи милосердный! – он не провалился на дно сумки, как обычно случалось, а лежал на самом верху, уютно устроившись на корешках книг. Я на ощупь нажала кнопку быстрого вызова. *«Только возьми трубку, Алъхен! Возьми и просто слушай!»*

– Какая ты шустрая дрянь, – сказал мне задний и ударил меня так, что потемнело в глазах. Я сжалась в комок и обхватила голову руками. Водила отнял мою сумку и вышвырнул в окно.

– Я из тебя дух вышибу, когда приедем, вкурила? – рывкнул мне он. И тут меня прошибла такая отчаянная, дикая и дерзкая мысль, что оборвалось дыхание: *«Или я из тебя»*.

* * *

Я как будто впала в транс, в голове лихорадочно вертелось: «Ты

должна сделать это. А иначе тебя пустят на котлеты, Вернер!» в мозгу мгновенно созрел и оброс деталями сумасшедший, но единственный из всех возможных план.

Я сунула руки в карманы и, нашептывая благодарности всем святым и богам, нащупала в кармане кнопку. Пластиковая шляпка и острый, как игла, кончик. Сегодня на этом кончике умещается вся моя жизнь.

Потом нашла ремень безопасности и пристегнулась.

– Поздно переживать о своей безопасности, – ухмыльнулся водила.

– Где педаль тормоза? – спросила я дрожащим голосом.

Я не умела водить машину, я вообще практически ничего о них не знала, о чем сейчас невероятно жалела.

– Мне нужно знать, пожалуйста, – попросила я. Со стороны это наверняка смахивало на первые признаки сумасшествия.

– Средняя, Ликусик, – смилостивился тот.

Я вытащила кнопку, стиснула зубы и чиркнула по наружной стороне предплечья, вдавливая острый конец глубоко в кожу. Сердце дернулось от резкой боли, по руке поползла струя крови, стало трудно дышать. Я зажмурилась, мысленно рисуя перед собой загорелое лицо того, кто сидел за рулем, и сконцентрировала на нем утекающие остатки сознания.

* * *

Возможно, это было такой же идиотской затеей, как, например, пробовать силой мысли воздействовать на частоту сердцебиения или пытаться смотреть сны по заданному сюжету. Но когда твоя жизнь висит на волоске, ты не думаешь, возможно это или нет, ты просто делаешь это. Я распахнула глаза и задохнулась от восторга и ужаса одновременно: руль машины, несущейся с бешеной скоростью по темной трассе, был в моих руках!

Справа повисло на ремне безопасности мое родное тело.

– Димон, да она в отключке, – хохотнул задний, тряхнув мое тело за плечо и тут же одернув свою лапу. – И гляди, резанула себя! Опять психопатка попалась.

– Психопатка, угадал, ублюдок, – прошипела я чужим хриплым голосом и, вцепившись в руль загорелыми ручищами, вжала педаль тормоза в пол.

Машину на бешеной скорости начало заносить в сторону, руль рванул из рук, и я интуитивно вывернула его в сторону, противоположную

завороту. Нас тряхнуло на какой-то яме, и в следующую секунду раздался ужасный звук лопающегося стекла. Машина налетела на небольшое дерево, подмяла его под себя и, сильно сбросив скорость, тут же врезалась в следующее. Только благодаря этому двойному препятствию тело, в котором я сейчас сидела, не размазало по приборной доске. Я отделалась оглушающим ударом головой о лобовое стекло, и глаза тотчас залило красной волной.

О боже, как больно...

С заднего сиденья доносились хриплые вопли и дичайшие ругательства. Я оглянулась на свое тело, засыпанное стеклом. Оно выглядело совершенно неповрежденным...

– Димон! Ты опух?! Да какого х...

Я толкнула дверь, к счастью, ее не заклинило, выскочила из машины, выволокла наружу свое тело, стараясь не сильно поранить его о куски стекла, которые засыпали все вокруг. После неистовой борьбы с рулем тело показалось пушинкой. Я взвалила его на плечо и рванула к трассе на плохо гнущихся ногах.

Сколько у меня в запасе? Пять минут? Десять? Прежде чем я снова стану хилой школьницей, а владелец этих загорелых ручищ просто раздавит меня, как цыпленка! Голова раскалывалась от боли, лицо превратилось в одну большую пульсирующую рану. Я выбежала на трассу и понеслась в ту сторону, где вдалеке сияли две точки приближающихся фар. Я остановилась посреди дороги, переваливая свое тело с плеча на изгибы локтей, кровь капала с лица на мою куртку и майку. *«Они подумают, что мы – жертвы аварии, и остановятся! Нужно просто передать им мое тем и бежать! И тогда я спасена!»* я смотрела на приближающиеся огни и чувствовала, как из глаз льет, смешиваясь с кровью, соленая-соленая вода.

Машина остановилась прямо передо мной, и я заморгала, ослепленная кровавой пеленой и светом фар. Из машины вышел человек и шагнул в полосу света. Я покачнулась на ногах: снова это зубодробительное чувство ирреальности происходящего. Наверное, девятка разбилась вдребезги и мне снится мой последний, невыносимо сладкий сон: ко мне идет Феликс, я узнаю его походку, его одежду, его волосы, его изумленное лицо... Пусть эта агония длится вечно.

Я протянула ему свое тело на вытянутых руках и, как только он взял его – так легко, как будто оно ничего не весило, – я отступила назад в темноту и приготовилась к побегу. Увезти это тело отсюда как можно дальше, чтобы его владелец не смог потом преследовать меня...

– Уезжай, – прохрипела я. – Бери ее и уезжай отсюда.

Феликс заколебался, изучая мою окровавленную физиономию.

– Тебе тоже нужна помощь.

– Ты что, не понял?! – взревела я, приходя в ужас от собственного голоса. – Увози ее отсюда, бога ради! Проваливай!

В третий раз повторять не пришлось, Феликс повернулся к машине, переложил в салон мое тело и сел за руль. Он медлил.

– Езжай! – закричала я, ударяя ладонями по стеклу машины. «Ауди» дала задний ход, круто разворачиваясь на месте, а потом рванула по трассе в обратную сторону.

И тут позади меня раздался голос второго похитителя – голос, который я надеялась больше никогда не услышать:

– Димон, че ты задумал?! Ты упоролся в кашу или че ты творишь?!

Не успела я обернуться, как он сшиб меня с ног и придавил к земле. Я повернула голову, встретила с нападавшим взглядом и – узнала его! Этот тип был у нас дома тем вечером, когда Феликс притащил в дом своих приятелей! Это его я просила потушить сигарету, стоя посреди гостиной и кутаясь в плед!

– Ты совсем двинулся, да?! Решил нас всех в дерьмо зарыть?! – заорал он. – Где девка?!

– Там, где о ней позаботятся, – прохрипела я. – А уж она позаботится о тебе, она не успокоится, пока не спустит на тебя всех ментов в городе!

А дальше все было как в кошмарном сне: белобрысый вскочил на ноги и зарядил мне ботинком в грудь – моя ключица хрустнула от удара, как вафельный батончик. Я свернулась в клубок, прикрывая голову руками. Я не собиралась защищать это тело, но руки действовали на автомате.

– Получай, крысеныш, – прошипел тот, и тут же раздался громкий хлопок. То, что это выстрел, я осознала только тогда, когда грудную клетку вспорола резкая боль, а сознание начало гаснуть.

* * *

Я разомкнула глаза и заплакала от радости: я в машине Феликса, я в безопасности, я жива! В ту же секунду меня скрутило от ужасной рези в

грудь, зубы и кулаки непроизвольно сжались, дышать стало трудно, как будто на шею накинута петля. Кажется, я все-таки что-то повредила, когда машина врезалась в дерево. Майка на груди была черной от засыхающей крови. Я повернула голову: Феликса в машине не было. О нет, нет, нет! Я распахнула дверь и хотела бежать за ним, но боль в груди усилилась, ноги подкосились, и я рухнула на землю.

– Феликс! Вернись! – заорала я ему вслед. – Не вздумай подбирать его!

А в ответ – пустынная, пронзительная тишина. Меня ломали пополам два желания: ползти за Феликсом или спрятаться в машине, заблокировав двери. Еще никогда мне не было так страшно за себя, еще никогда мне не было так страшно за другого человека. Я зажмурилась, уткнувшись лбом в колесо, молясь о том, чтобы не услышать новый выстрел. Колыхался влажный ночной воздух, левое легкое полыхало огнем на каждом вдохе. Я боялась заглянуть под одежду и обнаружить там торчащий обломок ребра или осколок стекла. Кажется, я ненадолго отключилась, потому что потом не могла вспомнить тот момент, когда Феликс вернулся и переложил меня в машину.

Меня привело в чувство ворчание просыпающегося мотора и звук закрывшейся двери. Я потянулась к Феликсу, прикасаясь лбом к его плечу. Он прижал меня к себе. О, после всего, что я пережила, это было слишком восхитительно, чтобы быть правдой.

– Феликс, ты в самом деле живой, или я при смерти и у меня галлюцинации? – пробормотала я, обнимая его так, словно он мог вот-вот растаять, как дым.

Что-то в моем голосе заставило его отстраниться и заглянуть мне в лицо.

– Тебе больно? – спросил он.

– Оч-чень... – я едва могла дышать.

– Где и как болит?

– Здесь, – я вжала кулак в солнечное сплетение. – Резкая, пронзительная. Трудно дышать...

Его руки сняли с раны мою трясущуюся ладонь и подняли майку, исследуя кожу и ребра.

– Ты не ранена, это его кровь, – наконец сказал он, пристально глядя.

– Но почему же тогда так... – меня снова согнуло пополам.

– Я отвезу тебя в больницу.

«Ауди» двинулась с места, за окном потекла густая, как смола, беспросветная ночь.

– Ты живой, – повторяла я, – я так испугалась, когда ты ушел.

– Лика... А тот, кто спас тебя и передал мне, – уже нет. Он мертв.

Из моего горла вырвался нервный смешок:

– Лучшая новость за сегодня!

Феликс был потрясен, он повернулся ко мне и смотрел так долго, что я заперезживала, как бы мы во что-нибудь не врезались.

– Лика, – наконец заговорил он, – я не знаю, что тебе угрожало, но пока ты была без сознания, он вынес тебя на руках и отдал мне! Он был ранен и напуган. Я должен был забрать и его тоже...

– Замолчи, – я сжалась в комок, не в состоянии слушать все это. – Пожалуйста, замолчи!

– Что там произошло?

Я покачала головой. Это был слишком сложный вопрос для короткого ответа, а на длинный и обстоятельный ответ мне не хватило бы никаких нервов.

– Лучше расскажи, как ты здесь оказался.

– Повесил на тебя маячок.

– Что?! – изумилась я. – Когда?

– Заранее, – уклончиво ответил он.

Теперь ясно, как он нашел мою школу и как не разминулсЯ со мной.

– Ты бы не уехал, пока не убедился, что со мной все в порядке? – выдохнула я.

Феликс улыбнулся мне своей призрачной улыбкой, которая исчезала слишком быстро, чтобы я успела увериться в том, что она действительно была.

– Но теперь ты отвезешь меня домой и все равно уедешь?

– Я должен.

Все это время я прикармливала с руки птицу надежды, но сейчас она просто взмахнула крыльями и растворилась в воздухе...

– Но сначала в больницу.

– Феликс, это невероятно, но боли уже нет! Я думала, что я ранена, но... боль вдруг исчезла! – я потрогала то место, в котором каких-то пять минут назад меня словно на шампур навинчивали. – Не могу поверить, что так бывает!

– Я тоже, – сказал Феликс, и его голос звучал так, словно он только что увидел привидение.

Почему-то я ожидала, что он начнет переубеждать меня и все равно отвезет больницу, но этого не случилось. Он повернул к дому, остановил машину у ворот, но... выйти из нее не позволил:

– Ты ждешь гостей?

Я помотала головой. Феликс указал на дом: окно на первом этаже светилось.

7. Что чувствуешь ты?

– Что ж, по крайней мере не придется взламывать дверь, – нервно засмеялась я. – Кто-то сделал это вместо меня.

– Сиди здесь, – бросил Феликс, открывая дверь машины.

– Подожди, – вцепилась я в него. – Может быть...

У кого еще могли быть ключи от дома, кроме меня и Анны? И тут дверь распахнулась, уронив во двор полосу света. Вниз по ступенькам скользнул хрупкий силуэт, держа в руках какой-то ящик. «Воры?» – дернулась я, но тут же расслабилась, всматриваясь в темную фигуру.

– Идем, все в порядке. Это Ольга. Она помогает Анне с садом.

За последние полгода Ольга и Анна особенно сблизились. Ольга потеряла дело своей жизни (после погрома она так и не смогла заставить себя войти в магазин), а Анна потеряла сына. Им было о чем поговорить. Ольга приходила пару раз в неделю, помогала Анне с заказами по ландшафтному дизайну. Они чертили планы, сажали рассаду, могли до бесконечности обсуждать сорта цветов или оттенок гравия для садовых дорожек. Это все здорово отвлекало Анну, поэтому я тоже радовалась приходам Ольги. Кроме, пожалуй, сегодняшнего дня.

– Лица? – встрепелась она, опуская на землю ящик с торчащими из него стебельками. – Где вы все пропадаете? Мы договорились с Анной, что...

Она запнулась, разглядывая Феликса. Конечно, Ольга знала о нем, но вряд ли видела его раньше. Феликс ненавидел приезжать домой.

– Договорились с Анной пересадить рассаду, и вот приезжаю, а дома никого. Я взяла запасные ключи в садовом домике... Что с твоей одеждой?

Ольга испуганно оглядела мою окровавленную майку.

– Это... Соком облилась, – натянуто улыбнулась я. – А Анна – она в больнице.

– Что-то случилось? – охнула Оля.

– Если очень коротко, сердечный приступ. Оль, я тебе потом позвоню и все расскажу, хорошо? Едва держусь на ногах.

– Боже мой! Конечно, – пробормотала она растерянно. – Мне осталось чуть-чуть... Петунья и анютины глазки. Ты не против? Если что-то понадобится, ты только скажи. Могу присмотреть за садом, пока Анна не поправится.

– Хорошо, спасибо, – и я, пошатываясь, поплелась в дом. Передвигать

ноги после всего случившегося оказалось не таким уж простым занятием. Феликс дал мне руку, заметив, как меня заносит из стороны в сторону.

– Когда ты уедешь? – резко повернулась я к нему, как только за нами захлопнулась дверь.

– Как только уложу тебя спать, – невозмутимо ответил он.

Я закатила глаза. Кажется, он думает, что я при смерти или вроде того, но сил спорить не было. Я побрела в душ, прихватив по дороге пакет для мусора. Стащила с себя окровавленную одежду и завернула в полиэтилен: вещи придется или отдать в химчистку, или выбросить, но отстирывать с них кровь у меня точно не хватит нервов. Синяков на мне оказалось не меньше, чем после нападения в магазине, лицо украшала новая ссадина. Рана на руке выглядела просто тошнотворно: с толстой запекшейся коркой и фиолетовыми отечными краями...

Напряжение, переполнявшее меня, вдруг поползло через край, и из глаз хлынули слезы. Только сейчас до меня дошло, что я чуть не умерла... Я редела под душем, пока ощущение трехкратного помола через мясорубку не начало потихоньку сходить на нет. Потом натянула пижаму и поплелась в гостиную.

Феликса нигде не было. Я почти запаниковала, но потом услышала шум на кухне. Гулко шумел чайник, Феликс стоял ко мне спиной, склонившись над столом. Несмотря на то что я видела его – его тело – на этой кухне много раз, сейчас он показался мне чем-то чужеродным в этой реальности. Он обернулся и протянул мне дымящуюся чашку.

– Спасибо. И за чай, и за все остальное, – сказала я.

Феликс стоял рядом, прислонившись плечом к стене, и смотрел на меня: один из тех его сумрачных взглядов, которые всегда приводили меня в волнение.

– Я увижу тебя еще когда-нибудь? – спросила я прямо.

– Чем больше я затягиваю с отъездом, тем сложнее мне ответить на этот вопрос.

– То есть? Не понимаю...

– Не важно, – спохватился он. – Что с твоей рукой?

– Ерунда, – соврала я, отставив чашку и опуская руку под стол.

Феликс сел рядом, взял мою руку и стал разглядывать рану.

– Точно не хочешь рассказать мне, что там произошло? – спросил он, ведя пальцем вдоль запекшейся корочки.

– Нет, – помотала головой я.

– Нужно обработать и зашить, – заявил он.

– Зашивать? Сейчас? Меньше всего я сейчас хочу в больницу, нет.

– Я могу, – сказал Феликс, осторожно укладывая мою руку на стол, как раненого зверька.

Я не могла поверить, что резанула себя так, что рана потребовала «кройки и шитья». Еще меньше мне верилось, что Феликс сможет сделать это сам. Я не ослышалась? Феликс принял мое молчание за сомнения.

– Если не зашить, будет плохо заживать. И будет шрам.

– Ладно, – сдалась я. – Но инструменты? И как в домашних условиях?

– В машине есть все, что надо, – сказал он и вышел.

* * *

Феликс надел перчатки, обработал рану какой-то жидкостью, слегка раздвигая края. Я зажмурилась. Черт, почему я не придумала какой-нибудь другой способ повышения уровня адреналина в крови?

Можно было прикусить себе язык или вломить себе пару затрещин, и тогда не пришлось бы сейчас...

– Будет всего несколько стежков, – сказал он, вправляя шелковую нить в тонкую изогнутую иглу. – Только вот...

– Что?

– У меня нет обезболивающего. Придется без него, сможешь потерпеть?

Феликс выжидательно посмотрел на меня, я закусила губу. По живому меня еще ни разу не шили.

– Н-не знаю. Попробую.

Я решила не смотреть на рану, отвела глаза, старательно делая вдох-выдох. Но когда игла погрузилась в кожу, стало ясно, что я долго не продержусь.

– Феликс... Я не могу, – выдохнула я.

– Осталось немного.

– Давай я схожу поищу обезболивающее в комнате у Анны! Может какие-нибудь таблетки... Ай!

– Нет.

Руку пронзила нестерпимая боль. Я старалась не дергаться, но с каждым стежком это становилось все труднее и труднее.

– Ты же сказал, всего несколько стежков, – прошипела я, хватая воздух ртом и вливаясь здоровой рукой в его плечо.

– Еще чуть-чуть.

Перед глазами поплыла золотая пыль.

– Нет, не могу больше, – забормотала я, ощущая, как сознание стремительно съеживается до размера белой пульсирующей точки.

* * *

Я сидела в темном саду, прижавшись лбом к стволу дерева. В Ольгу. Закинуло в Ольгу, хотя я почему-то была уверена, что перебросит в Феликса. Рука пульсировала от жгучей боли, хотя на ней не было ни царапины. Теперь я начала понимать. Мое сознание начало прихватывать с собой мои физические ощущения, проецируя их на чужое тело. «Боль от пулевого ранения, предсмертная агония – вот что это было!» – ошеломленно осознала я, вспоминая о тех первых минутах в машине Феликса, когда только-только «вернулась в себя». Странно, что я не додумалась до этого сразу. К горлу подкатила тошнота.

Я с трудом поднялась, держась за дерево и выпрямляя затекшие ноги. Прямо над садом ныряла в прозрачные облака и выныривала снова яркая полная луна, где-то жалобно кричала ночная птица. Воздух был свежим и сладким до головокружения. Над головой среди тяжелых розовых цветов трепетали ночные бабочки.

– Ч-черт, – ругнулась я, потряхивая ноющей рукой, мечтая, чтобы боль поскорее прошла.

– Что с рукой?

Я подскочила от неожиданности, резко разворачиваясь на каблуках. Феликс спустился по ступенькам и медленно шел ко мне. Я закусила губу от обиды: кажется, я ожидала, что он будет старательно приводить меня в чувство, а не решит уехать, пока я не мешаю ему.

– Повредила инвентарем, – буркнула я своим «новым» голосом и отвернулась. – Ты уже, наверно, собрался уезжать? Если да, то...

– У меня было обезболивающее, – сказал Феликс, становясь рядом со мной гораздо ближе, чем могли бы стоять незнакомые люди.

– Что? – вздрогнула я.

– У меня было обезболивающее. Извини, – неловко улыбнулся он.

Я открыла рот, как рыба, выброшенная на песок, все звуки занозами застряли в горле. В голове закружился рой не облачимых в слова мыслей.

– Я не понимаю, – выдавила я, еле-еле ворочая языком и чувствуя, как земля медленно уплывает из-под ног.

– Просто мне очень нужно было проверить... Лика, – сказал Феликс и взял меня за руку. Его глаза смотрели мне в самую душу. Меня захлестнуло

такое облегчение, словно только что исповедовалась в страшном грехе или прокричала всему миру мучительную тайну. Глаза заволокло слезами.

– Все хорошо, – Феликс шагнул ко мне, обнимая так бережно, словно я могла рассыпаться от прикосновения. – Все хорошо.

Я прижалась лбом к его груди, зная, что если он отпустит меня сейчас, то я упаду, потеряв равновесие.

* * *

– Этот парень с окровавленным лицом, – это была ты. Оборванец с ножом, пытавшийся помешать мне увезти твоё тело, – тоже ты. Женщина в ресторане, возникшая на дороге, когда я нес тебя к выходу, – шептал Феликс, не выпуская меня из объятий. – Я должен был догадаться раньше. Особенно после того, как ты рассказала о своих «обмороках».

Я крепче прижалась к нему, вдыхая запах его одежды.

– Что там произошло? Ты попала в беду?

Я кивнула.

– Села в машину к незнакомым людям. Дети в наше время пропадают каждый день, кого этим удивишь. Но никогда не думаешь, что это может случиться с тобой. Когда они отказались остановить машину, стало ясно, что мне конец. А потом пришло в голову, что если я сделаю себе больно, то меня наверняка перебросят в кого-то из них. Меня чаще всего выбрасывает в кого-то неподалеку. И тогда, возможно, будет шанс...

– И тогда ты порезала себе руку.

– Да. Попыталась сделать побольней. Не думала, конечно, что потом придется шить. Вообще ни о чем тогда не думала. По сравнению с тем, что мне было уготовано, это такой пустяк. А потом меня перебросило в тело того, кто был за рулем. Я затормозила, но не смогла справиться с машиной. Разбила тачку и заодно голову этому подонку, вытащила своё тело и побежала, – мой голос куда-то пропал, к горлу подкатил комок.

Я замолчала, боясь в очередной раз разреветься. Боже мой, как же было приятно быть к нему так близко. Я прикасалась к нему руками Ольги, прижималась к нему её щекой, но какое это имело значение? Сейчас он обнимал меня и никого другого.

– Тот, кто сидел сзади, стал преследовать меня. Он увидел, что я отдала тебе тело, и сильно испугался. Подумал, что его дружок что-то затеял, и решил с ним покончить. Он выстрелил в меня!

– Теперь все позади, – мягко сказал Феликс.

- Как? Как ты мог догадаться? Ты такой же как я, да?
- Не совсем.
- Меня тошнит от твоих секретов, – вздохнула я.
- Знаю, – ответил он.

Феликс ничего не расскажет мне... Как обычно. Будь у меня хотя бы десять-пятнадцать лишних минут, наверно мне бы удалось вытянуть из него что-то, но этих минут у меня не было.

– Феликс, кажется, сейчас я буду возвращаться. Не хотелось бы пугать Ольгу, – прошептала я, слыша нарастающее гудение в голове.

Он держал меня за руки и не спешил отпускать.

– Иди ко мне, – попросила я, наслаждаясь двусмысленностью фразы и делая шаг назад.

– Иду, – ответил он и направился к дому.

Я прислонилась к дереву, еле держась на ногах и с дрожью ожидая того момента, когда наконец «вернусь».

* * *

– Держись, – услышала я. – Я отнесу тебя в комнату.

Я обняла Феликса за шею, разглядывая перебинтованную руку.

– Моя рука! Она не болит!

– Да, я уже обезболил ее, – сказал он с мрачной ухмылкой.

Восемь шагов по ступенькам, поворот направо, дверь в мою комнату.

– Откуда ты знаешь, где моя комната? – насторожилась я.

– Кое-что время от времени вспоминается.

– Это хорошо. Надеюсь, однажды в твоих воспоминаниях появится Анна... И я.

– Я бы предпочел, чтобы это никогда не случилось, – отрезал он.

– Почему?

Феликс посадил меня на кровать, открыл окно, в комнату рванул упоительный ночной воздух.

– Потому что это порой тяжелее, чем можно вынести.

– Я помню твое лицо, когда ты увидел Анну впервые. Ты что-то почувствовал, да?

Феликс остановился у окна в полосе лунного света, его лицо было задумчивым. Он не ответил.

– Прошу тебя... – взмолилась я.

– Кошмарную боль.

– Значит, есть чему болеть! Значит, любовь и раскаяние – они все еще...

– Лица, память – это такая вещь, которая способна хранить не только радужные моменты, не только любовь и раскаяние.

– А что же еще? – насторожилась я.

«*Что там еще в твоей голове, Феликс?*»

– Не уверен, что тебе стоит это знать.

Я вылезла из кровати и подошла к нему. Села рядом с ним на подоконник.

– Слушай, – пожала плечами я, – тот Феликс, которого я помню, был беспринципным, безжалостным, отмороженным подростком. Все это я знаю. Вряд ли ты смог бы рассказать мне что-то новое, так что...

– Плакат на твоей двери. На твоей двери когда-то висел плакат, так ведь? Ты знаешь, при каких обстоятельствах он был сожжен?

Я вздрогнула. Экс-Феликс сорвал его и сжег в ту ночь, когда притащился домой под кайфом со своими омерзительными друзьями. За этот плакат с Оливером Сайксом я чуть не расцарапала ему лицо на следующий день. Неужели он действительно начинает кое-что припоминать?!

– Знаю. И ч-что?

Феликс заговорил, но ужасающий смысл его слов дошел до меня не сразу.

– В ту ночь, прежде чем сорвать его, он очень долго стоял перед твоей дверью, оставив развлекающихся приятелей в гостиной, и раздумывал над тем, сможет ли он выломать дверь в твою комнату, и если да, то как долго ты сможешь сопротивляться.

Я приросла спиной к оконной раме, по телу поползла дрожь.

– Теперь ты представляешь, каково жить с этим? Сейчас я смотрю на тебя, и в моем мозгу вспыхивают далеко не безобидные мысли – *не мои* мысли, но я вынужден жить с ними и терпеть их. Лица, я больше не хочу ничего вспоминать и... не могу оставаться здесь.

Я перевела на него изумленный взгляд.

– Не могу поверить. Феликс просто терпеть меня не мог, как и я его.

– Он был без ума от тебя.

Я смутилась и покраснела, слава богу, в комнате царил полумрак, и не было видно, как я превращаюсь в красный овощ. Феликс стоял напротив, его лицо было бледным и напряженным. Я бы никогда не решилась сказать то, что сказала в следующую секунду, но мне показалось, что подходящего момента больше никогда не будет и что если я не спрошу сейчас, то буду

жалеть об этом всю оставшуюся жизнь. Я набрала побольше воздуха в легкие и выдохнула:

– А ты? Что чувствуешь *ты* – новый и другой, – глядя на меня?

Кажется, только сейчас я заметила, как близко он стоит. Как близко он стоит и как странно на меня смотрит. Я вдруг поняла, как легко пропасть, утонуть в этих глазах. Как в реке с тихой темной водой, в которой черная трава, хищные рыбы и сгинуло немало людей, тщетно пытавшихся перейти ее вброд... Я не отдавала себе отчет в том, что делаю. Я забыла обо всем. Я была готова броситься в эту реку с головой. Быть к нему настолько близко, насколько он позволит, – вот все, чего мне хотелось.

– Что ты чувствуешь? – снова спросила я, сползая с подоконника и неожиданно оказываясь в его объятиях..

Его ладони стремительно утонули в моих волосах, коснулись шеи и поползли вниз по плечам, по спине, пока он наконец не прижал меня к себе по-настоящему. Как будто разрешая себе меня, как будто сдавшись после продолжительной борьбы. Наши лбы соприкоснулись, волосы смешались. Кажется, до этого момента, кого бы я ни обнимала, я никогда не испытывала такого волнения, как сейчас. *«Коснуться его губ, коснуться его губ и умереть...»* Я обняла его за шею, и в ту секунду, когда показалось, что уже ничто не способно остановить нас, забрать его у меня, – он заговорил, отвечая на мой вопрос:

– Чувствую, что еще никогда не был так близок к повторению ошибки.

И в одно мгновение все рухнуло. Я почувствовала, как он внутренне изменился. Все изменилось. Его взгляд стал холодным и отстраненным.

– Я должен ехать, – сказал он, отступая и выпуская меня из объятий.

– Какой ошибки? – прошептала я, едва держась на ногах, как инвалид, внезапно лишившийся опоры.

– Очень большой.

– Я помню, что я обещала не ставить тебе палки в колеса, когда ты соберешься уезжать, – сказала я, срываясь на хриплый шепот и приходя в ужас от навалившегося на меня отчаяния. – Но я не хочу! Я не могу вот так вот взять и отпустить тебя, Феликс!

Я видела, что он борется. Борется с чем-то, что во много раз сильнее меня и всего того, что я могу сейчас сказать или сделать. Я смотрела и знала, что оно победит. По моим щекам поползли слезы. В сотый раз за этот вечер, но эти слезы были самыми горькими.

– Ты вернешься? Я тебя когда-нибудь увижу?

– У меня нет ответа на этот вопрос. Я бы очень хотел увидеть тебя снова, но...

– Но у тебя есть дела поважнее и люди поважнее?

– Да.

Твердое, тяжелое беспощадное «да». Внутри все окаменело. Я не ожидала такой резкости, хотя и сама на нее напросилась. Мозг пытался лихорадочно выдумать что-то, что заставило бы его задержаться, побыть в этой комнате еще несколько драгоценных минут.

– Ты знаешь, – бодро начала я, пытаюсь взять себя в руки и не допустить страдальческих нот в голосе, – на правах твоей, черт возьми, сестры, и во имя женщины, которая тебя родила и столько из-за тебя вытерпела, я прошу и, более того, заслуживаю немного откровенности. Может расскажешь мне о тех, к кому ты так спешишь?

Феликс замер, он явно не был готов к такому нахальному прыжку с разбега в его личную жизнь. Я и сама от себя такого не ожидала, но времени на размышления не было, я просто начала говорить все, что лезло в голову:

– Я помню, что твоя «новая» сестра вчера выглядела вполне здоровой и самоуверенной, чтобы вообще волноваться о ней. Тогда, может быть, у тебя есть «новая» бабушка, которая захворала и попросила тебя срочно бросить все и привезти ей пирожков и горшочек маслица? Или есть какой-нибудь «новый» троюродный дядюшка, чья старческая хандра гораздо серьезней того, что только что случилось с твоей матерью?! Расскажи мне о них, Феликс! Так хочется знать о тех, кому и в подметки не годишься!

Я была уверена, что и от этих вопросов он попытается уйти, но когда он заговорил, я услышала слишком многое, чтобы устоять на ногах.

– Ее зовут Дио. Она – мой самый близкий человек. И сейчас я должен быть с ней рядом.

Я отшатнулась от него, как от привидения. Своды моего мира начали стремительно рушиться. Минуту назад я думала только о том, как он невероятно притягивает меня. Минуту назад я была готова со слезами умолять его оставить мне электронный адрес или номер телефона. Я была готова на все, на любое унижение, только бы он задержался. Но теперь... Черт, почему я всегда так медленно и плохо соображаю? Его вежливость, сдержанность и постоянное соблюдение дистанции предельно ясно означают, что его сердце занято. У него есть девушка, и он не хочет делать того, о чем потом может пожалеть!

Но что-то в его словах не давало мне покоя. Мой внутренний датчик, распознающий ложь, стал зашкаливать от напряжения. Да это всего лишь уловка! Ведро ледяной воды, чтобы привести меня в чувство. Феликс никогда не врал мне – просто ставил перед фактом, что это секрет или

отмалчивался. Но сейчас во мне ворочались какие-то подозрения. Либо я просто не хотела верить в существование некой Дио, либо ее на самом деле не существовало!

– Какая она? – прошептала я.

– Что? – переспросил он.

– Какая она, эта Дио?

– Поиграем в детектор лжи? – усмехнулся он. – Она удивительная.

– Нет, как она выглядит? – упрямыствовала я, зная, что если она реальна, то он без колебаний сможет описать ее, а если это выдумка, то замешательство и смущение непременно отразится на его лице.

– Феликс, ты слышишь меня? Как она выглядит? Какие у нее волосы, кожа, глаза? Какого она роста, сколько ей лет?

Мне показалось, что на его лице промелькнуло смятение и растерянность. Но только на мгновение.

– Ее душа восхитительна, и это единственное, что имеет значение, – отрезал он.

– Неубедительно! – выкрикнула я.

Еще минута. Еще одна.

– Я не собираюсь убеждать тебя в том, что тебя вообще не касается.

Я стояла, молча проглотив обиду и с трудом веря ушам: он не может описать ее, потому что либо страдает приступами забывчивости, либо я только что поймала его на лжи. Он солгал мне!

– Значит, ты так спешишь к той, которую даже не можешь описать? – едко сказала я, скрещивая руки на груди, вцепившись дрожащими пальцами в собственные ребра. – Хочешь знать мое мнение?

– Вряд ли.

– Но тебе все же придется послушать! Не верю ни в какую Дио! Отказываюсь верить! Потрудись придумать какое-то более внятное объяснение своей трусости... И бессердечности! И равнодушию! – я почувствовала, что если сейчас же не прекращу орать, то меня снова выбросит – голова налилась какой-то тяжестью, а колени перестали справляться с весом моего тела.

– Феликс, – прошептала я, вдруг почувствовав невероятную слабость. – Кажется, меня снова... Мне не надо было снова нервничать.

Он подхватил меня на руки и понес меня к кровати. Я обняла его за шею и ткнулась лбом в его грудь.

– Что ты делаешь?

– Укладываю тебя спать, как и собирался. Ты устала. Тебе нужно поспать.

– Я не хочу спать, – возмутилась я, чувствуя, как он размыкает мои руки, обвившие его шею. У меня было слишком мало сил, чтобы сопротивляться.

– Ты будешь спать, – отрезал он, поправляя мне подушку и одеяло с какой-то ошарашивающей заботливостью.

Я попыталась вытянуть руку и прикоснуться к нему, но моя рука отказалась мне подчиниться! Я никогда не чувствовала ничего подобного. Хотя нет... Когда в тот страшный день меня привезли в больницу с большой кровопотерей, мне пару раз делали уколы, ощущения после которых...

– Ты что, чем-то накачал меня?! – закричала я, но голос был больше похож на сдавленный шепот.

– Да, прости. Так нужно.

– Феликс, умоляю тебя, останься... – последнее, что смогла произнести я.

Кажется, он взял меня за руку, но я больше не чувствовала своего тела.

– Лика... – начал он. – Я знаю, ты уже ничего не сможешь сказать, но, возможно, еще сможешь слушать меня. Это безопасный препарат, ты сейчас просто хорошо поспишь и проснешься утром бодрой и спокойной, пережитое не будет мучить тебя, так что ты будешь даже удивляться этому.

Никто из приятелей Феликса больше не будет преследовать тебя, просто забудь о них и ничего не бойся, это раз.

Два: Анне не придется ничего объяснять, об этом я тоже позаботился, не волнуйся слишком о завтрашнем дне, но все же хорошо думай над каждым словом, когда будешь говорить с ней.

И, наконец, мне бы хотелось, чтобы ты простила меня за этот стремительный отъезд, мне правда важно, чтобы ты смогла сделать это. Больше я ни о чем не прошу. Ты очень смелая, и решительная, и... И невероятная. С каждым часом, проведенным рядом с тобой, мне становилось все сложнее мыслить трезво, потом этот дом, поднявший во мне бурю невыносимых воспоминаний, в каждом из которых была ты, ты и снова ты... Чувства, которые я сейчас к тебе испытываю, сродни шоку, и, наверное, я окажусь близок к истине, если скажу, что ты чувствуешь что-то похожее: мне достаточно вспомнить, как ты иногда смотришь на меня и реагируешь на мои прикосновения... Но эта игра слишком похожа на другую игру, в которую я уже играл когда-то давно и которая закончилась двумя сотнями белых роз на Ольшанском кладбище в Праге. Это невыносимо вспоминать, не говоря уже о том, чтобы повторить. Отдать твою жизнь на растерзание нелогичным, иррациональным, неуправляемым

чувствам, которые вы называете любовью, — это последнее, что я мог бы сделать с тобой. Нет, я предпочитаю убить этого демона в зародыше. Только поэтому я должен уйти, хотя каждая клетка этого проклятого тела приказывает мне, чтобы я остался, говорил с тобой, принадлежал тебе... Мне очень хочется, чтобы ты знала обо всем этом и помнила каждую секунду, но я не имею на это права. Мы оба не имеем на это права. Поэтому *Salve et vale*^[6], Лика.

8. Зависимость

Оттенок потолка менялся вместе рассветом: цементно-серый, розовый, тепло-молочный. Я смотрела на потолок уже полчаса и, когда закрывала глаза, могла бы восстановить в памяти рисунок всех его неровностей.

Феликс ушел. И больше не вернется. Он в самом деле ушел.

Его выходка со снотворным просто не уместилась у меня в голове. Так бессовестно уйти, как он мог? Просто вколол мне снотворное и бросил в этом доме, как какую-то безмозглую зверушку. Нет, вроде бы он что-то говорил, но я никак не могла вспомнить, что именно. На небе разворачивалась в линию тонкая алая лента. Я подошла к окну и вытянула руку, разглядывая повязку. И вдруг...

Это было сродни волшебству, чистому абсолютному волшебству, какое иногда случается, когда ты меньше всего его ждешь. Я не успела ни испугаться, ни отпрянуть: на мою руку, ударив воздух тонкими крыльями и вцепившись коготками в ткань повязки, – села ласточка.

Я никогда не видела диких птиц так близко. Моя рука потянулась к ее блестящей, будто лакированной спинке, но ласточка вдруг соскочила с руки и взвилась в небо.

Снова чудо, входящее в мою жизнь без спроса и исчезающее, как только я протягиваю руку? Мне пора начать привыкать.

Я поплотней закуталась в одеяло и поплелась вниз. Кажется, этот дом еще никогда не был таким тихим и опустошенным. Кажется, еще никогда ступеньки не звучали так глухо, а двери не скрипели так сиротливо. Я заварила себе чай и забралась с ногами в кресло, выискивая глазами доказательства недавнего присутствия здесь того, кого я сейчас хотела бы видеть больше всего на свете.

В какой же момент меня угораздило потерять голову? Когда он шагнул под проливной дождь, чтобы помочь попавшим в аварию? Когда он спас Анне жизнь? Когда он поехал за мной, чтобы убедиться, что со мной все в порядке? Или когда он обнял меня и почти поцеловал, там наверху, в моей комнате? Почти...

О да! Влюблена по уши в того, кто вопреки моей воле накачал меня снотворным, как какую-то безмозглую зверушку, и бросил! Дура!

Приведение себя в порядок заняло гораздо больше времени, чем уборка дома перед папиным приездом. Ссадина на лице, заработанная в Киеве, почти зажила, зато вчерашняя, отвешенная одним из похитителей, выглядела хуже некуда и требовала тщательной штукатурки. Я намазывала на щеку толстый слой тонального крема, морщась от боли, и не без некоторого мазохизма размышляла, осталось ли бы на мне сейчас хоть одно живое место, не повесь Феликс на меня маячок...

Маячок.

Я отложила тональник и вцепилась руками в столешницу. А что если?..

Полиэтиленовый сверток выглядел на редкость тошнотворно. Сквозь него просвечивала моя одежда, пропитанная потемневшей кровью. Я развернула полиэтилен и вывалила одежду на пол. Феликс сказал, что не успел снять маячок, когда вез меня из школы домой, но успел ли он снять его потом? Я разворачивала одежду, надеясь найти что-то, чего раньше определенно не видела. На куртке блеснул ряд пуговиц, заклепки, язычок молнии... Ничего особенного. На майке... на майке тоже ничего...

Ничего, что могло бы быть маячком или хотя бы отдаленно походить на него. Я запустила пальцы в кармашек куртки и вытащила до дрожи знакомый клочок бумаги. Он лежал там же, куда я засунула его сразу после прочтения. Снова прошлась глазами. Ровный незнакомый почерк, разлапистые заглавные буквы, хвостатые знаки препинания...

Прошло всего несколько дней, а кажется, что вечность. Еще в воскресенье я бы с удовольствием записала эту записку Феликсу в горло, но вот наступил вторник, и я сижу на полу в ванной и чуть ли не рыдаю над ней.

Я повертела записку в руках и помчалась в свою комнату.

В ящике моего стола, в коробке с дорогими мне безделушками, лежал кулон, который я выбрала сама себе в лавке старьевщика, когда мне было пять лет. Тот самый, который я сунула подальше в стол после погрома в цветочном магазине как не оправдавший надежды талисман. Но теперь я, пожалуй, достану его, засуну в него эту бумажку и буду носить ее на груди, как фанатка какого-нибудь рок-певца носила бы на груди обрывок его одежды. Глупо, наивно и по-детски? О, влюбиться в того, кого я больше никогда не увижу, – вот где была настоящая наивность и глупость.

Я наспех затолкала в себя яичницу, нашла в доме старую раздолбанную Nokia с треснувшим экраном, даже не пытаясь вспомнить, кому из членов семьи она принадлежала до того, как ее отправили на пенсию, отыскала запасные ключи и поехала в больницу.

В маршрутке набрала Альку.

– Школа? Не-е, – зевнула Алька в трубку. – Сегодня всего два урока, а мамуслик уехала еще ночью на вызов и нескоро вернется. Так что учебу в сад, дома поваляюсь, кино посмотрю. Если освободишься, приезжай, у меня новая комедия... Хотя, наверно, тебе не до комедий сейчас?

– А куда мать поехала? Ч-что-то случилось? – насторожилась я.

– Да там на Ялтинской, сразу за Марьино, такой трэш! Как в кино. Машина влетела в дерево и загорелась. Но трупов внутри не оказалось! Все были снаружи! Один на дороге с пулей в животе, прикинь. И еще один неподалеку. Короче, понедельник день тяжелый, подвалило мамане работы.

После разговора с Алькой меня начало трясти, казалось, что заныли все ссадины и синяки на теле, горло стало колючим и шершавым, как проржавевшая труба. Я сжала в кулаке своего ангела на цепочке и закрыла глаза. Господи, что же там произошло после того, как Феликс увез меня...

Когда я вошла в палату, Анна спала, и я так и не решилась ее разбудить. Врач сказал что-то про «состояние стабильно» и «нельзя волноваться» и упорхнул по каким-то своим безумно важным делам. Я поправила Анне подушку, посидела рядом и тихонько вышла. В десять утра прилетал папа. Я очень хотела встретить его и надеялась, что мы успеем вернуться до того, как Анна проснется.

* * *

– Как это произошло? – пробормотал папа, целуя меня в висок.

Мы сели в такси. Я мучительно собиралась с силами, чтобы рассказать все по порядку.

– Пап, я не сказала по телефону и теперь не знаю, как начать... В общем, Феликс вернулся. Анна увидела его – и сердце подвело.

Его брови взлетели вверх, а глаза округлились от изумления.

– Феликс вернулся?! Когда? Где он? – засыпал меня вопросами отец.

– Он... уехал.

– Правильно сделал. И лучше бы ему не попадаться мне на глаза, когда вернется. С ума сойти...

Я взяла отца за руку. Кажется, у меня с ним еще никогда не было такого тяжелого разговора.

– Пап... Он... Он, может быть, и не вернется больше.

– Это как? – папины брови подпрыгнули еще чуточку выше.

Я сжала его ладонь и медленно, со скрипом, начала рассказывать о том, как мы случайно встретились в Киеве, что он изменился, что потерял

память, что, судя по всему, он нашел свое место в жизни. А вдобавок к этому еще и Анну спас.

– Где же твой герой сейчас и почему он не вернется?

На словах «мой герой» меня бросило в жар.

– Я н-не знаю. Но, мне кажется, у него была очень важная причина.

– Более важная, чем его мать.

Мне нечего было возразить, мысли путались и скакали вразлад.

– А еще он зашил мне руку, – добавила я, надеясь хоть чуть-чуть сдвинуть его отношение к Феликсу в положительную сторону.

– Что значит «зашил»? – рявкнул отец.

– Я порезалась... Глубоко. И он...

Я оттянула рукав свитера и показала ему повязку. Отец сдвинул брови.

– Какого размера порез?

– Сантиметров пять-семь. И в глубину, кажется, немало...

– В больнице отведу тебя к хирургу.

– З-зачем?

– Снять все это, вычистить и зашить нормально.

– Ты же даже не видел, как оно там зашито!

– Лика, ты хочешь обширную гнойную рану? Хочешь потерять руку? Как ты вообще допустила мысль, что дома, в антисанитарии, непонятно какими инструментами – неуч из автотранспортного колледжа мог бы правильно обработать и зашить рану?!

– Я уверена, что там все нормально! У него были инструменты, и она уже совсем не болит! Он где-то успел научиться всему этому и...

– Это даже не обсуждается.

– Но...

– Не хочу слушать. Ты мне слишком дорога.

Остаток дороги мы ехали в тишине.

Папа злился на Феликса, он справедливо считал его источником постоянной головной боли, и я не могла упрекать его в этом. Он слишком любил Анну и меня.

Спустя час мы вошли в ее палату, и я тотчас встретила взглядом с ее беспокойными серыми глазами. Я собиралась с силами перед долгим и сложным объяснением, почему ее сына не будет – ни сегодня, ни завтра, ни потом.

– Андрей?! – выдохнула она, обнимая склонившегося к ней отца. – Что случилось? Почему я здесь?

– Ш-ш-ш, не волнуйся, – заговорил папа. – Лика позвонила мне вчера, и я сразу прилетел.

– Что произошло?

Я присела на краешек ее кровати и взяла ее руку.

– У тебя был сердечный приступ.

Анна перевела взгляд с меня на папу и обратно. Она словно старалась вспомнить что-то.

– Ой, как давно я не видела его... Где же он *был* все это время? – еле слышно спросила Анна. И от этих слов у меня внутри все сжалось.

* * *

Я не представляла, что это будет так сложно. «Он уехал... Он отлучился... Он временно отсутствует...» Боюсь, мне не хватит нужных слов, чтоб объяснить, почему его сейчас нет рядом.

– Я и забыла, какой он красивый...

Я сжала ее руку. «Да, красивый, очень! – мгновенно отозвались мои нервы. – Я удивляюсь, как не замечала этого раньше».

– Твой отец говорил, что в детстве ты с ним не расставалась.

– Ч-что? – изумилась я.

– И даже разговаривала с ним, – улыбнулась Анна.

– Ты о ком?

– О *нем*, о ком же еще, – сказала Анна и указала мне на серебряного ангела, висящего у меня на шее. – Давно я его не видела. Где же он был?

«Ангел, боже мой, ангел! Она говорит об этом несчастном кулоне, а не о Феликсе!»

– У меня в столе, – прошептала я, ошарашенно переводя глаза на папу.

– Милая вещица, как хорошо, что она не потерялась.

– Как ты себя чувствуешь? Помнишь что-нибудь? – осторожно спросила я, игнорируя протестующие жесты папы.

– Побаливает в груди. Помню, что услышала твой голос в гостиной и пошла к тебе. А потом... Как в тумане.

«Боже! Да она ничего, совсем ничего не помнит!»

– Не думай об этом, – решительно сказал папа и поцеловал ее в макушку. – Лика увидела тебя на полу и сразу вызвала скорую.

Я нахмурилась, но оспаривать папину версию не стала.

– Надеюсь, я не сильно напугала тебя, – повернулась ко мне Анна. – Сама не понимаю, как это могло случиться. Сердце меня никогда не беспокоило.

Я низко опустила голову и пыталась разобраться, было ли мое

молчание о Феликсе спасением для нее или гнусным предательством...

В коридоре было сумрачно, суетливо и тревожно. Папа остался с Анной – поговорить о том, о чем обычно говорят любящие люди, которые долго не виделись. А потом меня ждал долгий поход по больничному лабиринту в логово хирурга.

* * *

– Давай сюда. Что здесь у нас? – сказал маленький толстенький мужик с кокетливой бородкой. Он совсем не был похож на хищника, которому полагается «логово», так что я мгновенно успокоилась.

– Порезалась, – буркнула я, протягивая руку.

– Вчера дети наложили швы. В домашних условиях, – резковато бросил отец. – Думаю, надо все обработать заново.

Клюв ножниц подцепил повязку, и она тут же свалилась на стол. В этом было что-то символическое: все, что касалось Феликса, не собиралось задерживаться в моей жизни. Я отвернулась.

– Вчера, говорите? – переспросил врач.

– Угу, – кивнула я.

– Точно? Я бы сказал, что прошло дня три-четыре. Воспаления и отека нет, шов сухой.

Я краем глаза видела, как у папы отвисла челюсть.

– Судя по кусочку нити – вот, видите, торчит, – шили хирургическим шелком. Красивая работа, прекрасные швы, после таких даже шрама не останется.

– Так значит... – начал папа.

– Все нормально. Через пять дней приходите, сниму швы.

– Значит, зашито... *профессионально*? – не унимался отец.

– Абсолютно. Говорите, дети шили? Может быть, подкинете мне парочку таких детей? А то рук не хватает, – захихикал хирург и прилепил мне на руку свежий пластырь.

* * *

– Не знаю, как ему это удалось. Я по-прежнему считаю, что этот пацан заслуживает отменной трепки... а Анну нужно увезти отсюда, и побыстрее! – бушевал папа по дороге домой.

– Она не захочет, – вздохнула я.

После исчезновения Феликса отец пытался уговорить Анну на переезд к нему в Хайдельберг, но она протестовала, объясняя это нежеланием бросать сад и меня, хотя главной причиной, конечно же, был Феликс и слепая вера в то, что он однажды вернется.

– Я говорил с врачом. После выписки ей нужен будет тщательный уход, восстановление и никаких потрясений. И она просто нужна мне рядом.

Я понимающе улыбнулась и сжала его руку.

– Прежде чем поступать в университет, тебе нужно будет выучить немецкий язык, и лучшего способа, чем переезд в Германию, я не придумал. Я хочу забрать вас обеих, но она ищет любые предлоги, чтобы остаться.

– Ты не собираешься сказать ей правду? О том, что Феликс жив? – вздохнула я.

– Сейчас однозначно нет, и тебе не разрешаю. Может быть, потом, когда ей станет лучше.

Машина остановилась у ворот, и мы побрели в дом. Я собиралась приготовить обед и уединиться в своей комнате, но у папы оказалось свое мнение на этот счет. Узнав, что у меня сегодня в школе есть уроки, он сам быстро зажарил на сковородке гренки, разложил на них сверху сыр и салат, заставил все это съесть и вытолкал с рюкзаком за дверь.

* * *

У меня было такое ощущение, что последний раз я была в школе год назад, а то и больше. Поездка в Киев и все, что случилось в последние дни, в плане эмоциональной нагрузки весили примерно столько же, сколько весь учебный год до этого.

– Привет! – мне на плечо легла рука. – На биологию идешь?

Я обернулась и столкнулась нос к носу с Идой.

– Угу. Привет.

– Как ты вообще? Как Анна?

Мы взяли за руки и потопали на урок.

– Вроде ничего. По крайней мере выглядела сегодня бодрячком.

– Чего не скажешь о тебе, – нахмурилась Ида.

– Что, все так плохо? – натянуто улыбнулась я.

– Ага, выглядишь так, будто под бульдозер попала. Лика, если бы я не

была знакома с твоей семьей, я бы, ей-богу, подумала, что тебя избивают дома.

– Скажешь тоже.

Мы сели за парту, раздался звонок. Мимо нас медленно проплелся Чижев и рухнул на стул, уронив голову на локти. Его согнувшаяся спина и поза просто вопили о каком-то диком горе.

– Что с ним? – прошипела я Иде.

– Мне сказала Наташка, а той Алка Балалаева, а Алке – Ленка Перцева, которая тусуется с Мерцаловой, что Мерцалова бросила Чижика.

– С чего вдруг?

– Вроде как сказала, что он недостаточно хорош для нее.

* * *

Биология была моим любимым предметом. Я никогда не испытывала с ней трудностей, будь то строение хромосом или задачи по генетике. То ли благодаря папе, который с детства подсовывал мне научно-популярные книжки, то ли благодаря учителю, который неизменно приходил кормить нас гранитом науки в добром здравии и хорошем настроении.

Но сегодня я никак не могла сосредоточиться на уроке. Илья Степанович в приливе вдохновения порхал по классу, размахивал руками, водил указкой по доске, – а я смотрела на него и не слышала ни слова. Как будто тот находился за стенками аквариума.

Феликс не шел из моей головы. Я запустила палец под рукав и водила ногтем по пластырю на руке. Вот он, прекрасный, как божество, стоит возле своей машины, засунув руки в карманы, и не сводит с меня глаз, пока я спускаюсь к нему по ступенькам. Вот он обнимает и успокаивает меня в машине, пока я сгибаюсь пополам от боли в груди. Вот он стоит в саду и прижимает меня к себе, а над нашими головами кружат ночные бабочки, и благоухает сливовый цвет, и луна ныряет из облака в облако... А вот я превращаюсь в послушную куклу в его руках, пока его ладони скользят по моей спине... Я опустила глаза и уткнулась в книжку, ничего не видя и не слыша. Нет ничего более болезненного, чем думать о вещах, у которых нет будущего.

– Лика, как насчет тебя?

– Да? – кашлянула я.

– Ты думала над своим будущим? – Илья Степанович стоял у моей парты.

– В каком смысле? – моргнула я.

– Господа, дружно просыпаемся! – загромыхал учитель. – Поговорим о том, каким вы видите свое будущее! Если, конечно, после выпускного бала останутся выжившие. Лика, твой отец, кажется, занимается наукой? Птичка на хвосте принесла. Не расскажешь, чем именно?

– Генетикой и молекулярной биологией, – без энтузиазма ответила я.

– Ох, как легко ты выговорила такие сложные слова! Хи-хи! Ты бы не хотела пойти по его стопам?

– Я пока не думала об этом.

– Сегодня замечательный день для того, чтобы начать думать.

Я начала усиленно вспоминать что-нибудь из того, о чем мне рассказывал папа. С некоторым раздражением от того, что приходится отодвинуть мысли о Феликсе на второй план.

– Кажется, с помощью генной инженерии сейчас получают инсулин, интерферон, компоненты для вакцин...

– Очень хорошо! Все правильно. Лика Вернер, я поражен вашим лексиконом. Если раньше для получения инсулина для диабетиков приходилось тоннами резать бедных поросят, то сейчас его для нас производят клетки особой кишечной палочки, в геном которой встроен ген, отвечающий за синтез инсулина. Клетка генномодифицированной палочки, как фабрика, начинает синтезировать именно те вещества, которые потребовал от нее че-ло-век! Кто-нибудь из вас когда-нибудь получал серьезные ранения? – спросил биолог, обводя класс глазами.

Я закрыла глаза, вспоминая тот день, когда на меня обрушилась стеклянная витрина. Вряд ли кто-то из присутствующих мог бы похвастаться таким количеством шрамов, какое было у меня. Это не считая едва зажившие ссадины на ладонях, которые я заработала, свалившись под машину Феликса, порез на руке и весьма помятое лицо. У меня вспотели ладони. Если Степанович будет продолжать в том же духе, то лучше бы мне уйти с урока.

– Илья Степанович, а достижения медицины могут предложить лекарство от любви? – выдал Чижов, поднимая с парты взъерошенную голову. – Ну, я не знаю, может, блокировать в мозгу какую-нибудь зону, которая вызывает *это*.

«Это» прозвучало почти с отвращением.

– Можно скушать таблеточку и стать бесчувственным киборгом? – подпел кто-то с задней парты, пытаясь повернуть монолог биолога в какое-то более занимательное русло.

– Таблеточной точно не отделаетесь, дорогие друзья. Пока люди

слишком мало знают о любви, чтобы пытаться управлять этим чувством, – добровольно проглотил наживку биолог. – Предполагают, что ее обслуживает тот же центр в мозгу, что и наркотическую зависимость. А основное вещество, стимулирующее любовные переживания, дофамин, близко по структуре к амфетамину и продуцирует чувство удовольствия, ощущение желания, приподнятое настроение или даже эйфорию! Вот почему объект нашей любви становится для нас потребностью и источником восхитительных ощущений, а его отсутствие способно ввергнуть нас в самую настоящую депрессию...

Я нервно сглотнула. Спина Чигова нарисовала еще более изогнутую дугу.

– Круто, правда? – ткнула меня в бок Ида.

– Да уж, – пробурчала я.

Я почти пожалела, что пошла на этот урок.

– Но у тебя, Чигов, есть все шансы стать известным биохимиком, изобрести и запатентовать новое средство, избавляющее от любовной муки. И миллионы страдающих от неразделенной любви скажут тебе спасибо.

– А по-моему, любовная мука – это приятно, – шепнула мне Ида.

Я посмотрела на нее как на умалишенную.

– Знаю-знаю, – спохватилась она. – Тебе сейчас совсем не до того. Анна в больнице, отец в разъездах, брат пропал...

– Феликс мне не брат, – медленно проговорила я, чувствуя, как его имя оставляет ожог на моем языке.

– Да-да, я знаю, – согласилась Ида. – И даже не друг, и вообще ты его на дух не переносила. Но согласишься, все-таки ты бы обрадовалась, если бы он вернулся.

– Да, – севшим голосом прошептала я. – Обрадовалась бы.

«Не просто обрадовалась. Вероятней всего, умерла бы от счастья».

* * *

Эта сумасшедшая, ошеломительная весна, едва не снесшая мне голову вихрем событий, выродилась в удушливое, унылое, утомительное лето. Дракон под названием «выпускные экзамены» был успешно повержен: я стояла, закинув на плечо боевой топор и поставив на его голову ногу: «отлично» по всем предметам, включая самые забористые. На горизонте маячила грандиозная вечеринка в честь окончания школы, каникулы, множество дней беззаботного лета, горы, море, фестивали на побережье и

все то, что поджидает подростков на каникулах. Однако особенного воодушевления я не чувствовала.

Анну выписали через три недели в удовлетворительном состоянии. Этот приступ сильно подорвал ее здоровье. Папа настаивал на переезде в Германию, Анна сопротивлялась. По вечерам я часто слышала, как они спорят. Правда, с каждым разом ее голос в симфонии их полемики звучал все слабее и тише, пока однажды утром за завтраком она не сказала мне:

– Ведь это всего лишь цветы, правда? Всего лишь цветы, всего лишь деревья, всего лишь старый дом с протекающей крышей.

Я глотнула чаю и прижала к губам салфетку. Кажется, я впервые услышала слова «всего лишь» и «цветы» в одном предложении.

– Здесь в самом деле больше не осталось ничего *важного*, – сказала Анна.

Я сообразила, что это «важное» включает и Феликса тоже. Она сдалась. Она больше не надеялась, что он однажды вернется.

9. ВЕЧЕРИНКА

– Алекс, если ты надушишься этим, то к тебе не подойдет ни один парень на вечеринке, – Ида вырывала из Алькиных рук флакон и запихнула его на самую верхнюю полку. – Это же ясно, как теорема Пифагора: парням нравятся сладкие, сексуальные, фруктовые и цветочные запахи, а не эта... эта...

– Да че, по-мойму, нормалек, – хрюкнула Алька, помахивая перед носом бумажной полоской и шумно втягивая воздух. – М-м-м, мой нос учуял мокрые резиновые покрышки, пыльную обочину дороги и влажную от пота кожаную куртку.

Я тихонько хихикала, глядя на их препирательства. Мы уже битый час разгуливали по парфюмерному магазину, терроризировали консультантов и громко спорили. Ида вообразила, что нам всем срочно нужны себе новые духи к вечеринке, которую закатывал Гренкин по случаю окончания школы. Алька поддержала идею. А мне было все равно: духи так духи. Новые так новые. За компанию.

Этой вылазке я была рада. Прошло три месяца с тех пор, как Феликс покинул меня, и эти месяцы дались мне тяжело. Еще никогда я не пыталась убежать от себя так отчаянно. «Работа руками дает отдых голове», – говорила Анна, и я схватилась за эту идею как за соломинку. В доме не осталось ни единого квадратного сантиметра, где бы не побывала метелка для пыли, а в саду – ни одного сорняка. Садоводство, пэчворк, рисование акварелью. Теперь я знала, почему садовники и рукодельницы – самые спокойные люди в мире: у них в распоряжении самые лучшие антидепрессанты!

Расписала свой день по минутам, но все же, как ни старалась довести себя до изнеможения и полной отключки мозгов, – мне не удавалось выбросить Феликса из головы. Мне не удавалось убежать от него. Я засыпала с мыслями о нем и неизменно просыпалась с ними.

Я нашла у Анны стопку его фотографий, но, к моему сожалению, ни на одной из них не было того, по милости которого я лишилась сна и покоя. Со всех фото на меня смотрел коротко стриженный, нахальный тип, не пробуждавший в душе ничего, кроме досадного раздражения.

Хотелось вспомнить слова песни, которая звучала в машине, когда нас накрыла гроза, но, как назло, в памяти не всплыло ни строчки. Словно я прогневила какое-то божество, которое с маниакальным усердием

выметало из моей жизни и памяти все, что касалось Феликса.

Я панически боялась потерять последнее, что мне осталось, – воспоминания. Я боялась, что начну забывать, как он выглядит, как говорит, как двигается, поэтому по многу раз прокручивала в голове каждый наш разговор, каждую сцену. И не снимала с себя ангела, хранившего в себе полоску странной бумаги с коротким посланием: почерк, не имевший ничего общего с почерком моего сводного брата. Другой почерк, чужой, четкий, колкий, с легким намеком на какой-то готический стиль. Последнее и единственное доказательство того, что он в самом деле был в моей жизни, а не приснился мне...

– Лика, что скажешь?

– Что? – очнулась я.

– Тебе что-то приглянулось? – спросила Ида, тыча большим пальцем в полки, уставленные флаконами на любой цвет и запах.

– Не знаю. Пока ничего. Все слишком... банальное и легкомысленное. Может быть, возьму что-то у Анны. У нее...

– Лика, при всем уважении, Анне уже за сорок, а то, что носят взрослые женщины, на девушке будет сидеть... тяжело и уныло!

– Ну и что? Уныло так уныло. Зато не придется отбиваться от роя мух и парней, летящих на запах компота.

Алька весело заржала.

– И к тому же какой-нибудь унылый травяной шипр будет чудесно гармонировать с вязаным свитером и бабушкиными сережками, – добавила я, театрально вскидывая брови.

Алька заржала еще громче, Ида испуганно выкатила глаза, медленно разворачиваясь на каблуках.

– Вязаный свитер?! Бабушкины сережки?! Только через мой труп! – завопила Ида, схватила с полки банку с кофейными зернами, затянулась с комичным усердием прожженного токсикомана и поволокла нас дальше.

* * *

Я заперла дверь и медленно спустилась по ступенькам. Возле ворот уже дожидалась машина такси. В салоне было сумрачно, тепло и слегка накурено, динамики сочились незатейливой попсой. Я откинула назад голову с тщательно уложенными локонами и закрыла глаза, бухнув на щеки непривычно длинные, одеревеневшие от туши ресницы...

Анна с папой неделю назад улетели в Германию. Я решила остаться и

провести последнее лето с друзьями. Шутка ли, разлетаемся навсегда. В мой паспорт уже была вклеена долгосрочная немецкая виза, и я даже начала потихоньку паковать свои пожитки.

Июнь был на последнем издыхании, а моя утомительная болезнь, с огромной опухолью в центре мозга под названием Феликс, – в самом пике обострения. Если бы такого рода заболевания можно было лечить оперативно, я бы не раздумывая легла под нож.

Мне нужно было взять тайм-аут. Выпить чего-то слабоалкогольного, посмеяться и потанцевать с кем-то высоким и крепким, вложив пальцы в чужую ладонь, уткнувшись носом в его рубашку и вдыхая аромат чужого одеколona в качестве анальгетика, притупляющего боль разбитого сердца... Вечеринка Гренкина в честь окончания школы идеально вписывалась в мою «программу реабилитации».

Я расплатилась с таксистом и опустила ноги в лакированных туфлях на подъездную дорожку. Предстояло отыскать Альку с Идой, потом стол с напитками, а потом какого-нибудь подходящего кандидата на роль эффективного противоопухолевого средства. И желательно настолько посредственного, чтобы душа даже не дернулась, если он поцелует меня.

– Малыш, не составишь нам компанию? – обратились ко мне. Я подняла голову. На меня тарацилось пять пар оценивающих глаз, затаивших в своей глубине вызов и веселье: возле припаркованного у ворот автомобиля сидело пятеро парней, которые, судя по всему, уже давно окончили школу.

Я слегка напряглась, но тут же расслабилась, заметив среди них Гренкина, который, ткнув в бок светловолосого красавчика, покровительственно объявил:

– Так, эту не трогать. Она – нельзя! – и, энергично схватив меня за руку, повел в другую сторону.

– Это был твой братец, если не ошибаюсь? – начала было я. – Тот, который хоккей...

– Да, да, он, – недовольно буркнул Гренкин. – И не советую к нему приближаться. Он расстался с девушкой и теперь в отместку той будет бросаться тут на всех подряд! Я предупредил, короче.

Я рассмеялась.

– Ну, спасибо за предупреждение. С меня пиво.

– Кстати, клубничный коктейль пить не советую, Вернер. Парни туда водяры подлили, обблюешься потом, а на вкус как детский сироп, сразу и не выкупишь.

– Оке-ей, – ухмыльнулась я, сбита с толку его заботливостью.

– Развлекайся. Кстати, зачетно выглядишь, – Гренкин выставил большие пальцы вверх и побежал встречать новую порцию гостей.

Я огляделась. Вокруг мелькали знакомые и вроде-бы-знакомые лица, порхали сияющие девушки в смелых платьях и принаряженные парни. Из окон дома доносились взрывы смеха и добротный панк-рок.

– Вернер! – рявкнул кто-то далеко впереди и рванул мне навстречу. Ида выглядела на миллион долларов. Длинное голубое платье, белокурые волосы, – богиня, и ни граммом меньше. За ней вприпрыжку мчала Алекс в золотистых брючках и белоснежной тунике на тонких бретельках.

– Вернер, ты видела себя в зеркало?! Платье – просто блеск! Мое сейчас треснет по швам от зависти.

– Мда, – обняла меня Алька. – И ты еще раздумывала, покупать его или нет.

– Да ладно вам, платье как платье, – попыталась отбиться я, но в глубине души подозревала, что действительно выгляжу неплохо. Незадолго перед вечеринкой мы забрели в ЦУМ и в одном из бутиков нарвались на платье теплого телесного цвета, отделанное черным кружевом, с черной атласной лентой под грудью и глубоким вырезом на спине. Светловолосая пластмассовая мадам, одетая в это платье, прижималась к манекену мужского пола в дорогом черном костюме, и от этой кукольной парочки было сложно отвести глаза.

– Нет, – сказала я тогда, боясь даже подумать всерьез об этой вещи. Я еще никогда не носила ничего подобного: оно было слишком смелым для меня и слишком взрослым.

– Нет! – повторила я, демонстративно поворачиваясь к манекену спиной.

– Да нормально! – рявкнула Алька. – Будь это мой стиль, я бы мимо не прошла.

– Мой шкаф треснет, если я засуну туда еще одно платье, – заявила Ида, – но, Лика, ты просто обязана его примерить!

– Да я скорей застрелюсь.

– Лика, это платье на тебе будет сидеть просто умопомрачительно! На брюнетке сразу заиграют все эти черные ленты и кружево, и вообще! В примерочную! Вот ты сама сейчас увидишь.

Первый взгляд в зеркало смутил меня. Внутри забушевала такая же смесь восторга и смущения, как в тот самый день, когда я в первый раз в жизни натянула черные капроновые чулки.

– Не-е-т, – застонала я. – Я в нем слишком похожа на... женщину.

– Да-а-а, – довольно улыбнулась Ида. – Альхен, ты только глянь на это.

– Наконец-то видно сиськи, – заявила Алька голосом престарелого маммолога.

– Все хоккеисты на вечеринке сложат свои клюшки к твоим ногам.

– Да идите к черту! – возмутилась я.

– Нет, правда шикарно! – отрезала Ида.

Я глазела на себя в зеркало и понимала, что такое платье надо покупать не для себя, а для кого-то. Для кого-то необыкновенного, и уж точно не для кучки пьяных одноклассников.

«Нет» – приготовилась сказать я и дернула черную ленту.

– Это очень хороший выбор! – сунулась в примерочную продавщица. – Это натуральный шелк, а здесь ручная вышивка. И кроме того, оно вам послужит не один раз, потому что Феликс – это на всю жизнь.

– Что-что? – переспросила я.

– Я имею в виду, что вам придется очень постараться, чтобы испортить его. Оно прекрасно выдерживает деликатные стирки, качественное кружево...

– Вы сказали «Феликс»? – перебила я ее.

– Я сказала FeliS, итальянский бренд, мы только недавно начали с ними сотруdn...

– Хорошо, беру! – выдохнула я, чувствуя, как сердце прыгает внутри с ребра на ребро.

– Супер! Супер! – запрыгала Ида.

– Что-то ты быстро согласилась, мать. Я была уверена, что тебя придется уговаривать часа три как минимум, – подозрительно задребезжала Алька. – У тебя что, какая-то сентиментальная слабость к итальянским тряпкам?

«Скорее ко всему, что начинается на букву Ф».

* * *

Сад дрогнул от звуковой волны: панк-рок сменился какой-то забористой электроникой. Ида оторвала от меня довольный взгляд и объявила:

– А теперь наш выход, дамы. Балалаева успела доложить, что самый вкусный коктейль – клубничный. И прямо сейчас я собираюсь выдуть большой стакан.

– Присоединяюсь! – сказала Алька.

– Гренкин намекнул, что клубничный... А-а-а, ладно...

Присоединяюсь.

Мы нырнули в теплый, темный, наполненный музыкой и светом дом. Ида тут же очутилась в объятиях своего парня, Алька утонула в кучке одноклассниц, которым не терпелось поглазеть на ее новую татуировку, а мне навстречу с напором крейсера шагнула темная фигура в черном пиджаке.

– Потанцуем? Обалденно выглядишь, Вернер, – сказал Чижов и чмокнул меня в щеку.

– Я не против, если потом Мерцалова не разукрасит мне лицо, – хмыкнула я, опуская ему руки на плечи.

– Кажется, у нас все, – сник Чижов.

– То есть *совсем*?

– То есть *совсем* все.

– Нет! Ты должен что-то делать. Ты не представляешь, как это важно – бороться и не опускать руки, – сказала я решительно, а сердце болезненно сжалось.

Как бы я хотела, чтобы кто-нибудь дал такой же совет тому, кто когда-нибудь будет любить меня, но не отважится бороться.

– Именно этим в данный момент я и занимаюсь, – довольно сказал Чижик и прижал меня к себе покрепче.

– В смысле? – нахмурилась я.

– Когда Светик увидит меня с тобой, я надеюсь, ее хоть немного встряхнет. Потому что она всегда недолюбливала тебя и потому что сейчас ты самая красивая девушка на этой вечеринке.

– Ха. Я надеюсь, что у «самой красивой девушки» останется хотя бы чуть-чуть волос на голове после того, как Мерцалову «встряхнет».

Медляк закончился, а мы все еще стояли рядом и перебрасывались смешками.

– Я буду начеку, – покровительственно сказал Чижов.

– Начинай прямо сейчас, – шепотом сказала я, внезапно приметив в толпе Мерцалову. Она стояла в ярко освещенном углу гостиной в сопровождении своей верной своры и таращилась прямо на меня. Мне казалось, если бы сейчас вдруг погасли лампочки, то здесь не стало бы ни на люкс темней, потому что ее глаза полыхали, как два прожектора. Расталкивая локтями пеструю толпу, она быстро, как хищная рыбина, стала грести в нашу сторону. Витек тут же повернулся ко мне:

– Может, заставишь ее слегка поревновать?

– Каким образом? Поцеловать тебя взасос?

– Ха-ха. Боюсь, после такого Света мне точно не светит, – рассмеялся

он собственному каламбуру. – Но ты можешь просто улыбаться мне и смотреть на меня влюбленными глазами.

– Нет, мне пока дороги мои волосы, – хохотнула я, прежде чем ко мне подлетела загорелая фурия в умопомрачительном, похожем на чешую, платье и ласково забулькала:

– Ли-и-ка, привет! А можно тебя на пару слов?

– Я слушаю, – расплылась я в фальшивой улыбке.

– Не хочешь выйти на улицу? – вскинула брови Мерцалова, не удостоив Чигова ни единым взглядом.

– Не хочу, – весело ответила я, отчетливо представляя себе, как ее подруженьки рвут мое платье и треплют за шкурку. Потом я их, конечно, раскидаю в стороны, испорчу наряды и, может быть, даже кому-нибудь что-нибудь сломаю, прости господи. Если их будет не слишком много. Но праздник будет спущен коту под хвост. А ведь Гренкин так старался.

– Ну ладно, – пожала плечами Мерцалова. – Я просто хотела кое-что спросить.

Странное спокойствие в ее голосе насторожило меня. Да и придворной свиты рядом почему-то не было.

– Может, пойдем выпьем чего-нибудь? – снова спросила она таким умоляющим голосом, что я чуть не поперхнулась.

– Эм-м-м... – ошарашенно ответила я. – Ну, если твоя свора не будет ошиваться слишком близко.

– Динка и Ленка? Да, я знаю. Они выглядят ужасно. Эти шмотки уже не первый раз надевают. Конечно, с одной стороны, я на их фоне лучше выгляжу, но, с другой стороны, они мне просто портят настроение своим тряпьем, – запричитала Мерцалова, вцепившись в мою руку своими хищными накладными когтями и увлекая меня к столику с напитками.

«Да она чокнутая».

– А вот у тебя, кстати, платье супер. Это что? «Донна Каран»? «Версаче»? Кажется, в последней коллекции весна-лето я что-то такое видела..

– Это «Фелис» из ЦУМа, – насмешливо выдала я, наслаждаясь ее реакцией.

– «Фе-лис»? – поморщилась Мерцалова, прищулив глаза. – Ах да! Что-то очень знакомое...

Отчего-то мне стало противно. Когда же пустое бессмысленное поклонение тряпкам и косметике успело стать смыслом ее жизни? Ведь ей всего семнадцать.

– Зато кулон наверняка стоит кучу денег? – затараторила она, припадая

губами к стакану с ром-колой и ощупывая взглядом серебристого ангела у меня на шее. – Это он его подарил?

– Нет. Чижов мне ничего не дарил.

– Да я не этого дурачка имею в виду, – махнула рукой Светка. – А того, на «ауди».

Мое едкое веселье враз испарилось. Феликс был последним, о ком бы я могла спокойно поболтать с этой говорящей куклой.

– Нет, не он, – холодно отстранилась я, начиная понимать истинную причину перемены ее отношения ко мне.

– Да ладно тебе морозиться, Вернер, – нетерпеливо рванула Мерцалова. – Слушай, ну я ошиблась, когда подумала, что ты невзрачная нудная заучка, я признаю эту ошибку. Теперь мне кажется, мы с тобой очень похожи, – она помолчала, усиленно подыскивая сходства, – красивые волосы, ухоженная кожа, умение выбирать правильные духи и парней. Я вообще думаю, что мы могли бы стать конкретными подругами!

Кажется, отрешенное, старательно выглаженное выражение лица подвело меня, потому что Мерцалова вдруг перешла на галоп:

– Нет, я серьезно! Я могу с тобой дружить! У меня классный дом, классная тачка. Не такая, конечно, как у твоего парня, но это временно. Я скоро буду просить родоков купить другую. У меня есть пропуск во все закрытые элитные клубы, там часто зависают знаменитости, вот, например, вчера...

– Он мне не парень! – оборвала ее я. – Никогда им не был и не будет. Так что успокойся.

– Чего? – вытаращилась Мерцалова. – Нет, подожди... То есть вы как бы знакомы, но не... Да?

– Да, мы просто знакомы.

«Были», – добавила я про себя.

– ВАУ! Так, может, ты нас познакомишь? Если ты, конечно, не претендуешь. Просто он такой красивый и все-такое.

Я сжала челюсти.

– Если ты не смогла его объездить, то у меня точно получится. А я тебе взамен подгоню кого-то из знакомых парней, хочешь? Богатые и смазливые.

Я в очередной раз поразились этому тошнотворному портрету ее идеального мужчины. Как будто это были первые и единственные качества, которые имели значение.

– Не выйдет. Он уехал, и у меня нет никаких его координат. Но даже если бы были, – я набрала побольше воздуха в легкие, – ты бы не получила

ничего. Просто потому что он достоин намного большего, чем могла бы дать ему ты.

– Да я бы могла дать ему все и прямо сейчас, – насмешливо улыбнулась Мерцалова, и по ее хищной манящей улыбке стало ясно, что она имеет в виду.

– О господи, Света... Я говорю о любви, дружбе, поддержке во всем, нежности, понимании, о готовности быть с ним рядом всегда и везде, что бы ни случилось, готовности жить для него, дышать им, защищать его, ценить его как самое лучшее, что тебе могла дать жизнь... Какие-то из этих слов тебе знакомы?

– Ты что, женских романов обожралась? Ха-ха, да им всем нужно одно и то же. И чем раньше поймешь, что именно, тем меньше синяков себе наставишь! Или, подожди, – Светка ошарашенно затрепетала накладными ресницами. – Тю, Вернер! Да ты вклеилась в него по уши! Сказала бы сразу, делов-то. А то я тут типа по полу перед тобой растеклась от уважения, а ты, оказывается, всего лишь очередная простофиля с какой-то романтической кашей в голове.

Я испытала досадное отвращение от того, что эта пустая самовлюбленная Барби смогла так легко влезть в самое сокровенное и теперь возила своими пластмассовыми лапами по самым потайным струнам моей души. У меня чесались руки вылить содержимое своего стакана ей за пазуху. Но, впрочем, я была сама виновата: нашла перед кем метать бисер о любви и нежности.

– Каша в моей голове никого не касается. И тебя в первую очередь. Лучше позаботься о своей. Кажется, она уже покрылась плесенью.

Я резко развернулась и пошла прочь. И чем дальше уходила, тем быстрее ускоряла шаг. Но не успела я сделать и десяти шагов, как вдруг услышала нечто, что заставило меня прирасти к полу.

Мелодия.

Мягкий аккорд и бархатный голос певицы... Это была та самая песня, которая звучала в машине у Феликса, когда нас накрыла гроза. Та самая!

Я так резко рванула сквозь толпу, расталкивая людей и наступая им на ноги, что мне вслед посыпались ругательства. Казалось, этой толпе не будет конца. Я добралась до стола диджея и едва не повисла на нем:

– Максим, что это за песня?!

– Да хрен его знает, что это. Мне это дали пять минут назад, и я слышу это впервые. А что?

Кажется, мое сердце остановилось.

– Кто дал?

– Я ее не знаю, какая-то женщина.

– Подожди, Макс, – вдруг вздрогнула я. – Ты сказал «женщина»? Какая еще женщина на этой детской вечеринке?

– Без понятия. Сначала подумал, что, может, Гренкины оставили кого-то присматривать за домом, чтоб мы тут ничего не наворотили. Но потом передумал. Посмотри, что она мне дала за одну песню, – и он повертел перед моим носом купюрой в пятьдесят евро. – Неплохо, а, для этого говенного городишки?

И тогда мне стало совсем не по себе.

– Где она? – пластмассовым голосом сказала я.

– А что? Тоже хочешь подзаработать? – хохотнул Макс.

– Максим! Говори, или дискотека сейчас накроется медным тазом, потому что диджей будет в отключке! – зашипела я, хватая его за одежду.

– Не смей меня, Вернер, – криво хмыкнул тот и стряхнул мою руку.

И тогда я сжала пальцы в кулак и размахнулась, намереваясь стереть эту идиотскую ухмылку с этого идиотского лица.

– Не стоит, маникюр дороже, – прозвучало позади меня и запястье тут же оказалось в чьей-то руке. Я резко обернулась и тут же напоролась на испепеляюще-черные глаза, которые – я ни секунду не сомневалась – могли бы прожечь во мне две маленькие круглые дырки.

* * *

Ту, которой принадлежали эти глаза, я смогла рассмотреть только секунду спустя, когда схлынуло впечатление от этого завораживающего гипнотического взгляда. Передо мной стояла красивая женщина лет тридцати со смуглой кожей и прямыми угольно-черными волосами. Я не слишком разбиралась в тонкостях этнических особенностей: она легко могла быть татаркой, испанкой или какой-нибудь бразильянкой, так что единственным словом, которое характеризовало ее внешность более-менее сносно, было слово «экзотическая». Не говоря ни слова, она бросила диджею смятую бумажку, которую он не смог поймать на лету и за которой тут же пополз на четвереньках под стол, – и потянула меня за собой, уверенно прокладывая в толпе дорожку к выходу.

10. Хоть на край света

Чем дальше мы шагали от дома, тем плотней становилась темнота и громче трещание ночных насекомых. Я шла за незнакомкой, изучая ее одежду – джинсы и черную кожаную куртку, ее решительную походку и прямую спину. Ее черные, блестящие, как шелк, волосы стекали по ее плечам. Я видела такие восхитительные волосы только однажды: у одной из посетительниц цветочного магазина, в котором я работала прошлым летом. Та остановила свой белый «лексус» у самых дверей, заскочила внутрь и громко спросила: «У вас есть фиалки?!» И пока я отсчитывала ей сдачу с новенькой, свежеотпечатанной купюры в пятьсот гривен – эта девушка стояла у прилавка и наматывала на палец восхитительный локон: блестящий, будто сделанный из тончайших нитей стекла...

– Судя по всему, эта мелодия что-то значит для тебя? – бросила мне через плечо незнакомка.

– Вы от него?

– Смотря кого понимать под ним.

– От Феликса?

Незнакомка остановилась и повернулась ко мне. Высокий лоб, кожа цвета корицы, глаза, щедро подведенные черным: Нефертити, восставшая из мертвых. Только вот это удивительное лицо ничего не выражало.

«Покерфейс» – лицо игрока в покер: не дай бог, кто-нибудь догадается, что за карты ты держишь в своей руке. Я поймала себя на мысли, что Феликс тоже часто смотрел именно так.

– Я зову его по-другому, но сейчас это не важно. Да, меня заставил приехать он.

Я сцепила влажные, заледеневшие пальцы и приготовилась ловить каждое ее слово.

– Меня заставил приехать он, но он об этом приезде ничего не знает.

– Как это?

Нефертити помолчала, глядя на меня с каким-то сомнением. Как на карту, которая не имела никакой ценности, но была последней в колоде.

– Мне нужна твоя помощь, Лика.

Звук моего имени, которое она знала заранее, заставил меня вздрогнуть.

– Да, все что угодно, – охрипла я.

– Ему осталось три года.

- Я моргнула, отказываясь верить тому, что услышала.
- Что значит «три года»?
 - Три года, а потом тело сложат в ящик. Так понятней?

* * *

Я никогда не падала в обмороки. В обычные обмороки, когда сознание никуда не выпрыгивает, а просто темнеет, меркнет. Но на этот раз это был именно он: я осела на землю и хлопнулась затылком об землю. Но темнота рассеялась также внезапно, как сгустилась: незнакомка сидела передо мной на корточках и растирала мои виски теплыми ладонями.

- Уже лучше?

Я медленно поднялась, схватившись за протянутую руку.

– Лучше бы тебе подсобиться, – проворчала Нефертити. – Я же не сказала он мертв. Я сказала, осталось три года. Это хорошая новость вообще-то.

– Я так понимаю, есть и плохая? – сказала я, не в силах скрыть сарказм.

– Он болен. Наследственное заболевание. С этой болезнью вполне можно жить еще три года, может, чуть больше, – бесценное время: тысяча дней рядом с ним! Но есть и плохая новость, как ты уже предположила: он хочет покончить со всем этим, и поскорее.

- О нет, – мои пальцы конвульсивно сжались.

- А у нас чертовски плохо получается переубедить его.

– И вы надеетесь, что у меня получится? – дошло до меня. – Поэтому вы приехали?

- Именно так, – согласилась она, тряхнув своей царской головой.

– Я бы хотела переодеться и захватить дома кое-какие вещи, если, конечно, на это есть время, – без колебаний сказала я. Но она остановила меня жестом, тряхнув золотыми браслетами на тонкой руке:

- Послушай... Есть еще кое-что.

Господи, неужели она думает, что в этом мире может быть что-то, что заставит меня сейчас отступить? Зачем тратить время на пустые разговоры?

– Все не так просто. Он не обрадуется, когда увидит тебя, или хуже того, будет зол как дьявол.

Внутри все заныло. Настоящую злость я видела на его лице только однажды, когда он разговаривал по телефону с Изабеллой тем утром по

дороге из Киева, и увидеть эту ярость снова мне не очень-то хотелось. Да еще и адресованную мне...

– Я не боюсь, что он рассердится. Но с чего вы вдруг решили, что уговорить его смогу именно я?

– Он иногда вспоминает прошлое – прошлое того, кем он когда-то был. И в этих воспоминаниях есть ты – и занимаешь в них очень большую часть.

– Он может прислушаться ко мне, потому что подсознательно чувствует во мне близкого человека?

– Как-то так.

Я горько улыбнулась.

– И неужели я смогу оказать на него большее влияние, чем тот другой «самый близкий», ради которого он смог оставить даже тяжелобольную мать? – с деревянным лицом спросила я.

– Я надеюсь. Потому что, как видишь, у меня это не получилось.

– При чем тут вы? – оторопела я.

– Потому что я есть тот самый человек, к которому он так спешил.

Я нервно сглотнула.

– Так, значит, вы его... его девушка?

– А он сказал, что спешил к своей девушке? – вскинула брови Нефертити.

– Кажется, да, – неуверенно начала я, с каждой секундой все больше сомневаясь, что тогда поняла его правильно. – Он спешил к какой-то Дио, от которой, судя по всему, был без ума.

– Ты точно ошиблась, потому что меня зовут Дио. Диомедея, если тебе интересно мое полное имя. И я – его сестра.

Я так недоверчиво уставилась на нее, как посмотрела бы на того, кто сказал бы мне, что Земля – плоская. Но мой скептицизм стал быстро испаряться, уступая место какой-то истеричной радости. *«Бош, у него никого нет, его сердце свободно!»* – вдруг осознала я, не чувствуя почвы под ногами.

– Он правда ни с кем не встречается? Вы уверены?

Незнакомка расплылась в умиленной улыбке.

– По крайней мере на момент моего отъезда он был ничей. Идем, нужно поспешить, – вдруг очнулась она и двинулась к воротам. – И давай на «ты».

За оградой Дио направилась к спортивному красному «мерседесу», припаркованному в свете фонаря. Цвет машины заставил меня вздрогнуть.

– Дио? – позвала я, застыв на месте. Она обернулась.

– Не так давно я села в машину к незнакомым людям и чуть не поплатилась за это жизнью. Я верю всему, что ты сказала, и сейчас больше всего на свете хочу, чтобы ты отвезла меня к нему, но...

– Тебе нужны какие-то доказательства, что я та, за кого себя выдаю, – спокойно закончила она.

– Да. Мне важно знать, что мы с тобой заодно. Ты называешь себя его сестрой, но кому, как не мне, знать, что кровное родство между вами невозможно. И потом, как мне убедиться, что ты не его ревнивая подружка, которая приехала разделать меня на порционные куски?

– А что, есть за что разделять? – прищурилась Дио, лукаво улыбаясь.

«Есть за что. За мои глаза, которые не могли насмотреться на него. За мои легкие, которые ж могли надыхаться им. За мои руки, которые ж хотели отпускать его...»

– Прости, я что-то не то сморозила, – пробормотала я.

Дио неожиданно рассмеялась.

– Я так и знала, – заявила она.

– Знала что?

Диомедея ласково улыбнулась и сощурила свои египетские глаза.

– Могу сказать только одно: тебе будет куда легче уговорить его, чем кому-либо еще на этой планете.

Дио положила телефон на крышу машины и прижала палец к губам, приказывая мне молчать. А секундой позже я услышала его голос. Разговор по громкой связи, как же я раньше не догадалась. Она хотела поговорить с ним, чтобы я все услышала!

– Привет, Крис, – ответила она ему, довольно поглядывая на мое горящее лицо. – Не занят?

Я бы полжизни отдала, лишь бы прикоснуться к тому, кто был на другом конце провода. И – сердцу стало тесно в груди – я наконец знаю его новое имя. Имя, которым его называют самые близкие люди.

Крис.

* * *

– Что бы ты там ни говорил, я не собираюсь сдаваться, – начала Дио.

Он ответил что-то короткое на том самом незнакомом языке, на котором когда-то говорил с Изабеллой.

– Ты не мог бы говорить по-русски? – попросила его Дио.

– Зачем? – спросил Феликс после долгой паузы. – Ты же терпеть не можешь русский.

– Да просто так. Я в русском ресторане и не очень хочу выделяться.

– Учитывая твою новую внешность, тебе не поможет даже самый безупречный русский, – рассмеялся он.

У меня перехватило дыхание. Как бы я хотела, чтобы он вот так вот, непринужденно и легко, говорил *со мной*.

– Так вот, я не сдамся, не жди. У этой истории должен быть другой конец.

– Дио, вчера мы достаточно...

– Да знаю, знаю. Просто когда я вижу, как мой любимый брат собирается сделать самую большую глупость в своей жизни, я не могу молча смотреть на это.

– Это не глупость, это взвешенное решение, черт бы его побрал, – слышалось наконец. – И уж точно самое лучшее решение с начала этого прыжка.

Дио странно улыбнулась, словно говоря «ну-ну», и подмигнула мне.

– Я хочу заехать к тебе завтра. Можно?

– С одним условием... – начал Феликс, но осекся и после внезапной паузы вдруг снова заговорил на другом языке.

– Хорошо, – кивнула Дио, видимо, согласившись с предъявленным условием, но в ее глазах прыгали дерзкие огоньки. – До завтра.

Он тоже попрощался с ней – я услышала мягкое бархатное слово, сказанное так, как говорят только слова прощания, – и отключился. Дио спрятала телефон. Я молча открыла дверцу и села в машину.

Она действительно его сестра, не кровная, но гораздо более настоящая сестра, чем я. Она любит его и в самом деле хочет ему помочь. Я только что слышала все своими ушами. Лучших доказательств их душевного родства и не требовалось. Лучших доказательств и быть не могло.

– Сомнений больше нет? Ты со мной? – спросила она, заводя мотор.

– Хоть на край света.

Дио ждала, пока мимо по узкой улочке проползет машина каких-то запоздавших на вечеринку подростков, и как только та предоставила ей место для маневра, – резко вывернула руль и выжала педаль газа. Она водила машину так же уверенно, как Феликс. «Первое совпадение», – подумала я.

– Что это за язык, на котором вы говорите? – не выдержала я, расправляя пальцами одеревеневшие от лака локоны.

– Э-э... Один из диалектов итальянского, – увильнула она. – Ну как, например... сицилийский.

И первое несоответствие. А Феликс сказал мне, что это латынь.

– И что же за условие он выставил под конец разговора? – спросила я.

– Что мы больше не будем говорить о тебе, – ответила она и с мрачной улыбкой добавила: – и мне будет несложно выполнить его. Потому что ему больше не придется говорить о тебе. Ему придется говорить с тобой.

– И что же я ему скажу? – оторопела я.

– Только то, что почувствуешь нужным сказать в этот момент, – ответила Дио.

Нет, об этом лучше подумать заранее, потому что когда я увижу его, в моей голове не останется никаких других слов, кроме «я люблю тебя и умоляю, не оставляй меня...».

– Как ты нашла меня? – поинтересовалась я.

Диомедея сделала вдох, словно собираясь с силами, и быстро объяснила:

– Система слежения не обладает абсолютной точностью, плюс-минус десяток метров. Так что когда я приехала на эти ваши танцульки и увидела полсотни девочек, стало ясно, что мои дела плохи, – ухмыльнулась она. – Я было начала бродить по толпе и выспрашивать, кто здесь Лика, но потом мне в голову пришла идея получше.

– Песня?

– Она самая. Она для Криса, ну то есть Феликса, кое-что значит.

– Вот как...

– И видимо, что-то значит для тебя, – засмеялась она. – Я дала тому мальцу немножко денег, чтобы он немедленно включил этот трек. И пообещала еще столько же, если он не будет болтать по поводу меня. Мне нужно было знать, что я не ошиблась.

Как ловко меня только что поймали и подняли за жабры. Но что-то в ее словах не давало мне покоя. Что еще за...

– Система слежения?

– Ты ничего не знаешь, так? – повернулась ко мне Дио.

– Тот самый маячок. Он все еще на мне, да? – наконец проговорила я.

– Не знаю, что ты подразумеваешь под «тем самым», но в остальном права: где-то на тебе есть передающее устройство. Иначе бы я тебя просто не нашла, – она постучала пальцем по дисплею телефона.

– Он что-то вшил мне в руку? – в шутку спросила я, надавливая

пальцем на то место на руке, где когда-то была ужасная рана, а сейчас осталась только едва заметная светлая полоска.

Дио взяла меня за руку, быстро разглядывая ее со всех сторон.

– Нет, не поместился бы, – ответила она так спокойно, как будто, о боги, всерьез рассматривала такую возможность! – Скорей всего, где-то на одежде.

– Все, что на мне сейчас, было куплено гораздо позже – уже после того, как он уехал.

– Давай дома я проверю твою руку. А ты что, не следила за ним, пока он зашивал рану? – спросила она. – Не выносишь вида крови?

– Вообще-то я была в отключке, – призналась я.

– Ты не похожа на человека, который боится такой ерунды. Ты производишь впечатление очень... сильной.

– Значит, оно обманчивое, – сказала я.

– И смелой, – продолжила она, игнорируя мою реплику.

Я растерянно замолчала.

– Фантастика какая-то, – вслух подумала я.

– Да... Но у моего трекера свое мнение на этот счет, – и Диомедея показала мне дисплей телефона, на котором белая пульсирующая точка повторяла маршрут движения нашей машины.

* * *

Я открыла рывком дверь, спотыкаясь о порог, нашарила на стене выключатель, бросила сумку на пол, подпрыгивая на одной ноге и стягивая одну за другой туфли. Я знала, что в спешке выгляжу комично, и если бы не причина этой спешки, то наверняка мы бы обе посмеялись. Минуту назад Дио сказала мне, что нам нужно позарез успеть на самолет, который вылетает из Киева в семь утра.

– Вылетает куда?

– В Швейцарию, – ответила она, разглядывая дом.

Я тут же вспомнила красный ромбик с белым крестиком на его номерном знаке! Да это же герб Швейцарии!

– Там на кухне есть кофе, если хочешь, – предложила я, бегая по комнате и бросая в сумку вещи. – Кстати, на сколько дней, сколько вещей и денег...

– Возьми самое необходимое. Если что, пройдемся по магазинам, не проблема. О деньгах не думай, – сказала она и направилась на кухню.

Я рывком стянула колготки. О, теперь ясно, какое облегчение испытывает змея, сбрасывая старую кожу. Когда с сумкой было покончено, я побежала в душ смыть лак с волос. Если бы мне кто-то когда-то сказал, что однажды я отправлюсь за границу с человеком, которого знаю от силы двадцать минут, я бы просто отмахнулась от этого слабоумного болтуна.

Душ взорвался снопом горячих струй. Я стерла с лица подтеки туши и, дав себе ровно пять минут, села, поджав ноги и уронив в ладони голову. Только сейчас, очнувшись от первого потрясения, я начала понимать истинный смысл всех сказанных слов: он умирает. Тот, которого я люблю, — умирает...

Я сделала напор сильнее, чтоб за стеной, на кухне, ничего не было слышно, и дала волю слезам.

Дио вручила мне чашку с кофе, как только я вошла на кухню, — точно так же, как это когда-то сделал Феликс, — и села рядом со мной.

— Ты в порядке? — спросила она, заглядывая мне в лицо. — Не знаю, как ты, а я до сих пор не могу поверить, что нашла тебя, и девяносто процентов, что мой брат расхочет прыгать с моста.

— Дио, я даже не знаю, что сказать ему, а ты уже даешь девяносто процентов, — пробормотала я. — Что если у меня не получится?

— А что если получится? — решительно возразила она. — Думай о том, что будет, если получится, Лика! Думай только об этом!

11. Обними меня настоящую

Расстояние до Киева Дио пролетела еще быстрее, чем когда-то Феликс. Когда начало светать, мы были уже на подъезде к городу. В ее манере водить машину было что-то сверхчеловеческое: она так уверенно справлялась с ней, словно начала брать уроки вождения еще в детстве. Она пренебрегала правилами и скоростными ограничениями. Будущее «мерса» ее тоже, по-видимому, не волновало: когда ту подкидывало на ухабах, Дио даже бровью не вела.

Говорить с ней было легко, как будто мы были знакомы не первый день, а то и год. Она с удовольствием рассказывала о том городе, где они сейчас живут, о странах, в которых побывала, о своем языке, о том, какую музыку она слушает и какие книги читает. Однако, когда речь заходила о ее семье, она предпочитала незаметно менять тему.

На вопросы о Феликсе она отвечала чуть более охотно, и я не переставала удивляться теплоте, наполнявшей ее голос, когда она говорила о нем. Что же такое могло произойти между этими двумя такими разными людьми, сблизившее их до такой степени, что они стали не просто друзьями, приятелями, партнерами, а именно братом и сестрой. Общая религия? Секта? Тайная группировка?

– Не вижу ни одного самолета в Швейцарию, – сказала я, таращась на табло с расписанием рейсов. – Кстати, куда именно мы летим? Женева? Цюрих?

– Лугано. Мы полетим до Милана, а оттуда на поезде или такси, так будет быстрее всего, – ответила Дио и резво направилась к стойке регистрации.

* * *

В туалете аэропорта я еще раз наревелась – от радости, что скоро увижу Феликса, и от ощущения вселенской жестокости и несправедливости, которая сначала забрала у меня мать, потом сводного брата, едва не отняла обожаемую мачеху, а теперь готовилась проломить мне в груди новую кровоточащую дыру.

Потом повесила на лицо фальшивую улыбку, вышла из кабинки и на ватных ногах отправилась с Дио к нашему гейту. Объявили посадку.

А в самолете случилось неожиданное: я уснула. Несмотря на шоковое состояние, в котором я пребывала последние несколько часов, и натянутые, как гитарные струны, нервы, я вдруг провалилась в сон – в такой спокойный и глубокий, как будто никаких потрясений не было и в помине. Как будто я просто летела с подружкой на долгожданный курорт после развеселой ночи, проведенной в клубе.

Проснулась только к концу перелета. Оживленная, шумная, пульсирующая, как артерия, Мальпенса^[7], приняла нас в свое русло. Воздух вибрировал от голосов диспетчеров, мраморная плитка ловила отблески люминесцентных ламп, пассажиры уверенно шли вперед, как скаковые лошади на забеге. Я едва поспевала за Дио, которая так быстро продвигалась к выходу, что у меня не осталось никаких сомнений в том, что она бывала здесь, и не раз.

Скоро мы добрались до подземной парковки. Передо мной стоял ослепительно-белый «порше», который, судя по всему, принадлежал ей.

- Считай, что мы уже в Лугано, – подмигнула Дио, открывая дверцу.
- Где? – переспросила я.
- Дома.

* * *

Дио гнала машину на север. Живописные сочно-зеленые равнины и смутные очертания Альп далеко впереди опять заставили меня почувствовать себя обычной туристкой, отхватившей горячий тур в швейцарскую глубинку. Но скоро мои мысли снова вернулись в прежнее русло: я с нездоровым упорством пыталась подобрать нужные слова, которые дали бы Феликсу понять, что он значит для меня, которые дали бы ему хоть приблизительное представление о том, что творится в моей душе.

- Волнуешься? – спросила Дио. – Хочешь немного развлечься?
- Нет, спасибо, – помотала головой я.
- А то я тут разучиваю кой-какие стишки для праздника. Составишь мне компанию?

– Что еще за стихи? – я попыталась быть вежливой, хотя мне больше всего хотелось уронить голову в ладони и хорошенько поплакать.

– Птицеликий, разворачивай крылья! Перо к перу, как лепесток к лепестку, лови восходящий поток, пропитанный влагой и пылью. Пусть наша жизнь будет подобна буре, чистой и сильной, пусть воздух будет сладок и свеж, пусть твое сердце поет, как перо на ветру...

– Вау, – уставилась я на нее, пораженная музыкой поэзии и тем, как воодушевленно она это прочитала.

– Круто звучит, правда? Древняя поэзия, которой уже лет пятьсот, не меньше. Жду не дождусь, когда прочитаю это на празднике перед тремя сотнями гостей! Давай, повторяй за мной! – с неожиданным напором предложила она. – Птицеликий, разворачивай крылья!

– Зачем? – улыбнулась я.

– Давай, давай, нам обоим нужно немного отвлечься, а что может быть лучше изучения древней поэзии?

Всю дорогу до Лугано мы занимались этим бесполезнейшим, но, признаю, здорово отвлекающим занятием. Я терпеть не могла разучивать что-то наизусть, но на этот раз приняла предложение. Ритмика строк завораживала и успокаивала.

Дио не могла дозвониться до Феликса. Она звонила ему через меню машины, сиротливый звук гудков наполнил салон. Когда звонок оборвался в пятый раз, она начала заметно нервничать.

– Что-то не так? – спросила я.

– Наш рядовой Райан не берет трубку.

– И есть причина волноваться?

– Пока не знаю, – ответила она, но стало ясно, что причина волноваться была, и немаленькая, потому что ее лицо окаменело, а на лбу прорезалась глубокая складка.

Звук входящего сообщения вспорол тишину.

– Прочти, – приказала Дио, протягивая мне телефон и не отрывая взгляда от дороги.

И я прочитала.

– Что такое «Salve et vale, Dio»? – повернулась я к ней.

– Что?!

– В сообщении написано «Salve et vale, Dio». Это от него, судя по имени.

Она выхватила у меня трубку из рук, прочитала сообщение и тихо выругалась.

– Это значит «Здравствуй и прощай, Дио».

* * *

– Альцедо, – обратилась Диомедея к кому-то на своем странном языке и начала что-то громко, задыхаясь, говорить в трубку, а когда разговор был

окончен, отчаянно выругалась.

– Что происходит?

– Крис покончит со всем сегодня, а Изабелла – наш... э-э... сестра – заявила, что не будет мешать ему.

Мое сердце стукнулось о ребра, скользнуло вниз и провалилось в пятки.

– Почему она не остановит его?!

– Уважает его выбор, – нервно рассмеялась Дио.

– И что теперь? Ведь мы успеем? Мы успеем до того, как...

– Я попробую.

Я ужаснулась скорости, на которую перешла машина.

– Кор, где ты? – заговорила она громко. – Аэродром Уайдбека. Поезжай туда и перехвати их, счет на минуты! Если приедешь раньше, то удержи, чего бы это ни стоило.

Человек что-то возразил ей.

– Без разницы, что ты там думаешь! Просто сделай одолжение! В долгу не останусь!

– Этот Кор, он...

– Брат. Еще один брат.

Я взмолилась про себя, чтобы он приехал вовремя.

* * *

В тот момент, когда белый «порше», подняв облако пыли, затормозил на парковке аэродрома, – от земли оторвался небольшой черный вертолет и начал медленно подниматься в небо. Дио выскочила из машины и, размахивая руками, побежала к тому месту, на котором все еще шевелилась трава от вихря, поднятого лопастями. Охрана в серой форме расступалась в стороны, даже не пытаясь ее остановить.

– Свяжитесь с пилотом, пусть разворачивает вертолет! Грозное предупреждение! – вопила она охране. – Ой, да плевать мне, что у них разрешение!

Я просто бежала за ней следом, и никто даже не попытался остановить меня. «Поздно, все зря...» – пульсировало в голове. Дио выбежала на взлетную площадку и остановилась, вытянув к поднимающемуся вертолету руку. По предгрозовому небу скользнула тонкая, как волос, молния.

– Он на том вертолете, да?! Куда они летят? Может быть, мы успеем на машине в то место, куда...

– Из вертолета он отправится прямиком туда, куда не доедет ни одна машина, – сказала Дио.

– То есть... Он прыгнет?

Сердце замолотило внутри, дыхание стало рваться в лоскуты. Я опустилась на колени, не отрывая глаз от удаляющейся железной стрекозы. На лицо упали первые капли начинающегося дождя.

Дио стояла рядом, решительно уперев руки в бока.

– Посмотри вниз, Крис, посмотри, кого я тебе привезла! – заорала она вверх, в темное немилосердное небо. Вертолет превратился в крохотную точку. Расстояние, которое уже невозможно преодолеть. Невозможно. Разве что у меня была бы пара крыльев...

Пара. Крыльев.

– Кто там с ним?! – очнулась я. – Кроме пилота кто-то умеет управлять вертолетом?!

– Кроме пилота там только Крис и Изабелла – и они оба могут. А что?!

– Ударь меня, – попросила я, боясь, что мне не хватит сил причинить себе достаточную боль: руки и ноги словно набили поролоном.

Дио посмотрела на меня так, как на сумасшедшую.

– Некогда объяснять! Просто УДАРЬ МЕНЯ!

Второй раз просить не пришлось. Дио размахнулась и припечатала ладонь к моей щеке. Удар был таков, что я потеряла равновесие и упала в траву. Перед глазами взорвался снап белых искр. *«Хочу оказаться в нем, хочу оказаться в нем! Господи, если ты есть, посади меня на свою ладонь и подними меня к нему!»*

Густая, как чернила, темнота.

* * *

Больше всего я боялась, что меня перебросит в Дио, я боялась, что не дотянусь до *него*, что останусь на земле, что силы моих воображаемых крыльев не хватит на то, чтобы догнать черную стрекозу, уносящую смысл моей жизни. Поэтому, когда я открыла глаза и увидела перед собой сложную приборную панель и пугающе далекую землю, то чуть не сошла с ума от радости. Тело, в которое меня закинуло, не принадлежало ни Феликсу, ни Изабелле, оно принадлежало самому пилоту: один из моих самых жутких кошмаров стал реальностью, но я не успела осознать это до конца и по-настоящему испугаться.

Я едва смогла подавить свой первый порыв – вскочить и броситься

искать Феликса, а найдя, то ли обнять его, то ли держать его. Сначала мне нужно кому-то передать штурвал, иначе во всем этом нет никакого смысла.

В пепле и обломках никогда не бывает смысла.

Я начала вертеть головой, плотно охваченной наушниками, на панели начало что-то попискивать, в ушах роились обрывки английских фраз, сказанные какими-то далекими диспетчерами то ли мне, то ли еще кому-то. В поле зрения промелькнуло золото белокурых локонов, я повертела головой: сзади, в зоне для пассажиров, сидела Изабелла и что-то говорила тому, кого не было видно.

Что-то говорила ему. И – немыслимо! – говорила с таким спокойствием, словно Феликс не прыгать собирался, а так... погулять по облакам. Объясняла ему, чертовка, каким боком лучше впечататься в землю? Вместо того чтобы держать его и не отпускать! Я ее почти ненавидела.

Дио точно подтвердила, что Изабелла может управлять вертолетом, или мои уши просто слышали то, что хотели услышать? Ведь она... Господи, я и забыла, какая она маленькая. Десять лет? Двенадцать?!

Это было вопросом жизни и смерти, который было важно прояснить заранее: может ли кто-то управлять этой чертовой машиной кроме самого пилота? Иначе «прыгать» было просто смертельно опасным идиотизмом: если мне некому будет передать штурвал, то мы все просто погибнем!

Моя паника начала нарастать, когда писк какой-то штуковины на панели участился и стал громче. Вертолет вдруг тряхнуло на какой-то воздушной яме, и я испуганно сжала штурвал, почувствовав, что мы начинаем терять высоту. Но в моих руках пользы от штурвала было не больше, чем от куска пластмассы.

– Урсула, в чем дело?! – рванула ко мне Изабелла, заговорив по-немецки.

Даже не знаю, что в тот момент больше удивило меня, – то, что Изабелла свободно говорила по-немецки, или то, что пилотом оказалась женщина.

– Isabella, bitte^[8]! – закричала я, тоже переходя на немецкий, хотя точно знала, что она поймет и по-русски. Голос, вырвавшийся из моего горла, был глубоким, красивым и слегка хриплым.

Она подскочила ко мне, как кошка, схватилась за штурвал и быстро начала что-то переключать на панели. Вертолет начал снова набирать высоту. Господи, эта малышка в самом деле умеет управлять этой машиной, как это возможно?!

– Что за фокусы, черт тебя побери?! – заорала Изабелла мне прямо в

ухо по-немецки, приблизив свое разгневанное лицо.

– Сядь, пожалуйста, за штурвал! – тоже рявкнула я, переходя на русский и выразительно жестикулируя.

– Что? – выдохнула она, округляя свои недетские глаза.

– Садись же! – снова закричала я и стащила с головы наушники.

Она подчинилась, продолжая таращиться на меня так, словно только что увидела говорящее дерево.

– Где он? – спросила я, зная, что ответ мне не нужен.

Я шагнула в узкий проем, соединяющий зону пилота с пассажирским отсеком, и едва не заплакала от переполнившей меня радости и грусти, боли и блаженства, силы и слабости. Вот он, миг, о котором мечтала столько дней. Вот он, человек, который сумел затронуть во мне все струны и заставил мою душу вибрировать и звучать, который наполнил меня музыкой и светом, который срезал обводку со всех моих проводов и заставил их искрить и плавиться.

Вот он.

* * *

Моя память подвела меня. Она не смогла справиться с этой непростой задачей – запомнить Феликса хотя бы вполовину таким, каким он был на самом деле. Ведь ни одна фотография или киноплёнка не в силах передать мощь тихоокеанского шторма или истинную красоту закатного солнца.

Он сидел в кресле, откинув голову на подголовник, и смотрел в окно. На лице – никакого напряжения или нервозности. Он показался мне таким спокойным, что я начала сомневаться во всем, что сказала мне эта женщина, назвавшаяся его сестрой. Люди, которые собираются свести счеты с жизнью, не могут выглядеть так безмятежно. Он был похож на утомленного перелетом путешественника, а не на самоубийцу.

И только через несколько секунд мои глаза начали улавливать малозаметные, ускользающие от внимания детали: ненормальная бледность, сжатые челюсти, усталый взгляд, очерченный двумя полутеньями, как будто ему выдалась длинная бессонная ночь. Или даже не одна.

Она не соврала: Феликс болен. В этом нет никаких сомнений. Как и в том, что все штормы рано или поздно разбиваются о земную твердь, а закатное солнце угасает за горизонтом.

Я шагнула к нему и замерла на полпути, собирая мысли и слова

воедино. и в этот момент он повернул голову и посмотрел на меня. О, если бы над нами вдруг разверзлись небеса и сам Господь взглянул на меня своими божественными глазами, то, боюсь, это произвело бы на меня куда меньшее впечатление.

– Урсула? Какие-то проблемы с вертолетом? – спросил он по-немецки, приподнимаясь в кресле.

Я собралась с силами и ответила по-русски:

– Никаких. Чего не скажешь о сердце.

Его лицо оживилось неподдельным изумлением.

– Даже не знаю, чему больше удивляться: тому, что у первоклассного пилота могут быть проблемы с сердцем, или тому, что ты говоришь по-русски, – улыбнулся он. Похоже, угроза крушения не сильно его волновала.

– Я не пилот, – выдохнула я и, не пытаясь больше сдерживать слез, добавила:

– Феликс.

Меня начала бить такая дрожь, что стоило поторопиться. Неизвестно, сколько еще минут я смогу удержаться в этом теле, если мозг сейчас накачает его адреналином по самое не хочу. Но прежде чем я успела сделать к Феликсу еще один шаг, он оказался рядом со мной и прижал меня к себе.

– Лика, – его руки заскользили по спине, впиваясь в синтетику куртки. – Не уходи, побудь здесь...

– Я постараюсь, я постараюсь изо всех сил, – всхлипнула я.

– Оказывается, сойти с ума так просто.

Его реакция, его глаза... Ох, неужели тот факт, что я рядом, значит для него так много? Но что-то в его фразе насторожило меня, я всмотрелась в его лицо.

– Это не помешательство! Я в самом деле здесь!

– Еще какое. Представь, ты сидишь в пустыне и умираешь от жажды, и тут перед тобой возникает холодная бутылка Evian, – улыбнулся Феликс. – Скажешь, не помешательство?

– Я настоящая! – рассердилась я. – Я в Лугано! Я прилетела!

– Evian: live young^[9], – пробормотал Феликс, закрывая глаза, но не выпуская меня из рук.

Я сжала его в объятиях, сунув руки женщины-пилота ему под рубашку, и заговорила громко и четко, словно это могло придать убедительности моим словам.

– Феликс, послушай, у меня слишком мало времени, а потом мне придется вернуться в свое тело, которое сейчас лежит на взлетной

площадке, рядом с твоей рыдающей сестрой. Она сказала мне, что ты хочешь умереть. А я не могу просто взять и позволить тебе уйти!

Феликс открыл глаза, и теперь в них не было тумана.

– Я не разрешаю тебе умирать, слышишь? Потому что ты нужен мне! И потому что нам еще предстоит закончить то, что началось в тот день, когда мы встретились, и с тех пор не дает мне покоя. Я хочу быть рядом все те годы, что тебе отмерены, если ты позволишь мне...

Мое время истекло. Все вокруг начало терять яркость и контрастность.

– Я умоляю тебя, возвращайся. Возвращайся и обними меня настоящую. И я буду целовать тебя так, как не целуют самые упоительные галлюцинации!

«Я люблю тебя», – последнее, что силилась сказать я, но слова смешались в невнятную кашу. Я сделала последнее усилие над этим чужим телом и прижалась к нему, возможно, в последний...

Господи, дай мне сил осознать, что это, возможно, был самый последний раз.

* * *

Я распахнула глаза и подскочила от изумления: я все еще в вертолете?! Или почему все движется и на бешеной скорости пролетает мимо? Я стала вертеть головой по сторонам. Я снова в машине Дио!

– Дио, почему мы здесь? Куда мы едем?!

– Охрана помогла мне перенести тебя в машину. Незачем там оставаться.

– Поворачивай! Поворачивай назад, к аэродрому!

– Лика, возьми себя в руки. Я знаю, что это тяжело, но сделай над собой усилие. Здесь больше делать нечего.

– Нет, это не конец! Остановись!

Дио повернула ко мне перекошенное от боли лицо:

– Давай без истерик, хорошо? – она вцепилась в руль и прибавила скорости. – Я отвезу тебя к себе, а завтра...

– Останови машину, или я выпрыгну! – выдохнула я. – Если вертолет вернется без него, то я должна видеть это! Если все, что я сказала ему, – ничего для него не значит, то мне нужно знать это!

И если всему, что я предложила, он предпочтет смерть, то я хочу наконец убедиться в этом!

Она посмотрела на меня с жалостью.

– Знаешь, выпрыгнуть из машины на скорости двести километров в час будет гораздо менее больно, чем сидеть там и ждать вертолета, который прилетит без него. Но выбор, так и быть, за тобой. Для гостей все что угодно.

Дио сбросила скорость и развернула машину. Ее лицо не выражало никаких эмоций, а глаза, казалось, остекленели.

Именно так выглядят люди, которые вдруг понимают, что все кончено. Именно так буду выглядеть и я, если вертолет вернется без него.

ЧАСТЬ II. Amantes sunt amentes [\[10\]](#)

*You say this is suicide?
I say this is a war.
And I'm losing the battle.
Is this what you call love?
THIS IS A WAR I CAN'T WIN!* [\[11\]](#)

– *Bring Me the Horizon, «It Never Ends»*

*Ты еще не знаешь, насколько
Все это будет всерьез.
У меня осталась два часа до рассвета
И еще один нерешенный вопрос:
Кто мы, незнакомцы из разных миров?
Или, может быть, мы – случайные жертвы
стихийных порывов?
Знаешь, как это сложно – нажать на курок.
Этот мир так хорош за секунду до взрыва.*

– *Fleur, «Русская рулетка»*

1. Десультор

Передо мной стояла Урсула, и, судя по ее глазам, с вертолетом что-то было неладно.

Ей было тридцать пять или около того. Наполовину швейцарка, наполовину немка, она работала в WideBack Inc. уже восемь лет, и я ни разу не видел отражения обычных человеческих эмоций на ее лице. Первоклассный пилот, восемь тысяч часов летного опыта, стальные нервы, тело спринтера.

В тот день я должен был просто шагнуть в облако без парашюта. Урсула знала о том, что должно случиться, но на лице не дрогнула ни одна мимическая мышца, когда она направила вертолет к Альпам. Она – женщина-стальной-канат, выдержке которой позавидовал бы каждый второй. И одна из тех немногих, кто знает значение слова «десультор».

Так что когда я увидел ее перед собой с окаменевшим лицом, то понял, что случилось что-то нетривиальное. Критические неполадки с двигателем вертолета или хуже. Но уже в следующий момент стало ясно, что я просто-напросто съехал с катушек: Урсула говорила по-русски и она только что назвала меня Феликсом.

И еще она сказала, что...

Она не пилот.

В том, что у меня психическое расстройство, я не сомневался ни секунды. Но мое сознание восприняло эту галлюцинацию как подарок – лучший подарок из всех, что я когда-либо получал. Я так прижал ее к себе, что будь это не Урсула, а обычная девушка, ее ребра, скорей всего, не выдержали бы. Кажется, я просил ее не уходить. Кажется, она возмутилась, что я считаю ее галлюцинацией.

Не Урсула. Лица. Которая сейчас была внутри тела моего пилота.

Но этого просто не могло быть.

– Послушай, у меня слишком мало времени, – начала она и чем больше говорила, тем больше я убеждался в том, что у меня стремительное бурное помешательство.

Она не разрешала мне умирать. Она хотела быть рядом. Она предлагала мне себя с такой чистой детской непосредственностью, что в один миг все, что раньше имело для меня смысл, – потеряло его. В один момент я был готов отречься от всех своих клятв, имя Катрины впервые исчезло со всех таблоидов моей памяти, мгновение – и все мои

железобетонные принципы и многоэтажные аргументы сравнивал с землей тайфун по имени Лика.

Ей хватило одной минуты, чтобы заставить меня усомниться в том, что принятое мной решение – единственно правильное. Ей хватило одного прикосновения, чтобы дать мне понять, что эта болезнь, этот голод, эта депрессия и зависимость – это всего лишь одна сторона Луны. И что есть еще другая – там, где боль превращается в блаженство, темнота – в сияние, а удушающая гравитация – в бесконечный свободный полет.

Она звала меня на эту обратную сторону Луны, протянув мне ладони. Она звала меня, не представляя, чем это может обернуться для нее самой...

* * *

«Невеста Габриэля Фальконе, герцога Феррарского, во время церемонии бракосочетания в соборе Сан-Джорджо стала объектом странного внимания со стороны стаи голубей. Голуби, неизвестно как проникшие в собор, слетелись и сели на плечи Марии-Изабелле Санторо ко всеобщему изумлению, внеся переполох в ряды гостей. Невеста, однако, не испугалась и даже покормила птиц рисом, не снимая шелковых перчаток. Епископ объявил, что эти птицы – знак благословения Божьего...»

«Придворные и подданные не устают восхищаться герцогиней Марией-Изабеллой. Она добра и обходительна. Даже ее милые странности – изучение латыни и необычайная любовь к птицам – только украшают ее. Герцог подарил молодой жене трех ловчих соколов. Герцогиня обожает соколиную охоту. По дворцовым покоям не счесть книг на латыни и птичьих клеток: зная о страсти герцогини, гости поднесли ей несметное число экзотических птиц, включая пару заморских попугаев от короля Франции и дюжину фламинго от испанской принцессы...»

«После рождения первенца герцогиня Феррарская Мария-Изабелла Фальконе-Санторо тяжело больна. Она уже вторую неделю не приходит в сознание. Врачи настаивают на кормлении герцогини через специальную трубку, в противном случае она умрет от истощения. Герцогиня ровно дышит и сердце ее бьется в спокойном ритме. Найдены лучшие врачи во всей Европе, которые пристально следят за ее здоровьем».

«Не прошло и трех месяцев после начала странной сонной болезни герцогини, как герцог поселил в семейном особняке содержанку. Приближенные источники сообщают, что в случае кончины Марии-Изабеллы содержанка станет новой хозяйкой Феррары. Кто эта женщина и

откуда она родом – неизвестно».

«Герцог объявил, что опасается, что герцогиня Феррарская больше никогда не выйдет из состояния странного сна. Приближенные давно окрестили Марию-Изабеллу спящей красавицей: *La bella addormentata*. Если герцогиня не проснется в ближайшие два месяца, то герцог, с позволения епископа, волен расторгнуть брак с Марией-Изабеллой. "Мой сын нуждается в матери, живой и любящей", – заявил герцог».

«Герцог Феррарский объявил о предстоящей свадебной церемонии: он берет в жены свою загадочную содержанку. Торжество состоялось в закрытом кругу, где присутствовали только члены семьи Его Светлости и приближенные ко двору лица. Новая герцогиня будет носить имя Анастасия-Рената, герцогиня Феррарская. Наследник герцога, сын Марии-Изабеллы, не чает души в мачехе: ребенок проводит с новой мамой все свое время».

«Новая хозяйка так не похожа на прежнюю: она гораздо старше герцога, она не блещет красотой, она немногословна и редко покидает свои покои. Единственное, что объединяет прежнюю и новую герцогинь, – голуби. Во время церемонии бракосочетания на плечи и руки Анастасии-Ренаты снова сели голуби. Епископ снова объявил, что это знак благословения Божьего. Первый помощник епископа считает, что окна собора давно нуждаются в починке, а голуби просто слетаются на зерна венчального риса».

«Новая герцогиня с трепетом относится к бывшей жене герцога, которая все еще не пробудилась от странной болезни. Она много времени проводит у постели больной, а также с усердием изучает латынь и заботится о птицах Марии-Изабеллы. Ловчие соколы признали в ней хозяйку, а попугаи обзавелись потомством. Птицы – изумительное украшение герцогского сада, как хорошо, что о них есть кому заботиться...»

«Герцогиня Анастасия-Рената с особым рвением занялась воспитанием своего приемного сына. Юный герцог Эстенсе изучает английский, русский и французский языки. Также были найдены учителя китайского и арабского. Помимо этого мальчик осваивает верховую езду, воинское искусство и основы медицины. Герцогиня Анастасия-Рената не решается отпускать ребенка в школу при монастыре и предпочитает, чтобы юный герцог не покидал родовое поместье. Она оберегает сына от любых потрясений».

Так начинается эта история. История династии Фальконе. Короткие заметки, касающиеся событий почти пятисотлетней давности, когда-то были обнаружены в библиотеке одного из старинных особняков и с тех пор бережно передавались по наследству. Я любил читать эти истории, будучи мальчишкой, и всегда недолюбливал предка герцога Феррарского. Еще бы, разве он не негодяй? Стоило жене заболеть, и он тут же нашел ей замену.

Только когда мне исполнилось тринадцать, мать показала мне вторую часть архива. В этих новых архивах, написанных куда более подробно и обстоятельно, больше не фигурировали Мария-Изабелла и Анастасия-Рената. Мою прапрапра– (и еще пару десятков пра-) бабушку звали Мария-Изабелла-Анастасия-Рената Санторо-Фальконе. Не было никаких двух герцогинь. Была одна герцогиня. И два тела. Ее душа вылетела из родного тела и оказалась в теле другой женщины. Но герцогиня нашла способ вернуться в свой дворец и рассказала обо всем мужу. И герцог поверил ей...

– Как?! – спрашивал я у матери, захлопывая Книгу Откровений. – Как это возможно?

– Анастасия и Рената – оба этих имени означают «ожившая». Разве тебя это не насторожило?

– Да, но...

– Ты особенный, Кристиан Габриэль, – улыбнулась мама, но улыбку вряд ли можно было назвать счастливой. – Как и вся наша семья. Иностранные языки, география, психология, умение постоять за себя и самое главное – одиннадцать цифр телефонного номера, которые ты должен знать как *Padre nostro*^[12]. Еще чуть-чуть, и ты поймешь, зачем все это. Я так не хочу забирать у тебя детство, но приближается то время, когда с детством придется распрощаться. Прости меня, bambino^[13].

Мама гладила меня по голове, в ее глазах стояли слезы.

– Черт, это же всего лишь какие-то дурацкие легенды, мам, почему ты плачешь?

– Не чертыхайся, Крис.

– Почему ты плачешь? И какое дело ко всему этому имеет дурацкая Мария-Изабелла-Анастасия-Рената с ее дурацкими попугаями?!

– Dio mio...^[14]

Меня зовут Кристиан Габриэль Фальконе. Я родился в 1984 году в Лугано, Швейцария, и провел все свое детство в родовом поместье у предгорий Альп – на первый взгляд детство обычного мальчишки, в меру любопытного, в меру драчливого, в меру упрямого, который терпеть не может школу, дерется с братьями и то и дело доводит до слез няnek и учителей. Но это только на первый взгляд. «Детство обычного мальчика» наступало только тогда, когда учителя расходились по домам: большую часть своего времени я должен был учиться. И выборка предметов, которым уделялось особенное внимание, казалась по меньшей мере странной: география, психология, медицина, единоборства, искусство владеть собой («искусство не быть размазней», как в шутку называл его мой брат Альцедо) и многочисленные иностранные языки. Немецкий и итальянский – официальные языки Швейцарии – были моими родными. С русским и китайским тоже проблем не возникло: вопросами питания в нашем доме распоряжался Пенгфей – повар-китаец, а всеми остальными вопросами – русская няня Ника. Если я хотел есть – я должен был попросить об этом на китайском, если я хотел что-нибудь еще, я должен был сказать это по-русски. Не слишком замысловатый, но действенный способ. До сих пор в вопросах выбора блюд мне легче всего использовать китайский, а слова ободрения и поддержки лучше всего даются мне на русском.

Был еще один язык, на котором мы говорили только в семейном кругу и который мне вряд ли пришлось бы использовать где-то еще: латынь. Язык Цезаря и Цицерона, язык эпохи Возрождения, язык Римской империи и Ватикана, язык науки и, как ни парадоксально, – религии. Я недоумевал, как язык, которым была пропитана история, мог вдруг кануть в небытие: где все эти люди, которые должны сейчас болтать на нем без умолку, писать письма, читать утренние газеты? Говорить на латыни было все равно что стрелять из старинного арбалета или носить доспехи – я чувствовал себя особенным и предвкушал тот момент, когда встречу и других людей, говорящих на латыни. Родители говорили мне, что этот момент скоро настанет.

Родители словно готовили нас к чему-то: меня, Кора и Альцедо – двух моих братьев и сестру Диомедею. Они словно боялись, что вот-вот случится что-то ужасное. Что кто-то разлучит нас, похитит, увезет туда, где родители не смогут о нас позаботиться.

Одиннадцать цифр телефонного номера мы повторяли вместо молитвы перед сном, начиная с трехлетнего возраста.

– Зачем мне помнить эти цифры? Надоело! – бушевал я после очередного напоминания отца.

– Кристиано, – отец садился рядом и поправлял мое одеяло. В эти минуты он выглядел таким серьезным, что дух захватывало. – Что бы ни случилось, где бы ты однажды ни проснулся, ты должен помнить этот номер. Всего один звонок, и мы прилетим за тобой, где бы ты ни был. И... как бы ты ни выглядел.

– Что это значит?

– Просто давай еще раз повторим цифры: плюс сорок один, девяносто один... Ты помнишь, что нужно нажать два раза ноль, если телефон старый и на нем нет кнопки плюса?

– Да.

* * *

– Предки с ума посходили, – сказал однажды Кор, мой старший брат, швырнув на пол рюкзак с книгами. Он был явно не в духе. – Да имел я все эти языки, и мне блевать уже хочется от географии.

Ему исполнилось уже пятнадцать, он учился по восемь часов в день: сначала школа, потом дополнительные занятия, – и когда наконец приползал домой, то выглядел, честно говоря, не ахти.

Кор сплюнул прямо на пол гостиной, взъерошил черные, как перья ворона, волосы и еще раз процедил сквозь зубы:

– С ума посходили.

Я сидел на полу, подпирая спиной стену, и возился со своим ловчим ястребом. Птица повредила себе лапу, когда атаковала лису. Какая же дуреха атакует лису, а?

Но Инсанья^[15] была рабой своего имени и была бесстрашна до кончиков когтей. Я пожал плечами и продолжил накладывать шину ястребу на лапу. Мне даже возразить было нечего: родители явно перегибали палку со своими бредовыми затеями. Ну зачем нормальному человеку зубрить, какая валюта ходит в той или иной стране? Или зачем ребенку знать, как останавливать обширные кровотечения? Когда можно нажать на три кнопки телефона – и через три минуты прикатит скорая. Мне было тринадцать, и вместо всей этой чепухи, вроде географии и медицины, я с легкостью нашел бы дела поинтереснее: например бегать с Инсаньей по

полю и ловить кроликов...

– С меня хватит, – буркнул Кор. – Я хочу научиться владеть разным оружием. Хочу сбежать из дома, путешествовать. Делать что сам захочу! И хочу узнать, почему Луис разбил Дарио голову из-за Элены.

– Как почему? – ухмыльнулся я. – Ты же сам сказал: из-за Элены.

Кор насмешливо фыркнул:

– Ну, допустим, Дарио ляпнул какую-то гадость о ней, и что дальше? Разбить голову лучшему другу из-за какой-то там... телки? Смысл? В моем классе все такие... странные.

Кор рухнул на свою кровать, раскинув руки в стороны.

– Fra?^[16]

– М-м-м?

– Ты веришь в любовь? Веришь, что можно вот так вот взять и разбить голову лучшему другу из-за того, что у тебя какая-то там... любовь? К телке! – уточнил Кор с отвращением в голосе.

– Не верю, – без колебаний ответил я.

– Во-во! Безумие! Ладно если бы Елена пообещала ему, что разрешит потрогать ее сиськи или... что-нибудь поинтересней. Но я наверняка знаю, что не обещала. Дарио, считай, двинул в морду Луису ни за что.

– Инсанья! – зашипел я ястребу, выдергивая палец из ее клюва. Она так и норовила полакомиться моим пальцем. А потом закусить моим носом.

– Вот именно! Инсанья! А я что говорю!

– Salve!^[17] – распахнулась дверь, и в комнату влетел покрасневшийся, взъерошенный Альцедо, мой младший брат. Маленький десятилетний дьяволенок с яркими, как бирюза, глазами. – Соседская девчонка шлепнулась с дерева и потеряла память! Только сейчас узнал! Прикиньте, потеряла память! Как какую-нибудь сумку с барахлом. И теперь ничегошеньки не помнит, а только хлопает глазами направо и налево! Не успокоюсь, пока не пойму, как это работает! – Альцедо стучит пальцем по лбу и заразительно хохочет.

– А я не успокоюсь, пока не пойму, что с Дарио, – ворчит Кор.

– А что с Дарио? – Альцедо вытаскивает ланч-бокс из рюкзака и, чавкая, начинает доедать заправшие бутерброды.

– У Дарио инсанья на всю голову: врезал Луису за девчонку, – объясняю я.

– У меня в классе тоже все немного того, Данте ходит по пятам за Эммануэль, хотя та на него смотрит как на дохлую рыбу. Ржач. Что с Инсаньей? – Альцедо тянется к моему ястребу но, встретившись с

опасными желтыми глазами, отдергивает руку.

– Поранила лапу, дуреха. Атаковала лису. Я думал, это кролик, и спустил ее, а оказалась лиса... Чокнутая птица. Не прощу себе, если лапа не срастется...

– Обратишься ко мне, и я пристрелю твою глупую курицу, чтоб не мучилась, – ржет Кор.

– Отвали, а?

Какой же он псих.

* * *

Кор часто задавал мне трепку. Он был старше и сильнее, и ему это легко удавалось. Иногда мне казалось, что это его любимое занятие: разозлить меня, вовлечь в драку, наставить синяков, получить синяков в ответ, потом схватить меня в охапку, взъерошить волосы и сказать что-то вроде:

– Ладно-ладно, а теперь принеси мне пирога с кухни, а? Пенгфей там снова что-то шаманит, и, судя по запаху, пальчики оближешь.

– Сходи возьми сам, тупая башка, – ворчу я, стряхивая его ручищи. Кору только пятнадцать, но он уже такой же высокий, как родители, а еще долговязый и неимоверно сильный. Как бы он не начал в скором времени укладывать на лопатки нашего тренера по борьбе...

– Что ты там бормочешь, цыпленок? – ухмыляется Кор и снова заряжает мне апперкот прямо в солнечное сплетение, и у меня перехватывает дыхание.

– Мальчики, – в комнату заглядывает няня. – Ужин уже на столе.

Кор отвлекается всего на долю секунды, но этого мне достаточно, чтобы нырнуть под его руку и хорошенько треснуть его ребром ладони прямо по шее.

– А-а-ы-ы-ы, – слышу я стоны Кора, быстро-быстро перебирая ногами вниз по ступенькам.

Кор мне потом обязательно отомстит, но сейчас на столе утка по-пекински, печеный батат и еще горячий, золотистый багет, завернутый в ярко-красную салфетку. Голод заставляет меня забыть обо всем на свете.

– Брат опять лупит тебя? – спрашивает меня по-китайски Пенгфей, качая головой.

– Я вырасту и верну ему должок, Пенг, – отвечаю я, впиваясь зубами в утиную ножку. – Если он не убьет меня раньше, ха-ха.

Диомедея, моя младшая сестра, которой всего только восемь лет, накладывает себе полную тарелку батата и невозмутимо говорит, тоже по-китайски:

– Если он убьет тебя, я убью его.

– Ты не понимаешь, о чем говоришь, *sorog*^[18], – смеюсь я, целуя ее в кудрявую белокурую макушку.

– Я понимаю, – щебечет она, открывая маленький дерзкий рот. – А вот ты сделал десять ошибок в трех предложениях. Вот, например, хотел сказать «убьет», а сказал «акула», глупый.

Пенгфей хихикает в салфетку. Диомедея сдвигает со лба челку и говорит:

– Кстати, что такое «де-суль-то-ры»? Сегодня утром за чаем мама говорила папе это слово и плакала. Кажется, она думает, что придут какие-то *десульторы* и съедят Кора, Альцедо, тебя и меня. Съедят всех.

* * *

Я вспоминаю свое детство с изрядной долей сентиментальности. Все было так... просто. Восхитительная роскошь быть *как все*, жить как все. Счастье быть обычным человеком. Все закончилось в тот день, когда тело Кора принесли домой. Он собрался в школу, подошел к припаркованной у ворот машине, водитель открыл ему дверь, и тут Кор рухнул наземь, как подкошенный. Я помню, как слуги высыпали на улицу, как охранники звонили родителям, как в особняке появились странные люди в выглаженных черных костюмах, с аккуратно уложенными волосами и оттопыренными от оружия карманами.

Кор лежал на кровати с приоткрытыми глазами. Он дышал ровно, на нем не было ни царапины, было похоже, что он просто уснул. Так что я даже не совсем понимал, к чему такой переполох. Но он не проснулся ни на следующий день, ни через два дня, ни через неделю. Ни три месяца спустя.

Его тело перевезли в реабилитационную клинику в Лозанне, которая принадлежала нашей семье. Я с трудом верил, что человек может дать тебе за завтраком подзатыльник, а уже к ужину не сможет пошевелить и мизинцем. Но не это было самым удивительным. Больше всего меня поразила мать: утонченная, немного сентиментальная, неизменно заботливая, она не проронила ни слезинки, когда ее первенца закинули на каталки, как какой-нибудь мешок с дровами. Более того, она не ездила к Кору в клинику, не сидела у его изголовья, не держала его за руку, как и

положено скорбящим матерям. Нет, она была спокойна. Невероятно, неописуемо спокойна. Казалось, она потеряла к Кору всякий интерес с момента начала его «болезни»! Можно было бы подумать, что это просто депрессия, но отец вел себя так же: пофигизм на грани возможного.

Я был едва жив от потрясения. Я точно не хотел оказаться на месте Кора и лежать в больнице в коме, пока родители спокойно обсуждали, например, семейный отдых в Камбодже.

– Ничего, что он там лежит, как овощ? – моргнул я, впервые услышав про поездку в Камбоджу. – Как вы можете планировать это путешествие, когда...

– Кор полетит с нами, – не отрывая взгляда от туристических буклетов, сказала мама.

– Конечно, я уверен, что красивый загар – это как раз то, чего Кору сейчас не хватает. Будем носить тело из отеля на пляжик и обратно. Может быть, ты даже сможешь уделить ему немного внимания в перерыве между шведским столом и спа-процедурами.

– Крис! – рывкает отец. – Не смей так разговаривать с матерью!

Мама отрывает голову от пестрой кучи буклетов и смотрит на меня ласково и немного растерянно:

– Крис, я понимаю твое волнение, ты так любишь брата, но... – она делает долгую паузу. – Черт, мне так хотелось, чтобы ты узнал все так поздно, насколько это только возможно.

Я первый раз слышу слово «черт» из уст матери.

– Я хотела, чтобы твое детство принадлежало тебе все до последней капли, до последней минуты...

– Аджайя, – перебивает ее отец. – Пусть эта последняя минута начнется сейчас. Нет смысла тянуть. Пусть едет с нами.

Мама опускает глаза. Она выглядит такой уставшей, как будто только что попробовала сдвинуть с места Сан-Сальваторе^[19].

– Поеду куда? – спрашиваю я.

Отец молча кладет мне руку на плечо и прижимает к себе.

* * *

Будучи подростком, я часто бывал в отцовской клинике в Лозанне. Медицина интересовала меня больше любых других предметов, и отец замечал это. Я часами мог шататься по коридорам, разглядывать медицинскую аппаратуру, пить кофе с юными медсестрами на кухне,

забравшись с ногами в большое кожаное кресло. Впрочем, разговоры на интересные мне темы – операции и болезни – тут же стихали, как только один из наследников самого дона Анджело переступал порог больничной кухни. Молодые сестры в моем присутствии становились жеманными и кокетливыми, интересовались, есть ли у меня уже *la petite amie*^[20] и как относится мой отец к тому факту, что я пью крепкий черный кофе в тринадцать лет.

– Он не против. Почему нет? Кофеин – мягкий стимулятор для нервной и сердечно-сосудистой системы. Если много учишься или тренируешься – самое то... Зависимость? Ну ты же не будешь пить его ведрами?

После пассажей вроде этого меня обычно начинали воспринимать всерьез, прекращали дурацкие вопросы про «петит ами» и возвращались к интересующим меня темам.

К тринадцати годам я знал каждый угол в этой клинике и едва ли не каждого медицинского работника. Я отдыхал там душой и чувствовал какую-то особенную мистическую силу, наполняющую это место. Здесь бодались с фатумом и спорили с Богом за каждую человеческую жизнь, и этот упрямый спор, сопровождающийся звоном скальпелей, приводил меня в полный восторг.

Так что в тот день, когда родители, отложив взбесившие меня буклеты про Камбоджу, решили ни много ни мало покончить с моим детством, – я меньше всего ожидал снова оказаться здесь, в отцовской клинике.

Родители поднялись со мной на самый верхний этаж, где располагались палаты класса люкс, и подтолкнули меня к одной из закрытых дверей. Судя по окаменевшим лицам родителей, за этой дверью меня и поджидала сама Судьба, а то и сам господин Бог. Причем судьба – не самая счастливая, а Бог – не самый милосердный...

– Сейчас меня встретит Кор и зарядит разок-другой в корпус? – бравирую я, хватаясь за ручку.

Дверь бесшумно открылась.

Свет внутри был приглушен, но полумрак не помешал мне рассмотреть женскую фигуру у окна. Белая больничная роба, собранные в хвост длинные черные волосы, угловатые плечи, хрупкая шея. Она смотрела на Женевское озеро, положив худые руки на подоконник.

Я в недоумении перевел взгляд на родителей, но их лица словно высекли из камня.

– Я надеялся увидеть Кора вообще-то, а... это кто?

Девушка у окна повернулась на звук моего голоса. Индианка. Темно-

коричневая кожа, изможденный вид, на вид столько же лет, как и мне, хотя черт его знает...

– Крис, – улыбнулась девушка, и в этой насмешливой улыбке мне померещилось что-то до боли знакомое.

Я выкатил глаза, даже отдаленно не представляя, что происходит. Индианка улыбнулась еще шире:

– Как лапа у Инсаньи? Срослась? А то я по-прежнему могу пристрелить ее, как и обещал.

Я вцепился в косяк двери, едва справляясь с подгибающимися ногами. Мама схватила меня за плечи и закричала отцу:

– Анджело, я же говорила, слишком рано! Крис!

Я не помню, что было потом. Я свалился в свой первый в жизни обморок.

* * *

Наконец все части мозаики были сложены в одну большую картину. Мария-Изабелла-Анастасия-Рената, разговоры об ускользающем детстве, болезнь Кора, иностранные языки, телефонный номер, который нельзя забывать...

Теперь стало ясно, к чему нас всех готовили: души членов клана Фальконе были привязаны к телу слишком слабыми нитками. Рано или поздно нас всех выбрасывало из родного тела. Точкой выхода могло стать чужое тело в любом уголке мира, будь то Заполярье или джунгли Амазонки, трущобы мегаполисов или забытые богом деревни, тела стариков или тела детей...

«Что бы ни случилось, где бы ты однажды ни проснулся, ты должен помнить этот номер. Всего один звонок, и мы прилетим за тобой, где бы ты ни был. И как бы ты ни выглядел», – теперь я постиг истинное значение этих слов. Теперь я понял все.

Десульторы, которых так боялась Диомедея, не были чудовищами. Десульторами были мы сами. Оказалось, так в Древнем Риме величали особо искусных наездников, способных ехать верхом сразу на двух лошадях, перепрыгивая с одной на другую в разгар скачек. Тот, кому первому пришла в голову идея назвать потомков герцогини Феррарской десульторами, не был лишен чувства юмора.

Я тоже старался сохранять присутствие духа и чувство юмора, размышляя обо всем, что узнал: либо герцогиня Феррарская не дала

варенья злой колдунье и та наложила на нее самое изощренное заклятие из всех возможных. Либо природа наградила ее диковинной мутацией, которая позволяла ей прыгать из тела в тело легче, чем птица прыгает с ветки на ветку. И я надеялся, что найти этот дефективный ген будет проще, чем отыскать злую колдунью. Меньше всего я хотел менять свое тело на тело девчонки.

Мне потребовалось немало времени, чтобы уместить все это в своей голове и оценить масштабы бедствия. Потомки герцогини Феррарской разлетелись по свету, как пух чертополоха, но проклятие рода не дало нам затеряться. Мы все держались друг за друга, мы – это двести с лишним человек, рано или поздно выскакивающих из своих тел, как куски хлеба из тостера.

Мой дед – один из прямых потомков Марии-Изабеллы-Анастасии-Ренаты – основал компанию WideBack Inc.^[21], которая занималась разработкой и выводом на рынок ряда медицинских препаратов. Дело пошло хорошо: дед сколотил и вручил моему отцу целое состояние. Но выпуск фармацевтики был только верхушкой айсберга: на самом деле Уайдбек занимался многими другими вещами. Он прикрывал нас всех, помогал десульторам подлечить новое тело, вытаскивал из джунглей, пустынь и ледников и помогал не сойти с ума от всей этой фантазмагии.

Корпорация Уайдбек строила клиники и реабилитационные центры, нанимала лучших врачей, содержала несколько силовых подразделений, бойцы которых в течение двадцати четырех часов могли добраться в любую точку земного шара и вернуть тебя родным. Тебя и твое новое тело.

Родители боялись нас потерять. Боялись, что их дети однажды проснутся где-то на другом конце Земли – испуганные, бессильные, брошенные на произвол судьбы в чужом теле, – и вокруг этого страха, как вокруг оси, вращалась жизнь всего клана.

Попробуй себе представить, что завтра твой ребенок окажется где-нибудь в Нигерии, запертый в теле мальчика, умирающего от истощения. Что бы ты хотел сказать ему напоследок? Чему хотел бы научить? Что твой отпрыск должен сделать, как только проснется не в своей шкуре?

Он должен найти телефон и позвонить домой, чтобы гончие псы дедушки Уайдбека знали, где его искать.

Он должен уметь подлечить свои раны, если они не дают ему встать на ноги и найти телефон.

Он должен знать, как убрать с пути тех, кто встанет между ним и телефоном.

Он должен знать, что он не сумасшедший. А десультор. Всего-навсего.

* * *

В классе Кора появилась новая ученица. Кхм... Корал. В первый день ее дразнили и просили показать сиськи, но после пары сломанных носов желание помучить новенькую пропало у всех без исключения. Она дралась, как чокнутая, она могла выбить дерьмо из кого угодно. Она состригла к чертям длинные волосы и предпочитала одеваться как мальчишка. Друзья Кора быстро приняли ее в свою компанию и не уставали повторять, что она – идеальная замена их другу, который, к сожалению, впал в кому и вряд ли вернется в школу. А Корал только заливисто хохотала в ответ.

Я больше не мог драться с Кором: рука не поднималась лупить девчонку, хотя я знал, что это и не девчонка вовсе.

Диомедея была рада своей новой «сестре» – пусть даже и такой странной. Хотя не могла скрыть разочарования, как только сообразила, что играм в куклы Корал предпочитает бросать ножики в дверь детской комнаты.

– Она как будто Кор в юбке, – однажды сказала Дио за столом. – И где вы ее только взяли? Может, родите мне нормальную сестру?

Альцедо звонко рассмеялся, я с трудом проглотил кусок, Корал закатила глаза: «Я тоже люблю тебя, мелочь».

Родители поспешили сменить тему: Диомедея была слишком мала, чтобы узнать, что ей не спастись от страшного десультора, который однажды придет за ней. Потому что десультор – это она сама.

* * *

– Ох, черт...

– Что там? – поднял голову отец.

Он, как обычно, сидел за своим огромным письменным столом из эбенового дерева и расправлялся с горой деловой корреспонденции. Некоторые конверты вскрывал сразу, быстро читал письма и так же быстро писал ответы. Другие письма – менее важные – швырял в дальний угол стола. Третьи просто сминал, не вскрывая, и отправлял в мусорное ведро. Если он работал дома, то обычно помогала ему мама, но сегодня она отправилась с Кором в клинику: его новое тело все еще требовало наблюдения.

Диомедея играла на лужайке перед домом со своим новым домашним

любимцем: огромной полярной совой. Дио подбрасывала птицу в сумеречное небо, а та, сделав в воздухе несколько бесшумных хлопков крыльями, резко пикировала вниз и вытягивала когтистые лапы. Птица была явно слишком большой для Диомедеи: та еле удерживала ее на своей детской руке, а когда сова расправляла в стороны крылья, то я переставал видеть сестру вообще.

Я прикрыл от страха глаза, когда сова в очередной раз спикировала вниз, прямо Диомедею на голову. Однажды, когда Инсанья промахнулась и приземлилась вместо кожаной перчатки на мое плечо, врачам пришлось наложить мне десяток швов. А Диомедея с этой чертовой совой могла легко остаться без глаза. Или без уха.

– Я пойду заберу у нее эту сову, откуда она вообще взялась?

– Подарок от тетушки Никтеи, – ответил отец, вскрывая ножом очередной конверт. – А что с ней не так? По-моему, милый пуховичок...

«Пуховичок»?! Я чуть не поперхнулся.

– Ты видел ее когти?

Отец громко зевнул.

– Мы подарили тебе Инсанью, когда тебе стукнуло восемь, как Диомедею. Ты вроде пока жив-здоров?

– Кор когда-нибудь вернется в свое родное тело? – сменил тему я.

– Да. Его душа проживет в этом теле еще три года, плюс-минус, потом он вернется в родное тело. Но, боюсь, ненадолго.

– И что потом?

– Потом новый «прыжок». С возрастом выбрасывает реже, чем в молодости. Возможно, после шестидесяти прыжки прекратятся вообще. Мужчин выбрасывает чаще и на более долгий срок.

– Значит... Фактически я проведу свою жизнь в других телах.

– Да.

Мама и Кор задерживались. Надеюсь, когда Диомедея прибежит в гостиную с порванным ухом, те уже будут дома.

– А что случится, если приемное тело погибнет? Если тело этой индианки вдруг... умрет, то что случится с Кором?

– Очнется в своем теле, но в течение года выбросит опять.

Я прикрыл глаза, не в состоянии больше наблюдать за Диомедеей и испытывая страшное волнение от этого разговора с отцом.

– Вы вообще собирались рассказать мне обо всей этой... чертовщине, прежде чем я открою глаза где-нибудь в Африке в теле пигмея?

– Безусловно, – ответил отец, внезапно прекратив растерзывать конверты и отложив ножик. – Раньше пятнадцати не выбрасывает. Обычно.

Ближе к сроку ты будешь в курсе всех деталей. Поедешь в школу для десульторов при Уайдбеке. Там будут такие же подростки, как и ты.

Я словно окаменел.

– Крис, – отец встал из-за стола и сел рядом со мной. – Когда это случится, ты будешь во всеоружии. Ты будешь знать все, что нужно.

– Почему вы уверены, что этот ген... или проклятие, – без разницы – есть у меня тоже? А вдруг меня... пронесло?

– Очень просто, сынок, – отец вытянул палец в направлении Диомедеи, резвящейся на лужайке с этой большой охапкой белых перьев. – Птицы.

Я перевел взгляд с кончика пальца на Диомедею и обратно.

– При чем тут птицы?

– Они чувствуют тех, кто тоже умеет летать. Например, тебя, или меня, или Диомедею. Мы притягиваем их, как огонь притягивает мотыльков. Хорошо, что у нас тут так много хищных птиц, а то воробьи и дрозды ходили бы у нас по головам. Но помни мое слово, когда начнешь водить машину, лобовое стекло придется менять каждый месяц. Теперь ты понимаешь, почему мы с мамой так не любим походы и пикники на природе? Голуби тут же сжирают всю провизию, а потом укладываются с тобой спать прямо в палатке!

И отец громко расхохотался.

– Я не замечал, чтобы настолько...

– Еще рано. Ближе к пятнадцати – как только ты «созреешь» для первого прыжка – птиц начнет тянуть к тебе как магнитом. Кстати, именно так ты и узнаешь, что время пришло...

Сестра смеется – так звонко и счастливо, как умеют смеяться только дети.

Смейся, Дио. Смейся, пока твой десультор спит.

2. Эланоидес

Я думал, что школа для десульторов притаится где-нибудь в старинном замке, построенном в те времена, когда драконы еще не вымерли, мы будем носить мантии и учиться насыщать сонные чары.

Ничего подобного. Обыкновенный четырехэтажный коттедж у подножия самых обыкновенных Альп. С библиотекой, кухнями на каждом этаже, бассейном и спортзалом. И ни одного таинственного подземелья – скукотища. Девочки – северное крыло, мальчики – южное. Всего двенадцать подростков, которым едва стукнуло четырнадцать.

В первый день «учебы» в коттедж явился странный мужик лет тридцати пяти. Коротко стриженные волосы, серебристая щетина на лице, темно-загорелая кожа. Слово «учитель» подходило к нему из рук вон плохо: он не выглядел так, словно зарабатывал на жизнь преподаванием. Он как будто только что сошел с боевой арены: мышцы, бугрящиеся под одеждой, лицо, не знающее сочувствия и компромисса, походка гладиатора. Я видел его где-то раньше, но моя память отказывалась выдавать подробности.

«Неофрон», – сухо представился он, распаковал картонный ящик и выдал каждому из нас по книге – все как одна в кожаном переплете и по пятьсот страниц, не меньше.

– Книга должна быть прочитана к концу следующей недели. Без вариантов. В следующую пятницу я вернусь и отвечу на все ваши вопросы. На этом все, – бегло сказал он на латыни.

– Это что, Библия? – усмехнулся Бутео, один из новоприбывших подростков.

– Хуже. Эту ты будешь знать наизусть, – парировал Неофрон и покинул коттедж.

Мы высыпали на крыльцо и глазели вслед его черному «ягуару», взметнувшему пыль на подъездной дорожке. И этот «ягуар» я тоже когда-то видел!

О книгах все тут же забыли. Нам было всего по четырнадцать, в нашем распоряжении был целый коттедж, и ни одного надзирателя в радиусе километра. Разве что охранники и прислуга – но те были заняты своим делом. Холодильники четырех кухонь были забиты отличной едой, вода в бассейнах была прозрачной, как стекло, а видео-коллекцию можно было принять за эталон: американские вестерны, японское кино про самураев, английские детективы... Три дня мы набивали животы лазаньей, смотрели

кино и бросали дротики в стену гостиной. Девчонки – пять штук – держались особняком, и, судя по их визгам из бассейна и взрывам смеха из северного крыла, книги в черном переплете они тоже не открывали.

А потом – на день четвертый-пятый – в северном крыле воцарилась странная тишина. Ара Макао, один из новоприбывших, весельчак и затейник, пробрался в девичьи хоромы, а по возвращении из «тыла врага» доложил:

– Заучки взялись за Библию.

* * *

Мне не спалось ночью, я спустился на кухню перекусить и выпить чего-то горячего. На кухне горел свет и пахло свежесваренным кофе.

Кофе! В начале первого ночи. На диване, прижав колени к груди, сидела одна из моих новоявленных «одноклассниц» и читала книгу в черной обложке. Флисовая пижама с капюшоном, рассыпанные по плечам волосы – темные, с медным блеском, веснушки на носу. Мы молча смерили друг друга взглядом.

– Кофе в полночь? Оригинально, – бросил я ей, открывая пачку дарджилинга^[22].

– Ты уже начал? – не поднимая глаз, спросила она.

– Начал что? Библию? Нет еще.

– Начни. И тоже не сможешь спать.

– Я выбираю спать, – пожал плечами я.

Девчонка посмотрела на меня с раздражающей насмешкой и снова уткнулась в книгу. Следующий вопрос она задала только тогда, когда я, покончив с чаем и куском пиццы, направился к двери.

– Ты когда-нибудь влюблялся?

Я застыл на пороге.

– Что, в Библию вставили очередную душещипательную историю?

– Я знаю, что не влюблялся, – сказала мне в спину девочка. – Как и я. Как все мы... Десульторы.

Я развернулся и встретился с ее пристальным взглядом.

– То есть?

– Параграф восемь, – сказала девочка, водя пальцем в книге. – Эта вся... любовь, романтика... Ну, когда твои одноклассницы сходят с ума по какому-нибудь Джорджио из параллельного класса – со мной такого никогда не случалось, и тут написано почему. Мы не такие, как они: мы не

влюбляемся.

Девочка развернула книгу еще шире и протянула ее мне. Я подошел и сел с ней рядом.

– Эланоидес, – добавила она.

– Крис, – представился я в ответ, принимая книгу из ее рук.

– Почитай, пока я сварю себе еще чашку. Но потом сходи поищи свою.

* * *

Книга была написана на латыни, и я прочитал ее меньше, чем за двое суток. Казалось, еще никогда я не читал ничего более захватывающего. Там было все – от и до – о том, кто я и что меня ждет. Я листал страницу за страницей и не мог остановиться: вот как это было с другими, вот как это, скорее всего, будет со мной...

Как только мне исполнится пятнадцать, все эти невидимые связи между моим телом и душой истончатся и начнут рваться. Спусковым крючком станет большая доза адреналина. Внезапная боль, волнение или возбуждение – что-то этакое обязательно случится рано или поздно – и тогда меня выбросит.

Я позвонил Кору и спросил, как его могло выбросить в тот момент, когда он просто шагнул по саду к машине водителя. И Кор ответил: «Меня ужалила пчела, черт бы ее побрал! Прямо в шею! Представил?»

«Обычно случается что-то крайне обыденное: ты случайно режешь палец ножом или прикусываешь язык, уминая лазанью, – и оп-па, ты в другом теле, – повествовала Книга-в-Черной-Обложке. – И, поверь, лучше пусть это случится на родительской кухне, чем в постели с одноклассницей. Девушка перепугается насмерть, как только поймет, что ты не приходишь в себя. Лучше бы твоей первой партнершей была девушка-десультор, которая не начнет биться в истерику, а просто позвонит куда нужно. Или забудь о девушках вообще до поры до времени: меньше волнений – меньше “выпадений”...»

– Ара, ты должен это прочесть, – я трясущее тело в пестрой пижаме. На часах начало шестого утра. Ара швыряет в меня подушкой и ныряет под одеяло с головой.

– Тут написано, что нам всем стоит лишиться девственности до пятнадцати, – смеюсь я. – Потом начинаются кое-какие сложности.

Ара медленно выползает из-под одеяла:

– Если я все понял правильно, мы сегодня несем бутылку вермута в

северное крыло?

* * *

– Параграф второй: «Тело-реципиент», – Ара залез в книгу чуть ли не с головой. Мы отрываемся от чтения только чтобы сходить отлить или набить желудок...

Оказывается, моя душа не будет прыгать куда попало. Ей подойдет только пустая квартира. Какой-нибудь парняга будет кататься на велосипеде, упадет и треснется головой об асфальт. Его душа покинет тело и – мозг остановится, как останавливаются лопасти ветряка в отсутствие ветра, как часы без пружины завода. Три минуты до необратимых поражений мозга. Две. Одна. Прохожие успеют сделать бедолаге искусственное дыхание и хорошенько попрыгают по его грудной клетке. Только вот душа парня уже на полпути к праотцам и маршрут менять не собирается. Квартира пустует, хозяин выехал и не вернется. Моя душа, которая в этот самый момент ищет подходящие апартаменты, распахнет дверь и забросит внутрь чемоданы. Я очнусь в теле того, кто так и не снял велосипедные перчатки.

Сколько их, таких тел, которые теряют душу, но которым не разрешают умереть *до конца*? Достаточно. Больше, чем можно представить. Заходи, живи.

Я испытал огромное облегчение, как только осознал, что не буду причиной чьей-то смерти – я лишь возьму то, на что хозяин больше не претендует. Это, пожалуй, хорошая новость. Плохая новость: человек не теряет душу просто так. Из человека ее может выбить только такой удар, после которого череп редко остается целым. Я запросто могу очнуться в теле, которое только что подорвалось на mine где-нибудь в горячей точке планеты. Я открою глаза на поле, засыпанный землей и осколками металла, и, однозначно, буду рад тому факту, что успел научиться останавливать массивные кровотечения...

– Короче, если я еще хоть что-то соображаю, – вздыхает Эланоидес, прикладываясь пухлыми губами к бутылке вермута, – завтра я могу попасть в тело какого-нибудь пройдохи где-нибудь... В северокорейской тюрьме, которого только что шарахнули электричеством на допросе. Его душу вытряхнут из тела, а моя залезет в теплый уголок.

– Еще какой теплый, – вымученно улыбается Ара и берет у Элли бутылку.

– Сделаешь звонок и через сутки обнимешь маму своими корейскими ручонками, – говорю я Эланоидес. Мне хочется подбодрить ее.

– Сделает звонок, конечно. Если пальцы молотком не отобьют, – ворчит Бутео, лихорадочно листая книгу. – Ребята, по-моему, мы в дерьме по уши...

Северное и южное крыло впервые сидят в одной гостиной и вместе «готовят уроки». Девчонки – бледные и перепуганные насмерть. Парни – храбрые и задорные, но не менее бледные. И все же я был рад встретить свое будущее в компании людей с таким же диагнозом. Я был счастлив встретить его среди ровесников.

Девушка по имени Алауда подняла голову и заговорила тихо и сбивчиво:

– И что же мне помешает тут же отделаться от тела? В нем уже не будет никакой другой души, кроме моей, так? Так почему бы мне не покончить с собой прямо в камере этой проклятой северокорейской тюрьмы и в следующую секунду не открыть глаза дома?

Эланоидес начинает быстро листать Самую-Беспощадную-Книгу-на-Свете:

– Параграф три: «Досрочное прекращение Прыжка». Похоже, что можно без труда повеситься в камере или уничтожить тело любым другим способом, не проблема. Тут же очнешься в клинике, в родном теле, тебе принесут равиоли с творожком, ха-ха, и, может, даже нальют бокальчик... Но проблема в том, что в следующий раз ты можешь залететь туда, откуда невозможно позвонить. Вообще. Представь, что ты подросток в трущобах Вьетнама. Заключение. Старуха в пакистанской деревушке. С мобильным телефоном точно будут проблемы. А еще есть тела с поражениями мозга, тела психически больных людей, маленьких детей – этикие «ловушки» для души. Как ты сделаешь звонок, если мозг не в состоянии воспроизводить речь?

– Угу, – вставляет кто-то из парней. – Наверно как пытаться думать с перепоя: мозг вроде есть, но работает через пень-колоду. Если кого-то из нас закинет в тело умственно отсталого, то вряд ли цифры заветного номера всплывут в нужном порядке...

Мы все сидим тесным кружком прямо на полу одной из спален. Третья бутылка мартини идет по кругу. Девушка с аккуратной короткой стрижкой и огромными карими глазами думает, что никто не видит, как она плачет. Эланоидес кладет ей руку на плечо и что-то шепчет на ухо.

– Параграф четвертый: «Тела-ловушки», – читает вслух Ара. – «Прыжок – это всегда русская рулетка. Велика вероятность, что твоя

душа попадет в тело, которое ты не сможешь использовать должным образом: тела парализованных людей, тела умственно неполноценных людей и тела маленьких детей...

1. Ты не сможешь сделать звонок Уайдбеку, пребывая в теле парализованного.

2. Ты не сможешь позвонить, если мозг будет поврежден: твое сознание как программа, установленная на поврежденный жесткий диск, – попросту не сможет работать корректно.

3. Ты не сможешь дать о себе знать, попав в тело ребенка до пяти лет: возможно, ты сумеешь сложить пирамидку и не пролить на себя молоко, но степень развития мозга не позволит тебе нормально мыслить. Ты просто не будешь осознавать, кто ты и откуда пришел.

Каждое из тел-ловушек забирает у тебя три-пять лет жизни и делает невозможным твое возвращение домой, к семье, к нормальной жизни.

В остатке: если тело, в которое ты попал, способно самостоятельно передвигаться и ясно мыслить, – считай, тебе повезло. Приложи все усилия, чтобы сохранить это тело на ближайшие три года...»

– Понятно, – усмехается Бутео. – Парнишка-кореец с двумя руками, двумя ногами и целой головой куда лучше парализованной старушки на окраине Пакистана! Я буду беречь своего «парнишку» до последнего! И не завидую тому, кто попытается мне помешать.

– Так вот зачем все эти занятия единоборствами семь раз в неделю, – подняла глаза Эланоидес. – Нам придется идти сквозь огонь и воду, чтобы вернуться домой.

Я пытаюсь уместить все это в своей голове. Выжить, защитить свое новое тело, сделать контрольный звонок. Ротвейлеры Уайдбека приедут за тобой и помогут добраться домой. Если с телефоном не складывается – то выбираться своими силами. И молиться-молиться-молиться, чтобы тебя не забросило в тело-ловушку.

На часах глубоко за полночь. Эланоидес прощается и уходит спать. Вслед за ней начинают расползаться остальные, оставляя на ковре пустые бутылки, стаканы и остатки закусок... Уберем завтра в перерыве между Параграфом № 5 и № 6. Ко мне подходит одна из девушек – та самая, что сидела рядом с Эланоидес:

– Ты в южное крыло через тот коридор? Занеси Элли ее книгу, она забыла ее забрать. Ее комната сразу за лестницей.

Эланоидес открыла мне дверь, и я молча протянул ей книгу.

Элли не взяла ее, она открыла дверь еще шире и сделала шаг назад, приглашая войти. В комнате было сумрачно и очень тихо. Я захлопнул за собой дверь, и единственный источник света – лампа в коридоре – исчез.

– Элли? – позвал я.

Та отошла куда-то вглубь комнаты, и я перестал различать ее в темноте.

– Мне исполняется пятнадцать через месяц, – сказала она. – Я должна была приехать сюда год назад, но не сложилось. И вот теперь... Черт возьми, это все сплошной ад.

– Мне тоже страшно, – сказал я ей. – Это нормально. Покажи мне того, кто не боится очнуться завтра с простреленным животом где-нибудь на Ближнем Востоке? Таких нет.

Глаза почти привыкли к темноте. Элли сидит на диване, обхватив руками колени. На ней тонкая рубашка вместо флисовой пижамы, а по влажным волосам гуляют лунные блики.

– Где оставить книгу?

– Черт с ней с книгой, останься сам.

Удивительно, как всего от одной фразы могут перегореть все предохранители в голове. Если я правильно ее понял...

– Не хочу тратить оставшееся время попусту. Завтра меня может забросить в тело восьмидесятилетней старухи...

Да, я понял правильно! Чувствую, как по моим мышцам растекается судорожное тепло. Эланоидес как будто тоже чувствует это. Она подходит ко мне бесшумно, как убийца, и уверенно, как полицейский. Теперь я могу различить очертания ее груди под тонкой тканью рубашки. Я уже успел перецеловать полдюжины девчонок, но еще ни одна из них не бралась за ремень моих джинсов. О небо... Эланоидес прижимается ко мне и кладет руки мне на плечи. Она старше на год, но все же ниже меня на полголовы. Я ловлю ее губы.

– Если Библия не врет, тебя может выбросить... прямо в этот раз, – предупреждаю я ее.

– Я знаю. Будет что вспомнить под пулями...

– Ты очнешься в клинике развитой страны и сделаешь звонок, не выходя из палаты, вот увидишь, – говорю я ей, пока большая часть моего мозга приказывает мне просто закрыть рот и сконцентрироваться на вещах

куда более важных: например, на пуговицах ее рубашки...

* * *

– Моя подруга. Из школы. Не десультор, обычный человек. Влюбилась в парня из параллельного класса. Джорджио, – говорит Эланоидес.

Она лежит совсем близко ко мне, я чувствую горячую кожу ее бедра и ее пальцы, человечком гуляющие по моей груди.

– Так вот. Это все было так... странно и дико. Она чуть не наглоталась колес, когда он дал ей от ворот поворот. Представь, хотеть умереть! Только потому что какой-то там пацан не хочет ходить с тобой за ручку и целовать в лобик! Insania! – говорит Элли с насмешкой.

Я не раз слышал такую же насмешку в голосе Кора, когда тот рассуждал об «инсанье».

– Я случайно оказалась рядом, выгребала таблетки из ее рта, хотя она успела проглотить парочку. И пока ехала скорая, я лупила ее по лицу. Честно, дала пощечин пятьдесят, не меньше. Я была так на нее зла. Вне себя от того, что наша дружба превратилась в ничто, как только Джорджио пару раз состроил ей глазки...

Эланоидес садится на кровати и откидывает волосы на спину. Рядом со мной на кровати впервые сидит обнаженная девушка, и этот факт просто до чертиков восхитителен.

– Я уже тогда знала, что я *не такая*. Все эти шуры-муры, любовь-морковь – никогда не чувствовала ничего подобного. Я бы никогда не смогла напихать полный рот таблеток из-за какого-то прыщавого осла! Впрочем, из-за прекрасного принца тоже, – улыбается она, глядя на меня весело и дерзко. – Вот даже ты! Если мне бы сейчас сказали, что я больше не увижу тебя никогда-никогда в жизни – я бы просто пожала плечами и сказала: «Ну и ладно, да их просто немерено на этой планете – смазливых юнцов с бесстыжими руками».

– Если бы мне кто-то сказал, что я больше не увижу тебя, я бы хорошенько двинул ему по морде, – заявляю я.

– Врешь и не краснеешь, – хохочет Эланоидес и целует меня в губы.

Я не врал. Я действительно не хотел бы разлучиться с ней навсегда. Но где-то в глубине души зрело осознание того, что если бы завтра Элли исчезла из моей жизни, я бы нашел в себе силы пережить это. Однозначно. Страдать из-за того, что рядом нет того или иного человека? Да ладно, фантастика какая-то. Со мной такого никогда не случалось и, как оказалось,

не случится. В Очень-Умной-Книге черным по белому было написано: «Десульторы не влюбляются». Не знаю, хорошо ли это, но точно, что не плохо.

* * *

Неофрон вернулся в пятницу. Мы высыпали на улицу, как щенята, которые наконец дождались возвращения своей мамочки с прогулки. Тому это явно понравилось: я впервые увидел отблеск улыбки на его лице. Он раскрыл багажник своего запыленного «ягуара» и вынул оттуда два металлических чемодана. *«Торговец оружием, да и только»*, – усмехнулся я про себя.

– Я рад, что первый учебник пользовался таким успехом, – сказал Неофрон, как только выяснил, что мы все прочитали Библию от корки до корки. – Теперь кое-какие формальности...

Стопка белых бланков с распечатанным текстом разлетается по классу.

– Как вы все уже догадались: агенты Уайдбека вытащат вас из любой точки земного шара. У вас одна забота – сделать звонок. Однако взамен Уайдбек требует подчинения несложным правилам, которые облегчат жизнь всем: и нам, и вам, и вашим родителям, и нашим агентам. Эти правила перечислены в Договоре, который ваши родители заключили с Уайдбеком на правах опекунов. Теперь вы лично можете ознакомиться с этим договором. Здесь перечислено все то, что вам следует или не следует делать, чтобы продолжать пользоваться покровительством Уайдбека. Как только вам исполнится восемнадцать, вы вольны расторгнуть этот договор и жить на свой страх и риск. Коротко по списку:

«Десультор не имеет права передавать третьим лицам какую-либо информацию, касающуюся его генетических особенностей и образа жизни...»

Простыми словами: ни к чему выкладывать обычным людям, что вы умеете прыгать из тела в тело. Последствия подобной болтовни могут оказаться непредсказуемыми. Дальше...

«В повседневной жизни у вас будет доступ к огнестрельному и холодному оружию, но вы не должны пользоваться им без крайней на то необходимости. При угрожающих ситуациях пользуетесь оружием Уайдбека: пистолеты с транквилизатором. Преимущества: устраняет помеху, но не убивает и не калечит ее».

Неофрон раскрывает один из металлических чемоданов, и мы дружно

открываем рты: на темно-синем бархате лежат шесть блестящих пистолетов.

«Что ты там говорил про торговца оружием? – потрясенно думаю я. – И про сонные чары?»

Нео вытаскивает один из пистолетов и вытряхивает содержимое его магазина. Но оттуда высыпаются вовсе не пули, а восемь странных прозрачных капсул.

– Внутри капсулы транквилизатор, – объясняет Неофрон. – Капсула деформируется при попадании в цель, и содержимое под давлением впрыскивается в тело через микроиглу. Одной капсулы достаточно для получасового сна. Максимальная безопасная доза для одного тела – четыре капсулы. Все восемь капсул при попадании в одно тело – останавливают сердце. Сегодня будем учиться обращаться с этим оружием.

Двенадцать пар глаз таращатся на Неофрона, не моргая. Сегодня? Учиться обращаться с оружием?! Тот захлопывает чемодан как ни в чем не бывало – как будто только что показал нам, детям, коробку с игрушками, – и тут же возвращается к обсуждению Договора:

«Вы не можете пытаться убить свое новое тело без разрешения CEO^[23] WideBack Inc. Если доставшееся вам тело по какой-то причине вас не устраивает – вы вольны вынести этот вопрос на обсуждение».

«Агенты Уайдбека подчиняются только CEO. Вы обязаны выполнять их приказы независимо от того, устраивают они вас или нет».

«Нарушение условий договора влечет за собой внутреннее расследование, результатом которого может быть разрыв договора между вами и WideBack Inc.».

– Думаю, не нужно лишний раз объяснять, что в таком случае ваши шансы самостоятельно вернуться домой стремятся к нулю? – вопрошает Неофрон. – Прочтите договор до конца и поставьте свою подпись на последней странице, под подписями ваших родителей.

Я бегло просматриваю пять страниц. Мой взгляд останавливается на подписи гендиректора: Никтея Фальконе-Санторо.

Эланоидес, которая сидит рядом, тихо заряжает мне локтем в бок.

– Как твоя фамилия? – щурится она.

Я изображаю покер фейс и шепчу ей:

– Э-э-э... А что?

– Говори сейчас же!

– Фальконе-Санторо.

– Черт! – яростно шепчет она. – Уайдбек принадлежит твоей семье, да? Почему ты не сказал мне раньше?

– Когда именно? Тогда на кухне, где мы первый раз говорили? «Как чудно пахнет кофе, кстати, Уайдбек принадлежит моей семье, налей и мне чашку», – дурачусь я. – Или когда? Тогда в твоей комнате? «Да, я ни разу не влюблялся, это правда. Кстати, знаешь, кому принадлежит Уайдбек?»

Эланоидес закусывает губу, чтобы не рассмеяться в голос.

– Да и какое это имеет значение? – пожимаю плечами я. – В том, что однажды мне придется управлять Уайдбеком, нет никакой моей заслуги. Нелепое стечение обстоятельств, да и только.

– Я слышала, предки Фальконе были герцогами, так? – продолжает допрос Элли.

– Понятия не имею, – вру я.

– О-о, Ваша светлость! – громко шепчет Элли и засовывает руку в карман моих джинсов. Ни стыда ни совести. Я оглядываюсь по сторонам, но все в классе заняты своим делом: читают договоры и обсуждают с Неофроном детали.

– Не вздумай называть меня так, – серьезно говорю ей я.

– Не смею перечить вам... Ваша светлость.

Мне хочется унести ее из класса, перекинув через плечо, и отшлепать где-нибудь в укромном месте.

* * *

Мы собирались разъехаться домой к Рождеству. В день отъезда с неба посыпался рыхлый снег, и все выбежали на улицу забросать друг друга снежками накануне долгих каникул. Эланоидес – веселая, румяная, в толстой вязаной шапке, надвинутой на глаза, – скакала по заснеженной траве, потом морской звездой растянулась в сугробе. Я слепил снежок побольше и направился к ней. Чья-то мордашка сейчас отведаст снега на вкус...

– Даже не думай! – вскочила Элли, раскинув руки.

Я размахнулся и... моя рука со снежком застыла на полпути. С серого неба вниз спикировало что-то пестрое. Эланоидес вскрикнула и замерла на месте: перед ней на снегу сидела дикая утка и неловко переминалась с лапки на лапку. Потом наконец осмелела, подошла к Элли и уселась прямо в ногах. Вслед за первой уткой с неба спикировала еще одна и заковыляла к первой. Эланоидес закусила губу и подняла на меня полные слез глаза.

– Крис, – позвала она как-то жалобно.

Я подошел к ней, ботинком отодвинул уток в сторону – те смешно

отбежали, быстро перебирая оранжевыми лапками, – и обхватил Эланоидес руками. Ее всю трясло от волнения.

– Крис, у меня такое чувство, что я не вернусь в школу после каникул.

– Не говори ерунды.

– Я меняюсь, и птицы стали чувствовать это. Меня выбросит еще до Рождества, ощущаю каким-то шестым чувством...

Утки снова подбежали к нам и стали вертеться вокруг, оставляя на снегу следы лапок. Остальные ребята-десульторы забыли об играх и стояли вокруг, глядя на Элли во все глаза.

– Прочь! – я вспугнул утку, та отскочила, разбежалась и взвилась в заснеженное небо, вторая дернула за ней следом, развернув пестрые крылья. Элли плакала у меня на груди, снег крохотными звездочками падал на ее волосы.

Скоро за мной приехал иссиня-черный «мазерати» моего отца, а за Эланоидес – «порше» ее родителей. Я вернулся в Лугано, Элли – в Лозанну. Мы не виделись, но перезванивались чуть ли не каждый день. Она успокоилась, и ее голос звучал даже весело. Накануне Рождества я набрал ее номер снова, и отец Эланоидес поставил меня в известность, что Элли наконец «ушла в прыжок». Ее тело доставлено в клинику для поддерживающей терапии. А агенты Уайдбека наготове и ждут звонка от нее.

– Как это произошло? – спросил я.

– Элли обожгла руку, когда доставала выпечку из духовки. Ничего серьезного, но для прыжка хватило.

* * *

«Эланоидес сделала звонок, и с ней все в порядке», – вот все, чего мне удалось добиться от родителей.

– Где она сейчас? В какой стране? В каком состоянии? – пытался узнать я, но везде натыкался на прямо-таки Великую Китайскую стену. Уайдбек все держал в секрете. Кого будут вытаскивать и откуда – знали только генеральный, родители и агенты. Ладно, в конце концов я хотя бы знал, что она в надежных руках.

Потом я снова поехал в школу десульторов и попытался сосредоточиться на учебе. Иногда я звонил Эланоидес домой и пытался выяснить, где она и что с ней, но на мои вопросы ее родня отвечала крайне неохотно. Потом ее предки перестали говорить со мной вообще, а трубку

начала снимать экономка – некая мадам Дюпри. Дюпри не то чтобы с радостью отвечала на мои вопросы, но она по крайней мере не бросала трубку. Наконец, месяца два спустя мне удалось добиться от нее, что Эланоидес дома, что с ней все хорошо, но та сама не хочет видеть меня.

– Почему она скрывается от меня? Мы были хорошими друзьями, – возмущаюсь я.

– Мне кажется, мадемуазель еще не вполне привыкла к своему новому телу.

– И что? Она собирается сидеть в своем доме целых три года?

– Да она вовсе не сидит, она ходит в кино и по магазинам, и...

– Ходит по магазинам? – тупо переспросил я.

– Да, вчера она купила чудное платье от Валентино...

– Платье, значит? – я прикрыл глаза в состоянии полного бешенства. – Я таки привезу ей утку, так ей и передай. Скажи ей, что звонил Кристиан и он был просто в ярости от того, что этот мерзавец Валентино может видеть ее, а Крис – нет.

На том конце провода воцарилась тишина, а потом раздался взрыв хриплого смеха: мадам Дюпри хохотала так, что уши закладывало. А потом гогот в трубке прекратился, экономка откашлялась и сказала:

– Не смею перечить вам... Ваша светлость.

Я застыл на месте, как громом пораженный.

– Элли? – потрясенно пробормотал я.

– Крис, – тихо отозвалась Дюпри.

– Я хочу увидеть тебя. Мне плевать, в какое тело тебя закинуло и что ты там себе напридумывала.

– Захвати бутылку вермута.

* * *

Я не считал себя впечатлительным малым. Я знал, как бы Элли ни выглядела – это по-прежнему она. И еще я знал, что я обниму ее, как только увижу. И точка. Но когда дверь дома Эланоидес открылась и передо мной возникла высокая сорокалетняя женщина – я на мгновение растерялся. Всего на мгновение, но мои мысли пришли в полный разброд. Я не смог заставить свои руки подняться и обхватить эту незнакомку, которая годилась мне в матери. Я не смог и тут же возненавидел себя за это.

– Ваша светлость, – сказала женщина тем самым голосом, который я слышал в трубке телефона.

– Мадам Дюпри, – ответил я и поднял воображаемую шляпу.

Элли расхохоталась и втянула меня в дом. Дверь захлопнулась, и она сжала меня в тисках своих новых рук. Я обнял ее в ответ, но мои объятия скорее смахивали на объятия маленького сыночка, чем на объятия героя-любовника.

– Вы ввалили мне, мадам Дюпри, все это время, – заявил я, глядя на нее снизу вверх. Она была выше меня чуть ли не на голову!

– Я и представить не могла, что у вас так плохо с французским, Ваша светлость, – парировала Элли, выпуская меня из рук.

– То есть?

– То есть *la duperie*, – это «обман» по-французски.

– Ну вот, теперь я выгляжу совсем никчемно, – сказал я.

Эланоидес рассмеялась. Минуту, а то и две мы молча смотрели друг на друга.

– Нет, ты выглядишь прекрасно, – ответила она. – Чего не скажешь обо мне.

– Перестань, – нахмурился я.

– Это ты перестань, – буркнула она. – Не нужно делать вид, что ты в восторге от моей новой... оболочки.

Если бы Элли – та Элли, какой я привык ее видеть, – сказала мне что-то подобное, она бы уже лежала на кровати с губами, горящими от моих поцелуев. Но теперь передо мной стояла пугающе... взрослая женщина, и я очень сомневался, что смог бы заставить себя сунуть ей руку под юбку.

– Эй, – тряхнула меня Элли. – Только не нужно падать в обморок. Все нормально.

– Элли, я чувствую себя полным дерьмом, – все, что смог сказать я.

– Почему? Потому что не горишь желанием засунуть свой язык мне в рот? – расхохоталась она.

– Типа того, – вздохнул я.

– Господи, Крис... Я тебе сейчас кое-что скажу, и тебе сразу полегчает.

Элли взяла бутылку вермута из моих рук и повела на кухню. Достала два стакана и наполнила их до краев. Потом уселась напротив и неловко улыбнулась.

– Я тоже тебя не хочу. Веришь мне? Я на мгновение представила тебя в своей постели, и мне стало дурно. Я – по-прежнему я и никто другой. Но это тело – его возраст, гормоны, – оказывает на меня какое-то необъяснимое влияние. Сейчас я бы скорее предпочла затащить в постель Неофрона, чем тебя.

Я делаю глоток вермута и не могу сдержать обалделую улыбку.

– Неофрона? – переспрашиваю я.

– Представь себе! Инсанья! – Элли разводит руками и громко смеется. – Мне дороги те воспоминания о нас с тобой, я ни о чем не жалею, но... теперь все в прошлом. И я благодарю небо за то, что не умею влюбляться. Прощаться так легко, правда? А представь, если бы мы любили друг друга. Это был бы ад, самый настоящий ад! Любить чью-то душу, но испытывать ужас при одном взгляде на тело! Как тебе такой расклад?

– Я не испытываю ужаса, глядя на твое тело, дуреха, – говорю я. – Ты выглядишь весьма и весьма...

Элли перехватывает мой взгляд, упершийся прямо в вырез ее блузки, и едва не валится со стула.

– Так-так. По-моему, кто-то катастрофически быстро пьянеет, – она косится на мой стакан. – Я тоже хороша: спаиваю малолетнего мальчика, ай-яй-яй. Допивайте свою порцию и выметайтесь отсюда, Ваша светлость.

– Не раньше, чем ты расскажешь, как все это было. С самого начала.

– Мой прыжок и все такое? О, с удовольствием! Очнулась в Сиднее на берегу океана. Какая-то женщина утонула, ее успели вытащить и откачать. Но душа все равно тю-тю... Меня увезли в госпиталь и подлечили. Позвонила в Уайдбек не выходя из палаты, как ты и предсказывал. Угадай, кто за мной приехал! Неофрон с горсткой вооруженных парней. Знаешь, кто он? Он руководит силовым подразделением Уайдбека. Ты должен был встречать его раньше.

В этот момент я вспомнил, где я видел Неофрона прежде. В клинике отца в тот самый день, когда родители привезли меня к Кору. Помню, как отец загнал машину на парковку, а с парковки в этот момент, сияя дисками, выкатил черный «ягуар», за рулем которого... Да, зуб даю, за рулем сидел Неофрон собственной персоной. Наверно, они даже отсалютовали друг другу, но я был слишком взволнован, чтобы заметить это.

* * *

Пенгфей приготовил умопомрачительную индейку в честь окончания моей учебы в школе десульторов, и мы провели приятный вечер в семейном кругу. Альцедо и Диомедея отправились спать сразу после десерта, а родители, Кор и я остались в гостиной, наполненной ароматом горячей пищи и сиянием свечей.

– Так вот, – рассказывала мама, подливая себе сангрии, – едва я успела

забеременеть Диомедеей, ваш папа ушел в очередной прыжок. Вернулся так быстро, что я даже не успела толком поволноваться. В теле большого чернокожего парня, покрытого татуировками с ног до головы и вставными золотыми зубами! Вся наша прислуга смотрела на меня как на умалишенную, когда я представила им нашего нового «садовника»!

Папа оглушительно смеется, потягивая «Талискер» из коньячного бокала.

– Но работать-то как-то нужно было, – он подхватывает историю. – Я приходил по ночам в свой кабинет и разбирался с корреспонденцией, пока дети и прислуга спали. И вот однажды сижу, значит, в своем кресле, закинув на стол ноги в своих любимых тапочках, и тут в кабинет входит маленький, сонный Крис. Ему тогда едва стукнуло четыре. Он увидел меня в кресле, где я обычно сидел будучи в своем теле, и строго сказал мне: «Уходи откуда пришел. Это папин стул. И тапочки тоже его».

Мы смеемся так громко, что дрожат кубики льда в стаканах.

– Вы терпеть не могли, когда папа «уезжал в командировки», вы всегда очень скучали. Но на самом деле он всегда был рядом.

– А как часто выбрасывало тебя? – спрашиваю я у матери. – Я помню, что ты «уезжала в командировку» только один раз. Когда Диомедее исполнилось три года или около того...

– Я «прыгала» всю юность, начиная с пятнадцати. И лет до двадцати пяти. А потом вышла замуж и начала рожать вас одного за другим. Беременности держат душу стальным тросом: пока носишь ребенка – не выбрасывает. Потом Диомедее исполнилось три, и «мама уехала в командировку в Африку».

Мы с Кором обалдело переглядываемся:

– Чиконья – наша чернокожая няня из Уганды! Только не говори, что это была ты!

– Ну а кто же еще? Надеюсь, я вас тогда не затискала до смерти? Вы так плакали, так скучали по мне, но было слишком рано нагружать вас откровениями подобного рода.

У меня на языке вертится не самый приличный вопрос, но мне разрешили выпить пару стаканов сангрии, и он уже не кажется мне таким уж... неудобным. К тому же я чувствую себя достаточно взрослым, чтобы задать подобный вопрос родителям:

– И... вы спали друг с другом, пока были в других телах?

– Нет, – отвечает отец, – когда у нас выдавалась свободная минутка, мы предпочитали сидеть на кровати и играть в морской бой.

Мама закатывает глаза, Кор заразительно ржет, вытирая слезы со своей

индийской мордахи.

– Да, – признается мама. Она смущена, но старается не показывать этого. – Почему нет? Тело – это всего лишь **оболочка**. Главное то, что внутри.

– Правда? – пожимаю плечами я. – Эланоидес, мою девушку, забросило в тело какой-то сорокалетней тетки. Тело примерно твоего возраста, мама. Надеюсь, никто не будет против, если мы... продолжим встречаться?

Мама давится сангрией. Папа начинает нервно кашлять. Кор впервые за весь вечер перестает лыбиться. Впрочем, ненадолго: уже через секунду он шлепает меня рукой по плечу и восклицает:

– Один-один, fra! Теперь слово старшему поколению, – Кор вытягивает в руке ложку, как микрофон.

– Нет, ты не будешь с ней встречаться, Крис. Я имею в виду... вы можете общаться, но... не...

– Старшее поколение бормочет что-то невразумительное, – комментирует Кор и добавляет, пародируя мамин голос: – «Но ведь тело – это всего лишь оболочка!»

– Это уже не лезет ни в какие ворота, парни, – встает из-за стола мама. – Марш в кровать.

Кажется, я еще никогда не ложился спать в более приподнятом настроении. Что за дивный вечер. Окно было распахнуто настежь, комната была полна лунного света, а подушка умопомрачительно пахла хвоей.

– Здорово ты их уделал, – заглянул в дверь Кор и ушел в свою комнату.

Я прикрыл глаза, блаженно улыбаясь, и в следующую секунду подскочил от испуга. В окно влетела какая-то ночная птица и, сделав пару кругов под потолком, уселась на мою кровать.

3. Ловушки

– Какая она была? Маленькая? Большая? Ты успел рассмотреть ее? Как она влетела? Стремительно или неспешно?

Я упомянул за завтраком о ночной птице и теперь расхлебывал последствия. Мама устроила мне допрос в перерыве между омлетом и круассанами.

– Средняя. Не помню, как влетела. Это важно?

Мама пропускает мой вопрос мимо ушей. Она взволнованна и бледна.

– Птицы начали интересоваться тобой, значит времени в обрез... Вы уже начали тренировки по удерживанию сознания?

– Да.

– И ты точно разобрался во всем до конца?

– Да.

– Если вдруг почувствуешь прилив адреналина, ты помнишь, что нужно глубоко дышать, да? И не смотреть в одну точку, так? Я думаю, Крису пора начать прием адреноблокаторов...

– Аджайя, – отец накрывает своей ладонью мамину ладонь. – Это не выход. Это просто отсрочит неизбежное, но...

– Я хочу убедиться, что сделала все возможное, – перебивает она.

– Ты сделала, – говорю я и тоже беру ее за руку.

Мама замирает на месте. Левая рука – в ладони отца, правая – в моей. Она пытливо смотрит на меня, и я надеюсь, что выгляжу достаточно уверенно, чтобы она перестала паниковать и взялась наконец за омлет. Ее тарелка остывает.

Кор прихлебывает капучино из большого стакана и добавляет:

– Ты только не гуляй в саду под жимолостью. Там уйма пчел...

– И с сегодняшнего дня больше никаких единоборств, хорошо? – просит мама.

– И никаких девушек, – подначивает меня Кор, мило улыбаясь.

– И уничтожить все прялки во всем королевстве, – добавляет отец, намазывая паштет на ломоть поджаренного хлеба.

Но мое веретено все-таки нашло меня...

Новое тело Кора здорово вымахало за последние два года. Когда я впервые увидел его в реабилитационной клинике, оно было всего лишь телом недокормленной девчонки-подростка: худое, среднего роста, с торчащими лопатками и ключицами. Теперь, два года спустя, Кор основательно отъелся и округлился: каждое утро к завтраку спускалась моя восемнадцатилетняя «сестра» Корал: тяжелая, мускулистая, с сиськами третьего размера, с коротко стриженными черными волосами, в неизменной кофте с капюшоном и свободных штанах.

– Ну, по крайней мере не нужно бриться, – ворчал он.

Я привык к его новой оболочке, но не могу сказать, что перестал испытывать ужас при виде его груди и прочих девчачьих прелестей. Если меня забросит в женское тело, я покончу с телом и попробую заново. Чего бы мне это ни стоило. Вряд ли что-то могло поколебать мою уверенность в этом.

Что касается Кора, он переносил все это испытание стоически: сдавал школьные экзамены, готовился к поступлению в университет, тренировался, бегал с друзьями в клубы и рестораны.

В тот вечер я составил Кору компанию. Мы заехали в один из тех баров на отшибе, где бармены не интересуются твоим возрастом, а вышибалы не слишком усердствуют. Кор надеялся встретить там кого-то из приятелей, а я планировал просто хорошо оттянуться. В соответствии с устоявшимся правилом – «Правилom Золушки», как называл его отец, – мы должны были вернуться домой раньше, чем пробьет полночь. Однако...

К Кору начал клеиться какой-то вусмерть пьяный мужик. Удивительно, как он смог рассмотреть «девушку» под той одеждой, которую носил Кор. К тому же на лице Кора не было ни капли косметики, волосы были подстрижены короче, чем у меня, а глаза ясно говорили о том, что флиртовать Кор не намерен. Ни сегодня, ни когда-либо еще. Короче, странный выбор, учитывая рой разряженных девушек, порхающих вокруг, – настоящих девушек! Кор сидел, отвалившись на спинку стула, и мирно потягивал свой коктейль, пока его «ухажер» пританцовывал вокруг в мятой рубашке с распушенным галстуком.

– Отвали, она не будет с тобой танцевать, – сказал я, пытаюсь сделать серьезную мину. Меня просто разрывало от смеха.

– А ты кто, bambino? – поинтересовался мужик, разливая там и сям выпивку из своего стакана.

– Я ее телохранитель, – важно сказал я.

Мужик расхохотался так, что чуть не опрокинулся навзничь.

– Guardia del corpo!^[24] – фыркнул он. – И что же ты сделаешь,

маленький, если я захочу похитить твою прекрасную госпожу?

С этими словами Ухажер плюхнулся на диванчик рядом с Кором и опустил руку Кору на колено. А дальше все случилось так быстро, как на ускоренной видеозаписи: Кор ухватил Ухажера за загривок и в следующую секунду впечатал лицом в стол. На пол посыпались стаканы.

Я перевел взгляд с неподвижного тела, лежащего на нашем столе, на Кора и обратно. Судя по тому, что я видел, бедняга только что заработал перелом носа и сотрясение.

– Ты в своем уме? – обалдел я.

– Когда телохранитель ловит ворон, приходится все делать самой! – вскинул брови Кор. – Ты видел?! Он притронулся ко мне, исчадие ада!

«Исчадие ада» тихонько застонало и стало загребать руками, как будто плыло куда-то. Резонно, учитывая, что его лицо лежало в луже разлившегося коктейля.

– Валим отсюда, – сказал Кор, оглядываясь по сторонам. Но сбежать мы не успели. Исчадие Ада внезапно вскочило на ноги и, схватившись за окровавленное лицо, стало вопить громче сирены, поднимая на уши вышибал. На выходе нам преградили дорогу двое амбалов в синих пиджаках.

Кор подскочил и зарядил охраннику кулаком в живот. Я тут же двинул в челюсть второму, и он рухнул на пол как подкошенный. Те явно не ожидали такой прыти от двух подростков. Мы рванули к выходу, задыхаясь от смеха. Я только что вырубил двухметрового громилу, который попробовал встать у меня на пути! Неофрон и бесчисленные тренеры по единоборствам могли бы мной гордиться.

– В машину!

Мы почти добежали до нашей тачки, и – я аж присел от изумления, сердце подпрыгнуло и рухнуло в пятки: на капоте нашей машины сидела огромная хищная птица. В Альпах полно таких, но я ни разу не видел их в городе.

– Dio сапе!^[25] – выдохнул я, качнувшись на ногах.

Кор распахнул дверь машины, не обращая никакого внимания на птицу, и подтолкнул меня внутрь. Я рухнул в салон.

– Ты в норме? Дыши, окей? Не смотри в одну точку. Что-то я подзабыл, что ты у нас почти «созрел», братан.

– В норме, – ответил я.

Маленькая потасовка и крохотный побег? Вряд ли это то, от чего меня может выбросить. Вряд ли адреналина хватит на целый прыжок. Вряд ли...

Кор завел мотор, и птица тотчас испуганно взмыла ввысь, раскинув

крылья. Но как только машина ринулась прочь с парковки, перед нами возникла фигура в синем пиджаке с травматическим пистолетом в руке.

– Тормози! – выкрикнул я.

Тело взлетело над капотом машины.

Темнота.

* * *

Я приоткрыл глаза. Я в клинике отца: одна из тех палат, в которых я уже бывал бесчисленное количество раз. Я лежал на больничной кровати, по горло укрытый голубым одеялом. Моя рука покоилась в руке матери. Рядом с ней сидел отец. Оба невероятно утомленные, чуть ли не постаревшие. По другую сторону от кровати сидел незнакомый мужик с рыжей бородой и играл с перочинным ножиком.

О небо! Почему больница, а не полицейский участок? Почему я в этой дурацкой койке? Треснулся головой о лобовое стекло, когда Кор затормозил?

– Что с тем парнем, которого мы сбили? Он в порядке? – хрипло заговорил я.

И тут все пришло в движение: мама заплакала, отец улыбнулся, но как-то слишком уж натянуто, мужик с бородой отложил ножик и придвинулся поближе. С ума сойти, что происходит?

– Ты что-нибудь помнишь? – робко заговорила мама.

Я всмотрелся в ее лицо. Она как будто постарела на несколько лет. Что я натворил?

– Да. К Кору клеился какой-то мужик, и Кор наподдал ему... Потом нас хотела задержать охрана, и мы... сбили одного из них, когда пытались свалить...

Я попытался привстать на локтях, но не смог толком пошевелиться. Мое тело едва слушалось меня. О нет, меня забросило в тело парализованного?! Я осмотрел свои руки, лежащие поверх одеяла: те были моими собственными, хвала небесам...

– Что случилось? – спросил я хрипло. Кажется, я успел заработать ларингит, пока был в отключке: мой голос звучал странно резко и низко.

Мама, отец и рыжебородый мужик осторожно переглянулись.

– Где Кор?

Молчание. Я нервно сглотнул. Что-то случилось с Кором... Мы куда-то врезались и теперь...

– ГДЕ КОР?!

– Я здесь, братан, – ответил мужик с рыжей бородой.

Теперь мои голосовые связки подвели меня окончательно. Я не мог выговорить ни слова. Я просто переводил взгляд с отца на мать, с матери на рыжебородого и снова на отца. Окей, я сдаюсь. Этот ребус мне не по зубам...

И тут дверь распахнулась и в палату влетела девушка-подросток со светлыми волосами до плеч, в короткой белой курточке и рюкзаком через плечо.

– Приехала, как только узнала! О, Крис!

Она бросилась ко мне и опустилась на колени у кровати: сияющая и плачущая одновременно. Я начал задыхаться и непроизвольно искать руку матери. Перед глазами поплыли звезды. У кровати сидела моя младшая сестра Диомедея: она больше не была ребенком, ей было уже лет тринадцать-четырнадцать.

* * *

Родители рассказали мне все, как только я согласился на укол успокоительного. Кажется, только благодаря успокоительному я не начал рыдать в голос, вопить и выкрикивать ругательства.

Я ушел в «прыжок» в тот момент, когда вышибала взлетел над капотом машины. Кор привез мое тело домой. Звонка от меня ждали месяц, полгода, год... Безрезультатно. Четыре года спустя кто-то в Уайдбеке наткнулся на небольшую заметку в китайской газете о бездомном старике из провинции Цинхай, который успел стать местной знаменитостью. Старика не боялись дикие птицы: сотни маленьких птиц летели к нему, как мошки на свет фонаря. Иногда их было так много, что старика с трудом можно было разглядеть под пернатым покрывалом. А еще к ногам старика слетались горные орлы и грифы – эти просто стерегли старика, как верные собаки, и никого не подпускали к нему.

Сразу же после обнаружения этой заметки Неофрон с агентами Уайдбека вылетел в Цинхай. Найти старика не составило труда. Старик был явно не в себе: он общался только с птицами и не замечал людей.

Отец делает паузу и сухо кашляет в кулак. Рассказ дается ему с трудом.

– Ты попал в тело-ловушку. Провел эти четыре года в теле безумного калеки, сынок. Твое сознание не могло толком функционировать в том теле, но покинуть его тоже не могло. Ты жил в заброшенном доме в окружении

птиц. Неофрон нашел тебя и заговорил с тобой на латыни. Ты не смог ничего ответить, но начал плакать, когда услышал латынь. Потом Неофрон дал тебе телефон, и ты молча нажал все одиннадцать цифр Уайдбека. Больше не требовалось никаких доказательств. Неофрон увез тебя в горы и...

Я прикрываю глаза, в висках пульсирует тупая боль.

– Убил меня...

– Да. Не было смысла пытаться вывезти это тело из Цинхая. Нужно было просто освободить тебя.

Смутные картины мелькают в моей памяти – такие же неясные и ускользающие, как обрывки снов, которые пытаешься вспомнить после пробуждения. Я обнимаю орла, он большой и теплый... Я ем остатки ржаной лепешки, найденной в мусорном баке... Я брожу по горам, по тропинкам, протоптанным овцами... Человек в черном приставляет пистолет к моему виску...

– Прости, что не смогли найти тебя раньше, сынок, – вздыхает отец. – В следующий раз точно повезет больше.

– Сколько лет прошло? – спрашиваю я.

– Почти четыре года. Тебе девятнадцать.

Я откидываю голову на подушку и закрываю глаза. Четыре года. Четыре года в полном беспамятстве, вне пространства и времени. Жаль, что я согласился на успокоительное: если бы я сейчас смог плакать, мне точно стало бы легче...

* * *

Полгода ушло на физическую реабилитацию. Я буквально учился заново ходить и держать ложку. За четыре года в постели мое тело пришло в полную негодность: я вырос, но был худым, как трость, и слабым, как младенец. Однако вопреки всему я чувствовал в себе огромный резерв энергии. Я спешил жить, насладиться этим коротким отрезком времени в родном теле, восстановиться так скоро, как это только возможно. Спешил узнать обо всем, что произошло за эти четыре года, повидаться с друзьями, продолжить образование.

Альцедо исполнилось шестнадцать: мой братишка уже коротал свой первый прыжок в теле чернокожего парня из Руанды. Диомедея училась в школе десульторов. Кор мотал второй срок – на этот раз в теле фермера из Шотландии, но его я почти не видел: Кор свалил в Англию и изучал

экспериментальную психологию в Оксфорде.

Эланойдес приехала навестить меня, облаченная в тело какой-то русской красотицы, погибшей в автокатастрофе.

– Такое милое тельце, мне нравится... Как тебе?

– Прекрасное тельце, – отвечаю я, хотя ее тело интересует меня сейчас меньше всего. Мне просто охота поболтать с ней за тарелкой равиоли и бокалом вина, как в старые добрые времена.

– Хочешь, останусь на ночь? – невинно вопрошает Элли.

– Это ты пытаешься подбодрить меня, что ли? – смеюсь я.

– Типа того. Мне тебя ужасно жаль, маленький больной десульторчик. Который четыре года не видел женщин.

Она явно издевается надо мной и не особо скрывает это.

– Никогда не слышал ничего более возбуждающего, – фыркаю я.

Эланойдес смеется – так же громко и заразительно, как и пять лет назад, когда мы только-только познакомились. И я безмерно рад, что она все еще умеет так смеяться.

* * *

– Ты знаешь, это просто поразительно, насколько органично крылатые мальчики вписались в христианскую религию! Да ведь они – точные копии языческих купидонов, детей Афродиты! А ведь в Библии нет никаких упоминаний о крылатых детях-ангелах. Ну совсем никаких. Вот те раз! Языческое божество сует свою хитрую головку везде и всюду, глядит на нас с полотен Рафаэля и Тициана, а христиане ни сном ни духом...

Мы с сестрой сидим в домашней библиотеке, закинув на стол ноги в теплых носках.

– Тебе очень нравится искусство, да?

– Ага, – кивает Дио, наматывая прядь волос на палец. – И литература!

Боже мой, да она же совсем взрослая... Кажется, шатаясь четыре года по Тибетскому плато, я пропустил все самое интересное.

– Ох, ты должен это увидеть! Верней, послушать. Я рылась в библиотечных архивах и нашла кое-что! Старинные обеты, которые герцоги и герцогини Феррарские читали друг другу в соборе при бракосочетании... Они так не похожи на христианские обеты и, кроме того, написаны на такой зубодробительной древней латыни, что дух захватывает! Когда-нибудь я переведу все это на французский и итальянский! На китайский и русский!

Дио вскакивает и начинает порхать вдоль книжной полки, выискивая нужную книгу.

– Вот она, да, слушай! «Птицеликая, разворачивай крылья, перо к перу, как лепесток к лепестку...»

Дио стоит передо мной и громко читает клятву, которую пятьсот лет назад мой бородатый предок читал своей невесте перед алтарем. Эта тяжелая старая латынь так не вяжется с ее юным звенящим голосом.

– А потом! Представь! Я показала все это маме и... Ни за что не угадаешь! Она сказала, что десульторы до сих пор читают эти обеты в церкви! Я была под таким впечатлением, что сразу выучила женскую часть! Ха-ха! Замужество не застанет меня врасплох!

– Да ну! – изумляюсь я.

– Ну да! – сияет Диомедея. – А тебе придется выучить мужской обет, как только соберешься жениться!

Я смотрю на Дио и не могу сдержать кривую ухмылку.

– Даже теперь, зная, что никогда не сможешь никого полюбить, ты допускаешь вероятность брака с кем-то?

– Конечно, – кивает Дио. – Он, мой будущий муж, все равно будет классным парнем, независимо от того, буду я его любить или нет. И к тому же я когда-нибудь хочу детей!

Я закатываю глаза.

– Детей, которые, вероятно, полжизни проведут в телах умалишенных и калек? А я, пожалуй, пас.

Дио застывает на месте и смотрит на меня, сжав губы. Атмосфера беззаботного веселья, секунду назад царившая в комнате, тут же исчезает.

– Может, ты прав насчет детей и этой мутации нужно позволить просто исчезнуть... – разводит руками Дио. – Но одиночество – это тоже не вариант. В конце концов можно жениться, чтобы просто сделать... счастливым кого-то.

Я чувствую себя злодеем, который только что взял и наступил грязным ботинком на розово-голубую детскую акварель.

– Ладно, герцогиня Феррарская, подайте сюда ваши брачные обеты, так и быть, я выучу мужскую часть... Птицерукая, разворачивай крылья!

– Птицеликая! – покатывается со смеху Дио.

– Вот это не повезло девушке с мордашкой...

Я удержался в родном теле ровно год. Меня снова выбросило в начале 2004-го, когда я вел машину из Лозанны в Лугано. В лобовое стекло врезалась птица. Я резко затормозил, чувствуя как впивается в грудь ремень безопасности. Это ощущение было последним, что я запомнил.

Точкой выхода оказался Токио.

Мужчина тридцати лет бросился вниз головой с Радужного моста. Его душа покинула тело, когда тело ударилось о поверхность воды. Нырять в его теле пришлось уже мне. Меня вытащили спасатели, которые дежурили на воде с момента поступления сообщений о самоубийце, и доставили в госпиталь. Оттуда я сделал контрольный звонок и уже неделю спустя начал восстановительное лечение в Чешском Раю^[26], в одном из реабилитационных центров Уайдбека.

Там-то я и познакомился с Катриной Кубиш. С девушкой, чей ангел-хранитель был величайшим бездельником и пройдохой. Будь он хоть сколько-нибудь компетентней, он бы никогда не позволил ей встретить меня. С каким удовольствием я бы сейчас начистил морду этому крылатому профану. Он должен был убереечь ее, должен был...

4. Катарина

«Параграф 8. Физиология перемещений. Остаточные реакции. Компьютер меняет одну операционную систему на другую, но жесткие диски по-прежнему забиты файлами. К большей части из них слоено теряешь право доступа.

Но время от времени ты обнаруживаешь в своей голове что-то, что никак не может принадлежать тебе. Например, тебе вдруг ужасно хочется поплавать. Потому что, допустим, до того как стать твоим, это тело принадлежало какому-нибудь черному от загара пацану, который половину своей короткой жизни провел на доске для серфинга...»

Я сидел в саду реабилитационной клиники в тени раскидистого дерева и до одури хотел саке^[27]. Я никогда не пробовал его, но, видимо, предыдущий хозяин моего тела был от напитка в восторге. Потом я на секунду увидел низкий столик из темного дерева, уставленный расписной фарфоровой посудой. На тарелках суши роллы, суп, дымящийся рис, запеченная рыба и маринованные овощи...

– Itadakimasu^[28]... – бормочу я.

Все это здорово смахивает на сон наяву. Дальше я на мгновение вижу сидящую напротив девушку-японку в белоснежном кимоно. Ее волосы рассыпаны по плечам, она наливает саке из маленького кувшина в такую же маленькую чашку...

– Эй, зажигалки не будет?

Я открыл глаза и вздрогнул. Передо мной на расстоянии вытянутой руки стояла японка из моего видения: черные волосы, светящаяся кожа, белое кимоно. Я шумно втянул воздух и протер глаза. Когда я снова открыл их, напротив стояла девушка в белой больничной пижаме. Она не была японкой, скорее европейкой, но что-то в ее разрезе глаз и форме губ ясно указывало на Восток.

– Зажигалка? – повторила она.

– Я не курю, – ответил я.

Она молча разглядывала меня секунд этак пять, а потом выдала:

– Хочешь, научу?

Я не смог сдержать улыбку.

– Катрина, – добавила она и протянула мне тонкую, невесомую ладонь с перебинтованным запястьем.

Я порылся в памяти в поисках подходящего имени. Уайдбек еще не

сделал мне поддельных документов, так что можно сказать все что угодно. На мгновение я снова вижу японку в кимоно, подливающую мне саке. «Эйджи...» – обращается она ко мне.

– Эйджи, – говорю я Катрине и протягиваю ей руку.

Она не была десультором. Клиники Уайдбека были открыты и для простых людей, особенно для тех, кто мог позволить себе палату люкс за тысячу евро в сутки. Она была одной из пациенток, но я понятия не имел, кто она и откуда.

– Что лечим, Эйджи? – поинтересовалась она, садясь рядом.

– Шею.

Я здорово треснул об воду, когда упал с моста. Боль в шее с тех пор не давала мне покоя.

– А ты?

Она помедлила с ответом.

– Зависимость.

Я вскинул брови. Зависимость в столь юном возрасте? Ей было лет шестнадцать-семнадцать на вид. Лицо – свежее и юное, без следов какой бы то ни было зависимости.

– Были небольшие проблемы... с алкоголем.

– Придумай что-нибудь поубедительней, – смеюсь я.

Она поворачивает ко мне свое прелестное лицо:

– Зависимость, клянусь. Они тут пичкают меня какими-то колесами, аминокислотами и витаминами и заставляют есть лошадиными порциями... Но видел бы ты меня пару недель назад!

– Ты не похожа на человека с зависимостью.

– Ну спасибо, Эйджи, ты так мил.

– Не за что.

Я мог бы сделать всего один звонок и получить исчерпывающую информацию об истории болезни Катрины. Но я не собирался этого делать. Я считал, что у любого человека есть право на тайну.

Катрина вскакивает на ноги и быстро уходит, минут через пять возвращается с дымящейся сигаретой в руке:

– В гостиной круглосуточно горит огонь в камине, а я совсем забыла, балда! Могла бы уже десять раз подкурить эту чертову сигарету!

Она усаживается рядом на траву.

– Ну что, будем учиться? Затягивайся и держи дым в себе.

Катрина протягивает мне свою сигарету, я беру ее и медленно делаю затяжку.

– Ты соврал мне! – возмущается она. – У тебя слишком хорошо

получается для первого раза. Ну вот, а я так хотела побыть учительницей.

Мое тело реагирует на никотин с тихим восторгом. Эйджи определенно был курильщиком...

– Не расстраивайся, может быть, ты сможешь поучить меня еще чему-нибудь, – говорю я и смотрю на нее в упор. Никотин сладко туманит голову: мне хочется подразнить ее – такую юную и самоуверенную.

Катрина выдерживает мой взгляд. Потом опускает глаза, улыбаясь каким-то своим мыслям. Мы сидим под деревом в саду клиники Уайдбека и курим одну сигарету на двоих.

В тот же вечер, как только сумерки легли на землю, мы целовались с ней в саду, как ненормальные, – у дальней ограды, увитой плющом. Только чудо не позволило мне раздеть ее там же и заниматься с ней любовью, пока не выпадет утренняя роса. Она была такой нежной, такой дерзкой, такой необыкновенной, она определенно заслуживала лучшего обращения, чем секс на больничной лужайке среди компостных куч. Я поймал ее руки, которые успели расстегнуть все пуговицы на моей пижаме, и сказал ей, прямо в ее затуманенные от желания глаза:

– Я хочу, чтобы завтра все было так же просто, как было сегодня.

Она кивнула, хотя вряд ли понимала, о чем я.

– Поэтому мы не будем с тобой спать. В этот раз.

– Эйджи, – выдыхает она в новом рывке и жметя ко мне так смело, что дух захватывает.

– Не сегодня. И не в этом месте. Я не хочу думать, что воспользовался тобой, пока ты пыталась встать на ноги после... чего бы там ни было.

– Я уже встала на ноги, – возражает она. – Как только нашла тебя.

– Ты выйдешь из этой клиники, я выйду из этой клиники, и мы вернемся к тому, на чем закончили. Никаких больничных роб, никаких коек, никаких колес, которые тебе сейчас дают. Согласна? Таблетки, которые ты пьешь, могут воздействовать на ход твоих мыслей. Я хочу убедиться, что сплю с тобой, а не с твоим автопилотом.

Катрина звонко рассмеялась.

– Кто знает, может быть, мой автопилот гораздо лучше меня самой?

– Я выбираю тебя, – сказал я.

* * *

После реабилитации я вернулся в Швейцарию, немного побыл с семьей и вскоре уехал в Англию изучать клиническую медицину в

Оксфорде. Катрина поступила туда же, на факультет английской филологии и лингвистики. Конечно, мы договорились об этом заранее. Учиться в одном университете – почему бы нет?

Ее семья могла позволить себе любой каприз, и, кроме того, родителям Катрины не терпелось отправить ее подальше из Чехии в надежде, что учеба и активная жизнь помогут ей справиться с алкоголем.

Месяц спустя после начала учебы мы сняли пентхаус с видом на реку Шервел и стали жить вместе. Если бы я мог потерять голову, как обычные люди, я бы несомненно потерял ее.

Катрина обладала той нетривиальной гипнотизирующей красотой, какой так часто обладают люди смешанных кровей. Ее мать была вьетнамкой и когда-то прибыла в Прагу из Ханоя по программе культурного обмена. А отец – чешским промышленником, предки которого сколотили состояние на серебряных рудниках в Кутна Гора. От отца-чеха Катрина унаследовала европейский тип внешности и светлую, как фарфор, кожу, а от матери – маленький рост, блестящие черные волосы и восточный разрез глаз. От кого из них она унаследовала сумасшедшее упорство, а от кого – дьявольскую чувственность, – теперь останется загадкой.

Не скажу, что мои родители пришли в восторг, когда узнали, что я встречаюсь с обычной девушкой. Они скорее предпочли бы Эланоидес или кого-нибудь еще из десульторов.

– Лучше иметь рядом с собой человека, который... будет в теме, – настаивала мама в очередном телефонном разговоре. – Сейчас это, может быть, не очевидно, но со временем ты поймешь. Особенно когда дело дойдет до семейной жизни и детей.

На таких моментах я едва не фыркал.

– С чего вы решили, что дело дойдет до брака?

– А, ну если у вас все не очень серьезно, то ладно.

– У нас серьезно, – возражал я.

– О боже, Крис, не морочь мне голову! Серьезно, но без мыслей о браке? Так не бывает.

– Аджайя! – возмущается где-то на заднем фоне отец. – Парню всего двадцать лет, оставь его в покое, пусть траха... живет с кем хочет, пока с телом везет. Сынок, как там твоя шея?

Я прижимаю трубку плотнее к уху, чтобы грубоватые отцовские реплики не долетели до ушей Катрины, которая в этот момент лежит рядом в чем мать родила и дописывает очередной реферат.

* * *

Кор тоже узнал о Катрине. Трудно держать что-либо в секрете, когда брат ошибается в том же университете. Как-то мы поужинали вчетвером: я, Катрина, Кор и его подруга, чье имя я так и не запомнил. Кор весь вечер не сводил с Катрины глаз, разглядывая ее с каким-то едва ли не научным интересом, а когда девчонки вместе ушли в уборную, сказал мне:

– Обалдеть. Как тебе удалось довести ее до такой стадии?

– Что? – переспросил я.

– У нее Инсанья к тебе. И в очень запущенной стадии. Только не говори, что ты не заметил.

Я сделал большой глоток виски.

– У нас прекрасные отношения, но не думаю, что она **влюблена**.

Кор расхохотался так, что едва не свалился со стула.

– Ты слепой, вот что. Хочешь сказать, что она не смотрит на тебя вот так? – Кор придвигает свое лицо поближе и таращится на меня, не мигая, как кобра. – Или хочешь сказать, что она не трахается с тобой так отчаянно, как будто она под дозой экстази? Не ведет себя странно, не ходит за тобой по пятам, не ютится у тебя на руках, как ребенок, все свободное время?

Мне нечего сказать, я сижу, потрясенный этим новым предположением.

– Понаблюдай за ней, это безумно интересно, fга, – подмигивает Кор. – Инсанья у тебя прямо под носом, так близко, что можно разрезать на предметном стекле на тонкие слои и рассмотреть в микроскоп. Оно стоит того.

Кор улыбается в рыжую бороду. Могу поспорить, точно такая же улыбка была на устах Змея-искусителя в тот момент, когда он предложил Еве яблоко.

* * *

Я был сам не свой остаток вечера. Мы с Катриной вернулись домой, уставшие и немного пьяные. Я пошел за ней в душевую и наблюдал, как она моет шампунем свои восхитительные волосы. Пена текла по ее обнаженной груди.

– Ты влюблена в меня? – спросил я.

– Подожди, ничего не слышу, – она еще минутку поторчала под

горячими струями, потом выключила воду и завернулась в полотенце.

– Ты влюблена в меня?

Катрина застыла на месте, обдумывая вопрос.

«Не знаю, а что?» или «ну и вопросы на ночь глядя...» – я ожидал чего-то эдакого. Вместо этого она молча вытерла волосы, повесила полотенце на крючок, прижалась ко мне как-то особенно беззащитно и ответила:

– По уши.

* * *

В ту ночь мы не спали. Я признался ей, что никогда никого не любил и не уверен, что смогу. Катрина приняла эту откровенность спокойно, без истерик. Даже с каким-то энтузиазмом.

– Ничего страшного. Моей любви хватит на нас обоих.

Я еще никогда не обладал телом более щедрым, ласковым и неутомимым. И у меня были основания думать, что она чувствует *нечто* гораздо большее, чем просто возбуждение, чем просто удовольствие, чем просто гормональный шторм, – нечто *гораздо* большее, чем испытывают десульторы, предаваясь сексуальным утехам. Мне не терпелось понять, что именно.

– Когда ты спишь с человеком, которого любишь, – то это не просто секс, это... – она делает паузу, выискивая подходящие для метафоры слова. – Это как пропускать через себя космос. Ага, этот самый космос. Все эти охренеллионы тонн материи, антиматерии, фотоны, гравитоны, волны, дыры, тыры-пыры... Так вот, когда я занимаюсь с тобой любовью, то чувствую, что я – то самое узкое место в огромных-огромных песочных часах. Только в этих часах не песок. А космос. Ты меня понимаешь?

Я не понимал.

– А если бы ты меня не любила?

– Тогда бы мы просто трахались, – пожимает плечами Катрина. – Как звери. Это не то.

Все это не укладывается в моей голове, мой внутренний ученый-испытатель рвет на себе волосы при одной мысли о том, что его подопытный ощущает и понимает нечто, что не в состоянии постичь он сам.

– В самом деле такая ощутимая разница?

– Колоссальная, – говорит она, забираясь на меня верхом.

Той ночью я сгрыз яблоко, врученное мне Змеем, до самой сердцевины. Его горькая мякоть до сих пор саднит у меня в горле.

Катрина внезапно перестала быть девушкой, с которой мне просто нравилось проводить все свое время. Отныне я невольно видел в ней объект эксперимента – и эксперимента гораздо более интересного, чем она сама.

Мне захотелось увидеть воочию, как Инсанья заставляет человека вести себя неадекватно, как она охватывает невероятно широкий спектр человеческих эмоций и активирует в мозгу невероятно большое количество зон, но при этом остается неуловимой для биохимических и любых других тестов. С хладнокровностью ученого, проводящего опыты на животных, я решил понаблюдать, как мои слова и поступки могут действовать на Катрину, как одно мое присутствие может доводить частоту ее сердцебиения до ста шестидесяти ударов в минуту, как меняется ее настроение в зависимости от того, глажу ли я ее по шерстке или забываю о ней.

Однажды я исчез, ни о чем не предупредив ее. Это тоже было частью эксперимента. Потом, неделю спустя, снова объявился, обнаружив при этом, что проявления ее «болезни» стали интенсивней в несколько раз. Катрина расплакалась, когда услышала мой голос в трубке.

Я начал изучать любовь в исполнении Катрины все свободное от учебы время. Исчезал, как только утомлялся от ее непостижимого обожания. Потом возвращался, чтобы снова иметь удовольствие лицезреть ее нелогичное поведение, ее странные нерациональные поступки, продиктованные этой самой любовью ко мне. Катрина могла пропустить неделю учебы в университете, если меня сваливал с ног банальный грипп. Она с легкостью могла отказаться от конференции, которую ждала полгода, если вдруг обнаруживала, что не вынесет пяти дней разлуки со мной. Она даже согласилась прыгнуть с парашютом только потому, что я просил ее об этом, хотя она очень страдала от боязни высоты. Ее мозг словно переставал мыслить логично, когда речь заходила о моих потребностях или желаниях.

В 2007-м, три года спустя, мой прыжок начал подходить к концу. Я чувствовал, как начинают рваться нити, удерживающие меня в теле японца Эйджи. Меня стали мучать лихорадка и страшная слабость. Катрина не могла не заметить, что со мной что-то не так. Она умоляла меня обратиться к врачу, наблюдая мои частые обмороки, ненормальную бледность и вялость. Но я только отшучивался в ответ. Потом до меня дошло, что однажды ночью меня может просто выкинуть из этого тела, и тогда Катрина проснется утром с трупом в кровати. Толкнуть ее на это я не смог

бы даже под дулом пистолета.

Большинство десульторов не выносит «заключительную фазу». Ждать, пока душа, выпадет из тела сама, как больной зуб, – мучительная, бессмысленная жертва. Гораздо проще выдернуть «зуб» одним верным, резким движением. Я не стал исключением. В Уайдбеке мне предложили несколько вариантов завершения «прыжка», ясно объяснив, что от тела лучше всего избавляться где угодно, но не в клинике Уайдбека – это сулило бы проблемы с легализацией смерти: внезапно «умерший» пациент мог поставить под удар благополучие нашей клиники.

Ко всему прочему, мое временное тело было прочно связано с Уайдбеком: банковские счета, страховые полисы, документы на имущество, и Уайдбеку было куда проще не устраивать предумышленное «убийство» в стенах клиники, а, например, организовать «несчастный случай» во время прыжков с парашютом.

Я выбрал прыжок.

Что касается Катрины – ее обожаемый Эйджи так и не простился с ней. Я не дал ей никаких объяснений перед тем, как исчез из ее жизни навсегда, никак не подготовил ее к этому, – вот что мучает меня по сей день и будет мучить до самой смерти.

* * *

В родном теле я пробыл всего месяц с небольшим, заново вкусил прелести атрофии мышц... Потом душа торопливо ушла в мой третий прыжок.

Мужика звали Нейтан Скотт. Ровно до того момента, пока обширная кровопотеря после пулевого ранения не вытряхнула из него душу, как кекс из жестяной формы. Здоровенное сорокалетнее тело оживили, залив в него восемь пинт донорской крови и подогрев его разрядом дефибриллятора в семь тысяч вольт. Здравствуй, «дом». Теплый дом на ближайшие два-три года. Если не подведет какой-нибудь из жизненно важных органов.

Неделю спустя я смог сделать контрольный звонок, и Неофрон приехал забрать меня домой.

Альцедо, коротавший свой второй прыжок в теле безногого старика из Афганистана, заехал ко мне в палату, швырнул мне свежую газету, и я пробежал глазами заголовок: «Капитан полиции Нейтан Скотт исчез при загадочных обстоятельствах из клиники в Сиэтле, в которой находился после тяжелого ранения...»

– Выглядите на редкость хреново, капитан, – ухмыляется Альцедо в седую бороду.

– Ты тоже, старина, не обольщайся, – шевелю губами я.

* * *

Хвала небесам, тело Скотта восстанавливалось легко и быстро. Я планировал вернуться к учебе как можно скорее. Сразу же как только будут готовы поддельные документы и снята новая квартира в Оксфорде. Первым делом мне принесли ноутбук с моими учебными пособиями. Заодно я залез в почту.

Я залез в свою почту и обомлел.

Она была забита письмами от Катрины. Их было штук сто, если не больше. И каждое последующее страшнее предыдущего. Столько боли, тоски и отчаяния я не видел никогда прежде. Последнее было написано несколько недель назад и заканчивалось словами: *«Я еду в Рим. Говорят, этот город ближе всего к Богу. Я обойду все соборы и помолюсь в каждом из них о твоём возвращении. Я погибаю без тебя...»*

Этот кошмар нужно было остановить. Его нужно было остановить сию секунду. Я позвонил Никтее и потребовал билет на самолет в Англию.

– О господи, какое рвение к учебе, я прямо прослезилась, – ответила она. – Только вот твои документы еще не готовы.

– Сколько ждать?!

– Неделью примерно.

– Я не могу ждать неделю!

– Ну что поделать, у меня нет волшебной палочки, капитан.

Я ответил Катрине, я написал ей, что со мной все хорошо. Теперь уже я написал ей сотню писем, но она не ответила ни на одно из них. На телефонные звонки она тоже не отвечала. Как только мне вручили новый паспорт с новым именем я тут же, как безумный, рванул в Англию. Я не представлял, что скажу ей, как только притащусь к ней в теле незнакомое сорокалетнего мужика. Жестоко. Но оставлять ее в том состоянии, в котором она находилась после моего исчезновения, было еще большей жестокостью. Я хотел быть с ней рядом. Более того, я решил, что хочу быть с ней рядом ВСЕГДА.

«В конце концов, можно жениться, чтобы просто сделать счастливым кого-то».

В Лондоне я зашел в лавку «Тиффани» и купил кольцо с самым

большим бриллиантом, который у них нашелся. Катрина Кубиш будет моей женой, и ни один подонок больше никогда не причинит ей боль. Ни один подонок, включая меня.

* * *

Я не смог попасть в нашу с ней квартиру, ключи не подошли. Я не нашел ее в университете и ни в одном из десятка мест, в которых мы любили бывать. В конце концов я обратился в чешскую клинику Уайдбека, поднял на уши всю регистратуру и потребовал выдать мне телефонные номера родителей Катрины.

– Добрый вечер, я бы хотел поговорить с Катриной. Мы с ней были немного знакомы...

Тишина в ответ.

– А кто ее спрашивает? – наконец говорит ее отец.

– Однокурсник. Мы вместе учимся в Оксфорде.

– Тогда странно, что вы не в курсе.

Снова тишина.

– Да, я не в курсе. Она все еще в Англии или куда-нибудь...

– Она умерла.

Я осел на пол, ноги подкосились, не выдержав вес моего тела.

* * *

Катрина выбросилась из окна своего номера в отеле «Редиссон» в Риме, куда отправилась на каникулы. Свидетелями стали несколько десятков человек, в основном туристы. В крови не было найдено ни алкоголя, ни каких-либо других химических агентов, которые могли бы спровоцировать самоубийство. Предсмертных записей не было.

– Записей-то не было, но я точно могу сказать, что Катрина не вынесла смерти своего парня. Его тело нашли в Альпах, – говорит мне одна из ее подруг, которую мне удалось подкараулить у дверей аудитории факультета лингвистики. Я представился ей старым другом Катрины, и Дженни охотно выложила мне все, что знала.

– Бред, она никак не могла знать, что я умер! Что он умер, – взрываюсь я. – Она никак не могла узнать!

– Говорю то, что слышала своими ушами, – обижается девушка, – я

разговаривала с ней накануне произошедшего. Катрина узнала, что он погиб, когда была в Риме. Жаль, что я тогда не поехала с ней...

– Она не была похожа на человека, который может сделать это с собой, – едва дышу я.

– Могла. Теперь я знаю, что могла. Вы в курсе, что Катрина уже едва не покончила с собой несколько лет назад? Перерезала себе вены из-за другого парня, несколько месяцев проходила психотерапию в Чехии...

Я каменею.

– Я в курсе. Но разве она не была там из-за алкогольной зависимости?

– Что? – щурится Дженни. – Вы Катрину вообще хорошо помните? У нее никогда не было проблем с алкоголем.

О небо... Я мог выяснить все это раньше, но предпочитал не лезть в ее личное пространство. Я был уверен, что есть вещи, которые мне можно не знать, что есть скелеты, которые не обязательно вытаскивать из ее шкафа из праздного любопытства... Я ошибся.

* * *

Последующие несколько недель просто выпали из моей памяти. Я напивался, приходил в себя и тут же напивался снова. Однажды я открыл глаза и обнаружил себя в кровати в чистой пижаме, квартира сияла, пол больше не был завален бутылками, на кухне стояла мама и колдовала над кастрюлей.

– Хочешь немного бульона, милый? – спросила она, как только заметила, что я очнулся.

– Что ты здесь делаешь?

– Прилетела сразу же, как только заметила, что твой компьютер накрылся. И телефон тоже. Никтея дала адрес.

– Не нужно было...

– Еще как нужно было, – слышу я голос отца. Поворачиваю голову – он сидит в кресле у окна и жонглирует миниатюрной коробкой бирюзового цвета – той самой, в которой лежит обручальное кольцо.

– Анджело, помоги ему сесть, я накормлю его.

– Я не хочу есть.

– А придется! – не терпит возражений мать. – Вот почему тебе стоило выбрать девушку-десультора! С отношениями на одну ночь делай что угодно, но если уж дело доходит до обручальных колец, то, бога ради, пусть она будет десультором. Любовь калечит и убивает!

Отец сажает меня на кровати и начинает вливать в меня бульон, как в какого-нибудь пятилетнего пацана. Он очень сердит.

– Самое время угробить новое тело! Хочешь провести еще три года где-нибудь на краю Земли в теле сумасшедшего? Суп, ацетаминифен и больше никакого алкоголя, Крис.

Я глотаю таблетку и первую ложку бульона, вкуса которого не чувствую вообще. Отец качает головой:

– Теперь ты понимаешь, почему люди относятся к любви с таким благоговением? Почему она проходит красной нитью через все пласты человеческого искусства? Все эти книги о любви, фильмы о любви и музыка туда же... Или почему человек может дышать грязным воздухом, способен методично уничтожать себя наркотиками, но существование без любви кажется ему совершенно невыносимым? Да по той же самой причине, по которой туземцы, населяющие побережья, поклоняются океану: они беззащитны перед лицом стихии! Они не знают, когда нагрянет шторм и камня на камне не оставит. Трясутся, страдают, но жить без своей стихии не могут, черпают в ней вдохновение, утоляют ею свой эмоциональный голод, и даже когда волны перекрывают им кислород – наслаждаются агонией, почитая ее за высшую награду. Безумцы! Но нам повезло намного больше, Кристиан. Мы *не такие*. Помолись как-нибудь и скажи Богу и ангелам спасибо, что ты не такой.

Я откидываюсь на подушку и закрываю глаза.

Да, у меня есть дельце к Богу и его придворным. Ладно я, бессовестный ублюдок, который без возражений займет свое место в аду, но где были все вы, парни, когда самая чудесная девушка в мире поставила ногу на подоконник?

5. KDP

С Оксфордом было покончено. Я больше не мог находиться ни в университете, ни в самом городе. Для меня нашлось место в университете Лозанны, и я вернулся в Швейцарию. Там же, на факультете искусств, училась Диомедея, которой ни много ни мало стукнуло уже восемнадцать.

Проклятие не спешило вытряхивать из Дио душу: она все еще находилась в своем собственном теле, словно в насмешку – то ли над генетикой, то ли над злыми чарами.

В день моего приезда мы отправились гулять по набережной Уши. Воздух был наполнен влагой, солнцем и пением птиц. Эту идиллическую картинку дополнял голос моей сестры, выкладывающей мне последние новости...

– Мама с ума сошла. Кажется, она надеется, что я выскочу замуж как можно раньше и начну рожать детей одного за другим. В последний раз, когда я была дома, все уши прожужжала мне о том, что пока рожает и кормишь – не выбрасывает...

– А ты сама чего хочешь?

– Ты знаешь меня, – говорит она. – Я хочу семью, но все-таки не раньше, чем узнаю, каково это – быть десультором. Если все окажется... хуже, чем я себе представляю, то... не будет никаких детей.

Дио идет рядом, то и дело заглядывая мне в лицо. Видимо, она ждет от меня слов поддержки: мол, быть десультором – это весело, тебе понравится.

– Кажется, ты встречался с кем-то в Англии, где она теперь? – вдруг спрашивает Дио.

– Мы расстались.

– Что-то ты не шибко весел. Только не говори, что она посмела бросить моего чудесного брата!

Я больше не в состоянии говорить на эту тему. Я выжимаю из себя подобие улыбки и указываю Диомедею на Женевское озеро:

– Давай как-нибудь пройдемся по заливу на яхте?

– Как лихо ты меняешь тему! – восклицает Дио. – Она таки посмела! Но ничего. Кто-нибудь из моих подруг обязательно захочет утешить тебя! Ты видел свое новое тело в зеркало? Это нечто, такое... зрелое.

Я вскидываю брови.

– С каких это пор тебе нравятся сорокалетние мужики, деточка?

Дио весело смеется – музыка смеха человека, на совести которого нет ни одного черного пятна.

* * *

Мозг Нейтана Скотта с завидной регулярностью напоминал мне о запахе пороха и толчке отдачи в тот момент, когда пистолет в твоей руке стреляет. Еще часто в памяти проскальзывало лицо какой-то женщины с рыжими волосами – то ли жена Скотта, то ли просто какая-то знакомая. Вкус пончиков с апельсиновым джемом – этот тоже был странно навязчив. И затылок черноволосой женщины, на который бравый капитан опускает дрожащие пальцы. Любовница? Это последнее видение вообще приводило меня в какое-то странное оцепенение. Я пытался «вспомнить» что-нибудь еще, но это было все равно что царапать ногтем по металлической пластине. Память Скотта не принадлежала мне – по воле случая мы просто делили с ней одно пространство.

Впрочем, очень скоро я усомнился в том, что только случайности руководят нашими «прыжками»...

Ближе к Рождеству я бросил все дела и сел на самолет до Праги. Дженни, одна из подруг Катрины, рассказала мне, что та похоронена на Ольшанском кладбище. Туда я и отправился сразу по приезде. Могила Катрины была устлана свежими белыми розами и уставлена свечами. Огонек одной из свечей все еще дрожал на ветру – видимо, кто-то из близких приходил сюда совсем недавно. Среди роз лежало множество вещей, которые, должно быть, когда-то были дороги Катрине: пара книг, музыкальный диск в пластиковой коробке, детские рисунки и море игрушек...

Я просидел у могилы, пока совсем не стемнело. Черные дрозды слетелись к моим ногам, бегали среди роз и свечей, перебирая желтыми лапками. Катрина всегда хотела знать, почему птицы не боятся меня. Жаль, что теперь, как только я был готов рассказать ей обо всем, она больше не могла меня слушать...

Ближе к ночи начался пробирающий до костей декабрьский дождь с мокрым снегом, крупные хлопья запорошили могилу и увядшие на холоде цветы. Я забрал компакт-диск и книгу – вряд ли Катрина хотела бы, чтобы они мокли под дождем, – и вернулся в гостиницу.

Сборник сказок про «Нарнию» на чешском языке и старый диск группы Lamb – вот и все, что мне от нее осталось. Я вошел в номер и

рухнул в кровать с дичайшей головной болью. Мое новое тело начало выкидывать фокусы: ему приспичило выпить.

* * *

Виски обжигает горло. Капитан снова выталкивает на поверхность лицо рыжеволосой женщины: миловидная, с большими синими глазами, лет сорока. Сразу вслед за ней – темный затылок другой женщины... Невыносимо. Хватаю телефон, звоню в отдел расследований Уайдбека.

– Сальваторе, а что за дамы были у Скотта до того, как он откинулся? Единственное, что мне достоверно известно, – у одной рыжие волосы, у другой черные. Рыжеволосая, говоришь, жена? А черноволосая? А можешь узнать наверняка? Бравый капитан Скотт им обеим что-то должен, из-за чего все не может успокоиться. Уже заставил меня выпить треть бутылки..

Сальваторе бросил мне в почту досье, я несколько раз перечитал его, но не нашел ничего, что остановило бы навязчивое мелькание ее лица в дебрях памяти.

«Мария-Хелен Скотт, ирландка по происхождению, пятнадцать лет в браке с капитаном Скоттом, историк по образованию, искусствовед, пережила инсульт, увлечения: лепка посуды, итальянская кухня, путешествия...»

Я собрался отправить отчет в корзину, но некоторые слова из отчета заставили меня медленно опуститься в кресло.

«Искусствовед».

«Инсульт».

«Итальянская кухня».

«Путеше...»

Вот оно. Что-то медленно выползает на поверхность, ломая металлическую пластину, разделяющую память Скотта и мою... Оказывается, чета Скоттов буквально за неделю до фатального ранения Нейтана успела прокатиться по Европе. Копаюсь в памяти. Париж, Барселона, Рим... Мария-Хелен любит итальянскую кухню и итальянское искусство. Ей не терпится посмотреть на собор Святого Петра...

Снова черноволосая... Лежит на животе, и я склоняюсь над ней, протягивая к ее шее вспотевшие ладони...

Padre nostro...

Мои пальцы впиваются в обивку кресла. Если я буду продолжать нажим, то они просто сломаются в суставах. Такого совпадения просто не

может быть.

Мария-Хелен показывает пальцем вверх, капитан Скотт поднимает глаза и видит... человеческую фигуру на подоконнике многоэтажного здания. То ли офисный центр, то ли гостиница. И в этот момент фигура делает шаг.

* * *

Случайности? Нет никаких случайностей. Меня настигло ослепительное, как вспышка прожектора, знание, что однажды все камни будут собраны, все счета оплачены, любая добродетель вознаграждена и любое преступление – отомщено. Потому что случилось немыслимое: в третьем прыжке моя душа выбрала тело того человека, который однажды стал свидетелем смерти Катрины. Если и существовал в мире бумеранг Вселенского Возмездия, то более подходящую мишень, чем я, сложно было вообразить.

Мозг Нейтана Скотта бережно откопал все подробности и передал мне: «Возьми, приятель. Кажется, это имеет к тебе какое-то отношение. И перед просмотром лучше сядь».

Катрина упала с высоты девятого этажа прямо на проезжую часть. Зеваки еще не успели испустить вопль ужаса, а Скотт уже проделал половину пути до распластанного на дороге тела. Та самая молниеносная реакция, выработанная за годы работы копом. Он знал, что вероятность того, что человек выжил, смехотворна, но если, Иисусе, выжил, то под колесами проезжающих автомобилей ему точно делать нечего. Единственное, чего боялся Скотт, – что жене станет плохо. Мария-Хелен недавно перенесла инсульт. *«Эта нелепая невыносимая жизнь. После того как смерть заглянет тебе в лицо, начинаешь наконец делать то, что всегда отодвигал на потом: привозишь жену в эту чертову Европу, поглазеть на все эти фрески, полотна и дома с уродливыми вычурными крышами, а тут бах... снова смерть. Прямо посреди улицы, над отполированной брусчаткой которой вы пять минут назад умилялись, как дети. Можно было бы просто взять жену под руку и увести отсюда, но не оставить же... “Мэри, детка, ты только не подходи сюда, просто стой там, где стоишь!”*

Господи милосердный. Девчонка. Мелкая совсем. И что же за дерьмо такое приключилось в ее жизни, что превращение в отбивную показалось самым оптимальным вариантом? Сломанные руки и ноги, раздробленные

таз и грудная клетка, голова в липкой багровой луже.

Лица не видно (и слава богу), только волна черных блестящих волос и окровавленная мочка уха. Вдавливаю пальцы в ямку на шее. Пульсации нет. Да и разве может быть. Восьмой или какой там этаж... Все.

Подбегают люди, что-то молотят по-итальянски, ни хрена не понимаю. “Чего? Да-да... Умерла. Мorte. Вызывайте девять-один-один или кто тут у вас трупы убирает... Мэри, я здесь”!»

Припоминаю, что после случившегося чета Скоттов изменила планы и провела вечер в ближайшей траттории, где капитан снимал стресс шотландским виски и незаметно подливал вино жене.

Я сидел в кресле за столом, не в силах перестать вытаскивать из памяти Скотта все эти леденящие душу детали. Я узнал одежду, которая была на Катрине, тонкий золотой браслет, мой подарок, на правом запястье, татуировка на бугорке последнего шейного позвонка. Тонкие руки, узкие бедра, волосы, запах которых я помню до сих пор. И вот теперь... Это восхитительное тело сломали, как картонный пазл, перемешали и рассыпали по брусчатке...

Сломал, перемешал, рассыпал. Я.

В Швейцарию я вернулся, постарев на сто лет.

* * *

– Милый, все в порядке? Ты выглядишь неважно. Тебе надо лучше есть. Тело еще не вполне восстановилось после кровопотери. Как учеба? Мне звонили из университета, интересовались, где ты. Ты пропустил неделю учебы? Где был? – мама наряжает гостиную к празднику и параллельно ведет ненавязчивый допрос. Всюду коробки с елочными украшениями и рулоны упаковочной бумаги.

– В Праге.

Ее рука с елочной игрушкой замирает в воздухе. Она прекрасно знает, откуда та девушка, которой предназначалось кольцо от «Тиффани». И конечно же, сообразила, что я ездил в Чехию не пиво дегустировать.

Мама спускается с лесенки, приставленной к огромной елке, которую непонятно как втащили в эту гостиную, – и кладет руки мне на плечи:

– Мы уже говорили об этом много раз, и я знаю, что о мертвых либо хорошо, либо никак, но в том, что случилось, виноват не только ты. Она тоже. И все мы, если уж начистоту... Мы должны были предупредить тебя заранее, чем может закончиться любовная горячка. Подай мне вон ту

коробку, дорогой...

Я передаю ей коробку с огромными стеклянными шарами.

– Есть еще что-то, что тебя беспокоит?

– Остаточные реакции. Я постоянно вижу мертвое тело, которое... однажды видел Скотт, – запинаясь произношу я.

– Ох, да, – кивает мама. – Он же был полицейским и все такое... Мне жаль, сынок. К сожалению, нет никого способа избавиться от остаточных реакций.

– Кого тут беспокоят остаточные реакции? – В гостиную въезжает бородатый дед на инвалидном кресле. Я все не могу привыкнуть к новой оболочке Альцедо: безногий старик шестидесяти лет, тело которого Неофрон притащил аж из Афганистана.

– Знаете, над чем сейчас колдуют в Департаменте разработок Уайдбека? Над препаратом, который сможет гасить остаточные реакции! Уколотся – и прощай, призраки прошлого! – сияет мой младший брат.

Он третий год изучает химию в университете Женевы, а оставшееся время околачивается в исследовательских лабораториях Уайдбека. Фармацевтика – его любимая тема для разговоров.

– Да вы там просто маленькие Гарри Поттеры, я смотрю... Я первый в очередь на пробную партию.

– Не вопрос, – кивает Альцедо, срывая с елки имбирную печеньку, – правда, еще годика три подождать придется.

– Альцедо! Не ешь мое печенье! – ворчит мама.

– А то что, надаешь по рукам бедному инвалиду? – хихикает Альцедо.

– Еще как надаю.

Я обожаю эти милые семейные перепалки. Особенно накануне Рождества. Особенно когда ты почти разучился веселиться.

* * *

К вечеру почти вся семья была в сборе: наконец разделался с делами и приехал отец. Явился Кор, разряженный в белоснежную рубашку и галстук. Диомедея опаздывала, но клялась по телефону, что точно явится домой до полуночи.

В очередном прыжке Кору досталось тело престарелого боксера.

– Сидит, как влитой, – ржет Кор, крутясь перед нами, как школьница перед зеркалом. – Даже не знаю, хватит ли у меня когда-нибудь силенок расстаться с ним.

Гормонотерапия и восстановительное лечение способны привести в порядок практически любую оболочку. После нескольких месяцев, проведенных в реабилитационном центре, Кор выглядит от силы лет на тридцать пять, хотя телу около пятидесяти. Его лицо тоже больше не принадлежит боксеру: на нем ни единого шрама. С тела удалили все отметины, которые могли бы повесить на нового хозяина проблемы прежнего владельца: шрамы, родинки, татуировки. Необычно и даже немного пугающе – видеть лицо без единого изъяна. Впрочем я уже привык, потому что в зеркале вижу такое же.

– Отличное тело, милый, – кивает мама. – Ну хоть кто-то в этой семье нормальное ест. Садитесь за стол.

– Как твоя новая оболочка, Крис? – подхватывает тему Кор. – По расплющенной узкоглазенькой не сильно скучаешь?

За столом воцаряется глубокая тишина. Родители переглядываются. Я откладываю вилку.

– Что ты сказал? – багровею я.

– А что я сказал? – щурится Кор. – Вообще-то я имел в виду твою предыдущую японскую задницу, которую размазало по склону горы. А ты что подумал?

– Парни, давайте сменим тему, – командует отец. – Где Пенгфей? Почему этот трудяга еще не за столом? Святые угодники, какой гусь, я срочно должен узнать, как он его приготовил...

– О да, гусь! – закатывает глаза мама. – Пенгфей пек его добрых четыре часа, и я чуть не умерла от этого аромата.

Они пытаются разрядить обстановку веселой болтовней, но я почти ничего не слышу. Я не свожу взгляда с Кора: я точно знаю, что он имел в виду. История с Катриной наверняка долетела и до его ушей.

– Мне нужно поговорить с тобой, – говорю я брату.

– После гуся! – грохочет басом отец.

– Мы закончим быстрее, чем вы разделаете его на куски, – успокаиваю их я, и мы с Кором выходим в холодный, заснеженный сад.

– Не кипятись, fга, сказал что сказал, – пожимает плечами Кор. – Конечно, я слышал про эту твою лабораторную мышку с Инсаньей на всю голову. В том, что она решила погулять по подоконнику, нет никакой твоей вины.

– Ее звали Кат-ри-на, – отвечаю я. – И знаешь что? Засунь себе в задницу свои формулировки.

– Еще чуть-чуть, и твоя реакция начнет занимать меня куда больше, чем психические отклонения влюбленных самок, – заявляет Кор.

Мне хватает секунды, чтобы впечатать его затылком в стену. Кор хватается меня за руку и выворачивает запястье:

– Эй-эй, полегче, братан. Не хочу запачкать кровью свою новую рубашку. Твоей кровью.

Я чувствую, что придется накладывать фиксирующую повязку на запястье. Я зол, как дьявол, но пытаюсь держать себя в руках. Хотя бы ради матери, которая последние три дня провела, стоя на лестнице и украшая дом.

– Фильтруй базар, Кор, и оставь мою девушку в покое.

– У тебя нет девушки, бро, – ухмыляется Кор.

Я мысленно посылаю его к чертям, сжимаю кулаки в карманах и направляюсь к дому, оставив брата позади.

– И все-таки! – говорит мне в спину Кор. – Какая жалость, что из-за выходки твоей бывшей ты теперь начисто лишен энтузиазма исследовать Инсанью. Я не знаю явления более загадочного. То, что любовь может выключать чувство голода и нарушать сон, – кого этим удивишь? То, что она может гасить инстинкт самосохранения, – это уже поинтересней, но, к сожалению, ты это уже доказал.

Я сжимаю зубы.

– Но я нашел кое-что еще, – подходит ко мне Кор. – Я наткнулся на свидетельства того, что любовь вызывает еще множество забавных отклонений, целое непаханое поле для экспериментов. Я покопался в прошлом этого боксеришки. И нашел любопытную деталь. Он поколачивал свою жену. Но она, эта Линда, не уходила от него. Нет, она могла уйти в любой момент, никто не держал ее прикованной к батарее. В средствах и поклонниках тоже не нуждалась: была востребованной фотомodelью. Шантажа тоже не было, я проверил. Но она не уходила! Это так заинтриговало меня, не описать словами. Ну представь, он бил ее! Он выбивал ей зубы, насиловал, оскорблял. Мои остаточные реакции не дадут соврать. Любой нормальный человек всадил бы ему нож в глазницу после первого же покушения! А эта чокнутая продолжала делить с ним одну крышу! Мистика?! Я вышел из реабилитации, отыскал ее (в психушке, между прочим) и задал вопрос, почему. Почему она, Линда, делала это? Почему она все это от якобы-меня терпела? И знаешь, что она сказала? Ты не поверишь. Она сказала мне: «Потому что *любила* тебя».

Кор откидывает голову и гогочет так, что с веток начинают опадать хлопья снега.

– Вот она, любовь в действии! Ты только представь! Заставить разумное существо воспринимать насилие и жестокость как должное, как

нечто допустимое! Это почище самоубийства от любовной депрессии. Но это не все. Оказывается, – заговорщицки подмигивает Кор, – Инсанья может выключать у своих жертв материнский инстинкт. Шесть абортот! Шесть абортот от мужа-психопата – и хоть бы хны!

Кор говорит, говорит, но в его голосе нет ни возмущения, ни сочувствия. Наоборот – он смеется. Он доволен. Его глаза блестят так, будто он только что увидел, как пушистые подопытные кролики начали пожирать друг друга и будто это самое смешное из всего, что он когда-либо видел.

– Или представь! Не поверишь, но Инсанья может заставить тебя убить другого человека! И знаешь за что? За то, что он имел несчастье стать объектом любви твоего объекта любви. Это называется «ревность». Допустим, у тебя Инсанья к девушке Икс. А этой Икс и дела до тебя нет: она без ума от парня Игрек! Инсанья может заставить тебя продырявить голову парню Игрек! Такому же человеку из плоти и крови, как и ты. Человеку, о котором ты ничего не знаешь! Который просто... кхм... мимо проходил. Но ты уже готов его убить!

Все это действительно похоже на перечисление примеров тяжелых психоэмоциональных расстройств. Мне нечего возразить Кору. Единственное, чего я хочу, – чтобы он просто оставил меня и память Катрины в покое.

– Любовь – самое интересное психическое расстройство из всех возможных! Мне не терпится перепроверить все это на практике.

Моя рука готовая схватиться за дверную ручку, застывает в воздухе. Я поворачиваюсь к Кору.

– Что?

– Перепроверить на практике. У меня даже уже есть подходящая подопытная...

Я ощущаю, как лужа крови под безжизненным телом Катрины начинает увеличиваться в размерах.

– НЕТ, – говорю я.

Кор смотрит на меня мутными серо-зелеными глазами. На его лице все та же плотоядная улыбка, которую мне уже полчаса хочется стереть костяшками пальцев. Жаль, что в случае с ним физические методы убеждения бессильны.

– А теперь я повторяю, – щурится он. – Кажется, твоя реакция начинает занимать меня гораздо больше, чем все психические отклонения влюбленных вместе взятые. Что с тобой приключилось? Может, опухоль в мозгу?

Он бьет наобум, но не представляет, насколько близко в этот раз попал. В моем мозгу самая болезненная опухоль из всех возможных, которая обеспечила мне проблемы со сном до конца этого прыжка. И, я уверен, даст о себе знать и после того, как я поменяю тело.

– Убеждения пластичны и подвержены изменениям. То, что раньше казалось мне смешным и примитивным, больше таковым не кажется.

– Ну что ж, одним человеком, приглашенным на мою помолвку, меньше. Как-нибудь переживу, – лыбится Кор. – Ее зовут Кристина. И она просто без ума от меня.

Я понятия не имею, кто она, но его новоявленная «подопытная» почему-то представляется мне хрупкой брюнеткой невысокого роста с восточным разрезом глаз. Сходство имен только усиливает мой шок. Я выбрасываю вперед руки, и они смыкаются на его мощной шее.

– Только попробуй с ней что-нибудь сделать, и я...

– И что тогда? Убьешь меня? – смеется Кор. – О, буду рад лишний раз поменять обертку.

Я встряхиваю его так, что его челюсти лязгают, ударившись одна о другую.

– Ладно, черт с ней с рубашкой, – скалится он и тут же врезает кулаком мне в живот. Я отлетаю от него на добрых три метра. Кор хватается за ворот и припечатывает к стволу дерева.

– С каких это пор ты у нас ангел во плоти? – выкатывает глаза Кор. – С каких это пор тебе можно, а мне нельзя?

– Если мне когда-нибудь вздумается прикоснуться к одной из них, сделай одолжение, пусти мне пулю в лоб, – я выворачиваю свое плечо из его железных клещей и рисую длинный стремительный удар левой рукой, мой кулак проваливается в его солнечное сплетение. Кор валится с ног.

Левой, ха!

Моей ведущей рукой всегда была правая, и я сам не сразу понимаю, в чем дело. А когда понимаю, то едва могу сдержать улыбку: «Да вы левша, капитан Скотт!» Как порой забавляют эти остаточные реакции, проявляющиеся не только в виде воспоминаний, но и в виде рефлекторных движений, – когда думать некогда...

Кор медленно поднимается. Мы дрались с ним сотни раз. Он изучил мой стиль от и до, поэтому мой удар приводит его в бешенство. Я вижу отблески красного огня в его глазах, который всегда загорается в нем, когда он чувствует боль.

– Знаешь что? – хрипит он. – Я не был уверен, стоит ли сказать тебе об этом, но теперь решил, что стоит. Хочу посмотреть, на что способна в

ялости эта твоя старая американская жопа, брателло. Как думаешь, как твоя узкоглазенькая узнала о твоей «смерти»? Кто принес ей весточку на хвосте, чтобы полюбоваться на ее шокированную мордашку?

Я чувствую, что мне перекрыли кислород. Мое сознание превращается в сплошную зебру из алых и черных полос, каждый мускул вздувается от напряжения, я бросаюсь вперед...

– Анджело, останови их! – голос матери звучит где-то далеко, словно за сотни миль отсюда.

Я смутно помню, что отец после безуспешной попытки разнять нас вызвал охрану и четверо здоровенных парней пытались оттащить меня от Кора. Им не удалось это. Я уложил трех из них, а потом снова схватился с Кором. Никто и ничто не смогло остановить меня, пока его окровавленная туша не потеряла сознание.

* * *

На следующий день я не смог встать. Все тело превратилось в рыхлую отбивную из человечины, голову словно набили поролоном. Я провел в кровати несколько суток, прежде чем смог кое-как передвигаться. Но мысль, что Кор сейчас чувствует себя куда хуже, заставила мой распухший потрескавшийся рот расплыться в улыбке.

Мне нужна была эта драка. Мне нужна была эта боль. Как покаяние и искупление своей вины. Родители пытались затащить меня в больницу и не поняли моего упрямства, когда я вознамерился выздоравливать своими силами. Кора отправили в реабилитационную клинику, где он провалялся до самой весны.

– Знаете что, парни? Не знаю, что вы там не поделили, но я буду молиться, чтобы в следующий раз вам достались тела немощных старух! – бушевала мама.

Я представил себе эту картину и рассмеялся. Даже тогда я бы выбил из него все дерьмо, орудуя клюкой.

После этой драки мне стало легче. Какая-то часть меня смирилась с утратой. В ту же ночь мне приснилась Катрина с волосами, развевающимися по ветру. Она обняла меня, и окровавленная мочка ее уха оставила на моей рубашке отпечаток, похожий на маленький красный цветок. Потом откинула голову и сказала: «Иди дальше и не оглядывайся».

Родители запретили мне видеться с Кором. Как будто я горел желанием. Не видеть его, не слышать о нем и не знать его – вот все, чего мне хотелось. Единственное, что мне не давало покоя, – игрушка Кора по имени Кристина, эксперименты над которой он планировал с таким предвкушением. Я хотел верить, что все это просто пустой треп, что она попросту нереальна, но в один прекрасный день все члены нашей семьи (за исключением меня) получили приглашение на помолвку. «Кор и Кристина», – гласили подписи внизу.

– И как, она в курсе, что через три года ее жених превратится в лепешку в Альпах? – заявил я родителям. – Если с ней что-то случится, это будет на совести всей семьи. А с ней наверняка что-то случится – для того он все и затеял.

Такая постановка вопроса возымела заметный эффект: мать рванула в Англию, как угорелая, и поговорила с девушкой чуть ли не накануне торжества. Не знаю, что она сказала Кристине, но та разорвала помолвку и оставила Кору с носом.

«Ты заплатишь мне за это, ублюдок», – написал мне Кор в день несостоявшейся помолвки.

«Не стоит благодарности», – ответил я, впервые после смерти Катрины испытывая едва ли не блаженство.

В 2010 году я распрощался с телом Скотта. Урсула – одна из пилотов Уайдбека – подбросила меня в горы, где я шагнул с вертолета в воздух. Я летел вниз, раскинув руки, как крылья. Разглядывая стремительно приближающуюся землю. Судорожно глотая воздух. Я был одним из тех немногих, кто испытывает подобные ощущения больше одного-единственного раза в жизни.

6. Диомедея

Палату заливал до боли яркий солнечный свет. У моей кровати сидела сестра и увлеченно читала книгу. Такая сосредоточенная, такая взрослая... Дио отвела от лица белокурую прядь и перевернула страницу. Улыбка тронула ее губы, и вся ее «взрослость» тут же куда-то испарилась. Да, это все та же Диомедея, которая подбрасывала в небо сову, как какую-нибудь пуховую подушку...

- Почитай вслух, раз уж там что-то смешное, – попросил я.
- Крис! – встрепенулась Дио и заключила меня в крепкие объятия.
- Ох, – застонал я. – Ты что, рестлингом занимаешься? Ну и силища.
- Ой, прости, прости, я забыла, что ты у нас совсем ослаб...

Мои руки, бледные и худые, лежали поверх синего одеяла. И если они в таком плачевном состоянии, то представляю, как обстоят дела со всем остальным. Судя по всему, мое родное тело за три года в «коме» превратилось в мешок костей. Мышцы не подчинялись приказам. Выговаривать слова было тяжелее, чем толкать ядра. Зрение – и то ни к черту: в глазах двоилось и стоял легкий туман.

– Держись, это только начало, дальше будет легче, – начала успокаивать меня сестра, словно читая мои мысли. – Впрочем, кому я рассказываю...

Я попробовал пошевелить пальцами ног, и те подчинились! Ну хоть что-то работает, как надо.

– А где все?

Диомедея опустила глаза.

– Альцедо все пропадает в лабораториях, но обещал заехать к тебе сегодня. А родители сейчас вправляют мозги Кору. Его прыжок подошел к концу и... не поверишь...

Меньше всего мне хочется говорить о Коре, но Диомедея так взволнована, что выбирать не приходится.

– Что на этот раз?

– Вместо того чтобы тихо-мирно закончить прыжок в Альпах, взял и просто шагнул с крыши высотки в Лондоне! Никтея в ярости, отец и того хуже. В Уайдбек нагрянула полиция, пытаются найти его коллег и родственников и выяснить, были ли у «одного из лучших студентов Оксфорда» мотивы для самоубийства. Еще парочка таких «самоубийств» среди людей Уайдбека, и у нашей компании начнутся нешуточные

проблемы с полицией...

Это так похоже на Кора. Игры и эксперименты – это его родная стихия.

– Ума не приложу, зачем он все это затеял, – вздыхает Дио.

– Исследовать природу человека, от и до. Начиная с любви и заканчивая теми чувствами, которые испытываешь, шагая в воздух с крыши. Не удивлюсь, если он однажды наглотается таблеток или пустит себе пулю в висок. Просто чтобы понять, каково это.

– Но сделать это прямо в городе на глазах десятков людей?!

– Напомни, когда его волновало чужое мнение?

В палату входит какой-то мужик и первым делом посылает мне ослепительную улыбочку. Точно не врач, потому что в его руках – бутылка вина и два бокала.

– К тебе ухажер, – говорю я сестре.

Но мужик направляется прямиком ко мне и раскрывает для объятий свои длинные ручищи.

– Ну вот и спящая красавица проснулась! – рывкает он.

Альцедо!

Братишка по-прежнему в теле старика-афганца, но теперь эта оболочка изменилась до неузнаваемости: он живо передвигается на протезах, одет в костюм от Бриони, а седящая борода подстрижена в самом лучшем салоне Швейцарии. Он машет бутылкой, и я вижу блеск платиновой запонки на его рукаве.

– Чем обязан, Ваше высочество арабский принц? – ухмыляюсь я.

– Да так, заскучал в компании своих жен и верблюдов и решил, что самое время провести любимого коматозника.

– Альчи и правда отлично справляется, – кивает Дио, посылая Альцедо гордую улыбку. – Я испугалась насмерть, когда впервые увидела его тело. Но теперь он выглядит даже лучше папочки. Ни дать ни взять большой босс.

– Вы мне льстите, кяфиры^[29], – смеется Альцедо и открывает бутылку. – Так, у меня есть две минуты, чтобы успеть выпить за ваше здоровье, пока охрана не скрутила Его Высочество арабского принца и не выставила вон. Ваше здоровье!

Красно-черное вино льется в бокал, Альцедо подносит его к моим губам, и я делаю глоток.

– Куда я попала? В клуб анонимных алкоголиков? – закатывает глаза Диомедея. – Альцедо, он же только пришел в себя!

– Тс-с, женщина, вот лучше возьми-ка, – Альцедо протягивает ей полный бокал. – Доверься профессору химии: глоток вина еще никому и

никогда не причинял вреда.

– У меня лекция через полчаса, – отказывается Диомедея. – Но я забегу вечером и выпью с вами целый стакан витаминного коктейля! До скорого!

Сестра целует меня в небритую щеку и еще раз сжимает в объятиях.

– Она такая сильная, с ума сойти, – гордо говорю я Альцедо как только за Дио закрывается дверь.

Альцедо разом опустошает бокал и присаживается на край моей кровати.

– Она очень много тренируется, Крис. Неофрон взял ее под свое крыло: лепит из нашей soror профессионального убийцу, – ухмыляется Альцедо. – Честно, я не завидую тому, кто не даст ей телефончик. Дио перебралась жить на тренировочную базу в Аквароссу. Боится, что ее вот-вот выбросит. Над домом уже несколько дней кружат дикие ястребы.

– Она не сказала мне ни слова, бестия! – возмущаюсь я.

– Это семейное. Считает, что со всем может справиться сама.

В палату заглядывает медсестра. Ее юное лицо становится до смешного строгим, когда она замечает бутылку вина в руке у Альцедо.

– О боже, синьор, здесь нельзя распивать алкоголь!

– Да она уже была здесь, когда мы пришли! – восклицает Альцедо, хлопая меня по плечу. – Наверно, это кто-то из ваших баловался, а?

Медсестра с ужасом смотрит на Альцедо, переводя взгляд с бутылки на пару наполненных бокалов.

– Я вызываю охрану, – строго говорит девушка.

– Все-все, улетаю, моя прелесть, – хихикает Альцедо, поднимая вверх руки. – Уже нельзя калекам пропустить по бокальчику, что за порядки, а?

Альцедо подмигивает мне:

– Поправляйся, задница!

– Слушаюсь и повинуюсь, мой принц.

* * *

Несколько месяцев спустя я уже сносно ходил и почти не испытывал головокружение, стоя вертикально. Мои сосуды словно учились заново толкать кровь вверх – от сердца к голове. Мышцы учились заново реагировать на импульсы мозга. Стопы пытались вспомнить, каково это – удерживать на себе вес тела. Но ящику вина, заготовленного для моей вечеринки, не суждено было быть открытым. В день моей выписки за мной

приехала бледная, как снег, мать и сказала, что праздник отменяется. Диомедея не вернулась после очередной тренировки. Верней, с тренировки-то она вышла, но дальше своей машины не ушла. Неофрон увидел ее «порше» на парковке час спустя, заглянул в салон и обнаружил там Дио. У него не получилось привести ее в чувство, и он отвез ее тело в клинику.

– Прости, Крис, я не смогу выпить ни глотка, пока моя девочка не даст о себе знать, – попыталась извиниться мама.

– Не извиняйся. Выпьем через пару недель вместе с Диомедеей.

Я порядком ошибся по поводу двух недель. Сестра дала о себе знать только через два месяца. Неофрон поставил на уши своих парней и отправился в Саудовскую Аравию. А дальше все покрыва темная, как ночь, завеса тайны: Уайдбек засекретил все, что только можно было засекретить.

Через несколько дней после отъезда Неофрона родители растолкали меня рано утром и сказали, что едут в клинику.

– Ну наконец-то белокурая бестия наконец выбрала себе оболочку по вкусу? – обрадовался я.

– Нет, у Неофрона не получилось вытащить ее новое тело из Саудовской Аравии. Оболочку пришлось уничтожить, чтобы Дио вернулась в свое тело.

У Неофрона не получилось вытащить ее? Что-то новенькое...

* * *

Мне не терпелось выслушать эту историю от и до из уст самой Дио. Я, Альцедо и родители летели в клинику на всех парусах с шоколадным тортом, охапками цветов и горой свежих новостей. Но в палате нас встретила совсем не та Дио, какой мы видели ее в последний раз. Бескровное лицо, расширенные от ужаса глаза, крепко сжатые губы и пальцы, вцепившиеся в простыню, – вот и все, что осталось от моей смешливой беззаботной сестры.

– Где Неофрон? Он добрался домой? – спросила она первым делом.

Мы молча переглянулись.

– Милая, я уверена, что с ним все в порядке, и тебе не стоит... – начала мать, но Дио жестом заставила ее замолчать.

– Мама, мне уже не пять лет, и эти дешевые манипуляции никуда не годятся. Если ты не в курсе, позвони Никтее, она должна знать. Или дайте мне телефон.

Я медленно моргнул пару раз. Я никогда не слышал, чтобы Диомедея так разговаривала с матерью.

– Я сейчас позвоню ей, – пробормотала мама и, оглядев всех нас с вымученной улыбкой, вышла за дверь.

Диомедея откинулась на подушку и закрыла глаза.

– Я люблю вас всех, клянусь, но не ждите от меня никаких рассказов. Никогда. Я не хочу говорить об этом никогда в своей жизни.

* * *

В тот же вечер к нам домой явился Неофрон собственной персоной. Мужик выглядел хуже некуда. Если бы мне пришлось бороться с ним за звание «кусок дерьма, едва переставляющий ноги», то, пожалуй, он бы даже победил. Лицо в кровоподтеках, рука на перевязи, сильно прихрамывающий на одну ногу. Выражение лица сорта «Только что побывал в аду. Было жарко».

– Не было никакой возможности вызволить ее, – сухо объяснил он. – Пришлось ликвидировать тело. Мне жаль.

– Я уверен, ты сделал все возможное, Нео, – похлопал его по плечу отец.

Потом они о чем-то поговорили за закрытой дверью, и Неофрон собрался восвояси. Я провел его до крыльца, преисполненный благодарности и едва ли не щенячьего обожания.

– Спасибо, что вытащил ее, – сказал я.

– Все самое сложное она провернула сама, – пожал плечами тот. – Твоя сестра сделала звонок из такого места, из которого не смогла бы позвонить половина моих парней.

– А конкретней?

– Спроси у нее сам, – отмахнулся Неофрон, залезая в машину и морщась от боли.

– Она не хочет говорить об этом.

– Дай ей время прийти в себя. Это ее первый прыжок. И не самый удачный.

* * *

Время действительно поставило Диомедею на ноги. Та вернулась к

учебе и тренировкам, с удовольствием проводила время в кругу семьи и друзей, но... продолжения истории никто из нас так и не дождался.

Под конец года Уайдбек созвал всех десульторов на круглый стол, где объявил о новых изменениях в Договоре. Никтея, Неофрон, мои родители и парочка бородатых экспертов сели во главе стола, разряженные в строгие костюмы, и огласили новый *Lex*^[30], отныне подлежащий к исполнению.

– В связи с растущим числом конфликтов между полицией и десульторами мы призываем вас вести как можно менее заметную жизнь и свести число контактов с органами правопорядка к минимуму. Департамент разработок Уайдбека, в свою очередь, предоставляет в ваше распоряжение новое средство, призванное сгладить углы при общении с полицией. Теперь слово представителю Департамента исследований...

Альцедо, все это время скучавший в уголке конференц-зала, встрепенулся и, чуть ли не пританцовывая, выложил на стол металлический бокс.

– Только не нужно падать в обморок от счастья, дорогие мои, – объявил он.

Мама закатила глаза, Неофрон зевнул от скуки, Никтея деловито выгнула бровь.

– Дамы и господа, наше новое детище, за которое вы, несомненно, скажете спасибо, – пропел Альцедо. И как фокусник вытаскивает из цилиндра кроликов – вытащил из бокса крохотную ампулу с ярко-красной жидкостью.

– Силентиум^[31]! – громко объявил он, потрясая ампулой в руке.

В конференц-зале тотчас воцарилась мертвая тишина.

– Нет-нет, я не прошу вас помолчать, это просто название нашего нового препарата: силентиум!

– Где он набрался всех этих клоунских замашек, а? – толкнул я в бок Диомедею.

– Что? – переспросила она, спускаясь из заоблачных далей на бrenную землю.

– Возвращайся наконец из Аравии домой, прошу тебя, – сказал я. – Там больше нечего делать...

Дио тяжело вздохнула и перевела взгляд на родителей. Мама улыбнулась ей в ответ, но Дио как будто смотрела сквозь нее. Неофрон тоже, прищурившись, поглядывал в нашу сторону, по-видимому, раздраженный нашей болтовней.

– Силентиум нарушает работу гиппокампа и стирает кусок

воспоминаний примерно двухчасовой давности. Одного укола достаточно, чтобы человек, с которым вы вступили в конфликт, мгновенно забыл о том, кто вы и что за разногласия у вас были всего несколько секунд назад. Полицейские, которым не нравятся ваши поддельные документы или ваша физиономия, или люди, которые узнали в вашем теле старого знакомого, или некто, предъявляющий вам старые счета, – эти проблемы теперь легко решаются с помощью силентиума.

Зал наполнился одобрительным гулом. Неофрон медленно поднялся со своего кресла и громко заговорил, перебивая шум аудитории:

– Использование силентиума – это не рекомендация. Это новое правило. Это *Lex*. Если вы предпочтете решать возникшую проблему каким-то другим путем, Уайдбек волен расторгнуть с вами Договор о покровительстве. После конференции подробный инструктаж по использованию.

Диомедея тем временем вытащила из сумки лист бумаги и начала выписывать на нем строчку за строчкой.

– А ведь наш Гарри Поттер славно поколдовал над пробирками, – изумился я. – Не терпится понаблюдать это изобретение в деле. Тебе тоже?

– Я не буду использовать этот препарат, – ответила Дио, дописывая последнюю строчку и рисуя в конце размашистую подпись.

– Почему? Это же просто гениальное решение для некоторых ситуаций...

– Потому что я отказываюсь от покровительства Уайдбека.

* * *

Я не сразу поверил ушам.

– Что ты сказала?

– Что слышал.

– Ты с ума сошла?

Дио повернула ко мне свое бледное лицо и заглянула в самую душу.

– Хуже.

Только сейчас я разглядел, что за «письмо» написала Диомедея: «Уведомление о расторжение договора с WideBack Inc. и требование сложить взаимные обязательства». В следующую секунду она встала и направилась к родительскому столу. Я как сидел на своем стуле, так на нем и остался, не в состоянии уложить в голове то, что только что стряслось в этом зале...

Диомедея подошла к родителям и положила перед ними листок. Первой отреагировала мама: вскочила на ноги, хватая ртом воздух. Отец выкатил глаза и в следующую секунду нервно рассмеялся. Сидящий рядом Неофрон вообще превратился в кусок гранита. Никтея быстро пробежала глазами заявление, потом сложила его пополам и трясущимися руками убрала в карман. Диомедея вышла из зала с гордо поднятой головой.

Я очнулся и бросился за ней следом.

* * *

Я нагнал Диомедею в коридоре и схватил за руку.

– Что происходит, а?

Та разрыдалась, уронив лицо в ладони.

– Я не могу говорить об этом, fra. Мне легче умереть.

– Легче умереть?! О да! Умирать вообще проще простого, не знаю ничего, что может быть легче!

– Дио! – рявкнул кто-то позади нас.

К нам быстро шел Неофрон: мрачный, как предгрозовое небо.

– Уайдбек не примет твое заявление, могу сказать тебе сразу. Ты – член семьи, и мы будем опекать тебя независимо от твоего желания.

– И как же ты будешь опекать меня, супермен, если я не сделаю контрольный звонок в следующем прыжке? – ухмыльнулась Дио, сунув ручонки в карманы своих брюк.

– Только попробуй не сделать звонок, девочка... – разъяренно начал тот.

– Я тебе не девочка, Неофрон, я в состоянии позаботиться о себе, где бы я ни очнулась. Без тебя и твоих мальцов-удальцов.

– Бред сумасшедшего!

– Значит, я сумасшедшая!

Он минуту смотрел на мою сестру, как на исчадие ада, потом развернулся и пошел прочь.

Дио всхлипнула и повисла на моей шее.

– Что с тобой?

– Ненавижу все, что связано с Уайдбеком. Ненавижу его силовое подразделение. Ненавижу Неофрона, – проговорила она сквозь слезы.

– Что он сделал?

– Разрушил меня!

Мои кулаки конвульсивно сжались.

– Что ты имеешь в виду? Расскажи все!

– Мне больше нечего сказать.

Сестра стояла напротив и едва могла говорить от волнения.

– Ладно... Тебе есть куда поехать сейчас? Я снял квартиру в Парадизо пару дней назад. Хочешь пожить у меня?

– Да, да! – закивала она, глотая слезы. – Но только если ты не будешь спрашивать меня ни о чем.

– Как скажешь, – сдался я. – Держи ключи.

Я вернулся в конференц-зал и, не обнаружив там Неофрона, отправился гулять коридорами, зашел в столовую, заглянул на парковку и наконец нашел его на корпоративной кухне в компании стакана джина и ножа для колки льда.

– Что ты с ней сделал? Да она просто ненавидит тебя, и я хочу знать, за что! – я подскочил к нему и схватился за воротник его безупречно отглаженной рубашки.

Неофрон стряхнул с себя мои руки.

– Ненависть – слишком большое чувство для такого создания, как она. Максимум злость и раздражение. Но и те ненадолго. В ее возрасте чувства меняются быстрее, чем кадры в кино. Переживет. Все это – просто шок после первого прыжка. Пусть проводит побольше времени с друзьями, и скоро все вернется на круги своя.

Я пару секунд молча переваривал услышанное, потом развернулся и вышел из кухни. Пусть думает, что я купился на эту болтовню.

* * *

– Неофрон, он темная лошадка, так? – спросил я у матери, как только представился удобный случай. – Что ты вообще знаешь о нем? Ему можно доверять?

Мама ведет свой желтый, как лепесток подсолнуха, «Ламборджини» по улице Ди Гандрия, тянущейся вдоль озера. Закат превратил воду в розовое золото, вокруг толпятся горы, – каждая последующая как будто нарисована чуть более светлой акварелью. Идеальное место и время, чтобы просто помолчать, разглядывая все эти пейзажи. Но молчание не вернет покой моей сестре...

– Один из тех, кто умрет, защищая наше благополучие. Стал работать в силовом подразделении, когда был не старше тебя. Я тогда только-только забеременела Диомедеей.

– Сколько ему лет вообще? Я помню его в те времена, когда он учил нас в школе Уайдбека, и с тех пор он совсем не изменился.

– Сорок пять или около того.

– Он не десультор, так?

– Его мать была. А он – нет. Обошло стороной, как говорится.

– Ты веришь всему, что он говорит? Какова степень твоего доверия к нему по десятибалльной шкале?

– Двадцать, – смеется мама.

– Пф-ф, – выдыхаю я. – Я серьезно.

Мама сворачивает к решетчатой ограде, отделяющей Ди Гандрию от отвесного обрыва, глушит мотор и снимает солнечные очки.

– Диомедея никогда не любила сидеть на месте. И даже из утробы на белый свет собралась раньше времени. У меня началось массивное кровотечение и преждевременные роды. Отец был в отъезде, я была полностью на попечении секьюрити, которые битый час пытались вызвать врачей. Накануне бушевала гроза, и со связью творилось что-то неладное... Так вот, пока другие охранники обрывали провода, Неофрон просто отнес меня в свою машину и привез в госпиталь. Река алой артериальной крови, вытекающая из человека, не сулила ничего хорошего, и он понял это раньше всех. В чем-чем, а в оттенках крови он всегда разбирался очень хорошо. И Диомедею первым на руки взял он. Не уверена насчет вас, оборванцев, но она ему как дочь, Крис. Вот почему я даю десять из десяти.

* * *

2011-й подкрался незаметно, как убийца. Подкрался, резво взмахнул ножом, и наша семья развалилась на куски, как праздничный каравай: Кор улетел в Сидней, и я больше не видел его. Альцедо расстался с телом афганца, повалялся несколько месяцев в реабилитации, а потом снова ушел в прыжок. Диомедея, недолго думая, «прыгнула» во второй раз. Я планировал дожидаться того момента, когда по крайней мере один из них сделает контрольный звонок, но хочешь рассмешить Бога – расскажи ему о своих планах...

Меня выбросило в тот день, когда я с группой других студентов отправился наблюдать открытую операцию на сердце. Скальпель погрузился в тело и вскрыл грудную клетку, как устрицу. Потом руки в синих перчатках раздвинули ребра и обнажили сердце. Я наблюдал за подобными операциями уже раз сто, но на этот раз на столе лежит девочка

пяти лет. Ее сердце не больше яблока и трепещет, как дикая птица. Я закрыл глаза и...

Открыл их в совсем другом месте.

7. Феликс

Все глубже и глубже в темноту. Темнота смыкается над моей головой, как вода над головой дайвера. Полное погружение. Я срываю с лица маску и втягиваю в себя воду. Или темноту. Без разницы, что это, – я больше не хочу на поверхность, мне нравится здесь, в глубине. Кто-то наотмашь бьет меня по щекам. Я прикрываю руками голову и зажмуриваюсь.

– Что ты колол кроме герыча?! Спидбол? Винт?!

Удар по лицу. Такой сильный, что темнота тут же рассеивается. Я открываю глаза.

Надо мной серое, испуганное лицо женщины, которая, несомненно, сидит на игле. Обтянутые тонкой, как пленка, кожей скулы, две впалые ямы вместо щек, большие нездоровые глаза. Когда-то она была даже красива, пока безумная погоня за кайфом не высосала из нее всю жизнь. Мое сознание путается, галлюцинации накатывают одна за другой, как волны: голова женщины медленно превращается в голову птицы с красным клювом.

– Сукин ты сын, собрался подохнуть прямо вот так? Прямо у меня на хате?

Птица говорит еще что-то, но остальные слова я слышу впервые: видимо, это тот изощренный мат русского языка, который мне вряд ли доведется услышать где-нибудь еще. Похоже, она только что обнаружила это тело и вколола ему какой-то препарат, который успел спасти мозг от гибели, но не успел удержать в нем душу ее приятеля. Так что теперь здесь я. Но пока непонятно, надолго ли. Судя по обжигающей рези в груди и свистящей одышке, у меня отек легких. Отек теперь уже **моих** легких. И судя по всему, осталось мне недолго. Я продержусь на плаву еще несколько минут, а потом мозг начнет медленно превращаться в желе: у тела передозировка и отказывают сердце и легкие. Счет идет на секунды.

– Скорую, прошу тебя, – задыхаюсь я, каждое слово отдается пожаром в груди.

– Скорую тебе, ублюдок?! – взрывается она. – Они же потом душу из тебя вытряхнут, и ты же, трепло, все им расскажешь. А мне нужна моя хата и мой, черт его раздери, бизнес!

Сейчас она выглядит почти грустной и вытирает слезы фиолетовым крылом.

– Я ничего им не скажу. Я ничего не знаю, – хриплю я. – Скорую, или

мне конец.

Та колеблется.

– Я люблю тебя, – беззвучно говорю я.

Меня учили, что эта уловка всегда действует. И она действует.

– Ты врешь, даже стоя одной ногой в могиле, выродок, – шипит она. – Но я сделаю вид, что поверила тебе. В последний раз.

Она вскакивает и начинает жать на кнопки телефона. Ее голос звучит чисто и слегка испуганно – так звучал бы голос матери, которая возвращалась с прогулки с белокурый младенцем и споткнулась в подъезде о грязное, бездыханное тело.

– В соседнем подъезде какой-то... человек, – говорит она, тщательно подбирая слова. – И, кажется, ему очень... плохо. Приезжайте, иначе он... все.

Она продиктовала адрес. Потом схватила меня под мышки и потащила в подъезд. Один пролет, два, три. Я хриплю так сильно, что вот-вот начну выплевывать собственные легкие.

Ступенька врезается в мои шейные позвонки, мои руки шарят по бетону, пытаюсь нащупать что-то, за что можно схватиться. Мне кажется, что я проваливаюсь в яму, наполненную жуткими плотоядными тварями.

– Подожди! – задыхаюсь я, надеюсь, что она еще здесь.

– Чего еще?

– В какой мы стране?

– Катись к дьяволу, красавчик! Нет, надеюсь, что ты уже там!

* * *

Крохотная палата, пять на пять, четыре металлические койки, решетки на окнах.

– Мне нужно позвонить, – говорю я, хватая за руку грузного, суетливого мужика в зеленой униформе, который уже пять минут пытается нашарить вену на моей руке. На сгибе локтя нет живого места – сплошная гематома, так что ему приходится искать вены на тыльной стороне ладоней.

Я часто отключаюсь и не могу понять, сколько времени я здесь. Хуже всего не то, что вокруг меня такие же, горящие заживо люди. И даже не начавшийся абстинентный синдром, который методично убеждает мозг в том, что у меня сломаны все до единого суставы. Хуже всего то, что я не могу подняться и позвонить.

МНЕ НУЖНО ПОЗВОНИТЬ.

– Здесь есть телефон? – говорю я.

Мужик поворачивает ко мне свое отекавшее лицо со следами вчерашнего алкогольного марафона:

– Че?

– Я хочу позвонить...

– Ага, – бубнит он, наконец нашарив вену. – А я хочу дом у моря и голубой «кадиллак».

«Договорились», – готов сказать я, но этот укол...

Темнота.

* * *

Я рассматриваю свои тощие слабые руки, на правой ряд китайских иероглифов: «Брат и сестра». Как мило... Мне нужно позвонить. И желательно до того, как меня перебросят полиции. Что-то подсказывает мне, что это рано или поздно случится.

Передо мной девушка-врач. Пол-лица скрыто маской, я вижу только глаза – холодные, зеленые, колкие, как бутылочное стекло, и тонкие ладони в перчатках. Она рассматривает мои воспаленные сгибы локтей и что-то чиркает в блокноте.

– Мне нужно позвонить, помогите мне, – прошу я.

– На этаже есть бесплатный телефон по городу.

– Мне нужно позвонить в Швейцарию.

– Ничем не смогу помочь, – ровно отвечает она и снова возвращается к моим рукам, которые находит гораздо более интересными, чем мою говорящую голову.

– Я заплачу вам, как только выберусь отсюда.

– Я слышала эту фразу миллион раз, – смеется девушка. – Телефон – это первое, что обычно требует вся ваша братия. Телефон-телефон-телефон...

– Иногда наркоманы не те, за кого себя выдают, – говорю я спокойно, чувствуя как глаза-осколки впиваются в мое лицо.

Под маской ее рот кривится в улыбке. Она захлопывает блокнот и собирается уйти. И тогда я цепляюсь за ее рукав и говорю:

– На одних нейролептиках я долго не протяну, вы же сами знаете. Мне нужны опийные антагонисты, анальгетики и противосудорожные, потому что мне кажется, что меня рубят, пилят и сжигают заживо. Мне нужно позвонить. Не дилеру. А тому, кто в состоянии обеспечить меня всем этим.

Девушка колеблется, она смотрит на меня так, словно увидела говорящий мешок с бинтами.

– Вы ничем не рискуете. Мне же нужен всего лишь телефон, а не шприц с разведенным героином. Только телефон и немного денег на счету. И вы спасете человека.

– Почему ты бросил учебу? – спрашивает она. – Ты же учился в медицинском, да? Почему же бросил?

«Я его закончил. Я могу прооперировать сердце с закрытыми глазами...»

– Несчастливая любовь, – отвечаю я ей, зная, что это наверняка сработает.

Меня учили, что это, как правило, срабатывает, и я хорошо усвоил урок. Если и есть что-то, что безоговорочно действует на людей, – так это упоминание о «разбитом», как они говорят, сердце. За несчастную любовь они готовы прощать, жертвы любви у них на особом счету.

Поэтому я почти не удивлен, когда девушка, оглядываясь, вытаскивает из кармана телефон и протягивает мне.

– У тебя только минута, – говорит она. – Так что постарайся успеть сказать все, что нужно. Второго раза не будет.

Но едва мои пальцы касаются телефона, в дверном проеме возникает фигура в белом халате.

– Таня! Ты рехнулась? Ты хочешь проблем?! И ради кого?!

Сейчас телефон будет вырван из моих рук, а доктор Таня явится сюда нескоро.

Как бы не так.

Я сжимаю запястье девушки и выворачиваю ее руку, заставляя ее рухнуть на мою кровать. Она вскрикивает от боли. Едва ее голова оказывается в зоне моей досягаемости, я обхватываю ее шею: мой распухший локтевой сустав чувствует пульсацию ее сонных артерий.

– Еще шаг, и ей конец, – говорю я, и мужик на входе останавливается в нерешительности.

– Но если мне просто дадут позвонить, я не причиню ей вреда. Мне нужно *прос-то сде-лать зво-нок*, – по слогам говорю я.

Мужчина зачем-то поднимает руки, словно сдается.

– Сколько денег там на счету? – спрашиваю у девушки, касаясь растрескавшимися губами ее волос.

Она вздрагивает, когда мое дыхание, дыхание живого мертвеца, долетает до ее уха.

– Гривен... пятьдесят... Я не помню...

Я пытаюсь вспомнить, в какой из стран Восточной Европы используют в качестве валюты эти самые... гривны.

Украина.

* * *

– Украина, Киев, белый мужчина лет тридцати, китайские иероглифы на предплечье правой руки, два широких вертикальных шрама на животе, передозировка смеси наркотиков, легочная и сердечная недостаточность, без ранений и паралитических нарушений, – говорю в трубку, вцепившись в нее трясущейся рукой.

Девушка-врач, шею которой я все еще держу в тисках, замирает и перестает всхлипывать, услышав, что я начинаю говорить на другом языке. Минуту назад она назвала мне адрес больницы, который я теперь пересказываю оператору по латыни. Мой язык – самое лучшее доказательство того, что это действительно я.

– Диомедея и Альцедо уже дали о себе знать?

– Альцедо уже здесь. Дио по-прежнему нет, – сухо отвечает оператор. – Держись, Неофрон будет к концу дня.

Гудки.

Очередной всхлип возвращает меня к реальности. Девушка начинает учащенно дышать, глядя в дверной проем. Люди в зеленых клеенчатых робах просачиваются в палату: один, двое, трое... Я выпускаю девушку – и она отшатывается от моей койки, как перепуганная насмерть птица. Я тут же оказываюсь в тисках шести ломоподобных рук, каждая из которых без труда справится с обеими моими. Всего одна обжигающая инъекция – и мое сознание меркнет.

* * *

Я открыл глаза, и первое, что увидел, когда смог сфокусировать взгляд, – четырех людей в синей полицейской униформе, металлический потолок автомобиля, решетки на окнах. Мне конец...

– Просыпайся, спящая красавица. Добро пожаловать в этот прекрасный мир, отмеченный божественной печатью, – тембр голоса заставил меня на секунду забыть обо всем, даже о боли.

– Просыпайся, просыпайся, пока я тебя не поцеловала в уста сахарные.

Детский голос! Самый что ни на есть. Я повернул голову и увидел ребенка. Девочка лет десяти. Белокурые локоны, голубые глазищи, два бриллианта в мочках ушей. Настоящий эльф. На ненаркотические анальгетики у меня не должно быть галлюцинаций, так что, похоже, меня накачали чем-то забористым. Если только не...

– Дио? – ошарашенно спрашиваю я.

– Не будь жертвой стереотипов, – ухмыляется она, обнажая мелкие зубки. – Если ты видишь сиськи, то это еще не значит, что перед тобой женщина.

– Я не вижу сисек, – отвечаю ей. – Тебе до них еще года три-четыре... Альцедо.

Он ржет и заряжает мне приветственный джеб в бок. И от этого маленького кулака, ударяющегося о мои ребра, мне хочется согнуться вчетверо.

– Когда увидел эти воробьиные ребрышки, чуть не задушился проводом дефибриллятора. Это было похлеще безногого афганца, – говорит Альцедо, хмуро рассматривая сгибы моих локтей. – Но все оказалось не так печально. Малютка Изабелла оказалась тренированной: девчушка без одышки берет шесть миль кросса, мгновенная реакция, сильные руки. Крошка занималась теннисом с пяти лет... Так что на этот раз мне повезло куда больше, чем тебе, – довольно ухмыляется брат. – Даже учитывая то, что через пару лет у меня станут расти сиськи и начнется менструация.

– Что, все так плохо?

– Ага, – кивает Альцедо. – Не уверен, что тебе не придется оставить эту желтую вяленую куклу и начать по новой.

– Спасибо за поддержку, дорогая Изабелла. Только вот как тебе удалось подмазаться к силовому подразделению? – недоумеваю я. – Разве ты сейчас не должен сидеть дома и плести косички?

– Все просто. Собираю статистику о работе силентиума.

– Только не говори, что...

Альцедо довольно гогочет.

– Да, да, пришлось пострелять ампулами, пока вывозили тебя из больницы. Было весело.

В машину влезает еще один человек в форме, и я сразу же узнаю в нем Неофрона.

– Едва не задушить девушку только за то, что она не дала телефончик, ай-яй-яй, Крис, ты ли это? – цокает языком Неофрон.

Я смеюсь, хотя лучше бы мне этого не делать. Любое движение причиняет страшную боль.

- Надеюсь, она в порядке.
- В порядке. Крепкий орешек. Просила не сильно тебя наказывать.
- О как...

Я удивлен. Столько великодушия к какому-то чокнутому наркоману, который чуть не сломал тебе шею? Мама будет счастлива рассмотреть ее кандидатуру в одну из реабилитационных клиник Уайдбека.

* * *

В Киеве пришлось задержаться. Мое тело было не в состоянии передвигаться на своих двоих. Решено было оставаться на Украине до того момента, пока я не стану человеком, не вызывающим подозрений. Пока лицо ходячего мертвеца не превратится в лицо художавого, но вполне здорового студента-швейцарца, который вдоволь наелся достопримечательностей Восточной Европы и теперь позарез захотел домой.

На окраине столицы был взят в аренду большой коттедж, обнесенный двухметровой оградой из белого камня. Первый этаж был превращен в лазарет, где я провел четыре недели, обмотанный трубками капельниц и накаченный антибиотиками с обезболивающим, – пока это тело не начало потихоньку возвращаться к жизни.

К концу второй недели я наконец смог самостоятельно есть и передвигаться. К дому примыкал старый запущенный сад, почти полностью сбросивший листву к зиме. Удивительно, до чего меланхоличной кажется природа, начисто лишенная красок. Я часто выходил во двор, дышал холодным воздухом, глотал горячий кофе чашку за чашкой, слушал веселые детские визги, доносящиеся из-за ограды...

В один из морозных ноябрьских дней в дом позвонили. Парни рассеялись по дому, кто куда, с оружием наготове. Неофрон пошел открывать, сунув за спину пистолет с транквилизатором.

На пороге стояла девочка лет восьми в зеленой куртке и шапке с помпоном. Она ткнула пальцем в сторону двора и что-то защебетала на непонятном мне языке. Этот язык звучал так же мягко и плавно, как и итальянский.

Неофрон окаменел, выкатив глаза. Альцедо спрятал свою пушку и вылез из-за дивана. Я едва не рассмеялся: кажется, мы все слегка перенапряглись.

- Что ты говоришь, крошка? – переспросил я.

– Мячик! – повторила девочка по-русски. – У вас во дворе. Можно забрать?

– А до этого ты на каком языке говорила?

– Украинский.

– Украинский. Вот оно что... Идем, возьмем мячик.

Я поплелся в сад и стал разыскивать мячик, шарясь по высокой пожухлой траве. Девочка семенила рядом, с любопытством оглядываясь по сторонам.

– Хорошо, что ты здесь поселился, а то я бы не достала мячик из-за этого забора.

– Я ненадолго здесь. Имей в виду.

– А, ясно... Нашла! – девочка заглянула за дерево и вытащила из кустов мяч. Потом подошла ко мне и деловито прищурилась:

– Все равно можем познакомиться. Ярина, – сказала она и протянула мне крохотную ладошку.

Я торжественно пожал ее и представился:

– Феликс.

Имя, которое я не знал никогда прежде, чужое имя, – срывается с моего языка быстрее, чем мое собственное. Первая остаточная реакция во всей красе.

– До побачення, Фелікс, вертайся!^[32] – бросила мне девочка через плечо и вприпрыжку поскакала домой.

Неофрон закрыл за ней дверь.

– Чем-то напомнила Диомедею, такая же непосредственная, – заметил я.

– Мне тоже, – кивнул Альцедо.

Я поплелся на кухню и сварил себе еще чашку кофе. Мысли о сестре всегда вгоняли меня в отчаяние. О небо, пусть она будет в порядке, пусть она не испытает боли и страха и не попадет в «ловушку». На этой планете полно мест, откуда женщине выбраться практически невозможно, мест, где у них нет прав, нет паспортов и чья попытка пересечь границу будет так же смехотворна, как самостоятельная попытка выезда за границу собаки или лошади.

Я мысленно желал ей «очнуться» подальше от диких племен, непролазных джунглей и людей, считающих ее своей собственностью. Я хотел, чтобы ей повезло так же, как и мне: чтобы она открыла глаза в госпитале цивилизованной страны и смогла сделать звонок, не выходя из палаты. И сделала его вопреки всем разногласиям с Уайдбеком.

– Надеюсь, она все-таки одумается и позвонит, – взмолился я вслух.

– А если нет? – присел рядом Альчи.

– А если нет, то я все равно найду ее, и тогда мало не покажется, – процедил Неофрон, набросил на себя куртку и вышел на улицу, хлопнув дверью так, что та чуть с петель не слетела.

* * *

В самом начале декабря, когда мы уже начали паковать оборудование в чемоданы, Уайдбек выяснил новые подробности жизни Феликса – я был уверен, что парня звали именно так. Феликс до фатальной передозировки успел совершить несколько вооруженных ограблений, пришить трех человек и с ноября находился в розыске. Полиции так и не удалось выяснить его имя и фамилию, но фоторобот всюду гулял по городу.

Так что пришлось озаботиться тем, чтобы новая облицовка значительно отличалась от варианта, предложенного прежним владельцем: отпустить бороду, надеть контактные линзы, заклеить броский шрам над левой бровью. И наконец, отрастить волосы, чтобы замаскировать шрам на затылке. Судя по всему, Феликсу когда-то весьма успешно попытались снять скальп.

Двадцатого декабря я, Альцедо, Неофрон и его парни наконец вылетели из Борисполя в Швейцарию. Все прошло так гладко, что Неофрон, кажется, был даже немного разочарован.

Рождество я встретил уже в реабилитационном центре в Лугано и провел там три месяца, наполненных утомительным бездельем: ел, спал и восстанавливал физическую форму. Ни на что большее моя оболочка не была способна. Внутренние органы были в весьма плохом состоянии, обнаружилось несколько старых переломов: ребра, фаланги пальцев, нос, – и ощутимые проблемы со зрением. Но в остальном мне несказанно повезло: вирус иммунодефицита, маркеры гепатитов и других скольконибудь серьезных заболеваний в крови обнаружены не были.

Лазерная коррекция вернула мне стопроцентное зрение, были бесследно удалены все татуировки и рубцы, за исключением шрама на затылке. Он требовал хирургической пластики с последующей шлифовкой и локальной пересадкой волос. Я откупился от всей этой возни одним весомым аргументом: «и так нормально». Я не собирался возвращаться на Украину ни при каких условиях, а значит черт с ним, со шрамом.

С Кором мы больше не общались. После нашей последней драки между нами словно проложили непреодолимую полосу препятствий,

которую ни один из нас больше не мог и не хотел преодолеть.

Помолвка с некой Кристиной так и не состоялась, но я не сомневался, что на этом его эксперименты не закончатся. Наоборот – это самое-самое начало. Потом Кор выразил желание поработать в сиднейском офисе Уайдбека. С тех пор мы ни разу не виделись. Я не говорил о нем, не интересовался его жизнью и пропускал мимо ушей любые новости о нем. Семья воспринимала эту нашу ссору как нечто преходящее, и у меня не было никакого желания убеждать их в обратном.

* * *

В начале весны Уайдбек провел очередную конференцию. Мне накануне выпала ночная смена в госпитале, так что я заявился туда, едва стоя на ногах. Но мою сонливость как рукой сняло после того, как в конференц-зал вошел Альцедо и направился прямым ко мне. Святые угодники, на это стоило посмотреть: миниатюрная цыпочка, в туфлях на шпильке, строгом деловом костюме и прической под названием «Это только кажется, что я уснула с мокрой головой, а потом забыла расчесаться, на самом деле я провела три часа в салоне и выложила за это две сотни швейцарских франков».

Альцедо уселся рядом и закинул ногу на ногу.

– Кажется, ты вошел во вкус, – давлюсь от смеха я.

Едва я успел побороть очередной приступ смеха, как в зал вошли родители, Никтея и группа экспертов, готовых продемонстрировать очередное достижение науки.

– Что там ваша братия изобрела на этот раз? Эликсир молодости?

– Я не при делах. Это не мой департамент, – зевнул Альцедо. – Нанотехнологии что-то состряпали, если верить слухам...

Следующие два часа конференции можно было бы уместить в десять минут. Если бы светила науки хотели домой в кровать так же сильно, как я, и если бы перерывы на кофе были слегка покороче, то все ноу-хау можно было бы сформулировать тремя предложениями: Уайдбек планировал начать выборочную окольцовку птиц в Европе. Отслеживать программно передвижения чувствительных к десульторам птиц и фиксировать точки их повышенного скопления. Эти скопления могут указывать на нахождение там одного из нас – застрявшего в теле-ловушке.

Для окольцовки планировалось использовать мини-GPS-Трекеры, похожие на полоски тонкой полимерной бумаги. Я прихватил коробку

таких маячков и поехал домой. На балконе моей квартиры уже пару дней гуляла белая цапля. Я перевернул птицу вверх тормашками и наклеил маячок ей на лапу. Мой первый посильный вклад в проект BirdTrack. Если верить инструкции, маячок активируется, как только намокнет, и сам включится в систему слежения.

– А теперь марш отсюда, – сказал я цапле и подбросил ее в воздух. Та взмахнула белоснежными крыльями и не спеша полетела к озеру.

* * *

Одна из пациенток в моем госпитале – какая-то русская туристка – обсуждала с подругой детективный сериал.

– Конечно, убийца он, кто же еще, – сказала она, закатив глаза.

Я проверил капельницу и направился к двери.

– Это была улика, говорю тебе...

Я схватился за ручку двери и застыл, как вкопанный. Внезапно, на долю секунды, я снова увидел себя глубоко под водой: мимо плывут рыбы, высоко, на поверхности воды играют солнечные блики...

– Вряд ли это тянет на улику, – возразила ее приятельница..

И еще один приступ дрожи. Было похоже, тот, кому до меня принадлежало тело, изрядно напортачил. Его просто встряхивало на слове «улика».

«Все нормально, – сказал я в шутку телу. – Ты в безопасности. Я не собираюсь возвращаться на Украину».

Я не смог толком уснуть в ту ночь. Что-то растревожило все до единого нервы. Нечто настолько неуловимое и утекающее, что едва ли тянуло на остаточную реакцию. Всего лишь слово. То ли из какого-то славянского, то ли из какого-то другого языка. Слово, означающее что-то холодное и текучее, как вода, что-то яркое, как блик на стекле, и стремительное, как волк.

Оно возникло из темной пустоты моего нового «дома» и тут же отступило обратно во тьму. Как кошка, которая осторожно входит в гостиную и, увидев вместо хозяина чужака, тут же прячется...

– Не сходи с ума, – сказал мне Альцедо после того, как я рассказал ему про воду и блики и про то, как мне осточертело видеть их во сне. – Мне вот снятся теннисные мячики чуть ли не каждую ночь. Дошло до того, что вчера я поехал на корт и стучал мячами об стену, пока в глазах не зарыбило... Кстати, помнишь силентиум, который стирает два часа свежих

воспоминаний?

– Еще бы.

– У него обнаружился любопытный побочный эффект. При регулярном приеме небольших доз краткосрочная память почти не повреждается, зато начинают меркнуть остаточные реакции. Весь мусор, который хранили клетки памяти, – просто сгорает. Остаешься только ты и твои мысли.

– Предлагаешь мне уколоться силентиумом?

– Как вариант, как вариант, – рассмеялся он. – Правда, все это пока не слишком хорошо изучено. Но если захочешь побыть лабораторной мышкой, я всегда к твоим услугам.

* * *

К бликам и воде потихоньку начали примешиваться другие видения: волки, человек в бинтах, язык пламени, бегущий вверх по бумаге... Я не слишком паниковал, потому что мозг Эйджи и Скотта тоже выдавали массу остаточных реакций. «Все пройдет, – уговаривал я себя. – И это тоже».

Как бы не так.

Волки стали сниться мне каждую ночь: большие, пушистые, с желтыми глазами-лунами. Человек в бинтах вяло шевелился и плакал так, что сжималось сердце. Огонь бежал вверх, разгораясь все ярче и ярче... Все это имело какой-то смысл, все эти фрагменты принадлежали одной большой мозаике. Только вот мозаика эта давным-давно рассыпалась и больше мне не принадлежала. Хотел ли я восстановить ее в памяти? Вряд ли...

Как-то ночью, на исходе апреля, мне приснился сон, который я уже однажды видел: я держу в объятиях Катрину, ее голова на моей груди. Наконец она поднимает лицо и говорит мне:

– Иди дальше и не оглядывайся.

– Куда идти? – спрашиваю я.

– Туда, – отвечает Катрина и вытягивает в сторону руку. Я устремляю взгляд в указанном направлении: там снова виднеется река, блики на воде, стая серых волков и человек в бинтах, лежащий на берегу.

В то же утро я позвонил в госпиталь и взял неделю отпуска. Пора разогнать волков, расплескать реку и вытащить человека из бинтов. Раз уж сама Катрина просит меня об этом.

– Альцедо, я еду в Киев. Составишь мне компанию?

8. Ли́ка

Мой брат, давным-давно окончивший курсы пилотирования при Уайдбеке и справляющийся с вертолетами и легкомоторными самолетами легче, чем со стиральной машиной, позвонил в дверь, вошел в квартиру и заявил, что он не полетит со мной ни в какую Восточную Европу, потому что *боится летать*.

– Приехали, – обалдел я.

– Клянусь, – вскинул руки Альцедо, – клянусь мамочкой.

Следующие пятнадцать минут я выслушивал подробный отчет о его остаточных реакциях: крошка Изабелла боялась летать и за всю жизнь уступила родителям только дважды. Первый раз она провела на борту самолета в едва ли не полуобморочном состоянии, а второй раз закончился бурной истерикой, которую не смогли унять ни родители, ни экипаж, ни порция успокоительного.

– Такие дела, – сник Альцедо.

– Сядешь в самолет, бахнешь виски и ляжешь спать. Я присмотрю за малюткой Изабеллой, – предложил я.

– Наверно, я плохо объяснил. Ее фобия была настолько сильна, что я просто боюсь потерять контроль над телом. Чего доброго, нокаутирую стюардесс, разобью окно и попытаюсь выйти из самолета на высоте десять тысяч метров. Ты готов к таким приключениям?

Я расхохотался, да так, что не сразу заметил, что Альцедо не смеется – что он абсолютно серьезен! Я не сомневался в том, что даже находясь в теле девочки, он, скорей всего, управится с любым противником (годы тренировок взяли свое), и если ему сильно захочется выбить окно самолета, то вряд ли кто-то сможет его остановить. Но во что я категорически отказывался верить – так это в то, что можно потерять контроль над телом. Среди десульторов ходили всякие байки, некоторые из которых мы особенно любили пересказывать за стаканом сангрии, и легенда о «потере контроля» была самой популярной.

– Ты в самом деле веришь в эти сказки?

– Даже сказки не возникают на пустом месте, Крис... Мозг такая штука... Не всегда знаешь, чего ждать от своего собственного, что уж говорить о чужом? Жить в другом теле – все равно что жить в заброшенном доме: при свете дня все спокойно, но стоит задернуть шторы, и неизвестно, какие призраки попрут наверх из подвалов и чердаков. Хочешь историю? –

Альцедо подсаживается поближе, нервно сложив ладони на коленях. – Однажды, когда я все еще был в теле старика-афганца, мы с приятелями выбрались поиграть в пейнтбол. Я еще не успел толком приладить маску на лицо, но уже смекнул, что со мной что-то не так. Маска, камуфляж и оружие в руках наполнили меня какой-то панической, лютой решимостью. Я сразу смекнул, что это всего лишь остаточные, и подумал, что не стоит себя сдерживать: даже собак иногда нужно спускать с поводка. Все шло гладко, пока я ни с того ни с сего не потерял сознание на несколько секунд... А когда пришел в себя, то увидел перед собой окровавленную физиономию одного из парней. Догадайся, что случилось? Мне потом рассказали, я сам никак не мог вспомнить...

– Тело рвануло в бой?

– Да. Я рубанул друга прикладом пушки для пейнтбола. Не помню этого момента вообще, но... есть о чем подумать, правда?

– Со мной никогда не случилось ничего подобного.

– Я уверен на сто процентов, что внутри каждого из нас есть тайная комната, фга, в этой комнате – потайной шкаф, а в шкафу – тайная кнопка, при нажатии на которую можно вылететь из ботинок. И черт бы с ней, ты знать не знаешь, где эта кнопка, да вот беда: тело прекрасно помнит, где она.

Альцедо потрянул белокурыми локонами и вскочил на ноги.

– Я не полечу с тобой в твой Киев ни за какие коврижки.

– Ну и ладно.

– Мы поедем туда на машине!

Навернуть две тысячи километров в один конец только потому, что мои остаточные реакции не дают мне спать по ночам? Иногда я поступал нерационально, но чтобы настолько? Альцедо же пребывал от затеи в полном восторге.

– Всегда хотел прокатиться по старушке Европе! Да еще и на твоей тачке, это же просто вихрь. Не успеешь глазом моргнуть, как мы будем сидеть посреди Крещатика, уплетать борщ и глушить украинскую водку. Если, конечно, останемся живы после немецкого пива, чешской бехеровки и польской медовухи...

– Это если крошке Изабелле согласятся продавать спиртное, – обламываю его я.

– О, Беллочка постарается выглядеть хоть куда! Она уже сносно прыгает на каблуках и даже раздобыла силиконовые подкладки в лифчик! Показать?!

– Боже, избавь меня от этих подробностей.

* * *

Я забросил в машину дюжину доз силентиума, коробку GPS-трекеров для окольцовки птиц, пушку с транквилизатором, сумку со всяким медицинским хламом, который я всегда предпочитал держать под рукой. Неофрон бы прослезился... Альцедо забил оставшееся пространство косметикой и дизайнерскими туфлями.

– Я модная девушка, – важно сказал он, залезая в салон.

– Я вижу.

– Я могу отличить карандаш для губ от карандаша для бровей!

– О нет...

– О да! Я могу за пять секунд отличить дезодорант от антиперспиранта, а потом выбрать такой, который не оставляет белых пятен на черном платье!

– О боги...

– А бретельки лифчика, оказывается, можно переkreщивать на спине, и тогда их не будет видно из-под одежды, ты знал?!

– Изабелла, а можно мне поговорить с братом? Что-то я давно его не слышал.

Глядя, как мой брат, профессор химии, сотрудник Исследовательского департамента Уайдбека, будущий член совета директоров, напялил лакированные туфли и хихикает, как девчонка, я впервые был готов признать, что десультор все-таки может потерять контроль над телом.

* * *

Путешествие до Киева, которое могло бы уложиться в несколько часов, заняло три дня. Впрочем, я не жалел о потраченном времени. Все, начиная с восхитительных скоростных немецких трасс и заканчивая уютными польскими городками, с улицами, мощенными брусчаткой, стоило того, чтобы быть увиденным. Каждый постоялый двор в чешской глубинке и каждый стакан в компании брата стоил потраченного времени. И только сны, которые настигали меня в гостиничных номерах, заставляли вставать затемно и снова гнать машину все дальше на восток, навстречу восходящему солнцу, без усталости и промедления.

По пути из Германии в Чехию бро взялся за второе по популярности предание. Оно гласило, что десультор может почувствовать другого

десультора на расстоянии. И этой байке Альцедо тоже был склонен верить.

– Это как в том сериале, который мы смотрели в детстве? – подкалываю его я. – Я Дункан Маклауд. Родился четыреста лет назад в горах Шотландии. Я один из Бессмертных!

– Хочешь верь, хочешь нет, – выпячивает губу Альцедо, – но это точно похоже на правду. Если уж птица может почуять десультора за три версты, то почему бы нам не чувствовать друг друга? Особенно если ты долго не контактировал с себе подобными и твои чувства обострились?

– Ну и как ты себе это представляешь – почувствовать другого десультора на расстоянии?

– Понятия не имею, но, клянусь, ближе к старости я свалю на необитаемый остров, а потом, когда совсем одичаю, приглашу тебя в гости, задница. Я наверняка почую твой катер за километр!

– Только глухой не услышит катер за километр.

– Заткнись, умник.

* * *

Третья самая популярная байка, о которой Альцедо размышлял остаток пути до Киева, гласила, что не стоит возвращаться в родное тело, испытывая сильные мучения. Предполагалось, что агонизирующее от боли сознание может убедить твой мозг, что травмы чужого тела – твои собственные.

– Если твое приемное тело погибнет в пожаре, то можно очнуться с ожогами на родном теле, – говорит Альцедо, постукивая пальцами по рулю. – Лихо? Я видел краем глаза кое-какие исследования, приятного там мало. У восприимчивых к боли десульторов все может закончиться плачевно.

– Истории из жизни?

– Достоверная всего одна. Но какая. Мать Неофрона. Не слишком удачно пустила себе пулю в висок при попытке завершения прыжка. Пуля убила приемное тело, но не сразу. А как только бедняжка очнулась в своем собственном теле, у нее началось массивное внутричерепное кровоизлияние. Совпадение? Не думаю.

– О боги... Вот почему так важно расстаться с оболочкой безболезненно – покинуть ее до того, как почувствуешь боль... Все, мои байки на исходе, теперь можем поговорить о чем-нибудь другом.

– Способы удаления волос с тела? – ровно спросил я, едва сдерживая

подступающий хохот.

– Хорошо, – радостно кивнул Альцедо. – Представляешь, чтобы удалить воском волосы с ног, нужно сначала не бриться три недели, чтобы они отросли до нужной длины! Три недели с волосатыми ногами!

Нет, он же это несерьезно? Или серьезно? Я смеялся, как ненормальный, и чуть не отправил машину в кювет.

* * *

К вечеру второго дня мы были уже на подъезде к Киеву. Я вырубался от усталости, так что Альцедо пересел за руль. Но поспать не удалось: не прошло и часа, как я подскочил от жутчайшей тряски и воплей. Мой взгляд тут же наткнулся на паутину трещин на лобовом стекле, эпицентр которой расположился прямо напротив водительского сиденья. Альцедо выскочил из машины, матерясь во весь голос. Я вылез следом, потирая затекшую шею.

– Если бы я не был наслышан о твоей реакции, то подумал бы, что мы только что расхерачили лобовое стекло.

– Очень смешно.

Я снял тонкое окровавленное перо, зацепившееся за дворник, и расправил его в пальцах.

– Сова?

– Не успел разглядеть. В тот момент я думал о гораздо более важных вещах, например о том как не расплющить наши задницы, слетев в кювет на скорости девяносто миль в час.

Альцедо развернулся и зашагал назад, сердито потряхивая кудряшками на каждом шаге. Потом остановился и поднял большой помятый ком перьев, который когда-то был птицей.

– Никогда к этому не привыкну. Даже случись это в сотый раз, все равно с перепугу можно наложить в штаны. Надеюсь, в этом твоём Киеве удастся заменить стекло у такой машины. Я почти уверен, что это займет кучу времени...

– Дотащимся до города, а там возьмем что-нибудь напрокат, пока будут менять стекло...

Альцедо трясло, как эпилептика, так что я снова уселся за руль.

– Ложись поспи, девочка. До города еще несколько часов тихим ходом. Ни фиги не видно...

– Выспишься тут. «Девочку» до сих пор колотит.

- Уколись силентиумом.
- Иди к черту, Крис.

* * *

Ближайший сервисный центр, который взялся заменить стекло у моей машины, объявил, что это займет не меньше двух недель. Впрочем, сумма, в пять раз превышающая стоимость ремонта, тут же сократила две недели до двух дней. В прокате мы взяли резвый внедорожник, сняли номера в гостинице и к полудню отправились колесить по Киеву. Район за районом, улица за улицей в надежде, что мозг Феликса подкинет мне новый фрагмент мозаики. Но мои поиски так и не увенчались успехом. Только один раз, когда мой взгляд наткнулся на красный кирпичный забор, в памяти вдруг отчетливо всплыло слово «Беспалова». Но сколько я ни терзал навигатор, он упорно настаивал на том, что ни улицы, ни района с таким названием в Киеве нет.

К концу дня я окончательно выдохся. Альцедо согнал меня на пассажирское сиденье и повернул обратно к гостинице. В тот вечер он оказался за рулем по чистой случайности. И только благодаря этой случайности девчонка, возникшая прямо перед машиной, осталась жива. Все произошло так неожиданно, что девяносто девять против одного, что я не успел бы затормозить вовремя. Чтобы в подобной ситуации отреагировать достаточно быстро, водитель должен был бы обладать просто нечеловеческой реакцией. Например, реакцией десультора, помноженной на реакцию некогда подающей надежды теннисистки. Так что той, что рухнула с тротуара прямо на проезжую часть, не просто повезло. Ей повезло так, как обычно везет только раз в жизни. Машина остановилась в полуметре от ее распластанного на дороге тела.

– А теперь можно пойти и оторвать ей голову, раз уж колесо не раздавило ее, – Альцедо зло ударил ладонью по кнопке аварийных огней и распахнул дверь.

Две девчонки, подружки пострадавшей, суетились возле распластанного на дороге тела. Похоже, потеряла сознание, когда ударилась об асфальт. Я открыл дверь и неторопливо вылез следом за Альцедо.

– Когда выгуливаете чокнутых вдоль дорог, надо крепко держать их за шкуру! – рывкнул Альцедо двум насмерть перепуганным школьницам – лет по пятнадцать-шестнадцать обеим – и двинул к пострадавшей.

– Она... не знаю, что с ней случилось, она никогда себя так странно не

вела, – запинаясь, пробормотала блондинка.

– Пожалуйста, помогите, – пискнула вторая, девочка-воробушек с колкими глазами и взъерошенной стрижкой.

Альцедо объявил, что нужно перенести тело на тротуар, и Бло с Воробушком неохотно отошли. Я сделал шаг к безжизненному телу, и меня накрыло жуткое чувство дежавю. Девичья фигура, лежащая лицом вниз, и шелк темных, почти черных волос, рассыпавшийся по плечам и ловающий отблески фонарей. Только нечеловеческим усилием воли мне удалось убедить себя, что это не Катрина, а другой человек, и не мертвый, а живой, я переверну ее и не увижу крови и открытых неподвижных глаз, положу пальцы на ее шею и под кожей будет трепетать пульс...

Я осторожно перевернул ее и не сразу, словно собираясь с силами, заглянул ей в лицо.

Удар электрического тока. Остаточная реакция в своем самом полном и ярком проявлении: несомненно, мои глаза видели ее раньше, несомненно, предыдущий хозяин тела знал ее. Невероятно.

Я с трудом оторвал свой взгляд от тонких, наглухо закрытых век, подхватил ее на руки и перенес на тротуар. Пожалуй, мне следовало сразу переложить ее в машину и везти в ближайшую клинику, но что-то внутри меня пыталось оттянуть этот момент, посмотреть на ее пугающе бледное лицо еще секунду, еще две... Пугающе бледное и очень красивое. Я запустил пальцы в ее волосы, делая вид, что ощупываю кости черепа, но на деле только для того, чтобы скрыть дрожь. Если я знаю ее, а в этом нет никаких сомнений, то она...

Сейчас она очнется и узнает меня!

– Как она? – мальчишка, возникший из ниоткуда минуту назад, участливо склонился над телом.

Ситуация грозила обрести ненужными свидетелями и любопытными. Я прикидывал, где здесь ближайший госпиталь. Ее подруги не узнавали меня, значит был шанс, что она тоже не узнает, все-таки месяцы в реабилитации не прошли даром. Я положу ее на заднее сиденье и, если она придет в себя раньше, чем мы приедем в клинику, просто не буду лишний раз оборачиваться. А если она что-то заподозрит, то укол силентиума быстро исправит ситуацию...

Я поднял тело и двинулся к машине. Бло и Воробушек бросились открывать дверь. И тут странный мальчишка, который все это время мялся рядом, выволок из кармана нож и выдал:

– Никто никуда не поедет.

Парнишка находился под воздействием психотропных веществ или

собирался извлечь из ситуации какую-то очевидную только для него пользу. Рукоятка, зажатая в его кулаке, выплюнула лезвие..

Я велел девчонкам залезть в машину и перевел взгляд на Альцедо. В этой ситуации он беспокоил меня больше всего. Брателло не слишком хорошо контролировал себя, когда дело доходило до драк. Пожалуй, этим грешили все в нашей семье. Я знал, что вид направленного на него ножа может заставить его психануть. Он глухо рассмеялся и сложил на груди свои крохотные девчачьи ручки. Это была обманчивая безмятежность. Пяти секунд ему хватило бы на то, чтобы выбить нож из руки мальчишки, сломать ему руку и раскроить череп о капот машины. И тот факт, что сейчас он закован в тело десятилетней девочки, не стал бы помехой. Но, к моему удивлению, он повел себя на редкость сдержанно.

– Крис, не стоит привлекать лишнее внимание, – утомленно сказал он и не спеша залез в машину. Я повернулся к мальчишке:

– Убери нож. У тебя три секунды.

Лицо подростка вдруг обнаружило едва заметную перемену: от враждебной решительности до настороженной сосредоточенности. Он зажмурил глаза и открыл их снова, его качнуло, и нож вывалился из его руки. Я был уверен, что малыш здорово накачался какой-то дрянью и теперь видел то, чего не видели другие. Но его следующая реплика заставил меня дернуться от неожиданности:

– Вот мы и встретились, сукин ты сын!

Мальчишка оскалился в безумной улыбке и рванул ко мне. Его сухая рука выпрыгнула вперед, как пружина – быстрая и намеревающаяся получить расплату за какие-то неведомые мне долги.

Я перехватил его руку, стараясь не сломать запястье, и отбросил от машины. Потом запрыгнул в машину, и Альцедо вдавил педаль газа в пол.

– Надо было вырубить его, – бросил мне Альцедо по латыни, поглядывая в зеркало на летевшего следом пацана. Станный он какой-то: зрачки в норме, речь связная, не похож на обдолбанного, интересно, какого черта ему надо. – Альцедо повернулся к троице на заднем сиденье. – Вы его знаете?

Бло и Воробушек испуганно помотали головами.

И тут мальчишка споткнулся и рухнул в пыль, проехавшись животом по асфальту. Вот и все. Несколько секунд спустя он медленно поднялся и, даже не взглянув в нашу сторону, поплелся в обратном направлении.

– Пришла в себя! – пискнул кто-то на заднем сиденье.

Рановато. До ближайшей клиники еще минут пятнадцать. Узнает ли она мой голос, если услышит его, или мне стоит помалкивать? И тут она

заговорила.

– Я в порядке. И я все помню.

– Ли́ка, мы едем в больницу, – сказала Бло.

Еще один электрический разряд, взявший начало где-то в висках и угасший в кончиках пальцев. Я едва сдержался, чтобы не обернуться и не переспросить, как ее зовут.

– Ли́ка, прошу тебя, – тут же сказала вторая.

ЛИ́КА.

И вот тут меня словно окатило ведром ледяной воды.

«Блики». Liquid^[33] λύκος^[34]...

Я невидящими глазами таращился прямо перед собой. Вовсе не *ушки* заставляли этот мозг фонтанировать остаточными реакциями, – это было ее *имя*. Вот что все это время топталось на пороге моего сознания, ускользало и никак не давалось в руки. То, что отсвечивало бликами, звенело водой и смотрело из темноты яркими волчьими глазами – ее имя, рассыпавшееся на переливчатые «ли», «ка» и их невесомые комбинации... Неужели она и есть та мозаика, которая вела меня сюда? И если так, то что мне теперь со всем этим счастьем делать?

– Чем же вы успели ему насолить? Отказались подкинуть до закуской? – подала голос девчонка. Она явно была не в духе. Подруги смотрели на нее с испугом.

– Спутанное сознание. Возможно последствие травмы, – бесцветным голосом начал я, но договорить не успел, потому что девчонка вдруг как с катушек слетела.

– Остановите машину! – завопила она.

Альцедо тут же свернул к обочине и остановился. Я не спускал с него глаз и больше всего боялся, что тот сейчас выкинет что-нибудь в своем репертуаре: нокаутирует вопящего человеческого подростка, выбросит всю троицу на обочину и спокойно поедет себе поглощать стейк из лосося в ближайший кабак. Но мысль, что лицо этой девочки украсит еще один кровоподтек, ни с того ни с сего вывела меня из себя.

– Держи себя в руках, – предупредил я его, – это всего лишь дети.

– А теперь все вон из машины! – рывкнуло «дитя».

В глазах Альцедо полыхнули два синих огня, а пальцы мертвой хваткой вцепились в руль. Если бы эта крикливая малышка знала, что сейчас находится на волосок от прямого удара в голову – она бы вела себя потише. Альцедо рассмеялся. Он всегда смеялся, когда нервничал и пытался взять себя в руки.

– Это что, угон? – спросил он.

Ситуация накалилась добела. Мои планы держаться в стороне и оставаться неузнанным горели огнем.

Я обернулся – и две вещи поразили меня одновременно. Первая: она смотрела на меня в упор так, будто вокруг больше никого не существовало, и вторая: на ее лице была написана тотальная всепоглощающая ненависть.

– Мне нужно поговорить с ним, – она вытянула палец в моем направлении. – Наедине.

* * *

Когда мисс Истерика, прежде чем высказать вслух свои подозрения, потребовала аудиенции, – она приняла одно из самых верных решений в своей жизни. «Теперь ты можешь перестать притворяться, что видишь меня первый раз в жизни, Феликс», – если бы эти слова коснулись уха Альцедо, то в следующую секунду его пальцы сомкнулись бы на ее шее. А я этого ой как не хотел...

Она перебралась на водительское сиденье и теперь сидела, скрестив руки на груди и слегка откинув голову. В глазах – презрение, ненависть и страх. Я замер в нетерпении: что нас с ней связывает и чем Феликс успел ей досадить? Не отдал долг, бросил, втянул в авантюру? Впрочем, для авантур она была слишком юна. И, несмотря на решительный характер, выглядела слишком... невинно, чтобы иметь общий круг знакомых с вором, наркоманом и убийцей. Слишком невинно, чтобы вообще знать его.

– Твоя мать – за что ты ее так ненавидишь? – сказала она, пытаясь держать себя в руках, но в глазах стояли слезы. – Когда ты исчез, она напоминала живой труп, Феликс! Живой труп! Такому поступку может быть только одно веское оправдание – смерть.

О, в таком случае он искупил свою вину с лихвой. Передо мной сидела очередная жертва обстоятельств, предъявляя мне счета, по которым я не хотел платить, – чужие счета.

– Я не тот человек, за которого ты меня приняла. Ты ошиблась.

Девчонка не поверила мне – ни единому слову. В следующую секунду ее пальцы сомкнулись на моем левом предплечье, сдергивая с него рукав. Она оглядывала мою руку со всех сторон в поисках неопровержимых доказательств того, что я – *тот самый* Феликс. Доказательств, которых больше не было и быть не могло. Она смотрела на руку и не верила своим глазам. Вслед за левой подозрения пали на правую – и снова ничего.

А потом она взялась за мою рубашку...

Последним человеком, который расстегивал пуговицы на моей одежде, была Катрина, и только эти навязчивые, выключающие разум ассоциации помешали мне перехватить ее обезумевшие руки, жаждавшие найти любые доказательства. Во что бы то ни стало. Но двух длинных параллельных шрамов чуть ниже солнечного сплетения тоже больше не было.

– Этого не может быть, этого не может быть, – повторяла она голосом человека, который только что увидел невероятный фокус. Я затаил дыхание в предвкушении новой выходки: что теперь? Попытается взять у меня образец крови для ДНК-диагностики?

Но ее взрывоопасный энтузиазм вдруг иссяк. Она отстранилась и притихла, опустив руки и уронив лоб в ладони. Слезы. Слезы бессилия и разочарования. Мне тут же захотелось утешить ее – то ли потому, что горе было столь настоящим, то ли потому, что ее длинные темные волосы и фигура – до одури, до рези в глазах напоминали мне Катрину. Я привлек ее к себе и решил не отпускать, пока она не успокоится.

– Мне жаль, – сказал я, чувствуя, как замедляется ее дыхание и перестают вздрагивать плечи. Происходящее ввергло меня в легкое замешательство. Я знал, что лучшее, что можно для нее сделать, – это как можно сбить ее с толку и выпроводить из своей жизни, но что-то в этом сценарии...

Она крепче прижалась ко мне и обняла за шею. И в этом движении, выпрашивающем утешения и покровительства, я не смог вовремя распознать уловку, а когда ее пальцы погрузились в мои волосы – было уже поздно. Она знала о шраме на моем затылке и теперь пожелала убедиться в его отсутствии!

Нет, это была не просто злость. Это был взрыв ядерного реактора. Моя новая знакомая обрушила на мою голову тайфун отборнейших – и я не сомневался, что справедливейших – ругательств. О, этот Феликс постарался на славу, если смог посеять в ней такую термоядерную ненависть. Ненависть, которая придавала этому хрупкому подростку неимоверную силу, скорость и точность: я слишком поздно сообразил, на что она способна. Понял только тогда, когда ее пальцы, сжатые в кулак, врезались в мою переносицу.

Из носа хлынула кровь, а нервы полоснула такая боль, какой я давно не испытывал. Я выбросил вперед руку, совершенно точно уверенный в том, что за первым ударом последует попытка совершить второй, поймал ее за локоть и больно сжал. Но она даже не пикнула: ее голова вдруг свесилась на бок, а руки безжизненно повисли.

Ее зрачки слабо реагировали на свет, пульс и дыхание были в норме.

Обморок. Судя по всему, результат истерики.

Пора со всем этим заканчивать. Так будет лучше для всех. Я открыл бардачок и достал шприц с силентиумом. Всего одна инъекция – и она забудет обо всем, что здесь произошло. Останется просто вызвать такси и исчезнуть до того, как она придет в себя.

Снимаю колпачок со шприца. Тонкая рука, голубые вены на сгибе локтя, перевожу взгляд на ладонь и... останавливаюсь. Ее ладонь покрыта едва заметными светлыми шрамами. Расправляю вторую – то же самое. Похоже, что она когда-то проехала ладонями по битому стеклу.

Мои пальцы рефлекторно сжимаются в кулак. Очередной высоковольтный разряд остаточных реакций. Я внезапно вижу ее на больничной койке: ее руки и ноги перебинтованы, кислородная маска на белом бескровном лице (о боги, человек в бинтах, которого я столько раз видел во сне, – это тоже она!) я смотрю на нее в проем полуоткрытой двери и чувствую неконтролируемое желание, желание на грани одержимости, убить того, кто сделал с ней это.

Закрываю глаза, пытаюсь стряхнуть странное оцепенение и выбросить из головы эти неудобные чувства – чужие чувства к чужому человеку. Но мозг тут же подбрасывает мне новое воспоминание из «прошлой жизни»: эта девочка обнимает Феликса и плачет. Я смотрю на нее его глазами и знаю, что на моей голове повязка, под которой десятисантиметровое рассечение осколком бутылочного стекла. Его нос сломан, повреждено несколько ребер и шейные позвонки. Я заново чувствую всю эту боль, пульсирующую в голове.

Эта девочка никогда не питала к нему добрых чувств, но на этот раз перестает держать дистанцию, говорит с ним, смотрит с ним его любимые фильмы, сидит на краю его кровати. Она ему не подруга и не сестра, но что-то заставляет ее проводить время с ним рядом... Кто она ему? Пытаюсь проникнуть в чужую память. Наконец мне это удается: она дочь человека, который женился на матери Феликса. Она недолго любила и побаивалась своего сводного брата, и было за что. Феликс был готов убить всех, кто посмеет ее обидеть, но одновременно с этим страдал навязчивой идеей обладать ею. Во что бы то ни стало. Даже вопреки ее воле. Например, горсть снотворного, подмешанная в чай, что может быть проще? Я копаюсь в памяти, пытаюсь понять, удалось ему это в конце концов или нет, – но безуспешно...

Всевозможные психические отклонения на почве любовной горячки уже не удивляют меня, и все же меня захлестывает отвращение. Не только к Феликсу, но и к тому, что собираюсь сделать я сам. Потому что мои методы

не сильно отличаются от его методов: получить желаемое, не прилагая особенных усилий, – а просто накачать ее химией, сделать так, чтобы она попросту ничего не вспомнила.

Я перевожу взгляд с руки на ее лицо. Спокойное, умиротворенное лицо, уверенный подбородок, на щеке – кровоподтек, над ключицей – едва заметный шрам от катетера. Что если она заслуживает знать, что случилось с ее дорогим Феликсом? С минуты на минуту она может прийти в себя, а я первый раз в жизни не могу быстро и уверенно принять решение.

Если я не сделаю инъекцию сейчас, то придется расхлебывать кашу.

Если я сделаю укол, то больше никогда ее не увижу.

Из разбитого носа на ворот моей рубашки капает кровь. Ладно, один-ноль! Хотя бы за отлично поставленный удар. Правда, какое же сейчас, черт возьми, неподходящее время и место для разговоров...

Я бросил шприц обратно в бардачок и стал искать ручку и бумагу. Ручка нашлась, а вот с бумагой было туго. Мне на глаза попала стопка маячков для окольцовки. Я развернул в пальцах тонкую полимерную ленту, похожую на бумагу, и втиснул на нее несколько строк: *«Мне показалось, что все, о чем ты говорила, – важно для тебя. Обстоятельства не способствовали спокойному разговору, но, если ты сможешь держать себя в руках, можно встретиться и поговорить. Завтра... – вспоминаю число, – 22 апреля, в 7 вечера я буду ждать в ресторане гостиницы Heaven...»*

Я свернул маячок трубочкой и сунул в карман ее куртки.

Минутой позже рядом остановилась машина такси. Я перенес тело девушки в машину и поручил таксисту отвезти ее с подругами в ближайшую клинику. Альцедо уселся за руль, и мы двинулись в обратную сторону.

* * *

– Ох, дерьмо, я не верю что все это наконец закончилось, – защебетал Альцедо, пристраивая задницу на пассажирское сиденье.

– Чего эта пигалица хотела? Пыталась стряхнуть с тебя бабки за то, что чуть не переехали ее? Опа... подожди-ка... Что с твоим носом? Она что, врезала тебе?

– Врезала. И, кстати, все не закончилось. Все только началось.

– Что? – довольная улыбочка на лице брата моментально погасла.

– Она узнала меня. Оказалась близкой знакомой того, кто пожаловал

мне это тело.

– Крис, – Альцедо всматривается в мое лицо. – Ты же сделал ей инъекцию, да? Скажи, что ты сделал ей эту долбаную инъекцию...

Я качаю головой. Он откидывается на спинку кресла, схватившись за голову.

– Почему?!

– Завтра я встречусь с ней и расскажу, что потерял память и того Феликса, которого она знала, больше нет. Мне кажется, что она... – Я попытался подобрать нужные слова, – заслуживает знать.

Альцедо нервно рассмеялся.

– Не заслуживает. Имей в виду, что если у этой девицы на тебя зуб, – а судя по тем взглядам, которые она тебе отвешивала всю дорогу, это весьма вероятно, – то завтра к месту встречи она может прийти с вооруженным отрядом. Мы знаем только малую толику из всего того, что твой Феникс наворотил до того, как сыграл в ящик.

Мой телефон внезапно начинает звонить. Звонок до того неожидан, что я почти готов увидеть имя Феликс на дисплее. Нет, незнакомый номер, звонящий из черт знает какой страны...

– Да?

– Крис, – тихо говорит мне женщина, голос которой я не слышал никогда прежде. – Это я, Диомедея...

Дар речи покидает меня. Я прилипаю к телефону ухом и хватаю воздух, как астматик.

– Дио?! О небо, ну наконец-то! Где ты?!

– Мне нужна твоя помощь, иначе я отсюда не выберусь... Только ни слова в Уайдбек, умоляю...

* * *

– Я в Египте, долина Нила, я продиктую тебе точные GPS-координаты. Женщина лет тридцати, среднего роста и телосложения. Упала с лошади, раскроила голову об камень. Я провела два месяца в госпитале в Александрии. Потом меня забрали домой, на ферму.

– Ты в порядке?

– Да, я в полном порядке. Рана зажила, обо мне заботятся.

– Подожди, то есть уже в декабре ты вышла из госпиталя?

– Да.

– Дио, апрель на дворе!

– Я знаю, знаю... Но мне было хорошо здесь. И надо было о многом подумать. Я решила, какая разница, где проходить реабилитацию. А тут тростниковые поля, и солнце, и лошадки, настоящий рай...

– Лошадки?! – психанул я. – Мы все с ума чуть не сошли!

– Прости... Да, я представляю... Но зато теперь я хочу домой. Меня хотят выдать замуж. Семейство паникует, думают, что я слегка тронулась умом после травмы. Я же теперь не говорю по-арабски и наглухо позабыла все молитвы. Когда я заговорила по-английски, они чуть из штанов не повыпрыгивали от удивления. Родичи боятся, как бы не стало хуже, тогда мне вообще замужества не видать, а я и так засиделась, ха-ха...

– Что нужно? Приехать за тобой?

– Да. Просто сделай поддельный паспорт и увези меня отсюда. Я пришлю тебе свою фотографию. И ни слова Уайдбеку, прошу. Родителям тоже не говори. Просто заberi меня отсюда. Вчера сняли мерки для свадебного хиджаба, пора сваливать...

– Договорились. Паспорт будет готов через несколько дней, раньше без помощи Уайдбека у меня вряд ли получится. Не критично? Продиктуй мне GPS-координаты и пришли фотографию. Я приеду за тобой через пару дней.

– Окей, – согласилась Дио. – Я соскучилась по тебе.

– Я тоже. Тебе точно ничто не угрожает?

– Клянусь. Я в норме.

* * *

К полудню пригнали из ремонта мою машину: та на сдачу получила горячую ванну с пеной и теперь сверкала так, будто только что сошла со сборочного конвейера. Самое время наvertнуть кружок-другой по городу, слушать бормотание остаточных реакций, исследовать особенности национальной кухни... Но все эти планы накрылись медным тазом: мне снова позвонила сестра. Я поднес трубку к уху и замер от потрясения.

– Ты сдал им меня?! Крис! Как ты мог?

– Что? – обалдело переспросил я.

– Ты сдал меня Уайдбеку? Неофрон здесь, черт бы его побрал!

– Soror! – рявкнул я. – Я ничего никому не говорил!

– Он мог узнать только от тебя, больше никак! Ох, черт, – всхлипнула она.

– Я клянусь тебе, что...

Дио нажала отбой, и я больше не мог дозвониться до нее, как ни пытался. Зато я смог дозвониться до родителей. Неофрон везет Диомедею домой – подтвердил отец.

– Как он нашел ее?

– Поговорим об этом, когда приедешь, – ровно сказал тот на другом конце провода.

– Она не делала никаких звонков в Уайдбек и не хотела, чтобы Неофрон приезжал за ней.

– Ты, смотрю, потрясающе хорошо осведомлен, сынок, – съязвил отец. – Если помощь ей все-таки нужна, то не стоило отказываться от услуг Уайдбека, Крис. Это безответственно – пытаться затащить тебя в Египет и заставить тебя рисковать своим телом. Хотел бы я посмотреть, как ты лезешь через электрическую проволоку, окружающую ферму, а потом плясешь под пулями фермера.

– Ты недооцениваешь меня.

– Я люблю тебя. А лишний риск – не твоя забота. Позволь рисковать тем, кто получает за это миллионы!

– Тот, кто получает миллионы, перепугал твою дочь до смерти! Или не знаю, что с ней сделал! Когда же ты поймешь это?

Я бросил трубку и повернулся к Альцедо:

– Это ты сказал им, где Дио?

– Мне заняться больше нечем? – вспыхнул тот.

– Где она, знали только я и ты.

– Да, вот только ты не передавал мне ее фотографию с координатами. Не так ли? Так что остаешься только ты.

Я вцепился в волосы и рухнул в кресло. В этой истории было столько непонятного, что голова шла кругом. Я приеду и первым делом вытащу из Дио всю правду. Или вытряхну ее из родителей. Или выбью из Неофрона, чего бы мне это ни стоило.

9. Демоны

Большой коньячный бокал был наполовину заполнен водой, а в воде плавала горящая свечка и лепесток розы. Такие же бокалы стояли на всех столах. Я мог побиться об заклад, что оформителем ресторана гостиницы Heaven была женщина. Мама открыла в Лугано свой ресторан пару месяцев назад, сама занималась дизайном и на каждом столе распорядилась поставить по вазе с разноцветными бусинами и свежими розовыми бутонами. Правда, убрала их после того, как отец заявил, что фрукты будут куда уместней: их хотя бы можно есть. Смешно вспоминать, но они чуть не рассорились из-за такой ерунды... Я отставил бокал со свечкой на другой стол: слишком романтично для подобной встречи.

Альцедо уехал на какой-то теннисный корт, проторчал там полдня, а по приезде завалился спать без задних ног.

Я ждал мисс Истерику, которая сильно опаздывала. Ждал уже целый час в компании бутылки Evian и с каждой минутой все больше сомневался, что она придет. «Нужно было прилепить ей записку ко лбу, а не совать в одежду», – дошло до меня.

«Она найдет, она внимательная», – подсказал мне какой-то внутренний голос, и этот голос вряд ли принадлежал мне.

«А еще... какая она?» – спросил я у себя.

Гул остаточных реакций слегка усилился: *«Любит печенье. Может съесть целую тарелку. Мать печет его без остановки, а Лика же съедает».*

Я рассмеялся и тут же поймал на себе подозрительный взгляд официантки. Ну вот, теперь она решит, что я чокнутый, а ведь так мило строила мне глазки.

«Что еще? Помимо печенья и первоклассного удара правой», – спросил я.

«Умная. Иногда какая-то потерянная. И терпеть тебя не может».

Что-что, а это я уже понял.

«И еще у нее обалденно красивые губы, – добавил голос. – Если ты, болван, еще не заметил».

Я медленно выдохнул, захваченный врасплох этим новым знанием. И в этот момент в зал ресторана влетела мисс Непунктуальность собственной персоной. Лямка рюкзака на сгибе локтя, сползающая с плеча куртка, покрасневшее лицо. Она очень спешила, и этот факт был неожиданно

приятен.

* * *

Лица скользнула взглядом по залу и не заметила меня. Я сидел в таком углу, в котором можно было бы легко совершить убийство, и никто бы этого не увидел. Ну или заняться сексом, и это тоже вряд ли б осталось замеченным. После безуспешной попытки допросить бармена она рухнула на стойку, лбом в ладони. Я встал и пошел к ней.

– Могу предложить яблочный сок. Он выглядит почти как виски, – кажется, бармен кокетливо отказывается продавать ей спиртное.

– Подойдет, – сказал я.

Она резко развернулась на звук моего голоса и вперила в меня свои глаза цвета шторма – темно-серые, тревожные. Брови сдвинуты, на щеке, на месте вчерашнего ушиба, красовался свежий пластырь. Одного взгляда на нее хватило, чтобы внутри снова зашевелился улей остаточных реакций и странных мыслей. Я перевел взгляд на ее губы и – увидел их словно впервые. Вряд ли их можно было назвать пухлыми, наоборот: небольшой, аккуратный, невинный рот, разве что... разве что прикусить эту нижнюю губу, и вот тогда она припухнет... Ну и мысли, Фальконе. И на этот раз – твои собственные, не отмазывайся...

Я вел ее к столу, пока она бушевала у меня за спиной:

– Неужели нельзя было найти более цивилизованный способ для такого рода информации?

– Нельзя, – ответил я и повел к своему столу.

«На котором можно заняться чем угодно».

Официантка положила на стол папку меню, хотя я бы сейчас больше обрадовался шпаге – отражать удары противника. Мы сидели друг напротив друга и молчали. Она казалась очень решительной и бесстрашной, но руки были скрещены на груди, а ладони сжаты в кулаки: типичная поза человека, который ощущает угрозу. Мне еще не приходилось видеть перед собой девушку, которая бы боялась меня. Что за странное и паршивое чувство. С куда большим удовольствием я бы посмотрел, как она... ну, например, улыбается. Или смеется. Или... да что угодно, только не это.

Разговор был недолгим, но тем не менее изрядно вымотал меня. Эта девочка не собиралась сдаваться. Она была намерена затащить меня в этот чертов Симферополь во что бы то ни стало. Она сражалась со мной,

убеждала меня, искренне пыталась понять мои аргументы и тут же выкладывала свои. Из нее вышел бы чертовски хороший переговорщик: она знала, чего хочет, и решительно намеревалась это получить. Но, к сожалению, Симферополь был последним городом, куда мне следовало тащить свое тело. Возвращаться туда, где я с высокой долей вероятности мог быть узнан, изображать из себя другого человека, брать на себя ответственность за то, чего я не совершал?

Нет, я был не настолько безумен... Я был вынужден втолковать этой девочке, что их дорогой Феликс – не тот человек, которого стоит тащить домой на радость маме. И что лучше бы им прекратить оплакивать головуреза и возрадоваться, что он забыл к родному дому дорожку.

«Переговоры» зашли в тупик. Моя собеседница опустила голову и расплакался. Шах и мат. Однако я не почувствовал удовлетворения, только раздражение и злость на самого себя...

Официантка принесла сок и виски. Сейчас моя поверженная королева оставит поле нашей маленькой битвы и сбежит прочь, а я выпью полный стакан и отправлюсь спать. Однако эта хрупкая на вид школьница, помимо отличного владения правой, еще и неплохо уничтожала алкогольные напитки. Я и глазом моргнуть не успел, как она наполовину опустошила мой стакан.

Молодец, Фальконе. Теперь эта девочка отправится в город не только в расстроенных чувствах, но и нетвердо стоя на ногах. А учитывая, что сегодня она упустила свой поезд, то ей, вероятно, еще и негде будет ночевать.

Одна. В чужом городе. Ночью. Нетрезвая. В слезах... Представил?

Дрожащей рукой Лика выложила на стол деньги и встала.

Я буду последним мерзавцем, если позволю ей уйти... Я вскочил и вытянул руку, намереваясь остановить ее. В этот момент Лика сделала шаг и начала терять равновесие. Очередной обморок. Третий по счету.

* * *

Я подхватил ее на руки (что-то подозрительно легкая для любительницы печенья) и двинулся к выходу. Лишние свидетели ни к чему. Никто из персонала даже не попытался меня остановить: видимо, напивающиеся до обморока постояльцы были привычным делом. Разве что какая-то рыжеволосая незнакомка, нетрезво стоящая на ногах, возникла передо мной из ниоткуда и предложила помощь, но я быстро отделался от

нее, в три минуты добрался до гостиничной парковки и переложил тело Лики в свою машину.

Город накрыла холодная весенняя ночь, датчик на панели управления говорил, что за окном плюс пять и ни градусом больше. Да я скорее пойду мириться с Кором, чем отпущу ее в эту ночь. А с Кором я мириться не собирался. Ближайшие лет сто так точно.

Что теперь? А теперь самое время поступить по совести. И будь что будет. Альцедо просто с катушек слетит от такого поворота событий. Уайдбек бы тоже не обрадовался: якшаться с бывшими родственниками тела – дурной тон. Но явиться к матери Феликса и все объяснить – не самая большая цена за возможность разгуливать по этому миру на своих двоих, ведь именно ей я был обязан этим телом. Я был обязан ей, и какая-то часть меня настаивала на возвращении долга.

«Но на всякий случай подумай еще раз, герой, стоит ли оно этого... Стоит ли ОНА этого?»

Я бросил взгляд на безжизненное, беззащитное, такое хрупкое тело, лежащее на пассажирском сиденье, – и тут же принял решение: да, она стоит того. Запустил навигатор: до Симферополя всего каких-то десять часов езды. Если мы отправимся прямо сейчас, то утром будем на месте. И у Лики не будет никаких вокзалов, поездов и незнакомых людей в одном купе. Потому что я просто привезу ее домой.

Итак, Симферополь. «Беспалова» – снова шевельнулось в памяти. Я вбил в навигатор название улицы и проверил то, что уже знал наверняка: так и есть, в этом городе была улица с таким названием.

* * *

Сначала мне показалось, что из этой затеи ничего не выйдет. Лика пришла в себя и заодно пришла в ужас. Она боялась меня так, словно я мог придушить ее в любую секунду. «Куда ты везешь меня?», «Ты сделаешь мне больно?», «Я не хочу умирать...» я гадал, сколько времени я еще смогу выдержать весь этот бред. И ни мои шутки, ни отвлеченная болтовня ни могли усмирить в ней подозрения и почти животный страх. Впрочем, если бы она оказалась наедине не со мной, а с настоящим хозяином тела, то ей стоило бы бояться. Феликс питал к ней чувства, и вряд ли их можно было назвать светлыми.

«Терпи, она боится не тебя, а своего гребаного братца, будь он неладен...»

Но потом моим юмористическим угрозам удалось то, что было не под силу рациональным доводам: я пообещал ей утрамбовать в двухместный спорткар третьего человека – и она не смогла сдержать смех. Я в первый раз услышал, как она смеется, и поймал себя на мысли, что был бы не против слышать этот смех почаще. Наконец-то. Как она умудрилась за каких-то полчаса довести меня до полного изнеможения?

Лица начала спрашивать о моей семье, о моем прошлом, о том, как я узнал, что было до «потери памяти», кто помог мне в этом и почему. От ее взгляда не скрылись все мои «новые умения», и ей не терпелось узнать, как и откуда я успел их приобрести.

Но я не мог сказать ей правды. Моя жизнь и жизнь моей семьи была тайной за семью печатями. Все, что я мог – бессовестно лгать прямо в эти доверчивые глаза, наполненные искренним любопытством. Я скармливал ей толстые, наспех прожаренные куски полуправды, щедро приправленные суррогатными подробностями, и почему-то ненавидел себя за это.

* * *

Она оказалась первой девушкой после Катрины, с которой мне предстояло провести больше двенадцати часов кряду. И при этом человеком достаточно интересным, чтобы эти двенадцать часов не превратились в пытку. Когда она перестала шарахаться от меня, выяснилось, что она прекрасная собеседница. В ней было что-то подкупающее и чистое – что-то, за что хотелось сразу же отплатить самой лучшей монетой. Казалось, она не способна скрывать что-либо – все ее эмоции сразу же отражались на лице: волнение – сжатые губы, сосредоточенность – тонкая морщинка между бровями, подозрительность – едва заметно сощуренные глаза. Именно эти три состояния составляли ее эмоциональное ядро, но изредка я ловил на ее лице странное задумчиво-мечтательно выражение, словно она вспоминала о ком-то, кто ей особенно дорог. В такие минуты мне хотелось узнать о ней больше. Гораздо больше, чем это было возможно за одну мимолетную, неизбежно ускользающую ночь.

Я попросил ее рассказать что-нибудь о себе, но она снова забралась в свою сердитую скорлупу, в которую любила демонстративно прятаться, когда я пытался перевести разговор со своей собственной персоны на нее. Она сдвинула брови и проворчала: «Учусь в одиннадцатом классе, мое имя ты знаешь, планов на будущее нет, талантов особенных нет, на здоровье не

жалуюсь». Я готов был расхохотаться над такой забавной характеристикой, но минута выдалась не самая подходящая: кажется, она раздумывала над чем-то, что нешуточно ее беспокоило.

– Меньше чем за сутки ты успела три раза отключиться. И часто с тобой это происходит? – спросил я, надеясь, что она схватит наживку и хотя бы ненадолго перестанет истязать меня вопросами.

Кажется, я нащупал ее слабое место: она еще глубже залезла в «скорлупу», да еще и выставила наружу сердитые рожки:

– За последние пару месяцев ты успел получить еще и медицинский диплом?

Еще как успел. Самый что ни на есть медицинский.

– Ладно, – сдалась Лика после недолгих препирательств. – Эти... обмороки случаются часто. Чаще всего, когда я напугана, или сильно волнуюсь, или когда мне больно. В общем, когда уровень адреналина начинает зашкаливать – я теряю сознание.

Вот это поворот. Она очень точно описала спусковой крючок «прыжка» в другое тело. И если бы вместо «теряю сознание» она сказала «перепрыгиваю в другого человека», то я бы, пожалуй, подумал, уж не сплю ли я. Десультор? Она? Я наобум прикатил в другую страну, и первый человек, на которого наткнулся, оказался немного... десультором? Да этого просто быть не может. Не сходи с ума, Фальконе. Гораздо вероятней, что у нее проблемы с мозговым кровообращением или еще какая-то причина из сотен возможных..

– Есть ли на свете что-то, что могло бы заставить тебя изменить свое решение уехать завтра же? – спросила Лика глубоко за полночь, почти выключившись от усталости. На этот вопрос у меня не было ничего, кроме категорического «нет». Пластырь нужно снимать одним рывком, а иглу всаживать быстрым и резким движением – в противном случае простейшая процедура превратится в нестерпимое мучение. Я смирился с тем, что придется выполнять чужую черную работу: объяснять свое исчезновение и придумывать что-нибудь убедительное о своей новой жизни, – и знал, что на это мне с головой хватит одного дня. Задерживаться дольше, прикармливать этих людей бессмысленной надеждой на то, что я когда-нибудь вернусь и смогу вдохновенно играть роль возлюбленного сына и брата, – их же блага ради, нет и нет.

Лика крепко спала, отвернувшись к окну и вытащив заколки из волос. Видеть человека спящим – в этом было что-то интимное. Сон – тоже своего рода нагота. Ведь когда он спит, он полностью безоружен. Интересно, кто-нибудь, кроме родителей, видел ее спящей?

Я запустил удочку в память Феликса: есть ли у нее ухажер? Всегда ли она ночует дома? Была ли она когда-нибудь влюблена? Любое имя, которое она, возможно, когда-то произнесла за завтраком, мечтательно закатив глаза?

Ничего вразумительного в ответ.

* * *

Ночь пролетела как одно мгновение. Я старался гнать не слишком быстро, включил максимум градусов на климат-контроле, только бы моя драгоценная спутница не замерзла, и даже прикинул, где мне накормить ее завтраком. Только сейчас до меня дошло, как давно я не заботился о ком-либо. Эта функция была прописана в моей программе, но, черт возьми, я не пользовался ею целую вечность... в это идиллическое утро и ворвался Альцедо, громко зевая в трубку:

– А ты где? Я проснулся, а тебя нет. Может, принесешь мне закусочку с завтрака?

– Боюсь, тебе придется спуститься вниз самому.

– Ленивая задница. Как прошла встреча с сердитой цыпочкой?

– Эм-м... Хорошо.

– Хвала небесам. Ну а теперь с чувством выполненного долга притащи мне чего-нибудь поесть из ресторана, или где тебя там черти носят, – сказал Альцедо голосом заскучавшей подружки.

– Я уже не в гостинице, Альцедо. И даже не в Киеве. Я везу сердитую цыпочку к ней домой, в Симферополь.

Кажется, на одну бесконечно долгую минуту Альцедо растерял все слова.

– Скажи, что она приставила пистолет к твоей голове и держит тебя в заложниках, иначе я просто отказываюсь в это верить!

– Девочка хочет, чтобы я объяснился с ее матерью. С матерью Феликса. Она просто умоляла меня...

Альцедо нервно втянул воздух и тут же разразился проповедью:

– Колесить по стране, в которой ты объявлен в розыск, в бросающейся в глаза машине, возвращаться в город, где ты с высокой долей вероятности можешь быть узнан, – ладно, это еще куда ни шло! Я тоже люблю щекотать себе нервы. Но изображать из себя другого человека, Крис? Брать на себя ответственность за то, чего ты не совершал? Да ты просто чокнутый псих.

– Тебя забыл спросить.

– Рисковать телом в угоду какой-то... малолетке, черт бы ее...

– Смени тон, или разговор окончен.

Я терпеливо выслушивал вопли Альцедо, понимая, что они продиктованы исключительно благими намерениями, но потом его окончательно занесло.

– Катрина встрясла из тебя всю душу, и теперь ты решил нянчиться с каждым человечешкой, который перебежит тебе дорогу?! – рявкнул он.

Я очень смутно помню, как остановил машину. Бессовестный гаденыш... Ему очень сильно повезло, что сейчас между нами были сотни километров. Мне пришлось отойти от машины подальше и объяснить ему, кто тут «человечишка» и в каком месте заканчивается зона братских советов и начинается моя, черт бы ее побрал, личная жизнь.

* * *

Я заставил себя дышать ровно, сунул телефон в карман и услышал легкие, осторожные шаги. Лика словно раздумывала, подходить ко мне сейчас или не стоит. Проклятье... Она точно заслуживала лучшего начала дня, чем это.

– Извини за такое пробуждение, – бросил я ей через плечо.

– Переживу, – ответила она. – Ты в порядке?

Странная теплота, сквозящая в ее голосе, подействовала на меня как успокоительное. Я обернулся, чтобы взглянуть на нее и понять, она действительно переживает или просто старается быть вежливой.

Лика стояла рядом и куталась в тонкую куртку. Для апреля утро выдалось на редкость паршивым. Холодный ветер разбрасывал ее волосы, а лицо все еще сохраняло ту легкую отечность и особенную мягкость, какая всегда отличает лица только-только проснувшихся людей. Она с тревогой всматривалась в мое лицо, и по десятибалльной шкале ее тревога, пожалуй, тянула на твердую восьмерку. Подумать только, неужели мои проблемы хоть как-то трогают ее? Неужели этап настороженности, страха и ненависти успешно пройден?

– Ты в порядке? – вглядываясь в мое лицо, повторила она.

– В полном.

– Почему она против этой поездки? Что может угрожать такому, как ты? – спросила она, когда мы вернулись в машину. – Любой, кто узнал бы о твоём прошлом, предпочел бы не связываться с тобой.

– О, есть люди с диаметрально противоположными предпочтениями.

Я знал, что вероятность того, что в моем теле опознают преступника, ничтожна. Что изменения во внешности и новые документы делали меня человеком без прошлого. Но я никогда не расслаблялся заранее. К тому же такое видение вещей будет для нее дополнительным стимулом не проболтаться о моем приезде. Впрочем, я мог поклясться, что она не из тех, кто болтает.

– Ты в розыске, да? – в ее голосе промелькнула паническая нотка.

– Эта мысль должна была прийти к тебе в голову гораздо раньше, – подтвердил я, хотя мне очень хотелось успокоить ее и уверить, что мне ничто не угрожает.

* * *

Даже после ночи за рулем я не чувствовал особенной усталости: накануне выдался день изнурительного безделья, большую часть которого я отсыпался в гостиничном номере, а в аптечке нашлась пачка таблетированного кофеина – как раз для таких случаев, когда со сном приходилось повременить. Но Лике наверняка требовалась небольшая передышка, немного движения и стакан чего-нибудь горячего.

В придорожном кафе обнаружилась свежая выпечка, отличный американо и даже стол, покрытый свежей льняной скатертью. Простота может быть роскошной – до этого места я не подозревал об этом. Я перевел взгляд на Лику: простота может быть дьявольски роскошной.

Она отказалась от завтрака и отправилась на поиски уборной. Как только она скрылась за углом, мой телефон ожил и двинулся гулять по столу: звонила мама.

– Где бы тебя ни носило, можешь приехать домой и поскорее?

– Что стряслось?

– У Диомедеи непрекращающаяся истерика. После того как Неофрон привез ее домой, проплакала едва ли не всю ночь. Ей вкололи успокоительное, и она немного поспала. Теперь больше не плачет, но, кажется, стало еще хуже: смотрит в одну точку и ни на что не реагирует. Я хочу, чтобы ты поговорил с ней, ты нужен ей, вы всегда были близки. И нам всем необходимо узнать, что происходит.

– Я приеду. Сегодня ночью, максимум завтра утром буду в Лугано. И кстати, почему бы вам не подвесить за ноги Неофрона? Уж он точно знает, что происходит. – я говорила с ним. Он знает не больше нашего. Списывает все на стресс от первых прыжков. Просит дать ей время и уверяет, что все

наладится.

– Только я чувствую ложь в каждом его слове? – разозлился я.

– Только ты. Я доверяю ему, как себе, – оборвала меня мать.

Я согнул пополам чайную ложку, едва сдерживая ярость.

– Я приеду. Так быстро, как только смогу.

Как только я распрощался с матерью, раздался звонок от Альцедо.

– Извини и все такое. Я правда перегнул палку. С предками говорил? Я тоже в курсе. Тоже собираю хлам и возвращаюсь в Лугано.

– Потри Неофрона мордой об асфальт.

– О нет, это удовольствие я приберегу для тебя.

* * *

С востока напозла иссиня-черная туча. Учйывая ее размеры и направление ветра, ближайший отрезок пути придется тащйться по мокрой дороге. Еще один потерянный час. Я услышал приближающиеся шаги и поднял глаза. К столу шел не угрюмый взъерошенный подросток, каким я привык видеть Лику, а высокая стройная девушка с длинными шелковыми волосами, собранными в хвост, со счастливой улыбкой на лице и бодрым ясным блеском в глазах. Интересно, это действие холодной воды или она успела поговорить по телефону с кем-то, кто действовал на нее как экстази? Меня тут же посетили две мысли: внезапная уверенность, что лишний потерянный час рядом с ней вряд ли можно назвать потерянным, и чувство полной неприязни к тому, с кем она, возможно, только что говорила.

Есть Лика не хотела, так что я избавил нас от взаимных препирательств, пообещав ответ на любой заданный вопрос, если она толком поест. Она, комкая в руках салфетку, предупредила, что ее вопрос мне не понравится. Так оно и вышло.

– Кажется, сегодня утром ты заговорил с Изабеллой на другом языке? Что это был за язык и когда ты успел... – неуверенно начала она.

Наверное, если бы Земля слетела со своей оси, или начался Армагеддон, или нас с ней забросило бы на необитаемый остров, где мы вынуждены были бы провести вдвоем остаток жизни, – то тогда я смог бы рассказать все, как есть. Мол, видишь ли, я – потомок древнего рода, который говорит на латыни, живет как король и чьи предки когда-то прогневили злую колдунью. Она бы не поверила, но это уже не имело бы никакого значения.

Но ввиду отсутствия Армагеддона и необитаемого острова я мог сказать совсем мало. Совсем чуть-чуть.

– Это латынь.

– Латынь? Ты шутишь? – изумилась она.

«Шутки закончились, Ли́ка. Еще пятьсот лет назад».

* * *

Я заметил разбитую машину в кювете и узнал в ней ту самую серебристую «хонду», которая обогнала нас минут пятнадцать назад. Рядом стоял издававший виды пикап, видимо, первый случайный свидетель. Дождь лил так, что дальше трех метров ничего не было видно... Здоровяк в косухе и в кепке с надписью «ЧАК», – как выяснилось позже, водитель пикапа, – пытался выломать дверь развалившегося седана и, в тот момент, когда я подошел к нему, ему это почти удалось. Второй – мужик с рассечением на лбу и лицом, залитым кровью, – видимо, один из пассажиров развороченной машины, – суеился рядом. Я вскрыл капот и отключил аккумулятор. «Чак» наконец скovyрнул дверь, которая теперь была похожа на вывернутую жабру дохлой серебристой рыбы, и нырнул головой в салон.

– Что там? – подошел я.

– Кажется... Ох, – отшатнулся Чак.

– Лиза, о боже, – прохрипел второй.

На водительском сиденье, прихваченное лентой ремня, повисло тело девушки: короткие светлые волосы, ноги, сдавленные покореженным железом, безжизненные руки. Ее голова все глубже и глубже проваливалась в залитую кровью воздушную подушку, которая медленно сдувалась из-за каких-то невидимых повреждений. Я вжал пальцы в ее сонную артерию. Тонкое трепетание пульса.

– Скорую вызвал?

– Да, – буркнул Чак.

Я оттеснил их обоих и сунулся в салон, верней, в то, что от него осталось. На полу под девушкой растекалась лужа крови. Металл раздробил ей обе ноги, прошелся пальцами по ее позвоночнику: в грудном отделе либо основательное смещение, либо перелом.

– Лиза... Ее нужно достать, – всхлипнул ее приятель.

– Что случилось? – спросил я.

– Я н-не знаю. Я так и не понял. Я в пор-рядке... Она моя жена.

– Иди-ка сюда, – позвал я его. – Нужно остановить кровь. Обхвати верхнюю часть бедра пальцами. Дави сюда, так сильно, как сможешь.

– Ее нужно достать, – снова захрипел он.

– Не нужно, – перебил его я.

Он посмотрел на меня безумными пустыми глазами и снова взялся за свое:

– Ты офонарел?! Она не должна быть тут! Ее нужно вытащить и...

– Ее не нужно вытаскивать. Если, конечно, хочешь, чтоб она дожила до приезда скорой. Все, что сейчас нужно, – остановить кровотечение.

– Машина может загореться, – не унимался он. – Сначала надо вытащить... Она моя, и я решаю. Отвали-ка.

Мужик вскочил, и как только он отнял руки от ее бедра, из надорванных артерий с новой силой начала хлестать кровь. Ну и придурок...

– Эй, он дело говорит, – кивнул в мою сторону Чак, который все это время мялся в стороне, зеленый от подкатывающей тошноты.

– Пошли все нахрен! – взорвался мужик. – Ей там не место!

Я схватил его за шиворот и хорошенько встряхнул.

– Слушай, у нее переломы обеих ног, и, похоже, есть травмы таза и позвоночника. Если ты оставишь ее на месте, то машину разрежут, и через годик твоя Лиза будет как новенькая. Если будешь тянуть ее за руки-ноги, то сделаешь свою жену инвалидом, и она больше никогда не сделает ни шагу. Так понятней?

Это случается сплошь и рядом: ты думаешь, что спасаешь человека, а на самом деле убиваешь его. Особенно в этом преуспели влюбленные. Влюбленные всегда ведут себя хуже всех. Хуже самых отчаянных паникеров. Влюбленные – безумные.

– Помочь? Че делать? – подсел Чак.

– Придержать кровотечение, и больше ничего. Надави на эти точки...

Слава богу, попался толковый малый... Вдалеке запульсировал слабый звук сирен. Я оглянулся и сквозь сплошную решетку дождевых струй разглядел, как Лика вылезает из машины и бежит к нам. Этого еще не хватало.

* * *

Мокрую и продрогшую, я втащил ее обратно в машину. Включил кондиционер. Градусник показывал, что за окном всего плюс десять по

Цельсию. Невероятно скупо для апреля.

– Посмотри на себя, ты же промокла насквозь. Едем спасать мать, а по дороге угробим дочь, раздевайся.

Я протянул ей свой джемпер – последнюю сухую вещь, которая осталась в нашем распоряжении, не считая моей куртки. Но она не взяла его.

– На себя посмотри, – буркнула она. – Моя футболка скоро высохнет.

– Даже не спорь.

– И вообще, с чего вдруг такая забота? – заартачилась она. – Интересно послушать.

– Интересно послушать, с какой стати ты понеслась за мной следом. Я же просил...

– Волновалась за тебя! – выпалила она сердито.

Я посмотрел на нее, пытаюсь унять странное оцепенение. «Волновалась за тебя», – именно эти слова сказала мне Катрина, когда я объявился после внезапного исчезновения. «Я волновалась за тебя», – сказала она и расплакалась, обвивая руками мою шею. Тогда я едва сдержал потрясенную ухмылку, видя человека, сгорающего в любовной горячке. Сейчас мне было не до смеха.

– Вот и я волнуюсь за тебя, – сказал я и протянул ей джемпер. На этот раз она взяла его.

Я вслушивался в нарастающий вой сирен и не понимал, то ли это приближающаяся карета скорой, то ли моя собственная внутренняя сигнализация, запрещающая мне сблизиться с девушками, которая за последние сутки срывалась подозрительно часто.

В бардачке звякнул телефон. Я вытащил его и долго разглядывал новое информационное сообщение: «Датчик номер BT0641677 активирован». Очередная птичка только что влезла лапкой в лужу и активировала свой маячок? Или... Лика стягивала насквозь промокшую куртку – ту самую, в кармане которой я оставил ей GPS-трекер с посланием. Теперь он намок и включился в систему слежения.

Что ж, теперь пока «записка» будет в куртке, а куртка – на ее плечах, я буду знать, где она находится. Впрочем, я был уверен, что очень скоро содержимое ее карманов будет пересмотрено и клочок странной бумаги с потекшими чернилами отправится в мусорное ведро. И бог с ним. Я не собирался следить за этой пташкой.

Лика кое-как разделалась с курткой и принялась за футболку. Я отвернулся.

– Готово, – робко сказала она.

На это стоило посмотреть. Лица. В моем джемпере. На голое тело. Слишком велик для нее... Она попыталась подтянуть рукава, и в это время ткань сползла с ее плеча, обнажая светлую кожу, слегка покрытую позолотой весеннего загара. О небо, мне лучше не смотреть на нее, если я планирую довести ее до дома в целостности и сохранности...

– Тепло?

Лица смущенно кивнула в ответ. Я с трудом оторвал от нее взгляд и взялся за свою мокрую футболку.

«У нее нет парня. Никогда не было. Никто не видел ее в таком виде, как ты видишь сейчас. Иначе бы я знал. И свернул ему шею», – чужой голос снова вторгся в мое сознание.

«Доброе утро, Феликс», – мысленно ответил я.

* * *

Я остановил машину у невысокой кирпичной ограды в пригороде Симферополя. Монотонный гул остаточных реакций усилился, когда я увидел крышу дома, утопающую в зелени сада. Быстрые картинки в голове начали сменять одна другую – я катаюсь на качелях, я бросаю мяч толстолапому щенку, я тискаю какую-то девчонку под ветвями раскидистого дерева... Похоже, что именно здесь прошли детство и юность Феликса.

Лица не спешила выходить, явно пытаясь справиться с очередным приступом паники. Я хотел было взять ее за руку и успокоить, но что-то подсказывало мне, что это будет равнозначно попытке потушить пожар горстью углей.

– Феликс, – наконец решилась она. – Постарайся найти нужные слова. Не знаю, что с ней будет, когда ты скажешь ей, что не собираешься оставаться... и еще... Ты так изменился после потери памяти, что я – несмотря на ту жуткую цену, которую мы все заплатили, – рада, что все сложилось именно так.

Инструктаж по основам милосердия. И заочное прощание, на которое она шла с грустью, но гордо поднятой головой. Теперь мне захотелось взять ее за руку не ради утешения, а ради самого прикосновения. Впервые за все время обитания в этом теле я не мог понять, мое ли это желание или это реакции мозга Феликса. Но она опередила меня. Выпорхнув из машины, она протянула мне хрупкую, но такую решительную руку, сжала мои пальцы и увлекла за собой к двери, украшенной пасхальным венком.

Я был готов к тому, что сейчас она откроет дверь и на меня обрушится торнадо чужих воспоминаний. Я был готов к тому, что каждая доска в паркете, каждый завиток в рисунке обоев будет щекотать мне нервы. Но лицо женщины, которая вошла в гостиную, слышав голос Лики, оказалось тем, против чего у меня не было ни оружия, ни иммунитета. Один взгляд на нее мгновенно выбил меня из седла.

Перед глазами со скоростью двадцать пять кадров в секунду замелькали картинки, на которых была изображена она, она, она, она, в разной одежде, с разным цветом волос, в разных декорациях, но с неизменно теплым взглядом и доброй улыбкой. Я видел картинки пяти-, десяти- и пятнадцатилетней давности: она протягивает мне деньги на карманные расходы, она льет прозрачную пузырящуюся жидкость на мое ободранное колено, она складывает мои книги в школьный рюкзак, она смеется, она зовет меня, она что-то рассказывает, она обнимает, она...

Ее слабые руки сомкнулись на моей шее. Я прижал ее к себе, отказываясь слушать вопли разума, который настаивал, что чем крепче я обнимаю ее, тем сложнее мне будет убедить ее потом, что я не могу, не хочу и не должен больше оставаться в этом доме. Все, чего мне хотелось в тот момент, – замереть в кольце этих измученных рук и рассматривать шевелящиеся в мозгу кадры из чужой, но такой волнительной жизни.

Гильотина чужой памяти.

Инквизиция прошлого.

Невыносимая, невыносимая боль.

Ее руки начали сползать с моих плеч, я приготовился выпустить ее и вдруг понял, что ее голова вот-вот скатится с моего плеча вслед за руками, что она не стоит на ногах, не шевелится и не дышит.

Мне не удалось привести ее в чувство. Ее кожа стала белой и влажной, руки заledenели, пульс вытянулся в нитку. Я ринулся в машину за аптечкой.

* * *

Так и есть: иногда ты бросаешься спасать человека, не подозревая о том, что на самом деле убиваешь его... Что если я ошибся, решив, что эта поездка может иметь счастливое и логичное завершение? О боги, я не смогу ждать до завтра, чтобы все ей объяснить. А даже если бы смог задержаться, то что? Второпях поговорил бы с ней в больничной палате, и поминай как звали? Эта женщина точно не в подходящем состоянии для

подобных разговоров... Ч-черт... *«Даматушка скорее застрелится, чем отпустит тебя, – вклинился внутренний голос. – Как ни крути, ты влип. И так хреново, и так».*

Решение пришло само: в аптечке, рядом с тенектеплазой, которая должна была восстановить кровоток, лежал шприц с силентиумом и сам просился в руку.

Я поверну время вспять и заберу у Анны память последних часов. А потом мы вернемся к развилке и выберем другой путь. *«Я вернусь. Вернусь и расскажу тебе, что случилось с твоим сыном, слышишь Анна?»*

Я встряхнул шприцы и сделал инъекции. Дело за малым: суметь распрощаться с этой бесстрашной девушкой, которой хватило убедительности и харизмы затащить меня сюда... Я посмотрел на Лику: окаменевшее лицо, две мокрые дорожки на щеках, глаза, полные отчаяния. Она сидела рядом и держала Анну за руку. Эта женщина потеряла сына, но ее зареванный ангел-хранитель по-прежнему был рядом.

Скорая приехала быстро. Мне удалось придержать Анну на этом свете, правда, в сознание она так и не пришла.

– Ее сын чуть не убил ее, а я едва не закончила начатое. Если бы я была внимательней к знакам судьбы, то этого бы не случилось, – кажется, Лика на полном серьезе корила себя за то, что не обратила внимание на нарисованное разбитое сердце в туалете придорожного кафе. Я не смог сдержать улыбки. Наивная вера в «судьбу» так не вязалась с ее ясным умом и железобетонным упорством.

– Неужели в твоей жизни никогда не случилось чего-то, что можно было бы назвать знаком свыше? – насупилась она. – Никакой мистики?

– Нет, – уверенно ответил я.

Разве что девушка, упавшая под колеса моей машины, оказалась объектом вождения прежнего владельца.

Разве что, вопреки всем разумным доводам, я не смог закончить знакомство на том самом месте, где оно началось.

Разве что все эти мыслимые и немыслимые обстоятельства, приведшие меня в этот город и теперь мешающие покинуть его.

А в остальном, конечно, никакой мистики и никаких знаков. «Никаких», – повторял я себе снова и снова, но вряд ли это звучало убедительно.

Невероятно, но после долгих, выматывающих часов в госпитале Лика собралась на контрольную по математике. Она в самом деле была намерена там присутствовать. Невероятно, если после всего случившегося она в состоянии высчитывать интегралы, то ей можно как минимум отсылать резюме в Уайдбек на должность агента спецназа...

Я смотрел ей вслед и сжимал в ладони связку ключей. Лика бежала к автобусной остановке, комично перепрыгивая лужи. Она предложила мне вернуться в дом – в тот самый дом, который мы покинули всего несколько часов назад в такой стремительной, безоглядной спешке – отоспаться, высушить одежду и немного прийти в себя. И это предложение пришлось мне по душе: я не спал уже больше суток. Тело пока неплохо реагировало на кофеиновый кнут, но к чему крайности, если в моем распоряжении тихий дом и ровная кровать?

Ключ повернулся в замке, дверь открылась.

Все, что меня интересовало, – подходящая горизонтальная поверхность, на которой можно было бы провести ближайшие два-три часа. С этим были проблемы. Максимум, что смогла предложить мне гостиная, – небольшой диван, на котором мне пришлось бы сложиться вдвое. Возможно, на втором этаже есть подходящая комната с подходящей кроватью. Но если бы я мог вообразить себе хотя бы сотую часть всего, что на меня вот-вот свалится, я бы просто растянулся на полу в гостиной. Или – еще разумней – вернулся бы в машину.

Этот дом разбудил во мне демона.

Ступени деревянной лестницы начали скрипеть под тяжестью моего веса. Я повернул в узкий коридор и заглянул в первую попавшуюся комнату. Легкий всплеск остаточных реакций: комната Анны.

Вторая дверь открылась с настороженным скрипом. Словно была хранителем этой комнаты и не собиралась никого сюда впускать. Комната Феликса. Наглухо задернутые жалюзи, мебель, покрытая пленкой, всюду ящики и коробки. Видимо, весь этот хлам вот-вот должен был отправиться на чердак. Здесь нашлось то, что мне нужно, – большая кровать, но она была покрыта слоем полиэтилена, как какой-то музейный экспонат, уже не предназначенный для бытового использования. Прочь отсюда.

Дальше по коридору. Может быть, здесь есть что-то вроде комнаты для гостей или... Я остановился перед дверью из светлого дерева, взялся за ручку и в ту же секунду отдернул руку, словно та была раскаленной. Комната Лики. Я вдруг ясно вспомнил, как она выглядит, в мельчайших деталях. Вспомнил так, будто был здесь только вчера. «Интересно, как часто Феликс заходил сюда», – подумал я, и эта мысль отдалась

необъяснимой болью в висках.

«Часто. Ты был здесь часто, – отозвалось что-то внутри меня. – Так часто, что смог бы нарисовать эту комнату с фотографической точностью. Включая узор паркетных досок и надписи на корешках книг».

Именно поэтому мне больше не хотелось входить сюда. В этой комнате было слишком много вещей, которые заставили бы меня заново узнать то, что я не хотел знать. Я сделал шаг назад и приготовился продолжить путь по коридору, но мой взгляд зацепился за странный крохотный предмет, прицепившийся к поверхности двери. Кажется, кнопка. Обычная маленькая кнопка, пригвоздившая к дереву кусочек бумаги. Похоже, что когда-то на двери висел бумажный пла...

Меня вдруг повело. Как после стакана виски. Я уперся ладонью в дверь, чтобы не потерять равновесие.

* * *

– Фил?

Макс толкает меня в бок. Он все не может забыть, как дико я упоролся в прошлый раз, так что сегодня он на стреме.

– Ништяк, – киваю я, – налей еще, а?

Передо мной стол, уставленный бутылками и пластиковыми стаканами, заваленный объедками и растерзанными сигаретными пачками. Я разравниваю пластиковой картой тонкую дорожку кокса. Оттягиваемся в гостиной моего дома. Мать куда-то укатила, Лика дома, но заперлась в своей комнате, мы с пацанами, шесть человек, тянем пыль.

– Твоя малая не сунется сюда? – Карпов, мелкий, щуплый штрих с круглыми рыбьими глазками, наполняет мой стакан до краев.

– Кто?

– Ну, эта, твоя сестра...

– Она мне не сестра, сколько раз повторять, – раздраженно фыркаю я.

– Да по барабану, главное, чтоб рыло сюда не совала, – ухмыляется Карп.

– Да не будет она сюда соваться, – опрокидываю стакан в горло. – Хотя если б сунулась, я был бы не против.

Карп толкает меня в бок, пацаны хрипло смеются.

– Кажется, она очкует, такие глазенки выкатила, когда мы сюда завалили.

– Да она вообще еще девочка, конечно очкует, – ухмыляюсь. – Шестнадцать только.

– Ничего так куколка. Я бы порезвился, – скалится Ваню, светловолосый, хитро стриженный типок, бледный, как смерть. Никогда мне не нравился, отморозок.

Я сжимаю в руке пластиковый стакан, и он с хрустом ломается.

– А на следующий день я бы выпустил тебе кишки, – ровно говорю я, наблюдая за тем, как угасает кривая ухмылка на лице Ваню.

– Фил, ты че, втюхался в нее, что ли? – нервно хихикает Карп.

– Давай уже тяни, – встречается Макс, пытаясь переменить тему. Он боится, что я начну психовать. Он единственный из всех присутствующих знает, чего мне стоит держать себя в руках, когда речь заходит о моей сводной...

Но у Карпа очень плохо с инстинктом самосохранения:

– Это ей ты подыскивал презент в парфюмерной лавке? Там моя телка работает, говорила, ты два часа шарился по магазину, пока наконец не выбрал флакончик, – треплется Карп. – Собираешься уложить ее в койку, а, Фил?

– Какое твое дело, рыба? – снова встречается Макс.

Его прямо-таки мамская опека начинает действовать мне на нервы. Но Макс не зря волнуется, потому что я готов схватить вилку со стола, воткнуть ее Карпу в глаз и провернуть разок.

– Попозже. Когда подрастет, – пытаюсь свернуть тему, втягиваю дорожку.

– Ага, губу закатай, бро, – смех вперемешку с кашлем.

Поднимаю глаза и встречаюсь с покрасневшей рожей Урсулени. Все зовут его просто Урсус. Его лучшая черта – и она же худшая – он всегда говорит то, что думает, и не особенно заботится о последствиях.

– Не уложишь, Филя. Она – мясо особого сорта. Скорее выпрыгнет в окно, чем позволит тебе притронуться к ней. Твой удел – подзаборные курочки в прозрачных кофточках.

Я перегибаюсь через стол, роняя на пол стекло и пластик и отвешиваю Урсусу оплеуху. Макс хватается за руку, Урсус шарахается в сторону, не переставая лыбиться.

– Идем покурим, – тянет меня за руку Макс.

– Отвали, а? – отталкиваю я его и вываливаю из гостиной.

Меня слегка пошатывает, кока с водкой наполняют голову сладким туманом. Достāju пачку, подкуриваю сигарету, выпадает из пальцев. Подкуриваю вторую, рот наполняется табачной горечью. Красная роза

Урсуленко все еще колыхается перед глазами, его слова саднят в подкорке:

«Она скорее выпрыгнет в окно, чем позволит тебе притронуться к ней».

«Она – мясо особого сорта».

«Она скорее выпрыгнет в окно».

Поднимаюсь по лестнице на второй этаж, голоса приятелей, сидящих в гостиной, становятся глуше. Тихо иду по коридору, ковер топит шаги. Останавливаюсь перед дверью Лики.

Я знаю, что между ней и мной – кусок дерева в пять сантиметров. Кусок дерева и непреодолимая стена отчуждения: она побаивается меня, и есть за что. Даже если я сломаю дверь, то ничего не смогу сделать с ее представлением обо мне, разъединяющим нас, как лезвие ножа. Даже если я буду дарить ей подарки, она вряд ли перестанет шарахаться от меня. Почему я не потерял голову от какой-нибудь «подзаборной курочки»? Почему именно эта наивная канарейка, никогда не пробовавшая наркотиков и парней, так стала мне поперек горла? Да, у нее лицо ангела, да, у нее обалденная задница и грудь, я мог бы опохмелить ее и пользоваться ею всю ночь или даже не одну ночь, но... Но это не совсем то, чего я хотел бы.

Только сейчас я замечаю, что на ее дверь прилеплен плакат с каким-то татуированным чмырем. Даже этот типок, который прославился лишь тем, что умеет бездарно орать в микрофон, привлекает ее больше, чем я...

Я сую в рот еще одну сигарету и чиркаю зажигалкой. Смотрю на плакат. Смотрю и ничего не вижу от расползающейся перед глазами пульсирующей красной пелены. В две секунды срываю плакат с двери, тонкий язык огня перебирается из пасти зажигалки на обрывок глянцевої бумаги. Скручивающиеся, обугливающиеся куски опадают на пол. Я могу сделать то же самое с дверью. Я могу открыть эту дверь на раз-два и зажечь Лике рот раньше, чем она начнет верещать. Конечно, я слегка пьян и упорот, но неужели она думает, что этот штрих с ее плаката ведет радикально другой образ жизни, не напивается и не нюхает снег?

Да, она будет сопротивляться, но вряд ли расскажет кому-нибудь о случившемся. Вряд ли у нее хватит духу сдать ментам сыночка своей любимой мачехи, своего почти-что-брата, так что у меня будет время успокоить ее и убедить, что ничего страшного не произошло. Может быть, ей даже понравится, и она захочет и дальше...

Роняю на пол последний догоревший кусок бумаги. Сжимаю руку в кулак. Всего пять сантиметров чертовой двери и – я смогу вжать ее в матрас, запустить руку под футболку, смотреть, как она извивается

подо мной, пытается спихнуть меня, царапается и просит остановиться. Видеть, как на ее щеках расцветают два горящих пятна, как ее губы становятся все более припухлыми и красными от поцелуев. Смотреть, как растекается по подушке шелк ее волос, расстегнуть ремень на ее джинсах, держать ее тонкие запястья крепко-крепко, пока они совсем не ослабнут от борьбы и возбуждения.

Упираюсь ладонью в дверь, чтобы не потерять равновесие. Тяжело дышать, воздух такой плотный, что, кажется, можно резать ножом на порционные куски...

* * *

Чужие воспоминания, по силе реалистичности близкие к галлюцинациям, просто парализовали меня. Ни одно из предыдущих тел не подбрасывало мне ничего подобного. Я стоял возле этой двери и не знал, сколько времени прошло, час, два или больше. Перед глазами мелькали обрывки воспоминаний Феликса, старая киноплёнка чужой жизни – порядком истлевшая, изрубленная в куски, но до чертиков живая. И, наверное, это кино было бы весьма занятным, если бы не один и тот же персонаж, перемещающийся из одного сюжета в другой, одна и та же атональная мелодия, беспорядочно цепляющая и рвущая душевные струны, – девушка по имени Лика. Она была главным актером во всех картинах, которые его память вытолкнула на поверхность. Ее имя стояло диагнозом на всех историях его болезни. Феликс болел ею, он был ею одержим.

Я прислонился лбом к двери, чувствуя, что мне не хватает воздуха точно так же, как его не хватало Феликсу, когда он стоял на этом самом месте и порывался войти в эту комнату. Он не сделал этого только потому, что приятель по имени Макс принялся шататься по всему дому, выкрикивая его имя и опасаясь за его состояние...

Дверь в комнату оставалась закрытой, но дверь в мою личную преисподнюю распахнулась настежь.

Теперь я наконец осознал, куда на самом деле попал. В этой голове было столько безумной черной Инсаньи, что хватило бы на целый батальон таких, как я. Я вдруг почувствовал себя задыхающимся астматиком, который стоит посреди поля неистово цветущих злаков и у которого нет ничего, чем можно было бы прикрыть лицо от смертельного облака пылицы. Сцена замышлявшегося, но так и не случившегося изнасилования

все еще стояла перед глазами: Лика билась подо мной, как голубь в когтях коршуна. Одной рукой я держал ее запястья, а второй в спешке стаскивал с нее белье. Стена, разъединяющая память Феликса и мою начала трескаться и разваливаться на куски: все его мечты, мысли, чувства потекли в меня безудержной рекой.

«Она будет моей. Здесь. Сегодня. И даже ты не остановишь меня», – отчетливо зазвучало в голове.

– Соберись! – прикрикнул я на себя. – Это всего лишь чертовы остаточные реакции. Он мертв. Феликс мертв!

Я отшатнулся от двери, вернулся в гостиную, вышел из дома, захлопнув покрепче дверь, словно желая отрезать путь призракам, которые могли бы устремиться вслед за мной.

Разумней всего было бы просто исчезнуть. Не дразнить спящее внутри чудовище, а просто исчезнуть до того, как Лика вернется из школы. От одной мысли о ней внутри начало ворочаться что-то темное и неконтролируемое. Я с трудом представлял, что будет, когда она окажется рядом. Но исчезнуть, не поддавшись соблазну увидеть ее в последний раз, – это было еще сложнее. В тысячу раз сложнее.

Мне нужно найти ее и попрощаться.

Я вознес все мыслимые и немыслимые благодарности грозовой туче, накрывшей нас по дороге в Симферополь и активировавшей маячок в кармане ее куртки.

10. Побег

«Внутри каждого из нас есть тайная комната, в этой комнате – потайной шкаф, а в шкафу – тайная кнопка, при нажатии на которую можно вылететь из ботинок. И черт бы с ней, ты знать не знаешь, где эта кнопка, да вот беда: тело прекрасно помнит, где она...»

Альцедо попал в точку. У этого тела тоже была кнопка. Я отыскал ее не сразу, исследуя все углы этой памяти, разгребая остатки чужого хлама, обрывки воспоминаний, куски давно разрушенных мозаик и мусор чужих грехов. А когда нашел – пожалел, что начал искать. Кнопка вытряхнет меня из ботинок, когда я прикоснусь к ней... А прикоснуться хотелось отчаянно.

Я остановил машину у крыльца большого скучного здания в четыре этажа, окруженного по периметру рядами берез. На ступеньках школы там и сям мостились кучки подростков, и где-то среди них, если верить застывшей сияющей точке на дисплее моего телефона, была Лика. Долго ждать не пришлось, она сама полетела ко мне, как бабочка к источнику света. «Спокойно», – предупредил я себя, ощущая себя предводителем отряда потенциальных мятежников, которые могут взбунтоваться и предать меня в любой момент. Но...

Спокойно не получилось.

Лика шла ко мне, едва касаясь ногами ступенек. На ее лице сияла легкая задумчивая улыбка, волосы трепетали на ветру, и она не сводила с меня глаз цвета пасмурного предгрозового неба. Сейчас в ней не было ничего детского, сейчас я не смог бы назвать ее ребенком, как делал это не единожды прежде. Сейчас она выглядела необыкновенно серьезной, взрослой и сосредоточенной. И невероятно притягательной.

«Почему бы мне не обнять ее, когда она наконец расправится со всеми этими бесконечными ступеньками?»

Бурная, мутная волна остаточных реакций.

...Лика в моих объятиях, обнимает меня за перебинтованную шею и плачет от жалости. Я едва пережил очередную драку в ночном клубе. Я опускаю ладонь на ее спину и чувствую выпуклый изгиб лопатки под тканью ее футболки, ее грудь упирается в мои ребра... О, если бы ты только мог предположить, что за окровавленный затылок и сломанный нос тебя ожидает такое вознаграждение, то, пожалуй, лез бы в каждую драку, а, Фил?

Мои руки в карманах сжимаются в кулаки. Мне нужно отвезти ее

домой, и как можно скорее...

...сделать своей...

Уехать отсюда.

Мне нужно было уматывать отсюда и не оглядываться. И не потому что я боялся потерять контроль над телом. Что бы Феликс ни чувствовал к ней – это тело больше не принадлежало ему. К черту сказки. Меня волновали куда более реальные причины. Например, бессмысленность моего пребывания здесь. Пока мать Феликса не встанет на ноги – здесь больше нечего делать... Или, например, моя сестра, которой сейчас требовался куда более серьезный защитник, чем одурманенные Неофроном родители... Или – самое пугающее – этот туман в глазах Лики, когда она смотрит на меня. Борись, ангел, борись с этим туманом. Я обещаю уйти быстро, пока этот туман окончательно не заволок твой разум...

Ступеньки закончились, Лика остановилась напротив, не сводя с меня глаз. Лицо спустившегося на землю ангела, обрамленное волосами цвета пера беркута: темно-каштановые с золотым отливом. Едва затянувшаяся ссадина на щеке и легкая взъерошенность только дополняли образ: о да, ведь падение с небес редко обходится без царапин. Она улыбнулась мне, и в этой улыбке было больше света, чем у солнца, уныло свесившегося над городом. «Лови момент, запомни ее именно такой, потому что через пять минут она возненавидит тебя...»

«Идиот! Дай ей свою чертову руку...»

– Лика, мои планы не изменились. Я по-прежнему должен уехать сегодня.

* * *

Я смотрел на ее искаженное от боли и возмущения лицо, но не мог ни утешить ее, ни обнадежить.

– Хорошо! Если не завтра, то когда? Когда ты сможешь вернуться и закончить начатое?

– Я не уверен, что смогу вернуться, Лика.

Чужие слезы редко приводили меня в волнение. Вот уже двадцать лет, начиная с семилетнего возраста, я шатался по госпиталям, наблюдал болезнь и страдания и давно приобрел иммунитет к проявлениям человеческой слабости. Но глядя на то, как горько плачет Лика, сжавшись в один крохотный комочек, я по-настоящему растерялся. В ту минуту мое «я» словно развалилось натрое:

«Успокой ее, объясни все, она все поймет. Ты видел, как она смотрела на тебя, когда шла к тебе по ступенькам школы, она готова принять от тебя любую правду, – особенно если это будет правда, а не горстка унижительной лжи на откуп. Представь, как легко будет рассказать ей ВСЕ».

«Отдай ей ключи и убирайся отсюда. Ты видел, как она смотрела на тебя, когда шла к тебе по ступенькам школы. Еще пара часов рядом с ней, и Инсання съест ее мозги...»

«Просто прижми ее к себе и больше не отпускай. И плевать на все».

Последний голос звучал особенно громко. Поэтому я вложил в ее ладонь связку ключей, остановил машину и позволил Лике просто уйти. Я смотрел ей вслед и ощущал нечто... странное. Бессильное, кричащее, голодное, едва-едва родившееся чувство, бьющееся в колыбели грудной клетки. Если я вижу ее в последний раз, то дай мне небо сил не пытаться это изменить...

Я развернул машину и поехал к аэропорту, проклиная себя за то, что сказал ей об отъезде прежде, чем довез до дома. Несколько раз я был готов повернуть обратно и убедиться, что она добралась домой. «Да, ты обнаружишь ее дома заплаканную, несчастную и совсем одну. Она бросится к тебе на шею, когда поймет, что ты вернулся, и хватит ли тебе сил выпустить ее из объятий раньше, чем случится непоправимое, а, Фил?»

Я знал, что не хватит.

Но маяться от неизвестности я тоже не собирался. Сейчас вобью номер ее GPS-маячка в поисковую систему – и если она не сидит дома, сложив ладошки на коленках, то пусть пеняет на себя. Найду, привезу домой и накачаю снотворным, чтоб спала до самого утра, как убитая.

– Да ты само обаяние и шарм, Фальконе, – сказал я себе.

– Кто бы сомневался, – и согласился с собой.

Две секунды расчета ее места пребывания показались мне вечностью. О небо, пусть белая точка окажется в маленьком прямоугольнике ее дома. Но... Как бы не так. Точка с пугающей скоростью удалялась от того места, где я так жаждал ее видеть. Прочь от дома, прочь из Симферополя, все дальше и дальше.

* * *

Я пытался убедить себя, что это ничего не значит. Что лететь в

сумерках на скорости сто пятьдесят километров в час прочь из города, поддавшись настроению, – это вполне в духе Лики. Она могла встретиться с кем-то из друзей и предпринять ночную прогулку на машине. Отвлечься от событий этого не самого радостного дня. Кто знает, как она обычно снимает стресс...

Я остановил машину, мучительно соображая, что делать дальше. Что-то не так. С ней что-то не так. Эта уверенность крепла с каждой секундой. Я смотрел на сияющую точку, стремительно движущуюся на юг от Симферополя, и пытался достучаться до памяти Феликса. Та охотно отозвалась в ответ:

– *Соглашайся, будет круто, у Урсуленко видала, какая тачела? Провеетрим мозги, полихачим. Ты вообще когда-нибудь ездила на скорости больше сотни?*

– *Я не люблю лихачить, Феликс.*

– *Да ладно тебе, Лика. После месяца в бинтах неужто не хочется слегка оттянуться?*

– *Не хочу тебя расстраивать, но я из тех зануд, которым для снятия стресса достаточно выпить крепкого чая и хорошенько поспать.*

Выпить чая и поспать? Серьезно? Вот дерьмо...

Я развернул машину и поехал обратно. Так быстро, что все дорожные знаки чуть ветром не снесло.

* * *

Человек с залитым кровью лицом шел по темной дороге на свет моих фар и нес на руках тело девушки. Пять минут назад белая точка на дисплее, не сбавляя скорости, резко соскользнула с дороги, выписав длинный завиток, и замерла. Этот маневр мог означать только одно: водитель машины, в которой была Лика, не справился с управлением и влетел в сплошную стену деревьев, растущих вдоль трассы. Все эти пять минут – с момента остановки точки и до той секунды, когда я увидел Лику в окровавленной одежде на руках у незнакомца, – я чувствовал такую же панику и дезориентацию, какие испытал, узнав о смерти Катрины. На эти пять минут все боги этого мира обрели во мне потенциального адепта: я был готов молиться каждому из них, только бы с ней ничего не случилось. Только бы тело, покоящееся в руках человека с окровавленным лицом, не было мертвым.

Парень подошел ко мне и передал мне тело. Передал мне ее так, как

будто оно всегда принадлежало мне и только по нелепой случайности вдруг оказалось у него. Отдал мне ее так, как будто... знал меня целую вечность и был уверен, что я смогу позаботиться о нем.

И – как только ее тело оказалось в моих руках – отступил назад.

– Уезжай. Бери ее и уезжай отсюда.

Я снова заглянул ему в лицо и поразился: в глазах незнакомца застыл панический ужас, ужас затравленного зверя. Как будто авария, разбитая машина и безжизненное тело на моих руках были не самым страшным, что могло случиться. Как будто где-то там, за его спиной, в темноте навалившейся ночи скрывалось нечто гораздо более страшное.

– Тебе тоже нужна помощь, – начал я, но того словно плетью хлестнули:

– Плохо доходит?! Увози ее отсюда, бога ради! Проваливай!

Что-то в его голосе заставило меня не возникать. Я усадил в машину Лику – верней, то, что сейчас отдаленно напоминало ее не самую лучшую восковую копию, – и двинулся в обратном направлении.

Но не успел проехать и сотни метров, как услышал выстрел. В том, что это выстрел, у меня не было никаких сомнений. И тут же раздался второй.

* * *

Зря я не подобрал этого парня. Я загнал машину в придорожные заросли и погасил фары. Взял пушку и заблокировал двери. Я сделал крюк и бесшумно вернулся к тому месту, где оставил незнакомца, с совсем другой стороны. Он лежал в десяти метрах от дороги с огромным черным пятном на белой футболке. Я огляделся. Получить пулю от неизвестного преследователя и откинуться прямо здесь не входило в мои планы. Оставить истекать кровью того, кто спас Лику, я тоже не мог.

И тут мое ухо уловило скрежет металла о металл: звук, не принадлежащий тихой загородной ночи. Неподалеку, оставив за собой полосу сломанных деревьев, исходил паром разбитый автомобиль. Темная тень наконец вскрыла заклинивший багажник, и через несколько секунд машину обняло пламя. Я увидел щуплого мужика, отбросившего пустую канистру и пустившегося бежать. Я прицелился и выстрелил. Человек вскинул руки и начал вертеться вокруг своей оси, пытаясь дотянуться до того места на спине, куда вонзилась капсула с транквилизатором. И, так и не сумев ее вытащить, рухнул в траву.

Ветер раздувал огонь, охвативший машину. Секундой позже рванул

бак. Подстреленный лежал неподалеку, ткнувшись лицом в траву и раскинув руки. Я вытащил дротик из его лопатки, перевернул его на спину и... узнал его. Вытянутое хищное лицо, светло-желтые волосы, кожа альбиноса – тонкая, болезненно-бледная. Как будто череп обтянули латексом... Этого человека звали Вано, и он был в доме Феликса в ту ночь, когда Анна уехала, а Лика так предусмотрительно заперлась в своей комнате. Феликс знал о Вано только то, что у него можно раздобыть огнестрельное и что Вано успел отсидеть за изнасило...

«Привет с того света, Вано. Сколько лет, сколько зим. Уж не знаю, что ты, падаль, делал здесь и почему ты преследовал ее, но встать с этого места я больше тебе не позволю. Ты видел ее в моем доме. Ты знал ее. Только не говори, что решил преследовать ее? Сейчас этот краснорылый унес ее отсюда и отдал мне, но ты бы вернулся за ней, так? Потому что хочешь насолить мне. Даже после моей смерти. И потому что превращать цыпочек в кровавый фарш – твое любимое развлечение. А ведь я ж предупреждал тебя, что если ты прикоснешься к ней, я выпущу тебе кишки. Предупреждал же?»

Буря остаточных реакций связала меня по рукам и ногам. Несколько минут я думал и действовал как Феликс. Нет, хуже – я стал им. Клетки памяти среагировали на лицо Вано, как бык на красное полотно. А когда это наваждение схлынуло, я увидел, что из грудной клетки Вано торчит вся обойма дротиков с транквилизатором: пока я пытался справиться с реакциями тела, мои пальцы безостановочно жали на спусковой крючок. Я бросился вытаскивать дротики, но было поздно – Вано был мертв. Транквилизатор действовал мгновенно. Содержимого одной капсулы хватало на крепкий получасовой сон, а вся обойма мгновенно останавливала сердце.

Паническое чувство необратимости произошедшего, шок, осознание случившегося – все это пришло гораздо позже. В первые секунды я чувствовал только леденящий ужас. Ужас, и ничего больше. Легенда оказалась явью, сказочные монстры вышли из полумрака и сомкнули холодные пальцы на моей шее. Я потерял контроль над телом! Несколько минут я не контролировал его вообще. Судя по всей той информации, которую только что выплеснул мозг Феликса, этот человек вполне заслуживал мести за изнасилования и – главное – за то, что все еще представлял угрозу для жизни Лики. Но та безжалостная расправа, которую устроило тело Феликса, была за гранью допустимого.

Что еще? На что еще я способен?

«Догадайся с трех раз».

Секундное видение извивающейся подо мной Лики... Нет, только не это.

* * *

Я оставил Вано и вернулся к незнакомцу. В его грудной клетке было два пулевых отверстия, одно в солнечном сплетении, другое на два пальца левее. Теперь рукава и горловина футболки тоже стали черно-красными, никаких признаков жизни, мертвее мертвого. Я вызвал скорую и полицию и вернулся к Лике.

Она лежала рядом с машиной без сознания: открыла дверь, но сделать больше одного шага не смогла. Она не была ранена, пульс в норме, кровотечения нет. Еще один обморок... Лика пришла в себя, когда я завел мотор, и тут же прижалась ко мне. Я обхватил ее руками, с трудом воздерживаясь от желания усадить ее себе на колени и заставить ее успокоиться любым из доступных мне способов. Поцелуи успокаивают, так ведь? Или... наоборот?

– Феликс, ты в самом деле жив, или я при смерти и у меня галлюцинации? – едва слышно сказала она, и по ее одышке и охрипшему голосу я понял, что ей больно.

Неужели она все-таки ранена?.. Я приподнял ее футболку и стер с ее кожи отпечатки крови, просочившиеся сквозь ткань. На коже не было никаких повреждений: ни царапин, ни гематом, ничего.

– Ты не ранена, это его кровь, – наконец сказал я, изучая ее бледное лицо. На секунду меня посетило невозможное сумасшедшее предположение, когда я сообразил, что Лика испытывает боль в том самом месте, в котором у ее спасителя были две дырки навывлет. Но нет, этого просто не могло быть. Припоминаю слово в слово все то, о чем болтал Альцедо по пути в Киев: *«Видел краем глаза кое-какие исследования под названием “Фантомные проекционные ощущения”, приятного там мало. У восприимчивых к боли десульторов все может закончиться плачевно. Не стоит возвращаться в родное тело, испытывая сильные мучения. Агонизирующее от боли сознание может убедить твой мозг, что травмы чужого тела – твои собственные».*

Впрочем, эти догадки тут же робко отступили под натиском других мыслей: сказать ей о том, что ее спаситель мертв, или умолчать? Она даже не вспомнила о нем: закрыв глаза и прижавшись к моему плечу, повторяла, как она счастлива, что со мной все в порядке (при этом, видимо, напроц

позабыв о том, что сама едва не умерла). Я проглотил вопрос о том, а что мне, собственно, угрожало, и рассказал ей о смерти того, кто ее спас.

Но она не захотела слушать меня. «Замолчи, замолчи...» – повторяла она, не в состоянии связно рассказать обо всем, что произошло. Я не стал настаивать. Однако произошедшее на дороге не давало мне покоя. Каким таким образом Лика оказалась в компании людей, которые явно не годились ей в друзья, почему водитель потерял управление, почему Вану преследовал Лику и ее спасителя?

«Увози ее отсюда! Садиа в машину и, бога ради, проваливай!» – Я вспомнил его искаженное лицо и трясущиеся руки. Что-то в этой фразе казалось смутно знакомым...

Я привез Лику домой, сделал ей чай, сварил себе чашку крепкого кофе, внезапно заметив, что мне не приходится вспоминать, где что лежит, что руки действуют на автомате, извлекая с кухонных полок все, что нужно. И прислушался к шуму воды в душевой.

Находиться с ней наедине в этом пустом доме, кишашем призраками прошлого, было невероятно сложно. Я должен распрощаться с ней как можно быстрее, и так, чтобы она не считала меня последним мерзавцем. Еще несколько часов назад меня совершенно не заботило, какого рода воспоминания обо мне останутся у нее после моего отъезда (слово «побег» было бы здесь гораздо уместней). Более того, мне казалось, что чем небрежней обращаться с ней, тем легче ей будет примириться с моим отъездом. Теперь все изменилось. Одного взгляда на ее безжизненное тело было достаточно, чтобы все изменилось. Одна мысль, что она едва не погибла, заставляла меня обращаться с ней осторожней, чем с любым из доселе встреченных людей. И дело было не в жалости. Не в ней.

Я просто не хотел снова увидеть на ее лице боль и отчаяние. Отчаяние и ненависть. «Феликс, отдай мне ключи от дома, останови машину и, бога ради, проваливай!» – я больше не хотел слышать ничего подобного.

Ослепительная, как прожектор, вспышка дежавю.

Я наклонился над столом и вцепился пальцами в дерево.

«Останови машину и, бога ради, проваливай!» – голос Лики.

«Садиа в машину и, бога ради, проваливай!» – голос незнакомца.

Я словно накладывал две пленки друг на друга, сравнивая их оттенки и контуры.

Нет, невероятно. Это просто за гранью реальности, но... что если ее обмороки – это и есть прыжки? Если бы я не был так занят борьбой с собственными демонами, то догадался бы раньше. Я должен был догадаться раньше. Каждый раз, когда Лика теряла сознание, рядом

оказывался кто-то незнакомый, кто пытался защитить ее тело. Головорез с ножом в руке, дамочка в ресторане гостиницы и, наконец, парень с окровавленным лицом, несущий на руках ее тело. Черт возьми, это она сама спасала свое тело! Теперь все складывалось. Вот почему она нервно засмеялась, когда узнала, что ее «спаситель» мертв. Грязные ублюдки... Теперь обойма транквилизатора, всаженная в тело Ваню, казалась мне одной из самых достойных и справедливых вещей, которую я когда-либо совершал. Меня захлестнула ненависть и необъяснимое, пугающе нежное чувство гордости за Лику. Она пыталась спастись и – смогла спастись. Смелая, решительная, невероятная...

Смелая, Решительная и Невероятная неуверенно вошла на кухню, робко оглядываясь по сторонам. Пижама, мокрые волосы, заплаканное лицо. Нужно будет дать ей успокоительного перед отъездом – вряд ли она сама сможет справиться с шоком...

– Я увижу тебя еще когда-нибудь? – спросила она, принимая чашку из моих рук. Наши пальцы соприкоснулись.

– Чем больше я тяну с отъездом, тем сложнее ответить на этот вопрос.

«Еще нас рядом с тобой, и мое решение уехать будет гореть пламенем...»

– То есть? Не понимаю, – сказала она, убирая трясущимися руками волосы со лба. Рукав съехал с ее предплечья и обнажил длинную рану с красными отечными краями.

Я понял, что лучшего шанса подтвердить все догадки не представится.

* * *

Лику согласилась на зашивание без обезболивающего, но уже после первого стежка начала ерзать и упрашивать меня разрешить ей поискать обезболивающее в комнате Анны, а после пятого обмякла и поникла головой, как цветок на сломанном стебле. Я сделал еще один стежок и наложил на рану повязку. Потом усадил безжизненное тело в кресло и подошел к окну.

Фонарь над крыльцом освещал часть сада и песчаную дорожку, ведущую к воротам. Вокруг не было ни души. Вряд ли она могла «улететь» слишком далеко. Я вышел из дома и осмотрелся. Слабый свет фонаря выхватил из темноты фигуру женщины, которая стояла под деревом, прислонившись лбом к стволу и... потирала предплечье левой руки. Попалась!

Чувство изумления в этот момент заглушило все остальное: и желание побыстрее уехать, и голос разума, умоляющий не надеть глупостей. Она десультор – странный, новый, необычный десультор среди людей! Не осознающий, что с ним. Живущий вне всемогущего клана. Один на один со своими прыжками. Я чувствовал себя так, словно внезапно нашел нечто, что испокон веков считалось выдумкой: фею, Атлантиду, единорога... Это нелепое сравнение Лики с единорогом заставило меня улыбнуться, и, кажется, я все еще улыбался, когда спросил у фигуры, приросшей к дереву, что с ее рукой.

Женщина резко обернулась. Испуганное лицо, разлетевшиеся в стороны светлые волосы, широко раскрытые глаза.

– Повредила инвентарем, – сказала она, снимая с рук перчатки. – Ты уже, наверно, собрался уезжать? Если да, то выход там.

«О небо, ты думаешь, что я собрался слинять, пока ты без сознания? Если бы все было так просто. Если бы я только мог расстаться с тобой так просто... Лика».

* * *

Святые угодники! Она десультор! Верней, какая-то... облегченная версия десультора, покидающая свое тело на несколько минут и тут же возвращающаяся обратно! О, какой ценной находкой она стала бы для Уайдбека. Сравнить ее генетический код с кодом десультора, найти разницу, исследовать ее прыжки. Прыжочки. Приблизиться к разгадке проклятия еще на один шаг...

Как мало времени мне требуется, чтобы решить чужую судьбу. А что если просиживать молодость в лабораториях Уайдбека не входит в ее планы? В твоей машине наверняка найдется хотя бы один ее волос. Вот его для ДНК-диагностики ты и возьмешь. Потом поедешь домой и еще раз все обдумаешь. Потому что, после того как Уайдбек узнает о ней, пути назад не будет: он вцепится в нее мертвой хваткой. *Если* узнает.

Я вернулся в дом. Тело Лики по-прежнему безжизненно лежало в кресле. Осталось совсем чуть-чуть. Собрать инструменты, попрощаться и... сделать так, чтобы она не смогла меня остановить. Пальцы на ее руке дрогнули, дыхание стало прерывистым. У меня есть полминуты, не больше. Успокоительное и медленное снотворное. Первый препарат снимет шок и поможет пережить все, что случилось с ней сегодня. Второй начнет действовать минут через пятнадцать-двадцать и уложит ее в кровать до

самого утра.

«Браво, повелитель шприцев! Будь твоя воля, и ты ширял бы ее наркотой каждый раз, как только надо уложить в кровать?» – ухмыльнулся внутренний голос.

«О нет, у меня нашлось бы средство куда более эффективное».

«Наручники и липкая лента?»

«Долгий изнуряющий секс».

Готово. Лика шевельнулась и открыла глаза. Я поднял ее на руки и направился в ее комнату.

Только когда я оказался внутри, то осознал, что мне все же не следовало входить сюда. Слишком рискованно. Все равно что ступить на прогнивший мост, под которым ревет горная река. Я увидел стол, полки, подоконник, обои, пол, светильник, кровать и... молча выругался. Перед глазами снова поплыл сумасшедший разноцветный калейдоскоп: Лика сидит на этом столе и болтает с подружкой по телефону. Она в коротких шортах и в майке, обтягивающей грудь. Полки уставлены книгами, я знаю, что в книге «Поющие в терновнике» ее фотография из летнего лагеря, где она сидит на пляже голышом. Я вижу, как она моет стекла, встав на подоконник и почти целиком высунувшись в окно, и снова чувствую желание подойти к ней, схватить за локоть и втянуть в комнату. Лика рисует на обоях фломастерами, пытаюсь превратить пятно в цветочный бутон, ее волосы, темный шелк, струятся по спине. Она неплохо рисует, но еще никто не говорил ей об этом. Я вижу, как Лика сидит на полу и строчит письмо какому-то придурку, с которым познакомилась в летнем лагере. Я ничего о нем не знаю, но уже хочу свернуть ему шею. И наконец... кровать. Лика спит, перевернувшись на живот и засунув руки под подушку. Тонкая ткань ночной рубашки едва прикрывает лопатки. Черт бы тебя побрал, Феликс, как хорошо ты все помнишь...

* * *

Я сам не заметил, как выложил ей все то, чего выкладывать не стоило. То ли дело было в той ауре доверия и понимания, которая окружала ее и наполняла всю комнату, то ли в чувстве вины, которое накрыло меня после того, как я дал ей снотворное, не спросив у нее разрешения. Я рассказал ей о том, что испытал, когда увидел Анну, о том, что время от времени выдает мне память Феликса и, наконец, о его чувствах к ней, включая все, о чем он думал в ту ночь, когда сжег плакат на двери ее комнаты.

Ли́ка не поверила мне. Я наблюдал за тем, как она с видом психиатра, уставшего слушать от пациента всякую околесицу, выбралась из кровати, подошла ко мне и села рядом на подоконник. Она находилась так близко, что я уловил аромат медового шампуня, струящийся с ее влажных волос.

– Я не могу поверить. Феликс просто терпеть меня не мог, как и я его!

– Он был без ума от тебя.

Я повернулся к ней и понял, что не смогу сдержаться. Ли́ка сидела на подоконнике и смотрела на меня в упор. Ужаса и смущения, отразившихся в ее глазах, когда она узнала о замыслах Феликса, – больше не было. Теперь на ее лице проступило какое-то новое для меня выражение. Новое, интригующее и отчаянное.

– А ты? Что чувствуешь ты, новый и другой, глядя на меня?

В момент, когда она договорила фразу, фантом Феликса врезал мне под дых. Ли́ка медленно спустилась с подоконника, и мои пальцы потянулись к ней, намереваясь сжать ее и больше не отпускать. Я привлек ее к себе, и в тот момент, когда ее робкие руки сомкнулись на моей шее, вдруг ощутил нечто, чего не испытывал никогда прежде. Увидел, как маленький прелестный демон по имени Инсанья – это бессильное, голодное и новое для меня чувство – покидает свою колыбель, встает на ноги, поднимает голову и устремляет на меня первый осмысленный взгляд. И взгляд этот полон голода, жажды и одержимости.

– Что ты чувствуешь? – тихо повторила она одними губами. О, все-таки эти губы созданы для куда более интересных вещей, чем пустые разговоры.

«Феликс хочет растерзать тебя, не сходя с этого самого места, а чего хочу я? Дай подумать... Что если я хочу примерно того же? Увезти тебя отсюда и сделать своей? Нет, сначала сделать своей, а потом увезти отсюда. Вырвать тебя из этого крошечного городка, показать тебе мир? Открыть перед тобой двери любого университета? Дать тебе пару крыльев, чтобы ты могла лететь куда тебе вздумается, свободная, как ветер? Привести тебя на рождественский ужин в свой дом? Познакомить тебя с семьей? Летать с тобой над Альпами? Коротать выходные на Санторини? Жить с тобой, спать с тобой, взять у тебя все, что ты можешь дать? А потом... А потом видеть твое отчаяние, когда ты узнаешь, что я не люблю тебя и никогда не смогу полюбить? Что моя семья, работа и Уайдбек всегда будут на первом месте, а ты – на втором? Что я могу засыпать тебя деньгами, но Инсанья, отблески которой я вижу в твоих глазах, никогда не заставит меня сходить по тебе с ума? Что дальше? Ты будешь красивой, удобной, восхитительной

частью моей жизни, пока мне не станет скучно. Или пока не придет время сменить тело. А потом тебе придется увидеть меня в моем родном теле, страдающем от атрофии и истощения. А потом принять меня в той оболочке, которая станет моей в очередном прыжке, и не факт, что ты сможешь прикоснуться к этому телу. Клянусь, так и будет. А потом ты сбежишь, даже не попрощавшись, и вряд ли я смогу упрекнуть тебя в этом. Более того, дай бог, чтобы ты просто сбежала и начала жить заново. Но что если Инсанья сведет тебя с ума, как Катрину? Любовь так легко размазывает людей по асфальту – легче, чем ребенок жука, наступая на него ботинком. Ты слишком хороша для моей реальности. Ты заслуживаешь куда лучшей участи, чем человек с ледяным сердцем...»

Под истошные, протестующие вопли тела я замер на полпути к ее губам и ответил на вопрос, который, казалось, все еще звучал в воздухе:

– Чувствую, что еще никогда не был так близок к повторению ошибки.

* * *

Когда я разомкнул кольцо своих рук и сделал шаг назад, казалось, что Лика лишилась единственной точки опоры. Ее взгляд, блестящий от невыплаканных слез, ее сжатые, застывшие в немом умоляющем жесте руки, ее прерывистое дыхание... Она была измождена отчаянием и – я наконец увидел со всей ужасающей отчетливостью – симпатией к мне, граничащей с влюбленностью. В ее глазах больше не было тумана – они были полны страшной, темной как ночь Инсаньи.

– Ты вернешься? Я тебя когда-нибудь увижу? – всего пару прыжков тому назад умоляющие, отчаянные нотки в ее голосе позабавили бы меня. Теперь я чувствовал, что задыхаюсь.

– Значит, у тебя есть дела поважнее и люди поважнее? – взорвалась она.

Я тут же уцепился за предложенную ею версию:

– Да.

«У меня есть люди поважнее, о которых я мгновенно забываю, когда ты стоишь напротив, на расстоянии вытянутой руки».

– Так может расскажешь мне о тех, кому я в подметки не гожусь?! Больная бабушка? Троюродный дядюшка с артритом?..

Пока я слушал весь этот полный обиды, ревности и издевки монолог, мне больше всего хотелось схватить ее, вжать в стену и целовать до тех пор, пока она не забудет, как складывать слова в предложения. Но мои

желания – это последнее, что в тот момент имело значение. Я должен был уберечь ее, я должен был удерживать ее на расстоянии, используя любые средства. Игнорировать ее мольбы, возражать, спорить... Все что угодно, только не еще одно ее прикосновение: если я снова почувствую руки Лики на своих плечах, то, клянусь, они останутся там до утра...

– Ее зовут Дио. Она – мой самый близкий человек. И сейчас я должен быть с ней рядом...

Если врать – то безжалостно, до победного конца. Но Лика определенно была не из тех, кто принимал на веру первое, что долетало до ее ушей.

– Какая она, эта Дио? Как она выглядит?!

Оппа. Я понятия не имел, как сейчас выглядит Диомедея, и какое тело попало ей на этот раз. И Лика безошибочно почувствовала эту неуверенность:

– Хочешь знать мое мнение?

– Вряд ли.

– Но тебе все же придется послушать! Не верю ни в какую Дио! Отказываюсь верить! Потрудись придумать что-то получше!

А потом ее начало пошатывать, и она потеряла равновесие. Вот и все.

Но даже засыпая, она продолжала бороться. Ее рука скользила по одеялу, словно пытаясь найти меня в навалившейся темноте. Ее губы шептали мое имя. По ее щекам текли слезы...

Не знаю как мне удалось уложить ее в кровать и не поддаться искушению пристроить голову на ту же подушку, уснуть с ней рядом, а утром позволить судьбе решить все вместо меня...

Не знаю, как, но я все же простился с ней.

Снотворное выметет панику и страх из ее головы. Регенерирующее средство в два счета заживит рану на предплечье... а еще у меня есть силентиум. Я мог бы стереть последние два часа из ее памяти. Она бы забыла все: похищение, аварию, преследование Вано и... все то, что случилось после. Как насчет еще одной инъекции, Повелитель шприцев?

Нет. Я хочу, чтобы она помнила все.

Так же ясно, как это запомню я.

* * *

Я гнал машину к аэропорту. Езда по ночным городам всегда завораживала меня. Но не в этот раз. Перед глазами плыло нежное

умиротворенное лицо, сияющая в темноте кожа, крепко сомкнутые веки, два полукруга ресниц, отбрасывающих на скулы изогнутые тени... Второй раз я видел ее спящей. Второй раз и последний.

Мой запас кофеина был на нуле. Усталость, которая все это время только робко топталась на пороге, теперь решительно ломилась в дверь. А поверх усталости стелилось тяжелое лоскутное одеяло из воспоминаний уходящего дня: только сейчас я осознал, сколько всего произошло и что именно произошло.

Я встретил девушку, в которую был влюблен донор моего тела.

Ей понадобилось меньше двух суток, чтобы воскресить во мне все, что до этого упорно скрывалось в подсознании.

То, что скрывалось в подсознании, было хуже самого изощренного ночного кошмара: термоядерная смесь нежности, вожделения и желания обладать этой девушкой любой ценой.

Но самое неудобное и пугающее заключалось в другом: я не мог разобраться, где заканчиваются остаточные реакции мозга и начинаются мои собственные желания: это Феликс хотел прикоснуться к ней, когда она спускалась по ступенькам школы, или я? Это ему хотелось убить всех, кто угрожал ей, или это было уже моим желанием? И, наконец, это он сейчас так рвался к ней, или это я сам едва-едва сдерживал себя, чтобы не повернуть обратно?

Мысль вернуться в дом, дожидаться утра и встретиться с ней взглядом, когда она проснется, – о, даже райское яблоко вряд ли было столь соблазнительным. *«Что если задержаться еще на один день? Всего на один день дольше, чем ты планировал? В конце концов, можно не возвращаться в этот нафаршированный воспоминаниями дом, ты можешь остановиться в гостинице. А еще все представится в другом свете, когда ты выпишься. Представь, как она обрадуется. Представь, каково это будет – увидеть ее снова...»*

– Если я вернусь, то больше не смогу заставить себя уехать, – громко сказал я себе, пытаюсь перекричать этот монотонный гипнотизирующий голос, звучащий у меня в голове и упрашивающий меня вернуться обратно.

«Слишком поздно бежать, приятель. Инсанья уже ест твои нейроны один за другим. Ты просто еще не до конца сообразил, но очень скоро...»

– Заткнись, мать твою!

О небо, я разговариваю сам с собой...

«Это только начало, чувак...»

Я включил музыку, наспех тыкая в кнопки на панели управления. Салон наполнила музыка и голос девушки, поющей по-итальянски.

Итальянский похож на латынь и действует как успокоительное. То, что надо, чтобы унять это странное головокружение и боль в висках.

In tanto dolore niente di sbagliato, niente, niente...^[35] – пела девушка. У меня было свое мнение на этот счет: то, что я чувствовал, никак нельзя было назвать «нормальным». Это было чистое, невыносимое, сокрушительное безумие.

11. Силентиум

Я бросил свою машину на парковке симферопольского аэропорта, распорядился прислать сюда кого-то из людей Уайдбека и перегнать ее обратно в Лугано. Потом купил билет на ближайший самолет и еле-еле дополз до своего гейта. Это последнее, на что меня хватило, потом голова перестала мне служить. Перелет Симферополь-Стамбул-Милан я почти не помнил. Два раза я садился в самолет и тут же отключался. Два раза приземлялся и долго не мог понять, откуда и куда лечу. Пару раз мне звонил Альцедо, но я с трудом мог припомнить, о чем мы говорили.

Около полудня я прилетел в Милан, нашел машину, которую прислали за мной из Уайдбека, и обнаружил в салоне белокурого ребенка, нетерпеливо барабанившего пальцами по баранке. То, что это Альцедо, до меня дошло только спустя несколько долгих секунд.

– На тот случай, если ты подзабыл, то напоминаю, это я, твой замечательный во всех отношениях братишка, – ухмыльнулась «девочка», обнажая ряд белоснежных маленьких зубов.

– Да, теперь вспомнил, – проворчал я, заползая в машину. – Не поверю, что ты вытащил свою задницу из кровати, чтобы навернуть сюда за мной сотню километров.

– Сам в шоке. Но раз уж это чудо свершилось, то мне не терпится услышать все подробности о «миссии спасения». Судя по твоему виду, мамочка с дочкой мяли тебя в объятиях сутки без остановки, – ржет Альцедо, выводя машину на оживленную трассу.

«Объятия» – это слово тут же съездило мне по нервам.

– Даже не знаю, с чего начать.

– С себя. Ты выглядишь так, как будто тебя всю ночь мололи через мясорубку. Интересно послушать...

– Просто не выспался, – отмахнулся я, изо всех сил пытаюсь задавить иронию в голосе: обо всем, что произошло в Симферополе, мне не хотелось думать, не говоря уже о том, чтобы болтать. – Все прошло нормально, все остались довольны.

Альцедо оборвал мою реплику взрывом хохота.

– Сегодня ночью, – сказал он, как только перестал клокотать от смеха, – ты в не самых приличных выражениях сообщил мне по телефону, что вся эта поездка была несусветной ошибкой, что я в очередной раз оказался прав и что давно ты не чувствовал себя так дерьмово.

Сначала мне показалось, что Альцедо попросту разыгрывает меня, но где-то в подкорке шевельнулось воспоминание, что я действительно говорил нечто подобное, пытаюсь перехватить минуту-другую сна в стамбульском аэропорту.

- Ладно, – сдался я. – Твоя взяла.
- Я весь внимание, – защебетал он.
- С одним условием. За руль сяду я.
- Это еще зачем? – хихикнул Альцедо, но, изучив мою физиономию, молча остановил машину у обочины и пересел на пассажирское место.

* * *

Я рассказал ему обо всем, включая похищение Лики и убийство одного из ее похитителей. Альцедо молчал, выкатив глаза и приоткрыв рот.

– Именно такой реакции я и боялся, когда попросил тебя пересесть на пассажирское. Но это не самое страшное.

– Только не говори, что силентиум не сработал. Этого я точно не переживу!

Едва сдерживаю улыбку. Да, у него, бестии, углеродное волокно вместо нервов...

– У меня сверхсильные остаточные реакции, вплоть до потери контроля над телом. Я убил человека, когда потерял с телом связь.

– Я же говорил тебе! Говорил! С чего все это началось?

– С этой девушки, которая свалилась под нашу машину в Киеве. Феликс был влюблен в нее. Сдвинут на ней так, что был готов убивать каждого, кто прикоснется к ней. Он узнал одного из тех, к кому она села в машину, а дальше... как секундное помешательство: я чувствовал все, что когда-то чувствовал Феликс, мыслил, как он, и не испытывал никаких сомнений, когда без остановки жал на спусковой крючок. Всадил в жертву всю обойму транквилизатора.

Молчим. Есть о чем помолчать.

– Хм... Ну а ты что?

– Что я?

– С его остаточными все ясно. А как насчет *твоих* реакций? – в голосе Альцедо больше не было иронии и веселья. Кажется, он был не на шутку встревожен. – Или все это время ты был так занят борьбой с реакциями Феликса на нее, что ни разу не задумался о своих собственных?

Его вопрос застал меня врасплох. Я не сразу нашелся, что сказать.

– Разумеется, я не испытываю к ней того, что испытывал он. Это просто невозможно. Его чувства остаются его чувствами, если ты об этом. И да, большую часть времени, проведенного рядом с ней, я только и делал, что боролся с чужими реакциями. Этот омут просто кишит чертями...

– Тогда, думаю, ты будешь рад составить мне компанию. Я начинаю экспериментальный прием Силентиума, – заявил Альцедо, принимая эстафету в гонке шокирующих откровений.

– С чего вдруг?

– Да я проклял все на свете, когда понял, что домой из Киева придется добираться поездами! – воскликнул он. – Я хочу снова летать на самолетах! Хочу смотреть на землю с высоты птичьего полета и не блевать при этом последним желудочным соком. С конвейера вот-вот сойдет специальная партия силентиума: в той концентрации, что подходит для борьбы с остаточными. Хочешь отведать этого зелья?

– Не откажусь, – отвечаю я.

Я смотрю вперед, и мне мерещится овал лица с серыми, как предгрозовое небо, глазами. Скоро эти глаза потеряют надо мной власть.

* * *

Сразу из аэропорта, не заезжая домой, с букетом нарциссов, завернутых в бумагу, я рванул в клинику к сестре. Мне не терпелось сжать ее в объятиях, заговорить ее таинственную горе, отвлечь. Сидеть с ней рядом, изучать ее новую оболочку. Смотреть на женщину, которую я не видел никогда прежде, но узнавать в ней близкого человека. Магия, которой нет равных...

Приехал, ткнулся носом в стеклянную дверь палаты и замер. На кровати, укрытая одеялом до самого подбородка, лежала черноволосая смуглая женщина и неотрывно смотрела в потолок. Я открыл дверь и тихо просочился внутрь.

– Дио? – позвал ее я, вытянув перед собой букет пронзительно-желтых цветов.

– Крис, – отозвалась та со слабой улыбкой, привстала на локтях и медленно села. Темные кудри рассыпались по плечам. Я сел рядом и обнял ее.

– Как ты?

– Как эти цветы. Надрезали, накачали питательной химией и поставили в вазочку. Но они все равно обречены...

Черт, угораздило меня купить этот несчастный букет.

– Никто тут не обречен. Понятно? Чем темнее ночь, тем ярче звезды. Что бы там ни было, ты перешагнешь через все это и пойдешь дальше. Точно не хочешь рассказать мне, что...

– Тс-с, не хочу об этом, – поморщилась Дио. – Лучше скажи мне вот что: я красивая?

Ох уж эти девушки. Даже на смертном одре найдут время посмотреться в зеркальце.

– Очень, – кивнул я, рассматривая ее смуглое, пропорциональное личико с полными губами и черными, как уголь, ресницами.

– Оно... не хуже моего родного тела, так?

– Еще как не хуже. Тебе сам бог велел быть брюнеткой.

Я впервые вижу улыбку на этом лице и в душе страшно доволен собой.

– А эти волосы, а губы... М-м-м, только посмотри на себя. Все парни в этой клинике твои.

Диомедея улыбается еще шире.

«О, господи, продолжай в том же духе!» – мысленно приказываю я себе.

Я вытягиваю руку в направлении стеклянной двери нашей палаты, за которой в это время, едва переставляя ноги, проходит какой-то престарелый пациент.

– Включая даже вон того очаровательного старикана. Смотри, как бы он не приударил за тобой, не зря он тут ошивается. Папа вряд ли одобрит этот союз, имей в виду. Слишком стар для тебя, – несу я первое, что приходит в голову, только бы этот веселый огонь в глазах сестры разгорался все ярче и ярче... Но он исчезает так же быстро, как появился: улыбка тает, карие глаза наполняются слезами.

– Ну-ну, если тебе очень захочется, папа не будет против, – бормочу я, обняв сестру. – Хоть и жениху сто лет в обед...

– О боже, Крис, прекрати, – морщится Дио, касаясь лба слабой ладонью.

– Окей, – вздыхаю я. – Я просто очень волнуюсь за тебя.

– Я знаю, знаю... Прости...

– День добрый.

Мы разом оглядываемся: в палату заглядывает высокая, коротко стриженная блондинка лет пятидесяти с огромными зелеными глазами и двумя рубинами в мочках ушей. И вот она уже целиком просачивается в палату, постукивая каблуками лакированных туфель. На ней деловой

костюм, шелковый галстук и татуировка, выглядывающая из-под строгого воротника: кончик птичьего крыла.

– Ну и видок, – заявляет женщина, глядя на нас.

Я перевожу взгляд на Диомедею, собираясь опротестовать это заявление...

– Да не она, а ты, Крис. Выглядишь, как будто всю ночь сражался с драконом.

Знала бы она, что почти попала в точку. Только у этого «дракона» прелестное личико и серые глаза.

– Чего не скажешь о вас, госпожа, – дурачусь я.

Никтея в самом деле выглядит прекрасно. Что не так-то просто при теле, которое досталось ей в этом прыжке. Сто восемьдесят сантиметров роста, анорексичная худоба и множество татуировок, покрывающих ее спину, плечи и руки. Однажды тетушка Ники заявила на торжественный прием в платье с открытой спиной, было на что посмотреть. Не знаю, почему она не стала удалять их. Низкий болевой порог? Солидарность с панк-культурой?

Ники протягивает мне тонкую ладонь в черной перчатке: легкая, холодная, немая ладонь. Я знаю, что под тканью перчатки – биопротез, идеально имитирующий форму кисти. И такой же протез – вместо кисти другой руки. Никтея заполучила тело, у которого не было кистей обеих рук, но, судя по всему, эти неудобства не пугали ее: она использовала это тело уже почти три года и выглядела вполне довольной.

– Мне нужно поговорить с Диомедеей. Оставишь нас?

– До вечера, – подмигиваю я сестре. – Ваше желание для меня закон, госпожа.

– О, небо, Крис, прекрати этот официоз, – фыркает та и закрывает дверь, послав мне ослепительную улыбку.

Я понятия не имел, что, наспех распрощавшись с сестрой, в следующий раз увижу ее только через два месяца.

* * *

Больше никаких цветов, я усвоил намек. Теперь будет плюшевый зайчик с глазами-бусинками, который никогда не умрет. Я вошел в палату к Дио и онемел: выглаженная, заправленная кровать и никаких признаков того, что пациент все еще обитает здесь. Я направился напрямик в приемную, где чуть не наорал на молоденькую медсестру в голубой форме.

– Где пациентка из сорок второй палаты?!

– Синьора Фальконе распорядилась о перемещении пациентки в другую реабилитационную клинику. Три часа назад ее увезли...

– Куда?

– Нам не сообщили.

Сестру вот так вот наспех отправили черт знает куда, не сказав мне ни слова? Я вытащил телефон и позвонил Никтее.

– Знаю-знаю, ты в бешенстве, – сказала Никтея вместо «здравствуйте». – Я этажом ниже в кафе, спускайся и постарайся не орать на меня при всем честном народе.

Я спустился в ресторан клиники, быстро выцепил взглядом блондинистый затылок Никтеи и в две секунды добрался до ее столика.

– Где она?

– В Дании, – ответила Никтея, вылавливая из тарелки с салатом оливку и отправляя ее в рот..

– В Дании нет реабилитационных центров Уайдбека, – прищурился я.

– Есть. Небольшая клиника на тридцать человек. Совсем маленькая.

– Учитывая ее состояние, ей требуется куда более серьезное заведение.

– Не требуется, поверь мне. Свежий воздух, вид из окна на пристань и датские булочки на завтрак.

Я прищурился. Она что, не в своем уме?

– Хочу съездить к ней и убедиться, что все в порядке. Скажи адрес этой клиники и...

– Нет, – Никтея забросила в рот еще одну оливку и упрямо посмотрела на меня. – Это лишнее.

– Лишнее? – переспросил я. – Близкий человек рядом – это лишнее?

– Ага, – твердо ответила Ники, откладывая вилку. – В данной ситуации это абсолютно излишне.

– Родители знают?

– Конечно.

– Тогда я сейчас поеду домой и устрою допрос с пристрастием.

Никтея перестала жевать и наконец сосредоточила на мне свой взгляд – зеленый, как зелье колдуньи.

– Крис, я знаю, что с ней. Сегодня она выложила мне все, что происходит. Я все взвесила и уверена, что эта клиника в Дании – наилучшее место для нее на всей земле. Если ее не поставят на ноги там, то больше не смогут нигде.

– Я тоже хочу подробностей всей этой истории.

– Извини. Секретная информация. Все, что касается твоей сестры в

настоящий момент, – больше не разглашается.

– Ой, да ладно! – взорвался я.

– Посмотрим на результат лечения, и если он будет положительным, то, возможно, я сниму гриф «Секретно» с этой истории, – подытожила Никтея, игнорируя мое возмущение.

Бесполезно. Все равно что стучать головой в глухую стену.

– Мне нужен Неофрон. Не подскажешь, где его найти? Его телефон вне зоны сети.

– Взял отпуск, так что понятия не имею, где он, – ровно ответила Ники и снова взялась за салат. – А зачем он тебе?

«Выяснить, как он нашел Диомедею в Египте, и всадить ему кулак в живот, если окажется не сильно разговорчивым».

Но Неофрона я так и не нашел. Его не было ни на тренировочной базе, ни в одном из заведений Уайдбека, и никто понятия не имел, куда он подевался.

* * *

Потянулись долгие, монотонные дни. Все похожие один на другой, как два крыла одной птицы. Меня не покидало ощущение, что девушка с глазами цвета предгрозового неба вложила мне в грудную клетку бомбу замедленного действия, чью тяжесть я постоянно ощущал с момента нашего расставания. Каждое чертово утро начиналось с мыслью о ней, каждый проклятый день заканчивался мыслями о ней, каждая невыносимая ночь не прибавляла ни сил, ни уверенности в том, что я все сделал правильно. Наоборот, меня не покидали навязчивые мысли о том, что было бы, останься я там еще на день или хотя бы на несколько часов. Что бы она сказала, проснувшись и увидев, что я все еще нахожусь в ее комнате? Что бы я сказал ей? Сколько секунд ей потребовалось бы, чтобы убедить меня в том, что в моей жизни нет и не было ничего более важного, чем принадлежать ей?

Я пытался забыться в работе. Приезжал в госпиталь рано утром и уходил тогда, когда на парковке не оставалось никаких других машин, кроме моей. Потом ехал домой и остаток вечера просиживал за ноутбуком с запущенной программой слежения. Маячок каким-то непостижимым образом все еще был на Лике. Она должна была давно выбросить этот клочок бумаги – ведь для нее это всего лишь клочок бумаги, на котором я когда-то нацарапал ей пару строк. Но она не только не выбросила его, но и

стала носить с собой. Маячок перемещался по городу, и я следил за ним, как зачарованный. Голос рассудка требовал, чтобы я исключил его из системы слежения и прекратил эту муку. Но, ей-богу, мне было проще отрубить себе руку, чем лишиться последней возможности видеть, что она каждую ночь возвращается домой и с ней все в порядке. Меня сводила с ума мысль, что Лика снова может попасть в беду. Что Ваню мог быть не единственным ублюдком, у которого были претензии к ее гребаному брату, а значит – и к ней. Более того, ублюдками мне теперь казались все ее потенциальные ухажеры. Теперь я узнал, что такое ревность. Когда Кор в деталях рассказывал мне об этом чувстве, я с трудом верил. Теперь же готов был сам передушить всех парней, реальных и воображаемых, которые подходят к ней ближе чем на метр. И тем более тех, кто прикасается к ней. Этих я готов душить с особенным упоением.

Теперь я уже не пытался разобраться в том, чьи чувства переполняют меня – мои ли или все это остаточные реакции мозга Феликса. Теперь меня больше интересовало, как избавиться от этого «наследства», как перестать думать о ней, как унять в голове все эти голоса, на разные лады повторяющие ее гладкое, холодное, блестящее, как лезвие ножа, имя. Еще никогда я не жаждал тишины так сильно.

Альцедо обещал привезти новую партию силентиума сразу же, как только та сойдет с конвейера, и только это обещание держало меня на плаву.

* * *

Я открыл дверь, и в квартиру, источая аромат Miss Dior, держа металлический чемодан в одной руке и стаканчик дымящегося латте в другой, впорхнул Альцедо.

– Принес?

– Ты как нарк, который наконец выцепил дилера в переулке.

Он и представить не может, как близок к истине.

– Прижало? – спрашивает Альцедо, внимательно всматриваясь в мое лицо.

Вместо ответа я начинаю молча закатывать рубашку выше локтя. «Прижало», – это слово только очень приблизительно описывает то, что я чувствую; это слово – всего лишь жалкий намек на истинное положение вещей. Альцедо швыряет в угол куртку, кладет на стол металлический бокс и откидывает крышку. Чемодан доверху забит ровными рядами ампул с

красной жидкостью.

– А теперь слушай сюда. Могут быть ощутимые побочные эффекты со стороны центральной нервной системы: самые вероятные – сонливость, головокружение, нечеткость зрения и головная боль.

– Ерунда, – говорю я, пересчитывая ампулы и прикидывая, на сколько дней хватит этого богатства.

– Это не все. Нервозность, возбужденность или, наоборот, заторможенность, необычная усталость или слабость...

Я улыбаюсь. Этого добра у меня и так навалом. Альцедо достает из бокса ампулу, встряхивает ее и продолжает:

– Это была лирика. А теперь то, что я своими глазами наблюдал у лабораторных животных на фоне приема силентиума: мозговые кровоизлияния, онемение конечностей, гепатит и отказ печени, массивные некрозы кожи, синдром Лайелла и... кома. Вероятность таких побочных незначительна, но все же... Безмолвие может дорого стоить. Что думаешь?

– Открывай эту чертову ампулу.

Альцедо щурит глаза, сует ампулу обратно в бокс и захлопывает крышку.

– Оке-е-ей, Крис, – он неторопливо тащится к бару, открывает дверцу, достает пару стаканов. – Что-то в горле пересохло.

Он плеснул себе «Лафройга» и, повертев стакан в руках добрых несколько минут, повернулся ко мне.

– Ты все-таки подумай еще минуточку.

– Я уже подумал. Вскрывай ампулу.

Альцедо нервно ухмыльнулся, тряхнув кудрями.

– Я соврал про побочки.

– Что? – моргнул я.

– Только что я соврал про побочные эффекты, Крис, черт тебя дери. Хотел проверить, насколько все серьезно. И судя по тому, что вероятность остаться без конечностей, печени и кожи тебя не пугает, я делаю вывод, что все совсем дерьмово. Да? Что с тобой происходит?

– Налей мне тоже, – говорю я после долгой наэлектризованной паузы.

– Я надеюсь, ты не возьмешь пример с этой невротичной глупышки, которая теперь с большой натяжкой смахивает на нашу сестру, и не станешь играть в молчанку. По-моему, пора поговорить.

Альцедо протягивает мне стакан. «Хрен ты от меня сегодня отделаешься», – говорят его пронзительные, полные ослиного упрямства глаза.

– Ладно.

Чувствую легкое головокружение и катастрофическую усталость. Мне в самом деле стоит с кем-то поделиться всем этим. Альцедо пьет вискарь и выжидательно смотрит на меня.

* * *

– Помнишь, я рассказал, как потерял контроль над телом? Это был не единственный раз. Был еще второй. И этот второй подкосил меня куда серьезней, чем первый. Перед тем как уехать, я накачал эту девушку успокоительным и снотворным: жаль было ее психику после всего, что произошло, и я не хотел, чтобы она мешала мне уехать. Не хотел сопротивления и истерик. Хотел тихой, безболезненной капитуляции. Оставить ее так, чтобы она не испытала очередной эмоциональной перегрузки. Но на самом деле успокоительное нужно было колоть себе самому... Как только она оказалась рядом, в этом, черт бы его побрал, доме, в этой комнате, где каждая вещь дышала прошлым, справиться с бурей остаточных реакций не было никаких шансов. Все равно что попытаться совладать с машиной, разогнав ее до двухсот миль в час. Она потянулась ко мне и – я потерял над собой контроль. Но не это было самым пугающим. Самым пугающим было то, что я не хотел владеть собой в этот момент. Доводы, принципы, убеждения – все это стало просто словами. И словами не более важными, чем самые невзрачные междометия. Мне хотелось просто держать ее в своих руках и больше никогда не отпускать, мне хотелось обладать ею, мне хотелось взять у нее все, что только можно взять, и отдать ей все, что у меня есть. О небо, только чудо помогло мне остановиться. А потом бежал из этого дома, как от чумы. Как только она начала засыпать прямо на моих руках, я уложил ее в постель, сел в машину и рванул подальше. Не столько от нее, сколько от самого себя. В страхе, что воспоминания Феликса снова возьмут надо мной верх. Я был уверен, что как только окажусь здесь, вдали от источника раздражения, – все закончится. Но это тело словно взбесилось. Я не могу ни есть, ни спать. Душат остаточные реакции, одна убедительней другой, и сны, в каждом из которых – она, она, она... Я знаю, что такое безумие. Иногда вспоминаю кое-что о своей жизни на Тибете в теле чокнутого старика. Но то, что я испытываю сейчас, – это хуже чем безумие. Я никогда не чувствовал ничего подобного. В Катрине было много черт, которые мне нравились, но это был просто набор черт, просто набор компонентов, который никак не складывался в наркотик, словно этой химической реакции не хватало

какого-то стороннего компонента...

– А на этот раз, я так понимаю, наркотик вышел отменный? – прищурился Альцедо, молчаливо подпирая стену.

– Отменный. Я больше не в состоянии воспринимать ее трезво – мне нравится в ней все. Она невероятная, Альцедо. Умная, проницательная, смелая... В день знакомства у меня не поднялась рука вколоть ей силентиум, потому что перед тем, как потерять сознание, она шикарно врезала мне в переносицу! А людей, которым это удавалось, я могу пересчитать на пальцах одной руки. Я уже тогда чувствовал, что она достойна большего, чем инъекция препарата, стирающего память. А потом... До сих пор не до конца верю, что она в одиночку расправилась с двумя вооруженными ублюдками, разбила машину, в которой ее попытались увезти, и выбралась невредимой из мясорубки, из которой выбраться практически не было шансов. Когда это проделывает кто-то из десульторов, воспринимаешь это как нечто само собой разумеющееся. Но когда это совершает семнадцатилетняя девочка, которая до того ни разу в жизни не держала в руках оружие и не дралась насмерть, в голове не остается ничего, кроме немого восхищения и желания предложить ей работу в Уайдбеке, – восторженно подытожил я.

Альцедо оторвался от стены, которую неподвижно подпирал все это время, сел рядом и, отбросив на спину ворох золотых кудряшек, спросил ангельским голосом:

– Кристиан Габриэль Фальконе-Санторо. Почему бы тебе просто не вернуться в тот город и не трахнуть ее? Может быть тогда все это дерьмо, разъедающее твой мозг, поутихнет и перестанет так бурлить?

* * *

Бесконечно долгую минуту я не мог произнести ни слова. Одна часть меня в ответ на это предложение начала потирать потеплевшие ладони, другая – ни с того ни с сего захотела влить Альцедо затрещину.

– Не поутихнет.

– Сколько времени ты уже не трахался а? После Катрины у тебя кто-нибудь был?

– Дело не в сексе. Верней, не только в нем.

Черт. Я мучительно соображал, как объяснить Альцедо то, чего он еще никогда не испытывал? Как рассказать слепому о радуге? Как описать глухому Токкату и фугу ре минор^[36]?

– Ты прав, я хочу ее. Хочу делать с ней то, чего еще никто не делал. Хочу чтобы утром она краснела только об одном воспоминании о том, что было ночью... Но ее тело – это не первый пункт в списке того, чем я хочу обладать. Я хочу ее душу, ее сердце, ее мысли, всю ее без остатка, включая ее проблемы и фобии, болезни и странности. Хочу быть центром ее Вселенной. Знать каждую секунду, что она думает обо мне, нуждается во мне, как в кислороде. Быть для нее наркотиком, без которого она не сможет жить. Чтобы нити, связывающие нас, завязались в такие узлы, что ни развязать, ни разрезать...

– Ни фиги себе, Крис, – Альцедо смотрит на меня так, словно у меня только что вместо головы выросло дерево. – Испытывать столько дерьмовых ощущений только потому, что рядом нет девочки, которая краснела бы от смущения и делилась своими фобиями? О небо!

Меня передернуло от его формулировок, но возразить, по большому счету было нечего.

– Что ты будешь делать со всей этой дрянью?

– Для начала попытаюсь выжечь силентиумом все остаточные реакции на нее. И надеюсь, это сработает.

Альцедо садится за стол, распахивает металлический бокс и вытаскивает ампулу, полную красной, как вино, жидкости. Я протягиваю ему руку.

– Я тоже, – говорит он.

Несколько секунд мы безотрывно смотрим друг на друга. И я знаю, о чем думает он, а он знает, о чем думаю я. О том, что будет, если силентиум не сработает.

– Так что там с побочными? – спрашиваю я, застегивая рукав.

– Забудь все, что я наплел. Возможны только сонливость, ухудшение аппетита и яркие сны. Все эффекты бесследно исчезают после отмены.

* * *

Я сидел на силентиуме уже месяц. Месяц, полный опасений и надежд. Каждое утро начиналось с инъекции. Аппетит исчез напрочь – пришлось настроить себе электронные уведомления о приеме пищи, потому что без них я мог не вспомнить о еде целый день. Ко всему прочему, меня начало преследовать постоянное неотступное желание спать: вместо шести часов в сутки теперь приходилось тратить на это занятие по десять-двенадцать часов, но, черт возьми, кажется, и этого было мало. А засыпая, я

практически каждую ночь видел пугающе реалистичные сны – сны, которые заставляли меня просыпаться в холодном поту.

Я был готов на что угодно в надежде, что однажды это тело перестанет встряхивать при одной только мысли о Лике. Что однажды я проснусь и обнаружу, что она – всего лишь человек, всего лишь один из семи миллиардов, что ее имя – всего лишь слово из четырех букв и что все, что нас связывает, – это угасающие реакции мозга человека, чья душа уже давно покинула этот мир.

Альцедо обещал мне, что эффект будет и не заставит себя ждать. Так оно и вышло. Уже через несколько дней приема я с трудом вспомнил имя той женщины, которая приходилась Феликсу матерью. А еще через неделю обнаружил, что не могу вспомнить имена и лица приятелей Феликса, важные для него события, воспоминания о тех местах, где он побывал, – все то, что раньше кружило в мыслях утомительной каруселью. Груз воспоминаний стремительно уменьшался под действием силентиума. Он работал. Но...

Святые Небеса!

Едва справляясь с нарастающей паникой и разочарованием, я начал медленно осознавать, что моя тяга к Лике не становится меньше. Воспоминания Феликса превратились в пепел, но те пугающие желания, от которых я так отчаянно пытался избавиться, – остались со мной. Голос, звучащий в голове и призывающий вернуться в ее город (и будь что будет!), не стал тише. Сны не стали реже. И – самое обескураживающее – она не стала казаться мне ни на йоту менее восхитительной, чем казалась в день моего отъезда.

Я проснулся от громкой барабанной дроби в дверь. С трудом вылез из кровати, натянул футболку и штаны и пошел открывать.

На пороге стоял Альцедо и чуть ли не трещал по швам от радости, размахивая увесистой упаковкой «Карлсберга».

– Угадай, что! Угадай! Это потрясающе!

– Ты сделал эпиляцию зоны бикини, – зевнул я и поплелся на кухню за стаканами.

– Дуралей, – хохотнул брателло. – Сегодня я сел в вертолет и – Ave Maria! – прокатился над Альпами. И мой завтрак остался на своем месте, даже когда земля качнулась и ушла из-под ног. Если ты понимаешь, к чему я клоню. Я чист, fra! Силентиум сработал! А... У тебя как дела? – добавил он, буравя меня глазами-сапфирами.

Блондинка живо вскрыла бутылку и начала наливать пиво в стакан. Крышечка упала на пол. Я смотрел, как та катится по полу, выписывая

идеальный полукруг...

Призрак Феликса покинул меня. Все, что он знал о Лике, все что он чувствовал к ней, – истлело в сиянии силентиума, но...

– Dio сапе, – все что смог сказать я, запуская пальцы в волосы, не в состоянии скрыть обрушившееся на меня потрясение.

– Малышка не идет из головы, да? – спросил Альцедо.

Я изумленно помотал головой.

– Значит, это не остаточные реакции, Крис. Это Инсанья. Твоя собственная.

Звонил телефон, но я не мог подняться и ответить. Альцедо глотнул пива из бутылки и снял трубку.

– Не может быть, – сказал он. Бутылка выпала из его рук, глухо ударилась о паркет и покатила по полу, разливая пену.

Я как будто очнулся, подошел поближе и тоже придвинул ухо к трубке. Альцедо даже не пришлось пересказывать мне ни слова: я все услышал сам. Звонила мама. Взмолнованно сообщила, что отец ушел в прыжок. Неофрон уже в курсе, срочно возвращается из Дании в Швейцарию, чтобы быть наготове.

– Что он делал в Дании? – ошалело переспросил я у Альцедо, когда тот закончил разговор.

– Он оттуда родом. Неофрон – наполовину датчанин. Ты не знал?

12. Гнездо ангелов

Человек всегда возвращается к тому месту, где когда-то зарыл кусок своей души. Он возвращается туда снова и снова, кружит вокруг, тычется, как зверь, мордой в землю, скребет лапой сверху...

Я стоял у наглухо закрытой двери из бронированного стекла и смотрел на свое родное тело, которое сейчас не смог бы разбудить даже рев реактивного двигателя. Я редко приезжал сюда, в этот закрытый для посторонних и особо охраняемый отдел клиники Уайдбека, потому что это место всегда переполняло меня тоской и раздражением. За стеклом, на кровати, обвешенное проводами и датчиками, лежало худое, болезненно-бледное тело, только отдаленно напоминающее того парня, которого я с детства привык видеть в зеркале. Лицо заросло щетиной и прикрыто кислородной маской, безжизненные руки вытянуты по швам, что там с остальной частью, укрытой одеялом, даже знать не хочу. Я никогда не страдал от недостатка женского внимания, но, боюсь, сейчас это тело вряд ли смогло бы кого-нибудь впечатлить. Пока я сам мог двигаться, бороться, жить – мое тело могло только слабо дышать и ходить под себя... Ладно, и на том спасибо. Я давно смирился с тем, что оно не в состоянии удерживать мою душу. Гораздо более тяжело было примириться с другим его врожденным пороком: неспособностью влюбиться в кого-то так, чтоб вылетели все мозги. Словно этому телу не доставало каких-то особенных нервных клеток, каких-то особенных гормонов, на которых бы росли и распускались изумительные цветы Инсаны...

«Помнишь ту русскую красотку, тело которой мне однажды досталось? – как-то спросила Эланоидес. – Она была оперной певицей! Помню, проснулась утром, хлебнула кофе, побежала принять душ. Обычно я пою Бритни Спирс под душем, ты в курсе, ха-ха, но в тот раз... Крис, рассказываю и меня снова бросает в дрожь! Горячие струи ударили мне в спину, и я вдруг как запою! Да еще и целую арию! Оперным голосом! Арию “Цветочного Дуэта” из оперы “Лакме”, если тебя интересуют подробности. Да-да, не смейся! Божественная ария прямо в моей ванной, посреди кафеля и мочалок! Мой голос вибрировал в замкнутом пространстве, я стояла, пела и плакала от счастья, роняя на пол куски мыла... Бойфренд думал, что я совсем с катушек слетела. Не передать словами, как я скучаю по тому голосу, который тогда рвался из моей груди. Сейчас мне уже так не спеть. Хожу в оперу каждые выходные с коробкой

бумажных платков. Наваждение какое-то...»

То же самое будет со мной. Я буду наслаждаться этим чувством до последнего, потом вернусь в свое родное тело, не подверженное любовной коррозии, и до конца жизни буду похож на наркомана, который ушел в завязку, но навсегда запомнил свой самый яркий приход. Как и Элли, буду помнить свою арию нота в ноту, даже когда не смогу выдавить из себя ни звука...

Я снова и снова возвращался к месту, помеченному большой красной буквой Л, бродил по кругу, как зверь, пытаюсь найти лазейку. Лазейку, через которую я смог бы вырваться из ловушки этих обстоятельств и вернуться к Лике. Но выхода из этого плена не было, как я ни бился о прутья. *Я не смогу полюбить ее*, когда вернусь в свое тело. Моя чаша опустеет, а чаша Лики – останется наполненной до краев, и весы, которые должны быть в равновесии, перевернутся вверх дном. Что ей тогда останется? Любить того, кто не любит ее? О нет, надеюсь, Лика не готова жертвовать собой настолько. А если и отважится любить за двоих, как это пыталась сделать Катрина, то ее пыл точно поугаснет после того, как я сменю оболочку ее смазливового братца на оболочку истощавшего дистрофика. А потом уйду в прыжок в тело какого-нибудь безногого старика с Ближнего Востока... Или... да пофиг откуда. Все старики одинаково противны.

Я кружил, не находя решения. Умирая без нее, но не в состоянии сделать то, что в конце концов могло подтолкнуть ее к краю. Зачем заставлять человека прыгать с обрыва, если не сможешь поймать?

Пусть лучше ее держит тот, чьи руки никогда не разомкнутся. Кто будет любить так же легко, как дышит. Кто будет верен своей оболочке и никогда не заставит ее обнимать тело, которое она видит впервые. Единственное, чего он не сможет, этот прекрасный принц, которого я уже сосватал тебе, Лика, – это объяснить тебе, кто ты и что с тобой происходит. Но я восполню этот пробел. Прикачу к тебе однажды издалека, расскажу тебе одну старинную легенду из коллекции династии Фальконе, подарю Большую Черную Книгу, перевязанную шелковой лентой. Чем черт не шутит, привезу тебя с твоим ухажером в Швейцарию познакомиться со всеми теми, кто болен такой же болезнью. Заодно введем в курс дела твою драгоценную мать. Я сделаю все это, когда сменю тело. Когда буду чист. Когда моя Инсанья к тебе не заставит меня рухнуть к твоим ногам сразу же, как только я увижу тебя снова...

«Решено, прикончи остатки силенциума, хуже не станет. Люби ее еще три года как чокнутый. Потом вернись в свое тело, упакуй Черную книгу в золотую бумагу и шагом марш в Симферополь. Как тебе такой

план?»

– План – откровенное дерьмо, но раз никакого другого нет...

Я побрел по коридору, заглядывая в палаты. Гробница Кора, ха-ха. Скотина. Надеюсь, у тебя появится хотя бы один пролежень. Апартаменты Альцедо: русые кудри, легкая светлая щетина, полуулыбка на губах. Даже в коме брателло напоминает юного рок-певца, отсыпавшегося после долгой горячей ночи с легкими наркотиками и легкими девушками...

Дальше по коридору с черной мраморной плиткой. Ряды палат, охраняющие покой заколдованных людей. Или монстров, просыпающихся, когда приходит время. Едва сдержал смехок: один в один вампирское подземелье, разве что гробов не хватает... А вот и покои самого Дракулы. Отец, в отличие от других, выглядел здоровее некуда: смуглый, массивный, черноволосый мужчина, едва-едва перешагнувший шестидесятилетний рубеж и не знавший прыжков последние лет десять. Черт возьми, в какое же неподходящее время он ушел. Мне не терпелось расспросить его кое о чем. Неужели за всю свою долгую жизнь, совершив десятки прыжков, он ни разу не столкнулся лоб в лоб с Инсаньей? Счастливчик. Или бедняга?

Еще одна палата в самом конце. Белокурый ангел на гиацинтово-синих простынях. Пусть твое ложе будет самым мягким, обожаемая согор. Я было продолжил свой путь, но тут же вернулся, снова ткнувшись лбом в стекло и отказываясь верить тому, что только что увидел: сестра спала мертвым сном, лицо словно высечено из камня, веки крепко сомкнуты, но по ее щекам текли слезы.

* * *

Еще один месяц в копилку бестолково прожитых дней. Еще миллион кругов по клетке в поисках лазейки. Еще одна схема лечения, на этот раз для себя самого: с утра пораньше – селентинум (надежда умирает последней!), на завтрак – кофеин, чтоб не заснуть на работе, днем – ненавистная пища, чтобы стоять на ногах, вечером – алкоголь, чтоб ни о чем не думать, и успокоительное на ночь, чтоб не купить билет до Симферополя, послав все к чертям. Я мало виделся с Альцедо и совсем редко заходил домой. Мама переносила отсутствие отца так же легко, как переносила бы насморк. Я неизменно видел ее в прекрасном расположении духа, шли точно по плану все ее светские вылазки и благотворительные вечеринки. Я не мог отделаться от мысли, как бы она жила, будь у нее к моему отцу бурная, сокрушительная Инсанья? О, уверен, она бы не смогла

спокойно спать, пока Неофрон не привез бы его домой. Что было бы со мной, если бы Лика вдруг ушла в долгий, полноценный прыжок? Да я бы с катушек слетел от страха, никаких сомнений.

А потом в этом сонном царстве наступил переполох. Сестра закончила реабилитацию и собиралась вернуться домой. Я ждал этого момента, скрестив пальцы.

* * *

Я и Альцедо прикатили в аэропорт с утра пораньше. День выдался на редкость паршивым: небо словно треснуло по шву и безостановочно цедило на землю воду. Я пил кофе, чашку за чашкой, пытаюсь стряхнуть сонливость, Альцедо изредка выныривал из многостраничного фолианта с результатами клинических исследований своего очередного фармацевтического детища. Мимо шли пассажиры рейса Копенгаген-Милан, мы всматривались в лица, пока не оказалось, что Диомедеи среди прибывших нет. Но ошибки быть не могло, Дио точно должна была прилететь именно этим рейсом. Если только ее не остановили таможенники и не перетряхивают сейчас ее чемоданы.

Легкая вибрация в кармане, достаю телефон. Диомедея!

– И где же ты, наша маленькая кудесница? Таможенники копаются в твоих трусиках? – буркнул в трубку я.

– Нет. Слава богу, у этих людей все в порядке с инстинктом самосохранения. И, кстати, я уже вышла.

– Каким образом? В реабилитации уже учат перемещаться по воздуху?

– Да вы просто не узнали меня, сонные мухи! Я прошла мимо, пока вы таращили глаза по сторонам, как лемуры!

Я начал вертеть головой. Не может быть. Как же мы ее проморгали? Я развернулся на сто восемьдесят градусов и прирос к полу: в десятке метров от нас корчила мне рожицы, помахивая паспортом, потрясаясь красивая молодая женщина: сияющая бронзовая кожа, прямые атласные волосы – темные, как Вселенная накануне сотворения мира. Бордовая куртка-пиджак, белые легинсы, сапоги до колена. Вручи ей перчатки, хлыст и лошадь – и можно выпускать на скачки. С кошачьей грацией и улыбкой вполлица она двинулась нам навстречу.

Невероятно. Я видел ее, когда она проходила мимо, зрительная память не даст соврать, но, Иисусе, таких метаморфоз я просто не ожидал. В ней не было ни намек на ту изможденную, молчаливую женщину, которая

лежала в палате, до подбородка укрытая одеялом.

Дио повисла на моей шее, а потом подхватила Альцедо под мышки и встряхнула в воздухе так, что с того едва не слетели ботинки.

– Эй-ей, уважаемая, вы меня сейчас поломаете к чертовой матери, – довольно заворчал тот.

– Как же я соскучилась по своим братишкам! И сестренкам! – захохотала Дио, подначивая Альцедо. – Ну же и угораздило тебя, fra!

Я любовался ею. Вот теперь она вернулась по-настоящему. Такой, какой я ее знал.

– Что они там с тобой сделали в Дании? Ты ли это?

– О, это я! Самая лучшая версия меня!

– Уж не на наркотиках ли ты, моя милая? – промурлыкал Альцедо. – Да тебя просто закоротило, я смотрю.

– Это все датское пиво. И сыр. И булочки. Вы пробовали датскую выпечку? Нет? Слойки с ванильным кремом и миндальной стружкой? Тоже нет? Булочки с пеканом^[37] и кленовым сиропом? Пф-ф, ну и кто вы после этого?

– Ты слышал? – крикнул Альцедо. – Да деточку надо было просто хорошенько накормить! Всего-навсего!

– Знали бы, принесли бы тебе булок вместо цветов, soror!

* * *

Я вел машину, Альцедо растянулся на заднем сиденье, скинув сапожки и закинув одну тощую коленку на другую. Диомедея сидела рядом, сияя ярче майского солнца.

– А почему Кор не приехал?

– Побоялся получить от Криса в чердак, – сострил Альцедо.

– Понятия не имею, – ответил я.

– У него прыжок подходит к концу. Неплохо бы нам всем встретиться и пропустить по стакану, а? Мама завтра устраивает вечеринку в честь моего приезда.

– Не знаю, как насчет «пропустить», а вот «запустить» по стакану можно, – снова щебечет Альцедо. – Например, Кору в голову. Да, Крис?

– Да, от «запустить» не откажусь, – киваю я.

– А если запустить достаточно сильно, то еще и сэкономим пилоту вертолета рабочий день, а-ха-ха, – дурачится Альцедо.

Диомедея набрала в легкие воздуха и заправским тоном училки

начала:

– Крис, уж не знаю, что вы там не поделили, но, по-моему, пора все это прекращать. У меня в голове не укладывается, что братья могут так... *ненавидеть* друг друга. Это... это ужасно! Крис, ты подумай, ведь, возможно, дело в донорских телах и их особенностях, которые неизбежно оказывают на вас влияние. Кору досталось тело боксеришки, не обремененное рассудительностью и чувством такта. Тебе – сначала тело копа, который, я уверена, не привык церемониться, а потом головореза и наркомана, чья психика, ты меня прости, но, вполне вероятно, могла оставить на тебе отпечаток. Это всегда надо учитывать!

– Дело не в телах, – отрезал я. – Это тот конкретный случай, когда причина наших... разногласий – не в телах, а именно в Коре и именно во мне.

Дио пропустила мою реплику мимо ушей.

– Может быть, вам стоит поговорить друг с другом, когда вы оба будете в своих телах? Дай бог, эти события пересекутся...

– Ты наверняка предлагала то же самое Кору. Сгораю от нетерпения услышать его ответ.

– Да, предлагала, – решительно ответила сестра. – Он совершенно не против.

С заднего сиденья раздался заразительный хохот:

– Я говорил с Кором два дня назад. И он сказал мне, что он не против еще раз зарядить Крису кулаком в челюсть.

Теперь пришла моя очередь веселиться. Дио обиженно таращилась на свои коленки, пока мы с Альцедо оглушительно смеялись.

– Ладно, все, сдаюсь! – вскинула руки она. – Я хотела как лучше, а получилось как всегда. Сменим тему. Мне завтра нужна будет машина и ноутбук, хочу завтра же начать подыскивать себе квартиру и съехать от родителей. Мне кажется, пришло время. Буду страшно рада, если кто-нибудь из вас сможет приютить сиротку на пару дней. Домой возвращаться не хочу, боюсь, мама напоит меня домашней сангрией, а потом устроит мне допрос.

– Без проблем, – сказал я.

– Вот и славно, – зевнул Альцедо, – двух женщин моя квартира не выдержит.

– Женщина, ты мне вот что скажи, – хихикнула Дио, обращаясь к Альцедо. – Мне нужно самое красивое платье в этом городе.

Идеи? Что там с модными веяниями? Новые коллекции в бутиках? Завтра на вечеринке я хочу выглядеть так, чтоб все ослепли. Жаль, что

папы не будет...

– Дуреха, пользуйся моментом. И надень такое платье, какое никогда не смогла бы надеть при папе! Составлю тебе завтра компанию, будем громить магазины. Крис, ты с нами?

Гулять по магазинам – это занятие шло одним из последних в списке того, на что я сейчас был способен. Хуже было бы только фигурное катание и обед из трех блюд. Все, чего мне хотелось, – это провалиться головой в подушку и не вытаскивать ее оттуда ближайшие сутки.

* * *

Далеко впереди, в свете фар, я увидел шагающего мне навстречу человека. И чем ближе он подходил, тем трудней мне становилось дышать. Навстречу шла Лика. Ее одежда была растерзана в клочья и была коричнево-черной от запекшейся крови, по ее болтающимся рукам стекали вниз тонкие багровые струи. Я бросился к ней навстречу, но она остановила меня жестом, не разрешая прикоснуться к ней.

– Почему ты не остановил их? Почему ты уехал и оставил меня одну? – шепчет она, едва приоткрыв рот, из которого тут же вытекает и струится по подбородку алая-алая кровь. Этот рот, который создан для самых нежных поцелуев, – полон крови, ее глаза – темные и пустые, ее рука вытянута вперед, как копьё. А за ее спиной, на фоне полыхающей машины, стоят и давятся от смеха двое выроdkов. И у каждого из них – о, боги, – лицо Феликса, мое лицо...

Я резко сел на кровати и обхватил голову руками, хватая ртом воздух.

– Привет.

От неожиданности я едва не взлетел до потолка.

В кресле, что стояло напротив моей кровати, сидела Диомедея, деловито поставив локти на колени, уместив подбородок на сцепленных пальцах и не сводя с меня огромных черных глаз.

– Дио, какого черта?!

– Я просто сижу, – невинно прощепетала она. – Забавно.

– Что забавного? Никогда не снились кошмары?

– Нет, другое, – она наклонила набок голову, словно вдруг увидела во мне что-то жутко интересное. – Знаешь, сколько сейчас времени?

– Понятия не имею.

За окном стоял мягкий серый сумрак. Рассвет?

– Девять вечера. Ты так долго спал...

– И что? Сегодня выходной, – я снова отвалился на подушку и закрыл глаза. Сестра натянуто рассмеялась:

– Нет-нет-нет, я сейчас объясню. Ты спал весь остаток дня после приезда из аэропорта, пока я готовила ужин, слушала музыку и разбирала свои чемоданы. Потом всю ночь. Окей, я знаю, что такое усталость. Утром отправилась с Альцедо гулять по магазинам, а остаток дня носилась по городу со своим брокером. Приехала, а ты по-прежнему спишь! И у меня подозрения, что будешь спать еще одну ночь. До самого утра!

– Было много работы. Пытаюсь отоспаться за всю неделю, – я вылез из кровати и побрел на кухню.

– Оке-ей. Это тоже часть работы? – сестра взяла меня за локоть и ткнула пальцем в примотанный к изгибу локтя катетер.

Дерьмо... Я совершенно забыл про него.

– Вижу, что пока я спал, ты даром времени не теряла, согор.

– Я просто очень волнуюсь за тебя! Неужели это не ясно?

– Эй, ты украла мою фразу!

Кажется, мой намек на ее собственное упрямое молчание попал в яблочко. Дио сдвинула брови и впилась в меня возмущенным взглядом.

– Но-но-но, стоп! Я надеюсь, что твое нежелание сейчас говорить со мной – не месть в ответ на мое молчание? – нахмурилась она.

– Месть? Ты перепутала меня с Кором.

Минуту мы смотрели друг на друга, как дуэлянты.

– Ладно, послушай, – сдался я. – Я не хотел ничего говорить, потому что, собственно, и нечего говорить. Катетер – для инъекций силентиума, который в малых дозах гасит остаточные реакции. Меня достали чужие воспоминания и чувства, а у Альцедо только-только сошла с конвейера пробная партия...

– Пробная партия?

– Да.

– Какого черта ты сел на экспериментальный препарат?

Я загрузил в кофеварку лошадиную дозу молотого кофе.

– Потому что других аналогичных препаратов нет.

– Крис, я не шучу! – завопила Дио. – Мне уже ясно, что никаких других нет! Мне интересно, почему ты вообще начал его принимать. Остаточные настолько сильны?

– Кофе хочешь? – спросил я, пытаюсь съехать с темы и наблюдая за тем, как ее лицо багровеет от злости. Надо же, а ведь совсем недавно мы исполняли прямо противоположные роли.

– Как долго ты его колешь?

– Два месяца.

– Побочные есть?

Я выразительно посмотрел на нее и сделал глоток кофе.

– Понятно. Сонливость, – проворчала она.

– Браво.

– И судя по тому, что я пять минут назад наблюдала в спальне, – реалистичные сны.

– Брависсимо, sor!

– И хреновый аппетит.

– С чего ты взяла?

– Элементарно. В этом доме нет ничего, кроме кофе, алкоголя и сухого протеина. Холодильник тут – исключительно предмет интерьера.

– М-м-м... Э-э-э... Я питаюсь в ресторане, – попытался отвертеться я.

– Да? А чтобы съесть бутерброд перед сном или тост на завтрак – тоже бежишь в ресторан? – насмешливо выдала она и решительно зашагала к холодильнику, из которого, – святое дерьмо, когда же она успела все это купить? – вытащила хлеб, йогурт, яйца, кусок бекона, джем, кукурузные хлопья, молоко... Последней на стол приземляется огромная упаковка свежей выпечки.

– О, тогда, возрадуйся, сегодня тебе не придется идти в ресторан, потому что я сейчас все это приготовлю и – ты все это съешь!

«Да чтоб мет...»

– Ты шутишь?!

Она отпилила кусок хлеба и начала старательно намазывать его джемом.

– Шутки закончились. Так что рассказывай, или... приступай к еде.

– И что же ты хочешь знать? – поинтересовался я, наблюдая, с каким усердием Дио взялась за мою кормежку.

– Все, Крис. Твоя любимая сестра желает знать все, – она придвинула ко мне миску хлопьев и плеснула в нее молока. – Почему ты выглядишь в десять раз хуже, чем два месяца назад. Так, будто тебя сбросили с крыши, потом кое-как собрали по кускам и при помощи магии заставили снова ходить. И не поверю, что дело только в синдроме и его побочках. – Дио села напротив. – Это тело точно здорово? Что за остаточные реакции тебя донимают? Почему ты просто не обратился в реабилитацию, составил бы мне компанию в конце концов. Есть что сказать?

– Я выбираю завтрак, – отрезал я и, игнорируя взбешенный взгляд Дио и превозмогая подкатывающую тошноту, взялся за еду.

* * *

Пока я приканчивал невыносимо огромную тарелку гранолы с йогуртом, Дио исчезла в своей комнате и спустя десять минут явилась в смелом коктейльном платье кроваво-багряного цвета. Ни дать ни взять суккуб^[38] на последнем курсе факультета Греха и Соблазна, не слишком опытный, но от того еще более опасный.

– Как тебе платье? Не слишком открытое? Мама пустит меня в нем на порог своего ресторана?

– К этому платью должна идти в комплекте пара телохранителей. Ты просто божество в юбке...

– Спасибо, – Дио подбежала и повисла на моей шее.

Любимая sorry...

– Как я рад, что ты наконец в порядке.

– Мне бы хотелось, чтобы в порядке был и ты, – выдохнула она мне в ухо, но, не желая возвращаться к этой теме, вскочила и защебетала:

– Одевайся! Я погладила тебе рубашку! Надеюсь, ты одобришь мой выбор. Даю тебе ровно десять минут, соня.

– Соня?

– Если не уложишься в десять минут, то будешь еще и копуша.

– Кажется, мне стоит пересмотреть список своих любимых сестер.

– Давно пора. Наконец-то я потесню малышку Альцедо с пьедестала, – хихикает Дио, и ее заразительный смех бодрит меня лучше любого кофе.

* * *

«Гнездо ангелов», заведение, принадлежащее моей матери, было выстроено на обрывистом склоне горы. Казалось, здание просто вросло в горную породу, хотя воплотить эту иллюзию в жизнь стоило целого состояния. Внутреннее убранство тоже порядком облегчило кошелек моего отца: отделка из натурального камня от Антолини, дизайнерская мебель от Джио Понти, скатерти из египетского хлопка, раковины в уборных, вырубленные из цельных кусков кварца. Но моей матери хватило вкуса не превратить это место в нагромождение стекла, камня и бездушной роскоши: тут же была каминная кладка от пола до потолка, барная стойка из грубо отесанного дерева, мягкие стулья с обивкой цвета топленого молока, вазы с полевыми цветами и аромат свежей выпечки, витающий в

воздухе. Удивительно, но здесь можно было не только принимать породистых гостей и чопорно стучать вилками по фарфору, но и незатейливо глушить виски из стакана, чем я и собирался заняться в ближайшие несколько часов.

VIP-парковка сплошь забита знакомыми машинами: кабриолет матери, чуть поодаль – спортивное купе Никтеи, а рядом с ним, бок о бок, – угольно-черный седан Неофрона. Вот с кем я буду рад посудачить.

– Врезать сегодня Неофрону за тебя? Только скажи, и домой на этой машине он поедет с водителем.

«Я тоже потом поеду с водителем, но это моей радости не убавит...»

Диомедея так и застыла – с одной ногой, торчащей из открытой двери машины.

– Не сегодня, Крис. На правах виновницы торжества могу я просить тебя об этом? Я хочу безупречный вечер в компании друзей, хочу, чтобы на этой фреске были только теплые краски.

– Договорились, – сказал я, промолчав о том, что цвет крови – тоже вполне себе теплый цвет.

* * *

– Крис, Диомедея, – хостес зала, красивая пятидесятилетняя брюнетка в белой рубашке, узкой юбке и безупречно завязанном галстуке, протягивает мне руку. – Добро пожаловать! Все как обычно?

– Да, как обычно, спасибо, Тиана.

– А мне ничего не надо, Тиа, буду пить что под руку попадется, – хихикает Диомедея, подхватывает бокал шампанского с подноса официанта и исчезает в полумраке зала.

Пространство наполнено оранжевыми бликами камина, звоном стекла и приятным лаунжем. Совсем скоро сюда слетятся, как птицы, десульторы со всей Европы, выпьют за здоровье наследницы Уайдбека (перешептываясь у нее за спиной, как тяжело пришлось бедняжке), справятся о внезапном прыжке дона Анджело (в перерыве между ризотто и запеченным окуном), обсудят с матерью график взаимных визитов на год вперед и так же легко разлетятся утром. Еще одна безупречная зарисовка из жизни заколдованного клана, члены которого могут позволить себе все, ну или... почти все. Все, кроме звезд с неба и счастья умирать от любви.

Воспоминание о Лике болезненно скользит по нервам. Как легко она

бы вписалась в реальность этого вечера. Как легко она бы очаровала мою мать. Как легко бы мы заставили всех десульторов уронить на пол челюсти, не сводя друг с друга глаз и излучая чистую, горячую, нескромную Инсанию. **Я** и она: два стакана текилы на безалкогольном празднике, два заряженных пистолета среди пластиковых игрушек, два счастливых безумца среди профессоров психиатрии! А потом с каким удовольствием я бы увел ее отсюда. И, едва перешагнув порог моей квартиры... Да нет, все началось бы куда раньше: на парковке. Нет, еще раньше: в лифте по пути на парковку...

– Ну и как там, в облаках? – голос Альцедо возвращает меня на землю.

– Восхитительно, – прикрываю глаза я.

– Как ты вообще? – спрашивает он и плюхается рядом с большим стаканом какой-то розовой дряни, украшенной фруктами и бумажным зонтиком.

– По-старому, – я вытащил из кармана упаковку кофеина, выковырнул из блистера таблетку и запил ее большим глотком «Лафройга».

– Не понимаю, почему ты до сих пор ширяешься силентиумом. Он тебе явно не помогает.

– Посмотри на свой стакан и, может быть, поймешь.

– А что с моим стаканом? – затрепетал ресницами тот.

– Если ты якобы избавился от остаточных реакций Изабеллы, то скажи, какого черта ты все еще носишь туфли на безумном каблуке, благоухаешь, как консультантша парфюмерного магазина, и пьешь розовый коктейль, украшенный клубничкой?

– Ы, – ошарашенно буркнул Альцедо, как будто только сейчас заметив, что перед ним стоит.

– Вот-вот. Может быть, силентиум работает не так быстро? Особенно если дело доходит до... массивных поражений мозга, – закончил я.

– Да иди к черту! Я просто *вынужден* выглядеть взрослее! А коктейль... Да это просто вкусный коктейль, и плевать, какого он цвета. Тиа, можно мне еще один такой же?

Тиана протягивает ему еще один бокал, доверху наполненный розовой пеной.

– Тиа, у тебя обалденный маникюр, не подскажешь...

– Во-во, – ухмыльнулся я. – Ты слышишь себя, нет?

Альцедо прикусил губу, едва сдерживая хохот.

– Ладно. Не знаю. Отвали вообще, чего пристал. Но все же хочешь мой профессиональный совет? Завязывай с силентиумом, ты выглядишь, как полное дерьмо. На силене не так-то просто питаться. По-моему, тебе пора

испытать другое лекарство от этой твоей «ЛИКОрадки».

– Например?

– Стоит сзади, только не оглядывайся сразу. Облегающее голубое платье, шикарные волосы, грех во плоти. Не сводит с тебя, засранца, глаз, с тех пор, как ты перешагнул порог. Ей-богу, впервые с начала прыжка пожалел, что сижу в теле девчонки. Но ты просто обязан пойти и как минимум познакомиться. Как максимум... нет, максимума тут быть не может, моя фантазия просто не знает границ, когда я смотрю на нее.

– Кто она?

– Понятия не имею, – пожал плечами он, – но она горяча, как секретарша дьявола. Похоже, кто-то из наших ушел в новый прыжок. Может, крошка Алауда или... троюродный дядя Саггитариус, – расхохотался Альцедо.

– Точно не дядя Сагги. Он бы задушил себя сразу, как только просек, что попал в тело женщины.

– Да, грудь и вагина – это не для слабонервных, fга, – рассмеялся Альцедо, откинув назад белокурую голову.

Я медленно повернулся на барном стуле. Незнакомка подмигнула мне и приподняла бокал в приветственном жесте. Я кивнул ей в ответ.

13. Секретарша дьявола

Стакан с Альцедо, бокал с матерью, несколько шотов со старыми приятелями. Изысканные закуски от шеф-повара, которые кажутся мне не более аппетитными, чем земля или опилки. Кофе в перерывах. Интересно, как долго выдержит моя голова, зажатая между молотом и наковальней: между силентиумом, отправляющим мозг в анабиоз, и кофеином, пытающимся вытащить меня оттуда за ноги?

И тем не менее я был рад, что отклеил башку от подушки и приехал сюда. На все это стоило посмотреть: сестра, кружащаяся по залу в танце с кем-то из парней Неофрона, – багряное пятно летящего по воздуху платья, улыбка человека, который только что выиграл миллион в лотерею; Альцедо, молотящий туфлями по паркету в не самом трезвом танце; Никтея и Неофрон, воркующие в дальнем углу зала и приканчивающие на пару вторую бутылку вермута. Никтея и Неофрон... Я столько раз видел их рядом, но только сейчас сообразил, что из них вышла бы отличная пара. Оба примерно одного возраста, оба готовы душу продать за наше развеселое семейство, у обоих железная стружка вместо нервов.

Диомедея закончила танец с очередным ухажером и победно оглядывает зал. Сегодня ей нет равных во всей Швейцарии: живой костер, в пламени которого сгорел бы любой мужчина. Она шлет мне воздушный поцелуй, сдувая его с ладони, и осматривается в поисках очередного счастливчика для танца. Я хочу быть этим счастливчиком, но тут Никтея машет сестре рукой, и Дио направляется к ее столику, оставив меня с носом. Неофрон наливает и протягивает сестре полный бокал. Бог ты мой, исторический момент. Я задерживаю дыхание: возьмет или выльет Неофрону на голову?

Наследница Уайдбека принимает бокал.

Вот это да. Столетняя война окончена. Дио делает глоток, оставляет бокал и... Сейчас Никтея точно умерла бы от ревности, если бы знала, что это за чувство. Диомедея протягивает Неофрону руку и вытаскивает его к залитому сумраком танцполу. Тот смотрит на нее с вежливой прохладцей, но не возникает. Очевидно, сестра уже пьяна как сапожник, потому что ее танец с Неофроном – это последнее, чему готовы верить мои глаза.

Хорошо, что она умеет прощать. Даже тех, кто заставил ее пройти по раскаленным углям. Талант, которым меня природа наделила не так щедро: в этот момент я вижу Кора, лениво входящего в зал под руку с незнакомой

цыпочкой, и не чувствую ничего, кроме ледяного раздражения. Если бы Кор протянул мне бокал в знак примирения, я бы разбил его ему о череп.

* * *

Спать. Кофеин уже не берет меня. Спиртное не радует. Девушки в ярких нарядах, порхающие с места на место, как райские пташки, вызывают не больше аппетита, чем изысканные блюда, а от последних мне просто хочется блевать. Мама всплеснула руками, как только узнала, что я уйду и даже не попробую фирменное фруктовое gelato, которое вот-вот подадут к столу.

Есть желато – еще один пункт в списке того, на что я сейчас не способен даже под дулом пистолета.

– Заеду к тебе завтра и съем целую миску, – бравирую я, припечатав поцелуй к ее виску. Мама выглядит просто умопомрачительно в темно-синем платье от Валентино. Королевский цвет для королевы династии Фальконе.

– Приглядывай за своей дочерью, кажется, она уже надралась в щепки.

Я оглядываюсь на Дио, покачивающуюся в танце с Неофроном, и мысленно желаю ей не испортить ему рубашку содержимым своего желудка. А то как бы война не вышла на новый виток.

– Пусть делает, что хочет, только бы не плакала, – закатывает глаза мама. – Как ей там живется у тебя? До сих пор не верю, что она решила покинуть родное гнездо. Мой пуховой птенец... Ты ее хорошо кормишь?

– Да она сама накормит кого угодно.

Мама обнимает меня и указывает взглядом куда-то в дальний угол зала, наполненный красным сиянием камина.

– Могу я просить тебя кое о чем, милый?

– Да, что угодно.

– Отнесешь бокал моей сангрии Кору и его девушке?

– Мам...

– Крис, прошу тебя. Ради меня. Пора закончить эту войну, похоронить умерших и двигаться вперед.

– Легко сказать. Знаешь, чего мне хочется, когда я вижу, что он снова взялся за свои эксперименты? Раскрыть ему голову об один из твоих чудесных умывальников...

– Она десультор, – перебивает меня мама. – Его девушка – десультор, так что можешь не переживать о ней. Если Кору вздумается дурить, то она

выставит его за дверь быстрее, чем тот скажет «ой». Любовь не протрет ее мозги через сито.

Медленно усваиваю лексику, обычно не свойственную моей матери.

– Bambino, это всего лишь сангрия, а не твое всепрощение и благословение. Их можешь оставить при себе.

Диомедея и Неофрон закончили демонстрацию окончания холодной войны и разошлись, чинно расшаркавшись ножкой. Что если это легко – улыбнуться своему врагу, протянуть ему руку и сделать вид, что давно похоронил мертвых? Даже если на самом деле держишь своих мертвых при себе, наряжаешь каждое утро в свежее платье и отказываешься выпускать рассыпающиеся в прах руки...

– Ладно, мам. Давай сюда свою сангрию. Только ради тебя и только сегодня.

* * *

Двадцать шагов до камина по лакированному паркету показались мне не легче подъема на Эверест. Кор заметил меня издали и теперь не сводил с меня глаз – глаз затаившегося хищника. Рядом с ним сидела, закинув ногу на ногу, его подружка. Подружка-десультор, хвала Господу!

Вокруг расположилась компания десульторов: кое-кого я знал, кое-кого видел впервые. Ребята звенели льдом в стаканах и тарасились на светловолосого парня, который сидел у самого камина и, судя по выражениям лиц слушателей, травил очередную увлекательную байку. Секунду спустя я узнал в нем Бутео – одного из моих одноклассников по школе десульторов. Уже полгода сидит в теле какого-то помятого машиной француза.

Кор склонил набок голову и прищурился, буравя меня взглядом... Подхожу еще ближе. *«Это всего лишь сангрия, а не мое всепрощение и благословение. Их я оставляю при себе».*

Я делаю еще несколько шагов вперед – и стремительно, на всем ходу, попадаю в зону слышимости. До моего уха долетает резкий голос Бутео и хихиканье сидящих вокруг:

– Да у той малютки просто мозги сварились от Инсэньи, вот что! Донора сбил пикап. Тело отделалось синяками, а голову, – Бутео постучал пальцем по лбу, – собирали по кускам. Я три месяца не мог сделать контрольный звонок, было не до того: пришлось заново учиться говорить. И она все эти три месяца ошивалась вокруг...

Останавливаюсь на месте, как вкопанный, зажав в руках два бокала.

– Конечно, цыпочка ничего не знала о том, что ее милого вытряхнуло из тела давным-давно и теперь тут я. Все эти три месяца спала рядом с моей койкой, держала меня за руку и, дай ей только волю, даже нужду справляла бы там же, только бы не отлучаться лишний раз. Да она просто с катушек съехала...

О боги... В свое время мы перетравили сотни подобных баек, и я был одним из тех, кто ловил каждое слово. Но сейчас меня тряхнуло так, как будто у меня в руках было по высоковольтному проводу.

– Но самое забавное случилось, когда я наконец вышел из госпиталя и сказал ей, что сваливаю из Франции и больше не вернусь. Вы бы видели ее мордашку! Воплощение чистого безумия. Знаете, что эта крошка заявила мне накануне моего отъезда? – Бутео откашливается и продолжает тоненьким голоском: «Мишель, я люблю тебя больше жизни. Если ты останешься со мной, я клянусь, что ты никогда не пожалеешь об этом. Я сделаю все, чтобы ты был счастлив!» О, я чуть не расплакался! «Хочешь, чтобы я был счастлив, уйди с дороги, зомби», – так ей и сказал.

Пелена. Плотная красная пелена перед глазами. Два стакана падают на пол и разлетаются вдребезги. Едва соображая от ярости, я рванул к Бутео, оторвал его от пола и припечатал спиной к каминной кладке. Мои руки словно начали жить своей жизнью, кровь звенела в ушах, передо мной маячила потрясенная физиономия Бутео, с которой мгновенно слетела самодовольная ухмылка.

– Ты не такой самоуверенный, когда напротив не девчонка, а кто-нибудь вроде меня, а? – зашипел я ему.

– Крис... ты... че? – залепетал Бутео, пытаюсь стряхнуть с себя мои руки.

– Жаль, что жертвы Инсаньи не могут вместо нежных признаний двинуть в челюсть.

– Да пошел ты! – рявкнул Бутео.

– Крис, какого черта? – подлетел к нам Альцедо.

Бутео вывернулся и занес руку. Я еще раз тряхнул его спиной об стену, наслаждаясь мелодичным звуком, с которым его латаный череп ударился о кирпичную кладку, – и тут же почувствовал, как на моем локте повис человек или даже не один. Между нами влез Неофрон и кто-то еще.

– Ты разбил мне затылок, чокнутый! – вопил Бутео, вытаскивая из волос окровавленную ладонь.

В тисках чужих рук я начал медленно приходить в себя.

– Не самое лучшее время для выяснения отношений, – буркнул

Неофрон, увлекая меня в сторону. Я оглянулся на вопящего Бутео, и последнее, что увидел, покидая вечеринку, – лениво улыбающегося Кора. Тот как сидел, закинув ногу на ногу и откинувшись на спинку дивана, так и не двинулся с места. Его подруга испуганно смотрела мне вслед.

* * *

Никто из них так и не понял, что произошло. Никто. Травить байки об Инсанье было обычным делом десульторов. Как истории о глубоководных чудовищах не сходят с уст рыбаков, так и истории о любви не оставляют умы тех, кто никогда с ней не сталкивался, но вживую видел ее жертв... Неофрон вытащил меня на свежий воздух.

– Ты не десультор, – повернулся я к нему. – Тогда ты знаешь, что такое любовь, так ведь? Ты должен был испытать это хоть раз.

На секунду с Неофрона слетела маска пуленепробиваемого киборга, а из-под нее показался обычный человек, с которым можно было не только отстреливаться от преследователей, но и болтать о девушках.

– Знаю, – наконец ответил тот.

– Тогда как ты все это терпишь? Все эти паршивые байки про Инсанью, все эти хиханьки-хаханьки... Тебе никогда не хотелось сделать то, что сейчас сделал я? Тряхнуть какую-нибудь насмешливую тварь об стену?

– Тебе когда-нибудь хотелось тряхнуть об стену слепого, который никогда не видел солнца? Как бы цинично тот о нем ни отзывался.

Окей. Под таким углом я на все это еще не смотрел.

– Поезжай домой, отоспись.

– Пожалуй, лучшее предложение за сегодня.

Я спустился вниз по ступенькам, миновал парковку и двинулся прочь. Можно было взять одну из машин Уайдбека с шофером, но лучше-ка мне прогуляться. Полчаса пешком до дома – в самый раз, чтобы проветрить голову и успокоить вибрирующие нервы.

Как мало иногда нужно времени, чтобы из человека, не знающего никаких забот, превратиться в законченного психа. С момента поездки на Украину прошло всего два месяца, но этих двух месяцев мне с лихвой хватило на то, чтобы начать без зазрений совести разбивать головы людям. Луна залила серебром озеро и горные вершины по другую его сторону. По черной поверхности, купаясь в сиянии, скользили яхты.

– Уже баиньки? А как же десерт? – окликнул меня незнакомый

женский голос.

Я развернулся и увидел ту незнакомку, манящий взгляд которой преследовал меня полвечеринки. «Секретарша дьявола» собственной персоной.

– Я не любитель сладкого.

– Не любитель сладкого или боишься отбить Бутео еще что-нибудь? – лениво улыбнулась она.

– И поэтому тоже. Мы знакомы?

Девушка приближалась ко мне, слегка откинув голову и сложив на груди обнаженные руки. Красотка, но всего как будто слишком. Слишком много открытого тела, сиропа в голосе и бриллиантов на шее.

– Еще как знакомы. Но я не прочь поиграть с тобой в угадайку, Крис...

«Поиграть с тобой» прозвучало почти приглашающе. В какой-нибудь другой раз я бы непременно оценил подобный оборот, но сейчас не чувствовал ничего, кроме раздражения.

– Алауда? – прищурился я, игнорируя ее медовый взгляд.

– Мимо.

– Лофорина?

– Не-а.

– Ну тогда... дядюшка Саггитариус?

Незнакомка весело рассмеялась. Кем бы она ни была, ей досталось тело, бывшая владелица которого наверняка сколотила состояние на своей оболочке. Телеведущая, манекенщица или фотомодел. Никаких сомнений.

– Пф-ф! Сагги наложил бы на себя руки сразу, как только осознал, что попал в тело женщины, – подмигнула незнакомка, повторяя всем известный факт.

Я открыл было рот, чтобы продолжить утомительное угадывание, но эта красотка вдруг прижалась ко мне, приблизив лицо так близко, что мы едва не столкнулись носами.

– Сдаешься? – сказала она и, ослепительно улыбаясь, добавила: – Ваша светлость.

– Dio сапе, Элли! – наконец осенило меня.

– Так-то лучше! Ну все, теперь мне можно тебя потискать, недотрога?

* * *

– Очнулась в Бразилии. Начала не совсем удачно. Бывшая хозяйка перебрала с кокаином, откинулась прямо в раздевалке за минуту до выхода

на подиум. Откачать откачали, но ее агенты, фотографы и газетчики основательно потрепали мне нервы. А ведь я даже не говорю по-португальски, – хохочет Эланоидес. – В больнице имитировала потерю памяти, пока все эти люди пытались чего-то от меня добиться. Через пару дней сделала контрольный звонок, и парни привезли меня домой... О, как мне нравится мое новое тело, мне еще не попадалось ничего подобного. Только грудь явно силиконовая, такая большая!

Я уронил взгляд в ее декольте и тут же отвел глаза. Со мной точно не все ладно. Странно, но Элли, от которой я был без ума всю свою юность, сейчас действовала мне на нервы.

– Ну-ну, только не красней, – сжала она. – А ты как? Где выбросило? Легко добрался?

– Восточная Европа. Донор тоже откинулся от передозировки. Правда, героиновой.

– Ого. Несладко пришлось? – вздыхает Эланоидес. Она стоит так близко, что я чувствую аромат ее духов: он сладкий и тяжелый, и идеально подходит к этому откровенному платью и тлеющему взгляду.

– Да. Прогулялся до преисподней и обратно.

Элли ласково улыбается и не сводит с меня глаз.

– Только сейчас поняла, как соскучилась по тебе. Честно говоря, я не собиралась на эту вечеринку, пока Дио не сказала мне, что ты тоже придешь. Хорошо, что...

Она делает шаг вперед, так что теперь нас разделяет только слой воздуха в сантиметр, не больше.

– Хорошо, что тебя не забросило в школьника или старика. Потому что... Потому что со школьником или стариком я бы не смогла сделать... вот так...

Ее руки вспорхнули на мою шею, обтянутая тонкой тканью грудь прижалась к моей, а губы заскользили по моим губам в смелом, искусственном поцелуе. Она была мягкая и податливая, как пластилин, и горячая, как раскаленные угли. Обычно я разделял ее энтузиазм, в чем бы он ни проявлялся: живи здесь и сейчас, кто знает, в каком теле придется коротать следующий прыжок. Но сейчас все вдруг перевернулось с ног на голову.

– Элли, мы же просто друзья... – Я перехватил ее запястья. Но она восприняла эту фиксацию как новую часть игры.

– Друзья с привилегиями, ты хотел сказать. Боже, я без ума от твоего нового тела, Крис. Надеюсь, твой прыжок закончится очень и очень нескоро.

Не могу сказать, что я пришел в восторг от этой настойчивости, но мое тело, не прикасавшееся к женщинам уже тысячу лет – по крайней мере так казалось, – имело свое мнение на этот счет.

Проклятье, пожалуй сто тысяч лет...

– Поехали ко мне, – прошептала она, запуская ладони в задние карманы моих брюк. – Или к тебе, как скажешь. Мне кажется, эти тела давно ждут хорошей разрядки. Ты хочешь меня, Фальконе-Сан-торо. Там, у тебя в штанах, лучшая улика.

И я в мгновение ока вывалился из этого магического плена.

ЛИКА.

Что бы она почувствовала, глядя на меня, одревеневшего в объятиях Эланоидес? Еще совсем недавно, не слишком разбираясь в таких тонких материях, как любовь и ревность, я бы вряд ли смог ответить на этот вопрос. Теперь я знал наверняка: она бы умерла от боли.

Наваждение схлынуло. Я сфокусировал взгляд на лице Элли и на мгновение представил ее в своей постели. Ее дыхание участилось, губы приоткрылись в предвкушении, а глаза... В них больше не было ничего осмысленного: влажная, трепещущая, пылающая *пустота*.

«Когда ты спишь с человеком, которого любишь, – говорит Катрина, скользя ладонью по моей груди, – то это не просто секс. Это как пропускать через себя космос. Все эти охрениллионы тонн материи и антиматерии... Когда я занимаюсь с тобой любовью, то чувствую, что я – то самое узкое место в огромных-огромных песочных часах, только через него перетекает не песок. А космос. Ты меня понимаешь?»

«А если бы ты меня не любила?» – спрашиваю я.

«Тогда бы мы просто трахались, – улыбается от. – Как звери. Это не то».

О, Катрина... Вот теперь до меня дошло, что она чувствовала все те годы, пока мы были вместе, и это внезапное понимание сразило меня, как молния. Я вглядывался в лицо Эланоидес, отмеченное печатью вождения, и знал, что не смогу переспать с ней. Несмотря на ее невозможно красивое тело и приглашающую готовность, несмотря на то, что мы уже спали вместе, и не раз...

Я не хочу ее, потому что до одури хочу другую.

– Элли... Я не могу, – отстранился я.

– Почему? – искренне удивилась она. – У тела какие-то проблемы?

– Не то чтобы проблемы...

– ВИЧ? Какие-то заболевания?

– Нет-нет, не в этом плане.

– Гомосексуальные остаточные реакции? Донор был геем?

– Да нет же! Элли... остановись.

Кажется, она воспринимала мое сопротивление как часть прелюдии, как новую занимательную игру, и просто не могла вообразить причину, которая бы мешала двум свободным людям, более того, бывшим любовникам, еще раз скоротать время под одним одеялом.

– Диомедея сказала мне, что у тебя сейчас нет постоянного партнера, но... может, она ошиблась?

У меня отвалилась челюсть. Вот это вылазка в тыл противника!

– Не злись на нее, это я ее спросила. Она сказала, что не знает точно, но ей кажется, что ты свободен, поэтому я и...

– Я не свободен, Элли!

Ее ладони, скользящие по моим предплечьям, остановились.

– Упс! – выдохнула она. – Кажется, я слегка не вовремя, да?

Элли рассмеялась, и ее смех был искренним: она, десультор, понятия не имела, что такое ревность. Ревность – обратная сторона Инсаньи – никогда не касалась ее души.

– А я уже было настроилась на безумную ночь, Ваша светлость! – хихикнула Элли.

– Уверен, там полно подходящих кандидатов, – улыбнулся ей я, кивнув в сторону ресторана. – Например Неофрон, который, помнится, как раз в твоём вкусе.

– Никому не говори, но я уже пробовала! – закатила глаза она. – Отшил меня, как школьницу. Но как хорош, сукин сын, особенно сегодня. Ты заметил? Никогда не видела его при таком параде. Одна рубашка, наверно, стоит как ВВП Зимбабве. Мне кажется, у него интрижка с Никтеей. Полвечера проговорил с ней и выглядел счастливым, как кот, объевшийся сливок.

– Видел. Похоже на то.

– Ты же покажешь нам ее? – спросила Элли, резко меняя тему. – Свою девушку. Она тоже десультор?

Я застыл на месте, чувствуя тупую боль в висках.

«Моя девушка».

До чего же пьянящими были эти слова.

– Да, она десультор, Элли. Это все, что я могу сказать.

– Передай ей, что если она не будет тебя охранять, я украду тебя в два счета.

– Бесстыдница, – хохотнул я.

– Посиди без секса месяцок, посмотрю на тебя.

Она послала мне воздушный поцелуй и скрылась за дверью.

* * *

Я в реабилитации Уайдбека, мое новое тело опутано датчиками и с ног до головы укрыто одеялом. Я слышу голоса по ту сторону двери и медленно приподнимаюсь на локтях.

– Входи, он уже здесь, – доносится до меня тихий голос сестры.

Дверь открывается, и я вижу Лику.

Мои глаза затягивает туманом, губы пересыхают, пальцы впиваются в одеяло.

Мне кажется, что я не видел ее целую вечность, если не дольше. Но теперь она здесь, она приехала, она дождалась! Я протягиваю к ней руку, и Лика резко отшатывается назад, натываясь спиной на Дио.

Ужас и отвращение. В ее глазах ужас, отвращение и ничего больше. Моя вытянутая рука – темная и сухая. На ней выпирающие вены и густые темные волосы. Трясущимися руками я поднимаю одеяло и оглядываю свое новое тело: я в теле безногого старика-талиба, в том самом, в котором обитал Альцедо в своем прошлом прыжке. Но теперь в нем по какой-то невероятной случайности – я. Вместо ног у меня два коротких обрубка, я провожу ладонью по лицу и чувствую короткую жесткую бороду, я упираюсь языком в передние зубы и ощущаю, что доброй половины из них нет. «Лика» – выдыхаю я, и мой голос похож на голос больного, охрипшего от жажды ворона.

Лика смотрит на меня и закусывает губу, чтобы сдержать вопль.

– Это только начало, его только что привезли, – шепчет ей Диомедея, обнимая за плечи, – после реабилитации это будет совсем другой человек. Он визуально помолодеет лет на десять, у него будут отличные протезы и...

Загляни в его глаза, это он.

Тот, кого ты любила. Тело – это всего лишь оболочка, самое главное увидит только твое сердце!

Лика ничего не говорит. Она стоит напротив – бледная, тонкая, чистая, как цветок из утреннего сада, и, кажется, вот-вот потеряет сознание. «Я была уверена, что все будет как в сказке, – написано на ее лице. – А теперь ты явился в теле, к которому мне даже не хочется прикасаться!»

Лика разворачивается и выбегает из палаты, Диомедея бежит за ней,

я вытаскиваю из руки иглу капельницы и наматываю силиконовую трубку вокруг своей шеи...

* * *

Я вскочил с глухим воплем, тяжело хватая воздух. Я сидел на кровати в крошечной тьме, взмокший от пота и запутавшийся в простынях.

– Я не собираюсь вовлекать ее в подобные отношения ни при каких условиях, все, успокойся, – пробормотал я себе, пытаюсь взять себя в руки.

Я опустил ноги на пол и попытался встать, но тело едва слушалось. Держась за стены и спотыкаясь, я спустился в гостиную, включил лэптоп и запустил программу слежения.

Сияющая белая точка безмятежно мерцала там, где я и надеялся ее увидеть, – в маленьком прямоугольнике, обозначающем дом в пригороде Симферополя. Я запустил пальцы в волосы и долго сидел в темноте, не в состоянии оторвать глаз от сигнальной точки на мониторе. Сколько раз я пытался запретить себе следить за Ликой, но желание убедиться, что с ней все в порядке, всегда оказывалось сильнее.

Я клацнул на зеленый кружок «Спотифая» и выбрал единственную композицию в моем списке: Lamb – Gabriel. Раньше я просто не мог слушать ее. Эта песня была на диске, который я унес с могилы Катрины, и с тех пор слишком сильно, до головокружения, напоминала мне о ней. Но теперь я слушал ее и больше не задыхался от боли. Теперь она возвращала меня мыслями в совсем другой день и место:

Двадцать третье апреля.

Одна из богом забытых трасс где-то в самом сердце крымских степей.

Сумасшедшая весенняя гроза.

Ангел с мокрыми волосами, в моем свитере, сидящий рядом на пассажирском сиденье...

– Крис?

Я оглянулся: в дверях, подпирая косяк плечом, стояла Диомедея. Я свернул программу слежения и прикрыл крышку ноута. Но песня продолжала звучать, наполняя тишину восхитительными клавишными аккордами.

– Дио? Я думал, ты еще на вечеринке.

– Приехала полчаса назад. Собиралась лечь, но что-то не спится.

Что-то слишком связная речь для человека, который только что под завязку залился алкоголем.

– Красивая песня, – заметила сестра.
– Да, – все, что смог ответить я.
– Она же у тебя в машине. И больше никакой музыки вообще. Что это за трек такой... особенный?

«Господи, да она вообще не пьяна!»

Диомедея плюхнулась рядом – пижамка с утятами, волосы вымыты и уложены, ночной крем толстым слоем на мордашке. Сто лет не видел ничего подобного.

– Что-то ты слишком трезвая, – сменил тему я. – И причесанная. Разве после таких вечеринок не полагается падать в кровать прямо в платье и туфлях?

– Все ясно. Песня очень особенная, но черта с два я об этом узнаю.

– Как-то так. Как вечеринка?

Дио наградила меня взрывоопасным взглядом и пихнула локтем в бок.

– Было... несколько странных происшествий.

– Надо же. Например?

– Например, один касавчик разбил затылок другому безо всяких на то причин. Просто проходил мимо, а потом схватил беднягу за воротник и тряхнул спиной об стену. Прикинь. Все до сих пор недоумевают, что на него нашло.

– О, я уверен, что у этого красавчика была на то серьезная причина, – натянуто рассмеялся я, влез в толстовку и побрел на кухню.

Меньше всего мне сейчас хотелось говорить об этом ублюдке Бутео. Диомедея вскочила и двинулась следом. Ох, что-то мне подсказывало, что на этот раз она просто так не отстанет. И тот факт, что на часах три ночи, ее тоже не смутит.

Диомедея отсыпала мне еще тротила из-под ресниц.

– Ну-ну. Но потом случилось нечто еще более странное.

– Я весь внимание.

– Ты можешь себе представить ситуацию, когда молодой свободный мужчина отказывается от общества чертовски привлекательной девушки, которая всегда ему нравилась. Более того, они когда-то были любовниками и проводили кучу времени вместе.

– Тебя кто-то отшил на вечеринке? Вот подлец, – хмыкнул я.

– Я говорю о тебе и Эланоидес, – сказала Дно, пропуская шутку мимо ушей.

– На это у меня тоже были причины, – с раздражением ответил я, мысленно посылая болтливой Элли ведро летающих гнилых помидоров.

– Например, какие? Серьезно. Я была уверена, что вы уйдете с

вечеринки под руку. И мама тоже.

– Я сделаю вид, что не слышал этого.

– Выкладывай, что происходит. С тобой творится что-то неладное.

Я налил себе полный стакан воды и выпил его залпом.

– Есть вещи, которые я хотел бы оставить при себе. Думаю, ты поймешь меня, как никто другой, потому что тебе тоже есть что скрывать. Я не собираюсь лезть в твоё личное пространство, уважаю твою личную жизнь и буду счастлив, если ты тоже...

– О как это мило, он уважает чужую личную жизнь! Тогда скажи-ка, кто эта птица, за перемещениями которой ты так тщательно следишь? – резко перебила меня сестра, тряхнув головой в сторону ноутбука. – Она в курсе, что на ней маячок?

Как мало иногда нужно для того, чтобы выбить почву из-под ног. Десятка слов будет достаточно. Я смотрел на сестру, тщетно пытаясь облечь мысли в речь. Вдруг в этой мертвой предрассветной тишине затрещал телефон, но я не двинулся с места. Диомедея сидела напротив, тоже игнорируя звонок и не сводя с меня темных взволнованных глаз. Дуэль взглядов. Телефон перестал звонить, и в комнате снова воцарилась полная тишина.

– Это девушка, которую я люблю.

* * *

Дио подошла ко мне и обняла так крепко, как – если память не подводит – ещё никогда не обнимала.

– Немного не та реакция, которую я ожидал, – сказал я, ероша её волосы.

– Ждал ужаса, сочувствия и недоумения? Или что там случается с десульторами, когда речь заходит об Инсанье...

– Вроде того.

– Я догадалась раньше. Сразу, как только вернулась из реабилитации. На твоём ноуте была запущена программа слежения, – помнишь, ты одолжил мне его, когда я искала квартиру? Тогда я не придавала этому значения, хотя заметила, что карту птичьих миграций по Крымскому полуострову ты изучаешь особенно тщательно. Потом Альцедо восполнил пробелы. Сначала боялся получить от тебя по ушам, но потом продался за флакон Infusion D'Iris и все мне рассказал.

– Дешевка, – фыркнул я.

– Ну и... Эланоидес вчера пропела мне на ухо, что ты «не свободен»! Тогда я решила прижать тебя к стенке сразу же, как только представится случай. Приехала домой, но будить тебя не пришлось. Ты сам проснулся. После того как пять минут задыхался во сне.

– Думаю, тебе стоит послать резюме в Департамент исследований, – ухмыльнулся я.

– Ты злишься?

– Нет.

– Почему ты ничего не сказал мне?

– Шутишь? После того как тебя едва-едва поставили на ноги в реабилитации, обвешать тебя своими проблемами? Альцедо все-таки получит по ушам.

– Не нужно. Он знал, что так будет лучше. Ну и... очень хотел новые духи.

– Ладно, как скажешь. А теперь быстро спать.

– Спать? Спать?! Ну нет! Только после того, как ты расскажешь, что собираешься делать!

– Делать с чем? – переспросил я.

– Со всем. С этой девушкой, со своей любовью, со своими чувствами.

Ее вопрос застал меня врасплох.

– Ничего, согог.

– Как это «ничего»? – опешила она.

– А что я, по-твоему, должен делать?

Дио смотрела на меня, приоткрыв рот и слегка покраснев, – я недоумевал: это отдаленное действие алкоголя или я действительно ляпнул что-то не то?

– Ты же всегда интересовался Инсаньей. Твое отношение к ней всегда выходило за грани обычного недоумения и презрения. Ты даже на пару с Кором хотел исследовать ее во всех проявлениях! И вот теперь, когда она в твоей голове, ты говоришь, что не намерен ничего делать? **Я** думала, ты как минимум... доволен этой возможностью.

– Доволен? – поперхнулся я. – Тогда зачем я, по-твоему, сижу на силентиуме? Зачем я по доброй воле принимаю препарат, который заставляет меня проводить три четверти суток в койке, задыхаясь от кошмаров, и фактически сидеть на внутривенном питании, потому что любая еда вызывает сильнейшее отвращение? Зачем?

– Откуда мне знать? Ты же молчишь как рыба! – всплеснула руками сестра. – Но если ты расскажешь все по порядку, может быть, я перестану задавать дурацкие вопросы?!

И я рассказал.

* * *

Дио сидела в кресле, натянув плед до самого носа и уставившись в одну точку. Видимо, все, что я только что выложил ей, ввергло ее в шок. За окном давно рассвело, по потолку скользнул первый солнечный луч.

– Значит, ты начал принимать силентиум, чтобы забыть ее.

– Да.

– Потому что посчитал, что это не твои чувства, а остаточные реакции этого человека... Феликса.

– Да.

– Но силентиум не сработал.

– Да.

– Но ты продолжаешь его принимать.

– Да.

– Зачем?!

Ну и вопросы с утра пораньше...

– Все еще надеешься, что он уничтожит твои чувства к ней? – прищурилась сестра.

– А вдруг.

– О небо! Я не верю своим ушам. Неужели до тебя все еще не дошло, что это не **его** чувства? Они – твои, твои! Силентиум уничтожил все воспоминания донора, но твоя любовь к ней...

– Силентиум – экспериментальный препарат. Еще никто не знает толком, что он будет уничтожать, а что нет и как скоро...

– Матерь божья, да ты совсем рехнулся! Видел бы ты себя, когда ты говорил о ней, – твое лицо, твои глаза, да ты весь светился изнутри!

– Прекрати.

– Нет, это ты прекрати! Вытащи этот мерзкий катетер из своей вены, приведи тело в порядок и тащи к ней свою чертову задницу, герой!

– Зачем?

– Ты будешь счастлив как никогда в жизни! Вот зачем!

– Окей. Понял. Счастлив как никогда. И что потом? Когда придет время сменить тело. Сказать ей: «А теперь я не люблю тебя, детка, езжай домой»?

Диомедея словно окаменела. Как в игре раз-два-три-замри. Только ресницы продолжали порхать вверх-вниз, и пульсировала тонкая жилка на

шее.

– А что если все будет... хорошо? – сбивчиво заговорила она. – Что если все как-нибудь... сложится? Только представь, ведь эта девушка могла бы стать твоей второй... как же ее звали... Катриной!

Я дернулся, как от удара хлыста.

– Вспомни, каково это было – иметь полноценные зрелые отношения: просыпаться с кем-то рядом, есть вместе завтрак, обнимать кого-то.

– О, soror, бога ради! – вскочил я, чувствуя, что если она не остановится, то мне придется просто зажать ей рот.

– Это куда лучше, чем жить волком-одиночкой и сходить с ума.

– Никакой «второй Катрины» не будет! – стал орать я. – Я не хочу никакой «второй Катрины», и это одна из причин, почему я не позволю себе прикоснуться к ней!

Дио замолчала, пораженная накатившим на меня бешенством.

Я выдвинул ящик стола и выхватил оттуда книгу про Нарнию. В «Нарнии» была спрятана вещь, которую я обнаружил сразу же, как только вернулся в гостиницу с кладбища, и с тех пор хранил как зеницу ока. Фотография, где я в теле Эйджи обнимаю Катрину, сделанная на какой-то из студенческих вечеринок в Оксфорде.

– Вот этот отморозок, – я ткнул пальцем в лицо Эйджи, – исчез и не сказал своей девушке ни слова. А она, – сглатываю болезненный комок в горле, – выбросилась из окна, когда узнала, что ее возлюбленный трагически погиб в Альпах.

– О боже... Крис... – Дио охнула и склонилась над фотографией. Пару минут мы сидели в полнейшей тишине.

– Но как она узнала, что с тобой произошло?!

– Кор сказал ей. Подхватил брошенную мной игрушку, чтобы окончательно доломать ее.

– Мать божья... Так вот из-за чего вся эта вражда!

Ее слова утонули в истеричном звонке в дверь. Я открыл, и в квартиру ввалился, притопывая ножками и потряхивая кудряшками, веселый, как утренняя птица, Альцедо.

– Я потерял ключи на вечеринке! Не могу попасть домой. Можно у вас перекантоваться, пока мне не поменяют замки? Хо-хо, ребята, у вас такие лица, как будто вы все утро кого-то хоронили, – рассмеялся он, но, не заметив ни тени ответного веселья, сдвинул брови: – Ну и... кто это был?

Дио поджаривает на масле толстые ломти хлеба, посыпает их тертой моцареллой и зеленью. Альцедо сидит напротив и уничтожает гренки быстрее, чем Дио успевает жарить. Мама прослезилась бы, глядя на эту идиллическую картинку. На тарелке огромная гора фруктов, которые вот-вот отправятся в блендер вместе с молоком и мороженым.

– Элли, твоя бывшая, вчера была страх как расстроена после того, как ты отшил ее, – говорит Альцедо, вертясь на барном стуле и покачивая ногой в розовой балетке. – О, какой же это был соблазн, я чуть не пригласил ее к себе.

– Зачем? – поморщился я.

– Но-но, не смотри на меня так. Да ни за чем. Я бессилён осчастливить ее в этом девчачьем теле. Просто варил бы ей какао и втихоря паялся бы на ее сиськи.

– Фу, – поморщилась Дио, забрасывая в блендер порцию свежей клубники. – Он всегда такой противный?

– Почти, – хохотнул я.

– Я клянусь, что не дам ей прохода, как только попаду в тело мужика, но пока... Крис, ты просто идиот. Я бы на твоём месте...

– Лучше не продолжай, – ледяным голосом сказала Диомедея и нажала на кнопку. Кухню заполнил визг машины по уничтожению юных клубничек.

– А что? Что такого? – пискнул Альцедо, как только сестра отпустила кнопку.

– Во-первых, не желаю слушать эти пошлости. Во-вторых, Крис будет в скором времени страшно занят.

– Это ещё чем? – вскинул брови я.

– Будешь носиться на крыльях счастья где-то между седьмым и восьмым небом, – заявила сестра и протянула мне стакан фруктового коктейля.

– Я не поеду к ней, если ты об этом, дьявол-искуситель.

– Ещё как поедешь.

– Я уже все решил.

Сам того не ведая, я наступил на какую-то потайную кнопку, которая в мгновение ока перевела мою сестру в режим Kill-them-all. На ее щеках выступил яркий нездоровый румянец, а ладонь крепко сжала нож для нарезки фруктов.

– Ах ты все решил? За вас двоих. Даже не пытаюсь выяснить ее мнение? – нож, измазанный в крови невинных клубничек, вытянулся в моем направлении. С сестры сейчас можно было легко написать портрет

Жанны д'Арк. Фартук как раз смахивал на доспехи.

– И еще она слишком юна для меня.

– Сколько ей?

– Семнадцать.

– А тебе двадцать восемь.

– Представь себе, – кивнул я.

– Тоже мне разница! Ты издеваешься?

Нож перелетел всю кухню и вонзился в разделочную доску, висящую на противоположной стене.

Альцедо нервно моргнул и выпустил трубочку изо рта.

– Проклятье! О мужчины, какие же вы все порой... придурки. Просто тошно смотреть! – выругалась Диомедея.

Кухня наполнилась тишиной. Нож, вонзившийся в разделочную доску, все еще вибрировал.

– Папа должен был узнать первым, это было одним из поставленных мне условий, но неизвестно, когда он даст о себе знать. Поэтому, видит бог, мне стоит нарушить свое обещание. Хочешь узнать, что случилось в Саудовской Аравии?

14. Неофрон

– Сварите себе еще кофе, парни. Там на полке непочатая пачка El Injerto. История долгая, как крылья архангела Гавриила.

Чего боятся девушки? Ну навскидку? Насекомых? Прыщей? Что их никто никогда не полюбит по-настоящему? Что первая ночь с мужчиной обернется катастрофой? Меня никогда не волновала вся эта ерунда. Я никогда не боялась насекомых и любых других животных. Проблемы с кожей меня так и не коснулись. А парни – меня не интересовали ни они сами, ни треволнения, с ними связанные. Моя единственная фобия была куда серьезней и страшней, чем все эти глупости вместе взятые. Я боялась, что однажды не открою глаза в родной постели, а очнусь где-нибудь... под завалами здания, засыпанная стеклом и бетоном. Или где-нибудь под колесами машины, которая только что не оставила у меня ни одной целой кости. Или за решеткой в самый разгар пыток. Начиная с пятнадцати этот страх ходил за мной по пятам, так что когда (этак полгода назад) над нашим домом начали кружить ястребы, я чувствовала примерно то же, что чувствует больной раком, когда ему сообщают, что в теле обнаружены метастазы. Сообразила, что времени у меня совсем в обрез. Мой страх начал расширяться со скоростью Вселенной. Все, что раньше имело смысл, – университет, литература, искусство, семья – утратило его. Медитация, успокоительные, обезболивающие в интенсивном режиме – что угодно, только бы оттянуть первый прыжок. Мама поддержала меня, отец, как обычно, сказал, что перед смертью не надышишься, и предложил мне предпринять что-то куда более действенное, чем просиживание на коврике в позе лотоса.

– Например, что? – спросила я.

– Езжай к Неофрону на тренировочную базу в Акваросса.

– Чего она еще не узнала о единоборствах? За столько-то лет?! – возмутилась мама. – Да она уложит на лопатки полдюжины головорезов, если тем вздумается пересчитать франки в ее кошельке! Стресс и боль от дополнительных тренировок только ускорят...

– Поезжай, – повторил отец. – Там страх отступит, вот увидишь.

Теперь я понимаю, зачем он так настаивал на этом. Я должна была увидеть это своими глазами: все, на что способен Неофрон и его агенты. Я должна была понять, что для них нет ничего невозможного. Я должна была поверить: где бы я ни очнулась, эти люди придут за мной и вернут меня

домой.

Акваросса. Не могу сказать, что она пришлась мне по вкусу. Небольшой городок к северу от Лугано, с двух сторон зажатый Альпийскими хребтами. Горы совсем не такие, как дома. Если в Лугано те лениво лежат вокруг озер, как морские котики, то эти – торчат из земли, как зубы, обрывистые, неприступные, утопающие в синей дымке... Куда ни брось взгляд – непроходимые леса да ледники. Даже от названия *Acquarossa* – «красная вода» – веяло мраком. Откуда оно вообще? Это все глинистая почва, окрашивающая реки? Или какая-нибудь кровавая резня в летописи прошлого?

Но в этом месте было заключено мое спасение, поэтому я не собиралась ныть и жаловаться. Папа привез меня туда рано утром, показал один из семейных коттеджей на окраине городка. Оказалось, что в доме не будет ни прислуги, ни повара, ни секьюрити – вообще никого. Еду мне будут доставлять из местного ресторана. Домработница будет приходить по утрам. И охранники мне, конечно, тоже не требуются. Ха, после того, как я сдала все боевые нормативы Уайдбека, семья больше переживала о здоровье нападающего, чем о моем собственном.

Через пять минут после нашего приезда явился Неофрон, помог с чемоданами и пропустил с отцом по кофейку. Принял меня, фигурально говоря, под расписку, как какой-то товар, и откланялся. Наш ранний приезд точно вытащил его из кровати. Выглядел не слишком доброжелательным, еще хуже, чем обычно: как будто не спал трое суток и вот, когда наконец пристроил голову на подушку, – пришлось ехать встречать дочку босса. Заговорил со мной только один раз, когда поднял чемодан, который я доверху набила книгами.

– Что в нем? Булыжники?

– Триста смертных грехов.

– Я скорее поверю, что булыжники, – улыбнулся он, но быстро вернулся к своему привычному амплуа, которое не подразумевало легкомысленной болтовни. Тем более с такими, как я.

Удивительно, но после того, как я осталась совсем одна, в этом коттедже, затерянном черт знает где, в самом сердце сурового края, мой страх стал чуть менее реальным. Как и вся моя прошлая жизнь: лекции, прогулки на яхте, артхаус в частных кинотеатрах, кабриолеты, платья от Версаче... Как будто я видела все это во сне, а теперь наконец проснулась. В холодильнике обнаружились закуски, слоеный пирог и бутылка красного вина. Помню, налила себе полный стакан, выудила из чемодана том русской поэзии, закинула ноги на журнальный стол – и встретила свой

первый вечер в Аквароссе. Ночь была такой тихой, как будто я была одна во всей Галактике, Млечный Путь – такой яркий, как будто небо и впрямь окропили молоком. Кричали ночные птицы, и подушка пахла травами. Я быстро заснула и впервые за долгое время спала крепко, как дитя.

Утром ни свет ни заря села в машину и поехала на тренировочную базу. Неофрона не было. Асио, его правая рука, ввел меня в курс дела. Тренировочный процесс планировали разбить на несколько основных блоков, и физические тренировки заняли в нем процента два, не больше. Какой смысл наращивать мышцы, если моя душа сменит тело и больше не сможет ими пользоваться? Больше внимания планировалось уделить технике – максимально эффективной и такой, которую я смогла бы использовать, даже попав в тело ребенка. Большинство приемов я знала, но, как говорится, повторенье – мать ученья...

Прошло несколько месяцев. Неофрон появлялся редко. Я больше тренировалась с Асио или с кем-то из его помощников, и такой распорядок меня полностью устраивал. Перед тренировками мне давали обезболивающее и одевали в экипировку с ног до головы, чтобы, не дай бог, девочку дона Фальконе не выбросило от болевого приема. Асио мог вывернуть мне руку, и я почти не чувствовала боли.

Как-то однажды на базу заявился Неофрон. Я только-только разогрелась и приготовилась к спаррингу, и тут вижу его – вваливается с улицы внутрь и идет прямо ко мне. Протянул мне еще одну таблетку обезболивающего на ладони и попросил выпить.

– Я уже пила, – возразила я.

– Пожалуйста, не спорь.

Я сдалась, хотя все это показалось мне до ужаса странным. Неофрон протянул мне стакан с кофе, чтобы было чем ее запить. У меня даже мысли не возникло ослушаться, я доверяла ему.

– А теперь домой, и на сегодня больше никаких тренировок.

– Я только разогрелась...

– Нео, сегодня важная часть... – начал было Асио.

– НИКАКИХ ТРЕНИРОВОК СЕГОДНЯ! – рявкнул Неофрон. – Надеюсь, я ясно выразился?!

Только потом, несколько месяцев спустя, я узнала, что на него нашло. На крыше тренировочной базы сидела целая стая горных грифов. Неофрон приехал, увидел их и все понял. Но тогда его бесцеремонность просто вывела меня из себя. Мне показалось, что он просто помыкал мной, как пятилетней девочкой. С начала тренировок я видела его всего несколько раз, и тут вдруг, гляди, влетает в зал и орет на всех и вся... я сняла

перчатки, зыркнула на Неофрона со всем презрением, на которое только была способна, и пошла переодеваться. И, проходя мимо груши, в приливе злости со всей дури всадила в нее кулак. Ударила так, что не помогло никакое обезболивающее: боль была просто ошеломительной...

Как вы с Альцедо уходили в прыжок? Это была просто внезапная потеря сознания? И это все? Я не потеряла сознание сразу, сначала просто *перестала слышать*. Голова наполнилась оглушительным звоном, как будто кто-то включил пару визжащих электропил и поднес их к ушам. Я схватилась за голову – мне показалось, что она сейчас просто лопнет.

Глубоко дышать, не смотреть в одну точку, не поддаваться панике – я знала все техники по «удерживанию сознания» назубок, но до чего же бесполезными они оказались! Что-то тащило меня в «прыжок» буквально за шкуру. Я, наверно, слишком долго рассказываю, на самом деле все заняло не больше десяти секунд. Неофрон стоял напротив, тряс меня за плечи и что-то говорил, но я не могла разобрать ни слова. Я схватилась за него, как за последний выступ скалы – мои ноги уже давно болтались над пустотой. И тогда... он наклонился и начал целовать меня, как ненормальный. Так горячо, как не целовал еще никто никогда. Его руки вцепились в меня так крепко, как будто могли удержать внутри этой реальности, спасти от надвигающегося прыжка... Не помню, что там случилось с Асио и парнями. Наверно, растеряли челюсти, глядя, как Неофрон тискает на людях наследницу Уайдбека.

Мое изумление было настолько велико, что звон в ушах и паника мгновенно отступили. Я так и стояла там в его объятиях – ошеломленная, покрасневшая до корней волос, но – Господи всемогущий! – зато меня не вытряхнуло из тела! Я все еще была «в себе», мне удалось удержаться!

Неофрон взял меня за запястье, увлек в сторону и, пристально всматриваясь в лицо, сказал:

– Не пугайся, окей? Это ничего не значит. Просто это был единственный способ удержать тебя. Боюсь, ты еще не готова к прыжку.

Он стоял напротив, очень близко, и в тот момент я увидела его будто впервые в жизни. Глаза – тревожные, серые, с темным-претемным ободком. Гармоничное, словно слепленное скульптором лицо, волевой подбородок. Ох, да он был красив, как архангел! Или нет, скорее, как демон: такие лица я видела на древних фресках эпохи Ренессанса, и эти лица никогда не принадлежали праведникам. Не знаю, как я не замечала всего этого раньше... Альцедо, хватит закатывать глаза! Просто пей свой чертов кофе!

– Ты слышишь меня? – повторил Неофрон.

– Да, – моргнула я. – И часто приходится прибегать к этому... способу,

господин Вестергард?

- К счастью, нет, госпожа Фальконе-Санторо, – парировал тот.
- Первый раз слышу о поцелуях в качестве удерживающего средства.
- И слава богу, – фыркнул он.

В этот момент меня вдруг осенило, что у этого викинга, который половину своей жизни провел в доспехах, отличное чувство юмора. Я вдруг пожалела, что не общалась с ним раньше.

– Если бы я знала, что они так хорошо помогают, я бы предпочла медитации совсем другие... тренировки.

– Это я и имел в виду. Медитация – куда более подходящее занятие для такой девушки, как ты.

Я даже не знала, как на это отреагировать. То ли Неофрон считал меня слишком юной для подобных занятий, то ли только что намекнул мне, что я отвратительно целуюсь. В любом случае приятного было мало. Я отправилась в раздевалку, приняла душ, подошла к зеркалу уложить волосы. Из зеркала на меня смотрела совершенно другая я. Что-то изменилось. Ладно мои мысли – они пришли в полный разброд, – но все эти изменения во внешности... Лихорадочно блестящие глаза, припухшие от поцелуев губы, пылающие щеки – я еще никогда не видела себя такой! В меня как будто только что ударила молния.

Я вышла из зала, села в машину и... не смогла уехать. «Ягуар» Неофрона стоял на противоположном конце парковки и дожидался своего хозяина. Я тоже решила подождать. И, сидя в машине и постукивая по рулю в такт *Set fire to the rain*, доносящейся из радио...

It was dark and I was over

Until you kissed my lips and you saved me... [\[39\]](#)

...осознала, что я только что целовалась с самой неприступной легендой Уайдбека. Что эта смертоносная машина, которая, казалось, была создана только для того, чтобы убивать, каких-то полчаса назад сжимала меня в объятиях. При этом не слишком заботясь, что подумает весь спецназ Уайдбека. Но самое пугающее... Не могу сказать, что все это мне не понравилось.

Мне вдруг захотелось поговорить с ним. О чем угодно. Расспросить о графике тренировок. Узнать лучшее средство от синяков. Выяснить, где тут ближайшая кофейня... Да что угодно, лишь бы он снова стоял напротив и говорил со мной. Ох, да он просто выбил меня из колеи своим «одолжением». Или прилюдной разметкой своей территории. Черт его

знает, что это было. Я была этакой... принцессой своего мира, и еще ни один мужчина не позволял себе подобного.

Конечно, это не было Инсаньей: я не была способна испытать ничего подобного. Это был просто азарт, заинтригованность и кошмарное возбуждение, какого я не чувствовала никогда прежде. Да я и представить раньше не могла, что во мне сидит столько чертей, а дверь, которая их сдерживает, на раз-два слетает с петель!

Я решила вернуться в тренировочный зал, на ходу выдумывая причину возвращения. «Забыла в раздевалке носки! Не смогу уснуть, пока не заберу их и не постираю!»

Но в следующую секунду случилось то, что ввергло меня в едва ли не большее потрясение, чем поцелуй с Неофроном. На парковку заехала спортивная «фerrари» небесно-голубого цвета и припарковалась рядом с черным «ягуаром». Дверь распахнулась и оттуда выпорхнула девушка.

Да, ты прав! Она могла быть чьей угодно подружкой – на базе тренировалось несколько десятков мужчин. Однако я сразу догадалась, чья она. И потребовалась мне на это десятая доля секунды. По одной простой причине...

Эта незнакомка была точной копией меня! Моим полным двойником! Клянусь, со спины или издалека вы бы легко приняли ее за меня. Даже волосы, рост и стиль одежды до странного напоминали мои собственные. Единственное, эта девушка была куда старше: лет на пять, а может, на все десять.

Она исчезла за дверью и скоро вышла оттуда с Неофроном под руку. Сияющая, как кристалл Сваровски. Доступная и не менее красивая замена бриллианту. Да, звучит самоуверенно, но вряд ли такое сходство могло быть простой случайностью! Мысль, что Неофрон сознательно искал девушку, как две капли воды похожую на меня, стремительно влетела в мою голову и больше не смогла вылететь.

Я не могла оторвать от них глаз. От этой *почти-меня*, жмущейся к нему и скользящей ладонью по его плечу. От его спины, обтянутой синтетикой куртки. От его руки, шлепнувшей ее по ягодицам. Я сделала глубокий вдох и схватилась за голову. Снова нарастающий шум в ушах – пронзительный звон, переходящий на все более высокие частоты. Теперь уже никто не смог бы спасти меня. Вряд ли Неофрон отважился бы подарить мне еще один спасительный поцелуй на глазах у своей спутницы...

И в этот момент он обернулся и увидел, что моя машина все еще на парковке. Его рука соскользнула со спины девушки, и он быстро пошел ко

мне. Я сидела в салоне, схватившись за голову, и больше ничего не слышала. Неофрон подбежал и ударил ладонями по стеклу, словно умоляя меня открыть заблокированные двери. Я нажала кнопку, дверь распахнулась, его рука потянулась ко мне и...

Меня выбросило.

* * *

«Встретиться со своим страхом лицом к лицу».

«Победить своих демонов».

«Заглянуть в бездну».

Все эти призывы справедливы, если ты ничем не рискуешь. Боишься пауков – можно просто стряхнуть их с руки. Боишься высоты – не лезь на крышу. Боишься выглядеть придурком – просто не открывай рот. Но что если ты сидишь за решеткой, а у охранников – автоматы и подкованные сапоги?

Я очнулась в одной из тюрем Саудовской Аравии в теле женщины, которой, судя по отражению в суповой миске, было никак не больше тридцати. Мои познания в арабском были весьма скромными, но их хватило, чтобы понять, за что я там. Прелюбодеяние и богохульство – вот что мне вменялось. Остаточных реакций практически не было, оставалось только догадываться о том, что произошло на самом деле. В памяти изредка мелькали мужские руки, срывающие с меня хиджаб, и я, орущая на важного бородатого мужика. И больше ничего. Я была слаба и истощена, судя по ожогам на коже, женщину пытали электрическим током. Она призналась во всем, что ей вменялось, и покинула это тело. Птица выпорхнула из теплого скворечника и освободила для меня место.

После получения признания пыток больше не было, но тело исходило судорогами, как только я слышала шаги за дверью камеры. Я не представляла, что делать, как помочь себе, как вернуться из этого кошмара в реальность своей жизни. Принцесса династии Фальконе, привыкшая спать на шелке, обедать в ресторане и принимать ванну с пеной каждый вечер, – теперь ютилась на коврик, брошенном на каменный пол, ела похлебку из нута, а вместо ванны с пеной получала разве что таз с водой для омовения перед намазом.

Только несколько месяцев спустя, скопив энергию от каждой капли пищи и каждой минуты сна, я схватила за воротник надсмотрщика, принесшего мне миску с едой, и хорошенько трянула его головой об

металлическую решетку. Тот мгновенно потерял сознание, так что мне удалось добраться до его нагрудного кармана и стащить его телефон. Меня потом отхлестали плетью за это нападение, но я знала, что спецназ Уайдбека уже на полпути ко мне, и смеялась, пока меня пороли.

Вечером следующего дня мне объявили, что со мной хочет побеседовать имам^[40], и впустили в камеру старика, облаченного в дишдаш^[41] песочного цвета и белую куфию. Огромная черная с проседью борода, темно-коричневая кожа, вошел, опираясь на клюку. Черные глаза изучили меня вдоль и поперек, высчитывая процентное соотношение греха в моем организме. Я на всякий случай села поближе к своей металлической суповой миске – единственное оружие, оставшееся в моем распоряжении.

Как только дверь захлопнулась, гость что-то хрипло забубнил мне по-арабски.

– Аллах не примет тебя в свои райские покои, – все, что разобрала я.

– Мне не нужен рай, – ответила я. – Я просто хочу домой.

– Где тебя учили говорить по-арабски, грешница? До четверти процентов всех прыжков приходится на арабские страны! Такой простой язык, и так плохо его знать! – ответил мне имам на чистейшей латыни.

Я зажала себе рот, чтобы не зарыдать в голос. Передо мной стоял Неофрон, загримированный так, что родная мать не узнала бы.

* * *

– Я не успею вытащить тебя, – сказал он мне, оглядываясь на запертую дверь камеры.

– Почему?

– Город не спит, площадь уже очищена, очень много людей. Приедет королевская знать. В тюрьме нездоровый движняк. Я мог бы попытаться, но боюсь, мы оба не выйдем живыми.

– Почему площадь очищена? – охрипла я.

И тут Неофрон вперил в меня свои глаза с темно-карими контактными линзами.

– Я думал, ты слышишь и видишь все, что происходит вокруг. Ты действительно не разобралась, о чем они говорят?

– Боже, да просто скажи мне, что происходит! – зашипела я.

Он прикоснулся к моей щеке, и этот неожиданный жест сожаления вдруг вверг меня в панику.

- Тебя хотят казнить. Казнь назначена на завтрашнее утро.
- Слова могут свалить с ног – теперь я убедилась в этом.
- Как именно? – заикаясь, спросила я.
- Побиение камнями.

* * *

Я впала в глубокое оцепенение. Меня на мгновение перебросило в прошлое: лет этак десять назад, мне двенадцать, я сижу на уроке религиоведения. Учитель рассказывает обо всех этих варварских обычаях из стран третьего мира: расстрел, отсечение головы, забрасывание камнями, обрезание девочек, – и думаю о платье из органзы, которое увидела в витрине магазина, когда ехала в школу. Прекрасное платье персикового цвета. Моя детская психика не была способна вместить в себя весь этот ужас: изувеченные гениталии, катящиеся головы, кровь фонтаном. Я не слушала, меня там не было, я закрыла глаза и приказала себе думать о платье из органзы, которое мне купит мама, когда мы будем гулять по торговому центру в воскресенье. А потом будем есть мороженое. И пить капучино с рисунком на пенке. И пойдем в кино смотреть «Амели». Понятия не имела, о чем фильм, но мне очень нравилось это имя. «Амели», платье, капучино, и больше ни слова об обрезании или камнях!

И вот теперь я в тюрьме. Приговорена к смертной казни. И завтра мне в голову будут бросать камни, пока один из них не пробьет височную кость.

«Размер камней не должен превышать размера кулака, чтобы человек не умер слишком быстро. Смерть очень мучительна, поскольку человек способен долго выносить сильные удары, при этом не теряя сознания...» – эта часть лекции вдруг всплыла в моей памяти во всей своей ужасающей отчетливости. Я зажала рот в полной уверенности, что меня сейчас вывернет наизнанку, и рухнула в руки Неофрона.

– Ни один камень не коснется твоей головы. Ты слышишь меня? – сказал он. – Ни один камень.

– Ты забереешь меня отсюда? – расплакалась я.

– Нет. Мне пришлось бы перестрелять полгорода. Но я не оставляю тебя.

Меня скрутило от подступающих рыданий.

– Дио, – встряхнул он меня. Его руки скользили по моей спине. Дверь камеры была закрыта наглухо, внутренних камер я не нашла, так что позволила себе роскошь просто обнять его и ткнуться лицом в его грудь.

Прижаться к единственному человеку во всей Вселенной, который мог спасти меня.

– Ты не должна бояться. Завтра, когда тебя поставят на колени посреди площади, смотри в небо и думай о чем-нибудь хорошем. Думай о чем-нибудь самом прекрасном в своей жизни. Остальное сделаю я. Поняла?

Я потрясенно уставилась в пол. О чем же мне думать завтра? Что было самым прекрасным в моей жизни? Я перебирала в уме людей и вещи и не находила ответа. Близкие? Мысли о них ввергнут меня только в большее отчаяние. Искусство? Вряд ли. Религия? Последний раз я была в соборе год назад, когда изучала фрески Сикстинской капеллы. Бриллианты, дорогие машины, платья? Как пошло...

Оказывается, в моей жизни не было ничего, воспоминания о чем придали бы мне мужества накануне казни! Разве что...

Я подняла голову и уставилась на Неофрона. Король грима: темнокариые глаза, кожа покрыта автозагаром, мерзкая черная борода, но это по-прежнему он – человек который целовал меня так, что хотелось помнить об этом всю оставшуюся жизнь.

И в этот момент внутри меня что-то закоротило и начало плавиться. Заискрила проводка, загорелись провода. И из этого дымящегося хаоса возникло странное новое чувство. Даже не описать. Сильная боль вперемешку с блаженством – разве что так.

– Прости, но я не смогу любоваться небом и думать о птичках и бабочках, когда напротив встанет обезумевшая толпа с булыжниками в руках. Это просто невыносимо! И, стыдно признаться, но в моей жизни не было и нет ничего, что придало бы мне сил.

– Придется вспомнить, – отрезал Нео. – Иначе ты сойдешь с ума от страха. Думай о ком-нибудь близком. О том, с кем встречаешься. О том дне, когда Анджемо поведет тебя к алтарю, едва не лопааясь от гордости. Или о чем там еще думают девушки...

– Или о том дне, когда меня целовал не мажорный одноклассник с напыщенной челкой, а – впервые – мужчина. И целовал так, что мои мозги чуть не вылетели.

Смешно вспоминать, но Неофрон просто врос в пол от этого пассажа.

– У меня только один способ не сойти с ума от страха. И мы его уже практиковали, – заключила я.

Не знаю, откуда во мне тогда взялось столько безрассудной смелости. Наверно предчувствие близкой смерти встряхнуло из меня все манеры, жеманность и стыд.

– Не сходи с ума, Диомедея. Тогда это была необходимость, а сейчас...

– Еще более острая необходимость, – перебила его я.

Моя дверь слетела с петель, и по ней, громко топая копытцами, во все стороны понеслись мои черти!

– Если, конечно, я не выгляжу совсем никчемно. Прости, я понятия не имею, что у меня с лицом...

– Лицо ангела, отважившегося влюбиться не в того, за кого выдали замуж, и проклявшего священнослужителя, который благословил брак по принуждению. Она была и есть прекрасна.

И пока я потрясенно осмысливала эту характеристику, Неофрон шагнул ко мне, сжал мои предплечья и поцеловал. И поцеловал снова. И еще раз. Пока ноги не перестали держать меня. Успокаивающе, нежно, так, как, должно быть, целуют после долгой жаркой ночи...

О, теперь я знала, о чем буду думать завтра, стоя на коленях посреди городской площади. О самом впечатляющем человеке в моей жизни и о его поцелуях.

Альцедо, прикрой Крису рот, пока челюсть на пол не упала.

* * *

Вы замечали, что ветер часто пахнет одинаково в самых разных уголках Земли? Будь то просторы Лугано, или улицы Милана, или тростниковые поля Египта? Запах согретой солнцем земли, влажного песка, близкого моря... Там пахло так же, представьте. Свежо и сладко. Немного фантазии – и я в арабской сказке про Аладдина, сейчас взлечу на ковресамолете над барханами... Утренние лучи слепили глаза. Меня нарядили в белое платье и сняли платок с головы. Невиданное внимание к прелюбодейке и богохульнице. Толпа неистовствовала. Особенно женщины... Боже, если ты есть, впредь избавь меня от лукавого и от праведниц! На площадь привезли и вывалили целый грузовик щебня и камней: чтоб каждый желающий мог лично подправить мне карму.

Я даже не смотрела на них. Я озиралась по сторонам в поисках своего избавителя. Что он задумал, как он собирается вытащить меня из этого муравейника? Ведь людей так много. Только сейчас я заметила, что на площади полно военных и полицейских в форме цвета хаки. Мысли о том, что Неофрон бессилен спасти меня, боролись с воспоминанием о его обещаниях. *«Ни один камень не коснется твоей головы»*, – поклялся мне он.

Знаешь, в какой момент в сердце женщины падает зерно Инсаньи? В

тот самый, когда она понимает, что этот – именно этот! – мужчина сможет защитить ее душу и тело от любого посягательства. Дай женщине понять, что пока она рядом с тобой, с ее головы не упадет ни один волос, – и она в тот же день вручит тебе свое сердце и все, что к нему причитается.

Я не стала исключением. Биохимия моего родного тела не позволяла мне варить «тяжелые наркотики». Но новое тело смогло сделать это на раз-два. Оно просто чиркнуло спичкой, подержало ложку над горелкой, и – по моим венам растеклась такая Инсанья, что хватило бы на десяток таких, как я. Моя Инсанья. К Неофрону. То самое чувство, мысли о котором были способны затмить страх смерти.

Я подняла глаза к небу: совсем высоко, в небесной лазури, прямо над моей головой парил стервятник. Я улыбнулась этой символичности. Как только мои руки освободятся от пут – я больше не сниму их с его плеч!

Проповедник, разодетый в черное, подогревал толпу пламенными речами. Праведники грели в ладонях камни. Я опустила глаза и перестала дышать. По моим коленям скользило доказательство моего скорого освобождения. Все выше и выше – прыгает с коленей на грудь, с груди на шею. Еще выше. На секунду встречается с сетчаткой моего глаза и тут же исчезает из поля зрения.

Теперь она где-то на моем лбу: я не вижу ее, но все равно знаю, что она там.

Красная лазерная точка наведенного на меня прицела.

На секунду меня накрывает страшная паника, но я приказываю себе закрыть глаза и думать о том, как будут скользить его губы по моей шее, как только я окажусь дома...

Темнота.

– Ни один камень так и не коснулся моей головы. Не могу сказать наверняка, но какой им толк швырять булыжники в мертвое тело? Представляю, какое разочарование постигло толпу, когда представление закончилось, так и не начавшись.

Конечно, Неофрон не мог сказать мне, что собирался сделать. Я бы просто слетела с катушек от страха. Куда гуманней было оставить меня в неведении, что он и сделал. Позже я узнала, как сильно он рисковал ради меня. В поисках снайпера полиция прочесала все здания, окружавшие площадь, и он чуть не попался.

Я чуть с ума не сошла, когда вернулась в свое тело. Никтея сообщила мне, что с ним все в порядке, и только тогда меня перестала бить дрожь. Если бы он не вернулся из Аравии, я бы наложила на себя руки. Ну давай, задавай свой вопрос, который вертится у тебя на языке, Крис...

– Ты продолжала любить его после возвращения в собственное тело?!

– О боги, да! Наконец-то до тебя дошло! Что бы там Уайдбек ни заливал нам, я убеждена, что мы тоже можем влюбиться. Втрескаться по уши! Свалиться в любовь, как говорят англичане. Просто нужен небольшой толчок извне. Немного этой магии. Щепотка чужого безумия. Донорское тело с засевшей в голове Инсаньей... А потом только позволь ей – и она станет частью твоей души и уже не покинет тебя!

– Dio mio... Ты уверена? Ты уверена, что любишь его? Что было дальше?

– А дальше было вот что...

15. Une fleur rebelle

*Когда мы выгорим, высохнем, станем пустыми и ломкими, как тростник,
Ты будешь врать мне, что я все еще красива. А я буду верить, черт с ним.*

Когда уголь станет золой, иссякнет сангрия, остынет вишневый пирог,

Мы сядем в саду и будем смотреть, как вскрывают деревянный порог

Легионы молодых кленов, как ветшает наш дом остовом затонувшего корабля,

Как внуки топают по дорожкам с карманами, полными миндаля...

Когда праправнуки оборвут последние фонарики физалиса в цветнике,

Мы с тобой станем легче линий на пальцах, тоньше кости на виске.

С нас сойдут все оболочки, одна за другой, останется одно

Остекленелое, сочащееся на срезе сиянием, нервное волокно,

Прошитое насквозь корнями древ, укрытое дерном – теплейшим из одеял.

И я-волокно, я-нерв все еще буду помнить, как ты меня обнимал...

Когда рухнет последний столетний клен, с юга на север, а может быть,

С востока на запад здесь ляжет дорога: ухабы-столбы...

Дорогу, извиваясь, пересечет другая, потом еще одна, и еще одна.

Паук-перекресток будет плести паутину из асфальта и железнодорожного полотна,

Пока однажды утром солнце ошарашено не упрется лбом

В здание вокзала, а оно будет, как водится, с голубями да с витражным стеклом.

Когда здесь будут прощаться, встречаться, греть сумочки на
коленях, как щенят,
Пить водку и кофе с цикорием, мять носовые платки, когда
будут менять
Сим-карты, валюту, билеты, жизнь – одну на другую, – мы с
тобой
Будем слушать песню колес (чем не сердца стук?)... А когда, бог
ты мой,
Кто-то придумает воздушные поезда, воздушные колеи,
воздушный порт, —
Наш вокзал растерзают бурьян и терновник – до самых костей и
аорт...

И когда еще каких-нибудь мру вечностей спустя, когда
Гольфстрим
Станет горной рекой, Гималаи уйдут под воду, а Луна
расколется на куски...
Когда на то самое место, где наша дочь тру вечностей назад
рисовала мелом кота, —
Примяв бруснику, опустится инопланетное судно... И даже
тогда,
Когда на теплую обшивку корабля слетятся погреться земные
жуки, —
Я буду с тобой рядом, ты только представь, на расстоянии
вытянутой руки.

Наткнулась на это стихотворение в том самом сборнике русской поэзии, который читала в день прибытия в Аквароссу, и оно потрясло меня до глубины души. А когда я вернулась в свое тело, то вдруг обнаружила, что наконец понимаю, о чем оно. Инсанья вошла в меня, как стрела, и теперь растила крылья на моей спине.

Утром ни свет ни заря приехали вы с родителями, но я и двух слов не могла связать от волнения за Неофрона, от всей этой агонии чувств и мыслей.

Родное тело не успело заработать атрофию. Уже утром я смогла встать, попросила плотный завтрак и одежду. Я собиралась дожидаться Неофрона и выглядеть подобающим образом, когда он приедет.

Но... он не навестил меня. Помню, как я обрывала провода Никтее,

пытаюсь выяснить, что с ним. Она убедила меня, что волноваться не о чем, что Неофрон уже в Швейцарии, и посоветовала побольше отдыхать. Побольше отдыхать! Пока меня мололо на части от всей этой боли вперемешку с блаженством.

Я была уверена, что Нео вернулся в Аквароссу, но оказалось, он взял отпуск и никто не в курсе, где он. Вообще никто. Только через несколько дней меня озарило, кто сможет мне помочь: я рванула в Аквароссу и нашла Асио – его друга и правую руку. Асио знал, где он, но не спешил докладывать мне.

Немыслимо! Я – дочь Анджело Фальконе-Санторо – не могла выяснить, где человек, который работает на меня! Окей, не на меня, а на родителей, но к черту нюансы! Силовики вообще подчинялись только Никтее и больше никому. Мои требования имели не больше веса, чем жужжание насекомого, влетевшего в форточку!

Когда мне стало ясно, что прессинг и мольбы бессмысленны, я просто рухнула к ногам Асио и разревелась. От бессилия, от отчаяния, от страшной тоски по человеку, которого хотела видеть сию же минуту.

И вот тогда он сдался.

– Он в Парадизо, я напишу тебе его адрес.

– Со своей девушкой?

– Нет. Рошель здесь, в Аквароссе.

Рошель. Француженка? Ох, я тут же возненавидела Францию и всех французов вместе взятых. Как посмела эта нация произвести женщину, как две капли воды похожую на меня?! Ни стыда ни совести.

Я уже бежала к машине, зажав в руке клочок бумаги с адресом, как вдруг Асио окликнул меня, быстро нагнал и сказал:

– Подумал, что тебе стоит знать. Она не просто девушка. Невеста. Венчание через три месяца, в августе.

До сих пор не понимаю, как я добралась обратно до Лугано и не разбила по дороге машину. Я почти ничего не видела от слез.

* * *

Парадизо. Один из элитных районов Лугано. Роскошные виллы, пальмы, лазурное побережье горного озера. Я отыскала дом Неофрона – большой современный коттедж у самого подножия Сан-Сальваторе. Вокруг никаких заборов и ворот, только деревья и скалистый обрыв к озеру. Абсолютно дикий, первозданный уголок природы, не нуждающийся в

защите. Они с Неофроном очень подходили друг к другу. Я просто прошла по подъездной дорожке, посыпанной черным гравием, подошла к дому и позвонила в дверь. За дверью послышались шаги, и в этот момент я поняла, что не знаю, что сказать ему. Что у меня вообще нет слов.

Дверь открылась, и... да что там слова – у меня пропали последние зачатки речи. Мужчина, по моему скромному мнению, достойный самых нежных прикосновений, сейчас напоминал жертву землетрясения. Будто только что выполз из-под бетонного завала: лицо в кровоподтеках, разбитые кулаки, рука на перевязи, пустые-пустые глаза. И все это из-за меня. Он смотрел на меня так странно, как будто едва узнавал. Они почти взяли его там, в Саудовской Аравии...

Я шагнула к нему, обхватила руками и смогла произнести единственное слово, возникшее в моей опустевшей голове:

– Прости...

– И ты меня, – ответил он после невыносимо долгой паузы. – Я не мог сказать тебе раньше.

– Ты о чем? – спросила я, продолжая беззастенчиво цепляться за него. В памяти тут же возникла блондинка, вылезаящая из небесно-голубого «феррари».

– О том, что буду вынужден уничтожить твоё тело. О чем же еще.

– А-а... – Я расцепила руки и схватилась за дверной косяк, ноги могли предать меня в любой момент. – А я было подумала, что ты сожалеешь, что не сказал мне о скорой свадьбе.

Еще одна минута неловкого молчания. Он отвел взгляд, развернулся и, изобразив приглашающий жест, пошел на кухню. Красивая берлога холостяка с отличным вкусом. Дорогая мебель, отделка в угольно-черных и серых тонах, легкий беспорядок, намекающий на то, что гостей здесь не было и не будет.

– Что-то выпьешь? – ровно спросил он.

– Да. Цианистый калий есть? Ботулотоксин? Кураре^[42] тоже подойдет.

– Хочешь добавить к своим тремстам еще один смертный грех? – Неофрон натянуто рассмеялся и стал искать на полке подходящую для меня кружку.

Он помнил мою шутку о тяжелом чемодане!

Наконец-то нашел кружку для меня. Ха-ха, розовая! Ну и откуда же в этом доме могла взяться розовая кружка? Разве что Рошель забыла положить ее в свой чемоданчик от Луи Витона, когда была здесь в последний раз.

– Зачем ты приехала?

О боже, я не смогу пить из этой чашки... Все равно что поцеловать Рошель.

– Хотела убедиться, что ты в порядке.

Нео вскинул бровь и забросил в розовую кружку заварку.

– Как видишь, в полном, – отшутился он. – Что еще тебя интересует?

– Около десятка вопросов и я не уйду отсюда, пока не получу ответы.

– Впечатляет, синьорита Фальконе-Санторо, – хмыкнул он и вручил мне кружку.

– Это кружка Рошель? – моргнула я.

– Это первый из твоих очень важных вопросов?

Бестия. Он бы легко мог уложить меня на обе лопатки в словесном поединке. Да и, наверно, в любом другом поединке. И вне поединка тоже.

– Потрясающая осведомленность, Диомедея. Даже представить не могу, кто меня сдал. Асио?

Так я и призналась. Хоть режь.

– Нет, это не ее кружка, – сжалился он и снова сунул мне ее под нос.

Я неуверенно взяла ее. Красивая и тяжелая. И исходит просто божественным ароматом. Что это, тимьян? И все же...

– А чья?

– Моя, – сказал Неофрон. – Моя детская кружка. Я пил из нее, когда был милым маленьким ребенком. Притащил сюда коробку дорогого мне хлама, когда гостил в последний раз у отца. Так что держи крепче.

Что-то в этом откровении полоснуло по моим нервам. Я вцепилась в кружку, едва не расплескав чай. Да он только что вручил мне сокровище. Мне. Но это только малая часть того, что я хочу. Я набрала воздуха в легкие и, изо всех сил стараясь не выглядеть жалко, задала первый вопрос из своего списка:

– Почему твоя девушка была как две капли воды похожа на меня?

* * *

В воздухе разлилось электричество. От былой непринужденности (если она вообще была здесь с момента моего появления) не осталось и следа.

– Совпадение, – сухо ответил Неофрон.

– Не верю.

– Придется, – пожал плечами он.

– Я бы многое отдала за правду.

Я действовала ему на нервы, и это было ясно как божий день.

– Правда заключается в том, синьорита Фальконе, что мне нравятся блондинки невысокого роста с невинной улыбкой и безупречным вкусом. И это просто чистая случайность, что ты выглядишь практически так же, как Рошель.

Ее имя, впервые сорвавшееся с его языка, звучало так низко и горячо. Я представила, как он произносит его, когда вжимает ее всем телом в свой матрас, и чуть не задохнулась от боли.

– Ты любишь ее?

Неофрон нервно рассмеялся и предложил мне сесть. Но я осталась стоять на месте. Зачем присаживаться, если через пять минут я, скорее всего, побегу отсюда в слезах.

– Самый удивительный вопрос, который я когда-либо слышал от десультора.

Я поставила чашку на стол, не доверяя своим трясущимся рукам.

– Если ты не любишь ее, ты должен оставить ее! Сегодня же! Потому что она, как и любая на этой земле, заслуживает того, кто будет любить ее! Именно ее. А ты отнимаешь у нее силы и время на поиски этого человека!

– С каких это пор ты стала специалистом в подобных вопросах? – насмешливо спросил Неофрон, но в этой фразе явно было больше горечи, чем насмешки.

– После того поцелуя в Аквароссе. И после второго в Саудовской Аравии. Почему я не могу отделаться от мысли, что это все не было просто... услугой с твоей стороны? Да ты просто хотел этого. Хотел целовать меня, хотел держать меня в объятиях. И потерял голову от страха, когда понял, что я вот-вот уйду в прыжок!

– Дио...

– Я помню ужас в твоих глазах, когда ты бежал ко мне через парковку. Ты не хотел отпускать меня. Ты боялся за меня!

– Что с тобой происходит? – потрясенно выдохнул Неофрон, глядя на меня во все глаза.

– Я люблю тебя, вот что, – всхлипнула я и повисла на его шее.

* * *

Нео словно одеревенел. Лицо как будто высекли из камня. Его рука легла на мою талию, словно не желая отпускать, но и не понимая, что делать со мной дальше.

– Это просто возбуждение, – наконец сказал он. – Просто инстинкт. Ты не можешь чувствовать ничего подобного...

– Посмотри на меня, посмотри и скажи это еще раз. Вот она, я перед тобой. Умираю от одной мысли о том, что ты наденешь кольцо на палец другой женщине! Умираю от ревности. Умираю от желания быть для тебя кем угодно, лишь бы быть рядом. Любовницей, другом, партнером, женой – да кем угодно! А лучше всеми сразу. Нео, если ты любишь меня – будь со мной, а не с ней...

На последних словах меня повело, как после бокала крепленого вина. Он придержал меня на месте, как падающий манекен.

– Это невозможно, – повторил он, глядя на меня, как на привидение.

– Тело обычного человека даровало мне недостающий элемент, и я влюбилась в тебя, пока была в нем. А потом это чувство осталось со мной. Оно стало частью меня, частью моей души!

Неофрон силой усадил меня в кресло – как будто я была пьяна в стельку – и сел напротив.

– Послушай. Даже если тебе кажется, что это любовь – не факт, что это она. Есть множество похожих чувств: симпатия, привязанность, страсть, физическое влечение. Тебе не с чем сравнивать. Дай себе время разобраться во всем. А пока... попробуй... ну хотя бы бороться с этим чувством.

– Бороться? Прямо как ты?

Он резко встал и отошел к окну, пряча лицо и заодно эмоции, на нем изображенные.

– Борись, прошу тебя. Я не слишком подходящий кандидат для такой девушки, как ты, – добавил он.

– Для какой такой? Что со мной не так?

– Тебе двадцать! А мне сорок пять, черт побери! Ты годишься мне в дочери!

– Мне двадцать два, почти двадцать три, – сказала я ему в спину. – И что-то ты не переживал о моем возрасте, когда зацеловал меня до синяков там, в Аквароссе.

– Я не должен был этого делать. Я просто идиот. Окей? Я... О боги, я держал тебя, новорожденную, на руках!

– И что?

– И теперь вообразить тебя рядом в качестве... Ох, черт...

Вместо «черта» прозвучало куда более сильное ругательство, которое я не считаю нужным повторять.

– А я вот, двадцать два года спустя, хочу снова в твои руки, Нео. Хочу успокаиваться в твоих руках, спать в них, хочу, чтоб эти руки прижимали

меня к груди снова и снова! – начала рыдать я.

– Дио...

– Я умру, если ты не позволишь мне.

– Не умрешь, это только так кажется с непривычки.

Самая страшная битва в моей жизни – и я проигрывала ее. Он мог легко преодолеть пространство этой комнаты, подойти и успокоить меня. Но он предпочел держаться от меня подальше.

– А если бы я была старше?! Как Рошель. Ты бы смог быть со мной?

– Нет.

– Это еще почему? – так грозно спросила я, что Неофрон чуть не рассмеялся. Вышло и правда комично.

– Я работаю на твоего отца. Я буду неблагодарным животным, если позарюсь на дочь человека, которому обязан всем.

– Все упирается только в благословение моего отца? А если бы я не была дочерью Анджело Фальконе-Санторо, ты бы мог быть моим?

– Диомедея...

– Да или нет?

– Нет.

Мой мир горел, рассыпаясь в пепел.

– Ты заслуживаешь человека, который будет в добром здравии долгие годы. Не будет приползать домой еле живым. Не сделает тебя вдовой ненароком. Я – не этот человек.

– А Рошель? Как насчет нее? Она уже подыскала себе траурную вуаль?

– Она не из тех, кто долго горюет. И это меня тоже устраивает.

Шах и мат. Вот я и потеряла своего короля.

Я молча надела плащ, покинула его дом и, нарыдав по дороге озеро слез, поехала обратно в клинику. Я не хотела домой к родителям, мне была нужна именно больница: только там меня могли накачать снотворным так, чтобы я просто отключилась. Чтобы я просто ничего не чувствовала.

* * *

Не знаю, как мне удалось пережить следующие несколько месяцев. Неофрон знал, что я болтаюсь на краю, но просто позволил мне сгореть в огне этих чувств. Я горела, и горела, и горела, но он не собирался сбивать с меня пламя. Как же было больно... Но спасибо ему хотя бы за то, что позволил мне сохранить лицо и достойно держал осаду родственников и друзей, которым не терпелось выяснить, что же произошло со мной в

Саудовской Аравии. Представляю, каково это – носить маску чудовища и быть не в состоянии сбросить ее. Но он терпел ради меня, рискуя всем: отношениями с моими родителями, карьерой, своим добрым именем. Только у мамы не было никаких сомнений: она стояла за него горой. Жаль, что я не поняла, как подставляю его, а то держала бы себя в руках.

Инсанья тем временем, как опухоль, выросла до невообразимых размеров, вытянула из меня все соки, перекрыла мне кислород.

Но гордость не позволяла мне ходить за Неофроном по пятам и при каждом удобном случае валяться в его ногах. Гордость была моим последним солдатом, которого любовь не успела поставить к стенке. И я берегла этого последнего солдата как зеницу ока.

Что бы ни чувствовал ко мне Неофрон, он не воспринимал меня всерьез. Он видел во мне впечатлительную девочку, которая нафантазировала себе черт знает что, и отказывался увидеть женщину. Не позволял себе увидеть женщину.

Что мне оставалось? Разве что взяться за более серьезное оружие, чем охи-вздохи. Я решила доказать ему, что способна сама о себе позаботиться, что я не нуждаюсь в нем. И разорвала договор с Уайдбеком.

Неофрон был потрясен. Пытался уговорить меня не делать этого. А когда не вышло, взял тайм-аут и исчез на неделю. Я представляла его в объятиях Рошель и чувствовала, что мне в живот всадили топор. Топор, который мне предстояло носить в себе до конца дней. До свадьбы было рукой подать. Меня снова выбросило, когда я проходила мимо витрины со свадебными платьями.

В следующем прыжке я хотела выбраться сама или с твоей помощью, Крис. Я хотела тайно вернуться домой, привести тело в порядок и явиться к Неофрону в новой оболочке – в такой, к которой ему будет легче прикоснуться. Женское тело тридцати-сорока лет подошло бы идеально. Может быть, с этим другим телом у меня было бы больше шансов побороться за него. Но Неофрон с благословения родителей прослушивал ваши с Альцедо телефоны и явился ко мне раньше всех.

Я даже представить не могла, что они опустятся до таких методов. Подумала, будто это ты меня сдал, прости. Я была в ярости. В ярости от того, что не нужна ему как женщина, а только как объект опеки. Как собака, которая сбегает с поводка и которую нужно привозить домой. Я начала сопротивляться, приказала ему убираться к черту, попробовала сбежать от него, но он не дал: ширнул меня транквилизатором, накормил силентиумом всю мою египетскую «родню» и привез меня домой.

Он был рядом, когда я очнулась. Сидел у изголовья и смотрел на меня

с такой усталостью, будто сожалел, что меня нельзя привязать к кровати и больше не выпускать отсюда. И вот тогда меня понесло. Я пообещала ему, что в следующий раз не допущу такой ошибки. Я не позвоню вообще и не буду пытаться вернуться. А останусь жить там, где моя душа подберет новое тело... Очнусь нищей на улице – значит буду нищей. Проснусь в заключении – значит буду сидеть в тюрьме столько, сколько отмеряно. Открою глаза в больнице – буду лежать там, пока меня кто-нибудь не заберет. Окажусь чьей-то женой – останусь жить с тем, кто будет мне мужем.

Последний аргумент точно привел Неофрона в бешенство. Но в целом этот нелепый детский шантаж не произвел на него впечатления. Я осталась с носом, и когда поняла это, то билась в истерике всю ночь и ничего никому не могла объяснить. Да и что я могла вам всем рассказать? Что во всей этой истории дьяволом была я, а не он?

Утром приехал ты, помнишь? Чуть не добил меня шутками про старика, брак с которым папа вряд ли одобрит! Конечно, ты и представить не мог, что происходит. А потом явилась Ее святейшество тетушка Никтея и потребовала, чтобы я все ей рассказала. Предупредила, что «все это» ей порядком надоело и может плохо закончиться – в первую очередь для Неофрона. Приперла меня к стенке. Она умеет, если ей сильно надо.

Я натянула одеяло до подбородка и, обливаясь слезами, все рассказала. Что у меня к нему страшная Инсанья, а он ни в какую... Давно нужно было выложить все это кому-то, было бы не так тяжело. Ники была в шоке. Убеждала меня прекратить весь этот детский сад и позволить Неофрону просто делать его работу.

– Ты можешь разрушить его жизнь, *une fleur rebelle*^[43]! Ты не задумывалась об этом? Что, по-твоему, лезет в головы десульторам, когда он привозит тебя домой в истерике после каждого прыжка? Что будет с его репутацией, когда все узнают, что он приударил за наследницей Уайдбека, которая годится ему в дочери? Даже если ты нравишься ему, он никогда не поступится своей честью.

– Его репутация ему дороже меня?

– Однозначно.

– А ты на чьей стороне? Если я откажусь возвращаться домой, что ты на это скажешь? Что если я больше никогда не сделаю ни единого звонка? Мне не нужен этот мир без него! Что тогда? Его репутация по-прежнему будет иметь значение, если я бесследно исчезну?

– Прекрати играть по-черному. Прекрати блефовать и давить на него. Так нельзя. Пора повзрослеть, Дио. Если ты хочешь добиться его –

запасись терпением и веди себя как человек, а не как... танк! Он не выносит таких методов.

– Ники, я не могу позволить себе ждать! – начала орать в ответ я. – Я боюсь, что он попросту не вернется домой после очередной перестрелки где-нибудь в горячей точке! Я так боюсь, что с ним может что-то случиться, о боже... Я хочу, чтобы он прекратил работу в спецназе. Если он плохо кончит, то я не знаю, что со мной будет, и это не блеф, клянусь...

Я не дождалась от тетки никаких ободряющих слов, но ее руки крепко обнимали меня, пока я рыдала над могилой своей мечты.

* * *

После разговора с Никтеей мне хотелось лечь и умереть. Но солдат Гордость все еще служил мне! И солдат Упрямство тоже пока не собирался ложиться в могилу. И пока Рошель не скажет «Я согласна!» и не швырнет в толпу свадебный букет – солдат Надежда будет нести дозор и стрелять из окопов!

Мое новое египетское тело нуждалось в полном обследовании, и я попросила отправить меня из Швейцарии. Например, в Чехию или того лучше – в Австралию. Лишь бы подальше от Неофрона, его мамской опеки и его дурацкой свадьбы. Никтея рассказала мне про небольшой реабилитационный центр в Дании, и я сразу согласилась. Но угадай, кого тетка послала сопровождать меня. Господина Гранитную Скалу, кого же еще. Мы сидели друг напротив друга в самолете Уайдбека, и за все путешествие я не сказала ему ни слова. Он доставил меня в клинику и остался в холле, пока кто-нибудь из врачей не придет и не примет меня под свое крылышко.

В приемной было тихо, как в склепе. За окном щебетали птицы. На столе лежала стопка глянцевого журналов для посетителей, и на обложке самого верхнего красовалась очередная знаменитость в свадебном платье. Неофрон сидел напротив и не сводил с меня глаз. Впервые я задалась вопросом, сколько же папочка ему платит. Наверно, много, если он с таким ангельским терпением выносит меня... Я оторвала обложку с верхнего журнала, разорвала ее в клочья, набрала побольше воздуха в легкие и начала своей последний крестовый поход:

– Мне тут стало ясно кое-что. Дело не в твоей железной выдержке, или принципах, или способности противостоять своим чувствам, нет. Любви невозможно противостоять, Нео. Поэтому если это тебе так легко удастся,

то... Да ты просто ничего не чувствуешь ко мне, вот и все! А значит, мне не за что бороться. Я признаю поражение и больше не буду мотать тебе нервы. Надеюсь, ты доволен и твоя репутация стоила того. Прощай.

Неофрон сидел напротив и даже не моргнул. Скала, покрытая льдом. Я поднялась со стула и протянула ему руку:

– Прощай, я буду в порядке. Приеду к тебе на свадьбу, если пригласишь, и первая припечатаю поцелуй к щеке твоей Рошель. В конце концов она не враг мне.

Мой голос дрогнул, но я быстро справилась с мятежником.

– Окончу учебу, в промежутке между прыжками выйду замуж за какого-нибудь десультора, которого не буду любить и который никогда не полюбит меня, но вряд ли кому-то будет до этого дело. Буду стоять у алтаря и клясться в верности другому. Отец вбухает в торжество целое состояние, репортеры слетятся со всей Европы. А ты будешь сидеть на скамье в церкви, смотреть на меня и знать, кому я должна принадлежать на самом деле. И я тоже буду это знать, но позволю другому держать меня за руку. Будет больно. Очень. И тебе, и мне.

– Дио...

– А потом я забеременею, и ребенок будет похож на другого мужчину, хотя мы оба знаем, на кого он мог быть похож. Но думать об этом впредь будет бессмысленно и мучительно. *Alea iacta est*^[44].

– Замолчи...

– Нет, лучше сказать это вслух. Слова обретают новый смысл, если произнести их вслух. Ты будешь вытаскивать меня из каждого прыжка, везти домой и вручать мужу. И будешь знать, что единственный человек, с которым я хочу остаться рядом, проводить дни и ночи, – это ты. Но пути обратно не будет.

– Диомедея, бога ради!

– Но зато у тебя будет твоя репутация, в которой ты будешь находить утешение в трудный час! Репутация болвана, который так и не понял, что потерял!

И в эту секунду в нем что-то переломилось. Я почувствовала это. Впервые со времен начала этой битвы мне показалось, что победа может быть на моей стороне. Неофрон рванул ко мне так быстро, что я вздрогнула, схватил за запястья и едва слышно спросил:

– Что ты со мной делаешь?

Он стоял так близко, что я чувствовала исходящее от него электрическое поле.

– Хочешь сделку? – задыхаясь от волнения, спросила я. – Не сходя с

этого самого места, поклянись, что ты ничего не чувствуешь ко мне, и тогда я оставлю тебя в покое, заново подпишу договор с Уайдбеком и больше никогда не доставлю тебе хлопот. Никогда.

В холл вошли посторонние, ко мне подскочила какая-то медсестра.

– Госпожа Фальконе-Санторо? Мы так рады вам! Пройдемте со мной?

– Еще никогда отделаться от меня не было так легко, Неофрон! Всего три слова: «Ты мне безразлична», – и я больше никогда не подойду к тебе! Клянусь!

Медсестра покраснела и отошла в сторону, осознав, что стала свидетелем очень личной сцены.

– Я не могу этого сказать, и ты знаешь это.

Я сглотнула комок в горле. Как мило, особенно накануне свадьбы.

– Еще ни одна женщина не добивалась мужчины так отчаянно, как пыталась добиться я, – подытожила я, глотая слезы. Мне хотелось, чтобы он знал это.

– И еще ни один мужчина не противостоял большому соблазну, чем я, Диомедея.

Я не могла это больше слушать. Повернулась к медсестре и сделала ей знак, что готова следовать за ней. И та увела меня из приемной.

* * *

Никтея. Я никогда не найду достаточно слов, чтобы выразить ей свою благодарность. Оказалось, что дом отца Неофрона стоит чуть ли не на соседней улице, и именно туда Нео обычно приезжает после самых тяжелых заданий. Черпает здесь энергию. Никтея фактически отправила меня к нему в гости.

Нео приехал ко мне в клинику на следующий день с коробкой шоколада и с детским учебником по арабскому. Сказать, что со мной было, когда я открыла коробку и увидела шоколадки в форме сердец? Нет, танцевать смогла потом, сначала рыдала на его груди и не могла остановиться... А потом мы гуляли по саду и целовались, как сумасшедшие. У этой истории не могло быть никакого другого конца, и я знала этого с самого начала. Этот мужчина был создан для меня и ни для кого больше.

Только ближе к ночи мои расплавленные от счастья мозги встали на место, и я вспомнила о Рошель. Святые угодники, он расстался с ней в тот же день, когда я приехала в его дом в Парадизо и заявила, что он ворует ее

время на поиски своей судьбы. Знала бы я, что мое красноречие так действительно, я бы все эти месяцы общалась с Неофроном в куда более интенсивном режиме!

Нео обратил на меня внимание несколько лет назад на одной из вечеринок Уайдбека. Говорит, что я танцевала с кем-то из десульторов в платье, которое явно было мне мало. Он не мог отвести глаз, словно увидел меня впервые. (Боже, благослови тот день, когда я единственный раз в своей жизни прогадала с размером!) Конечно, он даже думать об мне не стал. Юная, как едва оперившийся воробей, дочка босса, которая, ко всему прочему, никогда не поймет, каково это – любить.

Теперь дело за малым – рассказать родителям. Неофрон хочет, чтобы первым обо всем узнал отец, так что, парни, держите языки за зубами. И пальцы держите тоже. Надеюсь, Ники прикроет нас со спины, если папе вздумается достать пушку. А папа... Я очень надеюсь, что если он и вытащит оружие из кармана, то только для того, чтобы на радостях пальнуть в небо. По крайней мере солдат Надежда в добром здравии и гордо несет свое знамя.

16. Вкус безумия

Я не мог отвести от нее глаз: от моей сестры, сияющей ярче утреннего солнца. Так вот что поставило ее на ноги в реабилитации. Шоколад, поцелуи, пьянящие молекулы Инсаньи. Уверен, никакие лекарства с психотерапией не смогли бы добиться даже приблизительного эффекта. Отец будет просто сумасшедшим, если не благословит этот союз, если не увидит эти огромные крылья, растущие из спины его дочери и накрывшие половину брэнной земли. Да это же круче, чем выдать Диомедею за ее ангела-хранителя! Последние только и делают, что ловят ворон, а Неофрон всегда будет начеку. И днем, и ночью, и в затмение. Всегда.

– Что дальше, sor? – обалдело спрашивает Альцедо.

– Обвенчаемся, как только я вернусь в свое тело. И даст бог, после этого меня не выбросит очень-очень долго, – Диомедея заливается румянцем и опускает глаза.

– Святая Дева! Я стану дядюшкой! – орет Альчи во все горло. – Я только что представил себе ее! Эту... эту... малюсенькую копию Неофрона. С такими же суровыми глазенками! И с золотыми кудряшками!

– Альцедо, зачем ж так тихо? – закатывает глаза Дио. – Еще громче! Пусть об этом узнает вся Швейцария.

Я слушаю их вполуха, потрясенный этой лавиной новой информации, закатавшей меня в ледяной замес. Все это время я словно полз на четвереньках по темному туннелю, и вот когда у меня почти не осталось ни сил, ни кислорода – что-то проломило стены этой ловушки и в тоннель хлынул свежий воздух и солнечный свет.

Сестра поводила рукой перед моим носом.

– Ты где? Спускайся на землю. Теперь ты вернешься к ней?

– Да, – потрясенно кивнул я.

В моей голове больше нет отчаяния и пустоты. Теперь во мне растет и зреет в деталях потрясающий план.

– Помочь собрать чемодан, Ромео?

– Сначала мне нужно с кое-чем покончить...

– С чем же? – лукаво улыбается Диомедея, прихлебывая капучино из фарфоровой чашки.

– С этим телом.

Чашка с размаху приземляется на стол, пена льется через край, Диомедея хватается за столешницу.

– Я слышала то, что слышала? Поясни.

– Я не могу довериться случаю. Я должен убедиться на сто процентов, что судьба не будет глумиться надо мной и это чувство останется со мной. Лика заслуживает всего этого сумасшествия. Безумия самого отборного сорта! И если эта Инсанья стала частью меня, как ты предполагаешь, то я хочу прийти к ней в своем теле. Хочу вылезти из этого... акваланга и любить ее... своими руками. Любить, не сходя с ума и не раздумывая, что будет после окончания прыжка! Даст небо, все будет именно так. Но если я очнусь в своем теле, не испытывая к ней ровным счетом ничего то это тоже будет результатом! Как ни крути, одни плюсы. Я должен избавиться от этого тела, и тогда все станет ясно, как божий день.

– Резонные аргументы, Кристиан Габриэль, за исключением одного небольшого просчета.

Диомедея села на стул, не зная, куда деть дрожащие руки.

– Ты потеряешь три года в теле, от которого она без ума. А три года – это очень много. Тысяча ночей вместе, Крис.

– Я не хочу, чтобы она любила это тело, черт возьми. Я хочу прийти к ней на своих двоих и...

– Успеешь, герой. Но сначала дай ей время привыкнуть, что ли, ко всей этой мистике! Она любит эту оболочку. И только ее. И как бы ты ни хотел, чтобы она любила именно тебя, – боюсь, она захлопнет дверь перед твоим носом, как только ты явишься к ней в своем теле. Да, твой родной... акваланг чертовски хорош, но эта девица его знать не знает!

– Разве рано или поздно не придется узнать?

– Ну-ну. И еще: что если ты уйдешь в новый прыжок раньше, чем сможешь восстановить свое собственное тело? Что тогда? Будет обидно, если ты уничтожишь это тело, а новое будет таким, что перепугает ее насмерть. Не всякая сможет полюбить безногого старика, как бы тот ни старался. Сам понимаешь.

Это не приходило мне в голову. Диомедея набрала воздуха в легкие и выплеснула на меня новую порцию своего красноречия:

– Поговори с ней, Крис! Не решай за вас двоих, даже если твое решение кажется тебе единственно правильным. Уничтожив это тело, ты можешь лишиться возможности завоевать ее!

– Если уж ему приспичит завоевывать ее, то он как-нибудь сделает это в новом теле, – пожал плечами Альцедо, болтая в воздухе ногой в розовом тапке.

Дио натянуто рассмеялась.

– И какова вероятность, что в следующий раз его забросит в

подходящее тело? В тело, которое она сможет полюбить? Ее не в чем будет упрекнуть, если она не придет в восторг от тела старика или тяжелобольного! Она всего лишь человек. Который не в состоянии воспринимать и оценивать душу отдельно от тела, даже если очень захочет! Она попросту была лишена возможности научиться этому!

– О, если она готова любить Криса только в теле смазливового юнца, – это ее проблемы, – усмехнулся Альцедо.

– Альчи, лучше бы тебе помолчать. Крис, придержи свою ревность: она полюбит и твое тело тоже. Потом.

– Допустим, что так, – нервно рассмеялся я, запуская пальцы в волосы. – Но что если потом мое тело преподнесет мне... неприятный сюрприз, Дио? Я принимаю твои аргументы, но они вторичны.

Сначала я должен убедиться, что Инсанья выросла в меня намертво, переплелась с моими нервами и больше не оставит меня. И я не отправлюсь к этой девушке, пока не выясню это наверняка. Я знал ту, которая пыталась любить за двоих. Лица ею не будет.

Круг замкнулся. Мы пришли к тому, с чего начали, и теперь устало озирались по сторонам. Диомедея тяжело вздохнула и наградила меня суровым, упрямым взглядом.

– Значит, это окончательно решение?

– Да.

– Когда ты собираешься это сделать?

– Как только Никтея даст разрешение на прогулку по облакам.

Диомедея быстро поднялась со стула и вышла из комнаты.

– Я поддерживаю твое решение, – подмигнул мне Альцедо. – Не такая уж плохая затея убедиться, что у человека есть парашют, прежде чем уносить его за шкуру в небо.

– Ценю, fra.

Десять минут спустя сестра снова влетела в гостиную с небольшим чемоданом в руках и курткой через плечо.

– Прости, Крис, я больше не могу здесь оставаться и не буду частью этого... темного заговора. Эланоидес вчера предложила пожить у нее, и я, пожалуй, приму это приглашение. Увидимся. Даст бог, скоро.

– Клянусь, она что-то задумала, Крис, – хихикнул Альцедо, как только Диомедея прикрыла за собой дверь. – Я знаю это выражение лица! Наверняка уже на полпути к Ники с мольбой запретить тебе прыгать. Или летит к предкам с требованиями принять санкции.

– Черт, надо было приковать ее к батарее, – рассмеялся я.

– Я пас. Не хочу чтобы Неофрон потом замесил меня в тесто.

Смеемся, как ненормальные. Я допиваю свой кофе и чувствую себя так, словно парю в метре над землей. Теперь я разрешу им расти – своим крыльям. Пусть прут из-под кожи, выстреливают до потолка. Еще совсем чуть-чуть, и Лика Вернер получит право собственности на мою душу, мое тело, мою Вселенную.

* * *

Я прошел мимо охраны, воспользовался служебным лифтом и влетел в приемную как ошпаренный. Холеная секретарша в строгом костюме завидела меня издалека и тут же сверкнула улыбкой.

– Синьор Фальконе, доброе утро.

– Salve! Никтея уже есть? – задыхаясь, спросил я.

– Да, – кивнула та. – Сейчас доложу ей. Кофе хотите?

– Я сам доложу ей, если ты не против, – я рванул к двери кабинета Ники и без стука влетел внутрь.

Щедрое утреннее солнце заливало обитель генерального директора Уайдбека. В воздухе витал аромат хорошего кофе и дорогих сигарет. Никтея, облаченная в безупречный деловой костюм, стояла у распахнутого окна и курила, неловко зажав сигарету в искусственных пальцах. Колеблющийся воздух тут же подхватывал тонкую синюю нить дыма и вытягивал ее наружу. Ники вздрогнула от звука распахнувшейся двери, дернула рукой и – сигарета в ее пальцах сломалась пополам.

– Еще раз так сделаешь, и больше не видать тебе моих новогодних подарков, – сказала она, глядя на опадающий на ее туфли пепел.

– Ну нет, лишай меня чего угодно, только не подарков! – улыбнулся я, целуя ее в щеку.

– Доброе утро, bambino, – растаяла она.

– Но вообще-то ты прямо сейчас можешь сделать мне очень большой подарок, Ники.

– Я заинтригована. Этому самодостаточному, независимому упрямцу династии Фальконе в кои-то веки что-то понадобилось! Говори же! Разрешение на уничтожение тела Бутео? Вокруг только и разговоров, что о вашей драке...

– Разрешение на освобождение от моего тела, Ники. Я хочу закончить этот прыжок досрочно.

Ее лицо выражало ровно столько эмоций, сколько выражало бы, попроси я у нее зажигалку или шариковую ручку.

– Неожиданно, – Ники медленно опустилась в кресло. – Причины?

– Я бы хотел оставить это при себе. Единственное, что я могу сказать: я больше не хочу оставаться в этом теле.

Ее бровь шевельнулась, но тут же вернулась в свое обычное положение. Тетка помолчала, переложила с места на место канцелярские принадлежности, потом медленно встала и задвинула стул.

– Твое тело абсолютно здорово, Крис. По крайней мере такое заключение мне прислали из реабилитации. Неужели все-таки обнаружились какие-то проблемы?

– Никаких проблем, но я хочу закончить этот прыжок.

Никтея откинула голову и задумчиво посмотрела в потолок.

– Те три года тянулись так медленно, словно все тридцать, Крис. Твоя мать не жила – существовала. Анджело тоже места себе не находил. Затяжной кошмар наяву, когда ты хочешь проснуться, да не можешь...

– Ты о чем?

– О твоём первом прыжке! О том времени, когда ты так и не сделал звонок, а мы не могли найти тебя. Понимаешь, к чему я клоню? Мне нужно знать, в чем причина твоего отказа от этого физически полноценного, здорового тела, и только тогда я смогу решить, оправдан риск нового прыжка или нет. Поэтому я жду подробностей.

Я опустил глаза и уставился на ее ноутбук, пытаюсь собрать в кучу нужные слова и выстроить их в ясном порядке. Объяснить ей – десультору, – что я болен Инсаньей и собираюсь прыгнуть в этот омут с головой? Примерно так же легко, как сплясать на натянутом канате.

– Есть еще кое-что, Крис, – добавила Никтея. – Откровенно говоря, сейчас не самое подходящее время для смены тела. У Уайдбека снова назревают проблемы. Полиция обнаружила в Альпах тело одного из десульторов, что на днях завершил прыжок. И как-то так вышло, что последним местом, где видели парня, оказался ресторан твоей матери. Сегодня утром туда нагрянула полиция и перетрясла всех и вся. Неофрон страх как хотел накормить их всех селентинумом, но, сам понимаешь, если у этих детективов отшибет память, то придут другие, не менее прыткие. Сейчас нужно избегать любого необдуманного шага и любого... мертвого тела. Давай подождем хотя бы несколько месяцев, пока все уляжется.

Мне словно дали под дых. Несколько месяцев до возвращения в родное тело. Потом еще несколько месяцев на восстановление. Матерь божья... Я не смогу вернуться к Лике в ближайшие полгода...

– Ники, сделай мне одолжение, – взмолился я. – Да хоть перетрите меня на мясорубке в подвале клиники Уайдбека и спустите в унитаз! Мне нужно вернуться в свое тело!

– Крис, ну что ты такое несешь?! – поморщилась Никтея.

– Прошу тебя, избавь меня от этого тела, я согласен на что угодно!

– Ты даже не можешь сказать мне, что с тобой, но требуешь услуги, которая поставит под удар благополучие всего Уайдбека?!

Никтея схватила за голову и снова рухнула в кресло. Я закрыл глаза, пытаюсь взять себя в руки. Полгода. А что случится с чувствами Лики через полгода? Это же целая вечность. Что если за это время кто-то другой протянет руку и возьмет то, что должно принадлежать мне?

– Ники... – снова начал я, решив, что буду пытаться, пока мне не отрежут язык. Я перевел глаза на тетку и вскочил на ноги.

Никтея вот-вот собиралась свалиться со стула, беспорядочно двигала руками по столу, выкатив глаза и тяжело дыша. Ее лицо обезобразила судорога. Эпилептический припадок, не иначе. Я стащил ее на пол, свернул в рулон свою куртку и подложил ей под голову.

– Никтея! Противосудорожные? Хоть что-то здесь есть?

Ее трясло так, будто к ней подсоединили электроды, но она пыталась что-то сказать мне, указывая глазами на шкаф из темного дерева на противоположной стене кабинета. Я рванул к шкафу, распахнул дверцу и опешил: все его полки были завалены медицинскими препаратами: бутылки, пачки таблеток, снотворные, транквилизаторы, спазмолитики, антиконвульсанты...

– Ники? Что тебе колют в таких случаях?! – я обернулся к ней и понял, что Никтея мне больше не советчик: ее глаза закатились, а челюсти крепко сомкнулись.

Роняя на пол лекарства, я вытащил из шкафа пластиковый бокс со шприцами, нашел среди них шприц с антиконвульсантом и ввел все пять кубиков в подключичный катетер, который открылся моим глазам сразу же, как только я расстегнул ее воротник.

* * *

После инъекции ее судороги сразу пошли на спад. Я сидел и держал ее

голову, пока они окончательно не затихли. Утреннее солнце гуляло в светлых волосах, крыло выглядывало из-за воротника, дыхание – такое слабое, что не всякий сможет уловить. Но вот ее веки шевельнулись, обнажая покрасневшие затуманенные глаза.

– У тебя был приступ, – объяснил я. – Не вставай пока. Эпилепсия?

– Да.

– Рядом с тобой постоянно кто-то должен быть.

– У меня есть врач, который постоянно сопровождает меня, – хрипло ответила Никтея. – Но сегодня я впервые за последние полгода дала ему отгул...

– Ники, это был очень сильный приступ. Если бы я не зашел к тебе, то привет, гипоксия и отек мозга. Как часто случаются приступы?

– Каждую неделю.

Я едва поверил ушам. Такие мучения? Каждую неделю?!

– Не проще ли поменять тело? – спросил я прямо, изучая ее лицо, тронутое зеленоватой бледностью.

– Не проще, Крис. Когда дело доходит до смены тела, то простых решений просто не существует в природе.

– Разве весь тот риск, о котором ты говорила, не покрывается с лихвой возможностью жить в здоровом, полноценном теле?

– Посмотри на себя, милый, кажется, ты пришел ко мне избавиться от своего «здорового, полноценного» тела, с которым, видимо, все-таки что-то не так. Во всем этом есть некая ирония, не находишь? Кто даст мне гарантию, что следующее тело будет лучше, чем это, а не наоборот?

– Иногда лучше рискнуть, – упрямо сказал я.

– Странно слышать это из уст человека, который три года своей жизни провел в теле-ловушке. Нет ничего хуже неоправданного риска, все рано или поздно убеждаются в этом.

Я помог ей подняться.

– Так что за причины вынуждают тебя прикончить тело, дорогой? – Ники стояла напротив, бледная, изможденная, едва держащаяся на ногах.

Теперь я был уверен на сто процентов, что она не поймет. Это тело доставляло ей столько страданий, но она не бросала его, демонстрируя невероятную силу воли, мудрость и выдержку. И тут я – пытающийся уничтожить себя в угоду какой-то там... Инсанье. Она не поймет, теперь у меня не было никаких сомнений.

– Я не уверен, что ты считаешь эти причины достаточными, Никтея.

– Тогда мой ответ – нет. Я не даю разрешения.

– К черту разрешения. Составишь мне компанию? – буркнул я в трубку, выискивая свою машину на парковке.

– Как это к черту разрешения? – пискнул Альцедо.

– Мы просто попрыгаем с парашютами. И мой просто не раскроется. Бывают же всякие случайные... случайности.

– Ах, случайные случайности! Конечно! Как раз после разговора с Никтеей, где ты умолял ее о досрочном завершении. Ты ее за дурочку держишь?

– Плевать.

– Демонстрировать полное пренебрежение к законам Уайдбека? Как раз в эти тяжелые времена? Когда полиция караулит десульторов на каждом углу? О господи! Даже не знаю, смогу ли я стать соучастником этого вероломного преступления, Крис. Разве что...

– Ну?

– Флакон винтажных «Мицуко» от «Герлен» и я вся твоя, – ржет Альчи.

– Ты очень плохо кончишь, Изабелла. Очень-очень плохо, – рассмеялся в трубку я.

Мы распрощались, я забрался в машину, откинулся на спинку кресла и, не раздумывая, сделал еще один звонок.

– Привет. Ты нужна мне завтра... Да, Альпы... Попрыгать с парашютом, угу. Любое время, выбери сама. До скорого, Урсула.

– До скорого, синьор, – отозвался один из лучших пилотов Уайдбека.

Квартира после ухода Дио казалась особенно пустой и тихой. Никто не скачет по кухне с ножом, не тычет меня носом в тарелку с кукурузными хлопьями, не рассказывает невероятные истории, не пытается наставить меня на путь истинный. Любимая *sorog*... Мое решение точно расстроит ее, но однажды она все поймет. Она поймет, что я не из тех, кто надеется на авось. Я больше не из тех, кто играет в русскую рулетку. В моей следующей аванюре под названием «похищение сердца Лики Вернер» больше не будет просчетов.

Я двинул на кухню, сварил себе еще кофе и вдруг осознал, что просто умираю от голода. Последние молекулы силентиума медленно покидали мой организм, унося с собой сонливость и отвращение к пище. Больше нет нужды его принимать. Холодильник стараниями сестры был забит отличной едой. Я сунул в духовку лазанью, и тут до меня дошло, что я могу

съесть в три раза больше, чем обычно! О, теперь я знал, чем займусь в ближайшие двадцать четыре часа!

* * *

Как только я разделался с очередной порцией еды, в дверь позвонили. Я открыл ее и... Черное кашемировое пальто, малахитовые глаза, крыло птицы, выглядывающее из-за воротника. Госпожа генеральный директор собственной персоной. Я так и замер на месте со стаканом вермута в одной руке и пультом от телека в другой.

– Почему ты не сказал сразу, что дело в любви? – спросила Никтея прямо с порога, ткнув пальцем мне в солнечное сплетение.

– Э-э-э... Что? – закашлялся я.

– Перевожу на ваш молодежный язык: почему ты не сказал, что дело в Инсанье, когда пришел ко мне за разрешением завершить прыжок?

Я тяжело вздохнул, жестом пригласил ее войти и помог снять пальто.

– Как ты узнала?

– Отвечать вопросом на вопрос – невежливо, – ответила та.

Я снова почувствовал себя чумазым подростком, которому тетя Ники только что навешала людей за недостаточное усердие.

– А вести прослушку моих разговоров?!

– Твой телефон больше не прослушивается!

– Тогда кто принес на хвосте? Альцедо?

– Он хотел как лучше.

– Или еще одни духи?

– Нет. Лосьон для тела.

Я расхохотался, да так, что чуть не охрип. Ники навернула круг по ковру и плюхнулась в кресло.

– Почему ты не сказал сразу, Крис?

– Ты там чуть не умерла у меня на руках. Человек, с таким мужеством переносящий эпилепсию, вряд ли принял бы всерьез проблемы... вроде моей.

– Значит, это правда? Ты влюбился в женщину?

– Ну уж точно не в мужчину.

– О, Пречистая дева! За что мне все это?! – воскликнула Никтея, вскидывая руки и с мольбой глядя в потолок. – Если в следующий раз начнешь мучиться от любви, то, умоляю, скажи мне сразу. Тело с Инсаньей лучше уничтожить как можно быстрее.

Я пару раз моргнул и покрепче сжал стакан.

– С этого места поподробней.

– С радостью, Крис. Люди с Инсаньей, как вы называете это чувство, – перестают быть вменяемыми существами. Взять хотя бы...

– Диомедею. Я в курсе.

– О, ты в курсе?! Значит, легко поймешь меня! Неофрон собирается уволиться с должности, потому что невеста требует от него прекратить гулять под пулями. А перед этим моя драгоценная племянница чуть не наградила Нео репутацией чудовища, который жарит детей на сковородке. Мне придется искать ему замену, а это не так просто. До Нео теперь вообще не достучаться – ходит как под дозой, парит в облаках, никакой собранности. Слава богу, что хотя бы вы с Кором прекратили свои игры и эксперименты... О нет, Инсанья – это всегда проблемы!

– Кто-то еще доставлял тебе подобные проблемы, кроме Дио?

– Крайне редко, но бывало. Случалось, десульторы приползали ко мне, как побитые щенята.

– С Инсаньей?

– О да.

– И что же ты им рекомендовала?

– Уничтожить тело, конечно.

– И как, помогает?

– У меня нет однозначного ответа. Но я изо всех сил желаю тебе удачи. Надеюсь, метастазы Инсаньи, еще не успели прорасти к тебе в самую душу...

«А я надеюсь, что их там уже не счесть...»

Ближе к ночи позвонила Диомедея. Общение с Элли явно пошло ей на пользу. Она говорила так радостно и возбужденно, словно только что нашла клад. Или нет, зачем мелочиться, – Священный Грааль!

– Что бы ты там ни говорил, я не собираюсь сдаваться, – начала она.

С разбега в карьер – это так... по-диомедейски.

– И тебе здравствуй, – ответил я.

– Не сдамся, не жди. У этой истории должен быть другой конец. Когда я вижу, как мой любимый брат собирается сделать самую большую глупость в своей жизни, я не могу молча смотреть на это.

– Это не глупость, это взвешенное решение, черт бы его побрал, – отрезал я. – И уж точно самое лучшее решение с начала этого прыжка.

– Я хочу заехать к тебе завтра. Можно?

– С одним условием, – я снова перешел на латынь. – Мы больше не будем говорить об этой девушке.

– Хорошо. До завтра, – попрощалась Дио.
– Vale, soror.
Что-то она сегодня подозрительно сговорчивая.

* * *

Ночь обещала быть долгой: впервые за очень долгое время я больше не чувствовал усталости и сонливости. Кажется, тело решило наверстать все то упущенное время, которое ему пришлось проторчать в кровати. Я сел у камина и принялся срезать с руки пластырь, фиксирующий катетер. Белые обрезки потрескивали и обугливались к огню. Сам катетер полетел туда же.

Как тихо бывает по ночам. Я забыл начисто. Золотая россыпь огней вдоль берега Лугано, ветер, налитый ночной свежестью, мириады звезд в небесах. А сколько мыслей в моей окончательно проснувшейся голове! Сколько чувств.

Совсем скоро туман рассеется, даруя этому миру еще одного безумного влюбленного или... едва не сошедшего с ума десультора.

Телефон звякнул трелью от входящего сообщения. SMS от Диомедеи.

«Я тут подумала... Если твои чувства к ней однажды умрут вместе с этим телом, то не случится ничего страшного, fra. Тогда она просто достанется кому-то другому. Любовь не ломает ее. Ты расстанешься с ней, и я с твоего благословения тут же познакомлю ее с кем-то из ребят Неофрона – с обычным человеком, не десультором, который сможет дать ей то, чего не дашь ты».

Вдох. Выдох.

«Достанется кому-то другому», – перечитал я, выкатив глаза.

«Познакомлю ее с кем-то из ребят Неофрона».

«С обычным человеком, не десультором, который сможет дать ей то, чего не дашь ты».

Я непроизвольно сжал руку в кулак, и тут же – ох, проклятье! – вздрогнул от резкой боли, впившейся в ладонь. стакан с вермутом просто лопнул, когда мои пальцы сжали его чуть сильнее, чем он мог выдержать. Я раскрыл ладонь и стряхнул с нее стекло: вниз закапало вино вперемешку с кровью.

Как мило с твоей стороны, Дио! Я оценил, черт тебя дери!

Я вытащил из ладони мелкие осколки, обработал порез, завернул ладонь в бинт и только после того, как с раной было покончено, поразился

бессмысленности того, что только что сделал.

* * *

К полудню приехал Альцедо, сияющий, как новогодняя елка, и разодетый, как на парад.

– Как ты? – спросил он, распахивая передо мной дверцу своей черной, как смоль, «Акуры». Странно, что Альчи все еще не избавился от своего агрессивного внедорожника и не завел какой-нибудь... розовый «бентли». Не все пропало!

– Я отлично.

– Что с рукой?

– Начал свое самоубийство с нее.

– Очень смешно.

– Просто в руке лопнул стакан.

Альцедо сел за руль и сдул с носа модную челку.

– «Просто» стаканы в руках не лопаются.

– У меня лопаются.

Тот посмотрел на меня как на чокнутого и завел мотор.

– Теперь я знаю вкус безумия, Альцедо. И он мне нравится.

* * *

Урсула была на месте. Едва заметный кивок, сдержанный жест рукой – вот она, женщина, покоряющая небеса. Мы сели в вертолет, и в тот момент, когда он оторвался от земли, разгоняя по траве волны, последние силы покинули меня.

– Второй раз, Крис. Ты заметил?

– Что? – очнулся я.

– Кажется, крошка Урсула сегодня не выпалась.

На последних словах вертолет снова странно повело, как будто у него начали заклинивать лопасти. Альцедо вскочил и, выругавшись, рванул к Урсуле. Я закрыл глаза, разрешая остаткам рассудка утонуть в легкой вибрации. Через десять минут мы доберемся до моей конечной остановки, и тогда...

«Феликс, умоляю тебя, останься», – вспыхнуло в моей памяти. Последняя фраза Лики, которую она произнесла, засыпая на моих руках.

Господи, как же я хочу увидеть ее снова.

Из кабины, выволакивая мое сознание из тумана, донесся встревоженный голос пилота. Я открыл глаза. Закрыл и открыл снова. Передо мной стояла Урсула, и, судя по ее глазам, с вертолетом что-то было неладно.

Часть III. Amor vincit omnia^[45]

*I can fly, but I want his wings.
I can shine even in the darkness,
But I crave the light that he brings,
Revel in the songs that he sings,
My angel Gabriel...^[46]*

– Lamb, «Gabriel»

*I wanna find the eagle's nest
Oh take me with you,
And I've been waiting a lifetime for this
And I'm ready,
It doesn't leave me, I've been up all night
They call me crazy,
But I wanna see what the sky looks like
From your view^[47].*

– Niki And The Dove, «The Fox»

1. Ответь мне

Назад к аэродрому. Гул ветра такой, что закладывает уши, я сжимаю в руке кулон, цепочка впивается в шею...

«Дио, не так быстро...» – умоляет одна часть меня, которая все еще помнит, как легко машины рассыпаются вдребезги.

«Быстрее, еще быстрее!» – подгоняет вторая, которая бесстрашна, отчаянна и сегодня явно не в себе.

Быстрая езда всегда действовала мне на нервы, мне страшно, но я не могу позволить себе закрыть глаза. Я вглядываюсь в нависшее над аэродромом серое, предгрозовое небо. Я не отведу глаз, пока не увижу вертолет.

Диомедея загнала машину на парковку, мы выскочили и добежали до здания аэропорта быстрее, чем успела осесть дорожная пыль. Я толкнула тяжелую дверь, подбежала к окну, открывающему вид на летное поле, и ткнулась лбом в холодное стекло. Вот и первые капли ударили по окнам. Вглядываюсь в серую мглу, но в проклятом небе нет ничего, кроме туч и молний.

– Лика... – рука Дио легла мне на плечо. – Он всегда был упрям, как тысяча ослов. И если что-то взбрело ему в голову, он никогда не отказывался от задуманного. Боюсь, он не вернется. Мы пробудем здесь столько, сколько ты захочешь, а потом... приступим к плану Б.

Я горько ухмыльнулась сквозь слезы.

– Оказывается, есть план Б? О, Всевышний! Пойдем, найдем в горах его тело и оживим при помощи магии?

Диомедея кисло улыбнулась мне в ответ:

– Я бы на твоём месте не отзывалась о магии с таким пренебрежением. А что если...

– Что?

– Кое-какие чары действительно существуют в этом мире?

Все ясно. Подобное напряжение не могло не сказаться на психике. У Диомедеи начала тихонько сползать крыша, и моя, пожалуй, скоро последует ее примеру. Я представляю себе, как мы собираем Феликса по кускам, как Франкенштейна, и начинаю истерично смеяться сквозь слезы. Зажимаю себе рот, сдерживая рвущиеся наружу рыдания, и оседаю в ее объятия.

– О святые праотцы, – хлопает Дио меня по спине. – Святые угодники.

Дио легко встряхивает меня, схватив за предплечья.

– Лица!

Я продолжаю всхлипывать в ее руках, заливая слезами ворот ее куртки.

– Не верю своим глазам! Смотри!

Я резко поднимаю голову, вдруг осознав, что все предыдущие восклицания были адресованы не мне. Диомедея хватает меня за подбородок и разворачивает к окну. Из хаоса низко клубящихся туч возникают смутные очертания вертолета. Теперь я тоже слышу отдаленный гул двигателей и вибрацию лопастей.

Я бросаюсь к выходу на поле, но на моем пути вырастает рельефный громила в фуражке и бронежилете поверх серой рубашки.

– Синьорита, – едва не хватается он меня.

«Пропусти ее сейчас же, пока я не сорвала с тебя кепку и не станцевала на ней тарантеллу!» – Диомедея орет охраннику что-то по-итальянски, я не понимаю ни слова, но, зуб даю, значение примерно такое же.

И мужик уходит с моего пути! Двери, коридор, еще парочка дверей, и вот я выбегаю на взлетную площадку. Ну и холод! Ветер взметает волосы, дождь раздает мокрые пощечины, сердце едва умещается в груди...

Шасси вертолета касаются земли.

* * *

Все должно было быть как в кино: я узнаю любимого издали, читаю все эмоции – конечно же, счастливые – на его лице, бегу к нему навстречу, стильно намокнув до нитки, и, пока бегу, думаю о том, как красиво мы сейчас будем обниматься под этим сказочным ливнем... Жаль, что в этой картине средств на грамотного художника-постановщика попросту не осталось: все досталось создателю спецэффектов: гроза разыгралась просто лютая.

Кто-то вышел из вертолета, но я не могла разобрать кто. Я просто продираюсь сквозь решетку упругих дождевых струй, пару раз шлепнувшись на колени. А потом тот, кто вышел из вертолета, возник у меня на пути и сжал меня в объятиях. Вряд ли его руки можно было назвать нежными, вряд ли их можно было назвать трепетными – нет, они обхватили меня так крепко, словно я тонула, или проваливалась под землю, или сползала с края обрыва! И я так же крепко обняла его – я не хочу

провалиться в бездну, я хочу быть спасенной!

– Боже, скажи мне, что я не сошел с ума... – выдохнул он.

Я подняла глаза и посмотрела на того, кто схватил меня в охапку: лицо, которое я столько ночей видела во сне, губы, которые однажды почти поцеловали меня, мокрые волосы, с которых – помнится, как будто это было вчера, – уже капала вода, и наконец глаза – темные, беспросветные, как полярная ночь.

– Я ей устрою, – севшим голосом сказал он.

– Феликс, – беззвучно произнесла я, вцепившись в него ледяными руками. – Прошу, не оставляй меня...

Я хотела сказать еще сотню важных, отчаянных слов, но голосовые связки отказались мне служить. А вслед за связками – колени. Если бы он не удержал меня, я бы рухнула на землю. Силы покинули меня, я больше не могла ни стоять, ни говорить, ни умолять о чем-либо.

Последние ниточки, которые держали меня все это время, – лопнули. Все, что осталось, – жалкая, рыдающая, измазанная в грязи копия меня, обхватившая Феликса руками за шею, как будто тот был последней точкой опоры во Вселенной.

– Лика... Прошу тебя, не плачь, – забормотал он мне в ухо. – Это не самоубийство. Это... Черт... Нет, я все-таки ей устрою.

Его руки стали гладить меня по спине, нежно, успокаивающе.

– Лика... Посмотри на меня.

Но я беспомощно помотала головой: я выглядела слишком жалко, чтобы позволить ему смотреть на меня. Проклятый дождь: он романтичен ровно до того момента, пока ты не продрогнешь до костей, а тушь не превратится в грязную мазню...

И тут ладони прекратили меня обнимать, взяли меня за плечи и отодвинули меня ровно настолько, чтобы...

Феликс собирается, о боже... Нет, слишком хорошо, чтобы быть правдой.

Губы – мягкие, теплые, настойчивые – прижимаются к моим губам.

Я мечтала об этом с момента его отъезда или... нет, с того момента, когда впервые встретила его в Киеве! Бесконечное количество раз, представляя этот поцелуй и так и этак, кусая губы в бессильном отчаянии, и вот теперь, когда мечта стала явью, я словно... забыла, как это делается. Я просто одеревенела от шока.

Феликс потерялся щекой о мою щеку, выманивая меня из этого оцепенения, вернулся к моему рту и прикусил нижнюю губу. Ласково коснулся верхней и снова впился в нижнюю. О господи, пожалуй мне

стоило забыть, как это делается! Забыть начисто! Чтобы он смог научить меня всему заново. Вкус его губ, головокружительный запах лосьона для бритья...

– Лика... – выдохнул он. – Ну же, ответь мне...

Упрашивающая нотка в его голосе, движение его большого пальца, скользящего по моему виску, шее, рисующего тонкий след на моей ключице – и пережитое потрясение разжало когти. Я очнулась, прижалась к нему покрепче и ответила со всем жаром, на который было способно мое обессиленное тело и мой не слишком опытный рот.

И тут сквозь сладкий туман и сумасшествие поцелуев до меня доходит, что я в футболке на голое тело, без лифчика, что эта самая футболка промокла насквозь и прилипла к груди, а мои соски от холода и возбуждения уже просто... вонзились в его грудь.

– О боже, – задохнулась я, отстраняясь от него, и Феликс понял это движение. Я вижу улыбку на его губах – потрясающую, лукавую, сводящую с ума. Он читает меня, как книгу, каждый мой жест и движение. Ох, какой соблазн снова поцеловать его, пока ему так весело, попробовать эту улыбку на вкус.

– Ты же совсем замерзла, – продолжает улыбаться он, быстро снимая куртку и заворачивая меня в нее.

– Нет, мне еще никогда не было так тепло, – возражаю я.

– Ох, Лика...

И тут меня начинает разбирать смех, и страх с отчаянием стремительно разбегаются в стороны, как букашки. Я не до конца верю, что Феликс собирался покончить жизнь самоубийством, я с трудом представляю, что будет дальше, но по крайней мере мне уже не страшно! Люди, которые могут целоваться так, как минуту назад целовались мы, – могут преодолеть все, что угодно. Могут уложить на обе лопатки любых демонов, да так легко, как... как могли бы уложить друг друга.

– Ну наконец-то! Я думала вы никогда не закончите, ребята.

Я оглядываюсь, и мои щеки начинают пылать – их словно соусом чили намазали: у вертолета, чьи лопасти уже перестали молотить воздух, стоит, прикрывшись розовым зонтиком, Изабелла, а рядом с ней – сияющая, как прожектор, Диомедея. И обе не сводят с нас глаз.

* * *

– Крис, – выдохнула Дио, бросаясь брату на шею.

– Ох, лучше бы тебе держаться от меня подальше.

А дальше последовал пассаж на... то ли на латыни, то ли на «сицилийском», как называла их язык его сестра. И судя по всему, приятного в этом пассаже было мало. Дио в долгу не осталась и отсыпала в ответ горсточку любезностей. Я испуганно прижалась к Феликсу, и он мгновенно умолк и приобнял меня в ответ.

– Теперь она считает меня самоубийцей, Дио! – перешел на русский он, видимо, только чтобы я не чувствовала себя лишней. – Как ты могла сказать ей это?!

– А как бы еще я смогла предупредить ее, что ты собираешься сделать, не вдаваясь в тайны Фальконе? Ну? Кое-какие вещи должен рассказать ей только ты!

– Ты не собирался убивать себя? – изумленно переспросила я.

Феликс прижал меня к себе еще крепче и растерянно мотнул головой.

– Ох, Лика... И да и нет.

– Знаете что? – встрепелась Изабелла. – Прежде чем вы упорхнете в укромное место обсуждать «тайны клана Фальконе», могу я задать маленький вопросик?

Мы все повернулись к этой малышке, которая, несмотря на то что была наряжена в розовую юбочку и держала в руках не менее розовый зонт, – только что сама посадила вертолет на эту бренную землю!

– Ты десультор?! – обратилась она ко мне, хлопая ресницами. – Это ты была в теле Урсулы, так?

И, видя, что я не в состоянии ответить ничего вразумительного, она тут же повернулась к Феликсу.

– Она десультор, ведь так?! Почему ты никогда не упоминал об этом, Крис?!

– Я тоже не прочь послушать об этом поподробней, – подключилась Дио. – Это она прыгнула в вертолет и остановила тебя!

– Выкладывай все, Крис, – поднажала Изабелла. – Если, конечно, ты не собираешься прямо на этой поляне заняться с ней гораздо более важными делами.

Феликс послал Изабелле испепеляющий взгляд, я опустила глаза, тупо улыбаясь, а Дио и вовсе начала пританцовывать на месте.

– Что такое «десультор»? – робко подала голос я.

– Я расскажу тебе сегодня, – сказал Феликс.

– Вы все имеете в виду мои «перемещения»?

– О боже, это правда! – воскликнула Изабелла, роняя зонтик.

– Да, именно их, – Дио подошла ко мне и крепко обняла. Я четко

ощутила, как сильно изменилось ее отношение ко мне за какие-то часы: от вежливой настороженности до почти сестринской нежности.

– Спасибо тебе. И прости за это, – она коснулась моей щеки, по которой врезала мне час назад, когда «отправляла» меня на вертолет. – У Криса будет лекарство.

Последнее слово она произнесла с каким-то особенным оттенком в голосе: видимо, речь шла вовсе не о тех лекарствах, что продают в аптеках.

– Это конечно все очень впечатляет, – подытожила Изабелла, – но мне осточертело стоять под этим дождем. И кстати, Крис, объясни, что к чему, Урсуле. Детка сейчас перепугана до смерти, потому что не помнит, что с ней случилось в вертолете и почему его пришлось сажать мне. Я думаю, ей они очень не помешают, потому что, ей-богу, она готова увольняться и укладываться в диагностическую клинику.

Феликс посадил меня в свою машину и включил кондиционер на максимум. В салон потекло живительное тепло. Он принес мне мою сумку из машины Дио и, припечатав к моему лбу поцелуй, оставил наедине с собой.

Я переоделась в сухую одежду, сожалея, что не взяла ничего более красивого и женственного, чем две простые футболки унылого цвета. В ту минуту, когда я бросала вещи в сумку, то боялась даже думать, что, возможно, представится повод надеть что-то красивое и привлекающее внимание.

Сквозь залитое дождем стекло я увидела, как Феликс снова вернулся к Диомедее и теперь договаривает ей то, что не захотел сказать при мне. Боже милосердный... Неужели он не рад тому, что я приехала и не дала ему умереть?

«Он не обрадуется, когда увидит тебя, он будет зол, как дьявол», – вспомнила я слова Дио, не в состоянии поверить в них после всего того, что сказали мне его губы, руки и глаза. Но тревога и волнение, написанные на лице Феликса, заставили меня сжаться от страха. *«Господи, это не конец, да? Наивная, я уж приготовилась примерить пояс победителя, а это был всего лишь первый раунд...»*

Я вытерла вспотевший лоб салфеткой и трясущимися пальцами начала вытирать растекшуюся до самого подбородка тушь.

* * *

Я очнулась от легкого стука в окно, возле машины, кутаясь в насквозь

промокший плащ, стояла Дио. Я открыла дверцу и выбралась к ней. Она снова обняла меня, так крепко, что затрещали ребра, а потом сунула мне в руки большой бумажный стакан с кофе.

Краем глаза я видела, как Феликс разговаривает с той женщиной-пилотом, в теле которой я недавно побывала. Она была чертовки привлекательна, и мне стоило больших усилий подавить в себе приступ ревности, отвернуться от него и переключить свое внимание на Дио.

– Тебе точно не нужна сухая одежда? Горячая ванна? Все что угодно! Мы можем заехать к нам домой прямо сейчас. Или даже пройтись по магазинам...

– Нет-нет, у меня все есть. И в машине очень тепло.

Я не могла думать ни об одежде, ни тем более о ванне. Только о том, что мне сегодня предстоит узнать.

– Хорошо, не стесняйся просить Криса о чем бы то ни было, он будет счастлив исполнить любую твою прихоть.

– Ты уверена? – робко спросила я. – Боюсь, он не рад меня видеть... Как ты и предупреждала.

– Нет, нет, нет, ты ошибаешься! – возразила Диомедея. – Я знаю его и вижу, что с ним сейчас творится. Он очень – очень! – рад тебя видеть. Просто не был готов к такому повороту.

– Что происходит? Он собирался покончить с собой?

– Он собирался покончить с телом, – очень странно сказала Дио, не сводя с меня своих гипнотизирующих глаз.

– Боже, моя голова сейчас просто лопнет от всей этой...

– Знаю, знаю, потерпи еще чуть-чуть. Он все расскажет тебе сегодня. Это должен сделать он сам, не я.

– Мне страшно, – призналась я. – У меня такое чувство, что вот-вот случится что-то ужасное...

– Лирика, – она взяла меня за плечи. – Ты думаешь не о том. Посмотри, он жив, он рядом и он рад тебе. Дай своим чувствам говорить вместо тебя и не позволяй, чтобы вместо тебя говорил страх. Ты же рада, что он сейчас здесь?

– Безумно.

– Вот и сосредоточься на этом... безумстве.

Она была права. Мне нельзя впадать в отчаяние.

– Но если что-то пойдет не так, – осторожно начала она. – Если он, черт возьми, только попробует не выложить тебе все, то...

Дио умолкла и, оглянувшись на Феликса, вытащила из внутреннего кармана конверт песочного цвета.

– То покажи ему это и попроси рассказать, кто это.

Я открыла конверт и мельком взглянула на фотографию.

– Он знал их? – спросила я, разглядывая двух незнакомых людей на фотографии: очень привлекательного, на мой испорченный Голливудом вкус, парня – японца или какой-то близкой национальности – и восхитительную девушку.

Лицо девушки можно было бы назвать европейским, если бы не разрез глаз, намекающий на восточное происхождение, и прямые черные волосы, струящиеся по плечам. Она смотрела на него с каким-то нечеловеческим обожанием, обняв его за шею. А парень улыбался, глядя прямо в кадр, и эта улыбка была до странного знакомой.

– Да. Он знал их очень хорошо.

– Но какое отношение они могут иметь ко мне? К нам?

– Самое непосредственное, Лика. Самое непосредственное.

Я подавила приступ любопытства и сунула фотку обратно в конверт.

– Эта фотография – тяжелая артиллерия. Прибереги ее только на тот случай, если вдруг почувствуешь, что твои собственные резервы на исходе. Но я уверена, что до этого не дойдет.

Я кивнула ей и оглянулась на Феликса.

– Они близко знакомы? – я указала на женщину-пилота, содрогаюсь от мысли, что обнимала Феликса в вертолете именно *ее* руками. – Кто она?

Дио озадаченно оглянулась на женщину.

– Просто пилот.

– Она очень... красивая.

– Тело – это всего лишь обертка, – возразила Дио.

– Да, пожалуй, – сдалась я.

Дио еще раз обняла меня, и в тот момент, когда она развернулась, Феликс закончил свой разговор с пилотом и двинулся ко мне.

* * *

Мое закатное солнце. Мой тихоокеанский шторм.

Мужчина, ради счастья которого я бы продала душу, если бы ее у меня потребовали. Когда-то я мечтала, чтобы тот раз, когда я бежала к нему навстречу по ступенькам школьного крыльца, – не был последним. Что ж, похоже для исполнения этой мечты на счету моей кармы каким-то невероятным образом оказалось достаточно средств. Спасибо, Невидимый, спасибо, мой Щедрый...

Я стояла, прислонившись к машине, отчетливо чувствуя каждый удар своего сердца, и пыталась подавить нарастающее волнение. Подумать только, десять минут назад я целовала его так, как еще никого в своей жизни. Быстро, как кадры в киноленте, в моей памяти мелькали все те сцены, что мы пережили вместе: я сижу с ним в его машине, я выбегаю к нему под дождь, я веду его за руку к дверям своего дома, я плачу на его плече в коридоре больницы, он не сводит с меня глаз, пока я бегу к нему по ступенькам школы. Он спасает меня, он зашивает мою рану, я опускаю руки ему на плечи... Дыши глубже, Лика. Он несет меня в постель. Я вытягиваю руку, чтобы прикоснуться к нему, но рука не слушается...

И вот теперь я здесь. За сотни километров от родного дома, в далекой стране, среди людей, о которых я ничего не знаю. И в то же время я уверена, что не было и нет на Земле места, где я была бы нужнее, важнее и уместнее, чем здесь и сейчас.

Вдох. Выдох.

Феликс подошел ко мне и обнял.

* * *

Несколько минут я стояла в его объятиях, ткнувшись носом в его шею, вдыхая пьянящий запах его одеколона и боясь пошевелиться. Он гладил меня по волосам, как потерянного, испуганного ребенка.

– Мне нужно тебе кое-что рассказать, – наконец сказал он.

– Да, – жалобно согласилась я, не поднимая глаз.

– Ты голодна?

– Нет.

– Когда ты ела последний раз? – спросил Феликс строго, да так, что я чуть не рассмеялась.

Я уже слышала от него эту фразу – в том кафе по дороге из Киева в Симф.

– Ты хуже Анны, – проворчала я, слово в слово повторяя ту реплику, которой тогда наградила его в ответ.

– Если ты согласишься на завтрак, я отвечу на любой твой вопрос, – сказал Феликс весело: он помнил все, что мы говорили тогда друг другу...

– Всего один вопрос? Знаешь, сколько их у меня? Чтобы ответить на все, тебе пришлось бы кормить меня завтраками до скончания веков.

Его рука скользнула по моим волосам и замерла. Ох, я слишком поздно сообразила, какой смысл, сама того не ведая, вложила в эту фразу. Его рука

больше не гладила мои волосы. Закусив губу, я подняла глаза и посмотрела на него.

– Я готов кормить тебя завтраками до скончания веков, если после нашего разговора ты все еще будешь хотеть этого, – улыбнулся он, но в этой упоительно-сладкой фразе отчетливо ощущалась ложка горечи.

– Если ты имеешь в виду свою болезнь, то я уже в курсе, и это не пугает меня, – заявила я, непроизвольно хватаясь за ангела на цепочке.

– И что же ты знаешь о моей... болезни? – изумился он.

– Твоя сестра все мне рассказала. Ты неизлечимо болен, и у тебя в запасе всего несколько лет. Но ты не хочешь бороться...

– Она все выдумала, – бледнея, оборвал меня Феликс.

– Ты не б-болен? – выдохнула я, роняя руки по швам.

– Нет, – кивнул он.

Мое облегчение было так велико, что во мне не осталось места для негодования, возмущения или злости. Я повисла на его шее и заплакала от счастья.

– Лика...

2. Без страха и сомнений

Феликс вел машину одной рукой. Ладонь его правой руки была перебинтована и покоилась на колене. Я вытянула руку и положила ее сверху, на его ладонь. Он тут же перевернул ее, переплетая пальцы с моими. Я не решалась спросить у него, что произошло, но молчание меня тоже не устраивало.

– Я тоже когда-то ходила с такой повязкой. Только на обеих ладонях. Ужасно плохо заживало. До сих пор есть шрамы, если приглядеться.

– Что произошло? – он подхватил нить разговора.

– Ольга, которую ты видел у нас в саду, тем летом предложила мне работу в ее магазине, а неделю спустя хулиганы устроили там погром. Разбили витрину, под которой мне не повезло стоять в тот момент...

Я замолчала, прикрыв от напряжения глаза. Даже спустя столько времени разговор обо всем этом давался мне с трудом. Феликс успокаивающе сжал мою ладонь.

– Ольга после происшествия закрыла магазин. Слишком тяжелы были воспоминания.

– Надеюсь, они получили свое?

«Получили. Особенно тот, в чье тело меня забросило...»

– Расскажи мне больше, – кажется, Феликс прекрасно знал, что обычно скрывается за внезапным тяжелым молчанием.

– Не уверена, что хочу рассказать тебе об этом. Это не самая светлая страница в моей жизни.

– А ты бы хотела показать мне только светлые? – улыбнулся он.

– Нет. Я бы хотела, чтобы ты прочитал все... – сказала я, краснея и надеясь, что это прозвучало не слишком наивно и умоляюще.

И тут Феликс сделал то, что заставило меня задохнуться от волнения: прижал мою руку к своим губам.

* * *

Феликс остановил машину на парковке, засыпанной белым гравием, и открыл мне дверь. Я вышла, робко оглядываясь по сторонам, вдыхая наполненный влагой воздух и подставляя лицо солнцу, выглядывающему из-за туч. Дождь закончился, над дорожкой, ведущей от парковки к

ресторану, склонились тяжелые голубые цветы глициний.

Мне не доводилось бывать в более красивом месте, чем то, куда мы приехали. Большой ресторан на склоне горы, у подножия которой разлилось горное озеро. Пока я размышляла, как же здание держится на таком крутом склоне, Феликс взял меня за руку и повел за собой. Упоительное чувство дежавю: это все уже было с нами однажды...

Я вступила в уютный, подсвеченный теплыми бра полумрак и огляделась. Людей было совсем немного. Хостес – шикарная брюнетка лет пятидесяти в строгом костюме, белой рубашке и черном галстуке – рассыпалась в приветствиях, когда увидела Феликса. Он заговорил с ней по-итальянски, не выпуская мою руку, и я задержала дыхание: надеюсь, он все-таки прекратит говорить на других языках в моем присутствии, потому что это звучит... слишком горячо.

Потолок украшала внушительная мозаика с надписями на латыни. Я уже могла отличить латынь от итальянского. Мраморные колонны в четырех углах заведения были увенчаны огромными белыми птицами, держащими потолок на широко распростертых крыльях. Но вопреки избытку дерева, камня и металла это место было странно уютным. Наверно, все дело в небольших приятных деталях интерьера: маленькие букеты диких цветов в круглых вазах, шелковые скатерти, мягкое покрытие на полу оттенка молочного шоколада...

Замысловатые ступеньки на второй этаж – и вот моим глазам открывается обширное пространство с застекленной террасой. Стен больше нет, только прозрачное, как воздух стекло, за которым потрясающий вид на озеро и горы. Слишком красиво, чтобы быть реальностью... Но если это сон, пусть он длится вечно.

Мы оказались в скрытом от посторонних глаз уголке, в центре которого стоял столик из черного металла и полированного дерева, покрытый молочно-белой скатертью. Два мягких стула вокруг, посреди стола – планшет с золотой эмблемой на темном экране: такая же птица с распростертыми крыльями, как на потолке...

Феликс чувствовал себя здесь как дома: слишком легко ориентировался в пространстве и слишком уж учтиво разговаривала с ним хостес. Он сел напротив и придвинул мне планшет. Только несколько неловких секунд спустя я сообразила, что это меню. Нарисованная на экране птица взмахнула крыльями, как только я прикоснулась к ней, и рассыпалась в золотую пыль. А вот и домашняя страница: Il Nido Degli Angeli. Закуски, первые блюда, аперитивы, десерты. Ух, и все на итальянском... Я прикоснулась к значку флага и, к своему счастью,

обнаружила там немецкий язык. Уже легче.

Феликс не спешил мне помогать. Он сидел напротив и не сводил с меня глаз.

– А что будешь ты? – не выдержала я.

– То же, что и ты, – улыбнулся он. Ох, эта улыбка...

– Боюсь разочаровать тебя своим выбором. Эти названия блюд мне ни о чем не говорят.

Феликс заглянул ко мне в планшет:

– Мне тоже.

– Как? Судя по всему, ты бывал тут, и не раз.

– Да, но ни разу не пользовался меню на немецком.

Я рассмеялась. Как легко он развеял мое напряжение.

– Немного учила в школе. А ты здесь обычно пользуешься итальянским?

– В городе да. Лугано – итальяноязычный кантон Швейцарии, здесь все общаются в основном по-итальянски. Хотя в местах, вроде этого, я могу себе позволить говорить на своем *родном языке*.

– На латыни, – подытожила я.

– Именно на ней, – подмигнул он.

– Дюра-лекс-сед-лекс, – лукаво улыбаясь, сказала я.

– Еще как суров.

– Невероятно, как это возможно – говорить на этом языке?

– Не раньше, чем ты поешь. Нам некуда спешить.

Он тянул время. Наша трапеза была всего лишь попыткой оттянуть тот момент, когда я обо всем узнаю. Потому что он боялся этого момента, и я чувствовала этот страх кожей. Нет, нет, нет! Неужели я услышу что-то, что заставит меня отказаться от него? Что ж, пусть попробует.

Я попросила Феликса заказать нам обоим то, что нравится ему, а сама выбрала десерт. Он отправил заказ, отложил планшет, и спустя несколько минут в нашем уютном уединении появилась не официантка, а сама хозяйка зала, что встретила нас на пороге ресторана. Какая честь... Она передвигалась легко и бесшумно, ее тонкие ухоженные руки порхали, как бабочки, так что я даже залюбовалась. Последними на наш стол приземлились замысловатые стаканы и бутылка белого вина.

– Buon appetito, – проворковала хостес и оставила нас наедине.

Если бы еще можно было присваивать божественные ранги, то моя тарелка пасты тянула бы как минимум на архангела. Тонкие полоски яичного теста, пармезан, сливки, грибы, бекон – и мой желудок чуть не умер от блаженства. Потом были морепродукты в сливочном соусе, тирамису и капучино с рисунком на пенке. Я совершенно не чувствовала голод, пока не начала есть. И съела все. Если бы рядом не было свидетелей, я бы с удовольствием облизала тарелку. Феликс был явно доволен. Тиана – хостес зала – принесла блюдо нанизанных на шпажки экзотических фруктов.

– Ты здесь часто бываешь, так?

– Да. Хотя за последние два месяца был только один раз.

– Было много работы?

– Не складывалось с аппетитом.

– Ты имеешь в виду – после нашего расставания? – сказала я быстрее, чем успела придержать язык. – То есть твоего отъезда.

– Да, – кивнул он. – После нашего расставания.

Я отставила на стол чашку с кофе, чувствуя, что если не сделаю этого, то просто пролью все на себя.

– Ты думал обо мне все это время?

– Каждый из этих бессмысленных дней, – ответил он, глядя на меня в упор.

Дыши глубже, Вернер. А то задохнешься. Задохнуться так легко...

– Тогда почему не захотел вернуться?

– Иди сюда, – берет меня за руку Феликс и увлекает за собой. У противоположной стены горит камин, разбрасывает желтые блики по полу и мягкому уголку, обитому белой кожей. – Теперь нас не потревожит даже Тиана, когда решит унести тарелки. Я так жажду этого уединения, жажду и боюсь. Еще никогда держать себя в руках не стоило мне таких усилий...

Мы сели у огня, и я прижалась к нему, бедро к бедру, он обнял меня и поцеловал в висок.

– Не могу насмотреться на тебя, – не выдержала я. – Я так скучала по тебе, по твоим рукам...

Я сжала его ладонь и посмотрела на него, едва не подставляя лицо для поцелуя. Феликс потянулся ко мне, но что-то в моей фразе остановило его. Он тяжело вздохнул и опустил глаза.

– Боюсь, то, по чему ты скучала, не имеет ко мне никакого отношения, Лика, – напряженно сказал он. – Я использую тело Феликса точно так же, как и ты иногда используешь тела других людей. Ты прошла через все это, поэтому сможешь поверить. Это не мое тело. Я пытался избавиться от него,

чтобы вернуться в свое. Мне жаль, но я – не он.

* * *

Я развернулась к нему, поджав ногу и едва не взобравшись к нему на колени. Он вообще понимает, о чем говорит?

– И слава богу, что ты – не он! – запаниковала я. – И все то, по чему я скучала, имеет к тебе самое прямое отношение. Именно к тебе! Да я просто терпеть не могла Феликса, пока не пришел ты! Не знаю, что со мной было бы, если бы он ко мне притронулся, но я бы точно не таяла от его прикосновений! Я скучала по тебе, все это время, не по нему!

В какой момент мы успели поменяться ролями? Сидеть с открытым ртом в полном потрясении от услышанного должна я, а не он...

– Где твое настоящее тело? – спросила я, пока Феликс пребывал в замешательстве от моего монолога.

– В специальной клинике. Лежит в коме, пока моя душа застряла тут, – хрипло ответил он.

– Когда ты вернешься в него?

– Года через три-четыре.

– А что будет с Феликсом, когда ты вернешься? Где вообще... он?

В камине что-то треснуло, и сноп искр взвился в трубу.

– Феликса больше нет. Это первое из того, что тебе сегодня предстоит осознать.

– Да-да, ты уже говорил мне об этом... – зажмурилась я, прижимая его ладонь к своей щеке.

– Лица, – он склонился ко мне, требуя моего полного внимания, – услышь то, что я пытаюсь сказать тебе. Ты должна наконец понять, что на самом деле это означает.

Я подняла глаза и встретила с его глазами: напряженные, сияюще-темные, как вулканические жерла. Сколько девушек сгорело в них?

– Случилось то, чего ты и твоя мать так боялись: Феликс мертв. Его душа уже за пределами этого мира. Он больше никогда не вернется. То, что ты видишь, – это всего лишь оболочка. А у меня – другая душа, другое прошлое и другое имя.

Я перестала дышать, пытаясь уложить в голове то, что он только что сказал. Конечно, я догадывалась о том, что он может быть кем-то вроде меня: незнакомая душа в теле Феликса, – но я никогда не задумывалась, где же в таком случае сам Феликс... Осознание смерти брата наконец настигло

меня, как пуля, – стремительно и больно.

– Ты виновен в смерти Феликса?

– Нет. Это тело стало принадлежать мне через три минуты после того, как его душа ушла.

Чувствую не то чтобы облегчение, но нечто похожее. Что бы я сделала, если бы он сказал, что виновен в смерти Феликса? С тяжелым сердцем я признала, что даже тогда не смогла бы выпустить его из объятий. Я бы ни за что не пожелала Феликсу смерти, но... не узнать того, кто сейчас сидел со мной рядом и смотрел на меня с таким волнением?

– Как он умер?

– От героиновой передозировки. Феликс заработал сердечную недостаточность и отек легких. Впрочем, сомневаюсь, что он успел это осознать. Его сожительница сделала ему укол налоксона и искусственное дыхание, но было слишком поздно: Феликса в этом теле уже не было. Теперь в нем был я. Героин, налоксон и я – но ни частицы его души...

Я слушала его напряженный, бесцветный голос. Почему мертв Феликс, а пожалеть и утешить мне хочется именно его?

– Мне предстояло выжить, избавиться от зависимости и привести тело в порядок. Но я бы не смог сделать всего этого без своей семьи.

Теперь я начала понимать, кто все эти люди, так заботящиеся о нем.

– Они такие же, как ты? – я воскресила в памяти то слово, которое впервые услышала от Дио на взлетной площадке. – Вы все десульторы?

– Да. Мы называем себя так между собой.

– Тела твоих сестер – они достались им так же, как и тебе?

– Да.

Я поежилась, представив себе, что Изабелла и Дио – однажды уже... умерли. Эта девочка с золотыми кудрями на самом деле уже умерла. И эта женщина, привезшая меня сюда из самого Симферополя, – тоже. И не известно, кто сейчас сидит внутри этих человеческих скафандров. Я напряглась. «Тело – всего лишь обертка», – сказала Дио о женщине-пилоте. И теперь до меня наконец дошло, что она имела в виду: не суди по внешности, внешность – ничто. Но кто же тогда те, кто управляют этими телами?

Я подняла глаза на того, кто сейчас так нежно обнимал меня, и с удивлением обнаружила, что во мне нет никакой паники и страха. Что кем бы он ни был на самом деле и как бы он ни выглядел – это не имеет никакого значения. Вопрос, который был готов сорваться с моего языка, растаял в воздухе. Кем бы этот человек ни был, он нужен мне.

– Ты хочешь спросить, как выглядит мое родное тело?

Я вынырнула из своих грез и обнаружила, что Феликс смотрит на меня с улыбкой.

– Как ты узнал? – ответила я, тоже начиная улыбаться.

– Я жду этот вопрос уже очень долго. И был уверен, что у тебя будет такое выражение лица, как сейчас.

– И какое же у меня выражение лица?

– Полнейшая растерянность.

– Я просто подумала, что это не имеет никакого значения. Совсем никакого. Даже если ты на самом деле... маленькая корейская школьница, путешествующая по другим телам, – мне все равно.

– Маленькая корейская школьница? – расхохотался он.

– Ну или трехсоткилограммовый черный мужик, – пробормотала я, наслаждаясь его смехом, – мне все равно. Потому что твоя душа прекрасна. Я бы смогла любить тебя в любом теле.

Я почувствовала, как напряглись его руки, и испугалась, что снова сказала что-то не то. Я думала, что моя непринужденная болтовня развеселит его, но вместо этого Феликс словно получил удар под дых.

– Ты не веришь мне? Мне все равно, кто ты, пожалуйста, верь мне, – забормотала я, проклиная свою болтливость.

– Ты не представляешь, о чем говоришь, – мягко сказал он. Его взгляд испугал меня. В нем было так много усталости и обреченности.

– Тогда объясни мне.

– Мое родное тело – тело обычного белого парня, урожденного швейцарца. Ему двадцать восемь лет, и, возможно, ты смогла бы полюбить его так же, как это тело. Но беда в том, что я почти «не живу» в нем. Меня то и дело вытряхивает в тела, которые... – он провел костяшками пальцев по моей щеке, – далеки от идеала юной девушки.

– Что ты вообще знаешь о моих идеалах? – лукаво улыбнулась я.

– Лика, ты не сможешь любить меня в теле корейской школьницы! – рассмеялся Феликс, но смех был горьким, как полынь. – Твоя любовь ко мне – осязаемая заслуга этого тела. Я знаю, что с твоего языка готов сорваться протест, ты такая упрямая девушка, – поддразнил меня он, – но прошу тебя, дослушай. В этом нет твоей вины, это природа, это естественно – оценивать другого человека по его внешности и тем более любить его не в последнюю очередь за внешность. Это та дорога, на которую свернула эволюция в тот самый день, когда у первых созданий появились первые глаза, и ты как ее высшее творение не сможешь – и не должна идти наперекор природе.

Он запечатлел поцелуй на моем лбу, и, господи, каким отрешенным и

сдержанным показался этот поцелуй после тех, что он дарил мне раньше.

– Я смогу удержаться в этом теле еще несколько лет – вот на что намекала Дио, говоря о том, что мои годы сочтены. Потом я буду вынужден... поменять тело. И оно может оказаться таким, к какому ты просто не сможешь прикоснуться. Это мой четвертый прыжок, Лика, и я знаю, что мне не всегда будет везти так, как в этот раз, – Феликс взволнованно потер ладонями лицо. – Мне может достаться не просто тело малопривлекательного парня. Мне может достаться тело старика. Или женщины. Или физически неполноценного человека. Хорошо, если ты успеешь потерять ко мне интерес до того момента, когда мне придется сменить тело... Но если нет, то...

Я впала в оцепенение. Столько всего. И такими дозами! Помедленней, полегче, бога ради... Во мне снова начало крепнуть чувство, что мы не выйдем из этого ресторана рука об руку, как пара. Что-то встанет между нами стеной.

– Но сейчас-то ты в «правильном» теле, да? На этот раз тебе повезло! – изумилась я. – Почему же ты пытался... убить его?

– Феликс был влюблен в тебя. И я долгое время не мог понять, что это: остаточные реакции его мозга или же мои собственные чувства. Это тело рвалось к тебе, как помешанное, и это не устраивало меня...

И вот тут до меня начало доходить. Так вот почему он так волнуется, вот почему он не собирался возвращаться, вот почему его сестра говорила, что он будет зол, как дьявол!

– Ты не можешь ответить мне взаимностью и все это время думал, как бы помягче сказать мне об этом? – наконец спросила я, чувствуя страшную слабость в теле.

– Нет, вовсе нет! – быстро заговорил он, хватая меня за руки и покрывая мои пальцы поцелуями.

– Феликс, я вижу твое напряжение. Полчаса назад ты целовал меня так, словно я была всем смыслом твоей жизни, но я знаю, что иногда целуют... из жалости.

– Из жалости? – переспросил он, замирая на месте. Я нервно сглотнула. В международном конкурсе невинных реплик, которые обязательно приводят к непредсказуемым последствиям, я бы точно одержала победу. Теперь в глазах Феликса полыхало какое-то странное выражение, значение которого я даже не бралась толковать. Так, должно быть, смотрит хищник на жертву, которую вот-вот...

О господи милосердный...

Феликс наклонился и рывком придвинул к себе столик, стоящий

рядом, и в следующую секунду я оказалась в тисках его рук. Он поднял меня легко, как тряпичную куклу, и посадил на стол. Его рука скользнула по моему затылку, собрала волосы в хвост и потянула их вниз. Мой подбородок дернулся вверх, ему навстречу, – именно то, чего он хотел. Мне больно, но этот сорт боли мне еще не был знаком.

– Это похоже на жалость? – чужим голосом спросил он.

Феликс сжал ладонями мою голову, и его губы тут же стали выпрашивать у меня такой поцелуй, для какого у меня явно было маловато опыта. На пристань моей невинности обрушился шторм. Я замерла, сраженная этой пугающей, опытной чувственностью. Так меня еще никто никогда не целовал, еще никто не собирался оставить столько следов на моем лице, шее и ниже. Я обхватила его голову руками и прижалась к нему. Не так-то просто обнять его, сидя на столе, колени мешали мне, так что пришлось просто развести их в стороны и... его тело двинулось мне навстречу, а руки подтолкнули сзади. Я не представляла, что во мне столько мышц, что мои бедра, обхватившие его, могут быть такими сильными. Я откинула голову и старалась не слишком прижиматься к нему, – лишь бы только ему было удобно... делать со мной все, что ему вздумается. Только бы его ладони хватило пространства, чтобы нырнуть под мою футболку и накрыть мою грудь, ставшую вдруг такой плотной и чувствительной. Все что угодно, только бы он не останавливался. Его пальцы знали секретный шифр, который на раз-два вскрывал дверь в рай, и я не хотела, не могла мешать этим пальцам...

В моей голове больше не осталось мыслей – только гул пульсирующей крови и нарастающий звон. Нет, только не звон, только не сейчас... Мое сердце бьется внутри, как чокнутая птица. Его рот прикусывает тонкую кожу на моей шее, и я упираюсь руками в его грудь, слабо протестуя. Если он не сбавит темп, то меня снова выбросит.

– Феликс, пожалуйста... – зашептала я, пытаюсь отстраниться.

– Феликс мертв. Мое имя Крис, – отрезал он, закрывая мне рот очередным поцелуем.

Его горячие руки нырнули под пояс моих джинсов и сжали ягодицы. Или меня сейчас выбросит, или я умру раньше от возбуждения. Я собралась умолять его, чтобы он остановился, но вместо этого вырвалось совсем, совсем другое:

– Кем бы ты ни был, я люблю тебя. И хочу любить вечно.

Он оторвался от меня и замер. Его затуманенные глаза блуждали по моему лицу, большой палец скользнул по моей губе, обвел подбородок, заправил за ухо выбившуюся прядь.

– А если вечность не принадлежит нам, Лика? – задыхаясь, спросил он. – Что, если однажды все... изменится, и я больше не смогу ответить тебе взаимностью?

Я нервно сглотнула, как больно слышать подобный вопрос после всего, что только что было, когда каждая нить моих нервов была готова стать подстилкой и лечь к его ногам. Нет! Ведь героини девичьих грез не задают таких вопросов, они сразу бросают к твоим ногам сердце и клянутся вечностью, о чем я наверно и мечтала все это время. Боже, каких усилий мне стоило не разреветься от осознания своей глупой наивности.

Но я соскребла остатки здравого смысла со стенок своей черепной коробки, собрала остатки гордости, воли, ума – что там еще осталось в моей пустой голове – и слепила из них ответ:

– Предлагаешь мне отказаться от путешествия к райским островам только потому, что оно однажды закончится?

В яблочко. Я попала в яблочко. Крис – отныне Крис, и только! – выглядел таким ошарашенным, как будто я вдруг заговорила на другом языке. На языке, на котором не говорят маленькие наивные девочки. Ведь им подавай всю вечность и ни секундой меньше!

– Иногда любовь проходит. Я знаю это, – кивнула я. – Тогда люди просто расстаются, находят кого-то другого и просто... шлют друг другу открытки на Рождество.

Я старалась быть сильной и убедительной, но на глаза все равно навернулись слезы. Я уронила руки, которыми все это время продолжала цепляться за него.

– Лика...

– Крис, что стоит между нами? Я явно ощущаю это, но ты не спешишь мне объяснить. Ты словно... не разрешаешь себе меня, пока не выяснишь что-то. Что это?

Он поймал мои руки и вернул к себе на плечи.

– Я очень боюсь навредить тебе. Я не слишком опытен в том, что касается всего этого... любовного безумия. И боюсь, что однажды это все может закончиться очень плохо.

«Любовное безумие» прозвучало чуть ли не с ненавистью.

– Так плохо, что лучше даже и не пытаться? Насколько плохо? Что ты имеешь в виду?

Я вцепилась в его плечи и заглянула ему в глаза. Я была готова к чему угодно, только не к сомнениям! Затаившееся сомнение в глазах того, ради кого ты готова истечь кровью, – что может быть страшнее...

Я опустила на пол ослабевшие ноги и медленно, но настойчиво

высвободила свои ладони из его рук.

– Мне жаль. Мне жаль, что твоя сестра нарушила твои планы и не дала тебе времени разобраться во всем. Тебе было нужно это время, и тут я, со своими подкашивающимися коленками...

– Лика... – поднялся следом Крис, но я остановила его, вытянув руку.

– Возьми тайм-аут, Крис. Обдумай все, поменяй тело, если это поможет тебе разобраться в себе. Я чувствую, что я не совсем вовремя и только мешаю тебе. А потом, когда все прояснится, – приходи ко мне. В любом теле, какое бы тебе ни попало: мужчины, женщины, старика – без разницы. Приди и просто скажи, что я нужна тебе! И я буду целовать тебя так, как ты только что целовал меня на этом, черт бы его побрал, столе!

Мой голос предал меня. По щекам хлынули проклятые слезы. Крис смотрел на меня широко распахнутыми глазами, словно не мог, просто не мог поверить во все, что сейчас услышал. А я стояла напротив, умирая от желания осыпать его поцелуями, но не разрешала себе сделать ни шагу вперед. Наконец-то все прояснилось. Если я останусь здесь, он будет считать, что толкает меня в пропасть, он будет думать только о том, какой несчастной я могу стать однажды (ведь вечность нам не принадлежит!) и тогда я рано или поздно я потеряю его.

Но если я отпущу его, то ему будет дан шанс убедиться в обратном.

«Я готов кормить тебя завтраками до скончания веков. Если после нашего разговора ты все еще будешь хотеть этого».

Он знал. Он знал заранее, что так будет.

– Я буду ждать тебя. И я научу тебя любить без страха и сомнений, – добавила я, собирая остатки самообладания и забрасывая сумку на плечо.

Я задушила в себе желание обнять его в последний раз, развернулась и бросилась к выходу, но не успела сделать и дюжины шагов, как почувствовала на своем предплечье его бесцеремонную руку.

– В таком состоянии ты никуда не поедешь.

– Если дело только в моем состоянии, то уверяю тебя, я в полном порядке, – солгала я, резко разворачиваясь на месте и упираясь в его грудь руками. – Отпусти меня. Ты делаешь мне больно.

Он выпустил мою руку, но как только я попыталась развернуться, тут же завладел другой.

– Я однажды уже отпустил тебя после ссоры и чуть не потерял тебя.

– Я в порядке!

– Нет, ты не в порядке, – он крепко прижал меня к себе, игнорируя мои попытки вырваться и убежать. Но мне нужно было сию же минуту выбраться из его объятий. Я рыдала и чувствовала, что если сейчас он не

отпустит меня, то я не справлюсь со своими мятежными чувствами и начну целовать его, как сумасшедшая, и буду умолять его о взаимности, и наделаю еще кучу неисправимых глупостей... Я ткнулась лбом в его грудь, и слезы хлынули из меня с такой силой, что я больше не могла говорить – только хрипеть и задыхаться.

– Отпусти меня, – взмолилась я, медленно отталкивая его, и вдруг почувствовала, что тиски его рук ослабли. Я открыла глаза и едва не потеряла равновесие: я стояла у широко распахнутого окна, где-то на первом этаже ресторана, упершись руками в... воздух. Я опустила глаза, оглядывая свой... строгий костюм, белую рубашку и черный галстук. Я в теле хозяйки зала.

* * *

«Хотела выбраться из его рук? Что ж, получи, распишись».

Это должно было рано или поздно произойти. За истерики всегда приходится расплачиваться, пора бы знать. По моей щеке скатилась слеза: повинуюсь состоянию моей души, это тело теперь тоже плакало. Кажется, это был первый раз, когда мне не хотелось сию минуту вернуться в свое родное тело. Рыдать у него на груди – какое унижение.

Я открыла стеклянные двери и спустилась по ступенькам. Посыпанная белым гравием дорожка, тяжелые цветы глициний, большие белые птицы, парящие над озером. Ветер взметнул короной мои волосы и в следующую секунду снова рассыпал их по плечам.

Я медленно побрела по дорожке, едва переставляя ноги. Впереди маячила большая роща, я собиралась посидеть там в тени деревьев и, не имея ни капли сострадания к чужим накрашенным ресницам, дать волю слезам. Сзади послышались быстрые шаги, но я даже не повернула головы: это просто случайный прохожий. Но преследователь стремительно нагнал меня, схватил за плечи, развернул и прижал к себе. Сопrotивляться было так же бессмысленно, как в тисках Железного человека.

– Я буду здесь с тобой, пока ты не вернешься, – сказал Крис.

– Как ты узнал? – голос этой женщины звучал так... взросло.

– Тиана обычно не бродит бесцельно по улице, и ее плечи обычно не содрожаются от рыданий.

Он стер слезы с моего лица, поцеловал меня в лоб и после секундного раздумия направился к моим губам.

– Ты готов целовать меня в теле пятидесятилетней женщины?

Крис ничего не ответил, но взгляд был полон куража и упрямства.

– Но при этом уверен, что я не смогу любить тебя в другом теле?!

– С тобой я уже ни в чем не уверен, – сказал он, зажав в своих ладонях принадлежащее мне в данную секунду лицо.

О боги. Я одеревенела, строго-настрого запретив себе искать любой смысл в этой фразе. Я была слишком расстроена и утомлена. То ли это был закономерный результат событий последних двух часов, то ли давало знать о себе это новое тело: оно было странно неудобным, как одежда, которую ты взяла поносить у мамы.

– Я так устала, – выдохнула я, не собираясь обнимать его в ответ. – Хочу поскорее домой.

– Я хочу, чтобы ты осталась, – напрягся он.

Вообще-то под «домом» я имела в виду свое родное тело, а вовсе не побег домой. Хотя, к чему лукавить, он тоже маячил на горизонте. Здесь больше нечего делать, мне нужно уехать во что бы то ни стало...

– Останься, прошу тебя, – сказал Крис, держа меня за руки так крепко, как будто я собиралась пуститься наутек. – И научи любить без страха и сомнений.

К горлу подкатил болезненный комок. Гордая, сильная, лучшая часть меня, которая знала, что уходить нужно с высоко поднятой головой, – сцепилась в смертельной схватке с той, что была готова простить любую обиду, забыть любую боль и не размыкать рук до тех пор, пока он сам не прогонит. Страшная схватка, одна из самых тяжелых в моей жизни...

– Не плачь, умоляю. Вот видишь, я не слишком разбираюсь во всех этих любовных делах. Да что там, я просто идиот, и, боюсь, ты еще не раз убедишься в этом.

– Я не могу остаться, Крис! – разревелась я.

– А я не могу позволить тебе уйти, Лика! К черту «завтра»! К черту его, пока у нас с тобой есть «сегодня». Только скажи, что я не испортил все окончательно...

И он снова попытался меня поцеловать, но я отшатнулась от него, чувствуя сильное головокружение.

– Тянет назад? – нахмурился он.

Я рассеянно кивнула.

– Я не доберусь до твоего тела раньше тебя, поэтому, бога ради, не убегай. Дай мне еще один шанс, – сказал Крис, но я не успела ответить.

Я еще не открыла глаза, но уже поняла, что он куда-то несет меня на руках, прижимая к груди. Надеюсь, в том месте, куда он меня несет, будут посторонние, а иначе у меня нет шансов устоять перед очередной порцией уединенных «извинений».

– А говорил, что раньше не доберешься... – пробормотала я, обхватывая его шею руками.

– Che cosa, mi bella?^[48] – раздалось над моей головой, и этот голос заставил меня в ужасе распахнуть глаза и закричать. Меня нес на руках человек, которого я видела впервые. Незнакомый мужчина с огромными руками и страшными глазами.

3. Не эксперимент

Глаза серо-зеленого цвета, с прожелтью. И просто искрят от... – нет, к моему изумлению, в них не было ни ярости, ни угрозы, ни ненависти, которые я видела в глазах тех, кто крушил магазин или пытался изнасиловать меня. Я видела в них только азарт и веселье, словно все происходящее было просто... шуткой! Именно так смотрели бы мои одноклассники, если бы решили подложить мне на стулдохлуюмышь.

Я взбрыкнула, и мужик едва не выронил меня на пол, но в следующее мгновение зажал так, что я охнула от боли.

– Hande weg!^[49] – заорала я по-немецки, надеясь, что он поймет меня. А если не поймет, то пусть пеняет на себя. Я заверещу так, что рухнут стены.

– Beruhige dich, Vögelchen, ziehe nicht fort, anders muss ich Deine Federchen auszapfen!^[50] – ответил он.

– Да пошел ты к черту! – завопила я, от шока переходя на русский и сыпая такими ругательствами, что этот мужлан врос бы в землю, пойми он все это... И тут похититель сверкнул недоброй улыбкой и ответил:

– А ты горячая штучка, а? И где он только таких берет!

Теперь это было сказано на чистейшем русском языке. У меня перехватило дыхание от страха. Он – один из них. Не знаю, кто он, но он один из них!

Похититель вынес меня из ресторана и теперь собирался запихнуть в свою машину. Баснословно дороую с виду машину, припаркованную у самого крыльца, рядом с машиной Криса.

– К-кто ты? – охрипла я, уже зная ответ на этот вопрос.

– Не сходи с ума, малютка. Мы с тобой просто прокатимся. Романтичная прогулка вдоль озера, – ухмыльнулся он, распахивая дверь машины и вталкивая меня в салон.

– Да куда я с тобой не поеду!

Я изловчилась и заехала подонку ногой по яйцам, когда тот попытался захлопнуть дверь. Он согнулся пополам, но в следующую секунду моя голова откинулась на девяносто градусов от жесткой затрешины. Его шутки закончились.

Зато мои сейчас начнутся! Мужик толкнул дверцу, и я успела сунуть свою ладонь в стремительно сужающийся проем. Боль была воистину ошеломляющей. Я чувствовала, что мне очень повезет, если мои пальцы не

окажутся сломанными. Но я запретила себе думать об этом и сосредоточила утекающее сознание на лице этого ублюдка. Я перепрыгну в его тело, а потом побегу и сигану в озеро вниз головой. Клянусь, я сделаю это.

* * *

Я распахнула глаза и первым делом глянула на руки. Каждый раз, когда я настраивала себя на конкретное тело, то перепрыгивала именно в него. Но на этот раз меня ждал полный провал! Хрупкие ручонки девушки-подростка. Короткие ногти с черным лаком, хиппи-браслетики. Я сидела на набережной, задницей прямо на жарком асфальте, в компании подруг. Одна из девушек – маленькая, смуглая брюнетка со стаканом колы – ютилась рядом и что-то громко рассказывала на итальянском под хохот остальных.

Я вскочила и начала вертеться по сторонам, пытаюсь сориентироваться, где я.

– Laura?! – озабоченно переглянулись подружки.

В пятистах метрах от нашей компании, словно вросшее в склон горы, виднелось здание ресторана. Кажется, я даже увидела машину моего похитителя, резво трогаящуюся с места и быстро исчезающую из виду. Я стряхнула с себя руки взволнованных подруг и, вопя во все горло, побежала к ресторану. Еще никто не заставлял эти ноги бегать так быстро. Я в два счета домчала до мраморных ступенек, схватилась за перила, и в эту минуту в дверях ресторана возник Крис. Бледный, как мел, и взбешенный, как дьявол. Господи, он выглядел точно так же, как в то утро, когда мы возвращались в Симф и ему позвонила Изабелла.

– Крис! – закричала я и бросилась к нему навстречу. – Он увез меня! Не знаю, кто он, но он такой... обозленный!

– Лика, – быстро сказал он, хватая меня в объятия. – Он не причинит тебе вреда, ему нужно просто пощекотать мне нервы. Ты всего лишь приманка. Я поеду за ним, и мы вернемся домой вместе, ты слышишь?

– Хорошо, – разревелась я, впиваясь в него чужими руками.

– Но, ради всего святого, оставайся в своем теле, не причиняй себе вред!

– Почему?!

– Если ты не справишься с машиной на полной скорости, то можешь погибнуть!

– Ох, – всхлипнула я.

– Ничего не бойся и жди меня, – он поцеловал меня в лоб, выпустил из рук и сел в машину. Секунда – и он исчез в том же направлении, что и мой похититель.

– Laura! Dio! – мои подруги стояли рядом, выкатив глаза.

Одна из подруг сжала меня в объятиях, видимо, опасаясь, как бы я не выкинула еще какой-нибудь номер. Но я вывернулась и бросилась к дверям ресторана. Из дверей вышел хорошо одетый, представительный мужчина, весь вид которого так и намекал, что он как минимум менеджер, а то и сам управляющий ресторана.

– Sprechen Sie Deutsch?^[51] – спросила я его.

– Ja, señorita.^[52]

– Высокий черноволосый мужчина, на вид лет сорок, пять минут назад похитил девушку из вашего ресторана! Он ударил ее, чтобы она не сопротивлялась, и увез ее на своем «Астон-Мартине»! Мужчина, с которым она обедала, поехал за похитителем! **Я** видела все своими глазами, вы должны помочь ему!

– Успокойтесь, синьорита, я сделаю все, что в моих силах, – ответил он.

– Помогите ему, – повторила я ему. – Девушку похитили из вашего ресторана, вынесли на руках и затолкали в машину, а вы даже не заметили! Многие ли ваши посетители пожелают узнать об этом? Похищенная не оставит этого просто так, я клянусь вам! Или помогите ему, или вашему заведению несдобровать!

Управляющий кивнул, пристально оглядывая меня с головы до пят, достал из кармана телефон и сделал звонок. И клянусь, он говорил с кем-то на языке Криса.

* * *

Я пришла в себя и схватилась за руку. Три пальца были травмированы до крови и начали сильно распухать. От боли на глаза навернулись слезы. Я сидела в машине, которая неслась вперед с воистину космической скоростью.

– Болит лапка, глупая ты птичка? – обратился ко мне похититель. – Я уж было подумал, что ты сделала это специально. Но не может же он встречаться с психопаткой, правда? Хотя... Ой, ну, конечно, может! Не впервой!

Его болтовня кольнула меня в самое сердце. Да, у Криса наверняка были и другие девушки до меня. Но я наступила своему любопытству и ревности на горло: я скорее отрежу себе язык, чем заговорю с этим человеком о других. Если Крис захочет, он расскажет мне сам, я не сомневалась в этом.

– Я не встречаюсь с ним, – буркнула я.

– Называй это как хочешь, милая. Самое главное я увидел пару часов назад на аэродроме. Сестрица звякнула мне и попросила придержать Криса на этом свете. Мне было так лень тащиться туда, даже не знаю, зачем я поперся, но зрелище того стоило! Еще как стоило! – хохотнул он.

Этот тип говорил о нашем поцелуе, вот о чем. И если это ему звонила Дио на подъезде к Лугано, то неужели он тот самый...

– Значит, ты и есть его брат? – изумилась я.

– Ну вот, оказывается, ты кое-что знаешь. Может быть, брателло рассказал тебе еще и историю нашего маленького недоразумения? Нет?! О, ну тогда я просто обязан ввести тебя в курс дела! Крис когда-то давно просил меня об одном одолжении, и эту его просьбу я обязательно исполню. Я увидел тебя, и меня озарило, что лучшего случая не представится. Только я не могу исполнить ее при всем честном народе. Уж больно жесткие правила, не хочется лишний раз драконить тетушку Ники. Так что придется сделать все где-нибудь подальше от города. Смотри, он уже у нас на хвосте, минут через пять он подрежет меня, и начнется веселье! Расслабься, крошка, будет правда весело.

Мое сердце рухнуло в пятки.

– И что же это за просьба?

– Терпение! Только терпение! Вряд ли ты обрадуешься, тебе же по вкусу его тело, да? Но что поделать, *Gaudeamus igitur, Juvenes dum sumus!* Что я сказал? Веселимся, пока молоды!

Я замолкла, провалившись с головой в панический ужас. Теперь мне хотелось, чтобы Крис повернул обратно и не ехал за мной. Его брат сделал из меня наживку, и добром это не кончится. Я закусила губу, боясь разреветься.

– Ну-ну, выше нос, птичка. Я не трону тебя, ни к чему. Кстати, ты пристегнута? Лучше пристегнись. Будет плохо, если разобьешь свою красивую головку.

Едва шевелясь от накатившего шока, я нащупала ленту и сунула ее конец в фиксатор. Я видела в боковом зеркале машину Криса, и расстояние между нами неумолимо сокращалось. И тут мой похититель резко взял влево, съезжая с главной трассы на боковую дорогу, уводящую в самую

глубь леса. Места стали совсем дикими, сразу за обочиной поднималась непроходимая чаща, если этому психопату вздумается что-то сделать со мной – с нами! – никто не придет к нам на помощь!

Нет, дальше бездействовать нельзя, я просто не могу сложить на коленках руки и покорно прининять все, что мне уготовили. Я справлюсь с машиной! Мне нужно просто вжать тормоз в пол и крепко держать руль, вот и все! Я справлюсь с ней! Я вытащила из уха сережку и зажала в пальцах острое гвоздика. В конце концов если не получится, то ценой за попытку будет всего лишь еще одна царапина. Но я не успела ничего предпринять! В следующую секунду мое тело бросило вперед так сильно, что я чуть не задохнулась от перетянувшего грудь ремня. Если бы я не была пристегнута, то влетела бы головой в лобовое стекло.

Мой похититель затормозил так резко, что машина начала выплясывать на дороге. А мгновением позже раздался оглушительный визг других тормозов. Я захлебнулась криком: машина Криса, чтобы избежать столкновения с нашей, резко свернула в сторону и только чудом не влетела в одно из огромных деревьев, которых росло так много вдоль обочины.

* * *

Крис не успел затормозить. Ни один человек в мире не успел бы сделать это достаточно быстро, но даже если бы смог, то узкая дорога не оставляла ему никаких шансов на маневр. На несколько секунд мой рассудок помутился от страха: потом я не помнила, как расстегнула ленту, открыла дверь и, шатаясь, выпала наружу. Мой похититель не стал меня удерживать, я побежала к машине Криса, которую после торможения сильно занесло в сторону и – встретилась с ним на полпути, с размаху влетев в кольцо его рук.

– О небо, ты в порядке? Ты в порядке? – повторял он, сжав меня в объятиях, оглядывая мое лицо, прижимая к губам мои ладони. Его бровь была рассечена, и по лицу ползла тонкая алая струйка. Но уже спустя две секунды упоительной заботы его настроение изменилось. Он выпустил меня из объятий.

– Сядь в машину.

– Крис...

– Лица, в машину! – рывкнул он, разворачиваясь ко мне спиной. Я перевела взгляд туда, куда смотрел он, и едва не потеряла сознание от ужаса.

Мой похититель стоял возле своей машины с наставленным на Криса оружием.

* * *

Крис был в бешенстве. Не глаза, а пылающий уголь, спина такая напряженная, что можно пересчитать все мышцы. Он заговорил с братом на латыни, но я поняла и так: «Какого черта ты творишь?»

– *Lex talionis*, fra, – ответил тот и, оглянувшись на меня с дьявольской усмешкой, добавил: – Око за око.

Крис выдал ему очередную порцию любезностей, но Кор снова ответил по-русски – видимо, для того, чтобы я тожехватила впечатлений сполна:

– О, без пушки я не смогу оказать тебе то одолжение, о котором ты так меня просил!

– О чем ты?

– Забавно, как коротка твоя память. После узкоглазенькой ты божился больше никогда не прикасаться ни к одной из них. А также решил, что вправе портить жизнь всякому, кто начнет ставить такие же эксперименты. Ты даже представить не можешь, какой ценный экземпляр я потерял, когда Кристина разорвала со мной помолвку! Экземпляр, над которым я трудился не один проклятый месяц! И что я вижу?! Стоило мне убраться, и ты тут же схватился за свеженькую подопытную! Даже не пытайся увильнуть, я тоже был на аэродроме и увидел достаточно. Я разделяю твою страсть к опытам и приветствую ее – в этом мы похожи, как два крыла одной птички, – но не могу отказать себе в удовольствии обломать тебе твой очередной эксперимент!

Я слышала каждое его слово, сидя в машине, и каждое его слово проваливалось в меня с оглушительным грохотом. «Божился никогда не прикасаться ни к одной из них», «схватился за свеженькую», «страсть к экспериментам», – я не понимала больше половины из того, что болтал этот человек, и сердце подсказывало мне, что лучше бы мне этого и не знать.

– Это не эксперимент, – ответил ему Крис.

– Не эксперимент? – криво улыбаясь, переспросил его братец, – Что же она забыла здесь, Крис? Зачем она тебе – эта маленькая сладкая птичка с Инсаньей в невинной головке?

– Не для экспериментов, Кор.

– Я почти заинтригован, братишка, – наконец выдал тот, ошарашенно переводя взгляд с Криса на меня.

– Я люблю ее, – сказал Крис, и мое сердце затрепетало.

* * *

– Ты что?! – переспросил Кор и расплылся в потрясенной ухмылке. – Подожди, то есть... теперь Инсанья не на твоей разделочной доске, а прямо у тебя в голове? Да быть этого не может!

– А что если может, Кор?

И тут его брат начал смеяться. Он смеялся, смеялся и все не мог остановиться.

– Да чтоб я сдох! Иногда все складывается в сто раз круче, чем можно было вообразить! Все, чего мне хотелось, – слегка насолить тебе, вспомнив тебе твою же просьбу. «Если мне когда-нибудь вздумается прикоснуться хоть к одной из них, то сделай одолжение, пусти мне пулю в лоб». Так ты сказал? И до настоящего момента я был уверен, что обломать тебе прыжок будет самой лучшей расплатой. Но теперь... О небо, да я просто обязан оставить тебя в этом теле и посмотреть воочию, как Инсанья сожрет твои мозги!

– Вот и смотри на расстоянии. Притронься к ней еще раз, и я за себя не отвечаю.

Крис развернулся и пошел ко мне. Неужели все обошлось? Неужели теперь этот человек оставит нас в покое? Кор ухмыльнулся и перевел на меня прищуренный взгляд.

– Подумать только, какой я идиот. Только что лишил себя настоящего представления. Намекнул твоей малышке, что неплохо бы пристегнуться у меня в машине. Но интересно, что было бы, если бы она вылетела из машины, пробив головой лобовое, а? Даже страшно представить, как забурлила бы твоя Инсанья!

Крис остановился, как вкопанный. Я выскочила из машины и подбежала к нему, смыкая руки на его шее. Но он словно одеревенел.

– Так ты была пристегнута в его машине? – мрачно спросил он, изучая мое лицо.

– Д-да, а что?

– Тогда откуда этот ушиб на твоем лице? Он ударил тебя? – взволнованно спросил он.

О Господи, неужели этот маньяк треснул меня так сильно, что остался

след?

– Крис, пожалуйста, – я вцепилась в него, боясь отпустить. – Не нужно, умоляю тебя. У него оружие...

– Ты ударил ее? – повернулся к брату он.

– Твоя малышка была жутко несговорчивой, что мне остава...

Крис дернулся, как от удара хлыста. Я чувствовала, как сократились мышцы под тканью его рубашки. Его и брата разделял какой-то десяток метров, и я была уверена, что если я отпущу его, то он сможет преодолеть этот десяток за доли секунды, и тогда кто-то из них не уйдет отсюда на двух ногах! Его сумасшедший братец стоял напротив, поигрывая пистолетом.

– Крис, прошу тебя, поехали отсюда! – взмолилась я, вцепившись в него и видя, как плохо он контролирует свою злость.

Он перевел на меня затуманенный взгляд и замер, обводя пальцем мою разбитую щеку, пытаясь справиться с собой. Я притянула к себе его голову и горячо поцеловала, надеясь, что это вытащит его из этого странного взведенного состояния.

– Прошу тебя, любимый...

– Так непривычно, – наконец пробормотал он. – Бояться расстаться с донорским телом.

– Да, береги себя для меня! – забормотала я. – Он того не стоит! Поехали!

– Какая прелесть, fra. Никогда не устану любоваться твоими новыми реакциями. Ты стал такой мягкотелый и уязвимый. Устрица без панциря. Теперь будешь избегать драк и цепляться за этот кусок мяса, потому что он пришелся ей по вкусу? Ну же, давай, поставь меня на место, малыш!

Этот человек делал все возможное, чтобы вывести Криса из себя. Словно хотел отомстить ему за что-то и сейчас искал, с какой стороны цапнуть побольнее. Но я сжала руку Криса и сказала одними губами: «Умоляю, увези меня отсюда». И чары злости и мести мгновенно потеряли над ним власть: Крис распахнул передо мной дверь машины и едва не впихнул меня в салон.

– Нет-нет! Я еще не закончил, fra! – окликнул его брат.

– Иди к черту, Кор, – выругался Крис и сел за руль.

Кор подбежал к нашей машине, положив руку с пистолетом на бампер.

– Мне интересно, что будет с ее Инсаньей, если мы добавим в эту историю немного сильных впечатлений! Детка, ты слышала, что случилось с предыдущей подружкой Криса? – обратился он ко мне, и у меня мгновенно пересохло во рту.

– Кор, шаг назад, или твой прыжок закончится прямо сейчас!

Взревел мотор.

– Спроси у него, что с ней случилось, и узнаешь, почему он так носится с тобой! – ухмыльнулся Кор. – Это его трогательное отношение к тебе куплено ценой жизни другой его подопытной. Ей было примерно столько же лет, как и тебе, малышка! И это очень душещипательная история!

– Черт бы тебя побрал, сукин сын! – Крис нажал на газ, машина дернулась вперед, Кор отскочил, вскидывая руки.

– Боже, только не задави его, – выдохнула я, вцепившись в его плечо.

Крис вывернул руль и дал задний ход, я видела, что он просто в ярости.

– Не так быстро, голубки! Я дарю тебе тело, fra! Но это не значит, что моя Дольче Вендетта отменяется! – хохотнул Кор, не отставая от нашей машины. – Надеюсь, она у тебя такая же впечатлительная, как и узкоглазенькая? Потому что сейчас кое-что отодвинет ее любовь к тебе на задний план! Психическая реабилитация вместо сладких ночей, вот будет обидно, да?!

– Лика, закрой глаза! – закричал Крис. Но прежде чем его ладонь легла на мое лицо, случилось страшное: Кор поднес пистолет к своему виску и выстрелил.

* * *

Я зажмурилась, но картинка успела намертво впечататься в мою память: часть головы Кора просто разлетелась в кашу, и тело рухнуло, как скошенный стебель. Лобовое стекло заляпало кровью. Я согнулась пополам, испытывая сильнейшую тошноту и головокружение. Голова наполнилась каким-то черным туманом.

– Лика! Лика! – донесся до меня голос Криса, донесся совсем уж издалека – как будто из другой галактики.

Он звал меня, что-то говорил, но мое сознание сузилось до маленькой черной букашки, которая перевернулась на спину и болтала в воздухе лапками. Я снова и снова теряла сознание, но оно, словно не найдя ни одной живой души в этом лесу, – тут же возвращалось обратно. Машина резко развернулась, я услышала шорох гравия под колесами и шуршание дворников по стеклу. Через несколько минут езды мы остановились, и я почувствовала теплые руки на своих плечах.

– Лика, – он легонько встряхнул меня. – Посмотри на меня.

Я подняла голову, но сфокусировать взгляд на лице Криса так и не смогла: все плыло в багровом тумане.

– Он не умер. Это не смерть. Не смерть в полном смысле этого слова. Кор сейчас очнулся в своем собственном теле в своей палате. Он так же жив, как ты и я. Погибло только это тело. И оно погибло бы в любом случае, потому что его прыжок был на исходе... Лика, ты здесь?

Он провел ладонями по моему лицу, и только сейчас я ощутила, что плачу в два ручья. Крис вышел из машины, порылся в багажнике и тут же вернулся обратно.

– Дай мне руку.

Он снял с меня куртку, натянул кожу на изгибе локтя и сделал мне укол. Я послушно смотрела, как прозрачная, как вода, жидкость перетекает из шприца в мою вену.

– Иди ко мне.

Крис усадил меня к себе на колени, обхватил руками и позволил мне просто поплакать на его груди, не задавая глупых вопросов про мое самочувствие и не пытаясь развлечь меня разговорами. Тишины и его сердцебиения было достаточно. Через несколько минут я почувствовала, как успокаивается дыхание и рассасывается черный сумрак в голове. Эффект явно был вызван инъекцией.

– Что это было? – очнулась я.

– Успокоительное.

– Мне лучше... вроде бы.

Его руки обняли меня, лаская и успокаивая.

– Прости, что не уберег тебя от этого зрелища. О небо, я даже не думал, что до этого вообще может дойти.

– Мне правда лучше, – пробормотала я, но снова подступившие слезы свели на нет весь оптимизм фразы.

– Лика, – позвал меня Крис. – Успокоительное будет действовать только какое-то время. Потом к тебе снова вернется шоковое состояние. Я могу помочь справиться со стрессом, но не смогу стереть увиденное из твоей памяти. Только если не...

Я с трудом поспевала за его мыслью.

– Если не что?

Крис заколебался. Секунды борьбы с самим собой – и вот его взгляд снова стал решительным и спокойным.

– Я могу сделать тебе еще одну инъекцию, которая стирает небольшой кусок свежих воспоминаний.

– Я забуду все, что видела?

– Да.

Он снова выбрался из машины и вернулся с еще одним шприцем. Его содержимое на этот раз было зловеще-красным.

– Ты просто забудешь все, что только что видела, и это больше не будет мучить тебя.

– Ладно, – кивнула я.

На его лице отразилась странное замешательство.

– Есть еще кое-что, – добавил он. – Из твоей памяти выпадут все воспоминания последних нескольких часов. Все они.

Я медленно соображала. Несколько часов – это все, включая случившееся между нами с момента встречи на взлетной площадке!

– НЕТ! – отдернула руку я. – Нет, только не это.

– Потом я перескажу тебе все, что между нами произошло, – ободряюще улыбнулся он. – Все, включая мельчайшие детали.

– Крис, я обрела тебя сегодня, я отвоевала тебя в неравном бою – у судьбы, у звезд, у демонов души. Дороже этих воспоминаний у меня больше ничего нет! Я хочу помнить все, до последнего слова и прикосновения!

Крис улыбнулся, глядя на меня чуть ли не с восхищением, провел кончиками пальцев по моему лицу.

– Я не могу позволить тебе страдать, и это чуть ли не единственный способ...

– Когда успокоительное перестанет действовать, я готова принять его еще. Столько раз, сколько будет нужно. Я справлюсь.

– Хорошо, – сдался он, – хорошо. Ты справишься. Я помогу тебе, сделаю все, что смогу.

Я прижалась к его груди, зажмурив глаза и пытаюсь прогнать из головы чудовищную картинку – чудовищней которой в своей короткой жизни еще не видела. Но руки моего возлюбленного скользили по моим плечам, его пальцы перебирали мои волосы, мы были так близко – ближе, чем когда-либо, – и мой ужас ослаблял смертельную хватку.

Крис задержал дыхание, его пальцы, гуляющие по моей спине, на мгновение застыли. Я подняла голову, заслышав шум на дороге, и снова ощутила подкатывающую тошноту: рядом с нами остановилось несколько черных тонированных машин.

«Только не полиция!» – взмолилась я, и, кажется, там *наверху* услышали: из машин начали выходить люди: черные рубашки и брюки, бесстрастные лица, полы пиджаков топорщатся от оружия – человек десять, но никакой полицейской символики я не увидела. Я сжала руку Криса и испуганно посмотрела на него.

Он не выглядел взволнованным, и его спокойствие начало потихоньку передаваться и мне.

– Они... свои? – прошептала я.

– Да, все в порядке, – кивнул он. – Побудь пока здесь.

Он вышел и направился к главному из этих новоявленных «агентов ноль-ноль-семь» – здоровенному мужику скандинавской наружности и с арктическим холодом в глазах – и заговорил с ним так непринужденно, как будто знал всю жизнь.

Я невольно любовалась им: Крис держался так расслабленно, словно всю жизнь провел среди людей, обвешенных оружием. Я снова почувствовала, как мало знаю о нем и о его «семье». Впрочем, эти люди точно не были частью его семьи, возможно, служащие, охранники или что-то в этом роде. Я слегка опустила стекло окна и прислушалась. Снова латынь. Главный разговаривал на ней так же свободно, как и Крис.

Кажется, он объяснял им, что у нас произошло, и показывал рукой туда, где мы оставили тело его брата. Одна из машин резво укатила в указанном направлении. Остальные продолжали стоять возле своих машин, и напряженность их поз насторожила меня. Я начала вслушиваться в разговор Криса и Главного и поняла, что рано успокоилась. Повышенные тона. Главный явно говорил о чем-то, что Крису не нравилось. Я изучила физиономии остальных агентов и обнаружила, что почти все они смотрят на меня. О Господи, все они не сводили с меня глаз! Я вжалась в сиденье и зачем-то снова подняла стекло, пытаюсь интуитивно отгородиться от этих недобрых, подозрительных взглядов.

– **Lex! Lex!** – повторял Главный, и я видела, что это слово действует на Криса как красная тряпка на быка. Крис держал телефон возле уха, по-видимому, пытаюсь дозвониться до кого-то – но, судя по окаменевшей челюсти, так и не дозвонился. Потом раздраженно сунул телефон в карман, резко развернулся и пошел ко мне. Его руки были сжаты в кулаки, его глаза сверкали от ярости. Главный и его «свита» не сдвинулись с места.

Крис нырнул в салон, и я снова ощутила это грозное электричество, которым он был пропитан, когда чуть не кинулся с Кором в драку.

– Что им нужно? – заикаясь спросила я.

Он не сразу ответил, он сжал мою ладонь, провел костяшками пальцев

по моей щеке и заговорил как можно спокойней, хотя я видела, какой ценой ему дается спокойствие.

– Они хотят сделать тебе инъекцию силентиума.

– Инъекцию чего?

– Препарата, который стирает память последних нескольких часов. Тот самый, что я предлагал тебе десять минут назад.

– Зачем им это?

– Они опасаются, что ты можешь навести полицию на заведение, из которого тебя похитили. Очень боятся. У десульторов сейчас не лучшие времена. И мои заверения, что ты на нашей стороне, их не сильно успокаивают. Они как-то узнали о попытке похищения, и им не нравится, что ты замешана во всем этом деле. И, ко всему прочему, ты стала свидетелем странной смерти одного из нас, а для таких случаев тоже есть «лекс» – закон.

У меня вспотели ладони: теперь я сообразила, откуда здесь взялись эти люди. О нет, я сама привела их сюда, когда рассказала обо всем управляющему ресторана и пригрозила полицией! Это все я!

– Я не побегу в полицию, – всхлипнула я.

– Я знаю, Лика, я знаю! Но это те люди, которые способны на все ради благополучия тех, кому служат. И они просто не понимают, какая такая ценность может быть у часа воспоминаний. А единственный человек, который смог бы приказать им остановиться...

– Где он?

– Закончила прыжок сегодня ночью. Сейчас лежит в клинике с атрофией и не сможет принимать звонки ближайшие месяца два. Ох, Ники, как же не вовремя...

– Но ее же кто-то заменит?

– Да, кто-то из... – Крис на секунду замялся, – ее родственников, но быстро этот вопрос не решится. А мне нужно спасти тебя сейчас. Тебя и наши воспоминания.

На словах «спасать тебя» мое горло скрутило.

– А что если я сама поговорю с ними? Я скажу им, что не пойду ни в какую полицию, никогда.

Крис легонько сжал мои предплечья.

– Я не позволю тебе приблизиться к ним ни на шаг. Послушай внимательно. Сейчас они ждут, что я «подготовлю» тебя морально и выведу к ним. Этого не будет. У меня есть восьмизарядная пушка с транквилизатором, который мы обычно используем, когда нужно быстро разрешить... э-э... сложную ситуацию, при этом никого не убив и не ранив.

Я сумею усыпить половину из них, прежде чем они поймут, что происходит. Потом, – Крис перевел дух, внимательно изучая мое лицо, – потом, скорей всего, меня обезвредят.

Я сжала челюсти и вцепилась в него, едва не падая в обморок от ужаса.

– Обезвредят – значит просто заберут оружие. В любом случае, они не смогут причинить мне серьезный вред, но я должен предупредить тебя обо всем, что сейчас произойдет. Они не убийцы, они просто исполнители. Ты не должна бояться, окей? Нам с тобой нужно просто потянуть время до тех пор, пока твои воспоминания не окажутся в безопасности. Через час уже ничто не сможет стереть их из твоей памяти. Я сделаю все, чтобы защитить тебя. Слышишь?

Он прижался к моим губам в ласковом поцелуе, я ответила ему, изо всех сил пытаясь сдержать слезы. Хотя, по правде говоря, плакать уже просто было нечем.

– Ты точно не собираешься никого... убивать? – охрипла я.

– Нет.

– А они?

– Пусть только попробуют, – усмехнулся он.

В этой усмешке было столько веселой злости и мальчишеского азарта, как будто он собирался просто поиграть в снежки с оравой приятелей – причем умыть снегом каждого из них.

– Как только я выйду, заблокируй двери, нужно нажать сюда, запомнила?

– Да.

– Эту машину не так-то просто вскрыть снаружи. Боже, благослови птиц, здесь противоударное стекло. Так что пока ты внутри – ты в безопасности. Что бы со мной ни случилось, не выходи, прошу тебя.

– Крис! Тогда почему бы тебе просто не остаться здесь со мной, в машине?! – всхлипнула я.

– Проблемы лучше решать, а не прятаться от них, – подмигнул мне он и, глядя в самую душу, добавил: – Я люблю тебя. Я уже говорил тебе об этом?

На этих словах я больше не смогла сохранять самообладание, я поцеловала его со всем жаром, на какой только была способна, и выпустила из объятий.

Крис вышел из машины, прижимая к бедру пистолет. Дверь захлопнулась, я нажала кнопку блокировки дверей, и моя судьба вскинула руку с оружием.

4. LEX

Здесь, в салоне машины, время словно текло иначе, чем снаружи: гораздо медленней. Я едва успела сделать вдох-выдох, а рука Криса уже вовсю раздавала угощение. Я не слышала звука выстрелов, не было ни дыма, ни огня – боюсь, я бы даже не поняла, что происходит, если бы люди в черном не начали один за другим валиться с ног. Первым потерял равновесие и рухнул на землю Главный, потом те, кто находился рядом с ним. Крис не стоял на месте, пока стрелял: в тот момент, когда кто-то из его противников поднял свое оружие, он уже добрался до ближайшего из подстреленных агентов, подхватил падающее тело и прикрылся им, как щитом. Крис двигался со скоростью молнии, со скоростью хищной птицы, я не представляла, что человеческое тело может быть таким быстрым, таким сильным и неумолимым. Эти руки, которые всего минуту назад скользили по моим плечам, такие щедрые на ласку, – оказывается, могли сделать честь любому силовому подразделению. Я пересчитала тела, лежащие на земле – их было семь. Крис сказал «восьмизарядная пушка с транквилизатором» – значит, он промахнулся всего один раз. У меня зуб на зуб не попадал от страха, но рот начал сам собой расползаться в гордой ухмылке. Впрочем, я недооценила его противников. Крис бросил свой пистолет на землю и выхватил из кобуры оружие того, чьим телом прикрывался, но... Эта секунда промедления дорого обошлась ему: в него с размаху влетели два мужика и повалили вместе с телом, которое он держал перед собой. Я пыталась дышать, но воздуха в салоне машины вдруг стало так мало – всего на один вздох. Я должна что-то делать! Невозможно просто сидеть и смотреть на то, как его мелют в щепки...

Я вздрогнула и вжалась в кресло: прямо перед машиной возник один из людей с натянутой на лицо маской и направил оружие на лобовое стекло. И на этот раз это был не пистолет с транквилизатором, как у Криса, а настоящая – самая настоящая, как в кино! – огнестрельная пушка. Я закричала, и Крис услышал меня. Один из навалившихся на него агентов отлетел в сторону с неестественно заломленной рукой и потерял сознание. Но к нему тут же подскочили двое других нападающих. Лицо Криса было залито кровью, и эта картина привела меня в бешенство, да в такое, какого я давно не испытывала. Внезапно раздался выстрел и острый, лопающийся звук – пуля пробила лобовое стекло, и по нему тут же растеклась паутина трещин. Дьявол в черной балаклаве стоял на капоте и стрелял в лобовое

стекло – в ту его часть, что была подальше от меня. Он старался не зацепить меня, но я знала, что, как только стекло будет достаточно разрушено, его просто выбьют и вытащат меня из машины, как слепого котенка.

Ну нет! Я открыла бардачок и выгребла его содержимое наружу. То, что надо – пустой шприц от успокоительного! В этот момент стекло дрогнуло от очередного залпа, и я, не медля ни секунды, всадила шприц в свою ладонь. Игла прошла насквозь, и я закусила губу до крови. Ну же! Прыгай, Вернер! Недостаточно боли и адреналина! Успокоительное Криса оказало мне медвежью услугу. Я вытащила иглу и вонзила ее снова: на этот раз игла уперлась в кость, на глаза навернулись слезы. Я сосредоточила все мысли на лице того, кто продолжал всаживать пули в лобовое стекло, и отключилась.

* * *

Черт, мимо! Забросило совсем не в того, в кого я хотела! Я лежала на земле с разбитым лицом и горящим от боли локтевым суставом: меня закинуло в то тело, которое Крис отбросил от себя несколько минут назад. Я нащупала оружие на бедре, еле-еле вытащила его из кобуры и начала вертеть головой в поисках машины Криса. Мужик в черном продолжал стрелять в стекло, я подняла свой пистолет, и в эту минуту в поле моего зрения попало нечто, к появлению чего я точно не была готова: справа ко мне стремительно приближалась Изабелла. Белое золото волос, сверкающие глаза, лицо – холодное, яростное, словно высеченное из мрамора. Она сбила с ног одного из агентов и прежде, чем тот успел понять, в чем дело, ударила его прикладом своего оружия. Тот рухнул как подкошенный. На несколько секунд я просто окаменела от изумления. Перешагнув через тело, Изабелла рванула ко мне. Боже помилуй... Я положила пистолет на землю и подняла руки, но эта бестия не собиралась брать пленных: она налетела на меня и врезалась локтем в мою переносицу. Темнота.

Я мгновенно очнулась в своем теле, в салоне машины, схватившись за лицо и корчась от боли. Боже, снова эта чертовщина... Я вспомнила все, что чувствовала в машине Криса, едва-едва «вернувшись» из чужого подстреленного тела. На этот раз боль была такой же реальной, как будто удар получила я. Мои мысли пришли в окончательный разброд, когда я увидела капающую из носа кровь.

Лобовое стекло было покрыто паутиной трещин, теперь я не видела ни Криса, ни Изабеллы, только темный силуэт того, кто с маниакальным упорством пытался достать меня. Мужик на капоте моей машины поднял ногу и обрушил ее на растрескавшееся стекло. Его черный ботинок почти провалился в салон. Я снова нырнула в бардачок в поисках чего-нибудь острого. О, шприц с проклятым «эликсиром забвения» тоже тут! Я выдавила его содержимое в обшивку кресла и замерла в нерешительности, отыскивая живое место на руках: правая была травмирована дверью машины Кора, левая была проколота насквозь и успела истечь кровью... Нет, пожалуй, с них хватит. Я зажмурилась и всадила пустой шприц в бедро.

* * *

Две секунды спустя нога в черном ботинке наконец провалилась в салон, продавив пленку с болтающимися на ней осколками. Я стояла на капоте машины, едва не прыгая от радости. Я оглянулась по сторонам и заметила, что людей в черном прибавилось. Ох... Вернулись те, кто еще до драки уехал оттирать тело Кора с дороги. Крис, обрушивший наземь последнего противника, рванул ко мне, но на его пути выросло еще два человека. Он что-то крикнул Изабелле, и она переключила внимание на меня. В ее глазах было ясно написано, что когда она доберется до этого мужика, в теле которого я сейчас ютилась, на нем живого места не останется. Кто-то из агентов перекрыл ей дорогу. Больше медлить нельзя. Нужно побыстрее покончить со всем этим кошмаром. На свои борцовские умения в драке я особо не рассчитывала, насчет стрельбы из оружия тоже не питала иллюзий и вообще не представляла, какую пользу извлечь из пребывания в этом теле, разве что... Устроить театр одного актера. Я выбила ботинком еще немного стекла, упала на капот и сунула руку в салон. Шприц с красным содержимым все еще был воткнут в мое бедро. Я выдернула его, вынырнула из салона и выпрямилась во весь рост.

– Все в порядке, я сделал ей инъекцию! – крикнула я во все горло, поднимая над головой зажатый в кулаке шприц. Я сказала это по-немецки громко и отчетливо, так что мой басовитый голос долетел до ушей каждого.

– *Lex!* – добавила я с важным видом, обводя всех взглядом и наслаждаясь произведенным эффектом: люди в черном словно по волшебству застыли на месте, опустили кулаки и оружие. Битва окончена.

Я перевела глаза на Криса, и мое сердце больно сжалось: он стоял в

десятке метров от меня, по его лицу текла кровь, на его рубашке расцветали алые разводы, а в глазах полыхала страшная, лютая ярость. Только сейчас до меня дошло, какой эффект произвел на него мой спектакль: он не догадался, что это я. Он подумал, что мне в самом деле сделали инъекцию! Господи милосердный... Меня пошатнуло, я присела и неуклюже слезла с капота, чтобы не упасть. И в этот момент Крис сорвался с места и молнией рванул ко мне. Время словно замедлилось и стало вязким, как клейстер. «Сейчас он убьет меня, он убьет меня, боже, прочь из этого тела, прочь, прочь!» я зажмурилась, прикрывая голову руками и приготовившись к самому худшему. Мысленно успокаивая себя, уговаривая, представляя, что это все не взаправду. Он хочет убить не меня, а того, кто причинил мне вред! Не меня, не меня, он просто не знает, что здесь – я!

Мне показалось, что в меня врезался и подмял под себя поезд. Мое тело словно расплющило по поверхности, челюсть взлетела от сокрушающего удара, а в ребра врезался твердый, словно отлитый из металла, кулак. Последнее, что я почувствовала, падая на землю, – боль в затылке, ударившемся оземь, и, пожалуй, эта боль была самой мягкой из всего того, что я ощущала.

* * *

Я очнулась в своем родном теле и, едва живая от боли, свернулась калачиком. Болело все: голова и живот, руки и ноги. Меня всю – от затылка до кончиков пальцев на ногах – словно разрезали на тонкие полоски. Неужели боли бывает так много... Чьи-то руки подняли меня в воздух и вынули из машины, как пекарь достает из духовки хлеб. **Я** ощутила лопатками твердь дороги. Я не могла ни дышать, ни говорить, ни открыть глаза, – только слышать знакомые голоса, звучащие так далеко, словно не в этом мире вовсе.

– Лика! – ласковая ладонь на моем лице. Ныряет в мои волосы, гладит по шее.

Я попыталась открыть глаза и рассмотреть что-нибудь сквозь пелену слез, безуспешно.

– Прости меня, я не смог, – сдавленным голосом шепчет мне Крис, я чувствую поцелуй на своем лбу.

«Нет! У нас получилось! Это все – просто представление!» – пытаюсь сказать я, но изо рта не выходит ни звука.

– Альцедо, ее нужно в госпиталь, где твоя машина?
– Хорошо, сейчас.
– Болит еще что-то, кроме ноги, да? Если не можешь говорить, то покажи мне... Лика! Ну же...

«Нога? А что с моей ногой?»

Я подняла руку, хотя это стоило мне невероятных усилий, и положила ее на левый бок. Положила – и охнула от новой вспышки боли. Крис тут же взялся за молнию на моей куртке. Звякнул металлический язычок, я почувствовала его теплые руки на своем животе: они скользнули по коже и замерли. Мне наконец удалось разлепить веки, но все вокруг плыло, как в кривом зеркале. Я медленно моргала, тяжело втягивая воздух. Какая знакомая боль. Кажется, я уже испытывала что-то похожее. Только вот когда?

Пелена тумана начала медленно растворяться. Я наконец увидела очертания любимого лица, склоненного надо мной.

– Проклятье, – выругался Крис.

Теперь я видела выражение его лица: отчаяние и шок. Я заерзала, протягивая к нему руки.

– Детка, постарайся не двигаться, – послышался голос Изабеллы. – У тебя сломано ребро.

Ребро?

– Как у нее может быть сломано ребро, если она все это время сидела в машине и не вылезала оттуда? – изумилась Изабелла.

Крис смотрел на меня, сдвинув брови. Потом вдруг исчез из моего поля зрения, но тут же вернулся.

– Лика... О небо! – выдохнул он потрясенно. – Я же просил тебя не выходить из машины!

– Я не выходила, – шепотом ответила я, не в силах сдержать вымученную улыбку. – Я просто... совсем на минуточку... вылетела.

Изабелла переводила взгляд с меня на Криса и обратно.

– Перо мне в задницу! – воскликнула она. – У Асио тоже сломано десятое слева!

Крис ничего не ответил. Казалось, на него напало какое-то странное пугающее оцепенение. Я попыталась привстать, чтобы обнять его, но новый взрыв боли помешал мне сделать это. На глаза навернулись слезы.

– Пожалуйста, не двигайся, – взмолился Крис, но его голос показался мне таким тихим, как будто он говорил это с другого берега реки. Тихий, еще тише...

На этот раз мое сознание не вылетело прочь, а просто погасло. Ушло в то место, куда во время обморока уходит сознание обычных людей. Когда я открыла глаза, то обнаружила себя лежащей в кровати. Красивая комната в светло-золотистых тонах, огромное окно, затянутое жалюзи, букет белых цветов на прикроватном столике... Я не заметила ни единого источника света, но в комнате не было темно. Это место очень мало походило на клинику, но тем не менее это была она. Только в больницах так бело, стерильно и тихо. Я пошевелилась, мысленно приготовившись к новым всплескам боли, но боли не последовало. Наверное, накачали обезболивающим...

– Привет.

Я повернула голову и встретила взглядом с Крисом. Он сидел в кресле совсем рядом, уныло опустив плечи. Боже, что они с ним сделали... Рассеченная бровь, синяки – не слишком много, но лучше бы вообще без них, разбитые костяшки пальцев...

– Как ты? – его ладонь накрыла мою. Только сейчас я заметила, что обе мои ладони перебинтованы.

– Как на небесах, – ответила я. – Все мои драгоценные воспоминания в безопасности, и ты рядом.

Его губы тронула улыбка – невеселая и призрачная.

– А ты как? – нахмурилась я.

– Как полное дерьмо, – ответил он.

– Мне так жаль, что из-за меня тебе пришлось...

– Я искалечил свою девушку, и она все еще не ненавидит меня. Вот почему.

– Свою девушку? – переспросила я, расплываясь в потрясенной улыбке. Эти два слова звучали так волшебным, что все остальные я просто не услышала.

– Свою девушку, – подтвердил он, снова глядя на меня с таким напряжением, что мне стало не по себе.

– Иди ко мне, – взмолилась я, – я подвинусь.

– Лица, ради всего святого, не двигайся...

– Почему? Тут полно места. И я совсем не чувствую боли.

Кровать и в самом деле была такой широкой, что на ней легко бы уместилось трое человек. Я медленно передвинулась к краю и Крис лег со мной рядом. Его рука нырнула мне под плечи, осторожно прижимая к своей

груди.

– Если за каждый перелом ребра мне предназначена вся эта нежность, то я готова расстаться с каждым из них.

– Я должен был догадаться, – горько сказал Крис, пропуская мою шутку мимо ушей. – Но когда я увидел, что этот ублюдок все-таки добрался до тебя, я просто потерял над собой контроль. Ты говорила на немецком, а не на латыни, ты чуть не свалилась с капота, когда слезала с него, – координация кого угодно, но не агента быстрого реагирования. И ты не стала защищаться, когда я подскочил к тебе. Черт, все это должно было насторожить меня! Если бы я не был так зол...

Я сомкнула руки на его шее и притянула к себе.

– С моей координацией возникают проблемы, только когда на тебя нападает десяток разъяренных мужиков. В остальное время я достаточно... неплохо двигаюсь.

Я так хотела, чтобы моя шутливая болтовня немного отвлекла его. И кажется, это наконец начало мне удаваться.

– Не могу понять, – прищурился он. – Это анальгетики так на тебя действуют, или ты действительно не волнуешься по поводу того, что твое ребро треснуло в двух местах – и все это благодаря мне?

– Мне так часто ломали ребра, что я почти научилась не переживать по этому поводу, – ляпнула я.

Но на этот раз шутка определенно не удалась. Его расслабленное плечо, на котором покоилась моя голова, напряглось. Он приподнялся на локте и заглянул мне в глаза.

– Я видел твои рентгеновские снимки. У тебя и правда были старые переломы. Откуда они?

Мне не слишком хотелось говорить на эту тему, но я сама затеяла этот разговор и теперь не могла позволить себе трусливое отступление.

– То самое происшествие в цветочном магазине, о котором я рассказывала. Как обычно, оказалась не в том месте не в то время. У меня талант попадать в передряги.

– Лика, если бы я только мог путешествовать во времени...

– Тс-с-с, – я прижала палец к его губам. – Не думай об этом. Я не осталась в долгу. В тот день меня в первый раз выбросило. Я потеряла сознание и оказалась в теле одного из них. И я...

Прикрываю глаза от волнения.

– Не продолжай, если не хочешь.

– Я разбила лицо этому ублюдку о металлическую решетку в полицейской машине, сидя в его собственном теле. Впрочем, осознание

того, что произошло, посетило меня только много времени спустя. Начали сниться странные сны и все такое... И, кстати, в тот день я впервые увидела тебя.

– В смысле?

– У меня были галлюцинации, и я увидела человека, который был как две капли воды похож на Феликса. Но это был не Феликс. Это был ты. Теперь до меня дошло. Ты спас меня тогда, и у тебя были крылья. И еще форма «Беркута».

Я перевела взгляд на Криса и заметила, что он смотрит на меня широко раскрытыми глазами.

– Беркут? – переспросил Крис.

– Да. Это спецподразделение полиции в моей стране. Никогда не слышал это слово? Еще есть такая птица. Хищная.

– Неужели?

– Ага. Это такой орел.

– Да ну.

– Да. Самый крупный орел. Может убить ягненка!

– Какие познания, – восхитился он, улыбаясь как-то особенно задорно.

– Когда-то писала реферат в школе... Почему ты улыбаешься?

– Когда я расскажу тебе, ты тоже будешь улыбаться, – самодовольно сказал он.

– Попробуй, – засмеялась я.

– Мое имя означает этого самого беркута.

– Серьезно? – моргнула я, потрясенная этим загадочным совпадением.

– Старинная среди десульторов традиция – называть детей в честь птиц. Ну например, Diomedea – Альбатрос. Путешествовать, парить высоко в облаках над океаном – в этом вся она... Или моя тетка, Nuctea, – Полярная Сова. Белая и пушистая, но палец в рот не клади... Жених Диомедеи – Neophron – Стервятник. Ему идет. Кор – Corvus – Ворон...

Имя его брата бьет по нервам, я судорожно хватаю воздух. Разлетающаяся на части голова, алые брызги на стекле... О боже... Крис нашел мою руку и крепко сжал.

– И как же звучит имя беркута на латыни?

– Aquila Chrys Aetos.

– Крис, – повторила я мечтательно, словно пробуя его имя на вкус. – И чем же ты заслужил свое имя?

– Скверный характер убийцы ягнят.

– Не верю, – я пихнула его в бок.

Он рассмеялся и поймал мои ладони. Я лениво сопротивлялась.

– Я же не сдамся, выкладывай. Чем там отличаются беркуты? Силой? Скоростью? М-м... Красотой?

Крис несколько долгих секунд смотрел на меня с веселым восхищением, словно решал, чем бы унять мое любопытство, а потом просто закрыл рот такими поцелуями, которые начисто отбили у меня охоту говорить. Но я дала себе слово выведать подробности у его сестры.

И тут, как по мановению волшебной палочки, дверь приоткрылась и в палату заглянула Диомедея.

– Дио, – улыбнулась я.

– Лика! – отозвалась она. – Можно?!

Сестра Криса – красивая, сияющая, одетая в светло-голубое платье, заходит в палату, и вместе с ней кто-то, кого она ведет за руку. Дверь открывается еще шире, и улыбка тут же слетает с моего лица. «О, нет, нет, это он...» – я прижимаюсь к Крису, пытаюсь спрятаться в кольцо его рук.

В мою палату, рука об руку с Дио, вошел тот самый скандинавский грома, который отдал приказ накачать меня дурацким эликсиром забвения.

– Не бойся, – шепнул мне Крис. – Не самое подходящее время, Неофрон.

Неофрон?! Тот самый жених Диомедей?

– Это я попросила его, – вздохнула Дио, присаживаясь рядом со мной. Неофрон подхватил себе стул и устроился рядом.

– Лучше в другой раз, – нахмурился Крис. – Она только-только пришла в себя...

– Это не займет много времени, – тоже по-русски сказал Неофрон. Он повернулся ко мне и смерил взглядом. Удивительно, но в его глазах больше не было подозрительности и вызова, как там, в лесу.

– Ты не враг нам, не помеха и не угроза, – начал он.

– Как вовремя, – съязвил Крис.

– Ты просто оказалась не в том месте и не в то время, – невозмутимо продолжал Неофрон. – Мой долг – защищать эту семью и ее покой. И у меня не было времени разбираться, насколько ты... близка к этой семье. И дорог ли тебе ее покой тоже. Тем более что одна из свидетельниц заявила, что ты бросишься в полицию, как только, так сразу. Ставки были непомерно высоки. Так что скажи спасибо Крису за то, что усыпил меня. Я бы разрушил стекло у машины куда быстрее Асио.

– Не слишком похоже на извинения, Нео, – сказал Крис ледяным тоном.

– Я пришел не извиняться, Крис, я просто захотел объяснить, что

произошло.

– Извиняться должна я, – подала голос Диомедея. – Я могла поставить Нео в известность и объяснить ему, что это я привезла тебя сюда и насколько ты... важна для нашей семьи. Но я не сделала этого. Прости.

– Ничего, все в порядке, – кивнула я, но вряд ли это прозвучало убедительно. Я вдруг почувствовала страшную усталость и слабость. Господи, оказывается, всего одного ее слова было бы достаточно, чтобы предотвратить все случившееся...

– А по-моему, извинения все-таки не помешали бы, Нео, – выдал Крис. Он был очень, очень недоволен.

– Могу сказать только одно, и, может быть, это сгодится за извинения, Крис. Если бы она, – Неофрон указал на меня, – была частью семьи и ей что-то угрожало, я и мои парни умерли бы за нее.

Я выкатила глаза от изумления. Диомедея широко улыбнулась, сжала мою руку и задорно посмотрела на Криса. Крис перевел на меня взгляд... О, что это был за взгляд.

– Ловлю на слове, Неофрон, – сказал он, и моему сердцу стало тесно в груди. Я едва могла дышать от волнения. Я действительно слышала то, что слышала?

– Ну ладно, голубки, – вздохнул Неофрон, поднимаясь со стула и протягивая Дио руку. – Твоя мать вот-вот объявит того, кто возьмет на себя временное управление Уайдбеком. Хорошо бы нам всем поторопиться.

– Я не поеду, – ответил Крис, и Неофрон с Дио застыли на месте.

– Аджайя настаивала, чтобы ты присутствовал.

– Не понимаю, почему столько шума из-за всех этих формальностей. Меня не интересует, кто станет временным преемником, пока Ники в реабилитации. В любом случае, надеюсь, во времена его светлого правления у наследников Уайдбека появится чуть больше полномочий, чем у пустого места. Не передать словами, как меня достала вся эта автократия...

– Тише-тише, – зашебетала Дио. – Я тоже думаю, что не случится ничего страшного, если ты не пойдешь. После того как ты размолотил в муку отряд наших агентов, пропуск собрания – просто... мелкая шалость.

– Спасибо за поддержку. Ты всегда умела утешить, – фыркнул Крис.

– Можно тебя на пару слов? – спросил Неофрон, и они вместе вышли за дверь.

Диомедея присела на мою кровать и осторожно обняла.

– Спасибо тебе.

– За что? За то, что на нем живого места нет? – невесело улыбнулась я.

– Сейчас он больше жив, чем когда-либо прежде, – ответила она. – Он в порядке. Бывало и хуже. А вот тебе придется пару недель поваляться здесь.

– Пару недель?! – изумилась я. – У меня всего лишь несчастный перелом ребра...

– Перелом ребра, небольшое внутреннее кровотечение, сотрясение мозга и поверхностное ранение бедра.

– Чего? – выдохнула я, заглядывая под одеяло и только сейчас обнаружив, что мое бедро перебинтовано. – Откуда?

– Пуля агента, который пытался выбить лобовое, срикошетила и съездила тебе по ноге. Все остальное: сотрясение, внутреннее кровотечение и перелом ребра, – проекционные травмы. Их получил тот агент, который попал Крису под горячую руку, но так как твое сознание было в тот момент в его теле, то при возвращении «перетянуло» часть ощущений в твое тело. Грубо говоря, при возвращении твое сознание убедило твой мозг в том, что ты ранена – и именно твой мозг стал причиной всех этих повреждений.

– Не может быть...

– Ты наверняка должна была замечать что-то такое раньше.

– Да... Но не до такой степени.

– Проекционные ощущения и травмы – редкий побочный эффект от прыжков из одного тела в другое. Их можно и нужно стараться избегать... Ох, тебе еще столько предстоит узнать! И я буду счастлива помочь тебе со всем этим! А теперь мне нужно бежать, но обещаю, что загляну к тебе завтра!

Я молча кивнула, пытаясь уложить все это в своей голове.

– Дио? Подожди, есть еще кое-что...

– Да, bambino?

– Та фотография, которую ты мне дала, – где она сейчас?

– Наверно, где-то в твоих вещах, они все здесь, в шкафу.

– Ты можешь найти ее и забрать? Мне больше не нужны все эти... тайные козыри. Я хочу знать только то, что он сам захочет мне рассказать.

Дио смотрела на меня, и ее глаза сияли. Кажется, я сказала что-то, что ей очень, очень понравилось.

* * *

Наверняка мое пребывание в этой клинике стоило целое состояние. Я

не видела ничего подобного ни в одной из больниц, в которых мне довелось побывать. Размеры моей палаты (да здесь можно было играть в гольф!), интерьер, медицинская аппаратура и даже ткань, из которой было сшито постельное белье, – все это было достойно особы королевских кровей. Медсестра – такая внимательная, как будто я приходилась ей дочерью, – показала мне, как пользоваться пультом, встроенным в подлокотник кровати. С его помощью я могла не только вызывать персонал, но и включать большой плазменный телевизор на противоположной стене, выбирать кино на свое усмотрение, музыку, менять интенсивность освещения. Все это мне очень нравилось, но я со страхом ждала ночи. Я знала, что не смогу уснуть. Стоило мне закрыть глаза, и я видела сползающие по лобовому стеклу куски плоти...

Как только Дио и Неофрон ушли, Крис принес мне ужин, и он был восхитителен. Я ела ризотто с кусочками курицы и грибов, вглядывалась в сгущающиеся за окном сумерки и пыталась подавить нарастающую тревогу. Крис заметил мое напряжение и, кажется, был готов начать кормить меня с ложечки:

– Ты в порядке?

– Я так хочу, чтобы ты остался со мной сегодня ночью. Наверняка это запрещено, но... мне страшно, Крис...

Он погладил меня по щеке, успокаивая.

– Я останусь.

– Это разрешено? – с надеждой спросила я, вспоминая драконовские правила в тех больницах, в которых мне довелось побывать в свое время.

– Да.

– Сказочное место. Наверняка его услуги стоят целого...

– Они ничего не стоят.

– Как это?

Крис вынул салфетку из моей ладони и расправил ее в пальцах.

– Ничего не напоминает? – спросил он.

Я всмотрелась в клочок мятой бумаги и обнаружила на ней то же стилизованное изображение птицы, что и на потолке того ресторана, в котором мы побывали утром. Значит... Ресторан явно принадлежал той организации, членом которой был Крис. Об этом говорили и надписи на латыни, которыми был расписан потолок ресторана, и тот факт, что управляющий в ответ на мою просьбу связался не с полицией, а с их «агентами быстрого реагирования». Если салфетки клиники один в один повторяют дизайн салфеток ресторана, то или ресторан обеспечивает клинику кормежкой, или...

– Догадалась?
– Эта клиника тоже принадлежит десульторам?
– Да. Все принадлежит той семье, которая владеет контрольным пакетом акций организации «Уайдбек» и покровительствует всем нам.
– И они не будут против, если я немного тут... поживу?
– Не будут, – ответил он весело.
– Это та самая семья, из членов которой сегодня будет выбран... как его...

– Исполняющий обязанности директора, – закончил Крис, убирая поднос с моих коленей, растягиваясь рядом и заключая меня в объятия. – Пока Ники будет восстанавливаться в клинике, или пока не объявится мой... Владелец Уайдбека. Подожди, малыш...

Крис вытащил из кармана телефон и принял вызов.

– Да. Мам, извини, но мне не до того.

Однако трубка извинения принимать не собиралась и была страшно недовольна.

– Ладно-ладно, – сдался он и включил телек.

На экране появился какой-то конференц-зал, невероятно красивое и просторное помещение, наполненное людьми. Женщины и мужчины в строгих костюмах. Длинный лакированный стол, ловящий отблески люминесцентных ламп. Заседание – или не знаю, что там происходило, – было в самом разгаре.

– Ой, я вижу Изабеллу. Кажется, твоя сестра просто умирает со скуки...

Крис рассмеялся.

– Это мой брат. Его зовут Альцедо. Просто на этот раз его забросило в тело девочки.

Я зажала рот ладонью. Да ну?! И тут же вспомнила, как Изабелла стояла у машины и смотрела на меня, оборванца с ножом, с холодным и решительным бешенством. Как Изабелла спокойно посадила вертолет. Как Изабелла вырубилла мужика в спецформе одним ударом локтя в переносицу... А все потому, что у Изабеллы с рождения пара крепких яиц!

– А Диомедея? – кашлянула я. – Она на самом деле...

– Она на самом деле тоже девушка, – рассмеялся Крис.

– А кто ты в оригинальной версии? – подколола его я, дерзко откидывая голову.

– У тебя есть какие-то сомнения? – Крис наклонился ко мне и начал целовать так искушенно и настойчиво, что у меня перехватило дыхание и сладко занял низ живота.

– Если да, то их будет очень легко развеять, – улыбнулся он.

Но в этот момент, к моему недовольству, что-то привлекло его внимание на экране. Крис оторвался от меня, схватился за пульт и выключил телевизор.

– Боюсь, мне все-таки придется ненадолго оставить тебя, – сказал он, высвобождая руку из-под моих плеч. – Совсем ненадолго.

– Что там произошло?

– Ничего особенного. Просто кое-кто выжил из ума. Я вернусь до того, как стемнеет.

Крис прошелся по комнате, подхватил куртку и ключи от машины. Я получила еще один сводящий с ума поцелуй, и он направился к выходу.

– Они выбрали тебя, да?

Мои слова настигли его у самой двери и заставили остановиться на месте. Крис обернулся, в его глазах прыгали чертики:

– Как ты догадалась?

– В тот момент, когда ты возжелал больше полномочий для наследников Уайдбека, ты имел в виду себя и хотел, чтобы этот... спецназ считался с твоим мнением, да? Потому что вся эта организация принадлежит твоей семье, и вот теперь, когда гендиректор не может справляться с обязанностями, кто-то решил, что ты – лучшая кандидатура.

– Это больше похоже на недоразумение.

– Хочешь мое скромное мнение? – откинулась на подушку я. – Ты можешь позаботиться о том, что принадлежит тебе, Крис.

Моя последняя реплика явно пришлась ему по вкусу, потому что взамен я получила еще одну порцию сладких, как грех, поцелуев.

* * *

Я снова включила телевизор и продолжила следить за людьми, находящимися в конференц-зале. Они разговаривали, жестикулировали, листали бумаги, пили воду из тонких стаканов. И тут я увидела Криса, входящего в одну из дверей. Его появление заставило всех замолчать и повернуть головы. Мужчины встали, женщины засверкали улыбками. Он сел во главе стола – такой взволнованный, такой красивый, такой мой... Хаос поздравлений и рукопожатий. И в это время в зал явился еще один человек. Его появление никто не заметил, он бесшумно передвигался на инвалидном кресле и выглядел странно знакомым. На его коленях стояла круглая коробка, в которые обычно упаковывают торты. Он медленно

катился сквозь толпу к...

– О нет... – охрипла я.

Незнакомец подкатил к Крису со спины и открыл коробку.

– Крис, оглянись!

Тот словно услышал меня и посмотрел в ту камеру, что передавала изображение на телевизор.

– Обернись!

Я начала жать на кнопки пульта и громко звать медсестру, но пульт явно перестал работать. Никто не спешил ко мне на помощь, вообще никто. Я попробовала спуститься с кровати, но мои ноги словно одеревенели, а перебинтованное бедро вообще превратилось в неподъемное бревно. Человек в инвалидном кресле тем временем сунул руку в коробку и достал из нее оружие...

– Крис! Крис! – заорала я. – Обернись!

Но он не слышал меня! Резкий, острый, как лезвие, звук вспорол пространство, и на светлой рубашке Криса начало расцветать розой кроваво-красное пятно. Я закричала так, что дрогнули стены, перекатилась набок и упала с кровати. Но... пола под кроватью не было – я просто падала, и падала в бездну...

– Лика, – чьи-то руки ловят меня в воздухе и прижимают к груди. – Это сон, это просто сон.

Я обняла Криса за шею и дала волю слезам. Обрести его снова после этого леденящего душу кошмара живого и здорового, в мгновение ока заполучить его в плен своих рук – о, боги баловали меня.

– Когда я вернулся, ты спала, и я решил не будить, – сказал Крис, и его голос подействовал на меня как успокоительное. Он прилег рядом.

– Уладил дела?

– Почти. У тебя странный голос, тебе больно?

– Да почему-то, – простонала я. – Нога, ребра, голова – все болит.

– Я решил уменьшить дозу анальгетиков, видимо, рано, прости, – он быстро встал, достал шприц из ящика стола и выпустил его содержимое в катетер на моем локте.

– Значит, ты врач, – восхищенно пробормотала я.

– Да, – кивнул Крис. – И более того, твой лечащий.

– Несешь ответственность за меня? – разулыбалась я.

– Еще какую, – сказал он, снова устраиваясь рядом.

– И... это призвание? Или необходимость?

– И так и этак. Мне всегда нравилось спорить со смертью. Ну, и некоторые знания сильно упрощают жизнь такого, как я, – ответил он.

– Ты должен уметь вытащить из передраги любое тело, которое тебе попадется. Поэтому?

– Да. Большинство вещей, которым меня учили, призваны служить именно этой цели: помочь мне выбраться из любой точки Земли, в каком бы теле я ни оказался. Выбраться живым и по возможности здоровым.

– Например, умение раздавать тумачи, – улыбнулась я, вспоминая как метко он раздавал выстрелы агентам и как эффектно разбрасывал их в стороны.

– Раздавать тумачи, – согласился он, касаясь губами моих волос.

– А еще?

– Умение определять страну, в которой нахожусь, по мельчайшим деталям, иностранные языки, биология, география, этнические особенности того или иного населения...

– Столько всего. Почему так важно взять именно то тело, которое попадется, сражаться за него, спасти? Вместо того чтобы просто вернуться в свое тело и попробовать заново?

– Потому что оказаться в жизнеспособном теле – это большая удача.

– А бывает, что забрасывает в нежизнеспособное тело? – нахмурилась я.

– Да, часто попадают тела, которые не могут двигаться или имеют органические поражения мозга. Попадая в такое тело, ты не можешь убить себя, а значит, не можешь выбраться самостоятельно и начать сначала. Ты будешь сидеть в этой ловушке не один год...

Я замолчала, от услышанного болезненно заныли внутренности.

– Когда твой очередной прыжок? – хрипло спросила я.

– Не скоро, – Крис обнял меня. – Это будет так не скоро, что я успею надоесть тебе.

– Даже не мечтай, – возразила я, смыкая руки на его шее.

* * *

Крис лежал рядом и гладил меня по волосам, пока умиротворение и сон не начали снова одолевать меня. Потом он тихо высвободил руку из-под моих плеч и поднялся.

– Останься со мной, – сонно попросила я. – Мне не будет тесно, правда.

– Тебе нужно восстанавливаться. Я буду совсем рядом.

Я разочарованно вздохнула.

– Ну же, выше нос, – мягко сказал он и добавил то, что заставило меня покраснеть: – Это не последняя наша ночь вместе. Я обещаю.

«Наша ночь». Из его уст эти два слова звучали так особенно.

– Прости меня еще раз за все эти травмы, – склонился надо мной Крис. – Я не только не смог уберечь тебя, но и умудрился навредить.

– Ничего. Ты уже расплачиваешься, – буркнула я. – Например, сном на этой жуткой раскладушке.

– Ты чудо, – заявил мне он. – Ты знаешь об этом?

Крис ушел в дальний угол палаты. Я наблюдала из-под прикрытых ресниц за тем, как он снимает рубашку и натягивает футболку. Внезапно мои глаза широко раскрылись: даже в полумраке я отчетливо увидела, что на его груди и руках нет живого места – сплошные гематомы и ссадины. И все из-за меня.

Ничего, придет время, и лечащим доктором буду я. В моем распоряжении тоже есть лекарство, Крис, и я точно знаю, что оно лечит: я поставлю поцелуй на каждом твоём синяке...

5. Переполошить сонное царство

Я проснулась и ахнула: жалюзи огромного окна с видом на горы были подняты, и в палату лил рекой солнечный свет. Над бирюзой озера, в роскошно-синем, безоблачном, бескрайнем небе, парили, поблескивая крыльями, птицы.

– Доброе утро, спящая красавица. Я думала, что это мне принадлежит абсолютный рекорд по количеству часов в объятиях Морфея. Но ты потеснила меня с пьедестала.

Я оторвала взгляд от окна и увидела сидящую у моей кровати Изабеллу. То есть, сидящего... как же его зовут... Черная рубашка с кармашками на груди – такие носят полицейские в кино, сияющее золото волос, солнечные очки на лбу.

– Доброе утро, Альцедо, – я на всякий случай покосилась на свою грудь: не сползла ли больничная рубашка. Надеюсь, слюни во сне я тоже не пускала...

– Значит, Крис рассказал тебе и это? – усмехнулся он. – А я уж было настроился на милые девчачьи разговоры, ну, знаешь там... духи, туфли, восковая эпиляция.

Я нервно хихикнула. Духи я люблю таскать у Анны, туфлям предпочитаю кеды, а эпиляция... Единственное, что я могла бы рассказать по поводу нее, – это как горько я рыдала, когда поняла, что мне не хватит мужества сорвать с ноги проклятую восковую полоску.

– Боюсь, я не слишком сгожусь для таких разговоров.

– Да-да, невинность – это так мило, – понимающе улыбнулся Альцедо.

Теперь я рассмеялась от души. Слышать подобную фразу от сидящей напротив тринадцатилетней девочки было страх как весело.

– А где Крис? – спросила я, поборов приступ смеха.

– Вернется, как только разделается с делами. Мамочка с тетушкой подкинули ему работенку, – хохотнул он. – Кстати, это тебе.

Альцедо сунул мне в руки конверт, я распечатала его и увидела несколько строк, написанных тем самым красивым почерком, который оказал бы честь любому старинному фолианту: «Я должен уехать и провести это утро не с тобой, а в компании лысеющих и потеющих акционеров Уайдбека, я, видимо, чем-то прогневил небеса:) Вернусь так скоро, как только смогу. Я люблю тебя. Крис. P. S. Если Альцедо будет наглеть, смело посылай его к черту. Он так давно не общался с девушками,

что наверняка забыл, как это делается».

– Дашь почитать? – ухмыльнулся Альцедо, хрустя яблоком и потряхивая белокурыми кудряшками.

– Иди к черту, Альцедо, – рассмеялась я.

– О, чувствуется школа Криса, – расхохотался он. – Поехали, детка, переполошим это сонное царство.

* * *

Альцедо вез меня по широкому коридору к выходу. Как же мало это место походило на клинику. Роскошный интерьер, высокие потолки, мраморный пол, даже картины импрессионистов на стенах. Черт возьми, это место может брать деньги только за то, чтобы пройтись коридорами...

– Как тут красиво... Никогда не видела ничего подобного.

– Мало кто из обычных людей видел нечто подобное. Это не какая-то там больница. Это клиника для реабилитации десульторов.

– Да? – пискнула я.

– Да. Большинство пациентов – десульторы, проходящие курс реабилитации, подлечивающие тела, которые им достались.

– А врачи тоже десульторы?

– Врачи, спецназ, пилоты, детективы, телохранители, обслуживающий персонал – почти все они обычные люди, которые считают, что работают на некую влиятельную организацию. Мало кто знает, кому эта организация покровительствует, и тем более об особенностях генетики десульторов. Ну разве что некоторые, особенно приближенные к семье...

Альцедо выкатил мое кресло на улицу и повез меня по дорожкам роскошного сада. Сколько же здесь было цветов, необычных деревьев, старинных деревянных скамеек. Анна полжизни отдала бы, только бы взглянуть на все это одним глазком... Альцедо пристроил кресло возле беседки, увитой жимолостью.

– Хочешь попробовать встать? Посмотрим, в каком состоянии нога.

Я встала и с его помощью даже смогла сделать несколько шагов.

– Нормально. Восстанавливаешься быстро. Думаю, через недельку уже можно снимать бинты.

Он помолчал, сосредоточенно разглядывая меня, и добавил:

– Идиотски, конечно, вышло. То, что ты получила пулю от нашего же человека... Пуля пробила стекло и срикошетила от приборной доски. Кто бы мог подумать... Кстати, его зовут Асио. Восстанавливается в этой же

клинике. Все то же самое, что и у тебя: перелом ребра, внутреннее кровотечение и сотрясение. Только в более тяжелой форме.

Чувствую укол совести, потом неудержимое чувство гордости за Криса (да мой возлюбленный ни много ни мало – смертоносная машина!) и снова укол совести... **Я** поковыряла концом тапочки золотистый гравий, рассыпанный под скамьей, и решительно начала:

– Альцедо, я видела, как ты сражался за меня со своими же людьми, и благодарна тебе за это. Наверняка ты сделал это не ради меня самой, а ради Криса, но... тем не менее я бесконечно ценю это.

– Не за что, – неожиданно тепло ответил он. – Надеюсь, те воспоминания, которые мы спасали, стоили того?

Я почувствовала, что заливаюсь румянцем.

– О, вижу, что стоили, – добродушно захихикал он.

Мимо нас прошли двое, мужчина и женщина. Наверно, тоже пациенты этой клиники. Они кивнули Альцедо, тот кивнул в ответ. Я заметила их пристальные, заинтересованные взгляды и только сейчас сообразила, что это уже не первая порция подобного внимания, адресованного мне за сегодня.

– Я никогда не страдала паранойей, но мне кажется, что все в этой клинике так странно... смотрят на меня.

– Они смотрят на меня, – лениво проворчал Альцедо. – Я здесь что-то вроде знаменитости.

– Seriously? – удивилась я.

– Нет, – сдался он. – Конечно же, они смотрят на тебя, моя милая.

– Почему?

– Выкосить отряд собственных людей ради какой-то... девушки – шутка ли? Ради тебя Крис нарушил несколько важных правил. Конечно же, им любопытно посмотреть на ту, из-за которой Крис демонстрирует такие выраженные признаки безумия.

– Любовь – это безумие?

– Безумнейшее из безумий, – закивал Альцедо, глядя на меня со странной улыбкой.

– Я не очень понимаю, – пробормотала я и вдруг вспомнила выражение лица Криса, когда он просил научить его любить «без страха и сомнений». Я определенно не знаю еще чего-то...

Следом за Альцедо явилась Диомедея – сияющая и искрящая, как фейерверк. Она села рядом и сунула мне в руки какой-то сверток.

– Открывай!

Я наспех разделалась с двойным слоем оберточной бумаги и вытащила книгу. Страницы были испещрены ровными столбцами строк.

– Снова стихи?

– Они самые, – лениво улыбнулась Дио. – Страница двадцать девять, там мое любимое.

Но как только я начала искать страницу двадцать девять, Дио остановила меня:

– Почитаешь, когда останешься одна и нечем будет заняться. Лучшее время для поэзии – одиночество, – и, мгновенно меняя тему, добавила: – Есть что-то, чего тебе сейчас здесь не хватает? Книги, косметика, может, хочешь какой-то особенной еды?

– Я хочу Криса, – пробурчала я, и мы обе рассмеялись.

– Боюсь, сейчас он очень занят.

– У исполняющего обязанности генерального директора очень много дел?

– Ты уже в курсе, да?

– Немного.

– Более подходящей кандидатуры нет. Отец сейчас ушел в прыжок. Понимаешь, о чем я? Он очнулся в другом теле черт знает где и еще не дал о себе знать. Ники, гендиректор, ближайшие пару месяцев будет учиться держать ложку в руке, ей не до того. Тела успевают сильно атрофироваться за время долгой комы, нужен покой и время на восстановление. Наш старший брат, Кор, – там же, в реабилитации... Хотя думаю, даже если бы он был в порядке, то никто не доверил бы ему управление Уайдбеком. Боюсь, Кор еще не наигрался в свои игрушки. Ни я, ни Альцедо не горим желанием взять на себя такую ответственность. Наша мать может возглавить Уайдбек, но она готова отказаться от этой должности в пользу того, кто, по ее мнению, давно готов к подобной миссии.

– Это Крис, – разулыбалась я.

– Ага. Есть еще Неофрон. Мой жених. Он формально не принадлежит нашей семье. Пока, – лукаво добавила Дио. – Но тем не менее, мама доверит ему Уайдбек, если Крис откажется... и есть еще кое-что, что заставит его принять Уайдбек в свои руки. Ему наверняка захочется внести кое-какие изменения в одну важную книгу. Переписать одну из основополагающих глав. Крис говорил тебе что-нибудь об Инсанье?

– Инсанья? Нет. Впервые слышу.

– Расскажет, – сказала Дио, глядя на меня так же загадочно, как смотрел Альцедо, говоря о «безумнейшем из безумий».

Больше я не смогла добиться от нее ни слова. Ну и ладно, все равно рано или поздно все завесы спадают, все туманы рассеются, волны отступят в отливе и обнажат самое дно.

– Тогда вот что, – улыбнулась я. – Может быть, ты знаешь? Почему Криса называли в честь орла?

Дио откинулась на спинку кресла и блаженно откинула голову. Разговор о брате и воспоминания о детстве явно доставляли ей удовольствие.

– С пеленок был серьезным, невозмутимым, не знающим страха ребенком. Не пускал никого ни в свою душу, ни в свою кровать, – захихикала Дио. – Выбрасывал из нее все игрушки. Рано бросил грудь и чуть не открутил палец Кору, когда тому вздумалось «поиграть с лялей». Меня тогда еще на свете не было, а то бы я с удовольствием на все это посмотрела.

Я мечтательно прикрыла глаза. Этот этюд из детства Криса внезапно наполнил меня нежностью и умиротворением. Теперь этот ребенок вырос, превратился в умопомрачительного мужчину и стал принадлежать мне. Интересно, что за подвиг я совершила в прошлой жизни, если в этой меня так наградили? Если мои кармические счета просто трещат по швам от зачисленных средств.

* * *

На часах была уже четверть второго, а Криса все еще не было. После ухода Диомедеи я успела привести себя в порядок, прочитать кучу стихов из подаренной ею книги, посмотреть телек, поболтать с медсестрой на своем неуклюжем немецком и даже проголодаться. В половине второго дверь в мою палату наконец приоткрылась, и – я задержала дыхание от удивления. В комнату вошла невысокая, но статная брюнетка в строгом темном платье. Усталое, немного надменное выражение лица, гладко убранные волосы, прохладный взгляд. Она была бы похожа на вдову, если бы не слишком богатое ожерелье на шее и не слишком кокетливые серьги. На пальцах – пара крупных колец, на сжатых губах – аккуратный слой коралловой помады, в венах, как пить дать, – голубая-преголубая кровь. Я почти обрадовалась тому факту, что лежу в кровати и не могу встать, иначе бы точно подскочила и присела перед этой дамой в реверансе – до того

роскошно она выглядела.

– Лика? – поинтересовалась она, пристально разглядывая меня с головы до ног.

– Д-да, – сказала я и зачем-то добавила: – Мадам.

– Крис был против этого визита, поэтому я буду благодарна, если это останется между нами, – незнакомка опустилась в кресло рядом с моей кроватью.

– Хорошо, – кивнула я, пока даже определенно не представляя, кто она и откуда знает Криса.

– Он перестанет со мной разговаривать, если узнает о деталях этого разговора, но я все же обязана спросить: какая сумма послужит вам компенсацией за доставленные неудобства и удержит вас от обращения в полицию?

Я пару раз медленно моргнула, собирая воедино остатки мыслей.

– Я не собираюсь обращаться в полицию, честное слово.

– Боюсь, одного вашего слова мне недостаточно. Я убеждена, деньги хранят молчание куда лучше честного слова.

– Послушайте. Ресторан принадлежит семье того, кого я люблю. Похитивший меня человек приходился братом тому, кого я люблю. По-вашему, я смогла бы так его подставить?

Женщина поморщилась, как будто услышала какую-то откровенную чушь.

– Любовь... Час от часу не легче, – пробормотала она скорее себе, чем мне, и потерла лоб.

– Кто вы?

– Тот человек, который расхлебывает последствия их ссор вот уже двадцать с лишним лет. Начиная с йода на ссадины от бесконечных драк и заканчивая плачущими девушками.

«Бог ты мой!»

– Вы его мама?

– Она самая, – вздохнула женщина.

– Со мной вам не придется расхлебывать никакие последствия. Что мне сделать, чтобы вы поверили мне? Я не держу зла на Кора, наоборот, буду только рада, если эта вражда закончится и они оба успокоятся. Я не хочу снова видеть разлетающиеся вдребезги головы!

Женщина смотрела на меня с плохо скрываемым изумлением.

– Вы знаете, что Кор жив? Крис рассказал вам о десульторах?

– Э-э-э... Да.

Она встала, быстро и решительно, и протянула мне руку.

- Вы должны пойти со мной.
- Я не могу идти, – пробормотала я.
- Я помогу вам пересест в кресло. Пожалуйста, Лика!

Я подчинилась. Женщина помогла мне пересест в каталку, выкатила меня из палаты, и мы понеслись по коридорам черт знает куда. Один коридор, еще один, лифт, снова коридор. Мимо проносятся стены, светильники, полотна импрессионистов. Расступаются врачи и пациенты, и каждый чуть не падает ниц, увидев саму повелительницу Уайдбека. Бронированная дверь с кодовым замком – и мы очутились в каком-то странном месте: кажется, здесь больше охранников, чем врачей. Мое кресло-каталка с размаха въезжает в чью-то роскошно обставленную палату, и я вижу незнакомого мужчину в кровати, который лежит, сцепив над головой руки и блаженно прикрыв глаза. Лет тридцать на вид, темные волосы, бледная кожа, давно не видевшая солнца, массивная татуировка на плече. На голове наушники, и он в такт постукивает пальцами по подлокотнику кровати.

Хозяйка Уайдбека подкатила меня чуть ли не к самому краю его кровати, стащила с его головы наушники и громко – так, что этот мужик чуть с кровати не упал – объявила:

- А теперь извинись перед ней, Кор.

* * *

Глаза – темно-карие, смеющиеся, циничные – изучают мое лицо.

- А кто это? – хрипло говорит он. – Я ее не знаю.

– Еще как знаешь, – перебивает его мать. – Она может стать либо врагом, либо союзником, Кор, и я надеюсь, тебе хватит ума помочь мне сделать ее союзником. Поэтому ты извинишься за свое свинское поведение прямо сейчас.

– Я не буду извиняться, – нагло улыбается Кор. – Законы Уайдбека едины для всех, так? Тогда не хочешь сначала сказать ей то, что сказала моей невесте?

Его мать замирает в нерешительности.

- Давай, мам, – подбадривает ее Кор.

Ну и наглец.

– Хорошо, я расскажу сам, если тебе так трудно! – паясничает он. – Дорогуша, мой брателло будет нянчиться с тобой от силы три года. А потом вам придется расстаться. Без вариантов.

– Я в курсе. Он должен будет сменить тело, потому что дольше трех лет его душа в нем не удержится. Мне придется расстаться с телом, но я отказываюсь отпускать его душу.

– Вот те на! – оглушительно рассмеялся Кор, раскидывая в стороны свои ручки. – Пока ты тут грозишь мне кнутом, наш драгоценный Крис нарушил еще один из основополагающих законов Уайдбека! Выложил девчонке все о десульторах. И кто он после этого? Даже я не опускался до такого!

Его мать явно растерялась. Я оглянулась через плечо, и мне стало жаль ее. Сейчас она так была похожа на Анну в тот момент, когда пыталась наставить Феликса на путь истинный. Пока тот демонстративно отвергал эти попытки.

– Скажи мне, мам. Как человека, нарушающего все мыслимые правила, могли назначить исполняющим обязанности директора? – гнул свое Кор.

– Он ничего не нарушил, – твердо сказала я.

Кор перестал терзать мать и посмотрел на меня – посмотрел как на жалкую говорящую букашку. Но я выдержала этот взгляд.

– Он не нарушил никаких правил, потому что я – тоже десультор.

В палате воцарилась мертвая тишина. Улыбка вмиг слетела с лица Кора, его мать присела на край кровати – прямо напротив меня. Такая же бледная, как простыня, на которой она сидела.

– Я тоже могу перемещаться в тела других людей. Правда, немного по-другому. Меня выбрасывает не на три года, а на несколько минут, в тела живых и на небольшое расстояние. Но тем не менее я тоже десультор. Облегченная версия десультора. И я рада, что нашла себе подобных, иначе рано или поздно я бы закончила свою жизнь в психбольнице.

Еще одна пара лиц, достойная картины в позолоченной раме.

– Вы не верите мне? Я могу прямо сейчас прыгнуть в тело вашего сына и рассказать вам... ну, например, какие бывают камелии. Описать два десятка сортов. Ваш сын их точно не знает, а я работала в цветочном магазине.

– О, Пресвятая Богородица! – вдруг вскочила мать Криса и обняла меня так, что моим ребрам снова пришлось несладко. – Десультор! Мои молитвы услышаны!

Я смущенно приобняла ее в ответ. Ее плечи дрогнули – она плакала! Обнимала меня своими аристократичными руками и плакала. Понятия не имею, почему тот факт, что я десультор, привел ее в такое волнение, но если это слезы радости и от меня больше не будут пытаться откупиться, то

бога ради!

– А можно выключить эту «Санту-Барбару»? – фыркнул Кор.

И, видя, что ни одна из нас не реагирует на его болтовню, добавил:

– Добро пожаловать в наше чокнутое семейство, облегченная версия десультора.

* * *

Следующий час я провела за чашкой кофе с самой Аджайей Фальконе-Санторо. Кофе подали прямо ко мне в палату. Вместе с блюдом каких-то немисливо красивых пирожных и печенек. Что-что, а печенье я люблю.

– Ой, имбирное...

– Ешь деточка, ешь, – умиленно подбодрила меня она. – Все дети должны хорошо есть.

Только к концу разговора я сообразила, как ненавязчиво и незаметно эта королева Уайдбека выяснила, кто я, сколько мне лет, откуда я родом, кто мои родители, не было ли у меня швейцарцев в предках, как мы познакомились с Крисом и что я планирую делать со своей жизнью. На заключительный вопрос у меня не нашлось ответа. В последнее время я занималась чем угодно, только не планированием своего будущего.

– Ничего, – приободрила меня Аджайя, – ты так молода. И так жизнерадостна. А мир принадлежит тем, кто ему рад. Что бы ты ни решила, Уайдбек поможет тебе обрести себя. Мы не оставляем таких, как мы.

Теперь пришло мое время прослезиться, во мне было столько благодарности – ни объять, ни измерить. Но Аджайя не успела меня утешить: зазвонил ее телефон, она приложила трубку к уху, перебросилась с кем-то парой слов и тут же засобиралась.

– Крис уже здесь, так что я улетаю, дитя мое. Он стережет твой покой, как Цербер, так что лучше бы мне не попадаться ему на глаза. Доедай, доедай печенье!

* * *

Я и Крис сидели за столиком в кафе клиники и не сводили друг с друга глаз. Только что в моей палате он целовал меня так, как будто не видел пять лет. Целовал так, что меня чуть не выбросило. Нам пришлось остановиться

и предпринять что-то более невинное. Например, отправиться в кафе и заказать два стакана чая со льдом. Холодные закуски. Мороженое. Все что угодно, только бы погасить бушующий внутри пожар. Мы ели и хихикали, как дети, как двое сумасшедших, сбежавших из психушки, как двое заговорщиков, только что на миллион ограбивших банк. И даже десятки пристальных, подозрительных, изумленных взглядов не могли вернуть меня на землю. В самом деле, что такого? Можно подумать, что в этом месте никто никогда не влюблялся!

Но в каждом райском саду обязательно найдется жалящая пчела: в кафе вошла незнакомая мне женщина и отправилась напрямик к нашему столику. Не просто женщина, а – что-то подсказывало мне – одна из *них*. Она не походила на пациентку этой клиники – ее уверенные, стремительные шаги не оставляли никаких сомнений в том, что она абсолютно здорова. Под тонкой тканью ее платья легко угадывалось движение ее подтянутого, роскошного тела – тела фото-модели, которое могло бы украсить собой обложку любого глянцевого журнала. Я нервно сжала в кулаке вилку, потом усилием воли разжала пальцы и положила ее на стол. Крис повернул голову только тогда, когда женщина обдала нас волной пьяняще-сладких духов и села на стул, который легко подхватила возле соседнего стола.

– Привет, я Эланоидес, – она протянула мне мягкую загорелую ладонь с прекрасным маникюром и широким золотым браслетом.

– Лика, – я неуверенно пожала ее руку и тут же выпустила.

– Я знаю, может, это немного бестактно нарушать ваше уединение, но лучше уж я умру от стыда, чем от любопытства, – улыбнулась она. – Крис, она просто красавица.

«Красавица? Кто, я?»

– Это твое родное тело или донорское? Только не говори, что родное, а то я просто позеленею от зависти. Крис уже говорил мне, что ты тоже десультор, так что не смущайся.

– Родное, – сказала я, но эта красotka уже потеряла ко мне интерес.

– Я здесь случайно, – повернулась к Крису она. – Договорилась провести кое-кого из знакомых, а потом выяснилось, что твоя малышка в этой клинике, Крис, а заодно и ты с ней. Прости, все знают, так что я не стала исключением. И вообще вся эта история с агентами на слуху, надеюсь, ты в порядке.

– В порядке, Элли. Как никогда прежде, – он посмотрел мне в глаза, и я поняла, что его слова адресованы скорее мне, чем ей.

– Ох, как я рада, что кто-то наконец надрал агентам задницы, эти

мужланы иногда просто несносны. Поправляйтесь оба! А мне пора, – Эланоидес протянула Крису руку, встала, поправляя платье на крутых бедрах и сказала мне то, от чего мое лицо одеревенело:

– Наслаждайся его чудным телом, bambino. В следующем прыжке ему может повезти куда меньше.

Потом она наклонилась к Крису и тихо сказала ему то, что, пожалуй, следовало бы сказать еще тише, а лучше в мое отсутствие:

– Прости за мою настойчивость в ту ночь в «Гнезде», я немного набралась. Да и не знала, что твоя девочка такая миленькая. Надо было тебе сразу сказать мне.

Эланоидес скользнула ладонью по его плечу – так, что моя рука снова непроизвольно сжала вилку, – весело распрощалась и выпорхнула из ресторана.

Я смотрела ей в спину, искренне надеясь, что мое лицо не подведет меня, что оно будет хотя бы не ярко-алым и не перекошенным от возмущения.

– Ее иногда заносит, – сказал Крис, сжимая мои ладони, – но вообще она хороший человек. Искренний и не способный на подлости.

Я сделала глубокий вдох, пытаясь одолеть дичайший приступ ревности, и улыбнулась Крису, но улыбка точно вышла жалкой. Шлейф ее духов – мед вперемешку с тлеющим древесным углем – все еще витал вокруг, как пар от колдовского котла. Изображение ее руки, скользящей по плечу Криса, въелось в мою сетчатку.

– Эй, – голос Криса долетел откуда-то издалека. – Что случилось?

– У вас с ней... было что-то? – пробормотала я.

– Очень давно, – ответил он. – Когда мы были еще подростками. Иди сюда...

Крис передвинул стул, приподнял меня и усадил к себе на колени. Я не сопротивлялась, вжалась лицом в его рубашку и сложила руки на его груди.

– Я хотел отложить этот разговор на потом, когда ты совсем поправишься, но, видимо, придется начать сейчас, – нахмурился он. – Элли не хотела обидеть тебя или заставить ревновать. Ты же расстроилась именно из-за этого ее прикосновения ко мне?

Я кивнула, сглотнув болезненный комок в горле.

– Она не представляла, что может вызвать в тебе ревность, потому что она... не знает, что такое ревность.

– В смысле?

– Ревность – это обратная сторона любви. А десульторы не влюбляются. Черт его знает почему, то ли это генетический сбой, то ли

проклятие, но десульторы крайне редко теряют голову. Почти никогда. И иначе как безумием это чувство не называют.

И тут я вспомнила реплику Альцедо о том, что «любовь – безумнейшее из безумий», и теперь начала догадываться, что он имел в виду.

– В самом деле? Чувство влюбленности десульторам в новинку?

Крис ответил мне такой улыбкой, от которой у меня снова свело низ живота.

– В новинку – это мягко сказано.

Он начертил линию на моей ладони и продолжил:

– Люди сталкиваются с любовью с детства, испытывают ее снова и снова, прежде чем окончательно поймут, каково это – любить, и как жить с этими чувствами. Так? Родители, культура и искусство с пеленок убеждают их, что романтическая любовь – это благо, что это прекрасно и однажды случается со всеми. Матери умиленно вздыхают, когда чадо испытывает муки первой любви, друзья с улыбкой хлопают по плечу, так что к моменту, когда это наконец случается с тобой, ты уже примерно знаешь, чего от всего этого ждать. Но представь, каково влюбиться, не имея подобного опыта. Все равно что провалиться с головой под лед. Иногда мне кажется, что я просто слепой котенок, совершающий одну ошибку за другой...

– Для слепого котенка у тебя прекрасно получается, – возразила я. – Крис, твое сердце способно на большее, чем сердца очень многих людей. А ошибки можно исправить.

– Так было не всегда, – вздохнул он. – И есть ошибки, которые невозможно исправить.

Я накрыла ладонь Криса своей, чувствуя, что подошло время для разговора о том человеке, о котором мы еще никогда не говорили, но обязаны были поговорить. Тонкий, ускользающий призрак этой девушки так часто появлялся передо мной в воздухе, что я почти перестала нервничать, когда о ней заходила речь:

«Но не может же он встречаться с психопаткой, правда? Хотя... Ах да, конечно, может. Крису в этом плане всегда везло...»

«Детка, ты слышат, что случилось с предыдущей подружкой Криса? Спроси у него и узнаешь, почему он так носитя с тобой!»

«Покажи ему эту фотографию и попроси рассказать, кто это...» Разговор об этой девушке был последним невидимым барьером, преодолев который, мы впредь сможем преодолеть все что угодно. Но этот разговор должен был состояться не здесь – не в этом кафе, под прицелом десятков глаз, и даже не в моей палате. Лучше бы нам поговорить там, где никто не

помешает, где не будет ни медсестер, ни посетителей, ни писка аппаратуры, никого и ничего, нарушающего гармонию нашего уединения. И если этот разговор будет слишком тяжел, то я готова облегчить его любым из доступных мне средств. Я подняла голову и встретила взглядом с Крисом:

– Я хочу, чтобы ты рассказал мне о ней. Но не здесь. Забери меня отсюда? Забери меня к себе домой.

6. На небесах

– Нет, ни один разговор, и этот тем более, не стоит того, чтобы прерывать твоё лечение.

– Не нужно ничего прерывать. Все, для чего я тут нахожусь, это регулярный прием таблеток и смена бинтов на ноге. Вчера вечером ты сам выбирал дозировку обезболивающего для меня, а несколько месяцев назад, помнится, зашил мне руку так, что не осталось даже следа. Не поверю, что ты не справишься с перевязкой или выдачей лекарств. Я не хочу больше находиться здесь. Я хочу быть там, где ты сможешь нормально спать по ночам и не будет всего этого назойливого интереса со стороны твоих друзей. Это немного тяжело с непривычки...

Он решительно запротестовал:

– Лика, ты была серьезно ранена. Некоторые виды лекарств ты сможешь получать только здесь. И мне придется отлучаться время от времени, а я бы не хотел, чтобы ты оставалась одна.

– Да я же не при смерти! У меня всего лишь сотрясение и небольшая рана. Я справлюсь и без особенных лекарств. И что со мной может случиться, если ты уйдешь? Я не сую пальцы в розетку и не надеваю на голову полиэтиленовые пакеты, – рассмеялась я и, не видя ответного веселья на его лице, добавила: – Крис, серьезно! Если ты будешь уходить, я буду звонить тебе так часто, как ты того потребуешь. Черт, я даже согласна на сиделку...

– Кто учил тебя искусству убеждения? Дьявол-искуситель? – проворчал он.

Девушка-пациентка, сидящая за соседним столом, опрокинула на себя стакан сока, когда Крис запустил пальцы в мои волосы, притянул к себе мое лицо и поцеловал в губы, в лоб, в ладонь.

* * *

Мои вещи были собраны и упакованы за пять минут. Я сидела в кресле-каталке и слушала, как Крис говорит с кем-то по-итальянски по телефону, улаживая какие-то непостижимые для меня дела. Наконец он спрятал телефон и повернулся ко мне:

– Готова?

– Почти, – кивнула я. – Есть небольшое дело, это не займет много времени. Если ты позволишь...

Я объяснила Крису, что к чему, и он был не против. Подхватил сумку с моими вещами – так легко, будто она ничего не весила, – и направил мою каталку в противоположное крыло клиники, по хитросплетениям широких, залитых ясным светом коридоров.

Мы подъехали к прозрачной двери, за которой я увидела человека в белой больничной робе. Его голова была откинута на подушку, но он не спал. Сейчас, без экипировки и балаклавы, я наконец смогла впервые рассмотреть его: лет тридцать на вид, суровое, утомленное лицо, длинные русые волосы разбросаны по плечам. Он был чем-то похож на бога Тора из одноименного фильма: наверно, я бы не удивилась, если бы обнаружила лежащий рядом с кроватью Мьельнир^[53].

– Здравствуйте, Асио, – сказала я по-немецки. – Вы помните меня? Мне жаль, что так вышло. Жаль, что не нашлось иного способа обо всем договориться...

– Не извиняйтесь, синьорита, – ответил тот по-немецки с сильным итальянским акцентом. – Жизнь – борьба, сокол не должен извиняться за то, что ловит голубку, а голубка не должна извиняться, если выключает соколу глаз.

– Этот мир был бы куда лучше, если бы голуби и соколы жили в мире, – вздохнула я.

– О, тогда соколам пришлось бы клевать зерно, утратить клюв и когти, разжиреть и превратиться в голубей. А голуби потеряли бы интуицию, легкие крылья и заодно небеса вместе с ними. Борьба украшает жизнь, синьорита, поверьте. Ни о чем не жалеете и ни перед кем не извиняйтесь.

«Философы в спецназе Уайдбека? Так бывает?»

– Мне тут рассказали, что если бы вам дали приказ защищать меня, то вы бы защищали меня до последней капли крови.

Асио подмигнул мне, приставил два пальца к воображаемой фуражке и сказал:

– Приказ защищать вас я бы исполнял с куда большей охотой, синьорита.

– Спасибо, – смутилась я.

– Передайте Крису, что благодаря ему нам придется пересмотреть нормативы Уайдбека по подготовке бойцов.

– С удовольствием, – улыбнулась я.

Я почувствовала необычайное облегчение, объяснившись с этим человеком. Словно преодолела еще один барьер между мной и миром

Криса. Я попрощалась, вышла из палаты, и любимый сомкнул руки на моей талии.

– Мне поручено передать, что благодаря тебе им придется пересмотреть нормативы Уайдбека по подготовке бойцов.

– Размечтались. Сначала будут уроки этикета и запрет атаковать женщин, – буркнул Крис. – Стыдно за них, честное слово...

Крис усадил меня в кресло и опустил передо мной на корточки.

– И... есть еще кое-что Лика. Прежде чем мы уедем отсюда..

Он был очень взволнован, я заметил отблески смущения где-то в глубине его глаз.

– Я должен показать тебе свое тело. Свое настоящее тело. Оно тоже здесь. Правда, сейчас оно выглядит не лучшим образом. Но ты хотя бы будешь иметь представление о том...

– Крис, – я сжала его ладонь и послала ему ободряющую улыбку. – Я ужасно хочу посмотреть на тебя, но пусть наше «знакомство» начнется не в больничной палате, не там. Я знаю, как трудно произвести впечатление, будучи прикованным к койке. Сама не раз была в таком положении. Поэтому... Пусть все начнется не так. Я хочу увидеть тебя таким, каким тебя привыкли видеть родные, – например, на фотографиях, где ты смеешься, веселишься, проводишь время с друзьями... я уверена, что потеряю голову, как только увижу этого парня, – лукаво добавляю я.

– Лика, – сказал Крис, и я удивилась, как много нежности может уместиться в звук моего имени. – Минуту назад я ломал голову, как бы не испугать тебя своим телом, и вот внезапно уже ревную тебя к нему. Как тебе это удастся?

Я рассмеялась, рассмеялась слишком громко и счастливо для человека с простреленным бедром, треснувшим ребром и множественными ушибами.

* * *

Солнечный свет в конце коридора – нам туда. Навстречу шагает небольшая группа врачей в свежестуженных халатах. Стоп, Крис, притормози! Я задираю голову, разглядываю проходящих мимо людей и в следующую секунду едва не подсакиваю от удивления. Я не ошиблась? Таня? Алькина тетя? Та самая, у которой мы гоняли чай в Киеве? Да не может быть!

– Таня?! – громко кричу я.

И девушка, которая едва не проскочила мимо, останавливается и ищет глазами источник окликнувшего ее голоса. Я начинаю махать руками, как ветряная мельница, и ее глаза широко распахиваются.

– Лирика?! – изумленно восклицает она. – Что ты здесь делаешь?!

– А ты?!

– Работаю в той самой швейцарской клинике, о которой тогда тебе говорила, – ошарашенно улыбается она и тут же со страхом переводит взгляд мое кресло-каталку. – Ты в порядке?! Как ты здесь очутилась?

– Э-э-э... Да вот приехала в Швейцарию и ногу подвернула на экскурсии, пустяки, – безбоянно вру я.

Таня переводит взгляд на Криса и хмурит лоб:

– Мы с вами встречались раньше? Ваше лицо кажется мне смутно знакомым.

Крис что-то отвечает ей по-итальянски, наверняка что-то вроде «я не говорю по-русски», и эта внезапная конспирация смешит меня до слез.

Таня пишет мне номер своего швейцарского телефона, крепко обнимает и желает всего самого лучшего. Вот это встреча! Напоследок она снова подозрительно оглядывается на Криса и снова вопрошает, на этот раз по-английски:

– Вы уверены, что мы нигде не встречались?

– I don't think so^[54], – отвечает тот, качая головой и талантливо изображая спешку.

– Ты знаешь ее? – начинаю пытаться Криса я, как только мы продолжили путь по больничному коридору.

– Да, – кивает мне он с лукавой улыбкой. – Только в момент знакомства я вел себя не самым лучшим образом, так что лучше бы ей меня не помнить. Я тебе потом все расскажу...

– Это ты предложил ей работу в этой клинике?! – восклицаю я.

– Тс-с-с, – зажимает мне рот Крис, и мы оба смеемся, как ненормальные.

Я оглядываюсь через плечо и ловлю его веселый взгляд. Да мой парень просто душа, хотите верьте, хотите нет.

* * *

Мы остановились на подземной парковке, сверкающей хромом и светоотражающей краской. Крис открыл мою дверцу, поднял меня на руки и направился к дверям лифта. Я чувствовала тепло его ладоней,

обхвативших мою спину и бедра, и ощущала, как во мне затягивается тугая-претугая пружина...

Крис остановился у дверей лифта и осторожно опустил меня на землю.

– Вот куда мне следовало увезти тебя сразу с аэродрома...

– Да, тогда тебе не пришлось бы сейчас тащить меня на руках, – улыбнулась я, морщась от боли в бедре.

– Если бы я хотя бы отдаленно представлял, что в ресторане тебе может что-то угрожать, то мы бы поели и поговорили у меня дома. Единственная сложность заключалась бы в том, как не смутить тебя до смерти этим предложением.

– Ну... Да... Вообще-то я не езжу к парням домой на первом свидании.

Крис посмотрел на меня с веселой улыбкой. Двери лифта бесшумно открылись, и моя судьба взяла меня за руку и повела за собой.

Я представить не могла, что дом Криса будет так невообразимо хорош. Я оказалась в большом двухуровневом пентхаусе с окнами от пола до потолка. Закатное солнце залило все теплым медовым светом. Одна из стен была полукруглой, а посреди квартиры тянулась вверх винтовая лестница из дерева и черного металла. Но об интерьере я тут же забыла. Как забыла обо всем остальном. Везде, где только можно, стояли вазы с белыми цветами, под потолком парили на золотых нитях розовые и красные воздушные шары, а на противоположной стене висел большой бумажный плакат с одной-единственной фразой. Я прочитала ее, и мои глаза заволкло слезами.

«Если ты здесь, значит, мне больше не о чем мечтать».

Я остановилась на пороге, едва дыша, и сквозь туман смотрела на это трогательное проявление его чувств. Меня целовали и до него, мне и прежде оказывали знаки внимания, но еще никто так не радовался одному моему присутствию. Крис привлек меня к себе, потрясенный странной переменной в моем настроении, и я заплакала в голос.

– Только не говори, что тебе здесь не нравится, а то верну тебя в больницу, – зашептал он мне в ухо, и я рассмеялась сквозь слезы.

– Очень нравится, очень. Мне до сих пор не верится, что я наконец здесь, с тобой.

– Мне тоже, – он стер мокрую дорожку с моей щеки.

– Когда ты все это успел?

– Не представляешь, как много можно сделать, имея телефон под рукой.

– Так вот кому ты звонил, когда мы уезжали из клиники...

– Ага. Надувальщикам шаров и рисовальщикам плакатов.

Я прижалась к нему, переполненная под завязку пьянящим ощущением, что жизнь наконец привела меня к той двери, за которой окажется мой самый большой подарок.

* * *

День медленно угасал. Вечернее солнце залило вершины Альп оранжевой глазурью. Крис заказал ужин, который привезли в белых картонных коробках, зажег огонь в камине и принес мне плед. Я сидела у него на руках и едва соображала после бокала вина и дюжины сводящих с ума поцелуев, которые он выдавал мне порционно, как лекарство, вопреки моим мечтам получить все и сразу. Я запустила ладонь под его футболку и провела по груди, с какой-то отчаянной радостью замечая, как напрягаются его мышцы под моими пальцами. Я и представить не могла, что просто гладить кого-то может быть так мучительно приятно. Крис смотрел на меня, а я на него. Моя рука спустилась к его животу, но он тут же поймал мою ладонь и придержал на месте.

– Крис, – взмолилась я.

– Нет, не сегодня, – вздохнул он.

– Почему?

Я недоумевала, к чему оттягивать то, что неизбежно случится не сегодня, так завтра, а не завтра, так послезавтра. Заняться с ним любовью было таким же естественным и здоровым желанием, как хотеть есть, спать или дышать. Я знала, что это случится в ближайшее время, и не сомневалась, что он тоже знает это. Я не относилась к тем девушкам, которые повинуются сиюминутным порывам, как не относилась и к тем, кто планирует близость только после клятв у алтаря. Я ясно чувствовала, что сделаю это, как только встречу человека, предназначенного мне судьбой. Теперь я обрела его, и моя внутренняя дверь, хранившая за собой всю мою нерастраченную страсть и нежность, едва держалась на петлях...

Но Крис крепко держал мою руку и не разрешал ей снова забраться под его футболку.

– Я хочу, чтобы ты окончательно выздоровела.

– Я здорова.

– Что я буду делать, если у тебя снова откроется кровотечение?

– Наложить еще одну повязку! – пробормотала я, невинно хлопая ресницами.

Крис глухо рассмеялся и с тяжким вздохом добавил:

– Ты не представляешь, как я хочу тебя. И не представляешь, каких усилий мне стоит держать себя в руках. Но я не смогу навредить тебе или сделать больно, даже если мне приставят пистолет к виску.

– Тебе придется сделать мне больно, по крайней мере один раз, – сказала я, не глядя на него и пряча на его груди пылающее лицо. – И я хочу этой боли. Прошу тебя.

– Лика, – приподнял мой подбородок он. – Не знаю как, но я планирую продержаться хотя бы три дня, и... ты должна помочь мне.

– Вот еще, – буркнула я и запустила обе руки под его одежду.

– Окей, два, – тут же сдался он, задерживая дыхание.

– Один. Один день, и отсчет начинается прямо сейчас.

– Повторюсь, но кто учил тебя искусству убеждения? Может, мне можно взять у него парочку уроков?

– Я могу дать тебе пару уроков, но плата окажется непомерно высока. По традиции Дьявол-искуситель берет всю душу.

– Она уже твоя, – сказал мне Крис, прижимая меня к себе как-то особенно нежно. – Вся твоя.

* * *

Мы обнимались у распахнутого настежь окна и дышали ночью. Над Альпами вошла луна – такая яркая, такая полная. Сколько поцелуев довелось ей увидеть, глядя с неба на землю все эти тысячи лет? Наверняка бесконечное множество, но я была не прочь показать ей еще парочку. Я просто не могла оторваться от своего парня. Да, пожалуй, мне нужно привыкать к этим двум словам в своей речи. «Мой парень». М-м-м... Только мой.

– Ну все, а теперь спать, – сказал Крис, снимая меня с подоконника и забирая у меня бокал. – Хочешь чего-нибудь перед сном?

– Исккупаться. Я так хочу принять душ, просто умираю.

– И давно ты его хочешь? Почему не сказала мне раньше?

– А раньше не хотела, – невинно пробормотала я. – Но как же моя нога? Ее можно мочить?

– Нет.

– Ну вот, – вздохнула я.

– Что-нибудь придумаем, – Крис ушел и вернулся через минуту с полотенцем. – Я приготовлю тебе ванну, а ты сможешь сама раздеться?

– Даже не знаю, – лукаво улыбнулась я.

– Только не говори, что не сможешь, иначе тебе придется купаться в одежде, – пригрозил он. – Держи.

Я взяла из его рук пушистое полотенце шоколадного цвета, и к тому времени, когда Крис снова вернулся, уже переминалась с ноги на ногу, завернутая в два слоя мягкой ткани. Он подхватил меня на руки и понес в ванную комнату.

Огромная ванна была только наполовину полной, из крана шла под напором горячая вода, на поверхности качались белые шапки пены, источающие умопомрачительный аромат жасмина. Крис поставил меня на пол, присел передо мной и начал снимать эластичную повязку с бедра. Каждый раз, когда его пальцы прикасались к моей коже, я задерживала дыхание. Боже мой, что же со мной будет, когда эти пальцы решат притронуться ко мне по-настоящему...

– Готово, – Крис легко шлепнул меня по ноге, и я уставилась на новый пластырь, закрывший собой почти треть моего бедра.

– С ним теперь можно купаться?

– Да. Он не пропускает воду. Иди сюда...

Крис опустил меня в воду прямо в полотенце, и пена тут же сомкнулась надо мной пышным ковром.

– Ну как?

– Как на небесах.

Я кое-как выпуталась из мокрого полотенца, как рыбешка из рыбацких сетей, вытащила его над водой и протянула ему.

– Небеса не так хороши, как горячая ванная, – улыбнулся он, выжимая полотенце. – Разреженный воздух, повышенная солнечная радиация и минус пятьдесят за бортом.

– Я вообще-то имела в виду рай, – вздернула нос я.

– Не уверен, что даже в раю будет хотя бы вполовину так хорошо, как здесь. Там мне наверняка не позволят сидеть с обнаженной девушкой в одной комнате, смотреть на нее с таким бесстыдством и думать то, что я думаю сейчас.

– Не уверена тоже, – хитро заулыбалась я. – Поэтому... учитывая это обстоятельство... предлагаю... – *«Давай, Вернер, тебе хватит смелости сказать это...»* – предлагаю не терять времени даром.

Крис отложил мокрое полотенце и повернулся ко мне. И в этот момент я приподнялась на локтях и... села ровно, расправляя плечи. Шапки пены больше не прятали меня от него. Моя кожа стала розовой от горячей воды, на лице выступили капли пота. Хорошо. Теперь он не заметит, как я

краснею, потею и едва не теряю сознание от волнения.

Его взгляд на долю секунды скользнул по моей обнаженной груди, потом остановился на моем лице, потом Крис молча наклонился надо мной и выключил воду. В два счета его руки вынули меня из ванной, завернули в сухое полотенце и подняли в воздух. Я сомкнула руки на его шее, украдкой исследуя его взволнованное лицо. Так, наверно, выглядят воины после долгой изнуряющей битвы. От и до – побежденный. От и до – мой.

* * *

Загорелый, черноволосый, с глазами, темными, как ночь, – мой возлюбленный похож на беркута, который несет полуживого лебедя к себе в гнездо. Мимо, как во сне, проносится пространство гостиной, лакированные поручни лестницы на второй этаж, и вот Крис вносит меня в комнату, в которой я еще не была. Я различаю в полумраке прямоугольник большой кровати, застеленной светлым покрывалом, и перестаю дышать. Если бы Крис поднес меня к краю пропасти, вряд ли бы я была взволнована больше. Он садится на кровать, не выпуская меня из рук, и поворачивает меня к себе лицом. Я устраиваюсь на его коленях, обхватив его бедрами и скрестив ноги за его спиной. Мне так уютно, так тепло, так небесно. Я берусь за его футболку, и он повинуется – стягивает ее с себя, как вторую кожу. Можно бесконечно долго смотреть, как течет вода, горит огонь и мужчина, от которого ты без ума, избавляется от одежды. Пока я зачарованно наблюдаю, как перекачиваются мышцы под его гладкой загорелой кожей, пока я обвожу пальцем каждый его синяк, он берется за мое полотенце. Берется, как за обертку подарка, – медленно, предвкушая...

– Я буду осторожен, но, бога ради, останови меня, если тебе вдруг станет больно, – выдыхает Крис, почти не отрываясь от моих губ.

– Да, – шепчу я.

– И сразу скажи мне, если почувствуешь приближение прыжка.

– Да.

– И постарайся не двигаться слишком... интенсивно.

– Нет. Не могу обещать, – качаю головой я, и этот ответ лишает Криса последних остатков самообладания.

Полотенце падает на пол, и вот я сижу на его коленях в чем мать родила, прижимаюсь грудью к его груди, мы уже не целуемся, а просто дышим рот в рот... Его руки проскальзывают под мои ягодицы и

приподнимают меня, сжимают меня, пересаживают ближе к той части его тела, которая явно жаждет освобождения из-под ткани его джинсов. Я чувствую его возбуждение, его голод, его жажду и схожу с ума от одной мысли, что смогу утолить их: я упиваюсь этой внезапной властью, свалившейся мне в руки, этой внезапной силой, что позволяет мне сделать мужчину, который в десять раз сильнее меня, – таким зависимым, таким нуждающимся во мне. Когда-то я горевала о том, что в нашем мире нет магии, нет волшебных палочек и заклинаний, но в этой комнате, в этой темноте, в объятиях любимого человека, – моя детская тоска по волшебству оставила меня навсегда. Зачем мне чары из сказок, если теперь мне доступна магия высшего порядка: магия телесной близости с тем, кого я люблю, магия прикосновений, магия, дарующая мне крылья, небо, космос, рай...

Мое тело больше не принадлежит мне: во мне слишком много волн, пульсации, глубины, влаги... Если он войдет в меня, то утонет. Боже храни его, потому что я – океан и во мне нет дна. Я расстегиваю его ремень, и он послушно откидывается назад, упершись сильными руками в матрас и разрешая мне это очередное посягательство. Мои пальцы замирают в нерешительности, когда я вдруг осознаю, что не знаю, что делать дальше с тем, что вот-вот выпущу на свободу. Сжать в руке, гладить, как именно? «Вернер, какая же ты... бесполезная...» – паникую я.

Крис смотрит на меня, как зачарованный, и дышит так тяжело, как будто ему прострелили легкое.

– Не останавливайся, – умоляет он.

– Что мне делать дальше? – шепчу я, охрипнув от стыда и волнения. – Как? Покажи мне...

Я расправляюсь с его бельем, и его рука направляет меня, ведет меня, дает мне первый урок в университете высшей магии...

* * *

Луна давно растаяла в предрассветных сумерках, одеяло обнимает наши тела, руки Криса так сильно пахнут жасмином, а ведь он всего лишь выжал мокрое полотенце... Наверняка жасмином пахну и я сама, с ног до головы, от кончиков пальцев до кончиков волос. Он лежит на боку и смотрит на меня, смотрит, смотрит... Одна его рука играет с прядью моих волос, другая – рисует узоры на моей обнаженной груди. Как так вышло, что всего полчаса назад я просто умирала от стыда, а сейчас лежу рядом с

ним голышом и даже не хочу прикрыться? Я нравлюсь себе – эта новая я, – взмокнувшая, усталая, свободная, как жертва кораблекрушения, выброшенная на берег. На губах – вкус его поцелуев, аромат его одеколона на моей коже, и... как же сладко, болезненно саднит между ног. Так вот как бутон превращается в цветок, как просыпаются вулканы, как куколка становится бабочкой, как вскрывают ножом устрицу, чтобы достать жемчужину...

– Я люблю тебя, – говорит мне Крис, притягивая к себе. – Я люблю тебя, а дальше – хоть небеса об землю.

– Или потоп, – бормочу я, блаженно улыбаясь.

– Или чума, – шепчет он.

– Или зомби-апокалипсис.

– Нет, зомби-апокалипсис нам не страшен, я слишком метко стреляю.

– Да, я видела. Ты уложил семерых из восьми. Промахнулся всего один раз...

– Я не промахнулся, – заулыбался, как мальчишка, Крис. – Неофрон получил двойную порцию. Я боялся, что одним выстрелом этого киборга не усыпить.

– Оке-ей, – рассмеялась я, прижимаясь к нему всем телом. – Зомби-апокалипсис вычеркиваю...

Крис заключил меня в объятия – если и существовало на земле более уютное место, то я о нем не знала, – и сказал:

– Мне страшно думать, что я мог не встретить тебя. Что мы могли не пересечься в одной точке этой Вселенной. Ты бы перебежала дорогу на долю секунды раньше, и наша машина пронеслась бы мимо, не притормаживая. Мы могли просто разминуться, представляешь?

– Не могу думать об этом тоже. Вероятно, сам ад не так страшен, как эта игра вероятностей... Как ты оказался в Киеве?

– Память Феликса вела меня к тебе. Он хотел увидеть тебя.

– Ох...

– А ты куда ты так спешила, перебегая дорогу? Ты была явно не в себе, – улыбнулся Крис.

– Это одна из величайших загадок моей жизни. Меня как будто магнитом потянуло...

И тут мои нейроны, которые все это время бились в моем мозгу над разгадкой, – вдруг сошлись воедино. Я потрясенно уставилась на Криса.

– Она не была случайностью! Наша встреча! Я почувствовала тебя там в Киеве! Почувствовала тебя и побежала к тебе наперерез!

Я не ждала, что Крис поверит мне. Слишком уж невероятно это все прозвучало. Но он внезапно притянул меня к себе и спросил:

– Хочешь послушать одну старую-престарую легенду? Она гласит, что десультор может почувствовать другого на расстоянии, если долго не контактировал с себе подобными.

– Я хочу послушать все ваши легенды, – сказала я, когда ко мне вернулся дар речи. – Одну за другой, до самого рассвета.

* * *

Спать в первую ночь – какое непозволительное расточительство. Нет и нет, только болтать, и обниматься, и забираться на него верхом, пока он немеет и млеет от такого бесстыдства, и доедать в кровати остатки ужина, и снова болтать. И выкладывать друг другу свои самые радужные мечты и самые темные тайны, зная наверняка, что они не разъединят нас, а только сблизят еще больше.

Крис рассказал мне о брате, о сути их вражды и о Катрине. Пожалуй, такого противоречивого вихря эмоций я не испытывала никогда прежде: сочувствие, жалость, бесконечная благодарность за то, что он впустил меня в свое самое сокровенное, и мучительная ревность. Это она должна была лежать на моем месте: эта удивительно красивая девушка с фотографии, ангел с восточными глазами и чешской фамилией – она, а не я... Я рассеянно водила пальцем по его груди, и в моей голове бродили черные-пречерные тучи.

– Мне кажется, что ты все-таки любил ее... По-своему.

– Если бы я любил ее, она бы не погибла.

Я приподнялась на локте.

– Надеюсь, ты со мной не потому, что боишься, что я могу вдруг лишиться рассудка и что-нибудь сделать с собой?

– Я с тобой, потому что не могу иначе.

– Хорошо, – сказала я. – Потому что, что бы ни случилось, я никогда не покончу жизнь самоубийством и хочу, чтобы ты знал это и был спокоен за меня. Я смогу нести свою долю ответственности за наши отношения и никогда не сделаю свою жизнь разменной монетой. И даже если ты однажды просто исчезнешь и по какой-то причине не простишься со мной, я...

Мне стало сложно говорить, мой рассудок просто отказывался представить себе эту ситуацию...

– Если я однажды исчезну, то найду способ вернуться, – Крис берет в ладони мое лицо. – Ведь ты дождешься меня? Скажи, что дождешься...

– Да, – закивала я, чувствуя, как глаза заволакивает слезами. – Да, да!
И, не найдя слов, более сильных, чем «да», я начала просто целовать его. Внутри меня крепло знание, что поцелуи иногда убедительней любых слов.

* * *

Когда совсем рассвело, меня наконец одолел сон, и я отключилась. Пару раз я просыпалась, вздрагивая от кошмарных видений: текущая по стеклу кровь, шагающая из окна девушка, – но Крис обнимал меня крепче, и я засыпала снова.

Меня разбудил пронзительно-яркий солнечный луч, рвущийся в комнату сквозь жалюзи. Я открыла глаза и не сразу сообразила, где я. Под потолком, свесив к полу длинные нити, покачивались красные и розовые воздушные шарики. Я села в кровати и поймала за хвост один из них – алый, как маковый лепесток. Он лениво двинулся в пространстве, наталкиваясь на своих невесомых братьев и сестер.

Криса не было рядом. Мне не хотелось звать его, нарушая тишину этого утра своим охрипшим сонным голосом, так что я просто опустила ноги на пол и попыталась встать самостоятельно. Чудеса, но боль в бедре почти прошла, и проколотые ладони даже не напомнили о себе. А ведь я даже не принимала обезболивающее! Немного припухли от поцелуев губы и ныл низ живота, но этот сорт боли я готова была испытывать ежедневно...

Я медленно покинула спальню, прошла вдоль полукруглой стены, ведя рукой по бумаге плаката: *«Если ты здесь, значит, мне больше не о чем мечтать...»* Моя любовь, не волнуйся, я подкину тебе пару идей для новой мечты...

Я завернула за угол и резко остановилась, едва не грохнувшись на пол от изумления. На мгновение меня даже захлестнула уверенность, что я все еще сплю.

Крис сидел на полу, возле распахнутой настежь двери на балкон: солнце гуляло в его взъерошенных волосах и по его восхитительной рельефной спине. А вокруг него вертелись, копошились и перелетали с места на место птицы. Дюжина, а то и больше, диких птиц, среди которых я рассмотрела дрозда, и чайку, и пару голубей. В комнату с размаху влетела еще одна птица, и я вскрикнула от неожиданности.

Крис обернулся, птицы всполошились, но не улетели.

– Иди сюда, если не боишься, – улыбнулся он.

– О боже, какое чудо, – восхитилась я, медленно переставляя ноги. – Ты что, подрабатываешь в цирке дрессировщиком?

– Ага, – с напускной серьезностью ответил он, – нечем выплачивать кредит за квартиру.

Я расхохоталась и тут же зажала себе рот, боясь распугать птиц. Я доковыляла до Криса и медленно опустилась на колени рядом с ним. На мою руку села маленькая пичужка с розовой грудкой.

– Они что, ручные?

– Нет.

– Тогда... как? Почему они не боятся?! И почему они здесь?

– Теперь ты всегда сможешь узнать десультора в толпе, – усмехнулся он. – Птицы не боятся нас. Их тянет к нам как магнитом.

– Чувствуют в вас таких же крылатых созданий, как и они сами?

– Единственное, что я знаю наверняка: если соберешься на природу – возьми с собой пару запасных футболок.

Меня стал разбирать смех.

Только сейчас я заметила, чем конкретно был занят Крис. В его руках, расправив длинные серебристые крылья, послушно лежала мелкая чайка, явно прилетевшая с озера. Крис наворачивал вокруг ее оранжевой лапки белую блестящую ленту.

– Она ранена? Что с ней?

– Она здорова. А это такая синтетическая «бумага» с вклеенным в нее датчиком. Когда она улетит, мы сможем следить за ней.

– Зачем?

Крис перевернул птицу, подбросил на руке, и она исчезла в дверном проеме, нырнув в небесную синь.

– Помнишь, я рассказывал тебе о телах-ловушках, попав в которое, десультор не может самостоятельно выбраться? Тела людей с органическими поражениями мозга, полностью парализованные люди, тела, пребывающие в коме, тела маленьких детей... Десультор будет заложником тела, пока оно не погибнет от не зависящих от него причин. И мы никак не сможем обнаружить его и помочь ему освободиться. Но его могут обнаружить...

– Птицы, – закончила я.

– Птицы, – кивнул Крис. – Если помеченных птиц будет много, то можно будет нарисовать карту их передвижений. И если программа зафиксирует необычное скопление птиц разных видов в каком-либо уголке земного шара, то мы сможем... съездить туда и посмотреть, что же их так

привлекает.

– И если этот человек окажется парализован или что-нибудь такое, то...

– То, скорее всего, это один из нас. Например... Например, мой отец.

– Что с твоим отцом? – замерла я.

– Ушел в прыжок и исчез. Все предполагают тело-ловушку, хотя вслух не говорят об этом...

Я задержала дыхание, как маленькая девочка, услышавшая от взрослого еще одну пугающую историю.

– Я хочу помочь. Это сложно?

– Что именно? Наклеивать датчики? – Крис задержал на мне взгляд, и этот взгляд полон особенной нежности. – Проще простого.

Он перевернул вверх лапками еще одну птицу, вытащил полоску-датчик из толстой пачки и протянул мне.

– Кровеносные сосуды в лапке очень тонкие, их практически невозможно пережать, но на всякий случай не затягивай датчик слишком крепко.

Я удивилась тому, как спокойно лежала в моих руках маленькая розовогрудая пташка.

– Значит, эту бумажку вот сюда... – начала было я и замолчала.

Белая полоска бумаги в моих пальцах была один в один такая же, как... Как та, на которой он написал мне записку.

– А я все жду, когда же ты заметишь.

Я повернулась к нему и встретилась с его лукавым взглядом.

– Так-так... Значит, эти штуки можно вешать не только на птичек, но и на людей?

– Конечно. Если человека не хочется терять из виду, то... почему бы нет?

Его голос стал низким и мягким, он отвел прядь волос от моего лица.

– Если честно, я написал тебе записку на датчике, потому что у меня не было под рукой бумаги. Я не собирался следить за тобой и был уверен, что ты выбросишь его сразу же, как только прочитаешь... Но ты не выбросила.

– Мне понравился твой почерк, – проворковала я.

– Тогда храни небо моего учителя по письму... Знала бы ты, сколько раз я благодарил судьбу за то, что датчик с тобой, и я могу знать, что с тобой все в порядке.

Крис притянул меня к себе, я забралась к нему на колени и уткнулась носом в его шею.

– Я положила его в пустой кулон и носила его на груди, Крис. Единственное, что мне осталось от тебя, после того, как ты уехал. И он до сих пор со мной... Хочешь посмотреть?!

Я встала, стараясь не наступить на птиц и с удовольствием отметив, что руки Криса все это время лежали не на моей талии, а гораздо... ниже, – и пошла за своей сумкой.

Кулон нашелся не сразу. Сначала мне пришлось вывалить из сумки стопку футболок, и сумочку с косметикой, и упаковку белья, и книгу Диомедеи, и полностью разрядившийся телефон...

Пока Крис вертел в руках мою любимую безделушку, которая все это время берегла внутри полоску датчика, я поставила телефон заряжаться, и... Тот затрезвонил, как чокнутый, от вороха сыплющихся в него SMS. Я скользнула пальцем по тачскрину, открыла входящие и... почувствовала, как земля уходит из-под ног.

Телефон распирало бесконечное количество сообщений от Альки, Иды и моих друзей. Они искали меня. Они думали, что меня похитили.

* * *

Я вернулась к столу на ватных ногах и медленно села. Крис протянул мне свой телефон, и я молча взяла его, зная, что денег на моем счету вряд ли хватит, чтобы расхлебать всю ту кашу, которую я заварила...

– Альхен? – загробным голосом сказала я в телефон.

– Лика? – зареванным голосом отозвалась трубка.

Я почувствовала, что Алька вот-вот расплачется. Однако в следующую секунду шепот превратился в истеричный крик:

– Вернер?! Лика?! Где ты? Лика? Это ты? Ты в порядке? Это точно ты?!

– Да... Это я... Что... что случилось?

– Ты спрашиваешь у меня, что случилось? Да ничего. Ничего особенного! Моя подруга бесследно исчезла, и от нее ни слуху ни духу уже третий день! А так все хорошо! Просто, блин, замечательно!

– Черт! – выругалась я. – Да с каких это пор ты двух дней без меня прожить не можешь?!

– Лика, я же знаю тебя. Ты никогда ничего подобного не вытворяла! Я обзвонила все места, где ты могла быть, всех друзей. Возможно, я бы не дергалась, но... ребята видели, как ты ушла с вечеринки с какой-то... цыганкой.

– Что? – охрипла я.

– Со смуглой бабой на дорогой тачке, так понятней?!

– О не-е-ет, – я повалилась на стол. – Да с чего вы взяли, что она цыганка?! И вообще! Даже если цыганка, то что?!

– Цыгане воруют детей! – прошипела Алька в трубку.

Я была на грани истерики.

– Поэтому прости, но я не могла по-другому...

И в этот момент мной завладело предчувствие чего-то жуткого. Алька извинялась! Она не извинялась почти никогда и не перед кем, но сейчас я отчетливо слышала слово «прости», вылетевшее из ее рта и застрявшее в моем ухе.

– Алекс, что ты сделала? – охрипшим голосом спросила я.

– Лика, прости. Я не могла иначе. Я обязана была сделать это...

– Что ты сделала?!

– Я рассказала матери. Она подняла на уши всех ментов в городе. И мы позвонили твоим родителям в Германию.

Мое сердце сделало бешеный скачок. Я не могла пошевелиться. Алька продолжала что-то кричать в трубку, но я уже не разбирала слов.

– Я перезвоню, – сказала я ей и нажала отбой.

Крис сел рядом, обнял меня, и я заползла к нему на руки, едва живая от ужаса. Голова налилась монотонным шумом, как перед очередным прыжком.

– Меня сейчас выбросит, – пробормотала я.

– Дыши глубоко, – Крис развернул меня к себе. – Дыши. Не закрывай глаза и старайся не смотреть в одну точку.

Я начала медленно вертеть головой по сторонам, делая глубокие вдохи, как физкультурник на разминке.

– Ты слышал?

– Да.

– Что мне делать?

– Позвони родителям.

– Мне страшно, – всхлипнула я.

– Им точно страшнее.

Я обхватила Криса за шею, прижалась к нему еще крепче и по памяти набрала номер отца.

Тот голос, который ответил мне, был так мало похож на голос папы. По моим щекам потекли слезы.

– Папа, это я! И со мной все хорошо! Папа!

Он молчал. Сначала раздался резкий вдох, как будто кто-то где-то проколол шину, а потом сдавленный всхлип. Я представила, как он стоит, прислонившись лбом к стене, вцепившись в телефон, и плачет – и сама зарыдала еще сильнее.

– Где ты? Ты в порядке? Тебя не похитили? – он отчаянно пытался взять себя в руки.

– Я в полном порядке. Я в...

Я посмотрела на Криса, он понял мой молчаливый вопрос и кивнул.

– Я в Швейцарии.

– Где?! – по еще одному тяжелому выдоху я догадалась, что папа рухнул в кресло... Надеюсь, в кресло, а не на пол!

– В Швейцарии, – сдавленным голосом повторила я.

– Какого черта ты там забыла, Лика?! Какого черта?!

– Я не могу сейчас рассказать, но я в полном поряд...

– Господи милосердный! Я думал, что ты взрослая, ответственная девушка, а оказалось... Мы думали, что потеряли тебя! Так же, как Феликса! Ты понимаешь, о чем я? Понимаешь? Ты хотя бы примерно представляешь себе, что такое потерять второго ребенка и последнего?

Слезы лились из моих глаз ручьями. Я поняла, что тонкие стоны, доносящиеся до меня сквозь рокот папиного голоса, – это плач Анны.

– Немедленно марш оттуда! – рявкнул папа. – Немедленно! Или лучше мне приехать за тобой?

– Нет!

– У тебя есть деньги? Ты сможешь сама сесть на самолет?!

У меня не было сил спорить или возражать.

– Да, у меня есть деньги. Да, я смогу... Куда лететь-то? В Симферополь? В Хайдельберг?

– Мы с Анной собирались сегодня вылететь в Симферополь, но сейчас будем возвращать билеты. Прилетай в Маннхайм, я встречу тебя... Тебя точно не похитили?! С какого номера ты звонишь, и почему он засекречен?

– Я звоню из автомата, – буркнула я. – Если что, звони на мой мобильный, он теперь включен.

Я медленно отложила трубку, спрятала лицо у Криса на груди и разрыдалась. Меня как будто за ноги выдернули из того головокружительного, волшебного рая, обретенного этой ночью. Выдернули за ноги и, пригрозив кнутом, потребовали срочно вернуться в

реальность.

– Я так сильно напортачила, Крис... Как еще никогда в жизни. Я перепугала их всех до смерти...

Даже не предстоящее разбирательство с родителями и Алькиной мамашей пугало меня сильнее всего, а разлука с Крисом. Мир, в который он впустил меня, вдруг показался таким хрупким и иллюзорным. Где-то внутри меня распустило скользкие щупальца ощущение, что если я уеду, то, вполне возможно, больше никогда не увижу ни его самого, ни его братьев и сестер. И даже если мне удастся вернуться сюда на поиски, то я не найду ни маленького аэропорта у подножия Альп, ни ресторана, в котором мы обедали, ни клиники, ни этого многоэтажного дома, под самой крышей которого находился пентхаус Криса.

– Боже, – все, что смогла сказать я, полностью раздавленная этими жуткими мыслями. Я очнулась от легкого звона тарелки о поверхность стеклянного стола.

– Поешь, хорошо?

Передо мной дымились два горячих сэндвича с расплавленным рокфором, на каждом из которых лежало красное сердечко, вырезанное из помидора. Я посмотрела на эти сердечки, и слезы хлынули наружу с новой силой.

– Эй... – Крис сел рядом и стер слезы с моих щек. – Это всего лишь недоразумение, окей? Ты уехала и была слишком занята другими... э-э-э... делами, чтобы вспомнить о том, что надо бы предупредить кого-то о своем отъезде. Так случается. Ты же не сделала это специально, понимаешь? Не произошло ничего страшного. Родителям, конечно, пришлось туго, но, представь, какое облегчение они испытывают теперь... Тебе надо поесть, давай.

Я попыталась взять себя в руки. Мысль о том, что я совсем непривлекательна с зареванным красным лицом и опухшими глазами, пришлась как нельзя кстати.

– Ты подбросишь меня до аэропорта? – спросила я и в следующую секунду сообразила, что сказала что-то не то.

Кровь отхлынула от лица Криса. Мне показалось, что он даже перестал дышать на какое-то время.

– Почему ты так смотришь на меня? – растерялась я.

– Я спишу это на последствие шока, – покачал головой он, словно прогоняя не самые приятные мысли.

– Я надеюсь, у тебя сегодня нет важных дел...

– О небо, Лика! – взорвался он. – Ты предлагаешь мне посадить тебя

на самолет, повесить сумку тебе на плечо и отправить черт знает куда расхлебывать кашу, которая вообще-то заварилась благодаря мне? Ты всерьез считаешь, что я настолько невменяем, что отпущу тебя, едва стоящую на ногах, куда бы то ни было?

Я открыла рот, слушая эту божественную истерику. *«Господи, если он не прекратит, то я просто сойду с ума от счастья...»*

– Никаких самолетов. Я имею в виду никаких коммерческих пассажирских самолетов. Через два часа будет готов самолет Уайдбека, и мы полетим в чертов Хайдельберг или куда скажешь. Через час будем там. Но это все случится, только если ты поешь, в противном случае даже не надейся выйти из этой квартиры.

– Ты поедешь со мной? – потрясенно прошептала я.

– Да. Я больше никуда тебя не отпущу.

Крис стоял передо мной, как какое-то прекрасное разгневанное божество, с которым лучше не шутить, и смотрел на меня так сосредоточенно, что я могла бы различить свое отражение в его зрачках. Я сползла со стула, подошла к нему и обняла. Его руки сомкнулись за моей спиной, его губы припали к моему рту, напоминая мне обо всем, что было ночью.

– Когда Кор увез тебя, я чуть не свихнулся. Если с тобой снова что-то случится...

– Со мной ничего не случится, – зашептала ему я, мешая слова с поцелуями.

– Даже слушать не хочу.

– Нет, правда... Я знаю, что у тебя сейчас полно дел. Я съезжу, объяснюсь с родителями, улажу все это и вернусь. Моему состоянию точно ничто не угрожает...

– Дело не только в твоем состоянии, – сказал он.

– Вот как... – Я заморгала в растерянности. – А в чем еще?

– Кажется, пришло время закончить то, что не удалось закончить с первой попытки.

Я качнулась на месте.

– Ты хочешь, чтобы я... привела к ним тебя? Ты правда хочешь этого? Вернуть Анне сына?

– Я так понимаю, это единственный способ показать им, где и с кем проводит дни и ночи их дочь, и одновременно избавить от любых страхов и возражений.

– Крис... – выдохнула я потрясенно. – Ты хочешь рассказать им, что мы... В общем...

– Что мы вместе.

Дар речи покинул меня. Я сидела на стуле и улыбалась, как пришибленная.

– Папа будет в шоке.

– Почему? Феликс уже... повзрослел, изменился в лучшую сторону и теперь знает, что делать со своей жизнью... – Я уловила горькую нотку в его голосе.

– И ничего страшного, если мы не скажем им всю правду?

– Думаю, да.

Мы были похожи на двух заговорщиков, которые только что зарыли труп в саду и теперь готовились к даче показаний, но я решительно отогнала эти мысли. Если бы это было в моих силах – вернуть Феликса в этот мир, я бы сделала это, невзирая на то, каким он был. Я бы сделала это не задумываясь, будь у меня такой дар. Но такого дара у меня не было. Все, что я могла, – хранить добрые воспоминания о нем и заботиться о его матери – и с этими задачами я собиралась справиться на отлично.

– А теперь ешь, – было приказано мне.

Я придвинула к себе тарелку с сэндвичами, на которых по-прежнему лежали розовые помидорные сердечки.

– Я люблю тебя, – пробормотала я, откусывая большой кусок.

– Не говори с набитым ртом.

* * *

Крис вел машину к аэропорту. Я сидела рядом с книгой, подаренной Диомедеей, и перелистывала страницы. И тут увидела стихотворение, которое мгновенно узнала: «Птицеликий, разворачивай крылья...» – то самое, которое Дио в шутку заставляла меня разучивать, когда мы мчали из Милана в Лугано. Ох, как же давно это было, кажется, что целую вечность тому назад!

– Что ты читаешь?

Я откашлялась и вместо ответа начала выразительно декламировать вслух:

– Птицеликий, разворачивай крылья – перо к перу, как лепесток к лепестку, лови восходящий поток, пропитанный влагой и пылью. Пусть наша жизнь будет подобна буре, чистой и сильной, пусть воздух будет сладок и свеж, пусть твое сердце поет, как перо на ветру...

Я замолчала, ожидая от Криса смешка или шутливого комплимента.

Но он только молчал и блаженно улыбался, как кот, получивший порцию сливок.

– Это Диомедея тебя научила?

– Ага. И, судя по номеру страницы, это ее любимое.

– Я так и думал. Кто как не она. И... она рассказала, что это такое?

– Что за стихотворение? Понятия не имею... Но оно такое красивое...

Крис бросил на меня искрящийся весельем взгляд.

– Это слова древнего брачного обета, которые в моей семье произносят при бракосочетании девушки своему будущему мужу.

Нет. О, нет-нет-нет... Я почувствовала, как мое лицо начинает пылать.

– Черт, – пробормотала я, чувствуя себя последней идиоткой. – Вот черт, мне так неловко...

– Мне понравилось, – сказал Крис, накрывая ладонью мое колено. Полк мурашек ринулся вверх по моей спине – то ли от его прикосновения, то ли от его слов.

– Если я прочитаю тебе мужскую часть обета, тебе станет менее неловко?

– Ох... – все, что смогла ответить я, краснея еще сильнее.

Внутри меня сцепились в мертвой хватке смущение, любопытство и желание запустить Диомедею в голову что-нибудь тяжелое.

И тогда, не дожидаясь, пока я приду в себя после этой выходки, Крис начал читать мне стихи древнего обета. Перед нами разворачивалась пепельно-серая лента дороги, полуденное солнце слепило глаза, его пальцы переплелись с моими пальцами. Я чувствовала, что в эту минуту между нами происходит нечто особенное – невидимое, но четко осязаемое, как электричество. Я смотрела на своего возлюбленного, откинув голову на подголовник кресла, слушала его голос и ощущала в себе столько силы, света и невесомости, что рядом со мной, пожалуй, померк бы любой ангел, соизволь он спуститься с небес и сесть со мной рядом.

– Ты тоже чувствуешь это? – вдруг спросил Крис.

– Как будто сейчас взлечу? – улыбнулась я.

– Именно.

– Это крылья людей, Крис. Это любовь.

Он приложил мою ладонь к губам. На горизонте начали вырисовываться белые здания аэропорта.

Эпилог

Я сидела в зале ожидания аэропорта Уайдбека и разговаривала с отцом по телефону. Он немного поостыл и теперь вполне был расположен к разговору. Крис куда-то вышел, но обещал скоро вернуться.

– Какого печенья тебе хочется? – буркнул в трубку отец. – Аня хочет испечь что-то к твоему приезду.

– Никакого, – отказалась я.

– А придется хоть какое-то захотеть, Лика, – строго сказал папа. – Ей нужно успокоиться, пусть месит это чертово тесто.

– Ха-ха, – не удержалась я. – Ну ладно, имбирное.

– Где я раздобуду тебе тут имбирь? Придется оббегать все супермаркеты.

– То, что надо, – побегаешь, успокоишься.

Отец замолчал, я догадалась, что он улыбается тоже.

– Пап, мне очень жаль, что так вышло... Прости еще раз, – вздохнула я.

– Прощаю, дочка... Но я еще потребую внятных объяснений, и лучше бы тебе рассказать мне все от начала и до конца.

– Я попробую. И... Папа, я приеду не одна, – тихо сказала я, прижимая трубку к уху плечом и вытирая о подол платья вспотевшие ладони. – Дальше слушай внимательно. Я приеду с человеком, увидев которого, Анна может снова заработать сердечный приступ.

– Тогда к черту этого человека, Лика, оставь там, где взяла, – буркнул отец.

Я рассмеялась еще громче, встала с кресла и начала наворачивать круги по залу ожидания.

– Я не шучу... Папа... Я приеду с Феликсом. Он жив и здоров.

Снова затяжная мертвая тишина на том конце провода.

– Тысяча чертей... Что делать? – наконец спросил папа. – Тройную дозу успокоительного Ане?

– Да. И знаешь что? Я думаю, лучше сообщить ей заранее – до того, как она увидит его. Подумай, как сделать это... без риска.

– Лика, знаешь что? Здесь недалеко от моей лаборатории есть небольшая клиника, нам всем можно встретиться на ее территории. Если с Аней что-то случится, то ее мигом... – он охрип и не стал продолжать.

– Отлично, – кивнула я.

- Заодно взглянешь на местную достопримечательность.
- Да хоть сто достопримечательностей... Лишь бы все получилось!
- Ты такого еще не видела. Один из парализованных пациентов как

магнитом притягивает к себе птиц. Те бьются о стекло его палаты день и ночь, а если проникают внутрь, то сидят на его кровати и не улетают... Если клиника начнет брать по одному евро за каждого желающего на это взглянуть, то через год сможет открыть новое отделение!

Я прижимаю руку ко рту и на ватных ногах опускаюсь в кресло...

Боже мой, это десультор. Возможно, даже отец Криса! Я распрощалась с отцом и двинулась к открытому окну. Мне нужно срочно глотнуть свежего воздуха! Нам будет что отпраздновать в Хайдельберге, любимый... Я улыбаюсь, глядя в небо, подернутое белой дымкой, и... отшатываюсь от окна. На подоконник, прямо передо мной, обдав меня волной воздуха, приземляется большая хищная птица. Ястреб? Коршун?

Пестрые крылья и грудь, янтарь внимательных глаз, острый изогнутый клюв. Она переминается с ноги на ногу, когти царапают подоконник.

За всю свою жизнь я не видела подобной красоты так близко. Интерес побеждает страх, и я вытягиваю к ястребу руку. Даже если он съест мой палец, я хочу попробовать погладить его. Медленно, сантиметр за сантиметром... О боги, птица склоняет передо мной голову и подставляет мне затылок, как котенок. Я прикасаюсь к ее голове, чешу спинку, трогаю крыло. Никакого страха, никакого сопротивления! Я берусь за кончик ее крыла и расправляю его, как веер. С ума сойти, какая красота...

– Лика.

Я оборачиваюсь. В дверях стоит Крис с двумя большими стаканами кофе.

– Крис, посмотри, кто прилетел со мной познакомиться. Да он совсем ручной...

Мой любимый стоит в дверях и не двигается с места.

– Наденем ему на лапу маячок? Ты у нас модный парень, да? Будешь носить браслетик, – воркую я. – Крис?

Тот резко ставит два стакана на стол, подходит ко мне, спихивает птицу с подоконника и закрывает окно. Птица расправляет крылья и несется прочь...

– Что ты... Зачем? Он был такой...

– Лика, – Крис разворачивает меня к себе и судорожно сжимает в объятиях. И в этом объятии чудится готовность защитить меня от любой опасности, от всего мира. Он охрип от волнения, я не вижу его лица, но он точно не в порядке...

– Ох... Это что-то значит, да? – доходит до меня.

– Птицы раньше интересовались тобой? – отстраняется он, взволнованно заглядывая мне в глаза.

– Нет. Ну разве что... Мне на руку села ласточка два месяца назад. Сразу после твоего отъезда.

– Черт, – выдыхает Крис и, прибавив к «черту» еще парочку итальянских ругательств, прижимает к губам мои ладони.

– Что это все значит?

Теперь мыслями Крис находится где угодно, только не здесь. Наконец он открывает глаза снова, и в них больше нет отчаяния и напряжения. В них только странное, яркое, теплое сияние, как будто ему в голову пришло неожиданное решение всех проблем.

– Это значит, что я тебя никуда не отпущу. Вот что это значит.

– Как будто я собираюсь сбежать, – закатываю глаза я. – О чем ты вообще?

– Расскажу после того, как объяснимся с твоими родителями. Будем решать проблемы по мере их поступления.

– Ах да! – я хлопаю себя по лбу. – Знаешь, что мне только что сказал папа по телефону?!

Я набираю побольше воздуха в легкие и выкладываю Крису все, что только что слышала от отца. Но тот слушает меня вполуха. Кивает невпопад. Ловит мой взгляд. Не выпускает мою ладонь...

– Птица – это плохой знак, да?

– Потом, – говорит мне он. – Самолет почти готов. Идем?

На улице тихо и ясно. Небо куполом, солнце слепит глаза. Посреди взлетного поля стоит красивый частный самолет с эмблемой Уайдбека на борту: золотая птица, раскинувшая крылья. У трапа нас встречает стюардесса в бело-черно-золотом костюме: шикарная длинноволосая шатенка с огромными темно-кариыми глазами и роскошно подведенными стрелками, за ней – парочка секьюрити в солнечных очках и строгих костюмах, тут же женщина-пилот и ее напарник.

Все здороваются с Крисом по-итальянски, пожимают руки, смотрят на меня с теплой улыбкой.

– Лика, – он представляет меня экипажу. – La mia futura moglie^[55].

Я киваю, сияя улыбкой направо и налево. Экипаж горячо приветствует меня – слишком горячо для постороннего человека. Стюардесса протягивает мне руку, как старой доброй знакомой. Я растрогана таким необыкновенным вниманием.

– Ла-миа что? – переспрашиваю я Крису, когда мы поднимаемся по

трапу.

– Ля-миа-футура-молле. Вольный перевод «Подайте нам фруктов и молока». Надеюсь, ты не откажешься от молока?

– Обожаю молоко, – дурачусь в ответ я. – День прожит зря, если не выпью стаканчик.

– Я так и знал, – ворчит он. – Поэтому у нас будет самое лучшее молоко во всей Швейцарии.

– Жду не дождусь, – подыгрываю ему я.

– Дело за малым, – заговорщицки шепчет мне Крис. – Дата и время.

– Все, я сдаюсь! – хохочу я. – Ты о чем вообще?

Вместо ответа он притягивает меня к себе и жадно, жарко целует. Мы останавливаемся на самом верху трапа и ловим последние лучи солнца перед отлетом. Крис дает отдых моим губам и принимается ставить поцелуи на моей шее. Мне щекотно, весело и просто безумно хорошо. Я откидываю голову и бросаю взгляд в высоту. Над нами, высоко-высоко, в гиацинтово-синем небе кружит, широко расправив крылья, птица...

Любимый мой, я не представляю, что будет завтра, я не знаю, как долго мы будем парить на этих безумных крыльях, задыхаясь от страсти и восторга, понятия не имею, через что нам еще предстоит пройти... Но ты должен знать кое-что. Я люблю тебя, а там хоть небеса об землю.

Благодарности

Огромное, невообразимых размеров СПАСИБО:

Моему мужу, чья забота и поддержка помогли мне закончить начатое. Который стоически терпел, пока я витала в параллельной реальности, разговаривала сама с собой, выдумывая диалоги, и проводила большую часть времени с несуществующими людьми. :) Твои комментарии и критика были бесценны – даже те, которые вызывали у меня желание бросить в тебя что-нибудь тяжелое. Кроме того, ты был отличным учебником по мужской психологии и поведению, который помог мне написать часть книги от имени парня и не облажаться при этом (надеюсь)!

Моим дочерям, которые соглашались на холодные макароны и отсутствие сказки по вечерам, когда у их мамы не было времени на горячий ужин и чтение... Я клянусь, что исправлюсь! Кто же знал, что у вас появится еще одна сестра – бумажная, – которая окажется такой требовательной?!:)

Моим замечательным родным. Мама, уж этим летом я точно приеду в гости! Уайдбек и десульторы больше не держат меня в плену.

Моей группе поддержки в «ЖЖ» и «ВКонтакте»! Знаете что? Без вас эта история провела бы пятьдесят лет в пыли ящика стола, а потом ее достали бы внуки и отправили на растопку камина в гостиной. Ваши комментарии, правки, замечания и даже просто недовольное бурчание были самым лучшим топливом для моей мотивации. Это время, проведенное с вами, эти бессонные ночи в паблике – все это останется в моем сердце. Потому что с этого все началось, а начало никогда не забывается, будь то первый поцелуй, первое похмелье или первая книга!

Моему редактору Тате Анастасян за то, что не прошла мимо и увидела нечто особенное в этой книге. Как Белый Кролик привел Алису в Страну чудес, так и ты привела меня в волшебный мир АСТ! Если нужно будет покрасить розы или сыграть в крокет – ты только скажи!:)

Группе Bring Me The Horizon. Вот уже столько лет вы – моя

сумасшедшая, татуированная, хриплоголосая муза. Если бы не вы, в этой книге было бы куда меньше динамичных сцен и, не исключая, к концу первой части читатели бы уже громко храпели. А так все остались без сна, хо-хо!

И наконец, спасибо от чистого сердца издательству АСТ, которое дало мне шанс! Пожалуй, я им с огромным удовольствием воспользуюсь!!!

Кристина Старк, Дублин, сентябрь 2015

notes

Примечания

Infragilis et tenera (*лат.*) – «несокрушимая и нежная», – *здесь и далее прим. автора.*

Мое тело – клетка, не позволяющая мне Танцевать с тем, кого я люблю.

Но мой разум держит ключ (*англ.*).

Японский модельер.

4

Меня зовут Стефан (*нем.*).

Dura lex, sed lex (*лат.*) – «Закон суров, но это закон».

Здравствуй и прощай (*лат.*).

Аэропорт в Милане.

Изабелла, пожалуйста! (нем.)

Evian: будь молодым! (*англ.*) – рекламный слоган минеральной воды Evian.

Влюбленные – безумные (*лат.*).

Вы говорите, что это самоубийство?

А я говорю, что это война, где я проигрываю битву.

Вот что вы называете любовью?

Это война, которую я не могу выиграть! (*англ.*)

Молитва «Отче Наш» (*ит.*).

Малыш (*ut.*).

«О боже...» (ит.).

Безумие (*лат.*).

Frater (*лат.*) – брат.

Приветствую! (*лат.*)

Сестра (*лат.*).

Гора в Швейцарии.

Подружка (*фр.*).

Wide back (*англ.*) – широкая спина.

Сорт индийского чая.

Chief executive officer (*англ.*) – генеральный директор.

Телохрани́тель (*ит.*).

Собачий бог! (*ит.*)

Заповедник на северо-востоке Чехии.

Саке – традиционный японский алкогольный напиток.

Ритуальное слово, произносимое японцами перед едой.

Кяфир – неверный (*арабск.*). Имеются в виду люди, исповедующие другую (не мусульманскую) религию.

Закон (*лат.*).

Silentium (*лат.*) – тишина.

До свидання, Фелікс. Возвращайся! (укр.).

Жидкость (англ.).

Волк (*греч.*).

В этой боли нет ничего неправильного, ничего, ничего... (*ит.*)

Одно из самых знаменитых произведений И. С. Баха.

Пекан – близкий родственник грецкого ореха; по вкусу они похожи, но ядра пекана немного мягче и нежнее.

Демон в женском обличим, соблазняющий мужчин.

Было темно, я была на пределе,

Пока ты не поцеловал и не спас меня... (*англ.*) – текст песни певицы Адель.

Мусульманский священнослужитель.

Длинное мужское платье в арабских странах.

Яд, используемый аборигенами Южной Америки для стрел.

Мятежный цветок (*фр.*).

Жребий брошен (*лат.*).

Любовь побеждает все (*лат.*)

Я могу летать, но мне нужны его крылья.
Я могу сиять в темноте, но жажду света, который он несет.
Упиваться песнями, которые он поет,
Мой ангел Габриэль... (англ.)

Я хочу найти орлиное гнездо,
Возьми меня с собой.
Я ждала этого всю жизнь, я готова.
Мысли о нем не оставляют меня, я не спала всю ночь,
Говорят, я сошла с ума,
Но я хочу увидеть небо таким,
Каким его видишь ты (англ.).

Что, моя красавица? (*ит.*)

Руки прочь! (нем.)

Успокойся, пташка, и не дергайся, иначе мне придется поворошить твои перышки (нем.).

Вы говорите по-немецки? (*нем.*)

Да, мадам (нем.).

В германо-скандинавской мифологии волшебный молот бога Тора.

Я так не думаю (*англ.*).

Моя будущая жена (*ит.*).